

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Хрестоматия

Составитель

*доктор философских наук,
профессор Е. Б. Шестопал*

3-е издание,

исправленное и дополненное

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2011

УДК 316.6(876.6)

ББК 88.5я7-3

П50

Научные редакторы

Т. В. Есипова, Т. Н. Пизова

Авторы

*Били Р. К., Динист М., Есипова Т. В., Егорова-Гантман Е. В.,
Зорев А. Л., Зорин В. А., Каарбо Д., Кендрак Т., Кеминг К. Ф.,
Кислякова Ю. Н., Крайслер Э., Крислов С., Мансрут Е., Матвиенко О. Ю.,
Мельникова С. М., Минусова И. Ю., Могачева О. А., Пестерова С. В.,
Склянский Д. В., Пизова Т. Н., Престипова Л. А., Ротманский Н. М.,
Ротман Д., Саватова А. В., Стратен В. Э., Тарно-Дурна Дж.,
Уайлендрейб У., Уинтер Д. Дж., Уилер С. Дж., Фейлман С.,
Херманн М. Дж., Шифер М., Шестонак Е. Б.*

Переводчики

*О. Крайник, Э. Гизатова, В. Зорин, Т. Пизова,
Н. Росоларо-Колмакова, А. Саватова, Н. Шаломасова*

Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е. Б. Шестонак. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 402 с.

ISBN 978-5-7567-8590-4

Новое издание хрестоматии дает представление не только о зарубежной, но и об отечественной политической психологии. Состав авторов, составлено, не пренебрегает ни политикой, ни по персональному составу, ни по географии представительства, но позволяет судить о новых течениях в отечественной политической психологии.

Представленные работы отражают также тематические приоритеты кафедры социологии и психологии политик факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. Отличительной особенностью данного издания является расширение раздела по методологии и методам политической психологии, а также включение трудов, посвященных тематике политического восприятия.

Для студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих политическую и психологическую науки.

УДК 316.6(876.6)

ББК 88.5я7-3

ISBN 978-5-7567-8590-4

© Коллектив авторов, 2011

© Оформление. ЗАО Издательство
«Аспект Пресс», 2011

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

Содержание

Предисловие составителя	5
-------------------------------	---

Раздел I

ПРЕДМЕТ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Уинтер Д. Дж.</i> Анализ истоков политики: основные определения в условиях подсчета	7
<i>Шафер М., Крикору С.</i> Спорнодискуссионный взгляд Вилли Клингтона	19
<i>Камриб Д., Билли Р. К.</i> Практическое руководство по сравнительному методу сам-анализа в политической психологии	34
<i>Шестоваль Е. В.</i> Сравнительный анализ возможностей глубинных анализов, тестов и дискуссионных методов в исследовании личностей российских политиков	58
<i>Романовский Н. М.</i> Оценка субъекта психоаналитического портретирования	83

Раздел II

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

<i>Ольженицкий Д. В.</i> Психология массовых политических настроений	98
<i>Медведева С. М.</i> Проблемы политического стереотипа в зарубежной политической психологии	116
<i>Федина С.</i> Ценности, идеология и структура политических установок	132
<i>Малыгина О. Ю.</i> Конфликт идеологии и восприятие вариантов-символического пространства политики	168
<i>Степанова А. В.</i> Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России	179
<i>Беленькая Т. В.</i> Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России	189

Раздел III

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИКЕ

<i>Уинтер Д. Дж., Херман М. Дж., Уайнтрауб У., Уинтер С. Дж.</i> Дистантно изучение личностей Буша и Горбачева: процедуры, портреты, политика	206
<i>Уинтер Д. Дж., Херман М. Дж., Уайнтрауб У., Уинтер С. Дж.</i> Дистантно изучение личностей Буша и Горбачева: развитие предсказаний	237

<i>Торри-Нурма Дж.</i> Политическая социализация подростков в транснациональном контексте: международное исследование в духе Нэнси Стенфорда	243
<i>Ворон А. Л., Мельникова О. А.</i> Теория политической социализации в условиях трансформации политических систем	259
<i>Прохорова Л. А.</i> Российские паттерны семейной социализации и их влияние на политические ориентации граждан	269
<i>Степанов Н. Э.</i> Влияние мотивационного профиля президента на исполнение политической роли: сравнительный анализ Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева	286
<i>Зорин В. А.</i> Проблемы восприятия образа политика в контексте изучения его личности	300

Раздел IV ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

<i>Масару К.</i> Политические институты: формирование и управление	311
<i>Егорова-Гантман Е., Киселева Ю., Митусова Н.</i> Восприятие власти. Поиск новых образов	352
<i>Шестомов Е. В.</i> Образы лидеров в массовом сознании	356
<i>Джонс М., Криклер Э.</i> Создание образов лидеров: на примере Клинтона и Уотергейта	373
<i>Павлова Т. Н.</i> «Образы будущего» в массовом сознании накануне выборов 2007–2008 годов	392
<i>Пестерова С. Я.</i> Визуальные и вербальные характеристики образов власти	401
<i>Киселева Ю. Ф., Родина Л., Кендрик Т.</i> Президентская френономантия: языковые образы, языковые восприятия	413
<i>Содетан об авторах</i>	431

Предисловие составителя

Новое издание «Хрестоматия по политической психологии» представляет собой коллекцию важных, на наш взгляд, текстов по данной дисциплине. При этом каждое из предшествующих изданий играло свою роль. Первое вышло в 2002 г. и включало переводы новейших на тот момент статей из профессионального журнала Международной ассоциации политических психологов *ISPP* — «*Political Psychology*», малоизвестного для широкого читателя. Отечественная политическая психология тогда остро нуждалась в знакомстве с зарубежными трудами, прежде всего в сфере методологии и методов исследования. Та первая хрестоматия во многом удовлетворяла этот голод и до сих пор не потеряла своего значения. Но время давно разошлось и она практически недоступна для студентов.

Второе издание, вышедшее в 2007 г., наряду с переводными включило ряд работ отечественных авторов, разработывавших новые темы современной политико-психологической теории. Как показывает опыт преподавания с использованием «Хрестоматия», кое-чего в предыдущем издании не хватало (прежде всего работ по методологии и методам исследования), другие же работы (например, труды классиков — Фрейда, Бестерева, Чулкова и др.) стали вполне доступными, и их не обязательно собирать под одной обложкой и включать в «Хрестоматия». В последнее издание учебника по политической психологии⁸ была включена новая глава о развитии отечественной политической психологии, которая даст более глубокое представление о тех авторах, которые были отцами-основателями нашей профессии. Поэтому мы также сочли возможным убрать из хрестоматия ряд текстов.

Представляя читателям третье издание, сразу хочу, что из первых двух изданий в ней сохранилось лишь несколько текстов. Развитие политической психологии в нашей стране идет быстрыми темпами, и за прошедшие годы в отечественной политической психологии сделано много нового и интересного. Поэтому в данный выпуск хрестоматия мы включили материалы, которые представляют не только зарубежную, но и отечественную политическую психологию. Состав авторов, как современных, так и их предшественников, естественно, не претендует на полноту ни по персональному составу, ни по географии представительства. Но по нему можно судить о важнейших направлениях развития нашей дисциплины.

Представленные работы отражают тематические приоритеты в исследованиях кафедры социологии и психологии политики факультета

⁸ Шестаков Е. Е. Политическая психология. Учебник. М.: Аспект Пресс, 2010.

политологии МГУ имени М. В. Ломоносова и позволяют судить о некоторых новых течениях в отечественной политической психологии.

Структура хрестоматии соответствует структуре программы курса политической психологии, которая была принята УМО по политологии. В ней выделены три основных раздела: 1) предмет, история и методология политической психологии, 2) политико-психологические феномены в массовом сознании и 3) психологический анализ личности в политике. В рамках этих разделов читатель найдет и отечественные и зарубежные работы, сгруппированные по проблемному принципу. Наряду с этими разделами выделен еще один раздел, посвященный проблематике политического восприятия. За прошедшее десятилетие только на нашей кафедре вышло более десятка монографий, посвященных восприятию власти, государства, наций, лидеров. Эта проблематика широко обсуждается в современной политической науке и политической практике.

Хрестоматия представляет третье издание учебника по политической психологии, который тоже вышел в издательстве «Аспект Пресс».

Е. Б. Шенюков

Раздел I

ПРЕДМЕТ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Д. Дж. Нантер

Анализ мотивов политиков: основные определения и условия подсчета*

Выражение мотива: мотив достижения

Мотив достижения засчитывается при любом проявлении стремления к высокому личному, организационному и мастерскому и выражается пятью разными формами, представленными ниже.

1. Употребление прилагательных, с помощью которых дается положительная оценка деятельности, — «хороший», «лучше» или «лучший». *«Она хотела иметь лучший результат».*

«Наше правительство должно лучше выражать идеалы».

Нередко, однако, слово «лучший» не означает оценку работы, как во фразе «лучший выбор», так же как «хороший» в смысле «морально хороший». В таких случаях слово не засчитывается.

2. Упоминание цели или действия, описание которых предполагает положительную оценку.

Например, оценка работы как «трудной» или даже «тщательная» засчитывается только тогда, когда связь между тяжелой работой, тщательностью и превосходным качеством исполнения очевидна. Сама по себе тяжелая работа только предполагает беспокойство о задаче, а не о результате. Это можно было назвать «мотивом задачи», а не мотивом достижения. Таким образом, мотив достижения засчитывается только тогда, когда трудная работа (или другая характеристика работы) означает хорошую работу.

* *Winer D. Manual for scoring motive imagery in naming test. Version 4.2. Michigan University Press, 1967.* Данный текст представляет собой описание методики по выявлению мотивов политиков по его текстам. Эта методика широко применяется в политической психологии не только в США, но и в нашей стране. В частности в работах В. Зорина, Э. Голубева, Н. Рогачева-Калашников и других исследователей личности политиков. — *Драм. текст.*

«Хирург должен был работать быстро, без ошибок. (Скорость и точность подразумеваются быть хорошим хирургом.)

«Наша компания процветала и развивалась».

«У нашей компании было достаточно сил, чтобы достичь славы и успеха в данной местности». (Здесь выносливость означает мастерство.)

«Прогресс» и «экономический рост» как цели предполагают наличие высшего качества и превосходства, поэтому считаются как цели достижения.

Не считаются:

«Автомобиль человека сломался, и он провёл долгое время, пытаясь его отремонтировать». (Много времени, затраченного на работу, не обязательно является показателем хорошей или эффективной работы.)

«Мы долго работали, чтобы создать эту программу».

3. Упоминание победы или соревнования с другими, только если победа является отражением превосходства и мастерства, а не чистой агрессии или власти:

«В последние годы мы поддерживали более высокий темп роста, чем другие страны».

4. Указание на неудачу, явное неисполнение работы и любое другое, свидетельствующее об отсутствии желаемого результата, в том случае, когда выражается некоторая печаль, беспокойство или любые отрицательные чувства по поводу препятствия на пути достижения цели.

«Она была расстроена тем, что вторая победа позволила ей прийти к этому».

«Каждому гражданину должно быть стыдно оттого, что наша страна находилась только на втором месте».

5. Упоминание уникального достижения — любого действия или цели, которое является беспрецедентным, новым, необычным или интeрeдным:

«Она победила лекарство от рака».

«Наше общество было первым, объединившим демократию и свободу».

Проблемы при подсчете нашего достижения. Содержание текста, относящееся к прошлым или настоящим «мечтам», «идеям» или устремлениям, должно быть внимательно рассмотрено. Простая ссылка на слово «мечта», без дополнительного подтверждения о наличии достижения, не считается.

«Мы пытались реализовать нашу возрастающую мечту». (Не считается, содержание мечты не установлено, а «возрастающей» не обязательно указывает на превосходство.)

«Наша фирма привнесла с собой мечты, которые мы до сих пор реализуем». (Не считается, неопределенное содержание.)

«Я мечтаю о возрождении этого университета». (Засчитывается, «возрождение» предполагает улучшение.)

«В те времена на один день не уходил из наших рук». (Засчитывается, так как прошлые воспоминания включают в себя слово «прят», которое подразумевает успех в соревновании и превосходство.)

Обидающие примеры. Следующие примеры засчитываются как мотивы достижения:

«Она выиграла колледж с высоким рейтингом».

«Мы не можем быть счастливы без продолжения вперед».

«Не может быть более благоприятной и честливой работы, чем создание справедливого и мирного общества». («Справедливый» и «мирный» предполагают «лучший», что указывает на стандарт превосходства.)

«Наша страна может быть лучшей».

«Мы нуждаемся в революционной политике, которая будет эффективно справляться с проблемами». («Революционная» предполагает уникальность; «эффективно» — стандарт мастерства.)

Следующие примеры *не* засчитываются как мотивы достижения:

«Он плохо себя знает, так как не занимается». (Не засчитано, так как нет признака отрицательной эмоции или намерения добиться большего успеха.)

«Это время для изменений». (Никакого упоминания об усовершенствовании или изменении к лучшему.)

«Открыты, которые мы знаем, должны быть получены открыто и честно». (Открытость и честность — не обязательно указывают на улучшение; «более открыто и честно» было бы засчитано.)

Мотив аффилиации

Мотив аффилиации связан с установлением, сохранением и возобновлением дружеских отношений, созданием благоприятного климата и получением одобрения. Простой связи или даже совместных действий недостаточно; должны присутствовать дружеские чувства.

1. **Выражение положительных, дружественных или сокровенных чувств в отношении других людей, наших и т.д.** Использование таких слов, как «друг», «дружба», «любовь» или «связь», почти всегда засчитывается, если только теплые чувства не отрицаются и не опровергаются.

Упоминание «единения» в случае, если люди, группа или нация являются тесно связанными друг с другом:

«Два величайших товарища рады видеть друг друга».

«Мы желаем, чтобы наша страна подружилась».

Обидающие двоякие выражения, такие как «товарищ», «брат» или «сестра», используемые при обращении к другому человеку, не засчитываются, если используются официально, без проявления признаков близости, единения или теплых чувств. Точно так же как слова «союз-

ние» или «союшники», однако «хорошие союшники», «близкий» союзник» засчитываются как показатель аффилиативных проявлений.

2. Сожаление или иное негативное чувство, вызванное расставанием и прекращением дружеских отношений и желанием их восстановить (грусть, одиночество). Слово «одиночество» обычно засчитывается, так как оно выражает негативное чувство по поводу отсутствия друзей.

«Ему стало грустно, когда все друг ушел на конкурс».

«Я расстроился по поводу отмены моего выступления, так как это представляло интересное для меня событие».

3. Аффилиативное, дружеское **приветствование** — встречи, встречи и другие социальные события, сопровождающиеся признаками дружественной, аффилиативной близости.

«Мир» среди людей или людей засчитывается, если присутствуют теплые, эмоциональные чувства, стремление обнять людей или сохранить хорошие отношения (вместо простого прощания или отсутствия войны). Таким образом, словосочетание «погода ради мира» само по себе не засчитывается.

«После обеда все вместе сидели, болтали и смеялись».

«Мы будем радоваться ради мира во всем мире».

Смысл на «хорошие отношения» или «счастливые отношения» между людьми засчитывается, но упоминается о «правильных отношениях» или «нормальных отношениях» без последующих аффилиативных подтверждений не засчитывается. Слова приветствия не засчитываются, если использованы формально.

«Добра пожелания в новую страну». (Не засчитано.)

«Добра пожелания в новую страну, дорогой брат». (Засчитано.)

«Добра пожелания в новую страну; мы надеемся, что Вы будете чувствовать себя как дома». (Засчитано.)

4. Дружественные акты заботы, такие как помощь, утешение, сочувствующее беспокойство и т.д., только если ради приветствия или сочувствия, а не исключительно из обязанности. Помощь, которая упоминается как один из элементов в длинном списке неоффилиативных целей, или помощь, которая действительно вызывает только восхищение, не засчитывается. Такие добрые дела часто засчитываются как метки власти.

Примеры при подходе к меткам аффилиации. В политических речах или документах аффилиативные речевые обычно менее очевидны, таким образом, необходимо быть готовым к более тонким проявлениям признаков теплоты, единения или дружеской активности.

Обирующие примеры. Следующие примеры засчитываются как метки аффилиации:

«Они были лояльны и преданы».

«Я прошу, чтобы Вы присоединились ко мне».

«Во время моего отсутствия предельно высокие заработки и дорожно-железные времена».

«Наше правительство должно быть сентиментальным».

«Она хотела сделать своему мужу подарок на его день рождения».
(Даже если подарок на день рождения — обязательство, ее «сентиментальность» делает это явно аффилированным мотивом.)

«Если мы несправедливы, я уверен, что мы сможем уладить наши разногласия». (Противоположные отчуждения.)

«Правительство должно быть поставлено на службу людей, особенно бедные женщины, мужчины и дети». (Акт заботы.)

Следующие примеры не считаются как мотивы аффилиации:

«Мы должны предоставлять работу трудящимся и укреплять семью, которая является фундаментом нашего общества». (Почтенное проявление теплоты и заботы.)

«Спасаясь сохранить мир, мы должны быть жестки при войне».

«Мы должны работать с ней с целью создания бизнеса». (Рутинно, никакой теплоты или аффилированного подтекста.)

Мотив власти

Мотив власти засчитывается в том случае, когда человек, группа, учреждение, страна и др. оказывают влияние, контроль или воздействие на другого человека, группу, учреждение, страну или мир в целом. Бить восточные основные формы властных образцов:

1. Действия, которые по своей природе оказывают воздействие и влияние на других людей или мир в целом, такие как нападение, угроза, обман, предложение, оскорбление, запугивание и т.д., например:

«Мы однозначно можем избавиться от него».

«Предоставляем вниманию распространения миссии».

«Корпорация использовала свою монополию власти, чтобы заставить конкурентов».

Совершенно обычные, каждодневные действия не считаются (например, когда учитель преподает или военный отдает приказ). Однако рутинные действия могут быть засчитаны, если степень их воздействия на других явно возрастает и развивается, как в следующем примере:

«Я предлагаю новую политику (обычный акт слова), которая преобразует жизни людей» (мотив власти).

Слово «противодействие» не обязательно засчитывается как мотив власти, так как может означать попытку автора избежать воздействия других, а не оказывать влияние. Однако фраза «противодействовать репутации» выражает стремление автора к влиянию и поэтому засчитывается как мотив власти.

Вообще бесприличие по поводу автономии или сопротивление любому вмешательству и т.д. не засчитывается, если нет дополнительного свидетельства о заинтересованности во влиянии. Таким образом, «мы не признаем вмешательство в наши дела» не засчитывается, но «мы обязательно будем сопротивляться любому вмешательству» засчитывается, потому что сопротивление предполагает наличие воздействия на других.

2. **Контроль или регулирование**, особенно через сбор информации или проверку других. Совершенно обычные или безличные действия (контроль и проверка для школы, чем людей) не засчитываются, например: «Техник просвечивает рентгеновскими лучами стальную балку». (Этот осмотр является безличным.)

Засчитывается:

«Мы пытаемся определить, нуждается ли она в материальной помощи».

«Доктор к этому практическому должно быть тщательно обучен».

3. Попытки оказывать влияние, убеждать, отстаивать свою точку зрения, спорить и т.д. с целью воздействия на других, а не достижения соглашения или аннулирования несогласия. Такие слова, как «лидер» или даже «прислужник», не обязательно засчитываются, если нет фактического лидерства или воздействия.

«Мать Хорлойд пытается заинтересовать ее автономизацией».

«Мы пытаемся убедить его в значимости перестройки».

«Я буду отстаивать эти меры в законодательном собрании».

4. **Оказание помощи, поддержки, стремление давать советы в ситуациях**, когда это неостребовано другой стороной в явной форме.

И конкретная помощь, и более общая поддержка засчитываются, если подразумеваются забота и помощь. (Помощь может также быть засчитана как мотив аффилиации, если это вызывает теплоту или близость.) Иногда «помощь» означает совместное действие, как в «помочь папе сделать работу по дому», вместо воздействия, как в «помочь папе, делая работу за него».

Обучение также засчитывается, если только это не совершение обычных рутинных дел (например, учитель в обычной школьной ситуации).

«Она дает совет менеджеру».

«Он учитывает сырову».

«Поставка оружия» может означать деловую сделку и не будет засчитана как мотив власти без дальнейшего признака воздействия, но «предоставление оружия для помощи» засчитывается. «Поддержка» в смысле конкретной помощи засчитывается; но «поддержка» в смысле простого соглашения с политикой — нет. Помощь, совет или поддержка по просьбе не засчитываются, однако если помощь оказана, а воздействие продол-

жесты по инициативе помощника, то это является проявлением мотива власти.

3. Стремление произвести впечатление на весь мир, ориентация на славу, престиж, репутацию или упоминаемость.

Субъективное удовольствие от собственной славы или престижа или расстройство по поводу извещения или потери престижа, так же как упреки, направленные на преодоление потери престижа, засчитываются.

«Он должен выглядеть ученым и образованным».

«К сожалению, наш национальный престиж является чрезвычайно низким».

«Делая этот шаг, мы произойдем на нас неслыханное впечатление».

6. Любая сильная эмоциональная (позитивная или негативная) реакция на действия другого лица, группы, нации и т.д.

Действие должно быть намеренным (не случайным), но эмоциональный эффект не должен быть намеренным, таким образом, несчастные случаи, стихийные бедствия и т.п. не засчитываются.

«Страна ищет лидеров, которые смогут помочь народу перейти в новую жизнь».

«После речи юные запутанные охотились наутро».

Чтобы образы были засчитаны как мотивы власти, эмоциональные эффекты не должны быть внимательными и дружескими. Человек, действия которого создают эмоциональное воздействие, не должен в то же самое время быть под влиянием других людей. Таким образом, когда два человека одновременно оказывают друг на друга дружеское и эмоциональное влияние, мотив власти не засчитывается.

Четыре проблемы, возникающие при подсчете мотива власти

При выделении мотивов власти необходимо быть особенно осторожным.

1. Власть как способность или власть как влияние. Слова «власть» и «сила» иногда используются как «возможность» и «способность», в таких случаях мотив власти не засчитывается. Например:

«У него не было достаточной доказательственной силы».

«Она потеряла дар речи».

«Эта философия означает отрицание и основного источника нашей национальной силы».

Эти образы не засчитаны, потому что внимание уделено внутренним способностям вместо внешнего эффекта. С другой стороны, следующий пример засчитывается, потому что провозглашение внутренней силы явно связано с внешним престижем:

«Он упрям и наивен упрямый у себя на родине (не засчитано) но-васял много коллегам в лагере» (засчитано).

2. Власть или достижение. Каково различие между мотивами власти и достижения? Иногда оба мотива могут встретиться вместе, но они

континуально отличаются и не должны быть спутаны. Вызывать что-то превосходно — это не то же самое, что оказывать воздействие и стремиться к prestasi. С этой точки зрения «Постройте лучшую мышеловку...» — мотив достижения, а то время как «...и мир приложит путь к Вашему дому!» — мотив власти. Другой пример: «Если мы сделаем все, на что способны (мотив достижения), то будем утонять в славе» (мотив власти).

Сравнение с другим человеком, страной и т.д. может рассматриваться как мотив достижения или власти или *оба* мотива вместе. Таким образом, фраза «Мы можем гордиться тем, что кампания прошла успешно и что победил лучший кандидат» предполагает наличие превосходства и мастерства и засчитывается как мотив достижения; но «Мы будем гордиться тем, что борьба велась достойно и мы победили с честью» засчитывается как мотив власти.

3. Слово *great* (великий, большой, превосходный, классный) нередко представляет проблему для оценки. Необходимо тщательно изучить контекст. Когда слово используется, чтобы описать высокое качество исполнения, это — мотив достижения, но если в контексте упоминается или подразумевается известность, слава или общественное внимание, то это — мотив власти. Таким образом, простая фраза «Это великая страна» обычно засчитывается как мотив достижения, но «Тысячи людей наблюдают за превосходным исполнением» будет засчитана как мотив власти. Точно так же слова «свежая» или «важная» могут быть засчитаны так или иначе, в зависимости от контекста. «Важное открытие» является достижением, но «важный человек» предполагает prestasi и власть.

4. Власть в обычных политических контекстах. Некоторые действия, которые могли бы означать власть для обычного человека, не засчитываются как мотив власти, если они являются совершенно обычными (для политиков, например). Так, политический деятель, произносящий речь, в которой он должен объявить о своей кандидатуре, и говорящий: «Я объявляю о своей кандидатуре» или законодатель: «Я вношу законопроект на рассмотрение» или «Мы примем закон», эти фразы не засчитываются как мотив власти. В этом контексте они являются рутинными. Однако с доминантным акцентом на воздействие или влияние мотив власти засчитывается, как в следующем примере: «Я буду бороться за назначение вплоть до последнего дебата».

Общие примеры. Следующие примеры засчитываются как мотивы власти:

«Она потребовала личную встречу с самим королем».

«Мы должны продемонстрировать другим народам в мире, чтобы они не использовали нас в свои интересы, и силой отстаивать свои права». (Любая часть фразы засчитывается.)

«Как премьер-министр она предоставляет людям возможность гордиться своим правительством». («Гордость» — сильная эмоция.)

«Представьте себе человека безработицу, чтобы бороться с инфляцией». («Борьба» предполагает действие вне зависимости от экономической политики.)

«Два человека высвободили тюрьму, которая является самым экономичным дулом». (Широко распространенное общественное воздействие.)

«Она идеально умеет послушать и анализировать».

Следующие примеры не считаются как мотивы власти:

«Чтение писем Витторио графа является суррогатом силы». (Касается внутренней силы.)

«Я проведу в районе провинциальной кампания». (Обычное действие для кандидата.)

«Джон пришел последним и был растерзан». (Беспокойство — мотив достижения; если бы Джон был оскорблен или унижен, то был бы засчитан мотив власти.)

Руководство по использованию системы подсчета мотивов в письменных текстах

1. Предложение может быть засчитано *только однажды* как образ любого мотива, хотя оно может быть засчитано два раза или более в разными мотивами.

2. Если образы того же самого мотива обнаруживаются в двух отдельных, но последовательных предложениях, то он может быть засчитан только один раз. Если, однако, этот же мотив есть и в третьем последовательном предложении, то он может быть засчитан в первом и третьем предложениях и т.д. (Вы должны придерживаться этого правила независимо от изменения длины предложения.)

3. Однако если тот же самый мотив появляется не раз — в том же самом предложении или в двух последовательных предложениях, то они считаются образам другого мотива, то они оба могут быть засчитаны. Фактически два одинаковых мотива в одном и том же предложении, которые разделены другим мотивом, могут быть засчитаны. (Последователи, которые интересуются только одним мотивом, должны выделить все мотивы.)

4. В интервью каждый отдельный вопрос и ответ составляет отдельный текст. Таким образом, последнее предложение одного ответа и первое предложение следующего ответа могут быть использованы для подсчета одного и того же мотива, только если вопрос или комментарий другого человека разделяют их.

(В общем, два одинаковых мотива могут быть засчитаны, если между ними находится другой мотив, предложение, вопрос интервьюера, новый текст.)

5. При подсчете мотивов и при определении длины текста в интервью следующие виды высказываний необходимо игнорировать:

«Пожалуйста, прокомментируйте вопрос».

«Согласен, я не рассказывал Вас».

«Без комментариев».

«Я думаю, что я уже ответил на это».

6. В расшифрованных стенограммах, основанных на интервью, ответов на вопросы теста ТАТ пауза, показанная словом «пауза» или многоточием (...), может означать конец предложения, если она соответствует концу предложения как единое мысля, т.е. может быть заменена точкой. Многоточие или пауза не могут быть заменены точкой, если они встречаются в середине предложения, т.е. если при замене их точкой получится лишь часть предложения.

Пример

«Возможно, она хотела что-то... (пауза) я не знаю, возможно, она хотела часы во время экскурсии». (Пауза находится в конце подобной предложению единицы и поэтому может быть заменена точкой.)

«Возможно, он любит... Я не знаю, возможно, дружит или кого-то». (Здесь многоточие находится в середине подобной предложению единицы и поэтому не может быть заменено точкой.)

В целом подсчет мотивов производится с расчетом на 1000 слов (например, на тысячу слов было обнаружено 78 мотивов власти, значит, окончательный результат мотива власти будет $78/1000 = 0,08$). Вы можете вычислять отдельно мотивы для различных стенограмм в диалоге, различным тем или частей одной и той же речи и т.д.

Примеры из психиатрических текстов

«Я счастлива объявить о своей кандидатуре. Я хочу рассказать Вам, почему я участвую в предвыборной кампании и почему я прошу Вас принять участие вместе со мной». (Аффил.)

«Та Америка, которая борется (Власть) только в справедливых войнах — я поддерживаю... где непрерывный экономический рост — наше естественное наследие». (Достиж.)

«Цена, которую мы платим за мир и благо, за большую войну, подвиги наши люди не из-за конкуренции, но из-за того, что несколько человек владеют большой политической мощью...» (Власть) *«Республиканская стратегия состоит в том, чтобы бороться с инфляцией, оставить людей без работы».* (Власть) *«Но это не решила проблему безработицы, выжвлив рабочих и женщин страдать и мучиться...»* (Власть) (Мотив власти — засчитывается одно или три предложения.)

«Стратегия правительства была нам худшая депрессия начиная с Гурберта Хувера». (Достиж. — в этом контексте означает стабильность по поводу того, чтобы сделать лучше.)

«Президентство не должно заниматься в те вопросы, которые люди и семьи могут решить сами для себя. Но оно должно (власть) защищать те пространства, в которых люди могут оставаться действительно свободными и автономными. (Аффил., слово «минимизировать» — по возможности.)

«Я построил против централизованной, жесткой, безразличной бюрократии, я требую, чтобы бороться с такой бюрократией в бизнесе, в качестве главы местного Совета, и позже — в Вашингтоне и на дипломатической службе. (Власть.) «И мы создали наиболее демократические государственные предприятия в современной правительственной истории». (Дэвид.)

«Балоратуно комбинируя правительственные ресурсы и регулирование, мы сможем управлять самыми сложными процессами в экономической жизни. (Власть.)

«Суть моей философии — неосведомленные, неосведомленные с основными источниками нашей национальной силы. (Аффил.) Дискриминация рабочих в оплате должна быть остановлена. (Власть.) Мы проводимся в гибкой календарной планной работе, чтобы разрешить родителям, отцам и матерям заниматься в своих делах. (Аффил.) Наконец, мы должны перестроить нашу жизнь, налоги, чтобы минимизировать (власть) самым жестким образом». (Аффил. — засчитываются все мотивы, так как они чередуются.)

«В современном мире формируются социальные существования — первоначально условия человеческого существования — и, возможно, любого существования вообще». (Аффил. — засчитывается только один из них, так как в одном тексте один и тот же мотив проявляется в двух последовательных предложениях.)

«Мы можем лучше (дэвид.) бороться (власть) за нашу свободу, в которую мы верим, а».

«Мы развиваем близкие отношения (аффил.) с родственными режимами в Южной Африке, ЦРУ безопасно сохраняет правительство (власть) на границах... Ранее могут быть сомнения у наших бывших друзей (аффил.) по поводу того, что наша ценность изменится?»

«Наш подход состоит в том, чтобы переосмыслить роль правительства. (Власть). Первый шаг — это принять на себя обязательство перед социальным существованием». (Аффил.)

«Мы были когда-то социальным идеологом, потому что социальны идеалы, которые существовали и потрясли мир. (Власть.) Мы можем быть социальным идеологом снова».

«У нас есть все, чтобы достичь наших целей; у нас есть люди и ресурсы — лучшие люди и богатые природные ресурсы, у нас есть самые сильные политические, религиозные и философские традиции;

у нас есть все, в чем мы нуждаемся сегодня... но нет лидерства. (Достиж.)

«Цель современного лидерства в том, чтобы выигнать другие стороны человеческой сущности». (Достиж.)

«Поскольку американские люди — самые активные участники (достиж.), мы можем лучше (достиж.) бороться (власть) за нашу свободу». (Засчитываются первый и третий мотивы достижения или второй и четвертый.)

«То, в чем мы нуждаемся, — это сплоченность (аффил.), высокие (достиж.) востановленные цели (достиж.) и обязательства по отношению друг к другу». (Аффил. — засчитываются все три мотива.)

«Современная жизнь требует большого количественного крушения, даже в лучшем свои времена». (Не засчитывается как мотив достижения, так как «лучшее» не дает оценки деятельности.)

Перевод Н. Ротшильд-Калмановой

Операциональный код Билла Клинтона*

Основной вопрос данного исследования: есть ли существенные различия между измеренными личностными характеристиками лидера, основанными на спонтанных заявлениях и подготовленных? Чтобы ответить на этот вопрос, мы использовали пример Билла Клинтона в качестве теста. Измерения установок внешнеполитических диспозиций были осуществлены в соответствии с процедурами качественного теста «Глаголы и контекстной системе» (*Verbs in Context system*) [VICS; Walker, Schafer & Young, 1998]. В качестве исходного материала использовались как спонтанные, так и подготовленные комментарии. Для проверки статистических различий между двумя сериями измерений и их изменений во времени использовался дисперсионный анализ (ANOVA). Затем путем дескриптивного анализа оценивалось, насколько хорошо каждый набор индикаторов отражает предполагаемые изменения в predispositions президента, обусловленные произошедшими основными международными событиями.

Метод

Формулы VICS созданы для измерения predispositions политических лидеров в области внешней политики. Хотя операциональный код обычно представляют как когнитивный конструкт, по крайней мере один из индексов VICS — вера лидера в его способность контролировать события — рассматривался в другом исследовании как личностная характеристика [Schafer, 1999], и можно привести ряд разумных аргументов в пользу того, что другие индексы также представляют измерения личности.

Для этого исследования мы отобрали семь индикаторов операционального кода; мы утверждаем, что четыре из них являются когнитивными элементами операционального кода и три — личностными измерениями кода. Первые два философских индекса — сущность политической реальности (P-1) и реализация политических ценностей (P-2) — представляют восприятие лидером того, насколько согласованна и конфликтна политическая реальность: они по существу являются совокупностями знаний лидера о других.

Первые два инструментальных индекса — подход к цели (I-1) и достижение целей (I-2) — являются совокупностями знаний лидера о том, насколько согласованна и конфликтна должна быть его собственная лич-

* Schafer M., Crookson S. Bill Clinton's operational code: Assessing source material. *Ann N Political Psychology*. 2000. Vol. 11. No 1. P. 538-570.

ность, следовательно, они отображают два философских индекса, но фокусируют внимание на собственной личности, а не на других. Остальные индексы в исследовании раскрывают основные личностные характеристики: контроль над историческим развитием (P-4), роль случая (P-2) и ориентацию на риск (β-3).

В целом индексы, которые мы определяли как когнитивные, раскрывают содержание публичных замечаний лидера, особенно содержание согласия — конфликта. Индексы, обозначенные нами как черты личности, наоборот, не несут в себе специфичного содержания, скорее имеют дело с лингвистическими образами, подобными тем, которые мы находим в других направлениях, изучающих черты лидера (см.: Hart, 1984; Непман, 1980; Weinbach, 1986).

В этом исследовании объектом сравнений являлся президент Билл Клинтон. Мы случайно выбрали 20 спонтанных и 19 подготовленных высказываний, которые президент сделал в течение своего первого срока на посту (Clinton, 1993, 1994, 1995, 1996). В соответствии с процедурой кодирования каждое высказывание должно было содержать не менее 1500 слов. В случае со спонтанными заявлениями пять наборов замечаний были отобраны для каждого года за период с 1993 по 1996 г.

В случае же подготовленных заявлений 3 подборки замечаний были выбраны в период с 1993–1996 гг., в 1993 г. и три подборки — в 1994 г. Когда эти заявления были собраны, каждое было закодировано в соответствии с протоколом FCS. Чтобы убедиться в точности кодирования, два обученных кодировщика проверяли работу друг друга путем перекодирования массовых случайно взятых из 10 наборов замечаний. Это позволило получить высокую достоверности перекрестного кодирования, равную 0,92.

Статистические результаты

Мы начали анализ данных с поиска различий в величинах индексов в зависимости от источников (подготовленных заявления в сравнении со спонтанными). Мы также стремились определить, существовали ли различия между источниками в одной или в обеих психологических сферах (когнитивные установки и черты личности). Так как мы не нашли никакого априорного теоретического обоснования, чтобы выдвинуть содержательные гипотезы по поводу любого индекса или набора индексов, *по умолчанию H₀ / априорно нулевая: не существует никаких различий в операционном коде лидера, представленном подготовленными и спонтанными публичными заявлениями.*

Мы использовали статистическую процедуру ANOVA, чтобы проверить эту гипотезу для семи индексов. Результаты представлены в табл. 1. Взгляд на обе подборки индексов показывает, что начальная гипотеза потерпела опустошительное поражение; различия между двумя измерениями

ми операционального кода поразительны. Пять из семи индексов значительно отличаются в зависимости от типа источника, а остальные различия приближаются к значимым.

Таблица 1

Тесты ANOVA, исследующие различия между измерениями операционального кода, основанными на спонтанных и подготовленных заявлениях

Индекс	Средние показатели индекса		Результаты	
	спонтан- ные (n = 25)	подго- товленные (n = 19)	F(37,1)	p
Когнитивные индексы				
P-1 Сущность политической реальности	0.16	0.30	2.19	0.15
P-2 Реализация политических ценностей	0.13	0.31	3.79	0.06
I-1 Подход к целям	0.60	0.74	7.28	0.01
I-2 Достижение целей	0.43	0.52	4.36	0.04
Индексы «арт-факторы»				
P-4 Контроль над историческим развитием	0.67	0.67	7.68	0.01
P-5 Роль случая	0.66	0.65	1.30	0.26
I-3 Ориентация на риск	0.15	0.20	4.13	0.05

Всё четыре когнитивных индикатора, основанных на подготовленном материале, показывают Клинтон более готовым к сотрудничеству по сравнению с их аналогами, полученными из спонтанных заявлений. В своих подготовленных замечаниях Клинтон представляет политическую реальность как умеренно солидарную ($m = 0.30$); он также умеренно оптимистичен по поводу перспектив достижения своих политических целей (P-2, $m = 0.31$).

Между тем, когда он говорит о политическом мире более спонтанно, эти цифры заметно снижаются (P-1, $m = 0.16$; P-2, $m = 0.13$). Разница в индексах P-1 достигает значимости при $p = 0.15$, в то время как разница в индексах P-2 значима на уровне $p = 0.06$. Схожим образом дело обстоит и с двумя первыми инструментальными индексами. Стратегический подход Клинтон (I-1) и его тактическая ориентация (I-2) более солидарны в его подготовленных высказываниях, чем в его спонтанных заявлениях (I-1, 0.74 vs 0.60; I-2, 0.52 vs 0.43), и обе эти разницы статистически значимы ($p = 0.01$ и $p = 0.04$ соответственно). В отношении когнитивных элементов операционального кода Клинтон существует

четкое различие между его подготовленными и спонтанными заявлениями; спонтанный Клинтон значительно менее солидарен.

Две из трех черт личности в лице Клинтона также демонстрируют значительные различия, основанные на источнике заявления. Вера Клинтона в его способность контролировать события (Р-4) значительно выше, когда измеряется на основе спонтанных заявлений (0,57 vs 0,67, $p = 0,009$). Подобная ориентация Клинтона на риск выше (большое неприятие риска), когда она измеряется по спонтанным заявлениям (0,20 vs 0,15, $p = 0,05$). Мы не обнаружили, однако, никаких различий в его представлении о роли случая (Р-5) в зависимости от двух типов заявлений. Эти результаты ставят под вопрос взаимосвязанность двух источников заявлений данного лидера, и эта проблема затрагивает как когнитивные, так и личностные его измерения. На основе только этих данных мы не можем утверждать определенно, что вызывает эти различия. Мы предполагаем, однако, что эти различия связаны с самим процессом синхронизации. Возможно, имиджеобразы в акулы пера предает большее значение более солидарной риторике, таким образом описывая президента в более дружелюбных терминах.

Мы также исследовали природу временных изменений в данных для каждого из двух видов заявлений. Так как мы собрали заявления из каждого типа источника для каждого года первого президентского срока Клинтона, то могли провести отдельные процедуры ANOVA для каждого типа, используя год выступления в качестве переменной.

Так как подготовленные выступления — это запланированные формы коммуникации, на них влияют советники, и, возможно, они созданы синхронизаторами и модификаторами, то мы ожидали обнаружить большую временную стабильность в подготовленных выступлениях по сравнению со спонтанными заявлениями. Процесс написания речей, вероятно, имеет «сглаживающий эффект», который минимизирует значимые изменения, что ведет нас к гипотезе № 2: в подготовленных заявлениях лидера будет меньше временных изменений, чем в спонтанных комментариях.

С другой стороны, мы ожидали, что Билл Клинтон во время своего пребывания в Вашингтоне будет вовлечен в процесс личного личного обучения. Он пришел в Вашингтон как новичок, не знакомый с процессами внешней политики. Мы ожидали, что это обучение проявится в изменениях во времени его операционального кода. Эта тенденция должна была бы стать явной в его спонтанных заявлениях, где сглаживающий эффект менее вероятен. Так как обучение — не в основном когнитивный конструкт, мы ожидали обнаружить эти тенденции прежде всего в его когнитивных индикаторах, отсюда гипотеза № 3: в спонтанных заявлениях лидера будут временные сдвиги, которые обусловлены обучением в ходе президентского срока, что в особенности будет заметно по когнитивным индикаторам лидера.

Наконец, мы ожидали обнаружить относительную стабильность черт личности Клинтона в обоих типах заявлений. В отличие от когнитивных установок, которые могут быть субъектом изменений в обучении, черты личности, как правило, рассматриваются психологами как относительно константные¹. Это ведет нас к гипотезе № 4: черты личности лидера не должны обновляться каждый год.

Результаты ANOVA относительно этих трех гипотез показаны в табл. 2 (подготовленные заявления) и в табл. 3 (спонтанные заявления). Гипотеза № 2 находит существенное подтверждение. Фактически нет ежегодных изменений в показателях операционального кода Клинтона относительно любых индикаторов, когда эти показатели получены на материал подготовленных выступлений. Стабильность по всем индексам — как когнитивным, так и личностным, очень заметна (табл. 2). Общественный образ Клинтона в 1996 г., как он выступает в его подготовленных текстах, практически не отличается от Клинтона 1993 г.; то же можно сказать и обо всех рассматриваемых годах.

Таблица 2

ANOVA-исследования временных единиц в измерениях операционального кода, основанные на подготовленных заявлениях

Индекс	Средние показатели индексов				Результаты	
	1993	1994	1995	1996	F(15,3)	p
<i>Когнитивные индексы</i>						
P-1 Сущность политической реальности	0,28	0,41	0,27	0,30	0,11	0,95
P-2 Реализация политических ценностей	0,36	0,38	0,36	0,34	0,15	0,93
I-1 Подход к целям	0,74	0,74	0,77	0,71	0,19	0,93
I-2 Достижение целей	0,55	0,48	0,55	0,55	0,38	0,84
<i>Индексы черт личности</i>						
P-3 Контроль над историческим развитием	0,63	0,55	0,59	0,58	0,85	0,49
P-6 Роль слушателя	0,85	0,84	0,84	0,88	0,32	0,80
I-3 Ориентация на риск	0,19	0,21	0,26	0,26	0,11	0,95

Гипотезы № 3 и 4 также, в общем, подтверждены данными. В полном контрасте с измерениями, основанными на подготовленных заявлениях, спонтанный операциональный код Клинтон показывает ежегодные перемены в трех когнитивных индикаторах из четырех (табл. 3). Ожидая, что он действительно учился, используя свою роль президента, и был чувствителен к изменению стимулов среды. Для двух философских когнитивных индикаторов, отражающих его представления о конфликте —

Таблица 3

ANOVA-исследования временных сдвигов в измерениях операционального кода, основанных на спонтанных заявлениях

Индекс	Средние показатели индексов				Результаты	
	1993	1994	1995	1996	F(15,3)	p
<i>Когнитивные индексы</i>						
P-1 Сущность политической реальности	0,10	0,15	-0,05	0,42	3,29	0,06
P-2 Реальность политических ценностей	0,25	0,15	-0,12	0,25	3,41	0,04
I-1 Подход к цели	0,45	0,58	0,70	0,70	2,22	0,13
I-2 Достижения цели	0,39	0,43	0,45	0,48	0,19	0,90
<i>Индексы черт личности</i>						
P-4 Контроль над историческим развитием	0,69	0,71	0,68	0,61	1,31	0,30
P-5 Роль случая	0,88	0,88	0,88	0,89	0,22	0,88
I-3 Ориентация на риск	0,12	0,15	0,18	0,18	0,75	0,54

согласия в политической реальности (P-1 и P-2), наиболее сильные изменения (значимые на уровне $p = 0,05$) имели место в 1995–1996 гг. В случае с обоими индексами его представления в другие были гораздо более конфликтными в 1995 г. и гораздо более солидарными в 1996 г. Напомним, что в 1995 г. Клинтон впервые столкнулся с контролирующими республиканцами Сенатом и Палатой представителей. Именно в этом году он встретился с самыми сильными политическими вызовами его первого президентского срока, включая отстранение федерального правительства от дебатов с республиканцами по бюджету. В 1996 г., однако, многое изменилось. Дебаты по бюджету были закончены в начале года, и республиканцы заняли куда более дружественную позицию по отношению к президенту. Личный операциональный код Клинтон точно фиксирует эти изменения.

Мы также видим доказательство обучения в одном из двух когнитивных инструментальных индексов, но пример здесь несколько другой: в стратегическом подходе Клинтон к политике (I-1) готовность к сотрудничеству повышалась в течение каждого из первых трех лет на посту президента и затем стабилизировалась на высоком уровне (эта разница достигает статистической значимости при $p = 0,13$). Если мы сравним эти показатели индекса с теми, которые были получены на основе подготовленных заявлений, мы увидим доказательство другой интересной тенденции. В 1993 г. показатели Клинтон по индексу I-1 на осно-

ве спонтанных высказываний были намного ниже, чем его показатели по подготовленным заявлениям (0,45 vs 0,71). Однако к 1996 г. индикатор его спонтанного операционального кода изменился и начал отражать его подготовленный операциональный код (0,7 vs 0,71). Мы не можем определить, почему такой сдвиг имел место, но у нас есть два предположения: оба связаны с обучением. Во-первых, возможно, Клинтон со временем научился тому, что в большей степени ориентированный на сотрудничество подход к политике выгоден с точки зрения повышения уровня общественного одобрения или более эффективного достижения своих политических целей. Второе возможное объяснение состоит в том, что Клинтон в своих спонтанных заявлениях просто научился лучше подражать публичным позициям и риторике, которые были отражены в его подготовленных выступлениях.

Обращаясь теперь к индикаторам черт личности в спонтанных заявлениях Клинтона, мы, как и ожидалось, фактически не наблюдаем никаких ежегодных изменений ни в одном из трех индикаторов (см. табл. 3). Если бы эти индикаторы были регулятором обучения и адаптации, как это было выше описано в случае с когнитивными индикаторами, мы могли бы ожидать появления изменений, которые объясняли бы Клинтон спонтанного с Клинтон подготовленным. Однако по этим индикаторам никакие тенденции обучения не видны. Напротив, общий вывод в отношении трех индикаторов черт личности состоит в том, что в случае Клинтона они не подвержены сдвигам и изменениям. Несмотря на изменение стимулов среды, они, по-видимому, не являются индикаторами относительно постоянных предраспостей. Другое исследование выявило подобную стабильность в еще одной психологической характеристике Клинтона — интегративной сложности, которая у большинства лидеров изменяется и регулируется со временем и в ответ на изменение условий [Suedfeld & Wallace, 1995]. Таким образом, стабильность сама по себе может считаться чертой личности Клинтона.

До сих пор мы говорили о том, что существуют значительные различия между измеренными операционального кода Клинтона в зависимости от источника материала, который был использован. Вдобавок на основе временных сдвигов в операциональных кодах мы предварительно предположили, что спонтанные заявления президента лучше отражают его основные когнитивные predispositions, потому что показывают тенденции обучения. Наконец, из этих данных становится ясно, что его основные личностные характеристики в среднем достаточно стабильны. До сих пор анализируемые данные, однако, не дают окончательного ответа на вопрос о превосходстве использования спонтанных высказаний для получения операциональных кодов. Например, мы обнаружили различия между публичными и частными операциональными кодами Клинтона с точки зрения личностных черт, но внутри каждого типа высказаний мы выявили

существенную цельность. Мы, как и те, кто изучал черты личности до нас [Netemann, 1988, 1984; Weinstraub, 1986], продолжаем предполагать, что спонтанные заявления, вероятно, более «правильные», но до сих пор данные нам говорят только о том, что есть различия двух типов материалов. Поэтому мы решили взглянуть на данные иначе и в другом ключе, пытаюсь пролить свет на эти загадки.

Хотя черты личности продолжительновали существенную преемственность от года к году, другие исследователи обнаруживали, что они могут изменяться в связи с определенными обстоятельствами [Netemann 1974, 1988; Raskin, Thompson & Chenier, 1980; Schacter, 1999].

Для нас было сюрпризом то, что черты Клинтона каждый год «усредняются» и выпадают очень близкими к его чертам прошлого года. Но есть ли различия в конкретно-ситуационных значениях этих характеристик? Чтобы ответить на этот вопрос, мы разработали хронологический список важных международных событий, имеющих место в течение первого президентского срока Клинтона. Исходя из обстоятельства определенной ситуации, мы выдвигали конкретные гипотезы относительно ожидаемых сдвигов операционального кода Клинтона на основании изменения одной речи или презентации, произошедшего в то время. Это объективно или еще один критерий «эффективности» подготовленных и спонтанных материалов, а также индикаторов когнитивной сферы и личностных черт. Если измерения достоверны, то они должны изменяться во время этих событий в направлении, соответствующем гипотезе.

Тем не менее мы призываем к осторожности при интерпретации сведений, описываемых выше, по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, метод требует, чтобы мы учитывали не средний показатель индекса, а скорее идосинкратическое измерение индекса в любой момент времени. Это требует нам разрабатывать доверительные интервалы для этого измерения и, таким образом, препятствует статистическому анализу. Во-вторых, предполагаемые сдвиги, основанные на ситуационных ожиданиях, весьма субъективны. Мы не стремимся применить никаких измерительных техник к ситуациям самим по себе, так что нам остается описывать количественные индикаторы и субъективные интерпретации событий. К тому же нам недостает любого типа формального или неформального контроля над побочными переменными; мы не можем измерить другие факторы, которые могли влиять на общественный и личный операциональные коды президента в то время².

Описательные результаты

Чтобы выжить, отражает ли каждый набор измерений переменны в одном и том же явлении, мы последовали, как индексы операционально-

го века Клинтон изменился в течение двух ключевых периодов боснийского конфликта: весны 1993 г. и лета 1995 г. Эти два периода рассматривались по двум причинам. Во-первых, в то время это были наиболее заметные внешнеполитические вопросы, которые стояли перед администрацией президента. Во-вторых, они относились к проблеме одного и того же региона — Боснии, таким образом предоставляя нам хоть какой-то контроль над побочными переменными. В течение каждого из этих периодов изменения внешнеполитической среды оказывали значительное давление на Клинтон и разработчиков стратегии в его администрации. Весной 1993 г. вносило место усиление военных действий в бывшей Югославии, что привело к изменению Клинтоном политики США в этом регионе путем занятия американцами значительно более активной позиции в конфликте по сравнению с тем, как обстояло дело при администрации Буша. Столкнувшись с еще более тяжелой ситуацией в бывшей Югославии летом 1995 г., администрация Клинтон вновь усилила свои попытки разрешить конфликт. Это привело как к обширным бомбардировкам силами НАТО, так и к новому дипломатическому урегули.

Весна 1993 года

В течение весны 1993 г. администрация Клинтон начала менять политику США в отношении войны в Боснии. Сам Клинтон был необычайно вовлечен в дискуссии о новых альтернативных политиках и «сфокусирован как лазер» [Nathes, 1993] на ситуации. В апреле возможность военных действий стали рассматривать серьезно, и 1 мая администрация решила поддерживать принятие политики «Подъемы и удары», которая, будь она осуществлена, привела бы к снятию запрета и направлению ограниченного числа ударов с воздуха. Поэтому мы полагаем, что в этот период операционный код Клинтон отражал сдвиг в сторону последовательно более враждебной стратегии как в направлении его подхода к политике (I-1), так и в интенсивности его тактики (I-2). С продолжением войны его взгляды на сущность политической среды (P-1) и возможность осуществления своих целей (P-2), вероятно, стали более негативными (в течение конца марта и апреля). Тем не менее представления Клинтон о других факторах были стать заметно более позитивными после двух ключевых событий первых двух дней мая: заявления Болтрода о том, что правительство больше не стремится к созданию «великой Сербии», и подписания мирного соглашения Радovanом Караджичем. Ориентация Клинтон на риск (I-3), вероятно, возросла в течение того периода, когда правительство серьезно рассматривало возможность применения военной тактики. Также кажется вероятным, что он воспринимал себя в качестве обладающего большим (P-4) контролем над ситуацией в то время. Его решение в феврале произвести сброс бомбы с воздуха было осуществлено с некоторым успехом, и в середине апреля у него были широкие переговоры с президентом Елаци-

ным по поводу того, что они могут сделать в регионе. За этим последовало адресованное сербам предупреждение российского президента о том, что они могут не рассчитывать на российскую поддержку, если отвергнут мирный план ООН. Учитывая это и вышеупомянутые успехи в начале мая, Клинтон определенно мог рассматривать свою повсеместную вовлеченность в качестве важного фактора установления мира. Это возросшее ощущение своей способности влиять на события, вероятно, уменьшило его представление о роли случая (P-3) в формировании международных отношений.

Когнитивные индекс операционального кода, основанные на статистических заявлениях (табл. 4), показывают все ожидаемые сдвиги в предположениях Клинтона. Его представление о сущности политической среды (P-1) стало более негативным между 22 ... Кроме того, его подход к политике (I-1) стал более конфликтным, так же как и к достижению целей (I-2).

Когнитивные индексы, основанные на подготовительных заявлениях, не настолько эффективны в отражении ожидаемых изменений (табл. 5). Представление Клинтона о политической реальности (P-1) стало более контингентным с 21 апреля по 6 мая. Это неудивительно, учитывая сомнительные действия русских и сербов между этими двумя датами. Тем не менее, хотя кажется, что ситуация в регионе налаживается, Клинтон стал более pessimистичным в отношении достижения своих целей (P-2). Как предполагалось, основное направление в его подходе к политике (I-1) стало более конфликтным в этот период. Но интенсивность его предпочтительной тактики (I-2) оставалась неизменной, даже несмотря на то, что в это время была одобрена политика «Подъема и удара».

Таблица 4

Измерения операционального кода Белла Клинтона, основанные на статистических заявлениях во время балканского кризиса весной 1993 г.

Индекс	Дата	
	22 февраля 1993 г.	6 апреля 1993 г.
<i>Когнитивные индексы</i>		
P-1 Сущность политической реальности	0,27	-0,12
P-2 Осознание политической действительности	0,57	0,30
I-1 Подход к целям	0,46	0,19
I-2 Достижение целей	0,36	0,26
<i>Индексы чист личности</i>		
P-4 Контроль над историческим развитием	0,60	0,64
P-6 Роль случая	0,60	0,75
I-3 Ориентация на риск	0,19	0,04

Таблица 5

Измерения операционального кода Билла Клинтона, основанные на подготовленных заявлениях во время балканского кризиса весной 1993 г.

Индекс	Дата	
	22 февраля 1993 г.	6 апреля 1993 г.
<i>Коллективные индексы</i>		
P-1 Сущность политической реальности	0,35	0,48
P-2 Реализация политических ценностей	0,64	0,40
I-1 Подход к целям	0,80	0,68
I-2 Достижение целей	0,51	0,51
<i>Индексы черт личности</i>		
P-4 Контроль над историческим развитием	0,64	0,59
P-5 Роль случая	0,65	0,90
I-3 Ориентация на риск	0,16	0,16

Что касается трех личностных индексов, ни одна серия измерений в полной мере не соответствовала ожидаемым сдвигам, по то, которые были основаны на спонтанных заявлениях, справились лучше. Ни один из предполагаемых сдвигов не был очевиден, исходя из измерений, основанных на подготовленных документах. Однако из трех измерений, основанных на спонтанных заявлениях, два действительно изменились так, как предполагалось. Между 22 февраля и 6 апреля оценка Клинтонем своей способности контролировать события (P-4) возросла, а его оценка роли случая в происшедших событиях (P-5) упала.

Лето 1995 года

С усилением войны на Балканах летом 1995 г. правительство США увеличило свое присутствие в регионе, и Клинтон вновь персонально сосредоточился на ситуации. Учитывая основные военные инициативы боснийцев и хорватов и то, что сербы вышли за пределы «безопасных убежищ» ООН, кажется вероятным, что Клинтон видел причину политической среды, становившейся все более конфликтной в течение лета и ранней осени. Подход к политике Клинтон в это время характеризуется конфликтностью, он все чаще одобрял применение силовой военной тактики. Пока Соединенные Штаты прилагали изнурительные дипломатические усилия в окончание конфликта, начиная с 30 августа воздушные удары НАТО стали основным инструментом, используемым для достижения мира. Кажется, что Клинтон становился более открытым к риску по мере того, как уходило лето. Когда в начале лета борьба усилась,

он, вероятно, посчитал, что его контроль над ситуацией постоянно уменьшается и возрастает роль случая. Но эти две тенденции изменились на прямо противоположные в августе и следующих месяцах — по мере того, как Соединенные Штаты оказывались все больше вовлечены в конфликт и он начинал замечать положительные результаты американских действий.

Индексы, полученные из подготовленных заявлений, не отражают ожидаемых перемены в когнитивных переменных. Было использовано четыре подбора замечаний: сделанные 26 июня, 14 июля, 1 и 2 сентября. За этот период как подход Клинтона к политике (I-1), так и его представление о сущности политической реальности (P-1) последовательно возрастали в направлении солидарности (табл. 6). Подобный сдвиг, хотя и не такой же последовательный, был виден и в интенсификации, с которой он проводил выбранную им стратегию (I-2), и в его оптимизме по поводу осуществления своих целей (P-2). Трудно понять, почему Клинтон мог быть столь оптимистичен и представлять политическую среду все более солидарной в тот момент. Еще тяжелее объяснить поведение инструментальных индексов. Хотя Клинтон был активно вовлечен в процесс мирного урегулирования, его поддержка бомбардировок НАТО не означала сдвига в направлении солидарной тактики.

Таблица 6

Измерения операционального кода Белла Клинтона, основанные на подготовленных заявлениях во время балканского кризиса летом 1995 г.

Индекс	Дата			
	26 июня 1995 г.	14 июля 1995 г.	1 сентября 1995 г.	2 сентября 1995 г.
Когнитивные индексы				
P-1 Сущность политической реальности	-0,29	0,32	0,39	0,57
P-2 Реализация политических ценностей	-0,29	0,45	0,34	0,60
I-1 Подход к цели	0,52	0,85	0,87	0,89
I-2 Продолжение целей	0,46	0,58	0,76	0,56
Индексы черт личности				
P-4 Контроль над историческим развитием	0,60	0,42	0,19	0,56
P-5 Роль случая	0,85	0,85	0,93	0,81
I-3 Ориентация на риск	0,17	0,21	0,30	0,16

Когнитивные индексы, полученные из спонтанных заявлений, больше соответствуют гипотезам, хотя и здесь с толку сбивают инструмен-

тательные индексы (табл. 7). Между 10 августа и 10 октября представление Клинтона о сущности политической реальности стало более конфликтным, сдвигнувшись с $-0,05$ до $-0,15$. Он также стал более несогласен с поводом реализации своих политических ценностей (P-2) — сдвигнувшись с $0,01$ до $-0,41$. Но изменения в его подходе к целям (I-1, с $0,59$ до $0,73$) и в достижении целей (I-2, с $0,35$ до $0,43$) говорят о том, что он предпочитал более солидарные стратегии, даже несмотря на то, что бомбардировки НАТО продолжались до 9 октября.

Таблица 7

Измерения операционального кода Белла Клинтон, основанные на спонтанных заявлениях во время балканского кризиса летом 1999 г.

Индекс	Дата	
	10 августа 1999 г.	10 октября 1999 г.
<i>Количественные индексы</i>		
P-1 Сущность политической реальности	$-0,05$	$-0,15$
P-2 Реализация политических ценностей	$0,01$	$-0,41$
I-1 Подход к целям	$0,59$	$0,73$
I-2 Достижение целей	$0,35$	$0,43$
<i>Индексы черт личности</i>		
P-4 Контроль над историческим развитием	$0,77$	$0,82$
P-5 Роль случая	$0,69$	$0,82$
I-3 Ориентация на риск	$0,09$	$0,16$

Что касается личностных переменных, то индексы, базирующиеся на подготовленных утверждениях, вновь оказались отчасти неволевыми (см. табл. 6). В трех временных отрезках, в которых прогнозировались изменения — между 26 июня и 14 июля, между 14 июля и 1 сентября и между 14 июля и 2 сентября, — эти индексы соответствовали ожидаемому сдвигу только по одному риску: в ориентации на риск (I-3) и в роли случая (P-5). Переменная контроля (P-4) изменялась, как ожидалось, в двух периодах из трех. Наоборот, индексы, полученные из спонтанных заявлений, полностью соответствовали прогнозируемому сдвигу (см. табл. 7). Между 10 августа и 10 октября принятие Клинтоном риска (I-3) возросло, восприятие контроля (P-4) увеличилось и опска роли случая (P-5) упала.

В целом эти дескриптивные исследования говорят о том, что индексы операционального кода имеют тенденцию фиксировать ожидаемые сдвиги в predispositions президента. Индексы, основанные на спонтанных заявлениях, тем не менее, обеспечивают лучшее понимание его убе-

дений и черт личности, чем те, которые базируются на подготовленном материале. Представляется, что они более точно отражают истинные президентского операционального кода, улавливая переменные, которые, вероятно, последуют после произошедших ключевых событий. Спонтанные заявления были наиболее эффективны в согласовании с ожидаемыми преобразованиями когнитивных переменных президента.

Выводы

Существуют явные и значительные различия между операциональным кодом президента Клинтона, представленным его формальными, подготовленными заявлениями и зафиксированным его спонтанными заявлениями на пресс-конференциях. Эти различия охватывают когнитивные и личностные измерения его операционального кода. Спонтанный Билл Клинтон рассматривает политическую реальность в более конфликтных понятиях и предпочитает менее солидарную стратегию и тактику. Поскольку он в большей степени не приемлет риск и больше стремится к контролю над событиями.

Хотя результаты этого исследования недостаточно убедительны для того, чтобы делать выводы о подходящем исходном материале в будущем, полученные данные все же говорят о том, что спонтанные заявления более чувствительные и потому более точные в смысле фиксации ответов на изменение среды. В ежедневных средних показателях подготовленных речей Клинтона он не показал никаких обнаруживаемых перемен по любому из семи индексов операционального кода. Действительно, мы выявили достаточно интересное постоянство конструкций и убеждены, что оно может быть отнесено на счет «стабилизирующего эффекта» процесса синтрайтинга. С другой стороны, ежедневные средние значения для его спонтанных заявлений демонстрируют некоторые тенденции обучения на когнитивных индексах. Согласно этим измерениям, у Клинтона наблюдались заметные увеличения и уменьшения солидарно-конфликтных показателей как в сфере личности, так и в сфере представлений о других. Мы также обнаружили, что для двух определенных периодов сдвиги в конкретных точечных измерениях часто совпадали с предполагаемыми сдвигами, когда в качестве исходного материала использовались спонтанные заявления.

Примечания

¹ Мы все согласны с тем, что черты личности постоянны. Подробное обоснование этого вопроса см.: Mischel, 1968 (см. также: Nettan, 1974; Eysenck et al., 1980; Schaefer, 1999).

² В литературе можно найти два основных примера этого типа подхода. Первый, в основном работы Дэвида Уикстона (см., напр.: Wicket, 1987; Wicket, Nettan, Wicket et al., 1991), где разрабатываются конкретно-структурные количественные измерения позитивной лидера (потребности власти, достижений и аффилиации), которые

таком соотношении с такими чертами ситуации надлежало образом, чтобы найти соответствие. Второй — Мансур и др. (1998). Немецкая FGS, это предположить, что под Домиником Картером будет излагаться в связи с драматическими событиями конца 1979 г. (гражданской войны в Йемене, наводнения, беспорядки в районе Африканского Рога, советской интервенции в Афганистан).

Библиография

- Barnes, F. (1993, 24 may). A star is born. *New Republic*, pp. 12–13.
- Clinton, W. J. (1993). *Public papers of the presidents of the United States: Bill Clinton*, 1993. Washington, DC: U.S. Government Printing Office.
- Clinton, W. J. (1994). *Public papers of the presidents of the United States: Bill Clinton*, 1994. Washington, DC: U.S. Government Printing Office.
- Clinton, W. J. (1995). *Public papers of the presidents of the United States: Bill Clinton*, 1995. Washington, DC: U.S. Government Printing Office.
- Clinton, W. J. (1996). *Public papers of the presidents of the United States: Bill Clinton*, 1996. Washington, DC: U.S. Government Printing Office.
- Hart, R. P. (1994). *Verbal style and the presidency: A computer-based analysis*. New York: Academic Press.
- Hermann, M. G. (1976). Leader personality and foreign policy behavior. In J. N. Rosenau (Ed.), *Comparing foreign policies: Theories, findings, and methods* (pp. 201–234). New York: Wiley.
- Hermann, M. G. (1980). Explaining foreign policy behavior using the personal characteristics of political leaders. *International Studies Quarterly*, 24, 7–46.
- Hermann, M. G. (1984). Personality and foreign policy decision making: A study of 55 heads of government. In D. Sylvan & S. Chan (Eds.), *Foreign policy decision making: Perception, cognition, and artificial intelligence* (pp. 53–80). New York: Praeger.
- Mischel, W. (1968). *Personality and assessment*. New York: Wiley.
- Russett, K. A., Thomas, W. R. & Chester, K. (1980). Foreign policy makers, personality attributes and interviews: A note on reliability problems. *International studies quarterly*, 24, 47–66.
- Schaffer, M. (1999). Explaining groupthink: Do the psychological characteristics of the leader matter? *International interactions*, 25–31.
- Stedfield, P., Wallace, M. D. (1993). President Clinton as a cognitive manager. In S. A. Renschen (Ed.), *The Clinton presidency: Campaigning, governing and the psychology of leadership* (pp. 213–233). Boulder CO: Westview.
- Walker, S. G., Schaffer, M., & Young, M. (1998). Systematic procedures for operational code analysis: Measuring and modeling Jimmy Carter's operational code. *International Studies Quarterly*, 42, 175–189.
- Weintraub, W. (1986). Personality profiles of American presidents as revealed in their public statements: The presidential news conferences of Jimmy Carter and Ronald Reagan. *Political Psychology*, 7, 283–293.
- Winter, D. G. (1987). Leader appeal, leader performance, and the motive profiles of leaders and followers: A study of American presidents and elections. *Journal of Personality and Social Psychology*, 52, 196–202.
- Winter, D. G., Hermann, M. G., Weintraub, W., & Walker, S. G. (1998). The personalities of Bush and Ostabachy measured at a distance: Procedures, portraits, and policy. *Political Psychology*, 19, 213–245.

Практическое руководство по сравнительному методу *case-study* в политической психологии*

Область политической психологии стала более популярной среди тех, кто говорит как на языке политической науки, так и на языке психологии. Это важно для построения теории и понимания природы эмпирической сферы исследований. Методологически, однако, остаются некоторые постоянные барьеры между двумя родительскими дисциплинами, которые, по нашему мнению, создают препятствия адекватному эмпирическому обогащению и продвижению. И социальные психологи, и политологи, например, изучают структуру и содержание систем массовых верований, но имеют тенденцию использовать различные методы (эксперименты и наблюдения) и различные статистические техники анализа (вариационный анализ и регрессия). Маргарет Херманн (1989) указала на то, что методологические различия между политической наукой и психологией угрожают сделать из многообещающей области политической психологии просто фантазию. Если мы собираемся продолжать развивать междисциплинарный язык, методологический диалог должен заменить нынешнюю тенденцию к двум односторонним монологам.

Нигде нет большей методологической пропасти в понимании, чем там, где политические психологи предпринимают исследования *case-study* [Tetlock, 1983]. Действительно, обзор статей, опубликованных в журнале *Political Psychology* в течение прошлого десятилетия, показывает, что *case-study* — один из наиболее популярных методов, он наиболее часто используется психологами — особенно теми, кто изучает американское лидерство, международные отношения и сравнительную политологию. Психологи же, которые публикуются в этом журнале, имеют тенденцию чаще использовать наблюдения, эксперимент или метод контент-анализа¹. И только нередко используют метод *case-study*².

В действительности независимо от профессиональной принадлежности метод *case-study* используют те политологи или психологи, кто ощущает потребность общего языка для их исследований. Метод «структурно-фокусированного» сравнения Александра Джорджа [Джордж, 1979; Джордж и Беннетт, в печати; Джордж и Макконн, 1983; Джордж и Смоук, 1974] — возможно, наиболее используемый источник для тех, кто пользуется этим методом.

Его созданные процедуры, используемые в *case-study*, обеспечивают крепкую методологическую основу для проводимых эмпирических исследова-

* *Political Psychology*. 1999. Vol. 20. No 2.

ния. И все же тех, кто осознанно прибегает к поиску обоснования своей методологии, меньшинство. Действительно, Реджон (1987) предполагал, что большинство исследователей, которые используют стратегии, ориентированные на *case-study*..., не осознанно методологические, т.е. они их используют, не рассматривая как формальную методологию» [с. 34].

Хотя и имея место возросшее внимание к методу изучения *case-study* в рамках различных дисциплин [см., например, Орум (Orum), Фиджин (Feagin) и Своберг (Sjoberg), 1991], на наш взгляд, материнские дисциплины политической психологии не уделяли достаточного внимания этим разработкам, не усвоили их внутренней сути. Это остается верным даже несмотря на ту популярность, которой пользуется эта техника у политологов, и тенденцию большинства психологов держаться в стороне. Целью данной работы является суммирование и объединение последних по времени разработок в виде практического руководства для проведения исследований *case-study* в таком образе, обеспечение нового приложения и общего языка для тех, кто занимается этим типом исследования, и выдвигание на первый план достоинств и преимуществ этой техники для тех, кто избегает его. К такому выводу мы приходим, основываясь на многочисленных работах по *case-study* и сравнительному *case-study*. Мы не ставим своей целью поиск новых аргументов за использование метода *case-study*. Скорее перед нами стоит задача объединения наблюдений исследователей относительно этого метода в последовательную программу для использования при проведении исследований с акцентом на область политической психологии. В этом смысле мы не сравниваем метод *case-study* с другими методологиями, вместо этого мы пытаемся обратить внимание на многочисленные выявленные недостатки и критические замечания, основанные на стереотипах, в рамках практического руководства для практического использования *case-study*.

В ходе этой работы мы намеренно избегаем любого прямого обсуждения многочисленных и увлекательных гносеологических проблем, которые являются частью текущих споров в политической науке относительно значимости интерпретации и роли интуиции в социальных науках¹. Метод *case-study* особенно склонен порождать дискуссии о природе теорий, возможности существования общих законов, управляющих человеческим поведением, и других фундаментальных проблемах исследования. Наилучшим способом по себе, эти проблемы не являются центральными в нашем обсуждении. Напротив, наша работа касается основных решений и выборов, которые должны быть сделаны в практическом применении метода *case-study*.

И в политической науке, и в психологии существует стереотип, будто *case-study* — метод идiosинкратический, исторически специфичный, исторический; не имеющий достаточного контроля; неспособный собрать достаточное число данных, подтверждающих данную теорию, и

имеющий чрезвычайно подозрительный «интерпретационный» характер, который позволяет аналитику делать удобные для него заключения о гипотезах и находить доказательства там, где их нет. Конечно, варианты проведения *case-study* отличаются частую от стандартов систематических требований, принятых в настоящее время как в политической науке, так и в психологии.

Причина того, что *case-study* оказался поводом между методологической ограниченностью и полностью эмпирического материала, множество. Среди политологов сравнительный *case-study* часто приравнивается к кросс-национальным сравнениям. Работы в области исследований *case-study* имеют тенденцию ассоциироваться с подобностью сравнительной политологии и не столь известны в других областях. Кроме этого, политологи обращали недостаточно внимания на последние дискуссии о сравнительном методе и об исследованиях *case-study* в области социального управления и социологии. Психологи, с другой стороны, отмечают тенденцию сводить исследования *case-study* с клиническими «случаями» конкретных пациентов и вообще не знакомы с научными исследованиями политической науки в области использования *case-study*. Более того, мы уверены в том, что политические психологи могут обладать большей информацией о *case-study* (различных типах и целях исследования *case-study*, методах проведения исследования *case-study*) и могут принести пользу, приведя метод как часть систематического сравнения методологии в обмен традиционных доводов.

Определение *case-study*

Определения, данные *case-study*, как правило, бывают очень запутанными. Раджин (Ragin) (1987) отметил, что «термин “случай” (*case*) и различные термины, связанные с идеей анализа конкретного случая, не очень хорошо определены в социальной науке, несмотря на их широко распространенное использование и большое внимание к ним в обществонных научных дискуссиях» [р. 1]. Например, «случай» может быть единственным источником или источником данных, артефактом в эксперименте, респондентом в опросе или неволеизъявлением войны между воюющими сторонами (Кинг (King), Коохан (Koehn) и Верба (Verba), 1994). С другой стороны, это могут быть уникальные в историческом или географическом смысле события типа монтезенского сговора, вторжения Советского Союза в Афганистан или бунта Баггов. Действительно, термин «случай» может иметь различные значения, каждое из которых важно для эмпирического исследования.

Когда термин «случай» (*case*) соединяется с терминами типа «исследование» (*study*), «анализ» (*analysis*) или «метод» (*method*), картина несколько не проясняется. Например, Орум (Orum) и другие (1991) определили *case-study* как «глубокое, многомерное исследование отдельного соци-

ального явления, использующие качественные методы исследования» [р. 2]. Лайфхарт [Liphart, 1971, 1973] рассматривал *case-study* как отдельный случай, который тесно связан со сравнительным методом, противопоставленным экспериментальным и статистическим методом. Дюорд и Максон (1983) указали, что *case-study* фокусируется на анализе «внутри случая», чтобы выяснить, что послужило его причиной. Наконец, Йин [Yin, 1994] определил *case-study* как «эмпирическое исследование, которое исследует современное явление в контексте его реальной жизни, особенно когда границы между явлением и контекстом не очевидны; и... (которое) опирается на многосторонние свидетельства» [р. 13]. Понятно, что существуют различные определения случая и *case-study*, и это создало трудности для систематического анализа значимости и направленности этой техники.

Мы признаем, что путь к некоторой согласованности в понимании термина «случай», «*case-study*» (или более общего — «история случая») является чрезвычайно трудным [см.: Ragin и Becker, 1992]. Все же без некоторого понимания того, что эти термины, как предполагается, выражают, трудно предложить любое практическое руководство для проведения исследования. Для наших текущих целей мы предлагаем использовать базовое определение нескольких терминов. Под «случаем» мы будем понимать явление, или источник данных, и в этом смысле мы не различаем ни то, как «случай» определяется в дальнейшем, ни то, как он был получен в исследовании. Случаи могут быть эмпирически полученными измерения, исследуемые характеристики или классификации исторических событий (типа «есть война/нет войны»). Мы определим *case-study* как метод получения «случая» или набора «случаев» через эмпирическую проверку реальных событий в контексте их естественного существования, без непосредственного манипулирования как самим явлением, так и его контекстом. Сравнительный *case-study* — систематическое сравнение двух или более источников данных («случаев»), полученное через использование метода *case-study*.

Это определение имеет ряд следствий. Во-первых, мы не берем во внимание специфическую цель исследования, будь это выявление причинно-следственных отношений или детализация исторических событий. *Case-study* может использоваться для разнообразных целей, некоторые из них мы ясно сформулируем ниже. Во-вторых, мы не утверждаем, что должны использоваться множественные источники информации (как в вышеприведенном определении Йина), хотя мы подозреваем, что это часто будет необходимо. *Case-study*, другими словами, часто использует множество методов сбора информации — от интервью и опросов до методов контент-анализа. Но нет необходимости использовать многосторонние источники или виды информации, чтобы выполнить исследование *case-study*.

В-третьих, мы предлагаем не проводить специфических различий между качественными и количественными аспектами *case-study* или говорить не о специфических различиях между нарративными и аналитическими аспектами [см.: Эббот (Abbott), 1992; Кинг (King) и др., 1994]. Действительно, мы чувствуем, что исследования случая могут быть очень качественными и нарративными по форме и они могут быть очень количественными и аналитическими. В-четвертых, центральными в нашем определении являются проблема контекста и манипуляции. Этот феномен изучается в рамках конкретного контекста, и он само явление, на его контекст не манипулируется исследователем непосредственно. Наконец, наше определение дает возможность сравнения нескольких *case study* и не ограничено отдельными *case studies*¹.

Виды *case-study*

Наше определение *case-study* не подразумевает только одну цель в исследовании. Действительно, имеется много вариантов применения *case study*, которые были выделены разными исследователями [Экстайн (Eckstein), 1975; Лейнхарт (Lijphart), 1971; Ван Эвера (Van Evera), 1996; Ян (Yin, 1994)]. В нашей работе по созданию практического руководства для метода *case-study* мы организуем эти варианты в единственную доступную форму. При этом мы хотим вывести на первый план потенциальную значимость *case-study* для различных целей, так же как заложить фундамент для наших аргументов в пользу необходимости большой систематизации в сравнительных *case-study*, когда целью является развитие теории или ее проверка. Мы представим различные варианты использования или виды *case-study* тех, перед которыми стоит цель — изучение отдельного *case-study*, хотя эта типология никоим образом не приравнивает аналитиков к лишь одного случая одновременно.

Использование кейсов для описания. Первый тип *case-study* — это то, что Лейнхарт (Lijphart, 1971) относил к «историческим» и что Экстайн (Eckstein, 1975) называл «конфигурационно-биографическим». Здесь аналитик преимущественно заинтересован в кейсе как таковом и обычно пытается получить целостный или целостную картину случая или явления. Вообще при таком использовании *case-study* аналитик больше заинтересован в кейсе, чем в некоторой теории или гипотезе. Конечно, описание требует некоторых предположений или опорных точек, которые считаются основанием теории, но основная цель *case-study* не исключает в себе непосредственно подтверждение предположений. Скорее кейс рассматривается сам по себе. Такой способ использования *case-study* мы часто наблюдаем у аналитиков, использующих интуитивную или описательную форму отчета, в которой они пытаются ввести некоторое обобщенное «описание» кейса². Использование термина «биографический» (или *ideographic*), личностный. — Пер.) как противостоющее «ге-

методическому» (или эмпирическому — Пер.) довольно точно показывает, что кейс не будет обобщен или что *case-study* не будет стремиться устанавливать общие правила поведения.

Использование теории для рассмотрения кейса

В отличие от «конфигуративно-индивидуального» или «интерпретационного» *case-study* исследователь может выбрать некоторую теорию или ряд теорий для проверки каждого конкретного кейса. Это «аддитивно-карно-конфигуративный» [Eckstein, 1975] или «интерпретационный» [Lijphart, 1971] способ использования *case-study*. Здесь кейс все еще в центре внимания, но аналитик открыто использует некоторые теоретические основания для того, чтобы исследовать или интерпретировать случай. Хотя может существовать некоторая «обратная связь» от кейса к теории — например, если теория не соответствует данному кейсу или в настоящее время нет теории, которая эффективно описала бы данный случай, внимание фокусируется главным образом на самом кейсе. После этой попытки нам следует рассмотреть случай в форме «известной теории». Здесь, однако, целью аналитика может стать обеспечение механизма, посредством которого изменения могут сказаться на специфической организации, учреждении или акторе, которые были предметом «интерпретационного» *case-study*. Другими словами, интерпретация кейса может быть предвзята для изменения в соответствии с данной теорией. Внимание исследователя остается обращенным в случай (или к актору, или к акторам данного случая), но теоретическая интерпретация случая обобщает применимые предписанные методы⁴.

Использование кейсов для развития теории. Третий тип или способ использования *case-study* — то, что было названо «генератором гипотез» [Lijphart, 1971] или «эвристическим» [Eckstein, 1975] *case-study*. Здесь аналитик определенным образом воспринимает кейс в попытке развить проверяемые гипотезы. В этом смысле *case-study* используется для построения теории; аналитик проверяет особый набор понятий, чтобы развить обобщаемую теорию для отдельных случаев. Выбор кейсов скорее основан на характере конструируемой теории, чем на частном кейсе, который так или иначе представляет интерес для исследователя. Акцент, другими словами, переключается от кейса к теории. В этих типах *case-study* аналитик обычно следит за меньшим числом переменных, чем это принято в конфигуративно-биографическом *case-study*, который опирается в своем исследовании больше на гештальтистский подход и особенно пытается развить широкую и информативно насыщающую картину кейса. Это очень похоже на тот тип интроспективной проверки, который психологи часто используют во время построения гипотезы относительно индивидуального поведения или познания. Они могут, например,

выраживать себя: «Что я как эксперт думаю о вещах?», когда пытаются развивать теорию экспертного знания¹.

Использование кейсов для изучения и объяснения теорий. Другой способ использования или тип *case-study* все более и более сосредоточивает внимание аналитика на специфической теории. Это было названо Экстайном [Eckstein, 1975] «проверкой на правдоподобие». Он предположил, что правдоподобие означает нечто большее, чем простая вера в потенциальную валидность и простоту... [И] нечто меньшее, чем фактическая валидность, для которой необходима строгая проверка» [р. 108]. Здесь аналитик, возможно, заинтересован в выполнении трудоемких или дорогостоящих исследований и поэтому может быть заинтересован исследованием определенных аспектов теории в рамках эмпирического случая. Это — индуктивный способ обратной связи в контексте частной эмпирической сферы, к которой обращается теория аналитика. В дальнейшем этот способ использования *case-study* играет особенно важную роль для новых гипотез или теорий, например, когда существующее свидетельство не может быть использовано в рассуждениях относительно правдоподобия предполагаемой связи. Это помогает аналитику определить, может ли быть найден эмпирический случай конкретного явления, или операционализация ключевых переменных смысlena с доступными данными, или могут ли быть установленные связь или связи между и внутри переменных совместимы с ожидаемыми². В этой последней форме проверка оправданности помогает избежать дорогостоящего исследования неправдоподобных оснований.

Это очень похоже на многие аспекты названного исследования в экспериментальных методах. Такой подход встречается реже, чем эксперимент, разработанный в институте, проведенный в лаборатории и изданный в журнале в спланированном порядке. Экспериментальная психология включает попытки проверки оправданности ожидаемых отношений, и экспериментальный метод является повторяющимся циклом, который эффективно соединяет в себе различные шаги, предназначенные для объяснения теорий и гипотез перед их проверкой.

Использование кейсов для проверки теорий. *Case-study* могут также использоваться в качестве отдельных тестов существующей теории, для ее подтверждения или опровержения [Lijphart, 1971], а также для исследования критического случая [Eckstein, 1975]. Различие между подтверждением и опровержением в принципе находится в природе результатов, т.е. поддерживают ли они предсказания существующей теории (подтверждение), или ставят эту теорию под вопрос (опровержение). В любом случае процесс включает в себя жестко определенные переменные, которые требуется измерить, и гипотезы, подлежащие проверке. Далее — случай должен быть выбран таким образом, чтобы удовлетворять требованиям изучаемой теории. После определения генеральной совокупности

(в более или менее точной форме) процедура осуществления как можно более случайной выборки будет иметь тенденцию предлагать наиболее беспристрастную интерпретацию полученных результатов исследования⁸. После проведения *case-study* так и останется единичным тестом, но то значение, которое теория ему придаст в качестве комментария к этой теории, будет производным от выбора случая, определения теории, от операционализации и измерения переменных и от сделанных выводов.

Некоторые кейсы, и это может быть подтверждено обсуждением, предлагают возможность для создания особого, отличного от остальных утверждения об используемой теории. Это определяется как изучение «критического случая» (Eskola, 1975) и намеренно предлагает критическую проверку теории в отличие от «некритической», или «обычной», проверки, предлагаемой другими кейс-тестами данной теории. Здесь аналитик преднамеренно выбирает случай, где возможны альтернативные объяснения негативного результата (обнаружение отличного от предсказанного в соответствии с теорией). Это требует, с одной стороны, того, чтобы теория могла быть полностью опровергнута в теоретических ожиданиях, с другой — чтобы случай находился в условиях, где не было бы смещающих факторов. Как подтверждал сам Эскولا (Eskola) это почти невозможно в рамках социальных наук, хотя, возможно случай критический, может рассматриваться в континууме, который позволяет более или менее серьезные претензии со стороны исследователя относительно того и подтверждает ли тест или нет эту предположения.

Пошаговое руководство к сравнительному исследованию *case-study*

Многое из написанного в политической науке по методу *case-study* сосредоточилось вокруг оправдания *case-study* или на различных целях *case-study*. Там уделяется меньше внимания тому, как проводить исследование *case-study*. Даже в учебниках по методам исследования главы, посвященные *case-study*, дают студенту не много информации о том, как создать проект исследования для метода *case-study* (например, Байкер (Baker), 1998; Ислак (Isak), 1993; Джонсон (Johnson) и Джонс (Jones), 1991[1]). Наша цель в этом разделе состоит в том, чтобы выделить для исследователей, которые выбирают метод *case-study*, наиболее важные шаги для проведения этого исследования. Какие проблемы скорее всего возникнут при разработке проекта исследования *case-study*? Какие решения придется исследователю принимать? Какие виды фактов совместимы с исследованием *case-study*? Эти вопросы раскрываются в следующих принципах руководства. При этом мы хотим объединить информацию, полученную из большого числа источников, и предложить практическое руководство для проведения исследования *case-study*.

Хотя большинство этих шагов в исследовании *case-study* обращалось бы ко многим из вышеупомянутых вариантов использования или типов *case-study* и к отдельным, как и к многоразовым, *case-study*, наша трактовка сфокусирована на сравнительных *case-study* с целью проверки гипотез настолько критически и систематически, насколько возможно. Другими словами, хотя *case-study* играет важную роль в интерпретации отдельного исторического события и в обслуживании как зарисовки для строгости теории, мы обсуждаем шаги исследователей, имеющие место при использовании метода *case-study* для сравнения двух и более кейсов, чтобы описать значения существующей теории или отдельной гипотезы. Мы сосредотачиваемся на этом типе *case-study*, потому что эта область самая далекая от «стереотипа» *case-study* как *особенного*, исторически определенного, и *нетеоретического*. Мы не имеем в виду, что другие способы использования *case-study* не так ценны или что многие из этих шагов не могли бы применяться для улучшения других типов *case-study*. Скорее мы находим, что это наименее искушенный способ представлять данные шаг в рамках специфического использования *case-study*. Однако многие из проблем, которые мы обсуждаем, не обязательно ограничены этой целью изучения *case-study*.

До настоящего времени лучшим руководством для сравнительного *case-study* был «метод структурированного, фокусированного сравнения» Александра Джорджа (George, 1979; George и Bennett, в печати; George и McKeown, 1985; George и Smoke, 1974)¹⁰. Согласно Джорджу (1979), сравнение «сфокусировано, потому что оно имеет дело только с некоторыми выбранными аспектами исторического случая... и структурировано, потому что использует общую схему анализа сбора данных в этом историческом случае» [р. 61–62; выделение наше]. Джордж и его коллеги выделили несколько задач для исследователей, которые выбирают структурированное, сфокусированное сравнение кейсов. Эти принципы сыграли значительную роль при создании тех шагов, о которых речь пойдет ниже, хотя в нашем рассуждении мы объясняем некоторые из этих принципов, разделяем другие и соединяем с рекомендациями проведения исследования *case-study* других исследователей. Наша цель — включить предыдущие дискуссии об исследовании *case-study* в других дисциплинах (например, социальное управление и социология) и предложить руководства для проведения *case-study*, которые являются доступными и важными для политологов, психологов и политических психологов.

Конечно, эти принципы довольно стандартны в проекте исследования. Это традиционные шаги исследователей при проектировании исследования, используемые почти любым методом, и все же они редко применяются при проведении *case-study*. От других методов исследования

их отличает форма, в которой эти шаги применяются в сравнительном исследовании *case-study*. Например, способ повышения надежности в проекте исследования для *case-study* отличается от способов в эксперименте, хотя в основе надежности в обоих типах исследования лежит та же самая логика. Таким образом, из этого следует, что обсуждение проблем традиционного исследовательского проекта теряет значение в сравнительном методе *case-study*.

Шаг 1: Определить специфический исследовательский вопрос для фокусированного сравнения

Первый шаг в сравнительном исследовании *case-study*, так же как для любого другого метода, должен формулировать специфический исследовательский вопрос. Какие феномены Вы хотите объяснить? Какова зависимая переменная? Тип исследовательских вопросов, наиболее соответствующих *case-study*, — вопросы «как?» и «почему?», т.е. вопросы, фокусирующиеся на основном процессе, на причинной связи между независимыми переменными и выводами, которые объясняются. Например: «Как избиратели выбирают кандидатов?», «Почему правило вето приводит к компенсационным результатам при принятии группового решения?» и «Как лидеры справляются с информацией, вступающей в противоречие с их взглядами?» Вопросы чистоты повторимости («Как часто меняется значение зависимой переменной?») не подходит для сравнения малого числа случаев [Yin, 1994].

В этом пункте исследователь хочет сфокусировать исследование вокруг отдельного явления и выяснить, к какому классу событий относится это исследование. Фокусирование исследовательского вопроса есть существенная часть «фокусированного сравнения» Джорджа и рекомендации Лейпхарта (1971) для имеющих дело с проблемой «слишком большого числа переменных». Как доказал Лейпхарт (1971), исследователь, сравнивающий *case-study*, «должен избегать опасности выбора слишком большого числа переменных и в результате — потери возможности обнаружения контравирiusных отношений» [р. 696]. Развитие фокусированного исследовательского вопроса — лучший способ определить наиболее важные переменные. Определение класса явлений — также решающая часть этого первого шага, и она поможет исследователю определить кобы для выбора и ответить на вопрос: «В чем суть этого выбора?» Например, предположим, что мы интересуемся связью между личностями лидеров и результатами принятия решения. Важно начать сфокусировать внимание на том, какие лидеры нас интересуют. Другими словами: относится ли исследовательский вопрос ко всем лидерам или к лидерам отдельных стран или типов политических систем? Фокусирование на специфических типах лидеров сделало бы определение объяснительных переменных и выбора *case* намного более простым для исследования.

Шаг 2: Выделение переменных из существующей теории

Следующий вопрос, который задает исследователь: «Какие были найдены независимые или объяснительные переменные или условия или какие гипотезы выдвигались для объяснения зависимых переменных?» Ответ на этот вопрос ищут обычно в обширном литературном обзоре. Исследователь должен определить, какие аспекты существующей теории будут выделены для оценки, вновь фокусируясь на исследовательском вопросе. Слишком большое количество возможных объяснительных переменных, исследованных на небольшом числе кейсов, делает исследовательский проект неопределенным, и поэтому исследователь *case-study* должен выбрать фокусированный набор возможных объяснительных переменных для исследования [Кинг (King) и др., 1994]. Однако в исследовании *case-study* есть одно преимущество — это способность к отслеживанию других переменных в кейсах, которые могут не попасть в фокус внимания изначально, но могут быть важными позже, на этапе интерпретации обнаруженных связей. Это характерно для экспериментальных способов исследования, в которых измерения являются главными, вне зависимости от того, являются они центральными в исследовании или нет.

Исследователь должен также выделить, какие из переменных, рассуждаемых или вероятностных, будут важными для объяснения феномена. Другими словами: предлагает ли теория какое-либо упорядочение возможных независимых переменных? Являются ли предположаемые переменные необходимыми или достаточными? Предположаемые причинные связи должны быть определены на этом этапе. Хотя многим методом исследования помогает этот шаржурный тип связей среди переменных, сравнение *case-study* требует этого, потому что приводит к следующей ступени — выбор кейса.

Шаг 3: Выбор кейса

Наиболее важная (и трудная) стадия в сравнительном исследовании *case-study* — выбор кейса. Кейсы могут, конечно, быть определены случайным образом из генеральной совокупности, чтобы устранить опасность смещения выбора. Все же определение случайным образом часто невозможно из-за того, что генеральная совокупность кейсов неизвестна или недоступна¹. Внимание систематических исследований направлено на идею контроля. Чтобы установить связь между двумя или более переменными, необходимо уменьшить влияние других переменных, которые могут затрагивать исследуемые связи. В методе эксперимента это достигается за счет разделения объектов на экспериментальные и контрольные группы случайным образом. С использованием некоторых статистических методов такой тип контроля может быть достигнут с помощью частной корреляции. Хотя здесь нет «разделения» объектов отклонений, влияние таких переменных на проверяемые связи может воз-

транспонированы статистически. Контроль по сравнительному *case-study* достигается через выбор кейсов. Существуют три важных этапа при выборе кейсов, на каждом из которых включается контроль: при выборе сопоставляемых кейсов; при выборе кейсов, которые меняются в зависимости от переменных; и при выборе кейсов из нескольких подгрупп генеральной совокупности с обращением к альтернативному объяснению.

Сравнимые кейсы. Сравнимость — это основа любого научного исследования, таким образом, она не является уникальной по отношению к последованию *case-study* [см.: Ragin, 1987, p. 1]. Сравнимость — это основа «проектирования большинства полных систем», согласно Прайсворски (Praiseworski) и Тьюну (Tune, 1979), в которых исследователь выбирает кейсы настолько схожие, насколько это возможно, чтобы минимизировать число объясняемых переменных¹². Без сравнимости, конечно, исследователь не будет знать, относится ли наблюдаемое различие в кейсах к объясняемой переменной при рассмотрении или к другим различиям между кейсами [Lijphart, 1971]. Например, предположим, что вы хотите понять, как индивидуальные предпочтения членов жюри соединяются в групповое решение, и предполагаете, что размер жюри — это лучшее объяснение данного процесса. Если ваши кейсы включают жюри из различных культур, различных периодов времени и различных законодательных систем, вы не знаете, являются ли различия в групповом решении обязательными для объясняемой переменной (размер жюри) или относятся к другим различиям между кейсами (культуре, периоду времени и системе законодательной власти). Таким образом, если у вас есть основания верить в то, что культура, период времени и законодательная система оказывают влияние на процесс жюри решения, вы можете выбрать кейсы, которые являются сопоставимыми по этим параметрам, чтобы внимание сфокусировалось на эффекте размера.

Сравнимость зависит от теоретического основания изучения. Кейсы не обязательно должны быть сопоставимыми по важности, которая не влияет (или предполагается, что не влияет) на исследуемые отношения. Так же как экспериментаторы обычно не беспокоятся (или по крайней мере допускают это) об эволюции метеорологических условий в разные дни, когда проводится эксперимент (проблема не корректируется случайным распределением предметов в группы), исследователи сравнительного *case-study* не следует беспокоиться о незначимых различиях в этих кейсах. Основываясь на предыдущем примере, если ваша теория или гипотеза предполагает, что размер жюри воздействует на процесс групповой сплоченности исключительно от культуры, периода времени или политической системы, эти переменные не обязательно должны рассматриваться в ходе сравнения *case-study*. Это положение находится в противоречии с советом, который давал Дайнинг (Dinning, 1971, с. 187–188): выбрать кейсы, которые являются географически схожими и имеют схо-

жую историю, если теория не предлагает значимые параметры для сравнения. Теория следует скорее быть восприимчивой к различным значимым факторам. Кейсы не должны выбираться для сопоставления по параметрам, не выведенным из теории². Исследователи должны выбрать их так, чтобы осуществлять контроль по известным или предполагаемым альтернативным причинам последующих отношений.

Кейсы с вариацией значимости зависимой переменной. Самое точное правило при выборе кейсов в том случае, если выбор должен допускать возможность различия в значимости зависимой переменной [Кинг (King) и др., 1994]. Без изменения в значимости зависимой переменной исследователь не может сделать какой-нибудь вывод о причинах явления, потому что те же самые объяснительные переменные могут присутствовать в кейсах, в которых феномен отсутствует. Эта проблема заставила Дэвида Стюарта Милла [Mill, 1843/1974] предложить ученым в отношении этого «метода сопоставления», и предостережению Милла вторили другие авторы, занимающиеся проблематикой *case-study*, во многих более поздних работах (например, Achan и Saidal, 1989; Collier, 1993; Geddes, 1990). Несмотря на этот совет, ученые продолжают исследовать случаи удерживания от неудачи (а не удерживания от успеха), случаи революции (а не те, в которых революция не произошла) и случаи принятия решения в условиях кризиса (а не обычного принятия решения). Такие исследования могут игнорировать предполагаемое объяснение, если оно не представлено в кейсе [Collier, 1993; Collier и Mahoney, 1996], но не могут сделать вывод о том, что присутствие фактора в кейсе связано с зависимой переменной.

Чтобы быть уверенным в вариативности зависимой переменной, у исследователей *case-study* есть выбор: отбор кейсов, основанный на изменении в значимости объясняемой переменной, и отбор кейсов, основанный на изменении в значимости зависимой переменной (последний — это «метод различия» Милла). Первый вариант выбора кейсов основан на категориальном объяснительной переменной, он не вызывает никаких проблем для вывода и, таким образом, рассматривается как лучшее решение [Кинг (King) и др., 1994]. С такой стратегией, например, исследователи, интересующийся зависимостью между стрессом и качеством принятия решения, выберет кейсы, в которых были стрессы (или высокие показатели), и кейсы, в которых стрессы отсутствовали (или низкие показатели), и затем будет продолжать исследовать, как эти независимые переменные связаны с качеством принятия решения.

Один из недостатков этой стратегии (и следовательно, аргумент в пользу выбора второй стратегии отбора кейсов, основанный на изменении в значимости зависимой переменной) — это то, что часто эта значимость зависимой переменной (т.е. что произошло сильное изменение) уже известна исследователю. Если исследователь уже знает значимость

зависимой переменной, то не важно, выбираем ли мы кейсы, основываясь на независимых или на зависимых переменных. Это могло бы вызвать отклонения в выборе кейсов, если они отбираются таким способом, что независимая переменная соответствует известной степени значимости зависимой переменной в предполагаемом направлении (Кинг (King) и др., 1994). Кроме того, исследователи обязательно интересуются объяснением зависимых переменных (например, осторожное принятие решения или революция); возможно это мотивирует их изучение. Выбор кейсов, основанный на изменении значимости зависимой переменной, имеет преимущество, так как разрешает исследователю говорить что-либо об исследуемой зависимой переменной после завершения исследования. Если, используя предыдущий пример, выбрали кейсы, в которых присутствует или отсутствует стресс (объяснительная переменная) и стресс, оказывается, не связан с качеством принятия решения (зависимая переменная), тогда все это исследование можно заканчивать. Если, с другой стороны, выбраны случаи хорошего и плохого принятия решения (зависимая переменная), тогда, даже если стресс оказывается независимым, исследователь может рассматривать другие переменные в кейсах, которые могут влиять на качество принятия решения¹⁰.

Выбор кейсов из пересекающихся выходящих населения. В дополнение к выбору сопоставляемых кейсов, на изменение которых влияет зависимая переменная, исследователи *some-why* должны иметь в виду, что можно рассматривать другие способы выбора кейсов — с альтернативным объяснением. Другими словами, проект выбора кейсов может включать варианты пересекающихся переменных, связанных с альтернативными объяснениями исследуемых отношений. Что стремятся сделать исследователи на этом этапе, так это продемонстрировать, что данная зависимость сохранится в различных подгруппах населения. Это даст исследователю после окончания изучения возможность поставить под сомнение альтернативное объяснение¹¹.

Например, если нас интересует, как личностные характеристики влияют на сохранение образа врага, в дополнение к выбираемым кейсам, в которых образ врага сохраняется, и кейсам, в которых образ врага изменился, вы могли бы сознательно выбрать случаи до и после трех мировых войн. Такой выбор кейсов гарантировал бы возможность говорить что-либо об исследуемых зависимостях независимо от периода времени. Если вы берете только кейсы, относящиеся к трем мировым войнам или только к периоду после них, ваша позиция будет открыта для критики, так как результаты изучения применимы только к конкретному периоду. Альтернативная теория могла бы привести на мысль, что природа образа врага совершенно различна в эти два исторических периода существования международной системы — образ врага, например, является намного более мягким в мире после мировой войны, независимо от личностных

характеристик. Конечно, выбирая кейсы из различных пересекающихся подгрупп населения, мы увеличиваем число необходимых кейсов¹⁴.

Различие между выбором сопоставимых кейсов и кейсов из перекрестных подгрупп населения касается ожиданий относительно применимости предполагаемых зависимостей. При выборе сопоставимых кейсов исследователь принимает пределы гипотезы, утверждая, что она применима к кейсам, которые являются сопоставимыми на некотором наборе теоретически полученных измерений. В кейсах, выбранных из перекрестных подгрупп, исследователь решительно распространяет свои гипотезы сквозь переменную, полученную из альтернативного объяснения.

Шаг 4: Операционализация переменных и конструирование «кодировочного» листа кейса

Четвертая главная задача в проектировании сравнительного *case-study* в одна из часто пропускаемых — это операционализация исследуемых переменных. Исследователь, по сути, строит «кодировочный лист» кейса, чтобы управлять набором случаев для переменных при изучении. Действительно, Кинг (King и др., 1994) утверждал, что такая регистрация и определение путей получения данных даже более важна для *case-study*, чем выбор случаев.

Джордж (George, 1979) представлял себе переменные в форме структурированных вопросов, которые исследователь задает в каждом случае.

Использование стандартизированного набора вопросов при контролируемом сравнении позволяет получить сопоставимые данные из этих полных кейсов. Таким образом, метод структурированного, фокусированного сравнения избегает «слишком известного» и неутожительного опыта традиционных интенсивных исследований отдельных кейсов в прошлом, которые, даже когда это были случаи отдельного класса событий, не были сопоставимыми и, следовательно, не вносили вклад в совокупное развитие знания и теории рассматриваемого явления. Вместо этого, так же как и в прошлом, каждое *case-study* стремилось идти собственным путем, отражая эвристические интересы каждого исследователя, часто персонально амбивалентности, с большой готовностью руководствуясь доступными историческими данными, а не хорошо определенным теоретическим фокусом. В результате идиллические черты каждого случая стремилась формировать по-другому исследовательские вопросы (с. 62).

Структурированные вопросы Джорджа (George) — «структурирующий» элемент его «структурированного, фокусированного сравнения» — подобны тому, что Ян (Yin, 1994, с. 70) называл «протоколом *case-study*», т.е. список вопросов *case-study* и идентификация возможных источников случаев для ответов.

Хотя мы с энтузиазмом поддерживаем совет Джорджа исследовать те же самые переменные из перекрывающегося набора кейсов в фор-

не структурированных вопросов, но утверждаем, что исследователь *case-study* должен не только следовать структурированным вопросам, но и структурировать ответы. Другими словами, тот же самый набор общих категорий ответов, или значений каждой переменной, должен направлять исследователя через разные кейсы. Кейс должен быть определен заранее, на что необходимо обратить внимание аналитика, изучающему кейс, чтобы видеть в случае закодированную переменную особым способом, вывести суждение о его значимости. Это позволяет увеличить надежность внутренней кодировки (аналитики *case-study* используют тот же набор критериев для определения специфических значений переменных) и обеспечить основание для надежности внутренней кодировки (тот же самый набор критериев для определения специфических значений переменных может быть использован разными аналитиками). Во многих *case-studies*, конечно, переменные будут качественно оцениваться на основе субъективных толкований расшифровок стенограмм, дискуссий и т.д., но даже таким образом оппорные категории возможных значений переменных могут увеличивать систематичность и надежность.

Так же как в конструировании ответов для опросов, аналитик должен открыто относиться к операционализации возможных значений переменных. Операционализация должна быть общей — применимой к классу явлений, а не только к специфическим исследуемым случаям — так, чтобы кодировочный лист кейсов мог быть применим не только к кейсам в данном исследовании. Так же как для любого кодировочного листа, категории, насколько это возможно, должны быть исчерпывающими для всех возможных ответов во всех кейсах. Конечно, категории должны быть взаимно исключающими. Если некоторые переменные имеют множественные показатели в операциональных определениях, исследователь должен определить правило выбора-решения для определения значения переменной. Например, если есть несколько индикаторов для кодирования лидера как личности, включившейся участником общественного движения, и имеется несколько индикаторов для кодирования лидера как прагматичной личности, кодировочный лист должен определить, как поступать со смешанными случаями, когда найдены индикаторы обоих типов личности.

Точный характер операционализации переменных будет, конечно, зависеть от источников данных, которые используются в исследовании. Одно преимущество проекта правительственного *case-study* состоит в том, что могут использоваться разнообразные типы данных и методы для их извлечения (Yin, 1994). Контент-анализ, данные опросов, архивные данные, дискретивный статистический анализ, фокус-группы и интервью — все они совместимы, а не конкурируют с исследованием *case-study*. Использование множественных источников — единственный способ увели-

чить конструируемую надежность операционализируемых определений [Yin, 1994, p. 34]¹⁷.

Дополнительно к сказанному об операционализации переменных отметим, что исследователи *case-study* могут увеличить надежность и валидность *case-study* другими способами. Исследователи *case-study* могут использовать суждения, сделанные для совершенствования иных исследований другими исследователями, чтобы избежать влияния гистот на интерпретацию [King (King) и др., 1994]. King и другие также рекомендовали использовать для кодирования переменных квалифицированных экспертов, которые не знакомы с проверенной теорией. Даже кодировщики-несоциалисты, которых ничего не известно о теории, могли демонстрировать надежность внутренней кодировки значений переменных, хотя с некоторыми типами случаев могут возникнуть определенные трудности.

Исследователи *case-study* могут также использовать проведение пилотного исследования: «Пилотный кейс используется более формально, помогая исследователю разработать значимые линии вопросов — возможно даже обеспечения некоторого концептуального разъяснения для проекта исследования» [Yin, 1994, p. 34]. Пилотные исследования могут быть необходимыми, когда невозможно провести операционализацию на основе предварительных исследований или не полностью определена теория¹⁸. После этого, рассматривая сложный случай со сложными проявлениями, который не будет включен в главное исследование, кейс-анализ также часто имеет возможность более удачной и точной операционализации.

Задачи, решаемые в процессе конструирования кодировочного листа: построение структурированных ответов и структурированных вопросов, идентификация многочисленных источников случаев, испытание на надежность внутренней кодировки, исследование пилотных кейсов, — могут выступать как слишком утомительная работа для небольшого числа кейсов. Все же этот шаг направлен на наиболее часто слышимый аргумент критики *case-study* — ненадежность. Следующие правила систематического извлечения данных и построения отчета увеличивают надежность выводов *case-study*. К сожалению, этот шаг редко применяется в исследованиях *case-study* [George, 1979]¹⁹.

Шаг 5: Описание кейса с использованием кодирования

Как только построен кодировочный лист и накоплены свидетельства, следует закодировать переменную и представить результаты. В действительности это две отдельные задачи. Yin (1994) говорил, что создание базы данных *case-study* раскладывается с отчетом, утверждая при этом, что «слишком часто данные *case-study* являются синонимичными призывам, представленным в отчете *case-study*, и критически настроенный читатель не может обратиться за помощью, если хочет посмотреть базу данных, на основании которой были сделаны выводы о *case-study*» [с. 93].

С точки зрения оформления рассказ остается наиболее часто используемой и предпочитаемой формой [Yin, 1994]. Рассказ о *case-study* сообщает историю, основанную на переменных и закодированных значениях, и позволяет исследователю показать переменные в их контексте²⁸. Это является способом продемонстрировать реалии и динамику во времени, которая является преимуществом метода *case-study*²⁹. В рассказе должна быть, конечно, обозначена любая неуверенность со стороны аналитика [King и др., 1994]. Динамика и особенности рассказов зависят от исследовательского вопроса, количества переменных и числа кейсов.

Хотя нарративная форма представления демонстрирует богатство данных, это не единственная форма, доступная исследователю *case-study*, и действительно может стать невозможной, когда доступно большое количество *case-study*. Напротив, кейс-аналитик может представить формат «вопрос и ответ» или только закодированные результаты в табличной форме с короткими описаниями кейса в приложениях [Yin, 1994]. Комбинации рассказов и коротких описаний могли бы использоваться в зависимости от результатов. Например, исследователь мог бы показать продемонстрировать более подробно кейсы, которые соответствуют или не соответствуют гипотезам. Какую бы форму ни выбрал кейс-аналитик для представления кейса, отчет о результатах должен включать открытое обсуждение метода, который обычно обосновывает *case-study* [George и McKeown, 1983].

Шаг 4: Сравнение и теоретические следствия

После того как кейсы были закодированы для переменных, аналитик *case-study* ищет образцы в рамках кейсов и вне их. В процедуре проверки соответствия аналитик определяет, дифференцируются ли любые независимые переменные при изменении зависимой переменной [George и McKeown, 1983]. Другими словами, аналитик задается вопросом: связано ли значение X со значением Y предполагаемым способом?

Стадия анализа может проходить и в другой логике, в которой модель, предполагаемая в соответствии с теорией, противопоставляется модели, замеченной в кейсе. Другими словами, должно быть известно различия объяснительных переменных и они должны быть связаны друг с другом в правильной форме согласно принятой гипотезе. Эта техника «соответствия моделей» является главным преимуществом метода *case-study* [Campbell, 1973; Collier, 1993]. В соответствии моделей отдельная представителная модель может быть сравнена с моделью, наблюдаемой в кейсах, или, напротив, явно исключаящие конкурирующие модели могут быть сравнены по их соответствию с моделью, наблюдаемой в кейсах [Yin, 1994, с. 148]. Это по существу увеличивает количество наблюдений, сделанных в пределах каждого *case-study*. Откачиваясь от более равного метода *case-study* — «сильного отклонения», известный психолог Дональд Кемпбелл [Donald Campbell, 1973] применил статистиче-

скую концепцию степеней свободы к исследованию *case-study*. Согласно Кемпбеллу, теории обычно имеют множество предположений, которые в общественных науках используют для вычисления «соответствия моделей» в отличие от изучения отдельного кейса. Другими словами, степень свободы в *case-study* означает «проверку» множественных выводов теории.

Когда исследуемая модель носит временный характер, кейс-анализик констатирует в то, что George и McKewen (1985) назвали «исследованным процессом» или исследованием «процесса принятия решения, в котором различные начальные состояния превращены в результаты» [с. 35]⁹. Как утверждал Yin (1994), «способность проследивать изменения на протяжении какого-то периода времени — главная сила *case-study*, которая не ограничена кросс-секционными или статическими оценками специфической ситуации» [с. 113]. Однако требования к данным для процесса отслеживания значительно больше, чем для простой процедуры соответствия и, таким образом, практически не могут использоваться в некоторых исследованиях *case-study*.

Исследование множественных выводов теории или участие в процессе отслеживания в рамках отдельного *case-study* также сопровождается некоторыми ограничениями, которые должны быть ясно определены кейс-анализиком. Многие (подобно выбору сопоставимых кейсов, минимизация изменений на альтернативных обязательных переменных, исследовании моделей и процессов во времени) в пределах отдельного *case-study* не позволяют никакой вариативности между кейсами. Хотя частные наблюдаемые модели могут или соответствовать, или не соответствовать теоретическим предположениям, довольно трудно в пределах отдельного *case-study* определить, является специфический набор наблюдений единственноправильным по отношению к тому кейсу или нет. Далее, специфическая модель наблюдений в пределах отдельного *case-study* могла соответствовать воздействию причинного фактора, который накапливается с течением времени, но который считался независимым от причинного процесса, локализованного в кейсе. Например, специфическая модель президентских инициатив, связанных с карантином одобрения законодательства, может отражать предполагаемую модель интенсификации с течением времени из-за специфической личностной черты, но для данного президента относительно определенной инициативы это может также отражать постепенное накопление начальных условий типа общественного мнения, экономического процветания или других факторов, не основанных на личности. Конечно, исследование более чем одного *case-study* одновременно позволяет учесть эти проблемы, поскольку модели и процессы, отмеченные в пределах одного *case-study*, могут тогда систематически сравниваться с другими *case-study*, которые были выполнены на основе сравнительного метода.

Как только сложна начальная оценка теоретических выводов, анализ *case-study* может захотеть «вернуться» к кейсам, чтобы исследовать возможные объяснения обнаруженных отношений. Другими словами, некоторые интерпретации, являющиеся результатом начальных заключений, могут часто обосновываться или преддвигаться при анализе «дополнительного» материала, включенного в *case-study*. Хотя исследователь может быть вынужден сфокусировать новое исследование и выбрать новые кейсы, чтобы лучше «проверить» эти результаты, *case-study* может предложить исследователю большие материалы для построения теоретической интерпретации результатов. Это — эвристическая ценность, встроенная в каждый проект исследования методом *case-study*.

Заключение: почему политические психологи должны волноваться по поводу метода *case-study*?

Мы надеемся, что анализ метода *case-study* поможет исследователям в использовании этой методологии раскопать некоторые стереотипные представления о методе *case-study*. Как мы предполагали выше, *case-study* десакрализирует различные неправильные представления, относящиеся больше к тому, как он использовался, чем к его фактическому потенциалу. Мы говорили, что хотя метод ценен как инструмент для понимания неоптимальных исторических событий, он также важен и как инструмент для создания и испытания теорий и проверки гипотез. Далее, мы предложили различные техники — от наблюдений до гипотез. Мы также предложили посредством обзора общих исследовательских процедур набор шагов для осуществления некоторого контроля метода сравнительного *case-study*. Хотя не определенно наши концепции метода *case-study* включают прямую манипуляцию как контекстом, так и явлением, процедуры выбора кейса допускают некоторую степень дискриминации в определении отношений между переменными и внутри них, подобное того, как это происходит в эксперименте или при статистическом контроле. Наконец, ответом на громкое случайное критиче субъektivности со стороны исследователя были предложены процедуры, которые могут значительно улучшить систематичность и надежность метода *case-study*.

Понимая общий значимости исследования *case-study*, этот метод особенно подходит для политической психологии. Мы основываем это утверждение на определении Маргарет Херманн [Margaret Hermann, 1986] границ области политической психологии. В ответе на вопрос «Что является политической психологией?» Херманн предложила пять принципов, которые характеризуют исследования в этой области:

1. Внимание фокусируется на взаимодействиях политических и психологических явлений.
2. Исследование направлено на социальные проблемы.

3. Контекст может создавать различия.
4. Акцент делается на процесс, также как на результат.
5. Допускается взаимозаменяемость множественных способов сбора данных.

При использовании сравнительного *case-study*, как мы полагаем, особенно актуальны последние три принципа Хермани²⁰.

Во-первых, исследование *case-study* соответствует утверждению, что контекст может создавать различия. Хермани (1986) писала, что «в пределах политической психологии имеется здоровый диалог и обсуждение» важности контекстных факторов типа времени, культуры и политических структур, но «имеется возрастающее признание того, что такие контекстные факторы помогают не только формировать желания индивидов, но и ограничивать его политическое поведение» [с. 3]. Исследование *case-study* уславливает этот принцип, поскольку «контекст» — часть определения *case-study*, предложенного ранее в этой статье. Исследования *case-study* означают, что реально существующее явление рассматривается в пределах контекста, в котором оно встречается, с признанием того, что контекст может приводить к различиям.

Во-вторых, метод изучения случая совместен с убеждением, что процесс является столь же важным, как и результат. Хермани (1986) утверждала, что психологические и политические явления часто выглядят совершенно разными способами одно на другом в определении политических процессов и противоположность политическим результатам. Однако, очерченные в одном наборе политических событий описания процессов предлагают возможность обобщения в других политических контекстах со сложными характеристиками. Устанавливая, какими некоторыми из этих пересекающихся процессов, политические психологи могут начать строить более общие объяснения и теории [с. 3].

Исследование *case-study* часто направлено на идентификацию скрытого процесса. Как говорилось выше, большинство соответствующих исследовательских вопросов для *case-study* — «как?» и «почему?». Кроме того, соответствующие модели (особенно временная модель или рассмотрение процесса) как техники для анализа в исследовании *case-study* подчеркивают процесс, в котором начальные условия трансформируются в результаты. В этом смысле процесс является самым важным в большинстве исследований *case-studies*. Наконец, исследование *case-study* совместимо в политической психологии с множественностью методов сбора данных. Как писала Хермани (1986), «политическая психология, оказывается, не привержена какому-то одному типу методологии. Практикующие политические психологи используют разнообразные методы» [с. 3]. Мало того, что метод *case-study* обслуживает дополнительно другие методы исследования, он может также быть мультиметодологичес-

ким сам по себе, поскольку множество техник (например, контент-анализ, анализ архивных документов, интервью) может быть включено в проект исследования *case-study*¹.

Ясно, таким образом, что метод *case-study* может быть ценным инструментом исследования и особенно подходит для потребностей и интересов тех, кто работает в поле политической психологии. В этом свете, к сожалению, некоторые из поправочных представлений относительно *case-study* создают методологический барьер между политической наукой и психологией. Мы не говорим, что *case-study* должен вытеснить другие методы, и не пытались ясно сформулировать каждое преимущество и неудобство исследования *case-study* относительно других методов. Скорее мы надеемся предложить практическое руководство к выполнению исследования *case-study*, а также для помощи в рассмотрении некоторых неправильных представлений и развитии в дальнейшем общего языка для политической психологии.

Примечания

¹ Поданным примером исследования таким методом включают опрос подростков о целях продолжения американцев во вьетнамской войне (Fife Schew и Blackwell, 1998), исследование на послеполитических эффектах коммуникативной сложности психических новостей (McGill и Milham, 1992) и контент-анализ текстовых переводов статей из проли коммуникативных и образовательных отношений между парами стран (Candfield, 1993).

² Исключения включают *case-study* основателей MaxApture—Проектом как пример исключительного случая (Raisa, 1990) и сравнительный *case-study* двух политиков готов для изучения Сократизмом в течение Второй мировой войны (Tisdell, 1997).

³ См., например, Review Symposium: The Qualitative-Quantitative Disputation: Gary King, Robert O. Keohane, and Sidney Verba's *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research in the American Political Science Review* (1995), George and Brenck (in press).

⁴ Некоторые исследователи социальных наук много писали о ценности и роли сравнительного метода (см., например: Collier, 1993; George, 1979; Lijphart, 1978, 1973; Ragin, 1987). Сравнительный метод, на наш взгляд, необходимо отличать и отделять от проблем, окружающих *case-study*, и метод *case-study*. Сравнение — главная основа научной методологии. Другими словами, сравнение не должно отлучаться от других методов, но может рассматриваться как основа методологии.

⁵ Некоторые могли бы утверждать, что этот тип *case-study* должен быть в дальнейшем разделен на «исторический» и «интерпретирующий», первый из них является попыткой представить события или обстоятельства так, чтобы описать случай, а второй — попыткой получить понимание войны из персонажами действующих лиц. Мы, однако, решили не делать специфическое использование *case-study* на этом уровне, поскольку наше намерение состоит в том, чтобы обосновать большое количество общего набора возможных способов использования *case-study*. Далее, как и Ragin (1987), мы полагаем, что интерпретирующие подходы к *case-study* основываются не на сопоставлении с другими типами подходов.

⁶ Фрейдский анализ, относящийся к личности, например, интерпретирует его прошлые поведения и действия в свете более или менее определенной теории, часто с целью понимания поведения согласно этой интерпретации. Аналитический процесс прина-

тия реальности могут оказывать проясляющее воздействие и организовывать системно теорией о групповых действиях, чтобы предложить модификации в структуре организации или поведения согласно выводам из теории следствия для данного случая.

⁷ Иллюстрацией *case-study* как «ориентированного кейса» [Adkins, 1991] предвидит возможность для расширения природы или существующей теории. Здесь аналитик специально выбирает кейс, который отличается от модели, предлагаемой в соответствии с теорией, и таким образом стремится предоставить случай для раскрытия дополнительных параметров, который может представлять в первоначальной теории. В этом смысле доказательный кейс отличается от ориентированного *case-study*, так как последняя теория уже существует. Доказательный случай, однако, является подобием ориентированному кейсу в том, как пытаются устанавливать или новые гипотезы, или выводы. Другими словами, доказательный кейс может совершенствовать теорию, предоставляя новые гипотезы или дополнительные условия, при которых могут или не могут сохраниться некоторые отношения. В этом смысле доказательный кейс подобен ориентированному.

⁸ Goldmann (1988) в приложении *A Note on the Utility of Weak Theory and Weak Tests* предложил использовать *case-study* в форме подобий для исследования предположения, что является полезным для «испытания» слабой теории, которая может «привести к улучшенному пониманию проблемы и возможности операционализации» (р. 327).

⁹ Дискуссии по поводу и объяснению трудному вопросу о генеральной совокупности в *case-study* описаны у Vagin и Bosker (1982). Скорее всего Yin (1994) для обсуждения статистического обобщения (обобщение в генеральной совокупности) против аналитического обобщения (обобщение в теории).

¹⁰ В недавно изданном сборнике статей Joseph Van Eers (1996) также предложил возможные советы для проведения исследования *case-study*.

¹¹ Как King и др. (1994) обосновали, случайный выбор не всегда решает проблему отклонения выбора. V Collier и Mahoney (1996) привели предположение и детально описали проблему, окружающую отклонения выбора в качественном исследовании.

¹² Хотя описали наиболее сложная система Pucciandini и Tosi фокусируют внимание на выборе сопоставимых систем, один и тот же принцип применяется на всем уровне анализа.

¹³ Предположения для выбора сопоставимых кейсов должны сосредоточиться, что такое кейсы, или единицы анализа исследования. Таким образом, выбирая сравнительные кейсы, следует с первого шага сосредоточиться на исследовательском вопросе и идентификации класса кейсов, которым адресован этот вопрос. Является ли кейсом случай принятия решения жюри (для которого любой случай принятия решения жюри определен бы сопоставимыми кейсом) или процесс принятия решения в Восточных странах, в конце XX в., в законодательных системах (для которых кейсы должны быть сопоставимыми по тем параметрам)? Определенное единичное явление должно прийти из определенного исследовательского фокуса теории или из генеральной совокупности, на которую ориентирована гипотеза.

¹⁴ Заключительный аргумент в пользу выбора кейсов, основанный на множестве и наличии зависимой переменной, — это то, что во многих случаях последствием предлагаемой гипотезы о многосторонних (часто конкурирующих) объяснительных переменных. Таким образом, выбор кейсов, основанный на (отдельной) зависимой переменной, гарантирует, что отклонения будут проходить по более простой формуле выбора кейсов. См. Collier и Mahoney (1996) и Van Eers (1996) о доказательных проблемах выбора случая в отношении зависимой переменной.

¹⁵ Выбор кейсов из перекрывающихся подгрупп связан с альтернативным объяснением демонстрации максимальной силы гипотезы, что переопределяется с помощью наиболее различающихся систем Pucciandini и Tosi (1976).

¹⁴ См. King и др. (1994), гл. 3, о более специализированных советах относительно этой проблемы.

¹⁵ Yin (1994) также утверждал, что использование многосторонних источников позволяет исследователям развивать «определенные линии теории, [или] процесс объяснения» источников данных, что делает выводы из *case-study* намного более убедительными (с. 93) именно в оригинале.

¹⁶ Это — один из использований *case-study* для исследования и очистки теории, обсуждаемых ранее.

¹⁷ Аналитики, конечно, все еще свободны выбирать переменные, но включенные в их кодировочный лист, а также поддерживать некоторую специфическую операционализацию, которую они выбрали. Кодировочный лист не должен препятствовать значимым для понимания аналитическим выводам, поскольку они происходят извне и не являются частью контекста. Они, однако, должны быть отмечены также, когда исследователи сообщают о результатах.

¹⁸ Обсуждались различные случаи раскрытия войн, см. Alford (1993, p. 62–80).

¹⁹ Форма раскрытия также имеет преимущество вращательности в смысле понимания событий. Как показала исследование Remington и Harte (1998), люди думают в терминах историй, а не в терминах сравнения типичности многовариантных переменных.

²⁰ Для George и McKee (1983) процесс отсуживания означает наличие больше, чем одного применимых моделей в рамках войны: это также включает интерпретацию того, что является «ключевой» реконструированной определением авторов в ситуации.

²¹ Это не значит, что метод *case-study* не соответствует первым двум принципам. Исследователи *case-study*, конечно, способны использовать как эмпирические политические и политическая факторы в социальных проблемах. Действительно, наше обсуждение *case-study* в этой статье имеет цель — показать полезность выбора войн, основанных на различии типичности интересующей конкретной переменной, что определено на втором принципе.

²² См. Taylor (1983) о преимуществах использования мультиисточников в политической социологии.

Ранние версии этой статьи были представлены на методологических семинарах в Институте политической социологии и Государственном университете штата Огайо (1993–1997). Мы хотели бы поблагодарить участников тех семинаров, поскольку их вопросы и комментарии помогли очистить нашу редакционную версию этой статьи за эти годы. Мы также благодарим Александра Динерска, а также всех редакторов и анонимных рецензентов для предложений на более ранних этапах. Статьи на эту статью должны быть адресованы Джульетте Кэрри, Университет штата Канзас, Отдел политической науки, 304 Блак, Лоренса, KS 66043. Электронная почта: karrjeb@ksu.ksu.edu.

Перевод Т. Пашковой

Сравнительный анализ возможностей глубинных интервью, тестов и дистантных методов в исследовании личностей российских политиков

Попытки понять своих политических лидеров предпринимают и граждане, которые их избирают, и их противники, и эксперты. Граждане нередко разочаровываются в своих кумирах, жалея о сделанном выборе. Противники кусают локти, проигрывая битву из-за неверно сделанных расчетов. А эксперты спорят, почему их прогнозы оказались недостаточно точными и адекватными.

Одним словом, ошибаются в понимании лидеров все: и профессионалы, и рядовые избиратели. Вопрос в том, можно ли вообще точно измерить и проинтерпретировать личность лидера? И если да, то какими инструментами поддается для этого в наибольшей степени? Не менее важен вопрос для политических психологов и вопрос о том, а что, собственно, мы собираемся мерить в личности лидера: личность в целом, ее отдельные составные элементы (когнитивный стиль, мотивы, эмоциональные состояния, поведенческие особенности и т.д.) или личность в определенном культурном и историческом контексте?

Не претендуя найти ответы на все эти фундаментальные вопросы теории политического лидерства, предлагаем провести небольшой эксперимент, демонстрирующий возможности различных методов прочтения личности того или иного политического лидера в специфических условиях российской политической жизни постсоветского периода.

Заметим, что все выбранные нами российские лидеры — люди яркие, необыкновенные и весьма талантливые. Это становится особенно очевидно, если принять во внимание, что в своем деле они — первооткрыватели. Несмотря на различия в возрасте и опыте своей предыдущей жизни, все они с чистого листа осваивают политические роли и в целом делают это весьма эффективно.

Материал об этих политиках собирался и анализировался в разные годы. Одних лидеров мы наблюдали на дистанции (как, например, бывшего премьера В. С. Черномырдина¹), других удалось увидеть лично в ходе консультирования, личности третьих исследовались через анализ текстов интервью, данных у них специально для исследования. Кроме бывшего премьера, которого невозможно не упомянуть, мы оставим остальных политиков анонимными по примеру Г. Лассвелла², который опубликовал психологические портреты известных американских политиков 1930-х годов, спрятав их за псевдонимами.

¹ В. С. Черномырдин — данно в книге Ч.В.С. — *См. прим. ред.*

Жанр исследования не позволяет привести здесь все данные. Мы ограничились набросками к их психологическим портретам, а точнее — профилям. Иная, перед вами представители разных лидерских «профессий»: премьер-министр (ныне уже бывший), два лидера политических партий (оба к тому же депутаты), депутат-женщина. Методы, избранные для составления их психологических профилей, были разными.

В первом случае мы посмотрим на премьера глазами рядовых российских граждан, рациональные и бескомпромиссные оценки которых были использованы для выявления личностных особенностей образа Черномырдина. Второй портрет выполнен в технике анализа материалов фокусированного интервью известного думского деятеля. Третий профиль составлялся на основе изучения видеозаписей выступлений депутата с последующей их психологической интерпретацией. И наконец, четвертый профиль создан в ходе психитивно-психологического консультирования, позволенного использоваться как собственные наблюдения, так и ряд психологических тестов.

Премьер-министр

Бывший председатель правительства Виктор Черномырдин — редкий пример политического долгожительства. Будучи по статусу положенным в российской структуре власти человеком № 2 и устойчиво занятым в рейтингах политиков с 1993 по 1998 г. второе место после президента Ельцина, этот человек мало соответствовал привычному стереотипу публичного политика. Он не был любимцем публики и журналистов. Правда, похоже, чувство это было взаимным. Ч.В.С. также был не в восторге от журналистов, скорее терпел их. Известно, что с ним не работал никто из новодзержинцев, да и вообще он несомненно подпускает к себе людей, не входящих в его ближайшее окружение.

Большинство российских граждан никогда не встречалось с премьером лично. Но если спросить их о том, что они думают о Ч.В.С. как о политике и человеке, то мало кто такого мнения не имеет. Даже приводятся некоторые результаты нашего исследования, касающегося восприятия Ч.В.С. и других ведущих российских политиков обычными гражданами¹.

Первым измерением образа являются **рациональные оценки** respondents незначительных и отрицательных черт Ч.В.С.

Морально-психологические характеристики Ч.В.С., как, впрочем, и других российских политиков, — важнейший критерий оценки их гражданами. Так, в апреле 1998 г. respondents акцентировали внимание на его уме. Примерно в каждом пятом ответе упоминаются надежность, определенность, амбициозность, уверенность, способность. Отдельно отмечена *различительность* Черномырдина. Характерно, что это качество не-

сильно снижено другой его чертой: осознанностью, тактичностью, которыми, по мнению опрошенных, мнителен Ч.В.С.

В марте 1997 г. морально-психологические качества Ч.В.С. по-прежнему отмечаются среди его достоинств, как, впрочем, и среди его недостатков. При этом человеческие и моральные характеристики премоьера скорее не нравятся гражданам, чем нравятся. По этому параметру хуже обстояли дела только у Ельцина и Жириновского. В этот период высказали одобрение опрошенные многие из тех качеств, которые им нравились и в прошлом году: *целеустремленность, ответственность, уравновешенность, лояльность* (президенту). Упоминали они и *ум*, хотя и не столь часто, как прежде. Но сравнение Ч.В.С. с другими политиками, в частности с Ельциным и Лужковым, по этому параметру явно в его пользу. Новый компонент образа Ч.В.С. — его *опыт*, как политический, так и жизненный. Оценили, что привлекательность оцениваемых компонентов образа Ч.В.С. уже достаточно нарабатывалась и включает в себя такие черты, как *наблюдательность, предсказуемость, оптим, порядочность*. Это те качества, которые необходимы хорошему управленцу. Но этих качеств недостаточно для политического лидера.

Среди неприятных с точки зрения респондентов психологических характеристик Ч.В.С. на первое место вышла его *резкость* особенностей. Если их и упоминали в предыдущих исследованиях, то наряду с прочими. В 1997 г. оговоренные не в чем не были так единодушны, как в признании у Ч.В.С. проблем с русским языком. Его язык они характеризуют как «карико», «корявый», «швейцарский», им неприятна его манера говорить. Наряду со-за этого содержание выступлений остается туманным. Респонденты отметили, что Ч.В.С. не умеет выражать свои мысли, не способен формулировать принципы, ведь дышит, «возвращает себя в агрессивной манере». Этот «языковой» дефицит в восприятии Ч.В.С. может быть следствием того, что по-из отсутствия президента на политической сцене Ч.В.С. чаще выступал публично, а значит, ошибая стали более заметны, бросались в глаза. С другой стороны, то, что раньше ему не делало таких упреков, может объясняться в том, что за эти полгода он стал рассматриваться оппонентами как более значительный политик и спрос с него стал строже. Но как бы не объяснял эту особенность восприятия, очевидно, что она очень вредит его образу.

Опрос февраля 1998 г. подтвердил важность моральных и человеческих параметров в образе Ч.В.С. — это измерение осталось ведущим среди его рациональных оценок как со знаком «+», так и со знаком «-». Ч.В.С. преодолел предубеждение сограждан в отношении своих моральных и человеческих качеств. В нашем последнем замере можно наблюдать существенное преобладание позитивных оценок над негативными. Хотя по-прежнему его упрекают за нескладную речь, но в целом, кажется, уже привыкли.

Внешность премьера на всех этапах карьеры была его сильным козырем. Невысокого роста, плотного телосложения, помолодой и весело говорящий человек вызывает у своих соотечественников весьма позитивные чувства в отношении своей внешности, манеры, поведения. Единственным объяснением этому может служить соответствие этих параметров личности Ч.В.С. неким привычным стандартам, за счет чего он воспринимается как «свой». Отсюда и тот факт, что в апреле 1996 г. более трети опрошенных положительно отмечают внешность (см. табл.).

Таблица

Характеристика качества премьер-министра, приведенные в разные годы, % к числу ответов

Качества	Достоинства			Недостатки		
	апр. 1996 г.	сент. 1997 г.	март 1998 г.	апр. 1996 г.	сент. 1997 г.	март 1998 г.
Морально-поло- логическое	70	64	76	70	61	66
Внешность	36	29	30	10	29	9
Политическое	26	34	26	66	49	30
Такая вот	6	—	16	20	16	36
Без опыта	—	26	—	—	—	—
Сила	60	10	26	—	—	—
Слабость	6	—	—	46	26	16
Активность	26	11	16	—	—	16
Пассивность	—	—	6	50	29	26

В 1997 г. соотношение позитивных и негативных оценок было почти равным, хотя респонденты чаще говорили о его политических и деловых качествах. В феврале 1998 г. можно сказать, что внешность премьера стала восприниматься *очень позитивно* (30% положительных оценок против 9% отрицательных). Отмечая его «шикарные костюмы», дорогие очки, представительность и солидность, наши респонденты видят во внешности выражение социального статуса, престижа. Им нравится, что внешний вид и поведение Ч.В.С. соответствуют тому высокому государственному посту, который он занимает. Это тем более любопытно, что эти достоинства Ч.В.С. не были столь очевидными пять лет тому назад. Нашим респондентам понадобилось почти три года (с 1993 по 1996 г.), чтобы разглядеть внешность Ч.В.С., которая практически не изменилась ранее.

Примечательно, что респектабельность, представительность премьера проявила исключение в начале на российских мужских. Женщины, кото-

рые тоже позитивно оценили важность данного политика, в 1996–1997 гг. давали более размытые оценки. В 1998 г. ситуация изменилась: важность Ч.В.С. привлекает внимание женщин чаще, чем мужчин. Для них более значимо в образе Ч.В.С. проявление внутренней силы, мужественности и надежности. Сравнивая его с другими российскими политиками, они обращают внимание на достаточно редкие у представителей российской политической элиты признаки проявления таких моральных качеств, как трезвость, чувство собственного достоинства, обаяние. Очевидно, эти качества настолько истинны, что один респондент даже увидел в Ч.В.С. «что-то немужское», заметив, что он похож на Г. Коса.

Однако наряду с поклонниками важности Ч.В.С. у него есть и критики, хотя их меньше. Одним не нравится его *космос* в полосочку, другим — *лифтовый язык*, третьим — *второй подбородок*, четвертым — *агрессия*. Последнее практически не отмечается в ответах на прямой вопрос, но выступает в качестве негативного основания для сравнения с более молодыми политиками (Явлинским, Лобовым и даже Лужковым). Хмурость, суровость, чрезмерная серьезность выражения лица — эти качества, отмеченные в исследовании, свидетельствуют о внутренней напряженности Ч.В.С. Любопытно, что в последнем исследовании одна из респонденток посотнала на его «кременность» и «мужковатость», которую она трактует как твердолобость и простоватость.

Восприятие *малых* качеств, деловых и профессиональных качеств Ч.В.С., не претерпело больших изменений за последние годы. Этот параметр его личности является наиболее устойчивым местом. На всех этапах нашего исследования эти качества оценивались респондентами скорее со знаком «+», чем со знаком «-» (см. табл.). Те, кто одобряет их у Ч.В.С., называют примерно те же качества, которые им нравились и год, и два года назад: *настойчивый, дипломатичный*, не дает пустых обещаний... Их значение среди оценок большинства российских политиков (за исключением Зюганова) в целом невелико. Исключительно и число положительных характеристик в образе Ч.В.С., и оно неуклонно снижается.

В том, что касается *неприятия* политических и профессиональных качеств Ч.В.С., динамика несколько менее pronunciруемая. В исследовании 1993 г. к Ч.В.С. было больше всего претензий собственно политического характера. Остро критиковали его «старорежимное» прошлое члена ЦК. Хотя и позже стиль его политического поведения оценивается словом «аппаратчик», но характер политических претензий меняется: они переключаются скорее в управленческую плоскость. Весной 1996 г. упоминаемые политическое «строительство» Ч.В.С. встретилось только пару раз, хотя претензий профессионального характера было много. В дальнейшем наблюдается резкое снижение остроты политического недоволь-

сти Черномырдиным и в количественном отношении, и в том, что эти высказывания мало детализированы.

Из профессиональных критиков, которые высказали недовольство respondents в 1996–1997 гг., отзывы, что многим он продолжает восприниматься скорее как *доказательник, бюрократ, управленец*, чем политик государственного масштаба. Но случайно некоторые respondents считают, что его уровень — это уровень министерства, и ставят ему в упрек мышление на уровне отдельной отрасли. В исследовании 1998 г. практически никто из опрошенных не сомневается в том, что Ч.В.С. — политик национального масштаба, что он не «отраслевой», а отвечает за страну в целом.

По шкале сила—слабость в образе Ч.В.С. преобладали противоречивые сдвиги. С одной стороны, восприятие его как сильного политика колеблется (30–20–25), в целом снижаясь по сравнению с уровнем 1996 г. Но одновременно снижаются и его оценки как политика. Происходит это за счет нейтральных оценок. Отзывы respondents не дают оснований для того, чтобы связать это изменение образа Ч.В.С. с конкретными событиями, с личными провалами или изменением соотношения сил. Скорее речь идет о нерешенности тех экономических и социальных проблем, за которые отвечает его правительство. Кроме того, отзывы respondents показывают, что премьер в эти годы гораздо чище, чем ранее, отождествляют с роднинами, принятыми государством. Власть стала персонализироваться во многом в его образе.

Активизация является неотъемлемой частью образа эффективного политика. Не увеличивает числа сторонников Ч.В.С. тот факт, что в целом он воспринимается как политик скорее пассивный, чем активный. Хотя в последнем замере число тех, кто видит его как активного, и тех, кто замечает в нем пассивность, сравнялось. Вот как выражают эту мысль опрошенные нами:

- Точет по точию.
- Бессамодостаточный.
- Он раб привычек.
- У него нет никакой власти, ему что скажут, то он и делает...
- Он, может, и играет какую-то роль, но в основном, а больше пассивный, потому что-то руки он что-то делает...
- Единственный раз, когда слышно — в Ельцинском мане, провал активности, показал, что может сделать...
- Ему не хватает реальной власти, не дает власть, правительство не работает, Ельцин и Чубайс — у власти, недостаточно самостоятельный.
- Независимый, просто выскочил на вершину благодаря стечению обстоятельств, настоящая личность, то, что он возглавляет правительство четыре года, заслушав его, а Ельцина.
- Незнакомый для других, как для президента, так и для Дюма.
- Строгий управленец, самостоятельный, неуправляемый.

Бессознательные ассоциации. В образе политика, каким его видят респонденты, всегда есть «двойное дно» — те пласты образа, которые не осознаются самим респондентом.

В данном исследовании нас интересовал не преимущественно наиболее глубокий слой восприятия политиков, для выявления которого был использован метод ассоциаций с животными, цветом и звуками. В частности ассоциации с животными были рассмотрены под углом зрения тех признаков, которые они имеют в русском фольклоре. В первую очередь принимались во внимание роли, которые разные животные играют в сказках, пословицах, поговорках, и место их обитания (*доми*). Эти аспекты восприятия позволяют оценить скрытые аспекты образа политика⁴.

Политические роли. Начнем с ассоциаций с животными, смысл которых выражается в исполнении лидерских ролей: роли *повелителя*, *воин*а леса (белка, лиса, волк, тигр и т.п.). Эта роль максимально благоприятна для образа политического лидера, ибо не ими управляют, а они управят. Если в 1996 г. эти роли составили 40% всех ответов, рисующих образ Ч.В.С., то в 1997 г. их доля снизилась до 25%, а в 1998 г. вновь увеличилась до половины всех ответов. Эти данные отражают динамику лидерского потенциала Ч.В.С.

В то же время усилилось присутствие другого компонента образа, связанного с разным статусом (в 1996 г. до 22% в 1997 г. и в 25% в 1998 г.). Среди них очень разные по смыслу ассоциации: от возможного буйвола до волка, которую не стоит гладить против шерсти, от хитрой доброй собачки (сенбернар, дворняжка) до свирепого бульдога⁵. Встречаются и лошади, буйволы, быки и другие стойкие и много работающие домашние животные. Этот ассоциативный ряд связан с восприятием Ч.В.С. не столько как политического лидера, сколько как исполнителя, чиновника. Этот ряд бессознательных установок вполне согласуется с рациональными оценками, в которых отмечаются его исполнительские функции. Однако в этих ассоциациях явно высвечивается несамостоятельность роли Ч.В.С., что снижает возможность его политического маневра.

Важней частью образа Ч.В.С. являются ассоциации, фольклорный смысл которых — *оппонент-соперник*. Их место не дома, а в лесу. Они сильны и самостоятельны, независимы, но не играют роли первой скрипки (волк, лиса, пума). Такие ассоциации возникают примерно в 20% случаев, что свидетельствует о том, что, несмотря на проявления несамостоятельности, стремление не раздражать заявлениями на лидерские позиции, Ч.В.С. все же стал играть более активную роль.

Намного менее существенным к 1998 г. стал мотив *деста*, из наволочен и соответственно таких черт характера, как жадность, меркантилизм. Если в рациональных оценках этот мотив встречается, но не имеет явного характера, то бессознательные ассоциации придают ему гораздо

более яркое звучание. Среди ролей, связанных с деньгами, есть две, противоречащие друг другу. Так, среди ассоциаций с животными, с одной стороны, встречаются мелкие грызуны — **мышки и крысы** (хвосты, лапки, белки, хомяки и барсуки и даже акулы). С другой — обычно представлены свиньи, кабаны и кабанчики, которые в российской фольклорной традиции тесно связаны с особой магической ролью денег, которые **накапливают** добавляет не для собственной выгоды, а для **наследия**. В данном контексте эти ассоциации подтверждают те высокие оценки, которые в рациональных ответах респонденты давали хозяйственным, экономическим способностям Ч.В.С.

Привлекательность. На бессознательном уровне **привлекательности** вывлеклась в ассоциациях с животными, цветом и запахом. В ассоциациях с животными Ч.В.С. остался среди наиболее привлекательных политиков, уступая в 1998 г. только Лужкову.

В ассоциациях с цветом Ч.В.С. видит по преимуществу в серых, черных и синих тонах. В эту гамму внесены немногочисленные яркие пятна: **зеленый, красный, желтый, желто-коричневый и особенно коричневый**. Некоторая яркость, броскость все же делает образ Ч.В.С. более живым и разнообразным. Хотя в целом его цветовую гамму не назвать ни яркой, ни теплой, однако в ней нет и кричащих противоречий, как это было в прошлые годы.

Ч.В.С. наши респонденты видят как все более темную (90% в 1998 г.) фигуру. Одновременно в его цветовом восприятии яркость прибавилась, и Ч.В.С. в контуре своей работы в роли премьера — **самый «тусклый»** из девяти российских политиков. Психологическое значение темных цветов в российском культурном контексте может быть интерпретировано с точки зрения удальности, отчужденности носителей власти от респондентов. Казалось бы, исполнение публичной роли известно маневрирует, когда политика воспринимается ярко. Примеры восприятия в ярких тонах — такие разные политики, как Явлинский, Лужков и Чубайс. Одновременно российская традиция по-прежнему доводит над политик гражданами: они считают, что крушый политик не должен выбиваться из классических канонов темных и скромных тонов.

Ассоциации с запахами открывают наиболее глубокий слой восприятия. Для Ч.В.С. характерно противоречивое сочетание приятных и неприятных запахов (почти поровну). Приятные ассоциации рисуют образ естественного, бодрого и здорового человека, а тому же человека высокого социального статуса (дорогой, престижный мужской одеколон, смесь коньяка и дорогих сигар). Среди неприятных запахов выделяются канцелярские запахи, запах гнилости, «захлабленности и застоя», что подкапывает традиционную «оборочочность» премьера. Особое место в миде среди неприятных запахов заняли запахи газа, бензина, выхлопных газов и даже прямые ассоциации с Гангреном. Это прямое подтверждение того, что

Ч.В.С. по-прежнему ассоциируется с Газаровым, хотя и значительно менее, чем раньше.

Обращает на себя внимание и то, что ряд респондентов не смог определить, чем «вызван» Ч.В.С. Отсутствие или неопределенность таких свидетельств о реальности образа, личности его телесной наполненности.

Восприятие запясов позволяет определить и такое измерение образа политика, как мужественность, имеющее и чисто телесный, и этический смысл. Для политика-мужчины этот показатель однозначно позитивно складывается на его восприятие в целом. Ч.В.С. вошел в тройку самых мужественных политиков вместе с Лебедем и Ельциным.

Таким образом, в целом бессознательные ассоциации дают более привлекательный образ этого политика, чем его рациональные оценки респондентами.

Сила—слабость. Восприятие политика как сильного или слабого на бессознательном уровне измерялось в ассоциациях с животными через оценки размера или *мыслыма* животного в ассоциации и в оценке *собственной* силы. Введенно дополнительное критерия *мыслыма* связано с тем, чтобы выяснить, связано ли восприятие политика с размером его влияния («крупная» личность имеет больше шансов быть воспринятой как лидер) или с собственно силой (физической или моральной).

Так, оказалось, что с 1996 по 1998 г. стало больше ассоциаций с крупными животными, с которыми ассоциировался Ч.В.С. (соответственно 40, 41,3, 60%), и меньше — с маленькими и средними. Такая динамика говорит о росте лидерского потенциала Ч.В.С., который постоянно входит в круг ведущих политиков.

Непосредственно по параметру *силы* Ч.В.С. в течение трех лет двигался по весьма странной траектории (соответственно 33, 33, 75%). При этом соотношение сильных и слабых ассоциаций у него постоянно было в пользу сильных. По этому параметру его опережает в 1998 г. только Лебедь.

Шкала активности—пассивности была предложена прежде всего к ассоциации с животными и выражалась в их «звериной» или «человеческой» сущности. Напомним, что на российской политической сцене ассоциации с хищниками являются необходимым, хотя и не достаточным компонентом образа эффективного лидера. Вопрос о мере агрессивности и соотношении агрессивности и «праведности» не до конца ясен. Однако высокие показатели агрессивности в образе тех политиков, которые на президентских выборах заняли первые четыре места, говорит сами за себя. Несомненные политики не имеют шансов на то, чтобы стать лидерами национального уровня. Данный показатель является откровенно несомненным восприятия активности, способности «удерживать в седле». *Агрессивность* как характеристика политика выявляется, как правило, в бессознательных ассоциациях, между тем как в рациона-

нальных оценках опрошенные не называют этого качества, считая его социально неприемлемым.

Так, по параметру агрессивности образ Ч.В.С. претерпевал резкие изменения по сравнению с 1996 г., когда его восприятие как политического «зигизмала» отметили 30% респондентов. В 1997 г. он потерял почти половину из числа. Но в течение следующего года он «выкавал туфли» и уже две трети респондентов увидели агрессивный стиль премьера, уступая лишь А. Лебедю по этому параметру.

Таким образом, и в по привлекательности, и по параметрам силы и активности образ Ч.В.С. в его бессознательном измерении сильно отличается от рационального восприятия в благоприятном для премьера отношении.

Все приведенные выше характеристики образа Ч.В.С. свидетельствуют о личностном резерве этого политика, который мог бы преодолеть свою осторожность, освоить роль публичного политика национального уровня, используя те природные данные, которые так и не были им раскрыты.

Не менее важны ситуативные факторы, влияющие на оба уровня образа Ч.В.С. Он вынужденно смирался в ситуации, когда сам принимал решения и мог продемонстрировать мужественность, опыт, масштабность личности. Общая политическая ситуация и длительное пребывание на посту премьера, напротив, работала против него, вырабатывая устойчивый стереотип, связывающий все трудности страны с ним лично. При этом стереотипы играют мейдую роль при сравнении Ч.В.С. с возможными соперниками. Из тех девяти политиков, которые были в нашем списке, он выглядел привлекательнее, чем большинство из них. По крайней мере, на момент последнего исследования. Возможно, почувствовав эту силу, тогдашний президент Ельцин и отправил его в отставку.

Лидер партии

Известный думский деятель Х славится невероятной раскованностью, доходившей до грубости и рукоприкладства в стенах Думы, хотя при личном общении он может востить себя как вполне светский человек. Несмотря на репутацию *enfant terrible* российской политики, он устойчиво ведет свою партию от выборов к выборам и может считаться одним из ветеранов политической сцены.

Профиль этого политического деятеля основан на интерпретации заключенного фокусированного интервью, данного им для нашего исследования в середине 1990-х. В ходе интервью ставилась задача получить информацию о становлении его личности, о властных отношениях в семье, о стиле межличностных отношений, о когнитивном стиле, о политических мотивах. Его текстовый анализ позволяет выявить неск-

торые глубинные особенности его поведения и обрисовать ведущие личностные особенности. Фокусом исследования было выявление личностных особенностей и их соотношения с властью, влияния первичной политической социализации на становление характера и поиска истоков его политического стиля и мировосприятия.

Павел К — известный думский деятель националистической ориентации, 49 лет на момент интервьюирования. Поступим, что он говорит о себе и о власти.

«Я был шестым ребенком в семье. Отец... был простым юристом-консультантом, работал в Управлении Турксибо-Сибирской железной дороги. Он умер в год моего рождения в результате автомобильной катастрофы. Я стал сиротой.

Два брата были офицерами, прискакали в отпуск, носили формы, разговоры об армии, и в этом плане они повлияли на меня. Я мечтал стать офицером. Ну а сестры, они все старше меня. Я был самым младшим, особо конфликтовать мне было сложно. Я помню, что в детский сад не хотел ходить, а старшая сестра меня водила силой, и это мне не нравилось, и я с ней по этому вопросу конфликтовал, в том плане, что я сопротивлялся.

Мама ничего о политике не говорила. Она говорила, что без образования ничего не получишь. В том плане сказала, что была однопартийная система. Ленинизм... все изучалось. По радио слушали информацию, воспринимали.

В школе авторитет — преподаватели по истории. Мне этот предмет больше нравился. Спорил с учителями все время. За это мне снижали оценки за поведение. С ребятами тоже спорил (споры в основном политические). Уже тогда для меня социальное было важнее, чем личное. Я участвовал в политическом. Сам проводил политический. Это было интересно. Мне выступление нравилось.

На первом этапе я верил тому, что говорит по радио, телевизору, но потом стали закрадываться сомнения. Я был комсоргом, и учительница двойки закрывала трофики, чтобы повысить успеваемость. Оценочничество это называется. Вот это все видел я, моменты фальшивые. В детском саду я — из бедной семьи, а другие дети — из богатых, приносили ей духи, конфеты, и воспитательница относилась к ним лучше, а ко мне соответственно хуже.

К латинкам хорошо относился. Демонстрации любил. Все это красиво, оркестры, все носили. Хорошо было. Голубой закружали.

В партию не вступил. Я критиковал и видел порочность системы, видел, что партия фальшивит, поэтому не хотелось участвовать в организации, которая обманывает. С годами это становилось все осудительнее.

Свобода определенная была. Мы по рогаткам стреляли по оврагам, по пампучкам. Дальномерщики пускали в трайблбу.

Как нужно воспитывать детей?

Главное, чтобы это был ребенок, которого любят родители.

Изначально отец должен больше заниматься воспитанием, чем мать, особенно воспитанием мальчика. Патристическое воспитание, трудовое, половое, выбор профессии — это все должен делать отец. Изначальная мать. Ну... она... Изначальный вариант, когда два ребенка в семье. Девочка больше с матерью, отец — с сыном, чтобы... обычно родители ругаются, разрушают семью сами, ребенок растет, видит ругань, востану...

Моя мама старалась быть "идеальной". Она очень нас любила, все, что могла, отдавала. Сын должен любить отца, значит ему периодически и говорить: "Здравствуй, папа!" Заботиться об отце должен идеальный сын, но... Если идеальный отец, то у него идеальный сын, поэтому отец часто сам не дает то, что нужно ребенку. Воспитывать, учить должен реальной, такой, какая она есть на самом деле. Если дурак, зачем ему учиться в вузе? Только вот. Не надо делать ничего искусственно. Фильмы, фальшь... Т.е. любовь, любовь, профессия и потом любовь государство становится и любовь цивилизация».

Этот отрывок из интервью обнаруживает очень сложные и неоднозначные отношения респондента к власти. В первую очередь очевидно, что для него как для личности и профессионального политика власть желанна, притягательна, ценна. Оброненные им детали составляют довольно позитивный позитивный образ власти времени его детства и юности. Когда он вспоминает о чтении закрытого письма ЦК 1956 г., это означает, что члены его семьи должны были быть членами партии, которые к тому же плакали в день смерти Сталина.

Не следует особенно доверять словам *X* о том, что его мать оказалась об однопартийной системе, а знакомые все мучились: это сказано, чтобы продемонстрировать в интервьюера вполне определенное политическое впечатление. Зато вполне достоверны другие его воспоминания о том, что по радио слушали информацию и ее воспринимали, что сам он участвовал в политманеврах и ему это было приятно и интересно, что был он всекоротом, что погулять и демонстрации любил. Последнее выказывание окрашено очень личными и эмоциональными оттенками: с теми политическими символами нашей прежней жизни у *X* ассоциируется все яркое, красивое, праздничное, веселое («Хорошо было. Голубой запускали»).

Образ власти у *X* психологически соотносится с силой. Об этом можно судить косвенным образом по роликам, относящимся не к политическим, а к чисто семейным отношениям. О том, как выглядит власть, он получил первое представление, когда против его желания мальчишка силой вошел в детский сад. Позитивным образом государственная власть, сила ассоциировалась с братьями-офицерами, причем они сами, их форма так захватывали мальчика, что он стал мечтать о военной карьере. Таким образом, здесь мы имеем довольно любопытный симбиоз положительных и негативных ассоциаций респондента с властью. С одной стороны, положительные характеристики связаны с ее восприятием как силы, причем военной (не случайным, видимо, были в его подвздохе мечты о том, чтобы поместить сапоги в военные моряки). Примечательно, что свободу от власти он понимал либо по-детски агрессивно (стрелял из рогаток по окнам, дымовые пистолеты пускал в трамвайбус), либо пассивно — как сопротивлялись («конфликтовал в том плане, что сопротивлялся»).

С другой стороны, власть вызывает у него массу неудовольствия. Даже если вынести за скобки чисто конъюнктурные соображения о порочности старой системы, остается одна весьма значимая (интерпретируемая в коротком интервале несколько раз) характеристика власти как **фальшивой**. Государство, партия, система, учителяница — все они фальшивили, обманывали, занимались очкоуловительством. Это очень серьезный момент в отношении между respondentом и политикой. Что стоит за этим? *X* горизонтальным образом прототипирует нам внутреннюю логику происхождения своих представлений о власти, претензия к которой имеет очень личный характер, говоря: «Фальшь, фальшь, т.е. ложная любовь, ложная профессия и потом ложным государство становится в ложном цивилизации»⁶.

Проследим эту логику. Она коренится в истории становления его личности, в опыте отношений власти и подчинения, полученном в ходе первичной политической социализации. *X* родился в первую послереволюционную весну. Это главное событие всего повествования о его жизни. В тексте интервью его «Я» манирует из рассказа, временно отбрасывая даже ослепленный многочисленными анекдотами и интервалами почти канонический виджд политика. Эгоцентризм *X* достигает большого накала. Например, говоря о своей семье, он сообщает, что был шестым ребенком, но рассказывая о смерти отца, объясняет, что именно он стал сиротой (про остальных братьев и сестер мы от него ничего не узнаем).

Исключительность нашего героя проявляется и позже, когда в шестилетнем возрасте он, узнав о смерти вождя всех народов, не плачет («все кругом плачут»). Он спорит и с учителями, и со сверстниками, в основном по политическим моментам. Вот здесь возникает сомнение в достоверности такого объяснения: скорее всего и тогда, и сейчас этот человек просто ретивит свое «Это за счет других. Происходит это под влиянием тех травм его детского Я, которые деформировали его Я-концепцию»⁷. Прежде всего в данном случае можно говорить о травмах его семейного и социального Я, которые и побудили его носить комплексивно в политике, во власти.

Комплексом *X*, лежащим за его гипертрофированным Я, проявляются в первую очередь в его неудовлетворенности социальным статусом семьи. Когда он сообщает, что его отец был простым армянокузнецом, когда рассказывает, что после смерти отца семья очень нуждалась (продажа коровы, опущенные бедности уже в детском саду), то становится ясным, что речь не идет о чисто материальных проблемах: наш герой страдает от социального унижения, выходящего от которого можно, только поднимаясь на самую высокую ступень социальной лестницы.

Другой серьезной травмой Я-концепции является травма его семейного Я. Сложные отношения *X* к отцу, матери, братьям и сестрам были тем фундаментом, на котором позже выросли и его отношения с други-

ми людьми, с властными структурами. Принято считать, что младшие дети в семье обычно получают больше ласки, чем старшие. *X* о себе так не думает. Из интервью можно сделать вывод, что перед нами человек, которому неведомы ласка, ласки, который заслуживает намного большего: лучших родителей, лучшую судьбу. Обида сквозит в целом ряде высказываний, причем довольно часто не осознается их автором. Так, ему не нравится то, что он был шестым ребенком в семье (идеальная семья — это отец, мать и максимум двое детей, родители должны заботиться ребенка, идеальный отец должен больше, чем мать, заниматься воспитанием ребенка, и т.д.). Мы видим, что эти идеалы мало соответствуют обстоятельствам реальной жизни *X*. Он и дальше будет чувствовать, что недостаточно защищен, когда в детском саду его мать не может сделать подарок воспитательнице, и в школе ему снижают оценки за то, что он спорит с учителями. Жизнь его обманула, она не дала ему того, что он заслуживает. Может быть, откуда идет эта психическая патология, с которой мы начали: любовь, любовь профессора, любовь государства? Может, здесь лежат корни того, что, отвечая на наши вопросы, *X* не столько говорит о реальных обстоятельствах своей жизни, сколько пространно описывает свои фантазии об идеальных близких? Во всяком случае, именно травма его семейного Я очень существенна для понимания того образа власти, который фиксирует интервью. Власть имеет для *X* компенсаторный характер. Не случайно представление об идеальном отце включает требование, которое он переносит и на власть: отец должен заниматься воспитанием, делать то, что нужно ребенку (т.е. *X*). За это идеальный сын скажет ему: «Здравствуй, папа».

Лоббист

Политик *Y* — лидер политического движения, созданного незадолго перед выборами 1999 г., — человек чрезвычайно интровертированный, подчеркнуто скромный, но при этом высший более чем десятилетний опыт политической деятельности и сложившийся в Думе, как один из наиболее успешных лоббистов. Недавно созданное им политическое движение объединяло преимущественно людей из регионов. Профиль этого политического лидера известен в своей основе прежде всего анализ видеозаписей его публичных выступлений на центральном телевидении. Помимо этого источником информации были глубинные интервью и наблюдения в ходе консультирования.

Депутат *Y* — один самых эффективных депутатов, назначивший более 40 законов и проведенный их через Думу. Провел несколько успешных избирательных кампаний, в 1999 г. он принял решение создать собственный предвыборный блок и активно занялся осуществлением этой идеи.

Это признание не стало для него усилением. Движение не было допущено к участию в выборах 1999 г., а сам он проиграл выборы по одномандатному округу, где неоднократно выигрывал раньше. Причиной такого срыва во многом послужили личностные особенности *У* — в частности его упрямство, нежелание прислушиваться к мнению экспертов, фанатичная вера в свою необходимость. Эта неудача сильно подтолкнула *У*. Ему понадобилось полгода для того, чтобы вернуться к активной деятельности уже за пределами парламента.

Профиль *У* составлять было и легко, и одновременно трудно. С одной стороны, его отличает резкость черт, их выпуклость. С другой — отдельные характеристики противоречат друг другу, не складываясь в цельную картину. Так, *У* — человек внешне необычайно скромный, и одновременно у него есть признаки жанин величия. Он — трудолюбив, забывающий в себе и целиком сосредоточенный на нуждах и страданиях своих избирателей. Но это не мешает ему усиленно отстаивать интересы ряда ведомств. Его отличительная черта — подчеркнутый «немесковский» вид, манера речи и стиль одежды. При всей своей нарочитой простотности он не забывает напомнить собеседнику, что он — доктор наук.

Создание психологического профиля политика в данном случае построено на описании поведенческого компонента той политической роли, которую играет *У*. Анализ видеозаписей телевизионных выступлений и наблюдений за его политической деятельностью в Думе позволяет выделить наиболее яркие моменты его образа, который распадается на политическую, профессиональную и личностную составляющие.

Так, поднимая себя как человека, *У* неизменно делает акценты и обращает внимание на такие свои качества, как честность, открытость, прямолинейность, бескомпромиссность.

Демонстрируя себя как политика, *У* многократно, последовательно и настойчиво обращает внимание на национальность, бескомпромиссность, твердое отстаивание своих позиций и убеждений. *У* усиливает этот образ, доказав что почти до гротескной роли героя-одиночки, единственного борца за правду, разоблачителя и гневного обвинителя своих противников, противостоящего практически всем политическим силам и направлениям. Свою политическую функцию *У* провозглашает как высшую миссию «служения народу». Идеологическая платформа декларируется как позиция убежденного центриста, вплоть до «конструктивного центризма».

Как профессионали *У* преподносит себя в качестве эксперта с конкретной экономической программой, наполненной сложными специальными терминами с использованием схем и графиков.

Не трудно заметить, что первые две роли традиционно ассоциируются с левыми политическими позициями и находится в противоречии с последней. (Утретированная позиция «конструктивного центризма» сама по себе уже является политологическим парадоксом.)

В целом можно увидеть, что частично *У* удается достичь цели, некоторые аспекты и черты воспринимаются в соответствии с его представлениями. В диалогах он проявляет быструю и адекватную интеллектуальную реакцию, мобилизован, логичен, четко излагает свои взгляды, уверен в себе, активен, прямолинеен. Периодически для подкрепления своих аргументов использует яркие метафорические образы, придающие высказываниям недостающую выразительность.

Но успешной реализации его стратегии мешает и то, *как говорит У*, и то, *как он это делает*. Так, несмотря на уверенность *У* в себе, на декларируемый им отказ от каких-либо уловок для формирования своего имиджа, хорошо заметны его сознательные усилия по созданию и совершенствованию своего образа и определенные успехи на этом поприще. Это означает понимание важности последовательной работы над собой.

С другой стороны, определенная эмоциональная бедность и замкнутость самоощущения создают определенные трудности. Прежде всего это касается эмоциональной невыразительности и значительной противоречивости образа, создающих негативный эмоциональный фон вплоть до резко отрицательного эмоционального восприятия.

Невербальные составляющие речевого поведения. Среди различных форм поведения *У* в первую очередь следует обратить внимание на *невербальные поведения*, окрашивающее образ отрицательными эмоциями.

Лицо. Как правило неживое, статичное, неподвижное, но имеющее (особенно верхняя часть), жесткие мыщцы иногда создают впечатление окаменевшей маски. Лоб бывает сильно напряжен, горизонтальные складки выражают враждебность, недоверие.

Глаза. Выгляд напряженный, холодный, тревожный, пристальный и одновременно отсутствующий и отстраненный.

Мимика недостаточно выразительна и экспрессивна. Немного выдвинутый вперед подбородок демонстрирует защитно-агрессивную реакцию.

Улыбка практически отсутствует.

Поза также характеризуется статичностью, напряжением в плечах, иногда устремление нависающих вперед. В некоторых ситуациях наблюдаются сжатые несвободная осанка, неуверенность и нерешительность, оправдательная позиция — сочетание пожиманий вперед-назад, сильно поднятых плеч, рук в карманах, что в совокупности с не очень открытым жестким видом невозможно считывается как «образ неудачника».

Вербальные составляющие имиджа. Говора с *вербальными проявлениями*, отчасти то, что *говорит и как говорит* характеризуются монотонностью, однообразием, стремленностью, «сжатостью». В целом речь отличается торопливостью и создает ощущение нерешительности и оправдывающейся тактики. Преобладающее отсутствие выразительной

речи в сочетании с подкой «сухой» экономической информации в большом количестве (цифры, множество экономико-политической терминологии) непременно влечет отключение внимания слушающих.

Образ *Гармонизатора*, что дополнительно дезориентирует зрителя и складывается у него состояние дискомфорта. С одной стороны, он праведный и агрессивный, а с другой — неуверенный и заискивающий.

Эмоциональная сфера. Общий эмоциональный настрой отличается значительной стабильностью, эмоциональные реакции очень сдержанны. Низкий порог чувствительности в отношении травмирующих ситуаций обеспечивает высокую стрессоустойчивость. В отношении восприятия других людей и окружающего мира подобная эмоциональная «глухота» оборачивается недостатком способности сопереживать, сопереживать, воспринимать «чужие материи» в отношениях и, главное, отсутствием стремления увидеть себя глазами окружающих.

Самонастройка на осознаваемом уровне — стабильно очень высокая. Она обеспечивает уверенность в себе, в своих действиях, убеждениях, поведении. Можно даже сказать, что ценность собственной личности для *Г* является определяющей и переносимой по отношению к поступкам, убеждениям и т.д.

Истинные потребности и мотивы блокированы сознанием. На осознаваемом уровне преувеличенное чувство собственной ценности и уникальности проявляется в сильнейшей потребности во внимании и удивлении со стороны окружающих, их одобрении и признании выдвинутых условий. То есть базовой потребностью является поддержание чувства своей исключительной ценности. Это проявляется в ведущей мотивации: искать и находить в окружающем мире, людях, своей деятельности подтверждение и подтверждение своей самооценки на высоком уровне и уход от всего, что могло бы эту ценность опровергнуть или даже немного снизить. На сознательном уровне потребности выступают в виде мотивации достижения, самореализации в своей политической деятельности, в творчестве. Это способствует и проявляется в высокой работоспособности, решительности, оптимизме и уверенности в отношении своих перспектив.

Особенности поведения. Блокированная сознанием базовая потребность влияния проявляется, во-первых, сильнейшим направлением, выражающимся прежде всего в направленном, пристальном, проигнорированном взгляде, а также в позе, интонациях. Из опасения быть недооцененным в должной мере вытекают такие поведенческие особенности, как частично намеренное, а частично неосознаваемое стремление к изоляции, эмоциональной отстраненности и отчужденности (проявляющейся в одиозности поведения), агрессивности (защитного характера), а также чувствительности к похвале и невосприимчивости к критике. Иными словами, имеет место предпочтительно таких моделей поведения и коммуникации,

которые позволяют не подвергнуть разрушению собственноручно воздвигнутый пылестад. Кроме того, в совокупности с неспособностью увидеть себя со стороны это может приводить к неожиданным и малоинтересным для окружающих формам довода, экстравагантным выводам, неадекватному поведению «белой вороны»².

Когнитивный стиль. *Г* справляется с разнообразными задачами как конкретным, так и абстрактно-теоретическим характером. Он быстро схватывает суть дела, в том числе сложные идеи, может увлечься идеей самой по себе, вне ее практического разрешения. Но при этом он может игнорировать многие важные обстоятельства, пренебрегать очевидными фактами, упускать из виду второстепенные детали, если они противоречат имеющимся в данный момент убеждениям и представлениям. Ему лучше удается стратегические планы, нежели тактические. Он тяготеет к схемам, к методологии, поэтому стиль мышления может показаться слишком абстрактным, оторванным от конкретной реальности и практики.

Подхода много, можно сказать, что отмеченные особенности *Г* влияют на самовосприятие его двояким образом. С одной стороны, они способствовали закреплению стиля его поведения как активного, деятельного политика, занимающего собственную независимую позицию и отстаивающего ее. С другой стороны, *Г* не принимает себя полностью как личность и воспринимается другими как малоинтересный и малопривлекательный человек. Эмоциональная недостаточность в исполнении профессиональной роли является серьезным барьером для достижения успеха.

Депутат, министр

Для демонстрации возможностей методов непосредственного исследования личности политика мы выбрали достаточно нетривиальный для российской практики случай — *З*. Эта женщина — политик из либеральной части политического спектра, которую мы консультировали в 1997–1998 гг., когда она была депутатом. В этом качестве она пробыва достаточно долго — шесть лет, а затем короткое время — министром в одном из технических правительств, павших в результате финансового кризиса. *З* оказалась весьма эффективным игроком на российской политической сцене. После ухода из правительства она вновь вернулась в публичную политику. Будучи избранной в Думу по одномандатному округу в своем родном городе, она до сих пор пребывает в этом качестве.

Вспомог *З* — весьма привлекательная и приятная в общении молодая женщина. Она до сих пор отзывается в Думе как об одном из наиболее квалифицированных и профессиональных политиков. Она внесла существенный вклад в создание ряда законов. После ее ухода из правительства отношения с коллегами по фракции сильно испортились, хотя внешне

нему наблюдательно трудно сказать, было это результатом политической самостоятельности *Z*, принявшей решение против воли лидера фракции, либо ее прорыва в отношениях с коллегами.

Социализация

Ранняя семейная социализация проходила достаточно благоприятно. Любимые родители баловали единственным ребенком. Отец до сих пор является образцом для подражания. Не случайно *Z* описывает свои способности в школе как мужские — она была не способна к чистописанию, кинию, рисованию. От мамы, как она считает, — женские силы.

Семья дала *Z* психологическую устойчивость, эмоциональное благополучие. Одновременно, привыкнув быть центром семейной вселенной, она и в зрелые годы ожидает к себе внимания. Вообще в выступлениях депутата *Z* нередко проглядывает такая удивительная девочка, прилежная и жаждущая похвалы. Отсутствие братьев и сестер, глубокий детский воспоминаний о дружбе со сверстниками (при положительном опыте общения с ними) не дали *Z* навыков общения на равных и сделали ее собственным стилем общения достаточно прохладным и отстраненным.

Детский сад, в который *Z* ходить не любила, не занимает в ее рассказе о себе много места. Но не исключено, что именно этот институт социализации не просто дал ей негативный опыт, но **нанесла психологические травмы**. Так, она не могла вспомнить причину наказания, но это относилось именно к детсадовскому периоду.

Школьный опыт социализации воспринимается *Z* позитивно. Ни учителя, ни учителя не вызывают негативных эмоций. Период раннего отрочества оставил интересную и личностно значимую память. К ней относятся очень хорошо.

Годы учебы в институте и работы сформировали у *Z* определенный опыт, который складывается как позитивный, так и негативный отскок на ее личность и особенно на политический имидж. Она училась легко как в школе, так и в институте. Ее самооценка подкреплялась успехами. Хотя успехи эти дают прекрасный старт для карьеры, но и сам институт, и лаборатория, где она работала, а затем руководила ею, — это чрезвычайно бедный жизненный опыт. Отсюда — хорошее самоощущение только в знакомой интеллигентской среде и незнание того, как себя вести в иных социальных группах.

В биографии женщины-политика публики всегда особенно внимательно отслеживают ее личную жизнь. Она у *Z* — наиболее яркая часть биографии. Женщина, впервые вышедшая замуж в 36 лет, да еще не депутата, безусловно интересна. В России такое позднее первое замужество достаточно редко и не вписывается в традиционные формы поведения. С одной стороны, *Z* необыкновенно женственна и обаятельна, с другой — в общественном мнении она выглядит как настоящий олимп

чужок: подросила своего маленького ребенка родственники и не умеет ценить собственное женское начало, гордиться им и использовать женские стратегии поведения.

Потребностно-мотивационная сфера личности. Доминирующей у *Z* является потребность в социально значимой деятельности, ориентированной на интеллектуальное самовыражение и управление социальной реальностью. По всей видимости, *Z* — типичный представитель весьма нечасто встречаемого среди политиков типа **самовыступающей личности**. В комплекс качеств, характерных для этого типа людей, входят потребность в самореализации, увлеченность делом, способность к переживанию проблем своей группы (страны в целом) как своих собственных, умение видеть действительность такой, какова она есть без искажений, и др. Этим набором качества *Z* обладает.

Богатый внутренний мир, интеллектуальная ориентированность, способность глобально мыслить и чувствовать, эмоциональный комфорт, чувство внутреннего удовлетворения делают натуру самодостаточной. В определенной степени мир воспринимается как источник непредсказуемости и возможных неприятностей. Этот мир надо контролировать. **Потребность в контроле** весьма значима для ее личности. При этом потребность во власти, равнодушной которой является потребность в контроле, выражена не явно и не носит компенсаторного характера.

Потребность в достижении очень высока. И что важно, носит не компенсаторный, а социальный характер. С **потребностью в аффилиции** не все обстоит благополучно. Потребность эта явно ниже остальных в личности *Z*. Это сказывается в том, что люди значат для нее меньше, чем организация, дело. Будучи самодостаточной, она не нуждается в них так, как, возможно, они от нее ожидают.

Z опирается на довольно высокую самооценку, признавая свою профессионализма, социальной значимости. В то же время в ее натуре есть активность, нестыми озабоченность. Несмотря на жесткость позиций, жесткой стереотип поведения преобладает, а это значит, что в сложных ситуациях может испытывать потребность в поддержке, и сильном плече рядом.

Самооценка у *Z* высокая. Для нее характерна неудовлетворенность своим положением в социуме, стремление обрести большое признание. Признание себя «великой», ощущение своей необычности, исключительности на других отчасти соответствуют реальности. Но здесь просматривается и опасность неадекватной самооценки, неумения соразмерить самооценку с оценками окружающих, усиленная интровертированностью, ориентацией на себя, а не на других. При этом развитая интуиция может компенсировать этот недостаток.

Я-концепция у *Z* сложная, неинтегрированная. Она склонна к рефлексии и самонаблюдению. Отдельные компоненты Я-концепции нуждаются в детализации и проработке.

Семейное Я у *Z* вполне благополучно. Она идентифицирует себя с отцом как в отношении лидерских качеств, так и по той роли, которую он как лидер хотел бы играть, — это роль реформатора, генератора идей, но никак не исполнителя.

Социальное Я *Z* относит себя к интеллигенции. В некоторых ее высказываниях, а чаще в поведении, взглядах и других невербальных проявлениях она дает понять о своей элитарности. При этом, описывая свою работу в лаборатории, говорит: «Мы были черная кость, рабочие лошади» по сравнению с теми, кто работал на кафедрах.

Амбиции в политике — очень большие. Считает, что сама судьба предвещает ей успех. Может практически все. «Роль — реформатора страны. Роль в коронной команде. Организатор. Наладит один участок — перейдет на следующий. Готова к роли вице-премьера сначала по экономике, потом по социальным вопросам и т.д.». Умает и любит строить систему.

Социальное Я не транжирит. Однако проблемы есть: кто воспринимает свободу, уверенность в том, что можно она может и должна быть у власти. Такая позиция плохо сочетается с демонстрируемыми демократическими взглядами. *Z* не дается манера держаться на равных. Она смотрит на людей то снизу вверх, то сверху вниз, будто растолковывая что-то непонятным и даже туповатым ученикам.

Физическое Я *Z* определенно транжирит. Об этом свидетельствует и рисунокный тест¹. Буквальная трактовка узнанных мент в физическом облике приводит брешь в самооценку, которая в остальном чрезвычайно высока. Многие межличностные несоответствия могут быть результатом того, что *Z* просто не видит как следует (плохо чувствует), а не того, что не смотрит на себя. Отсюда воплощение закрытости, отстраненности и замкнутости, которые мешают проявлениям спонтанности и раскованности.

Психологическое Я *Z* — типичный интуитивный интроверт.

Две наиболее вытуканные черты *Z* — интуиция и способность принимать решения. Это ее сильные стороны, опора ее личности. При этом если некоторые способности у нее достаточно ярко выражены, то восприимчивые способности развиты мало. Это требует компенсации и коррекции.

Z гордится своей независимостью. Чем бы ни занималась, любит быть первооткрывателем. Благодаря интуиции, *Z* обладает потрясающим воображением, собственным видением ситуации и ее возможностей. Ее девиз: «Какова бы ни была ситуация — ее можно несомненно улучшить». Она не может заниматься все время одним и тем же. Достигнутый результат для нее неинтересен. Она постоянно нуждается в новых задачах, все более сложных и трудных, чтобы было к чему стремиться.

Межличностные отношения. Вальду стремления требовать от других нести такой же груз, какой она берет на себя, ее могут считать чрез-

мерно требовательной и прадирчивой. Z ориентирована не на требования людей, а на требования организации.

Она не склонна к выраженным чувствам. Временами выглядит злободой, злободушной и плохо реагирующей. Немного идет на встречу другим. На самом же деле это проявление потребности в автономии, личном пространстве. Безразличие или критику в свой адрес переносит безвзвешенно, когда считает их справедливыми.

Добавим к этому психологическому портрету лишь несколько примет.

Тесты показывают, что у Z отсутствует агрессивность при одновременной уверенности в себе, в своих действиях — черта очень привлекательная и позитивная.

Человек принадлежит к типу закрытому, интравертированному, замкнутому. Это создает сложности в публичном исполнении политических ролей.

Подводя итоги, попробуем сформулировать те проблемы, которые возникают при создании профилей российских политиков.

Проблемы, возникающие при использовании всех указанных методов, связаны с этапом интерпретации полученных данных. Так, в случае *высказывания образа политика через его отражение в массовом сознании* мы сталкиваемся с необходимостью понять, что означает та или иная черта в образе политика, которое приписывают ему наши респонденты, как в контексте его личности, так и в контексте ситуации.

Серьезная теоретическая задача — создание теоретического набора качеств, который необходим для описания как реального, так и идеального образа российского политика. Изучая рациональные и бессознательные уровни образа Ч.П.С. в сознании граждан, мы обнаружили, что рациональные и эмоциональные составляющие, как правило, рассогласованы. Наши граждане доверяют одним, симпатизируют другим и голосуют за третьих политиков. Правда, в конце 1990-х годов этот разрыв становится меньше, чем он был в начале десятилетия.

Более того, даже наиболее глубинные «картинные» слои в личности одного и того же политика претерпевали серьезные изменения на протяжении нескольких лет. Исследователь должен realize, в какой мере это несоответствие является результатом внутрисубъективного противоречия, а в какой — характеристикой массового восприятия, тех ожиданий, которые составляют основу образа желаемого лидера.

Проблема интерпретации arises и в том случае, когда мы пытаемся анализировать образ политика в отрыве от контекста восприятия. В данном случае мы имеем в виду не широкий исторический или культурный контекст, а наличие при восприятии политика того фона, каковы являются

его соперники и соратники, действующие на политической сцене. Возможно, для сознания кастера это обстоятельство не так значимо. Но когда мы последуем не реальному политику, а его образ савель, приму сознание рядовых граждан, этот фактор серьезно влияет на тот выбор, который граждане делают из наличного набора политиков, участвующих в избирательной гоним.

Интерпретация *глубинных* *интервалов* с политиком *X* вымывает возможность как истоков становления личностных комплексов через анализ социализации, так и специфика собственно политических смыслов, которые окрашивают те или иные высказывания этого политика. Например, подчеркивая свою принципиальную отстраненность от советской власти (никогда не состоял в КПСС) и претендуя на оппозиционность в настоящее время, *X* в то же время проводит в Думе линию, полностью совпадающую с позицией президента и правительства. Интерпретация этой двойственности определяется характерным для советского периода двойным стандартом в отношениях между личностью и властью.

Интерпретация является сложной проблемой и при исследовании профиля политика через анализ *информационной* его выступлений. Содержание вербальных составляющих нередко не совпадает с невербальными компонентами образа. Обычно это интерпретируется как свидетельство внутрличностного конфликта. Но в случае анализа образа политика мы не можем не учитывать те коммуникативные искажения, тот информационный шум, который вносит, помимо самого политика, те, кто выступает посредниками в процессе общения: журналисты, консультанты, противники и другие участники процесса коммуникации.

Интерпретация *наблюдения, мысли и других традиционных методов* создания *психологического* профиля политика не отличается от аналогичных процедур в отношении людей других профессий. В политической психологии и в политическом консультировании мы, так же как общие психологи, сталкиваемся с личностными заданиями, которые клиент выстраивает для сохранения своей идентичности. Есть и опасность привнесения субъективного опыта консультанта в интерпретацию результатов анализа.

Существенной проблемой в работе с политическими деятелями является нехватка времени и невозможность применения громоздких диагностических процедур. Для многих российских политиков само тестирование является процедурой пугающей и неприемлемой. К тому же есть проблема установления контакта, вызванная отношением политика по поводу раскрытия конфиденциальной информации. С этим связано пока очень ограниченное распространение использования тестов при консультировании действующих политиков высокого уровня.

Не менее серьезно стоит и проблема выделения тех индикаторов, которые позволяют получить необходимое и достаточное количество

данным для создания психологического профиля с помощью тестов. Разные авторы пользуются разным «строительным материалом». Одни работают с мотивами и потребностями, другие — с ориентациями, третьи — с разными, четвертые — со взглядами. Вопрос заключается в том, какой набор характеристик позволяет полно описать все богатство проявлений личности политика и отражает специфику именно лидеров.

В конечном счете то, кто изучает политических лидеров, должен быть способен не только описать индивидуальные особенности того или иного политика, его личностные характеристики, но и ответить на вопрос о том, что именно делает данного политика лидером, какие качества для этого важны, а какие — второстепенны. Не менее сложно определить и то, какие из лидерских качеств обусловлены личностью, а какие идут от требований его политической роли (депутата, премьера или лидера партии).

Итак, наши герои не похожи друг на друга. Они исполняют разные политические роли. Их отличают разные политические взгляды. Различия в их опыте политической социализации. Но каждый из них по-своему типичен. Каждый по отдельности и все вместе — они внесли свой вклад в политическую историю России 1990-х годов.

Примечания

¹ См.: Winter D., Hermann M., Neustadt R., Miller S. The Leader as a projective screen // *Political Psychology*. 1991. Vol. 12. No 2; Greenstein P. *Personality and Politics*, Princeton, 1987; Barber J. *The presidential character: Predicting performance in the White House*. N.Y., 1972; Hermann M. *Workbook for developing personality profiles of political leaders from content analysis data*. Mimeo. Merton Center, Columbia, The Ohio State Univ., 1987 etc.

² Loeber R. *Psychopathology and Politics*. Chicago, 1991.

³ Данное исследование проводилось начиная с декабря 1993 г. ежегодно, иногда дважды в год. Мы описываемся на анализе данных апреля 1996 г., марта 1997 г. и февраля 1998 г. Это дает возможность проследить динамику изменений образа Ч.В.С. Политик Черномырдин как интересная фигура имеет других ведущих российских политиков — президента Ельцина, Явлинского, Зюганова, Жириновского, Лесбю, Лукину, Чубайса, Шакрина и Немцова.

Выборка была составлена с учетом профессиональной представленности по полу, возрасту, уровню образования и различиям в политических ориентациях (левые, правые и аполитичные). Мы не ставили своей задачей получения данных, репрезентативных для всей России. Поэтому большая часть опрошенных — женщины, хотя среди российских была и много мужчин. Общее число полученных материалов по каждому лидеру — 180, 260, 200. Для качественных исследований данного типа такая выборка более чем достаточна, так как нашей задачей является не столько обобщение данных разных людей о том или ином политике, сколько поиск тенденций в восприятии и рациональном восприятии политических лидеров. Но те цифры, которые приводятся в данном исследовании, точны, так как даны повтором в небольшом числе ответов чрезвычайно малой.

Исследование базируется на фокусированных интервью с представителем фотографии в качестве стимульного материала. Обработка материалов велась как с помо-

целью шкалирования оценки respondentов личностных качеств лидеров, так и с помощью политико-психологического анализа выявляющей отдельным respondentом и последующим надписями равнозначных и несоответствующих уровней и на определенных конкретных фигур.

В ходе исследования сформулированы задачи для темы вопроса. Один был направлен на выявление особенностей мнений о политиках, отношении к ним и знания о том, кто они такие. Еще интересно, что в Ч.В.С. знания respondentов правятся и что не правятся. Кроме того, в том исследовании специально выделен вопрос о том, какие личные мотивы граждане приписывают ему. Другой тем вопросом был рассчитан на факторы несоответствия установок. Они выявлялись через противоречивые политическим ассоциациям с законом, цветом, животным. Ответы respondentов также кодировались для их дальнейшей количественной обработки.

⁴ *Melva Shkorporal, Marina Novikova-Grand, Psychological and Linguistic Analysis of respondents' perceptions of 12 Leading Russian Politicians // Paper, Presented for the Nineteenth Annual Meeting of ISPP, Vancouver, 1996, June 30—July 3.*

⁵ Вспомогательная, что и у журналистов роль прессы ассоциировалась с местом обитания при политике.

⁶ Примечательно, что в своем недавнем интервью после парламентских выборов, на которых он выступил с большим успехом, чем раньше, этот политик с разрывом снова характеризовал высшую власть как «фальшивую».

⁷ *Winter D. et al, The Personality of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Perceptions, Portraits, and Policy // Political Psychology, 1991, Vol. 12, No 2, P. 213—243.*

⁸ Примечательно, что сам политик, описывая свою жизнь, воспринимал роль политический образ «белой вороны», который ему было приятно.

⁹ Э был предложен проективный тест «Исчерпывающее животное», а также тест Лангера.

Оценка субъекта психологического портретирования*

Личностные особенности политического психолога, в данном случае — психолога-портретиста, значительно влияют на меру соответствия построенного портрета реальным психологическим качествам изучаемой личности, т. е. на то, что в широком смысле определяется как релевантность. В литературе мы не находим требований к личности психолога-портретиста с позиций категории релевантности, а также упоминаний об особенностях его профессиональной деятельности, хотя к этой теме более ста лет назад в афористичной форме обращался выдающийся русский историк В. О. Ключевский. Психологом известен его слова из письма Н. М. Бороздиной от 17 января 1894 г.:

«Какая разница между романистом и психологом? Первый, воображая чужие души, рисует свое; второй, изучая свое душе, думает, что наблюдает чужие. Романист пошел на человека, который видит во сне самого себя, а психолог — на человека, который подслушивает шум в чужих ушах»¹.

Содержание этой сентенции классика психологического портрета не пояснил, предоставляя нам возможность разнообразных ее интерпретаций, побуждая портретистов последующих поколений научными средствами разобраться в этой теме.

В довольно широком спектре профессиональных задач политического психолога задачи портретирования политических деятелей — одна из самых сложных. Этот аспект деятельности психолога в силу его специфичности представляет к личности портретиста определенные требования. Сделаем попытку сформулировать эти требования, используя метод аналогии и опираясь на анализ деятельности психологов, занимавшихся портретированием, а также на собственный практический опыт.

Личность консультирующего психолога выделяется практически во всех теоретических системах как важнейший элемент его профессиональной деятельности. Так, К. Роджерс подчеркивал, что теории и методы консультирования менее важны, нежели осуществление им своей роли². А. Гембс на основании проведенных исследований установил, что успешного психолога отличают от неудачника черты личности³.

Р. Котунас⁴ приводит известный пример, когда З. Фрейд на вопрос о критериях успешности психотерапевта ответил, что психоаналитику не

* Рамитский Н. М. Психологическое портретирование в политологический практикум: Учеб. пособие. М.: Интерпракс, 2008. С. 123–143.

обязательное медицинское образование, а необходимыми наблюдательность и умение проникать в душу клиента. Итак, по существу, основа процесса и релевантного результата психологического портретирования — это «и-как-инструмент».

Обобщая мнения авторитетных исследователей и руководствуясь принципом необходимости идеализации для выявления существенного², автор считает возможным полагать, что эффективность психолога-портретиста в контексте проблемы релевантности определяется тремя системными параметрами: качеством его личности, профессионализмом и специальными навыками. Эти параметры органично между собой связаны, и их разделение весьма условно.

Не умаляя значения теоретико-методологической и практической подготовки, автор склонен отдать первое место в системе приоритетов качеств личности портретиста. В свое время М. Балинт и Е. Балинт писали, что знания можно получить из книг и лекций, навыки приобретаются в процессе работы, но их ценность ограничена без совершенствования личности психолога. Деятельность психолога становится ремеслом, вымощенным добрыми намерениями, если ее не поднимают на профессиональный уровень соответствующим качеством личности³.

Современных исследований в области изучения качества личности, обеспечивающих успех ее деятельности, которые можно отнести к психологу, довольно много⁴. Восемь интересную и ценную информацию по этой теме при внимательном чтении можно найти в трудах Н. Макхавелла⁵, Б. Грасмана⁶ и других авторов⁷. Однако однозначного ответа на вопрос об оптимальном сочетании личностных качествах и свойств психолога в настоящее время не существует.

Если сделать попытку обобщить содержание многочисленных исследований о качествах и свойствах личности, которые необходимы успешному консультанту, то мы можем в определенной мере приблизиться к модели личности эффективного портретиста. Подобный перечень личностных особенностей, во-первых, нуждается в концептуализации, во-вторых, он мог бы послужить основой некой специальной программы по подготовке портретистов⁸. Речь, естественно, идет об открытой, рабочей модели, поскольку каждый психолог вправе ее дополнить. Модели в политической психологии приближают нас к тому, что еще не познали, через то, что близко, привычно и повседневное. По существу, модель является связующим звеном между известным и неизвестным⁹.

Рассмотрим некоторые концептуальные аспекты, которые могли бы составить основу модели психолога-портретиста. В ряду наиболее значимых интегративных личностных качеств автор считает необходимым в первую очередь выделить триединство. В этой связи К. Шнайдер предлагает три постулата, дифференцирующих это понятие¹⁰. Во-первых, это личная

зрелость психолога. При этом подразумевается, что психолог успешно решает свои жизненные проблемы, открыто, терпим и искренен по отношению к себе. Во-вторых, социальная зрелость психолога. Подразумевается, что психолог способен помочь другим людям эффективно решать их проблемы, открыто, терпим и искренен по отношению к ним. В-третьих, зрелость психолога, которая понимается как процесс, а не состояние. По этому поводу Б. Грасман еще в XVII в. писал, что «зрелыми не рождаются, но, кто для и день совершенствуя свою личность, кончаясь в своем деле, человек достигает высшей зрелости, полноты достоинств и преимуществ...»¹⁴.

О зрелости как важнейшем качестве личности психолога в 1937 г. писал Г. Оппорт¹⁵. По его мнению, зрелость подразумевает как достижение определенного возраста — 30 лет или около того, так и богатый практический опыт взаимодействия с человеческой природой в самых разнообразных и запутанных ее проявлениях. Люди с древних времен обоснованно придавали значение возрасту как важной характеристике зрелости человека. Так, блаженный Феодоракт, архиепископ болгарский, еще в XI в. писал:

«В первом возрасте преобладает неразумие, во втором, т.е. юношеском, — сильный пыл сердца и гнева, а в третьем же, когда человек делается совершенном мужем, — любостыжливость»¹⁶.

Юность видит людей в узкой перспективе своего ограниченного опыта. Когда молодых людей побуждают судить о тех, чья жизнь значительно отличается от их собственной, они часто обращаются к незрелым, огрубевшим и несообразным клише: таким, как «старик отстал от жизни», «нормальный парень», «студак» и т.п. У взрослого и опытного человека для каждого из бесчисленных человеческих проявлений уже есть богатая интерпретивная цепочка тщательно проверенных интерпретаций. Даже если ассоциации и умозаключения не являются единственными умственными процессами, помогающими понимать других людей, даже если нам нужно отдать дань интуиции, то и для интуитивного понимания необходимы прочные опытные основания.

Замечательный и весьма поучительный пример значения опыта в деятельности начинающего портретиста приводит немецкий психолог и психотерапевт французского происхождения Н. Пизанья¹⁷. Это история об одном способном юноше, который в течение шести лет преданно учился искусству распознавания людей по их внешности. Прекрасно один раз познанный, он жестоко ошибся в оценке второго же человека, встретившегося ему за стенами школы.

Возраст и опыт являются качествами необходимыми, но недостаточными. В ряду системообразующих качеств портретиста, определяющих успешность его деятельности, стоит также многогранность, сложность и

интегрированность его личности. Как правило, люди не могут глубоко познать тех, кто мыслитابه, сложное и тонкое из словиз, — каждый понимает лишь то, чему сам соизмерив. Так, Д. С. Мережковский, рассматривая проблему изучения личности Наполеона, писал:

«Узнавать чужую душу — значит оценивать ее, вешивать на весы своей души. А в чьей душе весы для такой тяжести, как Наполеон?» И далее: «Маленькими планками, увеличенными как микроскопы, психотипы выдают каждую клеточку Гюльмвровской души, но люди это не видят; они им кажутся страшным и мутным пятном; маленькими аршинами они могут измерять тела его с математической точностью; но пообразить, почувствовать себя в том теле не могут»¹⁹.

Прямодлиный ум не испытывает сочувствия к волнениям ума разносторонне развитого и культурного. Две души обитали в груди у Фауста, и только одна — у его помощника Вагнера; и именно Фауст оказался способным, в конце концов, постичь значение человеческой жизни. Из этого можно сделать вывод, что если человек обладает сложной, разносторонней и цельной натурой, то он может получать от этого важные преимущества. Портретисту приходится иметь дело с исключительно сложными психическими явлениями, и даже если у него есть собственные трудности, с которыми он справляется, то это будет лишь повышать его квалификацию. Это не означает, что мы не оставляем места для жанраодностороннего психолога без сложностей, чья роль не столько в понимании объектов изучения, сколько в ободрении их. Так, с терапевтической точки зрения чаще бывает полезнее изучать здоровье и хорошее настроение, чем сочувственно входить в нарушения и сложности душевной жизни клиента. В реальной практике мы знаем как минимум два типа успешных психологов: те, которые добиваются результата путем мучительного переструктурирования личности, и те, кто лечит, воздействуя на внешность²⁰.

Важнейшей характеристикой зрелости и интегрированности личности психического психолога является развитая социальная позитивная система его ценностей. Каждый человек имеет свою систему ценностей, которая определяет его жизнь и то, как он воспринимает окружающий мир и других людей. Речь идет о главных жизненных критериях. Автор в целом солидарен с позицией Р. Миза, который утверждает, что любая проблема личности — это моральная проблема²¹. Ничего говоря, каждая проблема личности имеет свой нравственно-этический подтекст.

Портретист должен четко знать свои ценности и их соотносительность с фундаментальными категориями Добра и Зла, которые были сформированы нашей национальной культурой в течение тысяч лет. Понимая и описывая другого человека, тем более политиком, он должен или по крайней мере отчетливо на вопрос о том, что есть жизнь этого человека как ценности. Что есть

Добро и Зло в его Я, которое живет среди многих других Я в историческом времени (культуре), личном (психологическом) времени жизни, а также в физическом времени его тела²¹. Однако ясная ценностная позиция портретиста не подразумевает ее обязательную экспликации, тем более морализирования в тексте того или иного психологического портрета. Даже прямо не высказывая свои ценности, но придерживаясь в работе своей философии, мы неизбежно вносим в процесс портретирования свое понимание системы сущностных вопросов жизни.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением академика Б. В. Раушенбаха о том, что «художник неизбежно пропускает материал через себя, поэтому всегда остается в нем, даже когда пытается этого избежать»²². В литературе, правда, приводится редкий пример исключения из этой закономерности. Так, русский философ В. В. Розанов, современник Д. С. Мережковского, заметил, что творчество последнего — это «стена, отбрасываемая на читателя»:

«Говорит: "Мережковский", "Мережковский", а это вовсе не я, а есть 1) Юлиан, 2) Леонардо, 3) Петр... и проч., и проч..."»²³.

И это постоянное как бы отсутствие личности автора в собственных произведениях, ее растворение в личности своего героя, по мнению В. Розанова, рождает внутреннюю драму самого Мережковского.

Значимым интегративным качеством личности психолога некоторые авторы называют аутентичность. Так, Дж. Бугенталь называет аутентичность стержневым свойством личности психолога и важнейшей экзистенциальной ценностью²⁴. Аутентичность в какой-то степени обобщает важные качества личности. Прежде всего это способность быть искренним и открытым по отношению к объекту изучения. Аутентичный человек стремится быть самим собой как в своих непосредственных реакциях, так и в целостном поведении. Он позволяет себе не зить все ответы на важнейшие вопросы, если он их действительно не знает.

Г. В. Олпорт наряду со зрелостью в ее ключевых аспектах пишет о таком важном, по его мнению, психологическом качестве оценищика людей, которое он определяет как «подобие» (*similarity*)²⁵. Это требование того, чтобы человек, который пытается судить о людях, по своей природе был похож на того человека, которого он хочет познать: те, кто точнее фиксирует какую-то черту в другом человеке, сами в высокой степени обладают этой чертой. Но корреляция здесь не однозначная, и все обстоит не так просто: подвижность воображения одного оценищика может оказаться ценнее, чем огромные запасы накопленного опыта другого. Олпорт считает, что «сходство» — это особый случай «аналогии». Чем больше другой человек похож на меня, тем больший опыт общения с ним я имею. Именно по этой причине члены одной и той же национальной, религиозной или профессиональной группы обычно точнее всего судят друг о друге.

Некоторые исследования показали, что те, кто разбирается в других людях, менее общительны²⁶. Им в большей мере свойственны интроверсия, чем экстраверсия, а лучшие психологи бывают в чем-то загадочными и с трудом поддаются чужой оценке. В среднем они не очень высоко ставят социальные ценности. У тех, кто имеет социальными новостями, не хватает времени на беспристрастное и вдумчивое изучение других людей. Они испытывают сочувствие, жалость, любовь или восхищение и не могут дистанцироваться от этих эмоциональных отношений настолько, чтобы обрести непредвзятый взгляд. Портретист, который не стремится все время быть участником каких-то событий, но остается в стороне и наблюдает их, ничто не пропуская, вероятно всего, сможет сделать более реалистичные суждения и оценки. Случается и так, что профессиональный знаток людей, например писатель, какое-то время почти целиком отдается участию в неких событиях, но затем выходит из них и начинает ретроспективно исследовать людей и случившееся с ним отстраненно.

Довольно часто с меньшей общительностью связаны эстетические склонности. Эстетический ум всегда пытается проникнуть во внутреннюю присущую объекту его изучения гармонию, будь то нечто настолько тривиальное, как какой-нибудь орнамент, или нечто настолько значительное, как человеческое существо. Уникальность и уравновешенность структуры — вот что интересует эстетическую личность во всех случаях. Такой склад ума необходим не только новеллисту, но и портретисту. При высоком развитии эстетический склад ума может в определенной степени возмещать некоторые ограничения «мысли», «интеллекта», «глубокого понимания себя», «следствие» и «способность». Если же эстетический склад ума портретиста сочетается с перечисленными качествами, то это повышает эффективность его работы.

Развитая рефлексия продолжает ряд качеств личности эффективного портретиста. С точки зрения Т. де Шардена, которой мы придерживаемся, рефлексия — это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, — способность уже не просто познать, а познать самого себя; не просто знать, а быть, что знать. Путем этой индивидуализации самого себя внутри себя живой элемент, до того расплывчатый и раздвоенный и слитном кругу восприятий и действий, впервые превращается в точный центр, в котором все представления и опыт свиваются в определенное и единое целое, включающее свою организацию²⁷.

Развитая рефлексия увеличивает психодиагностические и прогностические возможности политического психолога²⁸. Чем больше портретист знает о себе, тем лучше он познает изучаемого человека, и наоборот —

чем больше психолог познает своих героев, тем глубже познает себя, что означает взаимосвязанность двух видов рефлексии — направленной на себя и на других²⁰. Как говорит Э. Кеннеди²¹, неумение услышать, что творится внутри нас, ограничивает нашу эффективность, кроме того, увеличивает подверженность стрессу. Правильное понимание самого себя, своего притворства и непоследовательности, собственных сложных мотивов обычно удараживает нас от поверхностных и простых суждений о людях. Слепота и ошибочность в понимании нашей собственной природы будет автоматически перенесена на наши суждения о других. Компульсивный невроз или любая другая причуда, не познана нами самими, обязательно будут накладываться как проекция или ценностное суждение на наши оценки других людей. В практике психоматериала давно была признана необходимость предварительного познания себя. Прежде чем психолог сможет развивать души других людей, он должен распутать свой собственный²².

Рефлексивный потенциал непосредственно связан с таким личностным качеством, как провидительность²³. Б. Грасман пишет:

«Хвала провидительному. Невсегда выше всего ценилось умение рассуждать; теперь этого мало, надо еще распознавать и, главное, разоблачать обман. Нельзя назвать разумным человека непроницаемого...»²⁴.

Как справедливо отмечает В. Г. Зазыкин:

«Провидительность является важнейшим личностно-деловым качеством для представителей многих профессий, основой их профессиональных достижений»²⁵.

Провидительность дает возможность психологу предвидеть визуальным воздействием²⁶ объекты изучения и видеть то, что стоит за таким приемом политико-психологического воздействия, который Ю. С. Крижанская и В. П. Третьяков определяют термином «самозлодича». Самозлодича как процесс управления восприятием заключается в умении политика направить восприятие по определенной, выгодной ему программе²⁷.

Многие люди неуверенно чувствуют себя в ситуациях объективной и субъективной неопределенности, в которых нет или недостает структуры, ясности и предсказуемости. Из личного опыта каждому человеку известно, сколько сомнений, тревог, колебаний и внутренней борьбы приходится переживать. При этом Я как центральная точка переживаний неопределенности играет решающую роль в формировании волевого акта, и в нем концентрируется то, что А. Комбатский определяет как «интеграционный усилитель»²⁸, связанное с этим процессом. В этой связи мы говорим о таком профессиональном значимом качестве психолога, как толерантность к неопределенности. Уверенность в своей интуиции и адекватности чувства, способность принимать решения и рисковать — эти качества

помогают переносить напряжение, создаваемое неопределенностью в деятельности портретиста в условиях дефицита времени и ресурсов.

Обобщая рассмотренные выше требования, предъявляемые к личности политического психолога в роли портретиста, можно утверждать, что эффективный портретист — это прежде всего ясный человек.

Следующим системным качеством личности психолога, практически воспользованным от перечисленных выше, мы можем назвать профессионализм. Профессионализм политического психолога-портретиста заключается в умении предусматривать, планировать и использовать в контексте идей политологического анализа весь арсенал возможностей, а не только те, что составляют элементы самой технологии психологического портретирования²⁹. Такой подход к профессионализму выглядит оправданным, если исходить из понимания этого феномена, данного в исследованиях Е. А. Климова. Он писал:

«...профессионализм мы будем понимать не как просто некий высокий уровень знаний, умений и результатов человека в данной области деятельности, а как определенную системную организацию сознания, поведения человека...»³⁰.

Результатом определенной системной организации познания профессионала является формирование у него определенного образа мира, характеризующегося системой приоритетов в отношении факторов среды, в том числе и социальных. Понятие, что психическое как существенный компонент реальности у этих профессионалов должно занимать одну из ведущих мест в системе приоритетов. Должен возникнуть образ этого фактора, который в свою очередь выступает как регулятор поведения и деятельности «не только как в контексте целостного образа мира, сформировавшегося в данном моменту у человека...»³¹. У истинного профессионала фактор учета психической реальности повсеместно, а не только в структуре профессиональной технологии, имеет особую значимость.

Подход Е. А. Климова развивает А. К. Маркова. Она считает, что профессионал — это специалист, овладевший высокими уровнями профессиональной деятельности, сознательно применяющий и развивающий себя в ходе осуществления труда, вносящий свой индивидуальный творческий вклад в профессию, выходящий свое индивидуальное предвидение, стимулирующий в обществе интерес к результатам своей профессиональной деятельности и повышающий престиж своей профессии в обществе³².

Рассматривая профессионализм как непрерывный процесс самосовершенствования в деятельности, В. В. Петрусенский выделяет семь показателей этого процесса и возможных формальных критериев их оценки, а именно:

1. Умение прогнозировать процессы и явления, находящиеся в зоне профессионального ведения специалиста, предвидеть события и их последствия.
2. Понимание сущности предмета профессиональной деятельности. На высоком уровне мастерства это качество может проявляться в способности моделировать, строить принципиальную модель системы деятельности.
3. Широта кругозора, полнота охвата предмета профессиональной деятельности — кометность. Как следствие, профессионал предусматривает большое количество аспектов, учитывает большое количество степеней свободы функционирования системы и видит больше мест конкретного аспекта в общей системе.
4. Степень творчества, новизны, оригинальности. Фактически это количество новой информации, порождаемой профессионалом.
5. Скорость выполнения операций, которая не должна пониматься буквально, скорее, она выражается во времени, затрачиваемом на подготавливаемую работу.
6. Качество является одним из самых важных показателей профессионализма. В нашем случае под ним можно понимать точность исполнения поручения во всех его аспектах, степень детализации и продуманности замысла.
7. Стабильность процесса профессионального творчества. Для людей производственной сферы это — ритмичность работы. Для интеллектуальных профессий — непрерывность и неослабеваемость процессов творчества. Для военной службы и иных особых континентальных условий и нестандартных ситуаций — оптимальность и устойчивая стабильность. «Быть в форме» — известный формула профессионализма в интеллектуальном, творческом труде¹⁷.

Список показателей профессионализма, сформулированный В. В. Петрушиным, может быть взят за основу для изучения и оценки процесса и результатов деятельности перенетиста. Он также позволяет сделать некоторые методологические выводы, имеющие значение для самой деятельности психического психолога.

Во-первых, профессионализм понимается как целостная система внешних и внутренней сторон деятельности, в отличие от распространенного в психологии труда понимания профессионализма как высокой квалификации, как соответствия работника требованиям профессии. Это различие весьма важно, если мы стремимся не только описать систему деятельности, но и понять ее специфику в конкретных условиях деятельности. Во-вторых, автор, формируя список характеристик, выходит на мета-позицию при их презентации, описывает сущность феномена профессионализма в его целостности. И, в-третьих, в основании выделенного перечня

характеристик лежит понимание сущности процесса профессионального совершенствования как вектора развития системы деятельности, куда человек — субъект труда — включен как ее неотъемлемая часть¹¹.

Нараду с такими системообразующими качествами личности, как зрелость и профессионализм, эффективность политического психолога определяется также его социальными качествами и навыками. Важной составляющей, характеризующей социальные качества и навыки портретиста, может выступать *сенситивность*¹². Она во многом определяет его возможности в диагностировании личностных качеств и прогнозировании поведения и деятельности людей. В настоящее время существует, по крайней мере, два подхода к определению понятия «сенситивность». Часть авторов рассматривает ее как целостное, общее свойство, как способность проецировать чувства, мысли и поведение другого человека. Другие авторы отдают предпочтение многокомпонентной теории.

Так, Г. Смит считает, что ответ на вопрос, какую точку зрения стоит принять, зависит от того, какую цель мы перед собой ставим: выбрать сенситивных людей или же тренировать их. При отборе должно быть особое предпочтение взгляду на сенситивность как на обычную способность, для тренинга большим подспорьем многокомпонентная теория, так как именно она даст ключ к тому, с чего начать тренинг, для чего тренировать, как это делать и, добившись от себя, — что тренировать.

Г. Смит выделил четыре компонента сенситивности¹³. Основанием для такой классификации послужил анализ теорий и практики спиналистов в области сенситивного тренинга. Представляется уместным остановиться на содержании некоторых профессионально значимых качеств портретиста, осуществляющего наблюдение за политическими деятелями.

1. Одним из важных качеств психолога и экспертов, принимающих участие в психофизиологических исследованиях, является *наблюдательская сенситивность* — способность наблюдать другого человека и одновременно запомнить, как он выглядел и что говорил. При этом наблюдению подлежат:

- речевые акты, их содержание, последовательность, интенсивность, направленность, частота, продолжительность, уровень экспрессии, особенности лексики, грамматики, фонетики, интонации и голосовых качеств говорящего, речемоторная синхронизация, графические проявления (почерк, рисунок);
- выразительные движения (лица и тела);
- перемещения и позы людей, дистанция между ними, скорость и направления движений, аранжировка в межличностном пространстве;
- тактильное воздействие (рукопожатия, касания, поддерживающие жесты, толчки), передача и отнятие предметов, упреки;

- знаком и локализация их источников;
- сочетание перечисленных действий, признаков и характеристик.

Г. Смит рассматривает наблюдение не как пассивный акт замечания, замечая при этом, что все, что мы видим и слышим, проходит сквозь призму нашего сознания, и мы получаем в результате то, что мы можем получить.

Внимание установок, стереотипов, опыта приводит к субъективным искаженным образам Я и других людей. Желания, предположения, привычные способы восприятия могут «программировать» наблюдение, фокусируя внимание на ограниченных фрагментах поведения человека. Поэтому наличие навыков ограничения того, что мы слышим и видим, от чувств и мыслей по поводу этого относится к важному качеству наблюдателя. Н. Тэн замечательно иллюстрирует значение способности наблюдать и благодаря тому видеть много больше, чем все остальные, на примере личности Николсона: «Представления же его о людях выработались исключительно под влиянием личных наблюдений. Книжки подсказывают ему одни только вопросы, разрешаются эти вопросы лишь посредством личного опыта... Все остальное в нем... является результатом самобытной и непосредственной деятельности его способностей при столкновении с людьми и предметами, быстрого и верного такта, неутомимого и кропотливого мышления, постоянных наблюдений, проверенных долгими часами удивленного размышления»⁶⁶. И далее: «Это-то слова, жесты, акценты он тщательно собирает; он проводит самые сокровенные чувства в их внешнем выражении; по типичной, своеобразной физиономии, по незначительной отрывочной сцене, по нескольким чертам, удачно подобранным, характеризующим целый ряд аналогичных случаев, он судит о нравственных свойствах данного лица»⁶⁷.

2. Следующий вид — **теоретическая чувствительность**. Она рассматривается как способность выбирать и применять теория для более точных интерпретаций и предсказания чувств, мыслей и действий других людей. Иными словами, знание и изучение различных теорий личности может улучшить наше понимание поведения окружающих и самих себя. Ориентация в различных теоретических концепциях личности, каждая из которых обладает своей областью адекватности, безусловно, может усиливать чувствительные возможности, в частности, их счет сокращения ошибок «по введению» и различных вариантов структурирования наблюдаемых проявлений.

Однако наличие лишь теоретической чувствительности без развитой и лежащей в ее основе наблюдательской чувствительности приводит к ошибкам «по введению». Эти ошибки ведут к тому, что люди начинают с готовностью применять различные теории для объяснения поступков других, не фиксируя тех проявлений отдельного человека или группы, которые не соответствуют их предвзятому восприятию.

3. **Номететическая сенситивность** определяется как способность понимать типичного представителя той или иной социальной группы и использовать это для опережающего диагностирования поведения других людей, принадлежащих к данной группе. Известно, что номететическая функция сознания позволяет человеку через обозначение реальности словом воспринимать ее как обладающую закономерностями. Такая способность тонко воспринимать и вербализовывать закономерности, идущие от общего к частному определяется объемом знаний человека о группе и его опытом в общении с ней.

4. **Идеографическая сенситивность** — способность понимать своеобразие каждого человека. Комментируя этот вид сенситивности, Г. Смит обращает внимание на то, что его существенным отличием от наблюдательской и теоретической сенситивности является зависимость от времени наблюдения, степени знакомства людей. Поэтому он определяет идеографическую сенситивность как способность использовать продолжающееся знакомство и увеличивающийся объем информации о человеке для более точных предсказаний его поведения.

Представляется, что противопоставление идеографической сенситивности другим ее видам несобственно, например, противопоставление идеографической и номететической сенситивности может привести к крайним формам развития идеи уникальности каждого человека, к отказу от создания типологических обобщенных моделей. Целесообразнее, по-нашему, исходить из того, что идеографическая сенситивность позволяет углубить, расширить и придать своеобразие тем представлениям о другом человеке, которые сложились на основании наблюдательской, теоретической и номететической сенситивности.

Близким по содержанию понятию сенситивности является используемое В. А. Лабунской понятие социально-перцептивной способности²⁰. При этом В.А. Лабунская различивает социально-перцептивные способности личности и их функциональную сторону, к которой относит умение прогнозировать поведение другого человека, предвидеть свое воздействие на него. «Осторожными» социально-перцептивными способностями она считает способность адекватно понимать свойства и качества личности, а также оценивать отношения тех людей. Уровень развития этих способностей определяет уровень развития других способностей и в целом организуют функциональные связи между ними.

Таким образом, сенситивность портретики может рассматриваться как способность, обеспечивающая:

- а) отражение и понимание;
- б) запоминание, структурирование и констатирование психологических и других характеристик изучаемой личности;
- в) прогнозирование ее поведения и деятельности.

Развитие сензитивности может осуществляться в процессе осознания психоэмоционального портретистом ее структуры и индивидуальных особенностей протекания социально-перцептивных процессов путем включения в проблемные ситуации, требующие ее актуализации.

В настоящем разделе статьи автор проанализировал не все, а только основные качества личности психоэмоционального портретиста, влияющие на релевантность портрета. Естественно, могут быть обнаружены и иные аспекты этой проблемы. Некоторые качества личности портретиста можно обозначить иначе, и автор отнюдь не уверен, что его определения самые удачные. Но как бы дальше ни развивались исследования этой проблемы, субъект психологического портретирования всегда будет центром проблемы релевантности.

В заключение представляется необходимым остановиться на одном весьма важном моменте. Требования к деятельности портретиста в ее связи с проблемой релевантности, так же как и в целом профессиональная деятельность политического психолога, должны соответствовать международным и отечественным профессионально-этическим стандартам. Основные идеи этих стандартов в свое время были кратко сформулированы в виде следующих принципов:

- ответственности;
- компетентности;
- этической и юридической правомерности;
- квалифицированной пропаганды психологии;
- конфиденциальности;
- благополучия клиента;
- профессиональной кооперации;
- информирования клиента о целях исследования;
- морально-когнитивного эффекта исследования;
- гражданственности и патриотизма²⁹.

Эти и другие принципы получили творческое развитие в исследованиях А. И. Юрьева, который обоснованно утверждает, что при соблюдении этих принципов деятельность политического психолога «гарантируется профессиональная и личная безопасность субъектов и объектов политики, самого политического психолога, а адекватной политике не наносится ущерба»³⁰.

Профессиональные этические требования к деятельности психолога служат важным контекстом для осмысления конкретных этических решений, которые должен принимать портретист. О необходимости следовать этическим требованиям профессионал должен помнить всегда — с момента планирования исследования и в процессе реализации подготовленного портрета.

Примечания

- ¹ Киселевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и стихи. Днепропетр. М.: Мысль, 1993. С. 92.
- ² Rogers C. On Becoming a Person. Boston: Houghton Mifflin, 1961.
- ³ George A. L., Cristiani T. E. Counseling: Theory and Practice, 2nd ed. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1998.
- ⁴ Котюнас Р. Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999. С. 23.
- ⁵ Петров Ю. А., Зинченко А. А. Общая психология мышления. 2-е изд. М.: Московский философский фонд, 2004. С. 6.
- ⁶ См.: Rabin M., Rabin E. Psychotherapeutic Techniques in Medicine. L.: Tavistock Publications, 1979.
- ⁷ См.: Карпачева Е. М. О применении социально-психологических методов в изучении становления профессионализма // Психологическая диагностика, ее проблемы и методы / Под ред. К. М. Гуревича. М., 1979; Васильев Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ, Сыкт., 2003; Зинченко А. А. Профессионализм-личностный портрет психолога. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 1998; Зинченко А. А., Кузнецова Н. В. Акмеология. Пути достижения вершин профессионализма. М.: Луч, 1993; Журавлев А. А., Ломов Б. Ф. Психология управления. М., 1978; Новорословский В. В. О количественном измерении профессионализма // Основы общей и прикладной акмеологии. М., 1993; Телешев В. М. Ум психолога // Проблемы индивидуальности личности. М.: АИИ СССР, 1981; Фельдман В. Н. Научное познание и мир человека. М., 1989; Rabin M. Between Man and Man. L.: Collins, 1981; Rabin M., Rabin E. Psychotherapeutic Techniques in Medicine. L.: Tavistock Publications, 1979.
- ⁸ См.: Матвеевский Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О высоком искусстве / Предисл., коммент. Е. Н. Телищева. М.: Мысль, 1996.
- ⁹ См.: Гринин В. Карамзинский образ. Критика. М.: Наука, 1984.
- ¹⁰ См.: Виноградов В. де В. Афоризмы в поэтике. М.: СЛОВА-ПРЕСС; СПб.: НЕВА, СКРИПТОРИУМ, 2000; Лейбродер де Ж. Характеристики или Права высказанного слова / Ж. де Лейбродер. Пар. с фр. Ю. Карпачева, Э. Ливинской. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001.
- ¹¹ См.: Мельниковская В. Ю. Введение в психоаналитическое консультирование. М.: Смысл, 1998.
- ¹² См.: Киселевский В. Экзистенциальная психиатрия. М.: Совершенство, 1998. С. 189; Сухомлинский Г. В. Структурно-апоритический анализ и синтез деятельности. М.: Наука АНУ, 1976. С. 17-21.
- ¹³ См.: Schneider K. Therapist's personal maturity and therapeutic success: how strong is the link? // The Psychotherapy Patient, 1972. Vol 8. No 3-4.
- ¹⁴ См.: Гринин В. Карамзинский образ. Критика. М.: Наука, 1984.
- ¹⁵ См.: Allport G. W. Personality: A psychological interpretation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1937.
- ¹⁶ См.: Ситков Евгений с психологием близкого Феофаном, Архиепископа Казанского. М.: Новая книга, Контат, 2000.
- ¹⁷ См.: Петровский В. Терпение и скорбь. Восточные истории и комментарии / Общ. ред. А. В. Кручининского и А. Э. Шапиро; Пер. с нем. М.: Прогресс, 1992.
- ¹⁸ Меропольский Д. С. Наполеон. М.: Республика, 1993. С. 6.
- ¹⁹ См.: Allport G. W. Personality: A psychological interpretation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1937. С. 313-316.
- ²⁰ См.: May R. The Art of Counseling. N.Y.: Abingdon Press, 1967.
- ²¹ См.: Абрамова Г. С. Психологическое консультирование: Теория и опыт. М.: Академия, 2001.
- ²² Руденко Е. В. Призраки мысли. Очерки. Статьи. Восточная. М.: Гардарики; М.: Аграф, 2003. С. 115.

- ²⁰ Мерзляковский Д. С. Натюрморты. М.: Просторы, 1993.
- ²¹ См.: *Bergman J. The Art of Psychotherapy*. N.Y.: Norton, 1987.
- ²² См.: Allport G. W. *Personality: A psychological interpretation*. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1937. P. 313-316.
- ²³ См.: Мамонтова С. И., Христенко Н. Ю., Сидоренко Е. В. Психогенетика и тренинг. Казань: СПб, 1993. Ч. II. С. 7.
- ²⁴ *Shapiro de P. P. Формы человека*. М.: Наука, 1987. С. 136.
- ²⁵ См.: Рахмановский Н. М. Рефлексия в политике // Вестн. 2003. № 9. С. 23-24.
- ²⁶ См.: Юрков А. В. Социальная психология народов. СПб.: Изд-во РЭИП, 2001. С. 185.
- ²⁷ См.: *Kennedy E. On Becoming Counselor: A Basic Guide for Non-Professional Counselors*. N.Y.: Seabury Press, 1977.
- ²⁸ См.: Allport G. W. *Personality: A psychological interpretation*. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1937. P. 313-316.
- ²⁹ См.: Мамонтова Н. Государь. Разсуждения о первой декаде Тита Ливия. О политическом искусстве / Предисл., коммент. Е. Н. Топлева. М.: Мысль, 1996. С. 100-101.
- ³⁰ Травкин Б. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1984. С. 10.
- ³¹ Лихачев В. Г. Основы психологии предвидения. М.: Триникс, 1993. С. 9.
- ³² См.: Бернштейн В. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1986.
- ³³ См.: Кривошеина Ю. С., Третьяков В. И. Грамматика общества. М.: Смысл, Акад. проект, 1999. С. 87-104.
- ³⁴ См.: Келамский А. Психология интровертов. СПб.: Ювента, 1998. С. 212.
- ³⁵ См.: Кобякович Т. С. Методы психологического воздействия. М.: Под. об-во России, 2000. С. 74-78.
- ³⁶ Кислов Е. А. Психология профессионала (курс «Психологи отечества»). Воронеж: М., 1996. С. 383.
- ³⁷ Кислов Е. А. Образ мира в различных профессиях. М., 1993. С. 8.
- ³⁸ См.: Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996.
- ³⁹ См.: Нестеренко В. В. О количественном измерении профессионализма // Основы обществ. и прикладной психологии. М., 1993. С. 150-154.
- ⁴⁰ См.: Андреев Е. П. Эффективность экспертно-консультативной деятельности в процессе профессионализации кадров государственной службы. Дис. ... канд. психол. наук. М.: РГАСУ, 1999.
- ⁴¹ См.: Водяницкий Д., Егоренко-Гавриков Е., Косоватова Ю., Рахмановский С., Рахмановский Н., Савиловский (Афонский) Е., Смирнов М. Политический консультант в российских избирательных кампаниях. Политическое пособие для политиков и консультантов. М.: ЦПК «Наша М», 1995. Психологическое консультирование. М.: ЦПК «Наша М», 1999. С. 344-350.
- ⁴² См.: Smith H. C. *Sensitivity Training: The Scientific Understanding of Individuals*. N.Y., 1973.
- ⁴³ *Leslie H. Nicholas Bonaparte Tally / Пер. с франц.* М.: Изд. тит. А. А. Каряева, 1888. С. 28-29.
- ⁴⁴ Там же. С. 35.
- ⁴⁵ См.: Лебунский В. А. О структуре социально-перцептивной особенности личности // Вопросы психологии индивидуального поведения и общения. Краснодар, 1983. С. 63-71.
- ⁴⁶ См.: Образ психодиагностики. Основы психодиагностики, психодиагностическое консультирование и психологическое консультирование / Под ред. А. А. Водяникова, В. В. Столяка. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 21-22, 108-112.
- ⁴⁷ Юрков А. И. Системное описание политической психологии. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 159.

Раздел II

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Д. В. Ольшанский

Психология массовых политических настроений*

Политическую психологию общества можно изучать как минимум с двух методологически разных точек зрения.

Первая, *дедуктивная* угол на анализ политический институты, ставит во главу угла рассмотрение статичных политических структур и институтов власти, а также той институционализированной системы политико-психологических отношений, в которой осуществляется нормативная деятельность субъектов политики, — в первую очередь субъектов властных отношений.

Вторая точка зрения, *описывающая* на анализ процессуальный, видит центр изучения в динамике политических процессов, обычно определяемых неинституционализированной, во многом спонтанной активностью широких масс общества, вовлеченных в тот или иной период времени в самостоятельную политическую деятельность, детерминированную такими факторами, как собственная политическая психология и прежде всего собственные политические настроения масс.

Первая позиция наиболее адекватна при изучении стабильных социально-политических систем с доминирующим влиянием формализованных политических институтов. Вторая — при исследовании лабильных, быстро меняющихся ситуаций с развитым влиянием институтов власти и, напротив, с доминированием трудно поддающейся управлению настроенческой политико-психологической самостоятельности масс. Ситуации второго рода обычно определяются понятиями «переходного» или «мутного» времени, но периоды ослабления власти прежних политических институтов, их постепенного разрушения и модификации, а также появления элементов новой политической системы.

Одним из примеров такого времени может служить развитие событий в новейшей истории России. Оно отчетливо показано для понимания происходящего уже явно недостаточно преобладавшего ранее институ-

* *Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. М.: Деловая книга, 2001.*

туинимального подхода. Игнорированный как «публицистический» и «отраслевой» фактор массовых настроений становится совершенно необходимым для осмысления социально-политических процессов переходного времени...

Массовые настроения и политическая наука (понятийный анализ)

Начнем с того, что если массовые настроения являются реальным фактором политических процессов, то их наиболее адекватное теоретико-концептуальное осмысление должно начинаться в рамках политической науки. Спиральный анализ позволяет выделить следующие основные, причем традиционные, понятия и категории этой науки, связанные с массовыми политическими настроениями: политическое сознание, политическая культура, политическое поведение. Через них массовые настроения соотносятся с политической системой и отдельными ее компонентами.

В общем виде такой подход совмещен распространенной точкой зрения: еще согласно М. Грамши, в частности,

«экономическую науку можно определять как изучение того, как люди используют институты, регулирующие их совместную жизнь, и изучение идей, приводящих в движение людей... Можно сказать, что в предмете политической науки тоже переплетены идеи, институты и люди»¹.

Анализ исследований *политического сознания* позволяет выявить его взаимосвязи с политическими настроениями. В отечественной науке распространена трактовка политического сознания как в широком смысле массового сознания общества по отношению к вопросам, имеющим политическое значение и по актуальному содержанию, и по возможным последствиям. Такое сознание включает в себя сознание «классических» групп социально-классового характера с присущими им определенными (групповыми) типами общественного сознания, а также некоторые «новые» типы сознания, присущие специфическим множествам индивидов, объединяемых представителями различных групп, но в то же время не имеющих отчетливо группового характера².

Главным таким «множеством» является масса, а одной из ведущих «макроформ» функционирования ее сознания являются массовые настроения. Последние выступают в качестве стержня, «ядра», организующего «тело» массового сознания — широкие совокупности образов, мнений, планов, волевых импульсов и т.д. Массовые политические настроения, по сути дела, выступают в качестве одной из самых распространенных форм функционирования массового политического сознания на повседневном, обыденном уровне. Согласно ряду авторитетов, это и есть определенное состояние сознания достаточно больших множеств

людей, принадлежащих к той или иной социально-политической действительности.

Настроения, по мнению ряда отечественных и значительного числа западных психологически и социологически ориентированных направлений, является своеобразным предвестником такого важного компонента политического сознания, как общественное мнение. При специальном анализе становится очевидным, что они представляют собой одну из первых реакций политического сознания, его первичный оценочный, а иногда и непосредственно действенный компонент. В онтологическом плане это неотъемлемая часть феномена массового сознания, в гносеологическом же — субкатегория по отношению к данному понятию.

Анализ наиболее распространенных трактовок *политической культуры* показывает, начиная с классических западных работ по этой проблеме¹, в нее включаются так или иначе объявляемые «субъективные компоненты» — «эмоциональные и оценочные ориентации». Сама же она в русле данной традиции рассматривается большинством исследователей как «субъективная сторона политической системы», как ее «социально-психологический момент», по природе «субъективный и лежащий в основе политических действий». Обобщая взгляды представителей разных течений, можно констатировать наличие трех видов связей между политической культурой и массовыми политическими настроениями.

Во-первых, согласно большинству западных и отечественных работ, политическая культура как более широкое явление, чем политическое сознание, включает последние вместе с настроениями, выступаящими в качестве основы актуального политического сознания. Политические настроения служат в определенной мере оценочным показателем включенности людей в политическую культуру, отражая эффективность политической социализации. Во-вторых, по мнению ряда прежде всего отечественных исследователей, настроения входят в политическую культуру как не всегда осознаваемые компоненты прежних, разрушенных или вытесненных вариантов политического сознания — в виде социально-политической памяти общества, как носители прежних политических систем, как элементы традиций. В-третьих, согласно взглядам исследователей политических идеологий, такие настроения входят в политическую культуру как возможная основа будущего идеологического построения, как прообраз будущего политического сознания и, возможно, будущего варианта политической системы. В методологическом отношении массовые политические настроения и здесь выступают как субкатегория по отношению к понятию политической культуры.

Изучение наиболее типичных концепций *политического поведения* убеждает в том, что теснее всего массовые политические настроения связаны именно с политическим поведением. Особенно настойчиво эта связь устанавливается сторонниками поведенческого направления в полито-

логи. Действительно, если «наиболее распространенной является оценка политического поведения как любой формы участия в осуществлении власти (или противодействия ее осуществлению)»¹, то одним из самых существенных является вопрос о движущих силах и механизмах такого участия. Действия масс как субъекта политического поведения в такой трактовке подчиняются закономерностям массовой психологии, одним из важнейших компонентов которой являются настроения. Массовые политические настроения выступают в качестве одного из существенных механизмов, определяющих политическое поведение: «...настроения, возбуждения, убеждения масс должны проявляться и проявляются в действии»². Согласно взглядам многих последователей, первоначально сугубо внутреннее субъективное переживание, из которого стоит порождение их общественные условия, на определенном уровне своего развития становится силой, мотивирующей реальные действия масс, направленные на изменение тех условий, которые породили некоторые настроения. В данном случае связь такая же: массовые политические настроения рассматриваются как субъекторы и по отношению к понятию политического поведения.

В рамках поведенческого направления общая картина выглядит следующим образом. Массовые политические настроения, являясь одним из глубинных компонентов политического сознания, существенной частью политической культуры, через названные феномены, опосредуясь ими, действуют на людей, вызывая то или иное политическое поведение. Роль массовых настроений состоит в том, что это один из стартовых механизмов политического процесса, влияние которого прослеживается сложным образом: от внешних условий, через их внутреннюю оценку, через политическое сознание и политическую культуру — на политическое поведение.

Массовые настроения, как показывает анализ распространенных теорий политической системы, тесно связаны с последней. Согласно ряду западных и в меньшей степени отечественных направлений, власть как центральный элемент политической системы включает не только политические институты и средства принуждения, но и другие «сверху», но в определенные механизмы подчинения, называемые «снизу». Массовые настроения согласно подчиняться власти — один из таких механизмов. Анализ показывает: в рамках наиболее распространенных в современном мире типов политической культуры сам акт установления новой власти или овладения новой политической силой прежними структурами власти требует в той или иной форме согласия значительной части населения, наличия настроений в поддержку новой власти. Напротив, утрата власти связана с недовольством большинства, с развитием массовых оппозиционных настроений.

Суммируя, можно заключить, что все основные компоненты политической системы в той или иной степени связаны с массовыми настроениями: государство — поскольку оно вынуждено считаться с такими

настроениями и вложить в себя определенные институты воздействия на них; политические партии — поскольку они формируются на основе и для выражения тех или иных достаточно массовых настроений. Те же причины связывают с настроениями общественные организации. Однако особое значение настроения имеют для такого важного компонента политической системы, каковым являются массовые общественно-политические движения. Анализ показывает, что подавляющим большинством последователей возникновения и развитие таких движений связывается прежде всего с недостаточно осознанными настроенческими факторами.

Проведенная таким образом теоретико-методологическая работа демонстрирует: понятие «массовые политические настроения» вписывается в ряд обобщаемых в политической науке понятий и категорий. Рассмотрены как субкатегория по отношению к ряду понятий свидетельствуют об их общей роли в развитии многих политических явлений. Массовые настроения относятся к позитивно-психологическому полюсу меланхолии, которые связаны с политикой как особой деятельностью значительных масс людей. Они обеспечивают позитивку как деятельность со стороны ее субъекта.

Массовые настроения в психологии

Отталкиваясь от результатов общепсихологического анализа природы настроений на уровне отдельного индивида — тогда ясно ставят варианты социально-психологического понимания массовых, прежде всего общественных настроений, а также различные подходы к выработке политико-психологического видения массовых настроений.

В рамках общей психологии индивидуальные настроения рассматривались с разных точек зрения. Долгое время доминировали психофизиологические интуиции, при которых настроения оказывались «отражением от односторонних чувственных тонов представлений и ощущений»² или «выражением коркового самочувствия»³. С другой стороны, упоминалось описание «специфических настроений», выражающих «особенности тех или иных народов». Одно из наиболее точных психологических описаний настроения дал А. Н. Леонтьев:

«День, наполненный множеством событий, казался бы, вполне успешным, тем не менее может истощить человека настроением, оставить у него некий неприятный осадок. На фоне забот для этот осадок едва замечается. Но вот наступит минута, когда человек как бы осядывается и мысленно перебирает впечатления прошедшего дня. И вот в ту минуту, когда в памяти всплывает определенное событие, его настроение приобретает предельную откровенность: возникает аффективный сигнал, указывающий на то, что именно данное событие и оставило у него эмоциональный осадок»⁴.

Современная общая психология определяет настроение как некое психическое состояние, интегрирующее влияние объективных событий на ин-

субъективное переживание⁹. В рамках деятельностной трактовки в отечественной психологии это — высший уровень субъективного осмысления (для процесса наследия субъективными смыслами) чего-то объективного. Это своего рода «представление», «чувственный подклад», «облакающий резерв» сознания, один из сильнейших регуляторов субъективной психической жизни. В основе настроений, с данной точки зрения, лежат потребности человека: это особая сигнальная реакция, указывающая на распознавание потребностей с реальными условиями жизни и возможностями индивида. Сходных выводов придерживаются и другие направления. Так, в школе телологической психологии К. Левина было введено понятие «притяжения». Этот порождаемый потребностями фактор определяет настроенность субъекта на успех или неудачу действий, в том числе социально-политической направленности. В целом в общепсихологическом ракурсе настроения хорошо исследованы, прежде всего как мотивационный фактор индивидуального поведения.

В социально-психологическом направлении главным было установление собственно социальной специфики тех или иных настроений. Западные исследователи по преимуществу связывали ее с социальным поведением индивида и его влиянием на общество. Так, М. Дойч объяснял социальную апатию как результат переживания индивидами субъективной вероятности исхода перед лицом сложных социально-политических проблем и соответственно снижением уровня притязаний, но оставляющего надежду на успех в революционной борьбе¹⁰. Отечественные исследователи, напротив, в основном искали социальную природу настроений во влиянии общества на человека, рассматривая этот вопрос с трех основных точек зрения.

Во-первых, социальные по генезису настроения, охватывающие те или иные социальные группы и слои, представлялись итогом социализации субъекта таких настроений, следствием его принадлежности к определенной группе, слою или социально-политической системе. В этом русле настроения рассматривались как особое «сопереживание» (совместное переживание) людьми проблем той общности, членами которой они являются. Так в отечественной социальной психологии и возникло пресловутое «общественное настроение», которое оказывалось одновременно и эмоциональным отражением, и нормативным отношением, существующим в обществе. В такой трактовке общественные настроения были как бы предписаны субъекту социально-классовой природой общества и носили ролевой характер: он должен был испытывать их почти в обязательном порядке как член той или иной группы, слоя, организации.

Во-вторых, настроения рассматривались как социальные по своему содержанию. Исходя из мысли Г. В. Плеханова о том, что «всякая данная "психология"... выражает собой стремления и настроения данного общества или... общественного класса»¹¹, общественные настроения трактовали-

лись в социологически ориентированной отечественной социальной психологии как особые, не связанные с индивидуальными качествами, определяемые идеологическими факторами. Это усиливало их нормативно-заданный характер.

В-третьих, настроения рассматривались рядом отечественных направлений как социальные по своему субъекту. И тогда в соответствии с общей нормативной направленностью они превращались в «настроения всего общества», являющиеся слепком некой «общественной атмосферы».

Теперь уже очевидно, что подобные обобщенно-социологические взгляды вели к недооценке реальной роли и источнику пониманию природы массовых настроений, переживаемых людьми в социально-политической жизни. В ней существуют «общественные настроения», но много племей — представляющие собой идеальные требования, которых предъявляет общественная система (включая группу, организацию и т.п. — набор социальных ролей), и реальные массовые настроения. Последние возникают и развиваются как специфическое переживание теми или иными множествами людей степени соответствия идеальных норм реальным личным возможностям их овеществления. Согласно отечественным вариантам интеракционистского направления, усваивая «общественные настроения» на уровне ролевых обязанностей, люди переживают их по-разному, в зависимости от того, поддерживаются ли нормы и идеалы социально-политической системы условиями непосредственного повседневного бытия людей. Так возникает реальное социально-психологическое настроение, особые состояния, «связанные с осуществлением или безуспешностью, с разными фазами борьбы за осуществление тех или иных надежд и чаяний, помыслов и замыслов»¹⁰, направленным позитивно или негативно по отношению к социально-политическим условиям жизни. Такая направленность и определяет социальный характер настроений.

Обобщая взгляды разных школ и направлений, можно заключить, что с социально-психологической точки зрения настроение — это особый феномен, сущность которого состоит в переживании и наделении со стороны субъекта определенным смыслом его принадлежности к социальной системе. Они определяются степенью идентификации себя с социальной ролью, а в конечном счете — с системой. При такой трактовке настроения неизбежно приобретает социально-политическую окраску. Отрицая степень удовлетворенности общественно-политическими условиями жизни, настроение приобретает специфическую политическую направленность и может становиться массовым. Тогда оно выходит за рамки социально-психологического направления и нуждается в специальном политико-психологическом изучении. Таким образом, подойдя к пониманию роли настроений как фактора, опосредствующего взаимоотношения людей и социально-политической системы, связанного с мотивацией массового поведения, социальная психология обосновалась перед

анализом их роли в политической деятельности. Это является бесспорной прерогативой политической психологии.

Политическая психология массовых настроений

Отталкиваясь от сказанного, рассмотрим теперь непосредственно политико-психологическую концепцию массовых политических настроений и их функционирования в политических процессах: природу этих настроений, их субъект, истоки возникновения, типы и закономерности развития, основные виды и типы, функции настроений, способы воздействия на массовые политические настроения и возможности прогнозирования их развития в политике.

В политико-психологическом измерении **массовые политические настроения** — это единичная для достаточно большого множества людей субъективная, сложная аффективно-когнитивная сигнальная реакция, особые переживания комфорта или дискомфорта, отражающие удовлетворенность или неудовлетворенность общими социально-политическими условиями жизни, субъективную оценку возможности реализации социально-политических притязаний при данных условиях, а также стремление к изменению условий ради осуществления притязаний. Это особое психическое состояние, охватывающее значительные общности людей, — состояние, переходящее от непосредственных эмоций к более или менее осознанному мышлению, вырастающее из повседневных эмоций, но possessing более обобщенный в политическом отношении характер, радиондифференцируемые условиями политической жизни, ее нормами и условиями.

Массовые политические настроения представляют собой особый политико-психологический феномен, не сводимый к традиционному фигурирующему «общественному настроению». Они включают социально-нормативные (собственно «общественные»), но и иные составляющие, возникающие в результате переживания соответствия общественных нормативов реальной жизни. Подчас массовые настроения могут носить отчетливо антиобщественный характер: так, настроения недовольства, охватившие широкие массы населения России в 1917 г., отличались откровенно оппозиционной, деструктивной по отношению к господствовавшей общественно-политической системе направленностью. Если система в меру своих возможностей выдвигала в общество выгоды для себя нормативные настроения, то сниту в качестве реакции на них вырастали противоположные реальные массовые настроения.

Природа настроений определяется тем, что они становятся заметными при расхождении двух факторов: притязаний (ожиданий) людей, связанных с общими для значительного множества, массовыми потребностями и интересами, с одной стороны, и реальными условиями жизни — с другой. Активные настроения, своеобразная готовность к политическим действиям возникают тогда, когда притязания и ожидания людей

выступают в конфликт с возможностью их удовлетворения, и это противоречие актуально переживается людьми. Это специфическое состояние сознания, предшествующая действиям психологическая реакция значительных общностей на расхождение желаемого и действительного. Такая реакция в виде притязаний может принимать различные формы — от пассивности в политическом смысле, допустившим существование жизненного уровня на потребностей масс, до восторга по отношению к тем силам, которые, напротив, обеспечивают рост возможностей осуществления массовых притязаний.

Особая форма — «пассивные настроения» типа безразличия и апатии, когда массы не верят в возможность преодоления разрыва между притязаниями и возможностями их достижения. Например, в свое время поражение русской революции 1905 г. на несколько лет создало ситуацию своеобразного паралича массовых притязаний и стремлений, лишивших опору в реальной жизни, веры в себя, мотивации к активным политическим действиям. В целом же массовые политические настроения — это широкая субъективная оценка социально-политической действительности, как бы пропущенная сквозь призму интересов, потребностей, притязаний и ожиданий того или иного множества людей, массы.

Такие настроения быстро распространяются. Они заразительны. Над ними затруднен контроль со стороны сознания. Они легко и быстро соединяют людей, находящихся в сходном социально-политическом положении, порождая широкое чувство общности «мы», как правило, направленное против определенных «они», от которых зависит не устраивающее людей социально-политическое положение.

Возникновение массовых политических настроений связано со взаимодействием двух факторов: 1) объективного, предметного (реальная действительность) и 2) субъективного (личные представления людей о реальной действительности, различные ее оценки в свете интересов и потребностей). Выраженность настроений в обществе зависит прежде всего от степени однородности его социально-политической структуры. Чем дифференцированнее, плюралистичнее эта структура, тем больше выделяется различных групп, обладающих собственными потребностями и притязаниями, и каждая из них может иметь свои настроения. Чем сильнее, четче, яснее и однороднее представляются общественные отношения, тем более спаята социально-политическая структура и тем сильнее однородно-нормативный, «общественный» компонент настроений.

Выраженность настроений зависит прежде всего от степени осязаемости расхождения потребностей и притязаний с предоставляемыми системой возможностями их удовлетворения, от несоответствия декларируемых прав и свобод реальной действительности.

Развитие массовых политических настроений, как правило, носит циркулярный характер, напоминающий своеобразное эмоциональное

кружением: «они и те же настроения, имеющие общую основу (обычно внешне неудовлетворенные социально-политические притязания), воспроизводятся по определенному циклу вновь и вновь. С одной стороны, это динамичный процесс (без неудовлетворенности нет мотивации деятельности). С другой — постоянный источник беспокойства для любой власти, вынужденной считаться с тем, что для только реальные условия жизни слишком открыты от притязаний, возникают оппозиционные настроения недовольства этой властью. Исторические примеры показывают, что поиск массовой поддержки стремившиеся к власти политическими силами на практике часто оборачивается своеобразным «взвинчиванием» притязаний масс: обреченные надеждами, последние склонны отдавать власть тем, кто обещает достижение потребного. Однако отрываясь от действительности, будучи несобственными реальным уровнем жизни, неосуществленные притязания порождают массовое недовольство, подрывающее позиции власти. В этом проявляется динамика взаимоотношений массового политического сознания, в основании которого лежат настроения, и связанных с ними динамичных политических процессов и социально-политических структур и институтов, стабилизирующих политическое устройство жизни.

Цикл развития массовых настроений обычно включает пять основных этапов: от глухого брожения и зарождения настроений через их накопление и кристаллизацию к максимальному подъему, проявляющемуся в политических действиях, затем к разорению или спаду настроений, а в последнем случае, спустя время — к новому подъему.

Динамичность настроений связана не только со силой их направленности и интенсивности. Связана она и с быстротой перехода от настроений к осознанным мнениям, оценкам и действиям. В политико-психологическом отношении эта динамика выражается уровнями экспрессивности настроений, проявляющимися в том: а) что люди думают и мысленно переживают, б) на что надеются и способны выразить вербально, в) что в принципе готовы отстаивать, г) что привыкли считать своим и на за что не отдадут.

Субъектом политических настроений является масса как совокупность людей, сплоченных общими переживаниями. Это особое объединение по функциональному признаку, формирующееся на основе общих действий и факторов, побуждающих к таким действиям. Последним не всегда непосредственно следует из классических представлений об особенностях того или иного слоя, группы или класса. Понятие «масса» менее определенно и более ситуативно, чем названные общности, — в массу объединяются разные люди из разных групп, объединенные в тот или иной момент действиями общих политико-психологических факторов.

Зарождаясь в отдельных группах и слоях, настроения чрезвычайно быстро распространяются и сами формируют массу в качестве своего

субъекта. Так, например, в ходе революции «рабочая масса» может быстро превратиться в массу — «большинство всех эксплуатируемых». Особенно ярко это проявляется в ходе радикальных политических перемен, политических кризисов. В более спокойных ситуациях, когда в рамках политической системы функционируют разнообразные, не слишком выраженные настроения, их субъект представлен относительно локально. В наиболее конкретном выражении — в виде толпы. В более спокойном случае — в виде, например, массовых движений или «средних слоев» с типичной для них размытостью социального сознания и большой податливостью настроенческим факторам.

В политике существует и проявляется значительное число разных видов массовых настроений. Их можно классифицировать и типологизировать по многим основаниям. На практике преобладают конкретно-исторические подходы к выделению видов настроений, основанные на политической оценке реальных и желательных, потенциальных последствий настроений — тех или иных массовых политических действий. Исходя из этого выделяют, например, революционные и контрреволюционные, фашистские и антифашистские и т.п. пары-антагонисты. При наличии определенных практических выгод такой подход нельзя принять как исчерпывающий. Возможен и более сложный путь, при котором последствия тех или иных настроений оцениваются не с позиций конкретной политико-идеологической ситуации, а в общечеловеческом измерении. Степень соответствия настроений и вызываемых ими действий общечеловеческим интересам подразделяет их на прогрессивные и реакционные.

Возможен, однако, и принципиально иной подход. В политологическом ракурсе более продуктивно, не фиксируясь на проблеме оценок (что почти неизбежно при подразделении политических феноменов), рассматривать массовые настроения с функциональной точки зрения, разделяя в зависимости от роли, которую они играют в конкретных политических процессах. Такой подход носит соотносительный, процессуальный характер. Он учитывает, что направленность настроений определяется их идеологическим оформлением — соответственно их оценка зависит от совпадения или расхождения политико-идеологических позиций субъекта настроений, с одной стороны, и субъекта оценки — с другой.

Природа настроений двойственна. С одной стороны, они являются отражением реальной жизни. С другой же — развиваются по законам массовой психологии, влияя на реальность. Они лежат в основе идеологии и весьма податливы к идеологическому воздействию. В политике оценка и выделение видов настроений обычно связаны с тем, «кто» и «против» кого они направлены. Но одно и то же событие, явление или процесс может вызывать разную, подчас противоположную настроенческую реакцию — все зависит от информированности людей и от того, кто

и куда сумел направить массовую психологию, придать ей нужную окраску и воспользоваться существующей интенсивностью, например, массового недовольства.

В процессуальной трактовке выделяются основные функции массовых политических настроений, а разновидности последних рассматриваются прежде всего как отдельные механизмы осуществления данных функций. Это не исключает содержательно-оценочных классификаций, но подчиняет их в качестве вторичных, детализирующих функциональный подход применительно к конкретным политическим ситуациям. Главная функция массовых политических настроений — функция субъективного обеспечения динамики политических процессов — осуществляется через политико-психологическую подготовку, формирование и мотивационное обеспечение политических действий достаточно больших человеческих общностей. Это достигается за счет объединения людей в массы на основе общих настроенческих переживаний — функция формирования субъекта потенциальных политических действий и соответственно настроения в потенциально-действительные общности (например, массовые движения). Сплоченная масса, настроения определяются в массовых действиях — функция инициирования и регуляции политического поведения посредством соответствующих вариантов настроений (например, ведущих к модификации политической системы). Помимо названных, в более длительной перспективе определенные настроения осуществляют важную функцию стратегической политико-психологической оценки, формируя долгосрочное отношение к политической реальности, способ ее осмысления — например, то или иное политическое мышление.

Возможности воздействия на массовые настроения лежат в двух плоскостях. С одной стороны, в истории политики отработаны средства влияния на притязания и ожидания людей. С другой — эффективным является влияние на возможности осуществления притязаний в реальной действительности. Комплексное политическое воздействие складывается из двух основных компонентов: пропагандистско-идеологического (манипуляция притязаниями) и социально-политического, включая социально-экономическое (манипуляция уровнем реальной жизни). Стабилизация настроений связана с уравниванием притязаний и возможностей их достижения. Отставание возможностей достижения ведет к росту недовольства. Совпадение притязаний и возможностей, реальное или иллюзорное, вызывает рост массового оптимизма.

Успешное воздействие должно опираться на анализ, включающий:

- инвентаризацию имеющихся в политической системе настроений и их направленности (о ней судят по степени расхождения реальных массовых настроений с нормативно-общественными), что позволяет оценить степень политико-психологического единства общества как совокупности про- и антимассовых настроений;

- оценку содержания доминирующих настроений как с точки зрения конкретной политической ситуации, так и с общечеловеческих позиций — в первом случае исходит из интересов системы и действующая в ней сила, во втором — из общечеловеческих интересов;
- причины возникновения настроений — выясняются их связь с притязаниями той или иной общности и возможностью удовлетворения как в настоящий момент, так и в будущем;
- стадии развития настроений, степень их выраженности и интенсивности, вероятности перерастания в массовые политические действия;
- широту охвата, степень массовости, распространенность в наиболее влиятельных политических общностях.

Анализ по данным позициям позволит оценить в целом вероятность опредмечивания настроений в политическом поведении, характер действий масс, их содержание и направленность; масштабы и возможные политические последствия воздействия на настроения.

Прогноз перспектив развития тех или иных массовых политических настроений — сложная проблема. Он возможен при условии учета значительного числа факторов, влияющих на динамику настроений. Наиболее адекватным прогностическим методом является разработка политико-психологических сценариев по схеме «если... то...». Сценарии такого рода строятся по принципу аналогий, отталкиваясь от более или менее близкого в политическом плане «платформы притязаний». Построение сценария, основанное на экспертных оценках, сводится к созданию особого рода «проблемно-факторной сети», образуемой факторами-переменными, влияющими на развитие настроений, и имеет выход на компьютерное моделирование политических процессов. Такого рода притязания-сценарии наиболее адекватны для задач долгосрочного прогнозирования. Будучи вероятностными, они имеют прежде всего концептуальное значение. В отдельных случаях, однако, возможно и получение оперативной притязания-сценарийной информации.

Массовые настроения и политический движени

В общем виде под массовыми политическими движением понимается возникновение и широкое функционирование таких политических сил, которые пытаются изменить существующие условия жизни в обществе или изменить их путем оказания влияния на политические институты или же широкой борьбы за власть. Движение — это всегда новое (в данном случае политическое) совместное стремление людей к реализации общей цели. Основная особенность такого массового явления — стремление служить насилие неудовлетворенных притязаний, появление недовольства — определенных массовых политических настроений. Накапливаясь и разви-

ваши, такие настроения объединяют людей и ведут их к определенным действиям. Оформляясь идеологически и организационно, движения, соединяющие массу озабоченных однородными настроениями людей, вносят новые элементы в политическое отношение и процессы, организации и структуры.

Рассмотрим роль массовых настроений в динамике трех видов наиболее часто встречающихся политических движений: леворадикального, реформистского и праворадикального. *Леворадикальные движения* обычно развиваются на основе того, что массы, испытывая значительное недовольство вследствие большого расхождения притязаний и возможностей их реализации, начинают усматривать перспективные выходы в достижении новых, еще более высоких притязаний, которым подчиняют свое поведение, направляя его на отрицание прошлого и разрушение существующего порядка ради некоего желанного будущего («Весь мир насилья мы разрушим...»).

Для того чтобы подобные настроения стали массовыми, обычно необходимо, во-первых, чтобы разрыв притязаний и реальности был очевиден, а во-вторых, не оставал надежд на само-нибудь быстрое улучшение ситуации. Выражая резко негативное, деструктивное недовольство, массовые настроения такого рода обычно направлены в будущее, обосновывая необходимость радикальных действий новыми притязаниями или новыми возможностями реализации потребностей («...кто был никем, тот станет всем»). Обычно это критическое по отношению к настоящему и настоящему, но оптимистическое в отношении будущего настроение. Они развиваются циклически, достигая значительной интенсивности. При наличии условий воспользоваться такими настроениями политические и идеологические силы могут возникать революционные движения. При отсутствии или слабости таких сил истый радикализм может сводиться к отдельным террористическим, бунтарским акциям. Механизм проявления массовых настроений в леворадикальных движениях хорошо прослеживается на примерах развития революционного движения в России начала века и динамики левого радикализма в некоторых странах Западной Европы в конце 1970-х — 1980-х годов.

Массовые настроения, лежащие в основе *реформистских движений*, формируют субъекты политического поведения особого рода — субъекты относительной политической стабильности. По своей политико-экологической сути это эволюционные движения: действия включенных в них масс направлены обычно на постепенное совершенствование социально-политической системы при сохранении в целом ее стабильного состояния. Реформистские движения, основываясь на не очень значительном расхождении притязаний и возможностей их реализации, вызывающих настроения умеренного недовольства, направляют его на постепенное улучшение существующих порядков в целях уменьшения данного

расхождения. Реформизм основан на стремлении к стабилизации настроений прежде всего традиционными, постепенными усилиями. Особенности настроений, лежащих в основе реформистских движений, являются, во-первых, умеренно-позитивная оценка реальной ситуации, своеобразное конструктивное недовольство, а во-вторых, столь же умеренная позитивная оценка возможных в будущем перемен. Последнее определяется конкретными ограничениями на принципиально новые, а лишь несколько больших возможностей реализации постепенно растущих притязаний в рамках существующей социально-политической системы. Обычно такое настроение носит конструктивно-критический характер по отношению к настоящему и умеренно-оптимистический — по отношению к будущему.

Примеры вариантов борьбы разных групп населения за свои права в западных странах показывают, что сдерживание настроений недовольства в реформистских, лоялистских формах осуществляется двумя основными путями. С одной стороны, усилиями, направленными на определенный подъем уровня жизни, расширение социально-политических прав группировавшихся. С другой — усилиями, направленными на ограничение уровня притязаний масс. Разные социально-политические силы заинтересованы в разнонаправленных изменениях. За счет этого, однако, в рамках реформизма возникает определенный баланс интересов, стабилизирующий массовые настроения и способствующий психологической саморегуляции политической жизни. Это легко демонстрируется на примере ряда общедемократических движений.

В основе **проторадикальных движений** обычно лежит настроение крайнего недовольства реальной ситуацией и возможными перспективами ее развития. Одновременно с явным недовольством истоком данных настроений является позитивная оценка такой потенциальной ситуации, которая связана с реставрацией старых, традиционных и апробированных притязаний и испытанных возможностей их достижения. Это критическое по отношению к настоящему, но оптимистическое в отношении прошлого и перспектив его восстановления настроение, формирующее субъект консервативных движений, целью которых является реставрация тех или иных аспектов прошлого. С психологической точки зрения особенностью правого радикализма является то, что настроения недовольства существующей реальностью направляются консервативными силами в сторону их разрядки и быстрого удовлетворения. На примерах германского фашизма и ряда современных вариантов правого радикализма отчетливо видно: такие движения увлекают настроения людей возможностями легкого и быстрого удовлетворения высказавшихся притязаний. Упрощая потребности и способы их реализации, такие движения создают иллюзию стабильности, психологически избавляя людей от настроений беспокойства.

Массовые настроения и модификация политической системы

Выступая в качестве механизма инициирования и регуляции политического поведения, настроения, овладевая массами, могут вести к изменениям в структурном звене политической системы — в институтах и функциях власти и политического управления. На практике это обычно вызывает перемены в государственном устройстве, связанные с формой правления, то есть силой власти, со значительными политическими реформами или даже изменением политического строя. Рассмотрим три показательных случая. Подобное влияние массовых настроений наиболее заметно на примерах переходов от буржуазно-демократического парламентского режима к авторитарной военной диктатуре и движение в обратном направлении (события в Чили в 1970–1980-е годы, от монархии — к «исламской республике» (Иран конца 1970-х годов), а также начала политических реформ в СССР (вторая половина 1980-х годов), направленных на создание правового государства на базе гражданского общества — то, что принято называть «горбачевской перестройкой».

Массовые настроения в Чили в 1970–1980-е годы ярко показали особенности влияния динамичных, быстро развивающихся разнонаправленных настроений на соответствующие по темпам изменения в политической системе и зависимость последних от динамики массовых настроений. Значительные политические перемены — приход к власти левая сила в 1970 г.; установление диктатуры в 1973 г.; победа демократов на референдуме 1988 г. и последующие события — были отражением прежде всего нестабильной массовой психологии общества.

Незначительный перевес тех или иных сил в тот или иной период определялся обычно колебаниями настроений. Последние, имея неустойчивый в целом характер, склонялись то в одну, то в другую сторону, что влекло за собой серьезные социально-политические перемены. Динамичность изменений объяснялась тем, что настроения не успевали стабилизироваться.

Данный пример показывает, что долговечность того или иного режима определяется в значительной степени ресурсами в сфере управления массовыми настроениями. Усиленное стимулирование притязаний помогло левым силам во главе с С. Альенде прийти к власти, однако отсутствие достаточных ресурсов, прежде всего экономических, не позволило обеспечить их реализацию. Возникшее недовольство использовали правые силы. Диктатура достаточно долго удерживала власть во многом за счет усилий по стабилизации настроений, добиваясь определенного удовлетворения основных социально-экономических нужд и притязаний населения. Однако неизбежное истощение ресурсов системы такого рода в свою очередь привело к росту оппозиционных настроений и очередной тран-

формации политической системы. Классическая иллюстрация — знаменитые «демонстрации домохозяек». Чашейские женщины, выходящие полами в две пустых кастрюли, двумя потоками проламывая стену страны. В первый раз это стало предсказанием к путчу А. Пинючета и привело к падению старого правительства С. Альенде. Однако второй раз точно такие же демонстрации стали предсказанием к уходу от власти А. Пинючета. Для домохозяек не имело большого значения, левые или правые правила страной, — ситуацию решили массовые настроения, возникавшие на две пустых кастрюли.

События в Иране конца 1970-х годов — другой пример влияния на политическую систему однородного настроения, оказывающего подавляющим большинством общества. Определив состояние массового политического сознания и соответствующее ему массовое политическое поведение, оно привело к ликвидации монархии. Тем самым были устранены основные внешние причины, вызывавшие массовое недовольство, — в данном настроении всецело достигнув своего разрешения. Бегство аятолы и воспринявшие в страну имама Р. Хомейни разорвали все накопившееся недовольство. Однако в возникающей ситуации такого рода обычно остаются нерешенными претензии стимулирует развитие новых массовых настроений — теперь уже не деструктивного, а конструктивного характера. Возникает настроенческий плюрализм выбора путей дальнейшего развития, влияющий на формирование новой политической системы, однако подобное влияние носит постепенно ограничиваемый характер: по мере становления и укрепления новая политическая система создает специализированные институты контроля над массовой психологией. Теократические силы Ирана, воспользовавшись массовыми настроениями недовольства шахским режимом, смогли построить соответствующую своим представлениям систему власти, после чего подавляли ей массовые настроения.

Особым примером влияния массовых настроений на модификацию политической системы является *гербачевская перестройка в СССР конца 1980-х годов*. Ее специфика с политико-психологической точки зрения состояла в том, что изменение системы первоначально началось при отсутствии массовых настроений, вынуждавших к такому рода переменам. Данный пример демонстрирует способность политической системы к попытке самообновления на основе предвидения и стимуляции появления потенциальных массовых настроений. Эпоха сталинизма и периода застоя создавали объективные предпосылки для значительного недовольства людей. Однако расхождение между формирующимися, прежде всего пропагандой, высокими претензиями и постепенно ухудшавшимися возможностями их реализации не основывалось инерционным массовым политическим сознанием. Массовая, прежде всего жидкая аналитика, была ясно, что ситуация черпала накопленном неудовольствии,

мгущей привести к радикально-деструктивному массовому политическому поведению. Исходя из этого, первые годы перестройки можно рассматривать как презентивную акцию социально-политической системы, целью которой была попытка предотвращения массового недовольства, формировавшая конструктивно-критических настроений. Были созданы возможности вербальной канализации оппозиционных системе настроений (гласность) и осуществлена попытка формирования механизмов сдерживания настроений неудовлетворенности. Он включал два плана: во-первых, снижение уровня притязаний населения; во-вторых, условия по расширению возможностей реализации потребностей в разных сферах («ускоренно», а затем даже «реформы»).

Однако ход перестройки показал, что возможности контроля над массовыми настроениями в условиях самообновления политической системы ограничены. Реформы в ситуациях такого рода порождают ничтожные массовые ожидания, резко превышающие возможности системы удовлетворить их. Вместо стабилизации настроений идет их дивергенция на основе теперь уже плохо сдерживаемого системой всеобщего недовольства, возникающего по разнообразным причинам. В результате появляются признаки капитальной дестабилизации всей системы, а последняя попадает в зависимость от ею же инициированных процессов. Попытка модификации, вызывая нарушение прежней настроенческой нормативной стабильности общества, заставляет систему ускорять процессы обновления под угрозой полной утраты возможностей управления массовыми настроениями и дестабилизации социально-политической жизни в результате разнонаправленного политического поведения значительных масс людей. В итоге недостаточное точное прогнозирование и откровенно неумелое управление данными процессами это ведет к дегенерации и краху всей системы.

Примечания

¹ Милто Р., Гранвич М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 190.

² Вайнрабер, см.: Гурвич Е. А. Массовые движения. Опыт исследования в проблемной исследовании. М., 1987. С. 164–165.

³ Diamond G., Powell B. Comparative Politics. A Development approach. Boston, 1966. P. 50–52.

⁴ Курцвель Ф. М., Галлов А. А. Современный Ленинград. М., 1985. С. 214.

⁵ Лотви В. И. Полн. собр. соч. Т. II. С. 58.

⁶ Далец Т. Ф. Физиологическая психология. СПб., 1908. С. 220.

⁷ Викторов П. Учение о личности и настроениях. М., 1903. С. 5.

⁸ Ломовский А. И. Действительность и личность // Вопросы философии. 1974. № 5. С. 70.

⁹ Там же. С. 65–78.

¹⁰ Deutsch M. Field Theory in Social Psychology. Handbook of Social Psychology. N.Y., 1968. P. 137–169.

¹¹ Платонов Г. В. Сознание. М., 1925. Т. XIV. С. 183.

¹² Парсонс К. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С. 112.

Проблема политического стереотипа в зарубежной политической психологии*

Когнитивный подход к политическим стереотипам

Политические науки давно изучают то, как политика, власть и механизмы управления обществом воспринимаются и оцениваются политическими лидерами и рядовыми гражданами. Поэтому не удивительно, что с началом «когнитивной революции» в политической психологии все большую популярность приобретают когнитивистские модели политического мышления и политического поведения людей. <...>

<...> Когнитивный подход применим для объяснения любых политически значимых феноменов (будь то политическое идеологию, общественное мнение, электоральное поведение и т.п.). Вместе с тем многочисленные исследования свидетельствуют, что политическое поведение в целом и политическое мышление как необходимое его условие часто отличаются высокой степенью рутинности и автоматизации, представляя собой набор привычек, которые, раз сформировавшись, воспроизводятся практически бессознательно¹. Последнее обстоятельство заставляет политических психологов уделять особо пристальное внимание психическим механизмам, которые обеспечивают автоматизм восприятия, оценки или вынесения суждения по поводу политических событий, т.е. механизмам функционирования политических стереотипов.

<...> В рамках когнитивного подхода стереотип рассматривается как элемент мышления. Во-первых, это — само представление, отражающее определенные аспекты политической реальности, во-вторых — ментальные механизмы, приводящие к возникновению подобных «картинок в голове». В более узком смысле с когнитивистской точки зрения стереотип — это психический механизм, который управляет процессом переработки информации о внешнем мире и включает механизмы запоминания информации и последующего взаимодействия с новой информацией на основе уже имеющихся «готовых» знаний. Именно связь с механизмами памяти позволяет отличать собственно политические стереотипы от любого случайного впечатления или суждения о политике. Однако прежде чем перейти к анализу подобной взаимосвязи, следует еще раз коснуться теории переработки информации, на этот раз применительно к политико-психологическому анализу стереотипов.

* *Медведева С. М. Проблема политического стереотипа в зарубежной политической психологии. М.: Изд-во МПНМО (У), 2003. С. 79–107.*

С точки зрения когнитивного подхода к человеческому познанию все внешние события и процессы содержат некое закодированное послание, которое в ходе восприятия расшифровывается органами чувств, кодируется в памяти, а его дальнейшее использование вновь запускает когнитивный декодирования. Естественно, что протекание подобного процесса зависит и от возможностей органов чувств перерабатывать определенные объемы информации, и от соответствия навыков кодирования и расшифровки тому информационному посланию, которое содержится в реальном событии. <...>

Вместе с тем важно помнить, что информационная модель не предполагает, что человека следует рассматривать в качестве «слеподного», бесчувственного профессора, который всегда перерабатывает информацию рационально, обстоятельно и последовательно. Напротив, поскольку размышление о политике, как иа выражалось, протечает в условиях и переизбытка, и недостаточности информации, для их преодоления человек прибегает к выработке незначительных стратегий, включающих реагирование на основе уже имеющегося опыта, который часто наделяется непосредственной ситуацией и может содержать сформировавшиеся ранее предубеждения².

Зависимость стереотипов от механизмов памяти

Итак, особенности информационной среды человека подталкивают его к выработке упрощенных, обобщенных представлений о социально-политических объектах, которые затем становятся основой для последующих автоматизированных реакций, упрощая повторный процесс переработки информации. Именно так формируются и функционируют политические стереотипы, что фактически означает зависимость большинства стереотипизированных реакций от действия механизмов памяти. Наиболее распространенная в политической социологии модель формирования подобных реакций называется теорией схем.

В широком смысле схема — это уже имеющееся представление о том, как устроен мир, на основе чего человек интерпретирует новые информационные сообщения³. Впервые это понятие появилось в работе Ф. С. Бартлетта «Память», вышедшей в свет в 1932 г. Бартлетт определял схему как «активную организацию прошлого опыта, которая, судя по всему, участвует в выполнении любого хорошо адаптированного организмического ответа»⁴. Несколько десятилетий спустя разработка гипотезы о схематичности человеческого восприятия и мышления была продолжена У. Нейссером и Ж. Пиаже. Нейссер использовал понятие схемы для объяснения особенностей человеческого восприятия, протекающего на основе уже сложившейся готовности воспринимать определенный набор внешних стимулов. В рамках теории когнитивного развития Пиаже схема

является внутренним обобщенным представлением, содержащим всю информацию и все ассоциации о некотором классе ситуаций и позволяющим человеку координировать свои действия во всех сходных ситуациях⁴.

Работы Бортста, Нейссера и Папко оказали наибольшее влияние на понимание схематичных мышления, которое впоследствии получило распространение в политической психологии. Можно отметить, что обычно термин «схема» описывает два взаимосвязанных процесса переработки политической информации. Хотя оба аспекта действия слем тесно взаимосвязаны и фактически невозможны один без другого, их необходимо рассматривать по отдельности.

Во-первых, слемы обозначают зависимость непосредственных реакций от уже имеющегося опыта. Сталкиваясь с новой ситуацией, детали которой к тому же могут оставаться ему неизвестными, человек соотносит ее с уже пережитыми аналогичными ситуациями. Непосредственное реагирование зависит от наличия в памяти готовых образцов, соответствующих данной ситуации, и от того, какая именно информация легче и быстрее вспоминается. Но если требуемая слема обнаруживается, то в большинстве случаев новая информация будет перерабатываться в соответствии с ней. А кроме того, в этот момент может произойти обновление самой слемы⁵.

Таким образом, слемы рассматриваются в качестве своеобразного способа хранения в памяти информации о политических и социальных объектах (в этих случаях они выступают как сеть ассоциативных связей между набором представлений о реальных объектах). Будучи связаны с механизмами памяти, слемы компенсируют недостаток информации, необходимой для принятия социально или политически значимых решений, позволяя человеку выйти за пределы пассивной информации и привлечь большой объем знаний из прошлого личного опыта, а также опыта сообщества, который также представлен в памяти. Кроме того, слемы включают также и механизмы кодирования и декодирования информации, что складывается из того, как происходит переработка новой информации.

Во-вторых, теория слем помогает описать, как психические процессы разного уровня координируются между собой и взаимодействуют с внешними обстоятельствами. Подобное свойство слем можно пояснить на примере. Вольфганг человек, призванный на избирательный участок. Простые действия (заполнение бюллетеня и опускание его в урну для голосования), которые он должен совершить, состоят из множества психических реакций в виде восприятия, осознания, принятия решения, движения и т.п., без которых слемы простые действия не могли бы протекать слаженно и последовательно. Но активизация данных психических механизмов и процесс их протекания задаются самой обстановкой избирательного участка и теми целями, ради которых человек на него при-

шел. Например, человек может обращать внимание на такие внешне раздражители, которые он проигнорировал бы в других условиях. Он будет говорить о вещах, соответствующих данной обстановке, и вспоминать о том, что следует вспомнить именно в подобных обстоятельствах. С этой точки зрения схемы могут быть описаны как своеобразные когнитивные сценарии, которые побуждают человека действовать и вести себя определенным образом и содержат ожидания того, как те или иные события должны происходить. Схемы также обеспечивают готовность воспринимать соответствующую входу информацию и последующую оценку произошедшего в зависимости от степени их соответствия сценарию.

Одновременно координация различных психических процессов и увязывание их с контекстом, что составляет основную функцию схем, важны и для понимания действия механизмов политической памяти. К сожалению, несмотря на живой интерес, современный когнитивная психология еще только приближается к пониманию того, что представляет собой память. Очевидно, что информация может кодироваться в памяти самым разнообразным образом — в виде визуальных картинок (визуальная память), в виде слов и фраз (семантическая память). Могут быть задействованы и иные, более глубокие механизмы памяти. Еще в 1951 г. Лазарус и Маклер экспериментально доказали, что память о пережитом стрессе может пробуждать реакции, тогда как сам вызвавший стресс фактор не осознается. Для этого испытуемым показывали на экране определенные слова, причем один из них сопровождался ударом электрического тока, а другое нет. Очень скоро у участников эксперимента выработалась устойчивая реакция на слова, за которыми следовал удар током. Когда впоследствии им вновь показывали эти слова, не сопровождав их ударом тока, люди по-прежнему реагировали на них сильным вежко-галантерейским рефлексом⁷.

По мнению М. Д. Либerman и Д. Шрайбера, политическое мышление испытывает аналогичное воздействие со стороны различных неосознаваемых страхов и фобий, кодирующихся, минуя сознание, в различных областях головного мозга⁸. Вопрос заключается лишь в том, как взаимосвязаны все эти разнородные аспекты памяти. Имеем ли мы дело с дифференцированным, но все-таки единым процессом, и если да, то как осуществляется взаимное влияние различных механизмов памяти? Очевидно, науке еще только предстоит ответить на подобные вопросы. В настоящее же время мы обладаем лишь очень приблизительной моделью схем, позволяющей утверждать, что при определенных условиях различные механизмы памяти взаимодействуют параллельно. И следовательно, человек, приходящий на избирательный участок, может одновременно вспомнить и визуальные образы кандидатов, и вербальные лозунги, а процесс вспоминания может «подпитываться»

несознательными позитивными и негативными ощущениями, закрепленными на физиологическом уровне.

Столь пристальное внимание в теории слем связано с тем, что с точки зрения когнитивного подхода политическая стереотипность представляет собой разновидность подобной когнитивной слемы. Как указывалось выше, функционирование стереотипов не связано с действием каких-то специфических познавательных процессов, речь идет скорее об особенностях их протекания. Например, человек быстрый и логич вспоминает некоторую специфическую черту политического объекта, легко используя стереотипизованную картинку, его действия или суждения на основе стереотипов более автоматизированы, больше зависят от общепринятых образов. Но мы едва ли имеем дело с принципиально новым психическим явлением. В известном смысле предрасположенность когнитивного подхода рассматривать все познавательные процессы как содержащие определенной уровень стереотипизованности одновременно и обобщает, и усложняет изучение стереотипов.

Воспользовавшись аналогией со слемами, возможно выявить функционирование политических стереотипов. С когнитивной точки зрения они направляют процесс переработки социально-политической информации. Поскольку стереотипы связаны с памятью и содержат ожидания того, как будут развиваться определенные политические события и процессы, воздействие стереотипов проявляется во всех частных звеньях информационного процесса: они определяют внимание, интерпретацию, воспоминания и умозаключения⁷.

Сложности возникают в процессе уточнения деталей. Например, до сих пор неясно, как в процессе оценки политического объекта происходит сочетание непосредственных реакций на него и реакций, обусловленных прошлым опытом, т.е. более стереотипизованных и автоматических. Полученные эмпирические данные часто фиксируют прямо противоположные явления. Так, хотя гипотеза о том, что в связи с неспособностью переработать большие объемы политической информации человек часто опирается главным образом на когнитивные слемы, не утрачивает своей популярности, однако она уже не рассматривается как универсальная объяснительная модель. Например, исследования исторического поведения показывали, что, отвечая в разное время на сходные вопросы различных социологических служб, люди высказывают различные мнения по их поводу. Это позволяет сделать вывод, что человек реагирует на политическую информацию скорее спонтанно, нежели в соответствии с прошлым опытом⁸. Наблюдаясь в последние десятилетия рост интереса политическими психологами к непосредственным реакциям, вероятно, провозгласит то, в какой мере стереотипные и непосредственные реакции участвуют в образовании политических представлений. Однако на сегодняшний момент этот вопрос остается открытым.

Стереотип как элемент категоризации

Особенности информационной политической среды принуждают человека не только включать механизмы памяти, но и вырабатывать особые когнитивные стратегии для преодоления ее сложности. Одной из таких стратегий является категоризация. Категоризация — это способ упорядочивать окружающую действительность, при использовании которого различные люди, объекты и события относятся к одной категории так, словно они похожи или равнозначны¹⁰.

Просто говоря, люди редко воспринимают других людей (особенно если между ними отсутствуют личные контакты) или социально-политические события как нечто уникальное. В большинстве случаев у них нет для этого ни времени, ни познавательных возможностей. Поэтому они упрощают, обобщают информацию о реальных объектах, что приводит, например, к восприятию людей как представителей какой-либо профессиональной группы, национальности, политической партии, т.е. в качестве элемента некоего однородного множества. При этом всем такого рода элементам приписывается сравнительно небольшое число свойств, а их индивидуальные особенности ускользают от внимания наблюдателя. Политическая реальность изобилует примерами подобных категорий. Когда мы говорим «политики, чиновники, депутаты и т.д.», констатируя какое-либо общее для них качество или образ действия, мы фактически используем такую категорию. Кроме того, категоризация лежит в основе восприятия партийной принадлежности, когда избиратель воспринимает различных политиков своего пристрастия стереотипными образами «коммунист», «демократ», «государственник», «сторонник партии власти» или «оппозиции» и т.д. Во время избирательных кампаний этот механизм во многом определяет выбор граждан, поскольку наша оценка предвыборных заявлений политиков во многом зависит, например, от того, рассматриваем ли мы того или иного из них как представителя власти или оппозиции.

Разумеется, категоризация — это познавательный процесс, типичный не только для образования стереотипов. Принято различать процесс биологической и социальной категоризации. В первом случае присваивают формированию категорий, обобщающих физические и биологические объекты, например птиц, деревья, горы. Во втором случае формируются социальные категории, отражающие свойства людей. Существует мнение, что биологическая, а частично и социальная категоризация протекает практически автоматически. Человек едва ли отдает себе отчет в том, что выделяя у птиц такое общее свойство, как пение, он вторичирует при этом индивидуальные свойства отдельно взятой птицы. Но сталкиваясь на улице с неизвестными людьми, он также, не задумываясь, отмечает их пол, возраст, расовую и национальную принадлежность, что и означает запуск механизма категоризации.

Предположительно простейшие формы категоризации являются неотъемлемым свойством человеческого мышления, а навыки относить разнообразные объекты в одной категории на основе наличия у них одного или более общих свойств формируются в раннем детстве. Однако имеется существенное различие между когнитивными процессами, направленными на физические и политические объекты. Проблема в том, что социально-политическая действительность отличается большей неопределенностью, чем физическая среда. Социальные объекты не имеют столь явно очерченных границ, столь явно выраженных свойств, как физические или биологические объекты. Кроме того, социальная категоризация не представляет собой механическую классификацию объектов окружающей действительности. Обычно на протяжении этого процесса влияют социальные и политические ценности индивида. При социальной категоризации от человека требуется большая интеллектуальная включенность, поскольку социально-политические объекты напрямую затрагивают его жизненные интересы. Поэтому если человек и может сформировать более или менее адекватную картину физической действительности, формируемые им представления о политической реальности гораздо чаще грешат против истины.

Впервые категоризация начала рассматриваться в качестве основы для образования стереотипов еще в 1934 г. Г. Олпортом, но он заметно преуменьшил ее значение, сосредоточив внимание на бессознательной агрессии, которая, по его мнению, являлась реальной причиной образования стереотипов. Поэтому изучение связей между категоризацией и стереотипами было оторвано на несколько десятилетий и возобновилось лишь в 70-х годах XX в. благодаря усилиям Г. Тэджфела и ряда других когнитивных психологов. <...>

Тэджфел связывал процесс образования стереотипов с категоризацией, рассматривая стереотипы как равнозначность категорий. В рамках его концепции формирование стереотипов не связано с какими-либо когнитивными процессами, принципиально отличными от процессов, образующих иные, менее упрощенные и менее обобщенные представления. Провращение политической категории в стереотип зависит от индивидуальных когнитивных особенностей людей, от степени вовлеченности в решение тех или иных политических вопросов, от политических ценностей.

Теория Тэджфела, подтвержденная рядом более поздних исследований, позволяет выделить ряд когнитивных механизмов, объясняющих принципы образования и функционирования политических стереотипов. Так, в процессе образования категорий происходит преувеличение сходства объектов, относимых к одной категории, и преувеличение различий между объектами, попадающими в разные категории. Другими словами, стереотипы отображают политические объекты, например партии, государственные структуры и т.п., состоящие из различных людей и выполняющие различные функции, более однородными, чем они есть на самом

деле. Подобную особенность стереотипов легко обнаружить, например, в стереотипных представлениях о коммунистах, распространенных среди электората, поддерживающего их политических противников. Сторонники коммунистической идеологии часто описываются в качестве людей с низким уровнем образования, принадлежащих к старшим возрастным группам и испытывающих материальные затруднения¹⁷. Конечно, нельзя утверждать, что электорат КПРФ обладает подобными свойствами, однако реальность более разнообразна. И, к слову сказать, люди старше 55 лет и имеющие нешкольное среднее образование, составляют лишь половину сторонников коммунистической партии¹⁸.

Эффект преувеличения подобия между отдельными политическими объектами, относящимися к одной категории, называется категориальной корреляцией. Как утверждает основоположник данной концепции Д. Гамблтон, категориальная корреляция связана с тем, что отдельные события, объекты или процессы воспринимаются людьми как идентичные, тогда как в реальности они либо не совпадают полностью, либо следны в значительно меньшей степени, чем кажется наблюдателям¹⁹. Подобный эффект возникает в связи с тем, что человек чаще слышит об отдельных свойствах объекта, некоторые события оказываются более яркими и запоминающимися, чем другие. Поэтому, сталкиваясь с каким-либо новым и неизвестным объектом, человек часто преувеличивает их подобие и противопоставляет оценку или судит о них по аналогии с уже имеющейся информацией²⁰.

Категоризация может приводить и к обратному эффекту, потому что политические объекты, принадлежащие под разными категориями или стереотипами, воспринимаются более отличающимися, чем на самом деле, поскольку на этот раз от внимания наблюдателя ускользают те качества, которые указывают на их сходство. В политической жизни легко обнаруживаются примеры подобного эффекта категоризации. Например, сторонники политических деятелей, отстаивающих различные позиции, часто преувеличивают их antagonизм и непримиримость. В соответствии с данными Центра политических технологий подобная ситуация наблюдалась в 1996 г. среди прокоммунистически настроенных респондентов, когда их просили определить политическую позицию Г. Зюганова. Ответившие не замечали, что позиция лидера коммунистической партии в то время тяготела не столько к коммунистической, сколько к социал-демократической идеологии. Наоборот, респонденты, заявлявшие о своей симпатии к демократам, без труда распознавали эту особенность позиции коммунистического лидера²¹.

Подобно теории схем теория категоризации подчеркивает значение одного из свойств стереотипов. «Картинки в голове» направляют наше восприятие и интерпретацию информации. В первом случае стереотипы делают это за счет быстрого извлечения информации из памяти, во втором — за счет искажений преувеличения и преумножения сходства

объектов. Но поскольку процесс категоризации также основывается на механизмах памяти, то обе теории следует рассматривать как дополняющие друг друга. <...>

Динамика политических стереотипов

<...> Устойчивость стереотипов во многом обусловлена устойчивостью общества, неизменностью традиций, односторонним и повторяющимся жизненным ситуациям. Вероятно, в старину, живя вне основных информационных потоков своего времени, простой человек мог счастливо окончить свой век, так и не узнав, что его понимание действительности ошибочно и существует немало других способов взглянуть на привычный парадокс вещей. В век политических потрясений и информационных войн люди лишены подобной роскоши. Они плохо информированы о политическом, социальном, культурном разнообразии современного мира. А «исключительность перемени», ставшая бессмысленной чертой жизни современного человека, парадоксальным образом станет порождать исследование политического мышления для вынесения окончательного вердикта: 1) Почему политические представления людей быстро и, на первый взгляд, стихийно изменяются? 2) Почему они изменяются недостаточно быстро, чтобы адекватно отражать изменения в политической сфере?

Таким образом, под устойчивостью политических стереотипов следует понимать не абсолютную неизменность политических представлений, а определенные закономерности их появления, отличающие политические стереотипы от спонтанных мнений и впечатлений. Правда, по большей части подобные закономерности обусловлены не политическими, а социально-политическими факторами, что ограничивает применение когнитивных моделей для объяснения, почему в разное время в общественном мнении господствует различное понимание политической действительности. К сожалению, подобным недостатком страдает большинство попыток анализировать политические феномены только на основе психической организации человека. Ведь роль своего взгляда, мнения и отношения к миру человека формируются во взаимодействии с другими людьми, то для понимания того, почему его образ мысли претерпевает изменения, следует учитывать и внешние факторы, которые называются политической сферой. Тем не менее когнитивные модели полезны для понимания психической стороны динамики общественного мнения. Одной из таких моделей является теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера. Разработанная несколько десятилетий назад, она до сих пор остается популярной в политической психологии.

Ее исходное положение: любой человек стремится к сохранению внутренней гармонии, а его восприятие объединяется в систему, отличающуюся согласованностью входящих в нее элементов¹⁷. Поэтому в случаях

возникновения в ней противоречий человек испытывает психологический дискомфорт, который Фестингер называет диссонансом. Хотя обычно человек избегает подобной несогласованности знаний, а испытывая связанный с ней дискомфорт, всячески стремится уменьшить его степень, тем не менее, подчеркивает Фестингер, противоречивость в убеждениях людей наблюдается довольно часто. Например, создавая вред курения, человек продолжает курить или, полностью отдавая отчет в неизбежности наказания, совершает преступление.

Подобные примеры можно найти и в политическом поведении. Судя по опросам общественного мнения, многие россияне воспринимают современных российских политиков как людей, не отличающихся политической честностью, а выборы — как своеобразную игру государства с народом, в которой победа зависит не от достоинств игроков, а от их ловкости и которая ничем не может помочь простым гражданам. Однако подобные знания отнюдь не препятствуют россиянам относиться к участию в выборах как к своему гражданскому долгу. Думается, мы не будем так уж далеки от истины, если предположим, что для многих граждан России участие в выборах должно быть связано с когнитивным диссонансом. Тогда закономерен вопрос: что помогает людям избежать чувства дискомфорта при подобной несогласованности их убеждений?

Фестингер разработал модель для объяснения этого. Основные положения его теории сводятся к следующему.

1. Между знаниями, под которыми Фестингер понимает любые убеждения, ценности, мнения или чувства людей, возможны два вида отношений: релевантные и нерелевантные. Это означает, что одни знания соотносимы, а другие несоотносимы друг с другом. Например, формулируя мнение о каком-либо политическом событии в России, человек не обязательно воспримет информацию о политическом процессе во Франции. Вероятно, он просто не увидит ее связи с российской политической жизнью. Правда, Фестингер признает, что для выявления нерелевантности двух элементов знания необходим тщательный анализ представлений и когнитивных процессов конкретного индивида.

2. Отношения согласованности и несогласованности, т.е. конформансы и диссонансы, возникают лишь между релевантными знаниями. Но в каких случаях возможен когнитивный диссонанс? По мнению Фестингера, когнитивный диссонанс возникает в следующих случаях:

- а) Если имеется логическая несовместимость, т.е. человек разделяет два принципиально различных убеждения. Как в приведенном выше примере об отношении к выборам, россиянин знает, что выборы — не более чем театрализованное представление, но принимает в них участие.
- б) Если к нему подталкивают культурные обычаи. Имеется в виду, что культура, социум и политическая система определяют, какие

именно элементы могут восприниматься диссонансными, а какие нет. Например, политические традиции и культура влияют на то, какие поступки и слова политического кандидата воспринимаются как противоречащие нормам и традициям политического поведения и, следовательно, приводят к когнитивному диссонансу у его сторонников.

- а) Если конкретное мнение или решение противоречит более общему представлению, в состав которого оно входит. Например, когда человек, считающий себя демократом, поддерживает отмену свободы слова.
- г) Если наличие прошлый опыт, противоречащий принимаемому решению. Например, зная из опыта, что участие в политической жизни не приводит к желаемым результатам, человек все равно в ней участвует.

3. Диссонанс между элементами знания имеет различную интенсивность. При этом степень диссонанса между убеждениями напрямую зависит от роли, которую они играют в мировоззрении индивида. Очевидно, что несоответствие между фактами, которые не представляют интереса для человека, не вызывает серьезного психического дискомфорта. Когда степень диссонанса достигает максимального значения, наименее важный элемент игнорируется, тем самым уменьшая диссонанс¹².

4. Наличие диссонанса порождает у человека стремление снизить его, а интенсивность этого стремления зависит от уровня диссонанса. Для уменьшения чувства дискомфорта человек может использовать различные стратегии:

- а) Он может изменить собственное поведение, вследствие чего изменятся и его взгляды. Заметим, что в рамках теории когнитивного диссонанса изменение поведения и изменение представлений — два взаимосвязанных процесса.
- б) Не желая меняться сам, человек пытается изменить окружающий мир. Фестингер обозначает этот процесс как изменение когнитивных элементов окружения. Например, находясь в состоянии когнитивного диссонанса, человек может найти людей, которые будут поддерживать его новое мнение. Или он может изменить привычный способ получения информации, начать читать другие газеты, смотреть другие телепередачи.
- в) Человек может уменьшить диссонанс, добавляя новые элементы к существующим знаниям. Вспомним приведенный пример с противоречивым отношением к выборам, связанным с утверждением: «избиратели — люди нечестливые», и осознанием своего гражданского долга участвовать в выборах. Чтобы снизить чувство дискомфорта, человек может добавить новый когнитивный элемент — например, политические силы, которые фальсифицируют результаты выборов, приводя к власти лишь неискоренных

людей. Таким образом, человек может продолжать негативно оценивать политику и политиков в целом, но при этом участвовать в голосовании.

Фестингер неоднократно подчеркивает, что при каждой из строгих человек сталкивается со сложностями. Изменения собственных взглядов может быть связано с еще большим диссонансом. Человек часто не в силах изменить свое окружение. А выработка новых элементов знания, способных уравновесить имеющиеся противоречия, — длительный и сложный процесс. Но в любом случае он должен взаимодействовать с информацией, что также протекает по-разному у разных людей. Некоторые люди склонны к активному поиску новой информации, подтверждающей правильность принятого решения. Но часто наблюдается и противоположный эффект. Человек избегает информации, способной вызвать состояние диссонанса. А если это невозможно — ведь политическая информация может быть слишком широко распространена — человек воспринимает ее inadekvatno. Возможно исходное неправильное понимание информации, которая интерпретируется на основе уже имеющихся когнитивных схем. В другом случае изначально правильное понимание информации устранивается путем замисловитых рассуждений, в процессе которых теряется логический смысл сообщения. И наконец, информационное сообщение воспринимается как недостоверное¹².

По-видимому, подобные случаи inadequateного восприятия информации способны пролить свет на причины устойчивости многих политических стереотипов, продолжающих сохраняться, даже когда они выступают в противоречие с политической действительностью, и на механизмы их изменения. Разумеется, теория когнитивного диссонанса не даст исчерпывающего объяснения всем стереотипным эффектам. В основном эта модель описывает динамику информационного компонента стереотипов безотносительно к тому, какие эмоции они вызывают. Хотя утверждение Фестингера о зависимости степени диссонанса от значимости элементов знаний не вызывает сомнений, остается неясным, каким образом следует вызывать эту значимость. В деле изучения политических стереотипов эта теория страдает теми же недостатками, что и когнитивный подход в целом, основывающийся на трактовке стереотипа как когнитивной структуры. Такое понимание имеет преимущества для описания распространённости стереотипов, но для объяснения причин устойчивости и изменчивости политических стереотипов необходимо учитывать их функциональный фон и связь с мировоззрением человека. Кроме того, теория когнитивного диссонанса не объясняет, почему возникает столь различные стили мышления и взаимодействия с информацией. К сожалению, для когнитивной психологии и политико-психологических исследований, основывающихся на когнитивном подходе, эти вопросы до сих пор остаются открытыми.

Социальный когнитивизм: роль социума в функционировании стереотипов

Когнитивные психологи описывают мышление как процесс переработки информации, что позволяет связать внутренние мыслительные процессы с информационными процессами, разворачивающимися в обществе. Действительно, человек — существо социальное, активно общающееся и взаимодействующее с другими людьми, а его представления об окружающем мире складываются в процессе подобного общения. <...>

Очевидно, что при объяснении механизмов формирования и функционирования стереотипов также необходимо учитывать влияние социума. Но в таком случае какие факторы следует учитывать? К сожалению, несмотря на то что с момента публикации «Общественного мнения» У. Липмана неоднократно предпринимались попытки выявить взаимосвязь стереотипов с социально-политическими процессами, до сих пор не удалось создать единую теорию, описывающую механизмы влияния социума на формирование, функционирование и содержание политических стереотипов. Поэтому полезно обратиться к ряду разных концепций стереотипа, объясняющих их происхождение социальным влиянием. Правда, эти концепции не описывают формирование стереотипов в терминах информационного процесса, тем не менее они могут быть полезны, поскольку позволяют выявить то, какие факторы влияют на индивидуальные особенности переработки информации.

Поскольку благодаря традиции, заложенной еще У. Липманом, стереотипы часто описываются как представления о социально-профессиональных группах, первые попытки выявить их социальное содержание были сделаны именно в этом направлении. Так, Д. Т. Кемпбелл связывает возникновение и устойчивость стереотипов с наличием конфликта между различными социальными группами по поводу распределения материальных ресурсов²⁸. В рамках его концепции люди наблюдают за представителями других социальных групп, за их правами, обычаями, которые могут существенно отличаться от их собственных. И так как подобные наблюдения сочетаются с осознанием конфликта интересов, то люди формируют и сохраняют негативные стереотипы о «чужаках» и позитивные образы членов собственной группы.

Более сложная модель, связывающая образование стереотипов с наличием в обществе некоего конфликта интересов и получившая название теории социальной идентичности, была предложена Г. Тударфелом. Ее основные положения заключаются в следующем.

1. Отношения взаимосвязи между процессом образования стереотипов и процессом социальной категоризации. Тударфел подчеркивает, что большинство социальных категорий задается человеку той культурной средой, в которой он живет. По его мнению, «социальная категоризация — это

способ, посредством которого культура идентифицирует сходство и различие между людьми и группами, это фундамент, на котором основывается социальное общение. <...> Это — центр социальной жизни, и, будучи таковым, категоризация поддерживается воздействием и искажением со стороны богатых и разнообразных культур, в которых они возникают»¹.

2. Тэдафел детализирует конфликт за обладание материальными ресурсами, на которых основывается концепция Кемпбелла, конфликтом по поводу моральных ресурсов, скажем, статуса и престижа, что заметно расширяет рамки применения концепции.

3. Рассматривая процесс образования стереотипов в качестве естественного явления человеческого мышления, Тэдафел тем не менее много внимания уделяет «ошибкам мышления», которые возникают при восприятии и интерпретации социально-политических процессов и событий. Например, человек склонен приписывать собственный успех своим заслугам, а в неудачах винить обстоятельства. При оценке же деятельности другого человека все происходит прямо противоположным образом: его успех приписывается благоприятным обстоятельствам, а неудачи — личным недостаткам. В психологии подобный процесс называется фундаментальной ошибкой атрибуции. Тэдафел предполагает, что этот механизм лежит в основе восприятия человеком переживания представителей других социальных групп по социальной иерархии. Таким образом, в основе процесса образования стереотипов лежит не только реальный межгрупповой антагонизм, но и ошибочное мнение представителей одной социальной группы, что у «других» постоянно имеются более выгодные условия для деятельности.

4. Согласно Тэдафелу, самовосприятие и самооценка человека зависят от его принадлежности к какой-либо социальной группе. Понижение или повышение статуса социальной группы неизбежно сказывается на самооценке всех ее членов. Таким образом, позитивные стереотипы своей и позитивные стереотипы чужих групп поддерживают чувство самоуважения человека. <...>

Хотя может показаться невероятным, что теория социальной идентичности описывает явления, szintom далекие от интересов политической психологии, на самом деле подобное включение очевидно. Теория Г. Тэдафела широко применяется в политической психологии, например, для объяснения той роли, которую в жизни человека играет членство в партии, как оно складывается на его политические представления². <...>

Существуют и более сложные механизмы социального воздействия, которые обуславливают раннюю степень распространения политических стереотипов в различных слоях населения. Б. Бернштейн в работе «Класс, код и контроль» выдвигает любопытную гипотезу о существовании зависимости между стилем мышления, речью и социальным положением человека. Так, в ходе общения с детьми родители из различных слоев

общества используют различные приемы построения речи, которые ученые назвали речевыми кодами. Например, представители среднего класса чаще объясняют ребенку, почему он должен что-либо сделать, тогда как родители из рабочего класса предпочитают давать указания. Различия речи родителей приводит к формированию у детей разных стилей мышления: более абстрактного у детей из среднего класса и более конкретного у детей рабочих. Попадая в школу, ребенок из рабочей семьи в отличие от сверстников из среднего класса оказывается менее подготовленным к восприятию речи учителя, которая отличается высокой степенью абстрактности. Он хуже учится, получает поперечное образование, не может сделать карьеру и в итоге возвращается в среду малообразованных, плохо образованных людей, к числу которых принадлежали его родители. <...>

Хотя в работе «Класс, вид и контроль» непосредственно не говорится о политических стереотипах, в ней содержится ряд гипотез о возможной связи между социальным слоем, воспитанием, речью, стилем мышления и предрасположенностью к мысленным стереотипам. Разумеется, подобные гипотезы следует принимать к сведению с должной осторожностью и не распространять их на все случаи без исключения. Ведь посмотрев на то что с точки зрения когнитивного подхода все представляется в какой-то мере стереотипным, очевидно, что люди различаются в зависимости от того, насколько легко и быстро они способны признать ошибочность своих убеждений, изменить мнение и усомниться в верности слов общепризнанного авторитета. Поэтому склонность человека принимать решения и формулировать мнение по политическим вопросам на основе уже готовых «картинок в голове» или, наоборот, самостоятельно продумывать свою позицию по многим зависит и от его познавательных способностей и от культурного уровня, позволяющего человеку полноценно использовать имеющиеся у него возможности получения информации. Таким образом, задаваясь вопросом о том, что такое политические стереотипы, как они возникают и почему становятся общепризнанными, мы неизбежно подходим к вопросу о том, почему разные люди мыслят по-разному, почему одни более открыты к восприятию новой информации, чем другие, и что вызывает подобные различия? Основываясь на гипотезе о социальной обусловленности языка, Берштайн предполагает, что мышление зависит от социального положения людей. Возможно, он преувеличивает значение подобной зависимости и склонность к стереотипному мышлению не выводится напрямую из социального бытия людей. Тем не менее для дальнейшего изучения политических стереотипов представляет интерес выявление взаимосвязей между ними и прочими психическими особенностями личности, что делает исследование стилей мышления перспективной областью политико-психологического анализа, а работу Б. Берштайна — важным подспорьем в этом направлении.

Примечания

- ¹ Lieberman M. D., Schreiber D. Is Political Cognition Like Riding a Bicycle? // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24, 4. P. 681-704.
- ² Cu.: Conover P. J., Feldman S. How People Organize the Political World: A Schematic Model // *American Journal of Political Science*. 1984. Vol. 28, 1. P. 95-126.
- ³ Ashford E. Schema Theory: An Information Processing Model of Perception and Cognition // *The American Political Science Review*. 1973. Vol. LXVII, 4. P. 1248.
- ⁴ Цит. по: Rosenzweig E. M. *Компенсация когнитивных искажений*. М.: МГУ, 1982.
- ⁵ Schemas. The Oxford Companion to Mind. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 695-697.
- ⁶ Cu.: Ashford E. Schema Theory: An Information Processing Model of Perception and Cognition // *The American Political Science Review*. 1973. Vol. LXVII, 4. P. 1248-1279.
- ⁷ Kiehl J., Oppen C. *Восприятие и мышление*. М.: ВЕКМО, 2003. С. 127-128.
- ⁸ Lieberman M. D., Schreiber D. Is Political Cognition Like Riding a Bicycle? // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24, 4. P. 687-688.
- ⁹ Hamilton D. L., Sherman J. W. Stereotypes // *Handbook of Social Cognition*, Vol. 2, Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1994.
- ¹⁰ Lieberman M. D., Schreiber D. Is Political Cognition Like Riding a Bicycle? // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24, 4. P. 683.
- ¹¹ Tajfel H., Fergas J. P. Social Categorization: Cognitions, Values and Groups // Fergas J. P. (Ed.) *Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding*. Fergas J. P. et al. L. etc.: Academic press, 1986. P. 113-140.
- ¹² Miller W. L. Political Values underlying Partisan Cleavages in Former Communist Country // *Electoral Studies*. 1998. No 2. P. 204-205.
- ¹³ Доклады международных организаций // *Экономические и социальные перспективы Мониторинг общественного мнения*. BISHOM, 2000. № 1. С. 7.
- ¹⁴ Hamilton D., Sherman S. History Correlation: Implications for Stereotype Theory // Bar-Tal D. et al. *Stereotyping and Prejudice: Changing conceptions*. N.Y., Springer-Verl., 1989. P. 123.
- ¹⁵ Hamilton D., Sherman J.W. Stereotype // *Handbook of Social Cognition*, Hillsdale etc., Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1994. Vol. 2.
- ¹⁶ Данные апробационного опроса о проведении опроса исследования «Ополчение избирателей и выборы президента». Центр политических технологий, 1999.
- ¹⁷ Фельдман С. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. С. 15.
- ¹⁸ Там же. С. 47.
- ¹⁹ Там же. С. 175-176.
- ²⁰ Campbell D. F. Stereotypes and the Perception of Group Differences // *Amst. Psychol*. 1967. Vol. 22. No 10.
- ²¹ Tajfel H., Fergas J. F. Social Categorization: Cognitions, Values and Groups // Fergas J. P. (Ed.) *Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding*. Fergas J. P. et al. L. etc.: Academic press, 1986. P. 113-140.
- ²² Cu.: Sigal E. An Introduction to the Symposium on Social Identity. P. 111-113; Brewer M. B. The many faces of Social Identity: Implications for Political Psychology. P. 113-127; Muddy E. From Social Identity to Political Identity: A critical Examination of Social Identity Theory. P. 127-157 // *Political Psychology*. 2001. Vol. 22, 1; Greene S. Understanding Party Identification: A Social Identity Approach // *Political Psychology*. 2001. Vol. 22, 2. P. 393-403.

Ценности, идеология и структура политических установок*

Политические установки, ценности, идеология

Было бы сложно перечислить все политические установки, которые человек развивает в течение своей жизни. Политические деятели, группы, политические курсы государств, политические предложения — это только некоторые возможные элементы политического ландшафта, которые людям приходится как-то оценивать. В то время как многие из этих позиций могут сами по себе представлять интерес для изучения, огромное число исследований в политической психологии было посвящено поиску источников структуры политических установок. Учитывая сложность политики, неопределенность большей части политической информации и относительно низкий уровень политического знания у граждан, было бы несложно поверить в то, что эти позиции неструктурированы и относительно непредсказуемы. Хотя все еще существует значительное разногласие по поводу важности политических установок, очевидно, что политические оценки людей как-то предсказуемы и отношения между ними далеки от случайных. Существует множество потенциальных источников структуры, которые, возможно, взаимодействуют сложным образом. Принадлежность к определенной партии, например, дает важную основу для оценки кандидатов на политические должности и политических стратегий, которые они предлагают. Аналогичным образом идентификация с социальной группой позволяет людям определять, что соответствует интересам этой группы.

Фокусируясь на структуре политических установок естественным образом поднимает вопрос о роли идеологии. За последние около лет при обсуждении политики и идеологии обращались огромное число раз. Язык в риторике политиков и журналистов часто выстраивают политические оценки и соответствуют с лево-правым или либерально-консервативным измерением. Многие модели электорального поведения и партийной конкуренции предполагают, что партии и избиратели могут быть расположены в некотором простом идеологическом пространстве [Дювель, 1957].

Хотя политики, философы и другие общественники часто обсуждают политику, как если бы она была организована в исключительно правом-левом измерении, 50 лет исследований общественного мнения показыва-

* Feldman S. Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes. // *Oxford Handbook of Political Psychology*. 2003. P. 477–508.

ют, что одномерная модель идеологии дает полное описание политических установок подавляющего числа людей практически во всем мире [Kinder, 1998]. Этот вывод есть не просто результат исследования, основанного на опросах [см., например: Converse, 1964]. Даже глубинные интервью показывают, что люди редко используют какие-нибудь простые стандарты для политических оценок [Hochschild, 1981; Lane, 1986].

Доказательство существования идеологической структуры в политических установках лишний раз отчасти от исследовательского подвода. Когда корреляция в политических установках — обычно предпочтения по конкретным проблемам — посчитана, практически всегда есть некоторое свидетельство в пользу идеологической согласованности. В то время как величина этих корреляций значительно колеблется от исследования к исследованию и от страны к стране [см.: Knaebel, 1985a], модель отношений между итоговыми предпочтениями обычно согласуется с традиционным лево-правым измерением. Однако даже когда корреляция достигает отметки 0,5 (как иногда происходит в Европе, но редко в США), меньше чем 25% колебаний в итоговых предпочтениях объясняется лево-правым фактором.

Хотя корреляции между установками могут находиться в соответствии с идеологическим измерением, они не означают, что люди активно пользуются идеологией, чтобы структурировать свои установки. В своей классической статье Конверс [Converse, 1964] убедительно доказал, что либерально-консервативное измерение не является основным организующим элементом для большинства американцев. Подавляющее большинство людей не могут адекватно определить термины *либеральный* и *консервативный*, и только небольшая группа, как оказалось, на самом деле использовала либерально-консервативный континуум в своих оценках политических кандидатов и партий. Анализ данных из других стран подтверждает этот вывод. Например, Dalton (2002) показал, согласно данным, собранным в 1974–1975 гг., что только 21% населения Соединенных Штатов в Великобритании использовал идеологические понятия, чтобы оценивать политические партии, тогда как 34% жителей Западной Германии поступали именно так.

Многие люди способны определить свое место на лево-правом или либерально-консервативном континууме. И это помогает предсказать их политические предпочтения [Jacoby, 1991]. Однако есть свидетельства того, что эти идеологические самоощущения необязательно связаны с использованием идеологических понятий. Канонер и Фелдман [Conover, Feldman, 1981] обнаружили, что либерально-консервативные самоощущения в Соединенных Штатах были во многом функцией установок в отношении к заметным социальным и политическим группам. Поэтому возможно, что люди используют идеологические ярлыки при отсутствии действительных знаний о логике политической идеологии.

В то время как легко можно представить с психологической точки зрения, что отдельные индивиды могут обходиться без использования идеологии, чтобы понимать политику, для последней это создает значительные трудности. Если политические установки в основном не структурированы какой-то общепринятой идеологией, то как политические лидеры общаются с обществом? В случае отсутствия идеологии выходятам сложно судить о том, какие их позиции привлекут большинство избирателей. Еще сложнее представить, как могут быть организованы политические партии без некоторой непротиворечивой основы, отличающей их друг от друга. Кажется, политика «не работает» без определенной структуры, которая позволяет широкому спектру политических стратегий сосуществовать вместе. И демократическое представительство может существовать, опираясь на некоторую степень понимания этой структуры. Вопрос лишь в том, что если простой идеологический континуум не является хорошей моделью для понимания того, как люди организуют свои политические установки, то существуют ли какие-нибудь альтернативы, которые могут дать основу для политических коммуникаций и соперничества?

Потенциальную ценность представляет подход к проблеме организации установок, который не получал достаточного внимания в литературе по политической психологии, основанной на ценностном подходе. Теоретиками и исследователями в области философии, антропологии, социологии и психологии долгое время обсуждается роль ценностей в человеческой жизни (см.: Rokeach, 2000, обзор). Как обобщенные стандарты, ценности представляют собой «критерии, которые использует человек для того, чтобы выбирать и оправдывать свои действия и оценивать людей (включая самого себя) и события» [Schwartz, 1992, p. 1]. Rokeach (1973) начал свое главное исследование ценностей, утверждая, что ему «сложно представить себе какую-нибудь проблему в общественных науках, которая не была бы тесно связана с человеческими ценностями».

Многие исследователи утверждали, что ценности являются первоосновой установок. Ветт (1970) описал, как установки возникают из социально-волевыми рассуждений, которые ведут, в конце концов, к некоторым ценностям. Модель плюрализма ценностей, которую разработал Tejsack (2000), предполагает, что «основой всех систем политических убеждений являются конечные или терминальные ценности, которые определяют итоговые состояния публичной политики. Эти ценности, которые могут принимать такие разнообразие формы, как экономическая эффективность, социальное равенство, индивидуальная свобода, контроль над преступностью, национальная безопасность, расовая чистота, действуют как конечные пункты системы убеждений» [p. 247].

У ценностей есть характеристики, которые могут применяться в анализе политических установок и поведения. Ценности, как предполагает

ся, относительно немногочисленны, их определенно меньше, чем установок, которых может придерживаться человек. Таким образом, они могли бы представлять основу для уменьшения сложности политических суждений и для создания согласованности между установками. С другой стороны, все обсуждения ценностей предполагают, что они более многочисленны, чем единственное идеологическое измерение, которое обычно устанавливается для понимания политического конфликта. Политические установки, которые структурированы ценностями, могут не демонстрировать простую одномерную структуру. К тому же многие теоретики утверждают, что ценности существуют не в изоляции, а в виде систем. Если действительно существует организация ценностей людей, это может дать даже более простую структуру политических установок и основу для политической идеологии. Наконец, считается, что ценности также относительно стабильны — свойство, необходимым, чтобы действовать как отправной пункт при оценке. Ценностные приоритеты могут медленно меняться со временем, по мере того как люди принимают необходимость адаптироваться к непостоянным условиям внешней среды. Однако они должны быть достаточно инерсны, чтобы придавать стабильность действиям и последствиям.

Структура ценностей, общие взаимоотношения между ними могут быть важными для развития теории политических установок. Эта возможность также указывает на основную разницу между подходами, обычно применяющимися политологами и психологами. Большинство исследований, которые используют ценности в качестве предикторов политических установок, как правило, включает в себя одну или более ценностей, которые считаются наиболее подматричными для изучаемых установок. Это в особенности относится к политологии. Психологов всегда больше интересовало определение полного спектра человеческих ценностей и отношений между ними. Подход к ценностям по частям, дающий поле для интересного исследования, оставляет открытой возможность того, что важные влияния ценностей на политические установки будут упущены.

Ценности также могут быть важны для понимания политических процессов, ибо они представляют собой связующее звено между социальным и индивидуальным уровнями. Исследователи пытались не только изучить ценности, которые присутствуют у людей, но и проследить, как они распределены в сообществах. В дополнение к вариациям ценностей в одном обществе, оказывается, существуют значительные различия в ценностных приоритетах среди людей, живущих в разных обществах. Интересным вопросом является выяснение того, представляют ли собой ценности функцию других возможных характеристик, или социальные ценности сами оказывают влияние на индивидуальные. Существование социальных ценностей также имеет значение для источников структуры политических установок.

Определение ценностей

Несмотря на десятилетия исследований с использованием ценностей, их определение и операционализация структуры остаются основной проблемой, стоящей перед исследователями. И для того чтобы ценности были полезны при объяснении и процессе политического поведения, необходимо четко отличать их от таких конструктов, как установки и убеждения. Это нелегкая задача в исследованиях общественного мнения, поскольку все эти понятия, включая ценности, должны извлекаться из ответов на стимулы, обычно вербального характера.

Как мы отличаем ценности от других понятий, таких как убеждения и установки? Как замечает Велл (1970), ценности, подобно установкам, фундаментально оценочны и в отличие от них относительно неимпонибельны и более центральны. Две формулировки выдвигались исследователями ценностей коренно определяют смысл современного употребления этого конструкта. Согласно Рокиту (1973), «ценность — устойчивое убеждение, что специфичный вид поведения или конечная цель существования является личностно или социально-более предпочтительной, чем противоположный или обратный вид поведения или конечная цель существования. Системы ценностей — устойчивая организация убеждений, касающихся предпочтительных моделей поведения или итоговых состояний в континууме относительной важности» [р. 5]. Согласно Шварцу (Schwartz, 1992), «ценности — это (1) понятия или убеждения, (2) относятся к желаемым конечным целям или поступкам, (3) выходит за пределы конкретных ситуаций, (4) управляют выбором или оценкой поведения и событий и (5) упорядочены относительной важностью. Ценности, понятое таким образом, отличаются от установок прежде всего своей обобщенностью и абстрактностью (пункт 3) и своей иерархичной упорядоченностью в соответствии с важностью (пункт 5)» [р. 4].

В принципе тогда различие между понятиями и ценностями позитивно. Установка относится к оценке специфических объектов, в то время как ценности — это намного более общие стандарты, используемые как основа для множества специфичных оценок различных ситуаций. Как утверждает Ролан (Rolan, 2000), «когда ценностный конструкт рассматривается в терминах абстрактной смыслообразующей когнитивной структуры, разделение между ценностными приоритетами и оценками специфических существностей кажется действительно широким». И то же время если это разделение потенциально довольно широко, чтобы создать четкое различие, различия не обязательно будет такой широкой в каждом из случаев. На каком уровне общности установка становится ценностью?

Поскольку ценности относятся к предпочтительному виду поведения или желаемой конечной цели, то, вероятно, индивид позитивно оценит большое число ценностей, возможно, не давая никакой из них однознач-

но негативной оценки. Поэтому принято говорить о ценностных приоритетах ценностей по отношению друг к другу. Люди могут считать, что честность по отношению к честности, ответственности, социальная справедливость являются желательными ценностями. Однако один человек может придавать более высокий приоритет честности и успеху, а то время как другому человеку покажутся более важными ответственность и социальная справедливость.

Идея упорядочивания ценностей в соответствии с их приоритетностью поднимает два важных вопроса. Во-первых, если большинство ценностей воспринимается положительно, вероятно, многие специфические оценки требуют разрешения конфликтов между ценностями [см.: Telford, Peterson, Letwin, 1996]. Специфические «установки и поведение управляют не только приоритетом, данным какой-то ценности, а соотношениями между конкурирующими ценностями, которые одновременно задействованы в поведении или установках» [Schwartz, 1992, p. 2]. Во-вторых, если люди должны устанавливать приоритеты для набора ценностей, это предполагает, что лучше всего мыслить категорию систем ценностей. Ценности не могут существовать изолированно друг от друга, но благодаря конфликтам между ними могут быть связаны в некоторого рода общую конфигурацию. Если ценности действительно существуют внутри глобальных систем и часто находятся в конфликте друг с другом, то исследование, сосредоточенное на малом числе ценностей, может упустить из виду конфликты и направления, которые, по мнению Теллора и Шварца, являются центром динамики ценностей.

Ранние подходы к ценностям

Теория и исследование ценностей развивалась в двадцатом столетии на стыке философии, антропологии, социологии и психологии. Отсутствие какого-либо согласия в определении человеческих ценностей привело к появлению инструментов измерения (и исследований), которые были в общем несовместимыми. Исследователи использовали очень разные подходы в своем изучении ценностей. Хотя было проведено множество интересных исследований, каждое оставалось относительно изолированным.

Например, основываясь на работе Шпенглера «Типы человека» (1928), Олпорт, Вернон и Линдсей [Allport, Vernon, Lindzey, 1960] развили «Ученый о мяланных ценностях» (первая версия опубликована в 1931 г.). Они пытались обнаружить шесть широких ценностных ориентаций, базирующихся на следующих типах людей: теоретический, экономический, эстетический, социальный, политический и религиозный. До 1970 г. это была, возможно, самая распространенная классификация ценностей.

Исходя из абсолютно другого ракурса, Моррис [Morris, 1956] предложил классификацию, основанную на 15 «образах жизни» и представле-

ную в виде описаний длиной в один абзац, которые были ранжированы согласно тому, насколько каждому субъекту нравилось или не нравилось их описание. Широкий выбор типов ценностей позволил использовать классификацию для различных культур (Brathwaite, Scott, 1991). На основе выбора, состоявшей из американских студентов, Моррисе удалось сократить классификацию до пяти основных факторов: социальная замкнутость и самоконтроль, наслаждение и прогресс в деятельности, самодостаточность, восторженность и необходимость в сочувствии и потакании своим слабостям и желаниям.

Третий пример из социологии — это работа «Вариации ценностных ориентаций» Класхоффа и Стодобрека [Kluckhohn, Strodtbeck, 1961]. В этой работе были исследованы различия в культурных ценностях на Юго-Западе США. Исследователи проводили структурированные интервью на выборке из американских индейцев, испанских американцев, норманов, тексасских и оклахомских фермеров. Были выделены пять основных ценностных ориентаций, определенных вопросам: 1) Каков характер природной человеческой природы? 2) Каково отношение человека к природе? 3) Где временный центр человеческой жизни? 4) Какова модальность человеческой активности? 5) Какова модальность отношения человека к другим людям? [Kluckhohn, Strodtbeck, 1961, p. 11]. В этом исследовании основное внимание уделялось выделению характерных ценностных ориентаций внутри каждой группы и исследованию различий между группами.

Милтон Рокич

Нет сомнений в том, что на исследования ценностей за последние 30 лет огромное влияние оказала работа Милтона Рокича, особенно в психологии. Его книга «Природа человеческих ценностей» (1973) дала огромный импульс эмпирическому изучению ценностей. Рокич посвятил первую главу своей книги подробному концептуальному обсуждению ценностей и систем ценностей. Его классификация ценностей помогла стандартизировать эмпирические исследования. Она стала широко использоваться в психологии и послужила основой для последующих ценностных инструментов. Он также провел несколько исследований, демонстрирующих возможность его классификации ценностей, влияние ценностей на установки и поведение, процессы изменения ценностей. Как показывает любой обзор литературы с 1973 г., концептуализация и измерение ценностей, предложенные Рокичем, послужили источником вдохновения для многих ученых.

Одной из главных заслуг Рокича было выдвигание на первый план структуры систем ценностей. Ценности не существуют изолированно, и редко какая-нибудь отдельная установка или поступок является функци-

ей только одной ценности. Роквич не просто пытался изучить некоторые ценности, его целью было выявить все основные ценности, которые существуют в человеческих культурах. Он подошел к этой задаче, предполагая, что ценности довольно немногочисленны. Насколько немногочисленны? Роквич в итоге не дал точного ответа на этот вопрос и не предложил четкого механизма для получения ответа. Он действительно предполагал, что ряд человеческих ценностей должен быть связан с биологическими и социальными потребностями, хотя на самом деле не выдержал эту линию рассуждений.

Определение числа ценностей у Роквича в конечном итоге было связано с разработкой измерения ценностей. Действительно, хотя Роквич посвятил много внимания концептуализации ценностей и системы ценностей, на самом деле наибольшее влияние оказала его измерительная процедура, которая в действительности представляла собой два инструмента, созданных с целью различить инструментальные и терминальные ценности⁶. Каждый раздел включал список из 18 ценностей, в которых было дано пояснение из одного-двух слов в скобках, например: свобода (независимость, свобода выбора). Согласно идее, что все (или почти все) ценности оцениваются независимо, субъектам предлагалось «отсортировать их по степени важности для ВАС — как руководящих принципов ВАШЕЙ жизни» [Rokeach, 1973, p. 27]. Это попытка избежать той проблемы, когда субъекты оценивают все ценности как очень важные для них, что в итоге приводит к незначительным различиям между ценностями. В дальнейших исследованиях начали оценивать выгоды и недостатки использования таких процедур ранжирования для измерения ценностных приоритетов [см.: Alwin, Krosnick, 1985].

Кажется странным, что Роквич использовал такие специальные процедуры для замера ценностей, поскольку он стремился установить весь спектр ценностей, которые могли быть обнаружены у всех людей в мире.

«Натуральное» развитие списка ценностей в его последней классификации должно считаться основным ограничением. Оно явно не учитывает возможность того, что классификация ценностей является неполной, и исследователи вскоре указали на упущения, которые значительно повлияли бы на число ценностей, которые должны были ранжировать respondent [см.: Whitehead, Low, 1985].

Хотя работы Роквича были во многом несовершенны, все же трудно переоценить его вклад. Он предложил четкую концептуализацию ценностей и систем ценностей. Его классификация широко использовалась в психологии и стала основой для других классификаций. Его исследования показали важность изучения влияния больших систем ценностей на установки и поведение. Другие исследователи использовали созданный им фундамент для усовершенствования учений о ценностях.

Шалом Шварц

Если Роквич разбудил интерес к исследованию ценностей многих выдающих психологов, то работа Шалом Шварца, конечно, становится новым стандартом в этой области. Шварц больше интересовался воздействием ценностей на установки и поведение, происхождением ценностей в общей и индивидуальной деятельности людей и межкультурными различиями в ценностных приоритетах.

Учитывая интерес Шварца к межкультурным различиям в ценностях, первой задачей, которую он поставил перед собой, было выявить и описать универсальную структуру ценностей. Хотя это также было одной из первоначальных целей Роквича, отсутствие рабочей теории структуры ценности в его исследовании не позволило ему достичь ее¹. Шварц начинает развивать теорию, выделяющую типы ценностей, которые должны присутствовать во всех человеческих обществах (см.: Schwartz, Bilsky, 1987, 1990). Чтобы сделать это, он возвращается к наблюдению Роквича о том, что ценности должны возникать из основных биологических и социальных потребностей. Шварц считает, что в основе ценностей лежит малое число целей или мотиваций. В частности, он утверждает (1992), что «ценности в форме основных целей представляют три универсальные потребности человеческого существования, влияние которых должны быть подчеркнуты все индивиды и общества: потребности индивидов, как биологических организмов, потребности в скоординированном социальном взаимодействии, вызванном и потребности в благосостоянии группы» (р. 4). В то время как многие предполагали, что ценности основаны на некотором наборе универсальных человеческих потребностей и мотиваций, Шварц попытался построить всеобъемлющую теорию ценностей, выделив эти потребности.

Используя схему на выборке из 20 стран, этот автор выделил список из 10 мотивационных типов ценностей². Эти ценности представляют основные человеческие мотивации и цели. Значение индивидуальных, единичных ценностей (свобода, равенство) выделяется из мотивации, которую они представляют. Чтобы установить эти типы ценностей, Шварц использовал шкалу из 21 ценности Роквича и добавил несколько других, взятых из исследований ценностей в Соединенных Штатах. Набор из десяти ценностных типов и индивидуальные ценности, содержащиеся внутри каждого типа, вписаны в таблице. Типы ценностей являются более общими категориями, чем индивидуальные ценности в классификации Роквича. На самом деле отдельные ценностные единицы, которые использовал Роквич, стали индикаторами типа ценностей для Шварца. Например, если Роквич рассматривал свободу и независимость как отдельные ценности, для Шварца они обе являются индикаторами такого типа ценности, как самостоятельность.

Анализ, основанный на алгоритме многомерной градации

Модель Шварца одновременно сокращает число фундаментальных типов ценностей до 10 и увеличивает число индивидуальных ценностей. Классификация Рокчи включала 18 инструментальных и 18 терминальных ценностей. Классификация Шварца включает 54 (или больше) индивидуальных ценностных единиц. В то время как увеличение числа ценностных единиц кажется несоответствующим с идеей того, что ценностей должно быть мало, Шварц фокусируется на 10 ценностных типах и меньше заботится о числе индивидуальных единиц. Поскольку respondentам чрезвычайно сложно, если не невозможно, ранжировать список из 54 ценностей, субъектам предлагается оценить каждую ценность индивидуально по шкале от 7 («наибольшая важность»), через 9 «важность», до -1, «противоречит моим ценностям».

Таблица

Типы ценностей и ценностные единицы Шварца

1. Самостоятельность: независимые мысли и действия (творчество, свобода, выбор собственных целей, любознательность, независимость)
2. Стимуляция: разнообразие, новизна, вызов (разнообразная жизнь, захватывающая жизнь, риск)
3. Гедонизм: удовольствие, вознаграждение (удовольствие, наслаждение жизнью)
4. Достижение: личный успех посредством демонстрации компетентности (частотность, успешность, способность, амбициозность)
5. Власть: социальный статус, престиж, доминирование, контроль (авторитет, богатство, социальное влияние, поддержание общественного имиджа, социальная признательность)
6. Надежность: безопасность, гармония, стабильность общества (социальный порядок, семейная стабильность, взаимный обмен услугами, честность, чувство принадлежности, здоровье)
7. Конформность: ограничение действий, наклонностей и порывов, которые могут навредить другим и нарушить социальные ожидания или нормы (послушание, дисциплина, вежливость, почитание родителей и старших)
8. Традиция: уважение, обязательность, принятие обычаев и идей, которые накладывают структура или предписывает религия (уважение традиций, смирение, преданность, принятие своей участи в жизни, оскромность)
9. Доброжелательность: забота о благополучии близких при взаимодействии (полезность, верность, прощение, честность, отзывчивость, наставление друга, зрелая любовь)
10. Универсализм: понимание, приязнательность, толерантность, защита благополучия всех людей и природы (широта взглядов, кругосвет, социальная открытость, равенство, мир во всем мире, мир красоты, единство с природой, мудрость, защита окружающей среды)

Концептуализация ценностей Шварца интересна тем, что она предполагает, каким образом организованы системы ценностей. Описав типы ценностей в терминах основных человеческих и социальных потребностей, он смог выделить взаимоотношения между десятью типами ценностей: какие ценности наиболее совместимы и какие противопоставлены друг другу. Например, добровольчество и универсализм должны быть совместимы, поскольку они отражают различные аспекты просоциальных ориентаций. С другой стороны, универсализм и власть противопоставлены друг другу, поскольку власть предполагает накопление индивидуального доминирования и контроль над ресурсами, тогда как универсализм заботится о благополучии всех людей. Эти взаимоотношения предполагают, что индивидуальные ценностные единицы должны быть соотносимы в двумерном пространстве с десятью типами ценностей, возникающими как области в этом пространстве с совместимыми ценностями по соседству и с противоположными — напротив. Чтобы проверить эту модель структуры ценностей, Шварц провел корреляции между баллами каждой ценности при ранжировании и проанализировал их, используя алгоритм многомерных шкал. Как показано на рисунке, двумерная конфигурация 54 ценностей из 40 примеров, взятых из 20 стран, имеет во многом овальскую структуру. Индивидуальные ценностные единицы распределены в пространстве, которое разделено на десять частей, одна из которых в дальнейшем разделена на две, представляющие собой также типы ценностей, как традиции и конформизм.

Следует принять, что линии, разделяющие пространство на типы ценностей, не являются результатом анализа, а скорее интерпретацией многомерного шкалирования. Это означает, что эмпирически типы ценностей есть результат объединения в кластеры индивидуальных ценностей в двумерном пространстве, в то время как показание индивидуальных единиц есть функция наблюдаемых корреляций между баллами при ранжировании для каждой из них. Деление пространства на типы ценностей связано с концепцией Шварца, и другие исследователи могли бы разделить это пространство по-иному. Например, улы, определяющие такие типы ценностей, как традиция и стимуляция, могли бы сравниться с утлом, определяющими универсализм и добровольчество. Является ли главным и стимуляция отдаленными типами ценностей, или эти кластеры ценностей в данном пространстве представляют один тип? Как пишет Шварц (1992):

«Это означает, что линии раздела в АНП (Анализе Непрерывного Пространства) представляют собой концептуально удобные решения о том, где одна тип мотивации заканчивается, а другой начинается. Поскольку порядок ценностей представляет собой континуум мотиваций, точные расположения линий раздела условны. Ценности, находящиеся около линии раздела, выражают комбинацию родственных мотивационных целей, связанных с типами ценностей по обе стороны линии раздела» [р. 43].

Двухмерное пространство может также быть определено двумя осями, пересекающимися в его центре. Шварц предлагает два таких измерения, которые дают еще более простое понимание общей структуры ценностей. Одно измерение, начинающееся от самостоятельности и спонтанности на одном конце, проходящее через надежность, конформности и традиции, дает разброс ценностей от открытости до консерватизма. Другое, расположенное примерно под прямым углом к первому, имеет на одном конце универсализм и доброжелательность и достижения и власть — на другом. Ниже будет более подробно описано, каким образом двухмерный метод решения дает интересный способ видения структуры ценностей и возможного взаимоотношения между ними и фундаментальными социальными и политическими процессами.

Ясно, что необходимо провести намного больше исследований, чтобы проверить валидность концептуализации структуры ценностей Шварца и определить, действительно ли она является универсальной моделью ценностей. Шварц представляет некоторые результаты, судя по которым можно предположить, что десять типов ценностей могут не быть абсолютно универсальными. Эта модель лишь частично воспроизводится в нескольких выборах во Китая, где в то же время выделены некоторые другие типы ценностей. Однако пока неизвестно, будут ли они повторяться в других китайских выборах и у населения других стран. Также сложно пока сказать, являются ли межкультурные вариации в структуре ценностей таковыми, или это просто проблемы перевода инструментари на другие языки.

Преимущество концептуализации Шварца заключается в том, что она основана на анализе мотиваций, лежащих в основе ценностей, таким образом, результирующая концептуализация менее специфична, чем предыдущие. Гипотетический мотивационный базис типов ценностей также должен облегчить формулировку гипотез, связывающих типы ценностей с установками и поведением. Относительно малое число типов ценностей также означает, что модели политических установок, основанные на ценностях, снижат сложность таких объяснений до десяти или менее типов ценностей или даже до двух основополагающих измерений.

С другой стороны, менее ясен статус индивидуальных ценностей в этой концепции. Рассмотрим, например, такой тип ценностей, как универсализм. Он включает в себя следующие индивидуальные ценности: равенство, единство с природой, мир во всем мире и др. Таким образом, вероятно, что если кто-то высоко ценит *равенство*, то он также присвоит высокий балл при ранжировании *мору во всем мире*. Ценность универсализма будет основываться на суммарной оценке людьми этих ценностей. Однако возможно, что специфические позиции были бы лучше предсказаны на основе той или иной индивидуальной ценности, чем на

основе целого типа. Например, установки в отношении к распределению социального благосостояния были бы лучше предсказаны на основе равенства, не из мира *in vitro* *in vivo*. В какой же степени политические психологи должны быть заинтересованы во взаимосвязи между политическими установками и очень точно определенными ценностями, такими как равенство, или более общими мотивационными типами — как универсализм?

Ценности, политические позиции и политическое мышление

Анализ множества исследований показал, что есть связь между политическими установками и ценностями. Только перечисление опубликованных работ, описывающих данные по этому вопросу, заняло бы множество страниц. Количество таких свидетельств значительно возросло. В некоторых случаях это не более чем двумерные корреляции между ценностью и установкой без статистического контроля над остальными переменными. В других случаях предлагаются сложные многомерные модели, которые включают иные переменные и принимают во внимание погрешность измерений. Поскольку ценности, вероятно, коррелируют с другими факторами, которые могут предсказать политические установки, сложно доверять результатам, основанным только на корреляциях.

Даже если взять только многомерные исследования, то и они свидетельствуют о связи ценностей и установок. Так, установочный эффект согласованности ценностей и политических предпочтений [Feldman, 1988; Peffley, Harwitz, 1985; Pollack, Lilie, Vines, 1993], установок на социальные группы [Biemat, Vesio, Thero, Crandall, 1996; Kinder, Sanders, 1996; Sagie, Schwartz, 1995], политические действия [Berg, 1995; Gundelach, 1995] политиков и партии [Kautson, 1995b; Miller, Shanks, 1996].

Несмотря на обилие эмпирических данных, у нас до сих пор нет систематических доказательств связи между многими ценностями, которые предлагали такие теоретики, как Рокитц и Шварц, и политическими установками. Большинство исследователей, изучающих влияние ценностей, выбирают небольшое их число (возможно, только одну) и оценивают их воздействие на политические установки. Изучение установок на социальное благосостояние может включать такие ценности, как равенство и индивидуальность, в то время как исследование установок на аборт может сосредотачиваться на религиозных ценностях и традициях. Спецификации ценностей и их классификация часто значительно варьируют от исследования к исследованию. Редко когда вся совокупность ценностей (типов ценностей), как, например, типы Шварца, включается в исследование. Таким образом, доказательства взаимосвязи ценностей и

политических установок имеют разрозненный характер, проливая мало света на более широкое влияние ценностей.

Шварц утверждал, что его двумерная структура из десяти типов ценностей показывает, что установки должны быть связаны сразу со всей совокупностью типов ценностей определенным образом. Корреляции установок с ценностями должны возрастать и убывать равномерно от одной ценности к смежной с ней. Шварц приводит доказательства этому в виде корреляции данных по сотрудничеству, выбору в ходе голосования и внутригрупповым контактам. Например, готовность учителей нравиться государственным школам контактировать с нравящимися арабами наиболее позитивно коррелирует с таким типом ценностей, как универсализм ($r = 0,40$), и смежной ценностью самостоятельности ($r = 0,32$). Корреляции снижаются до максимального отрицательного уровня $-0,41$ для враждебного типа ценностей и до уровней $-0,31$ и $-0,19$ в смежных ценностях надежности и альтернативности. Хотя этот анализ опять-таки представляет только простые корреляции между ценностями и личными переменными без какого-либо статистического контроля, он предполагает, что предсказание позиций из системы ценностей, вероятно, будет лучше и информативнее, чем предсказание на основе одной или нескольких индивидуальных ценностей.

К сожалению, существует очень мало теорий, объясняющих, как ценности или ценностные структуры связаны с политическими установками. Модель Шварца делает предсказания начет принципов корреляции между позициями и его десятью типами ценностей и устанавливает типы ценностей, которые должны иметь наиболее положительную и наиболее отрицательную корреляцию с каждой отдельной установкой. Хотя могут быть интуитивные догадки об этих связях, не существует теории, которая производит такие предсказания. Как писал Ровин (1975), считается, что «ценности, которых придерживаются люди, объясняют их установки (и поведение), но вопрос в том, какие ценности лежат в основе каких установок (и поведения) и почему? На этой стадии развития теории мы просто не знаем достаточно о природе ценностей и того, как они определяют установки и поведение, чтобы дать удовлетворительные ответы на эти вопросы» [р. 120–121].

Исследователи также не уловили достаточно внимательным образом, при каких условиях ценности будут наиболее тесно связаны с политическими установками. В большинстве исследований изучаются простые взаимоотношения, без учета дополнительных обстоятельств, которые могут влиять на объем этих взаимоотношений. Одним из факторов, на котором существуют некоторые данные, является политическая искусственность. Хотя, конечно, можно допустить, что связь «ценности—установка» достаточно проста и не требует политической искусственности, Заллер (1991–1992) утверждал, что взаимоотношения между ценностями и политическими установками

являются функцией уровня политического опыта. Те, кто менее искусен, будут неспособны соединить смыслы политических сообщений, которые они получают, со своими ценностями и, таким образом, не смогут установить четкую связь между своими ценностями и установками.

В то время как Залдор предоставляет факты, показывающие, что связь между ценностями и политическими установками становится прочнее с увеличением политического опыта, Поллок, Лили и Витс (1993) предполагают, что влияние искусственности может зависеть от природы установок. Согласно Карминсу и Стингону (1980), различаются «сложные» и «прямые» вопросы. У прямых вопросов есть «бухвальные объяснения, которые напрямую указывают на моральные или экономические ценности» [Pollock, Lile, Vites, 1993, p. 30]. Это «символические» вопросы, которые, наоборот, знакомы большинству людей. В результате они легко понимаются и ассоциируются с основными ценностями.

Сложные вопросы, более технические и менее понятные, требуют того, чтобы политическая элита представляла им форму в терминах ценностей. Людям требуется достаточно высокий уровень политической искусственности, чтобы понять эти формы. Поэтому мы должны отыскивать надежные связи между логичными вопросами и ценностями, на которые не влияет опыт, и более слабым — для сложных вопросов, которые встанут только перед теми, кто политически искусен.

Поллок, Лили и Витс предоставляют некоторые факты, свидетельствующие в пользу этой гипотезы на основе анализа позиций по отношению к ядерной энергии (сложный вопрос) и «легких вопросов», таких как аборт, сжигание флагов и гомосексуальность. Они находят, что взаимосвязь между ценностями и установками по отношению к ядерной энергии значительно больше у тех, кто сильно вовлечен в политику, чем у тех, кто вовлечен слабо. Однако влияние ценностей все-таки статистически значимо даже для тех, кто слабо вовлечен в политику. Наоборот, мало данных в пользу того, что взаимосвязь между ценностями и установками по отношению к легким вопросам подтверждает влияние уровня вовлеченности в политику. Это исследование предполагает, что отношение между искусственностью и ценностями и установками более сложное. Нужно, чтобы анализ влияния ценностей рассматривал и свойства изучаемых политических установок, и природу дискурса политической элиты, и форму подачи информации средствами массовой информации.

Другим фактором, который может играть роль во взаимосвязи ценностей и установок, является мотивационная основа ценностей. Некоторые теоретики установок предлагали модели психологических функций установок [Katz, 1960; Smith, Brunet, White, 1956]. Модель Кэца предполагает, что существует четыре основные установки: утилитарная, функция «Я-защиты», выражающая ценности и функция лояльности. Утилитарная функция включает максимизацию вознаграждений и минимизацию

цию негативных подкреплений; функция «Я-защиты» служит для предохранения ego от угроз и ударов; функция эвкая служит для придания значения и понимания среды; функция, выражающая ценности, помогает выражать основные ценности и самооценку. Исходные исследования показывают, что функции, которые несут установки, могут влиять на взаимосвязь между ценностями и установками [Kjølhaugen, Zanna, 1998; Maio, Olson, 1994, 1995]. В частности, установки, выражающие ценности, должны иметь более сильные связи с ценностями, чем установки, выполняющие другие функции.

Два исследования Maio и Олсона показывают важность функций установки. В первом исследовании, посвященном изучению установок в отношении курения [Maio, Olson, 1994], они определяли функцию установки, используя подход перечисления мыслей [см.: Sharvit, 1990]. Авторы обнаружили значительные взаимосвязи между многими ценностями и установками среди людей с установками, выражающими ценности, но никакой взаимосвязи — среди людей с утилитарными установками. Во втором исследовании они манипулировали функциями установок по отношению к раку, выделяя либо выражающие ценности, либо утилитарные причины для донаций в фонд раковых исследований. Как и ожидалось, Maio и Олсон обнаружили существенные различия в предсказанных установках в этих двух случаях, при этом одно из ценностных измерений Шварца коррелировало с функцией, выражающей ценности, и совсем не коррелировало с установками, выполняющими утилитарную функцию.

Функциональный подход к установкам может внести потенциально важный вклад в лучшее понимание роли ценностей в политике. Нам необходимо знать, когда политические установки начинают выполнять первичную функцию выражения основных ценностей и самооценки. Определенные установки скорее всего действуют таким образом, и возможно, есть условия, при которых функция, выражающая ценности, будет более важной. Различия между функциями, выражающими ценности, и утилитарными функциями, пожалуй, особенно насущны в политике, поскольку одним из основных расхождений в литературе по политическому поведению и общественному мнению был вопрос относительно степени влияния эгоистических интересов и «символически» в политических установках. Этим мы должны ассоциироваться с установками, которые выполняют утилитарную функцию. Хотя и менее ясно, символические установки, вероятно, больше приспособлены, чтобы выражать ценности по своей природе. В той степени, в какой это разделение значимо, символические установки должны лучше предсказываться ценностями. И, учитывая сложные связи эгоизма и политических установок [Zanna, Fazio, 1991], политические позиции, наиболее вероятно, выполняют функцию, выражающую ценности, для многих людей.

Ценности и политическая идеология

В предыдущем разделе дан обзор данных по взаимосвязи ценностей и специфических политических установок. Если большинство людей не думает о политике в терминах идеологии, то ценности могут позволить людям организовать их политические оценки относительно непротиворечивым образом. Но также необходимо рассмотреть, как структура этих установок связана с политическим конфликтом в обществе. Если бы людям надо было использовать большое число ценностей или если бы они значительно отличались по своему использованию ценностей, получившая в результате сложность сделала бы слабой взаимосвязь между обществом, партиями и политиками. На самом деле в этом заключается привлекательность идеологического конструкта: он позволяет легко взаимодействовать политикам и обществу и предоставляет основу для организации политических партий. Поэтому важно рассмотреть простые взаимоотношения между ценностями и установками, чтобы понять, могут ли ценности повлиять на лучшее структурирование политических установок.

Несколько исследователей пытались связать человеческие ценности и политическую идеологию, аргументируя это тем, что внешне различие ценностей формирует основу различия между идеологиями. Простая модель идеологии, основанной на человеческих ценностях, представлена в книге Рокича «Природа человеческих ценностей». Его основным аргументом было то, что четыре главные идеологии XX в. — социализм, коммунизм, фашизм и капитализм — можно понять с помощью двухмерной шкалы. По Рокичу, неравное распределение власти в любом обществе приводит к взаимоотношению конкурирующих между собой планов по решению социальных и экономических проблем. Эти конфликты будут возникать на основе разных уровней свободы общества, а также неравенства в нем. Таким образом, главные отличия между идеологиями должны определяться приоритетностью конечных ценностей — свободы и равенства.

На основе этой логики Рокич утверждал, что двухмерность, являвшаяся основой современных идеологий, образована этими двумя ценностями. Эта двухмерная модель содержит четыре ячейки, образованные высоким и низким приоритетом каждой из ценностей. Социализм соответствует ячейке с высокой степенью свободы и равенства, фашизм — ячейке с низкой степенью свободы и равенства. Коммунизм занимает ячейку с высокой степенью равенства и малой свободой, а при капитализме равенства нет, зато свобода велика.

Для проверки этой модели Рокич в 1973 г. провел контент-анализ сочинений ключевых авторов — сторонников каждой из четырех идеологий. Этот контент-анализ позволял оценить позитивные и негативные упоминания всех терминальных и инструментальных ценностей, вклю-

чая свободу и равенство, что было хорошим доводом в пользу модели Роквеля. Он классифицировал ценности в выбранных сочинениях, делая предположения и прогнозы на будущее в каждом из случаев.

Подобно и контент-анализу теоретичности политических лидеров Роквелл также измерял в американской выборке приоритет ценностей и предпочтений в выборе президента в 1968 г. В отличие от контент-анализа ценностей главных фигур в каждой идеологии, ценности всех сторонников того или иного кандидата легко раскладываются на одномерной шкале право-левых предпочтений. Это результат того, что все группы избирателей высоко оценили свободу (с первого по четвертое место в списке из 18 основных ценностей). Главным отличием была их оценка важности равенства. Сторонники либеральных кандидатов, например Роберта Кеннеди, Юджина МакКартни и Хьюберта Хамфри, расценивали равенство в вершине списка, тогда как сторонники консерваторов, Ричарда Никсона, Рональда Рейгана и Джорджа Уоллеса, дали равенству гораздо меньше баллов. На основе этих наблюдений Роквелл утверждал, что двумерное идеологическое пространство может уменьшаться до одного измерения, если одно из значений незначимо (в этом случае свобода).

Открытие Роквеллом влияния важности равенства на выбор кандидата предвосхищало ряд исследований, показывающих важность этой ценности для политических установок. Исследования в США показали, что равенство — главное условие в оценке социального государства [Feldman, 1968; Feldman, Steenbergen, 2001; Kluegel, Smith, 1986]; расовых позиций [Kinder, Sanders, 1996; Sears, Henry, Kenetman, 2000] и оценки кандидатов [Miller, Shanks, 1996]. Verba и его коллеги (1987) показали важность равенства в политике США, Швеции и Японии. Исследования в Европе показывают четкое выраженное влияние право-левого измерения, которое часто интерпретируется (но меньшей мере частично) как отражение ценности равенства [см.: Кнопел, 1985a].

Несмотря на то что модель Роквелла — это удобный способ объяснения современных политических идеологий, она содержит серьезные недостатки. Во-первых, значимость таких ценностей, как свобода и равенство, может изменяться от одной среды к другой. Свободу, например, сложно определить в общем. Для капиталиста свобода — это отсутствие принуждения, особенно от органов власти. Для социалиста свобода означает способность достичь своих целей, а это предполагает усиления органов власти по устранению проблем, например, бедности и расизма. Следовательно, сторонники этих идеологий могут оценить свободу только в их собственном понимании.

Во-вторых, хотя Роквелл получил утверждение своей модели и в контент-анализе политиков и теоретиков, классификация ценностей у сторонников этих идеологий не совпадает с его главными прогнозами. Открытие Роквелла, касающееся того, что лишь при оценке важности равенства

можно говорить о различии в идеологиях, верно для США. Но без учета значительного вклада как коммунизма, так и фашизма, идеологически debates сводятся к обсуждению единственного направления — социализм против капитализма (в США — либерализм против консерватизма). Однако роль свободы должна быть вынесена в контексте коммунистической и фашистской идеологии. Это и было целью исследования, проведенного в Англии Cochrane, Billig и Hogg (1979). От местных активистов и сторонников лейбористской, консервативной, коммунистической партий и «Национального фронта» эти исследователи получили классификации ценностей, используя систему 18 ценностей Рокоча. В соответствии с предположением Рокоча равенство распознавалось хуже всего и активистами, и сторонниками этих партий. Однако свобода совсем не выделялась сторонниками, и оценки активистов этих партий не совпадали с предположением Рокоча.

Брейтуэйт (Braithwaite, 1962, 1964, 1997) предложила другой подход к сопоставлению ценностей и идеологий. Она начала с попытки исправить ограниченную двустороннюю модель Рокоча, однако пришла к совершенно другому подходу. После модификация модели Рокоча с добавлением большого количества социальных/политических ценностей Брейтуэйт проанализировала классификацию этих ценностей и получила два относительно некоррелирующих измерения (два фактора). Первое, названное «международная гармония и равенство», включает следующие ценности: «справедливая жизнь для других», «справедливые народы», «международная кооперация», «социальный прогресс и социальные реформы», «мир во всем мире», «мир красоты», «человеческое достоинство», «равные возможности», «общее экономическое равенство» и «сохранение окружающей среды». Вторым фактор, «мощь национального государства и порядка», измеряется «величием государства», «развитием национальной экономики», «мощью закона», «национальной безопасностью». Эти два фактора социальных ценностей были затем соотнесены с доминирующими личностными ценностями для создания двух несколько более широких измерений, «гармонии» и «безопасности» (1997).

Брейтуэйт показывает, что эти два фактора относятся к разным личностным ценностям и являются взаимно исключительными (вообще-то некоторые положительно взаимосвязаны). Однако, как отмечает Шварц (1994), отсутствие корреляции между факторами может быть методологическим артефактом. Поскольку почти все ценности оцениваются скорее положительно, то существует лишь очень малые положительные взаимосвязи между любыми парами ценностей. Поэтому все классификации, основанные на рейтингах ценностей, будут иметь некоторую взаимную положительную связь друг с другом. Они могут оказаться незначимо связанными или даже положительно связанными, если даже «истинная» связь между ними должна была быть отрицательной.

Существуют также другие проблемы с данными, которые Бройтуйт представляет по этим ценностным факторам. Один из самых интересных аргументов Рокиты состоял в том, что сама структура идеологии требует двумерной модели: идеологии нельзя разместить на одномерной модели. Пока что все данные, представленные Бройтуйт, показывают связь обоих измерений с политическими установками и выбором при голосовании. Например, межкультурной гармония и равенства всегда негативно связаны с консервативной позицией и поведением, а факторы мощи государства и закона связаны позитивно. На самом деле эти два измерения ценностей всегда сводятся к одному идеологическому измерению.

Двумерное представление Шварца выражает другой взгляд на политическую идеологию, который кажется весьма многообещающим. Кроме десяти типов ценностей, которые выделил Шварц, он также показал, что для полной конфигурации ценностей хватит всего двух осей: одна шкала — от открытости к изменениям до консерватизма, другая — от саморасположения до саморесурсности. Шварц (1994) отмечает, что эти два измерения отвечают двум измерениям идеологии. Первый, который назван классическим либерализмом, «говорит о том, должно ли правительство больше внимания уделять защите индивидов и способствовать личным свободам и гражданским правам, или же защите социального статуса-кво путем контроля над отклонениями внутри, или защите от внешних врагов страны» [р. 39]. Это идеологическое измерение должно быть больше всего связано с соотношением открытости—закрытости к изменениям консерватизма. Второе идеологическое измерение, экономический эгалитаризм, «относится к тому, должно ли правительство уделять больше внимания установлению равенства путем перераспределения средств или защите возможности граждан сохранять накопленные или средства для будущего и скорейшего экономического роста» [р. 40]. Соотношение саморесурсности — самоуспокоения нужно отнести к экономическому эгалитаризму.

Существуют некоторые основания полагать, что эти два измерения ценностей связаны с другими политическими структурами, которые уже сильно привязаны к политическим установкам. Некоторые исследователи (Altabeuer, 1998; Rohan, Zanna, 1994) обнаружили, что правый авторитаризм сильно связан с соотношением открытости и консерватизма. У сторонника авторитарного режима наиболее сильны положительные корреляции с конформизмом и наиболее четкие отрицательные корреляции с выбором собственных целей и стимулирующими ценностями. Также Альтабейер приводит сведения, означающие, что ориентация на социальное доминирование связана с измерением саморесурсности — самоуспокоения.

Двумерная модель ценностей Шварца также предполагает некоторые интересные отклонения от этих двух измерений. Например, саморесурсность представлена ценностями типа универсализма и добродетельно-

ти. Несмотря на простоту во многих отношениях, универсализм шире по сравнению с более знакомым термином «благожелательность». Проще говоря, Шварц определил, что на другом конце того же измерения ценности власти больше конфликтуют с ценностями универсализма и благожелательности, чем с ценностями достижения. Таким образом, небольшие изменения в ориентации того же двумерного пространства могут привести к качественно различным политическим наклонностям и идеологическим предпочтениям. Основная двумерная структура ценностей Шварца может обеспечить полноту основу для размышления о политических и социальных конфликтах в обществе.

Устойчивость и переночность ценностей

Чтобы структурировать политические установки, ценности должны быть более устойчивыми, чем политические взгляды и установки, так как ценности обуславливают установки. Если ценности скоротечны и нестабильны, неустойчивы или если бы были фактом, свидетельствующим, что на ценности значительно повлияли установки, то было бы трудно утверждать, что ценности играют главную роль в организации политических установок. Навое понимание взаимосвязи ценностей и политических установок было бы сильно осложнено. К сожалению, мы обладаем слишком малой эмпирической информацией для качественного ответа на эти решающие вопросы.

Все теоретики ценностей признают, что ценности относительно стабильны. Полностью устойчивые ценности были бы дисфункциональными для людей, делая их беспомощными в постоянно меняющемся мире. Решающий вопрос состоит в том, в какой степени должны быть учтены временная неустойчивость, пока ценности не потеряли свой статус устойчивых стандартов, определяющих политические установки и поведение.

Ротун в 1973 г. осуществлял измерение устойчивости ценностей, вычислив процентные взаимосвязи ценности и их места в списке для каждой из ценностей за период в несколько недель (в одном случае больше года). Идеальная взаимосвязь показала бы, что респондент выбрал бы 18 ценностей точно в том же порядке оба раза. Средние показатели составили примерно 9,7–9,8 для терминальных ценностей. Поскольку такие измерения вычисляются для каждого человека отдельно, можно вынести распределение устойчивости среди людей. Тогда как большинство субъектов исследований проявили довольно высокий уровень устойчивости, другие были гораздо менее стабильны. Конечно, есть вероятность, что часть неустойчивости обусловлена ошибками измерения (даже намеренная). Однако Ротун отметил, что часть изменений устойчивости связана с характеристиками субъекта: полом, возрастом, интеллектуальными способностями и либерализмом.

Эти результаты показывают, что существует достаточный уровень устойчивости в общей системе ценностей. Что же насчет индивидуальных ценностей? Роквич представил изменения каждой из ценностей за период от первого теста до второго, вычислена для каждой ценности корреляционные коэффициенты Пирсона для двух пунктов измерения ценностей. Эти изменения существенным образом отличались: 0,43 — «ответственность» и 0,51 — «чувство успеха, достижения» до 0,71 для «равенства» и 0,88 для «спасения». Единственным изменением свыше 0,71 был рейтинг «спасения», а большинство изменений уложились в диапазон 0,6. Индивидуальные ценности, таким образом, показывают гораздо большую нестабильность, чем полный набор ценностей для большого числа людей. Эти результаты неудовлетворительны, ибо для единственного измерения ценностей ошибки измерения больше. В таком случае какой вывод можно сделать об устойчивости ценностей из таких результатов? Хорошим результатом было бы изменение в пределах 0,3. Или все же стоит удовлетвориться 0,6?

Сведения об устойчивости других измерений индивидуальных ценностей ограничены, особенно для национальной выборки. Такие сведения требуют, чтобы измерения ценностей были включены в групповые исследования. Даже если эти данные будут получены, результаты наверняка будут иметь большой разброс. Например, с использованием четырехуровневого инструментария Ликерта по вопросу о равных возможностях в американском национальном исследовании выборов (NES) МакКаин в 1997 г. сообщил об удивительно низком стандартизованном коэффициенте устойчивости 0,41 за двухгодичный интервал (1990–1992). Коэффициент устойчивости измерения четырех характеристик «морального традиционализма» гораздо выше и равен 0,84. В статье 1995 г. Шент, используя те же самые данные с включением двух дополнительных характеристик, отвечающих за равенство возможностей, сообщает о получении нестандартизированного коэффициента устойчивости порядка 0,81⁴. Его оценка устойчивости морального традиционализма равна 1,00. Оба этих факта принимают во внимание ошибку измерения (случайную и систематическую).

Теперь ясно, что нам необходимо значительно большее количество эмпирических сведений об устойчивости ценностей. Также мы должны подумать о том, какими должны быть устойчивые значения ценностей и что за тип измерений мы используем. Результаты Роквича показывают серьезные отличия между устойчивостью систем ценностей и устойчивостью отдельных ценностей. Каждое из измерений — это единственный объект с очень короткой фразой, характеризующей его. Вопросы, заданные в NES, являются утверждениями, с которыми респондент должен либо согласиться, либо не согласиться, например: «То, что некоторые люди имеют больше возможностей, чем другие, не является большой проблемой». Являются ли такие конструкции из много-

сти утверждений измерения ценностей более надежными, чем одиночные измерения? Или же содержание утверждений делает их более подверженными быстрым изменениям?

Многотыся не ценности систематически в течение длительного периода времени? Рокит в 1973 г. уделил большое внимание этому вопросу. Используя метод, который обосновывал обратную связь с субъектом и указывал на несоответствие между изложенным приоритетом ценностей и из «Я-концепцией» (метод конфронтации ценностей), Рокит смог наблюдать систематические изменения в приоритете ценностей и политических взглядов. Другие [например, Криспианс, Нойс, 1996] отмечают, что данный подход, похоже, производит довольно малые изменения в приоритетах.

Сложно собрать хорошие данные о долговременных изменениях ценностей, так как это требует повторного опроса людей через продолжительный временной промежуток. Гораздо проще сравнить приоритет ценностей через некоторое время, используя новые выборы, однако такая информация не будет точным отражением действительности. Например, Rokach и Бай-Rokach в 1988 г. обнаружили, что внимание к равенству значительно снизилось с конца 1960-х до начала 1980-х. Несмотря на их утверждения, что это результат изменений политической среды и дискурса с элиты, эмпирически проверить эту гипотезу данными такого рода невозможно.

Некоторые сведения систематических изменений в ценностях можно увидеть у MacLean (1997). Используя данные NES, он показал, что избиратели, проголосовавшие за Билла Клинтона в 1993 г., стали активнее поддерживать равенство возможностей и, наоборот, меньше ценить моральный традиционализм. Те, кто голосовал за Джорджа Буша, изменили свои мнения в противоположную сторону. При отсутствии других сведений сложно говорить, насколько общий характер имеют эти сдвиги.

Вдобавок к устойчивости ценности также должны быть вне системы политических установок. Если ценности будут сильно подвергаться влиянию со стороны установок, то будет сложно рассматривать ценности как основу их организации. А поскольку большинство исследований по влиянию ценностей на политические установки полагает, что именно различие в ценностях вызывает различие в политических установках, то значительные сведения о внутрисистемности (зависимости от политических установок) ценностей заставляют сомневаться в выводах этих исследований. Как и в случае с устойчивостью, лучший способ определить причинно-следственную связь между ценностями и политическими установками — получить большое количество данных.

Исследование МакКлинтоном (1997) данных NES предоставляет некоторое подтверждение первичности ценностей. Пренебрегая тем, что поддержка равенства возможностей и морального традиционализма в значительной

степени обусловлены предпочтениями при выборе президента. МакКани показал, что предпочтения по конкретным проблемам голосующих не сильно повлияли на эти две ценности. С другой стороны, в 1992 г. было отмечено значительное влияние ценности на число голосовавших по проблемам, даже при сохранении неизменными ценностей двухлетних давности. Таким образом, хотя эти ценности подвержены влиянию предпочтений кандидата в президенты (или какого-либо другого аспекта избирательной кампании), не существует сведений, что ценности первичны по отношению к политической позиции — конкретно в этом исследовании.

Другие исследователи больше склоняются к идее первичности ценностей. Селитман и Кан [Seligman, Kan, 1996] представляют свои данные в серии исследований, говорящих о том, что системы ценностей могут быть не так стабильны и устойчивы, как все полагают. Суть исследования такова. Субъект располагает в порядке важности ценности по Рохачу. Затем установки по отношению к той или иной проблеме (например, к абортам или охране окружающей среды) оцениваются (вместе с некоторым дополнительным материалом), и субъект вновь ранжирует ценности по приоритету. Полученные испытуемых были даны одинаковые общие инструкции по выбору приоритетов, тогда как другую половину попросили выбрать приоритеты на основе их ощущений по проблемам. Селитман и Кан получили, что взаимосвязь между этими двумя списками приоритетов значительно ниже, если испытуемых просили выразить важность ценностей по проблемам, а не по общей инструкции. Связь между некоторыми из ценностей и предпочтениями по проблемам на выходе была также выше, чем в случае обычного исследования.

Это исследование предполагает, что, вероятно, на приоритеты ценностей влияют определенные факторы в некоем контексте, и отрицает устойчивость приоритетов. Однако сложно из этих действий определить, наблюдаем ли мы реальные изменения в приоритетах или изменения в приведенных значениях происходят из-за условий исследования. Поскольку испытуемым просили ранжировать ценности на основе их ощущений по проблеме, то список должен быть более непротиворечивым. К тому же Селитман и Кан добавили две или три ценности, связанные с проблемами из списка терминальных ценностей Рохача. Эти дополнительные ценности наверняка были подвержены воздействию непротиворечивости, и существует предположение, что значительная часть полученных изменений ценностей — результат этих добавленных характеристик.

Существуют причины, из-за которых нужно связать причинно-следственную связь между ценностями и политическими установками. Как полагают Креставскен и Тинна (1994), при функциональном подходе установки могут играть не только экспрессивную, но и инструментальную функцию. Ценности могут являться важным способом объяснения инди-

ми своих политических установок и поведения. С этой точки зрения ценности могут быть в равной степени и следствием, и причиной политических взглядов. Эта область однозначно требует больше исследований. Большинство работ по изучению ценностей начинается с принятия того, что именно ценности влияют на позиции, но не наоборот. В данный момент существует весьма малое число данных для подтверждения этой гипотезы.

Социетальные и индивидуальные ценности

В попытке описать структуру политических установок политические психологи, естественно, сфокусировали внимание на приоритетах индивидов. Действительно, с точки зрения психологии ценности представляют собой ментальные конструиры. Однако в социальных науках существует давняя традиция, по которой принято оценивать конкретные характеристики общества на основе общих социальных ценностей. Большая часть ранних работ по этой теме была основана на простом наблюдении социального поведения и установок [см.: Lipset, 1979, хороший обзор по теме для США]. Более современные качественные исследования выявили различия в культурных ценностях и их воздействие на психоэкономические процессы и поведение. Для политичесологов эти исследования дают интересную возможность использования ценностей для объединения микро- и макроуровней анализа. В той мере, в какой приоритеты ценностей отдельных субъектов формируются социетальными ценностями (или социальными, экономическими и политическими условиями в целом), связь между индивидуальным политическим поведением и состоянием общества будет видна четче. Общие социальные факторы также помогут бы понять, как образуются индивидуальные ценности и политические установки.

Для полного успеха этому предпринятию требуется четкая концептуализация социетальных ценностей и путей их формирования и сохранения. К сожалению, в настоящее время имеется брешь в литературе по этой тематике. Социетальные ценности либо берутся заданными до изучения их результатов¹, либо измеряются по средним уровням их приоритетов в малых выборках. И хотя исследователи уже использовали множество методов для выявления межкультурных различий в ценностях, они еще не изучили, как возникают эти различия. В результате многие исследования в этой области являются более описательными, чем теоретическими. Несмотря на это, важно решить, меняются ли и как меняются приоритеты ценностей в зависимости от культуры. Имея огромное количество исследований по этой тематике, невозможно даже попытаться предоставить обзор этой литературы в данной главе. Цель состоит лишь в том, чтобы отметить некоторые ключевые публикации и

предположить, как эти исследования могут помочь понять структуру политических установок.

Бесспорно, центральным измерением ценностей в литературе о межкультурных ценностях является шкала индивидуализм—коллективизм. Интерес к зарождению и последствием индивидуализма датируется как минимум эпохой Великой французской революции. Доводы, что политика в обществе в США в основном индивидуалистичны, стали появляться вскоре после создания государства [см.: Lipset, 1979; Tocqueville, 1954]. Эмпирические данные, подтверждающие эти наблюдения, появились в 1980 г. в исследовании Гирта Хофстеде. Он брал интервью у рабочих больших многонациональных корпораций из 40 стран, бывшие они эмигрантами или самостоятельно. Хофстеде выделил четыре измерения социальных ценностей: дистантность власти, избегание неопределенности, маскулинность и индивидуализм. По Хофстеде (1980), индивидуализм «описывает связь между личностью и коллективом, преобладающую в данной общности» [р. 213]. Как определяют Оузерман, Кун и Кеммельмайер (Оузерман, Соон, Кеммельмайер, 2002), «основой момент индивидуализма — предположение, что индивидуумы не зависят друг от друга», тогда как «основная идея коллективизма — принятие предположения, что группы связывают в единомно объединяют индивидуумов» [р. 4–5].

Анализ данных Хофстеде позволяет составить рейтинг 40 стран по шкале индивидуализма. Как и ожидалось, в США индивидуализм был выше всех, хотя Австралия и Великобритания находились чуть-чуть ниже. Далее следуют Канада, Нидерланды и Новая Зеландия. Самые коллективистские страны — Венесуэла, Колумбия, Пакистан, Перу и Тайвань. В общем, западные промышленные страны получили высокие показатели индивидуализма, особенно связанные с наследием Британии. Самые коллективистские страны находятся в Южной Америке и Азии. Анализ Хофстеде обеспечил исследователей руководством для изучения высокоиндивидуалистических и коллективистских стран, которое может стать основой изучения последствий индивидуализма.

Вне зависимости от того, отличается ли общество по шкале индивидуализма, эта ценность особенно важна для политической социологии. Начиная с индустральной революции индивидуализм был связан со стремлением к социальной мобильности и поддержкой рыночной экономики. Индивидуализм должен был также стать ответом бедности и неравенству. Индивидуалисты полагают, что люди в конечном итоге сами несут ответственность за себя и, таким образом, общество не должно помогать нуждающимся. Коллективисты, напротив, рассматривают индивидуум в первую очередь как членов социальной группы и тех, чье благосостояние зависит от благополучия и действий группы.

Допущения, что нации различаются уровнем индивидуализма и что ранжирование стран по шкале индивидуализм—коллективизм может быть

четко осуществлены, стали очень важными для большого количества работ по межкультурным ценностям. Эти допущения недавно были тщательно проверены Оулеттан, Соон и Kimmelmeier (2002), которые провели широкий исторический анализ исследований, включивших сравнения уровня индивидуализма—коллективизма для США и по крайней мере еще для одной страны. Их данные в целом подтвердили эти допущения, но со значительными оговорками. Во многих случаях различия между странами были меньше, чем ожидалось. Было обнаружено существенное различие в странах Азии: выборка из Китая обладала низким уровнем индивидуализма, в то время как его уровень в Корее и Японии был значительно выше.

Взаимосвязь между социальными и индивидуальными ценностями также требует пристального внимания. Ясно, что не всегда есть однозначное соответствие между культурными ценностями, которые характеризуют общество, и ценностями приоритетами конкретных людей в этом обществе. Чтобы сделать ясным различие, Triandis и др. (1985) ввели термины *идеоцентризм* и *адиоцентризм*, чтобы описать ценности на уровне личности, относящиеся к индивидуализму и коллективизму. Триандис и коллеги обнаружили, что на индивидуальном уровне *идеоцентризм* и *адиоцентризм* имеют отрицательную корреляцию, даже несмотря на то что индивидуализм и коллективизм считаются противоположными полюсами одного континуума на социальном уровне.

Сложность перехода от культурного к индивидуальному уровню может быть причиной того, что измерения индивидуализма в последующих политических установках в США часто имеют объяснительную силу меньше ожидаемой (см.: Feldman, 1998; Feldman, Stoenberg, 2001; Sears, Henry, Kossettman, 2000, по сравнению Kinder, Mendelberg, 2000). В этих исследованиях ценность равенства оказывает более сильное влияние на установки воспринимающие по отношению к социальному государству и розовой политике. Хотя эти открытия могут оказаться несоответствующими заявлению, что в США, как в обществе, особенно высок индивидуализм, возможно, эти выводы довольно совместимы: если индивидуализм — это широко распространенная ценность в Соединенных Штатах, то будет мало колебаний, объясняющих различия в политических установках. На самом деле Фелдман и Заллер (1992) обнаружили, что ссылки на индивидуализм были более широко распространены в ответах на открытые вопросы о социальном государстве даже среди его сторонников. Мы можем больше узнать о влиянии индивидуализма на политические установки из кросс-национальных исследований, чем из исследований в пределах одной нации (в особенности с высоким уровнем индивидуализма). Есть некоторые свидетельства того, что различия в уровнях поддержки индивидуализма связаны с вариациями в социальных инвестициях и западных индустриализированных обществах [Smith, 1987].

Иная попытка связать социальные условия и ценности предпринимается в масштабной работе Рона Инглхарта. Начиная с простых допущений о социализации ценностных приоритетов, Inglehart (1977, 1990) разработал модель изменения ценностей, которая связана с переходом от экономической недостаточности к относительной обеспеченности. Ингларт основывал свою модель на двух предположениях: на *линейном логотематизме*, в соответствии с которым ценности развиваются в ответ на условия низкой обеспеченности, и на *линейном социализме*: ценности формируются до зрелого возраста и являются после этого относительно устойчивыми к изменениям.

Структура этой модели была в дальнейшем усовершенствована теорией иерархии ценностей Маслоу (Maslow, 1952), которая утверждала, что люди преследуют основные цели в предельной последовательности: от физиологических потребностей к потребности в безопасности, любви, принадлежности к обществу, самоуважении и, наконец, потребности в самореализации. Только по мере того, как удовлетворяются низшие потребности, люди переходят к достижению более высоких потребностей. В схеме Инглхарта экономические лишения в молодые годы фокусируют человека на средствах к существованию и потребностях в безопасности, которые приводят к развитию буржуазных и «материалистических» ценностей. Отсутствие экономических лишений позволяет сосредоточиться на потребностях более высокого порядка, результатом которых является развитие постматериалистических ценностей. По мере того как экономическая подавленность в обществе растет, все больше и больше молодых людей должны развивать постматериалистические ценности и смена поколений должна сдвигать эти ценности все более преобладающими в обществе.

Ингларт классифицировал эти ценности, предлагая людям ранжировать по порядку группы из четырех ценностных пунктов. Его первая классификация основывалась на одной группе из четырех составляющих: поддержание порядка в государстве, наделение людей большим влиянием на решения правительства, борьба с растущими ценами, защита свободы слова. Первая и третья составляющие относятся к материалистическим ценностям, вторая и четвертая — к постматериалистическим. В последующих исследованиях использовалось до 12 пунктов. Использование пунктов, которые относятся непосредственно к экономическим условиям (борьба с растущими ценами, поддержание высокого уровня экономического роста, поддержание стабильной экономики), привело к тому, что некоторые авторы (Clarke, Durr, 1991; Durr, Taylor, 1993) стали утверждать, что соотношение материалистических ценностей в обществе есть функция короткосрочных экономических условий, а не стабильных ценностных приоритетов. Хотя этот спор еще не завершен, ясно, что постматериалистические ценности есть по крайней мере нечто зависящее (и возможно, существенно) от краткосрочных факторов.

Даже среди тех, кто утверждает, что ценности меняются, природа этих изменений остается спорной. Ринард (1982, 1987) утверждал, что модель Инглхарта путает два основных принципа изменений: один, включающий переход от экономических к неэкономическим ценностям, и другой — от авторитарных ценностей к либеральным ценностям сторонников свободы. Брейтвейт, Мэхал и Пятельков (Breitwies, Mähel, Pätzold, 1994), используя брейтвейтовскую интерпретацию модели свободы/равенства Рокина, утверждают, что изменение ценностей лучше истолковывается как переход от ценностей безопасности к ценностям самовыражения.

Каковы последствия этого изменения ценностей? Первоначальное исследование Инглхарта (1997) было сосредоточено на студенческом протесте и влиянии политических властей. Последующие исследования касались дело с проблемами окружающей среды и поддержки «зеленых» партий, ядерной энергии и роли женщин в обществе. Корреляции между постматериалистическими ценностями и этими проблемами почти всегда положительны, хотя их величина значительно варьирует. Например, Дайен (2002) сообщает, что корреляции между постматериалистическими ценностями и поддержкой антиядерных групп колеблются от 0,09 до 0,26 в США, Великобритании, Франции и Западной Германии с корреляцией 0,01 в Восточной Германии. Эти результаты очень слабы на поддержку групп, представляющих права женщин в этих странах. Это относительно слабые корреляции, и здесь нет контроля над другими политическими и социальными факторами, которые могут коррелировать и с ценностями, и с установками по этим проблемам. Постматериалистические ценности действительно предсказывают результаты голосований в Западной Европе, хотя эта взаимосвязь обычно слабее, чем для традиционного левого измерения (Клаусен, 1993b). К сожалению, во многих из этих исследований представлены только процентные различия или простые корреляции, что осложняет заключения о том, насколько сильными могут быть влияния этих ценностей в многомерных моделях.

Хотя теория и исследование Инглхарта и получили некоторую долю критики, они были чрезвычайно важными в политологии, особенно в Европе, при изучении политических установок, участия и голосования. И Ингларт сделал, возможно, больше, чем любой другой теоретик ценностей для развития теории изменения ценностей, которая могла бы помочь понять динамику политики индустриально развитых стран. Эмпирическое сравнение материалистической/постматериалистической шкалы ценностей Инглхарта со структурной моделью Шарпа могло бы помочь объединить две основные линии исследований кросс-национальной динамики систем ценностей (политологической и психологической).

В заключение этого раздела я приведу интересный пример того, как изучение социальных ценностей может пролить свет на социальные и

политические процессы. Используя данные по ценностям, которые он собрал для многих наций, Шварц (1997) исследовал потенциал влияния идей коммунизма во многих странах. В частности, он сравнивал выборы учителей государственных школ и студентов колледжей в десяти странах Восточной Европы с соответствующими примерами из 11 западноевропейских стран. Все примеры были получены с 1989 по 1995 г.

Шварц обнаружил существенные различия в ценностях по нескольким важным областям. Все восточноевропейские respondents были выше по консервативным ценностям (типы в его теории: конформизм, традиции, надежность), чем каждая из западноевропейских выборок. Все восточноевропейцы были в среднем выше по иерархическим (относящимся к власти) ценностям, хотя эти различия не так четко выражены. Напротив, восточноевропейские примеры были ниже по эмоциональной независимости (стимуляции), интеллектуальной независимости (самостоятельность) и, что интересно, по ценностям равенства (универсализм и добровольность). Как и в случае с консервативными ценностями, все десять наций Восточной Европы ниже ставили ценности равенства, чем каждая из западноевропейских наций. Эти различия, как оказалось, выдерживают простой контроль за такими переменными, как религия и экономическое развитие. Характеристики ценностей Восточной Европы точно не согласуются с ожиданиями о «социалистических» обществах, хотя, как утверждает Шварц, они могут быть последствием авторитарных режимов.

Как пишет Шварц, чтобы лучше всего последовать влиянию различных политических систем на общественные ценности, нужно брать неоднократно через определенное время примеры из стран, которые испытывают изменения в политической системе. Учитывая отсутствие таких исследований, подобные данные могут представлять важные свидетельства влияния социополитических структур на ценности и в конечном итоге — на установки, необходимые для демократизации. Поскольку вероятно, что молодые люди наиболее подвержены влиянию изменений в политических системах, даже примеры после политических изменений должны быть полезны, так как ценности молодых людей будут значительно отличаться от ценностей старших членов общества предшествующим образом.

Заключение: ценности, политика и политическая идеология

Даже для такого объема обзор должен быть довольно избирательным, и существует огромное множество исследований ценностей, которые не удалось обсудить. Целью работы было показать, как ценности

могут помочь политологам и психологам понять структуру политических установок. Поиск организации установок является одной из главных задач исследований в политологии и психологии. Хотя для изучения этой проблемы недостаточно отдельного подхода, существует значительное количество свидетельств того, что ценности являются основным источником структуры политических установок. Кроме рассмотрения некоторых из этих свидетельств была сделана попытка показать, как современные теории могут продвинуть наше понимание. С тех пор как была опубликована книга Рокча (1973 г.) психологи внесли существенный вклад в учение о ценностях. Но все же политические психологи часто игнорируют эту работу и включают ценности в свои исследования лишь отчасти. Для многих целей этого может быть достаточно. Открытие, что равенство является основным предсказателем позиций по отношению к социальному государству [Fejlskov, 1988] или что индивидуализм не является основным предсказателем расовых позиций [Kinicki, Mendelberg, 2000], являются важными сами по себе. Но есть основания полагать, что внимание к более широким ценностным структурам может быть даже более продуктивным.

Взаимосвязывание между ценностями особенно важно, когда мы переходим от понимания специфических установок к их организации и идеологии. Поиск основополагающей, простой структуры ценностей может предоставить основу для связывания индивидуальных и общественных приоритетов с фундаментальными социальными и политическими конфликтами. Это один из перспективных аспектов теории ценностей Шварца. Связывая ценности с основными человеческими потребностями и мотивами, Шварц систематизирует видение связей между ценностями. Двухмерная структура, проливающаяся в связи между ценностями, может стать фундаментом для модели идеологии, основанной на ценностях. Более пристальное внимание к структуре и более всесторонняя классификация ценностей могут иметь существенную значимость для политической психологии.

Как уже подчеркивалось, все еще остается множество вопросов вокруг использования ценностей в исследованиях политической психологии. Мы знаем слишком мало о стабильности ценностей и степени их влияния на политические установки. Нам необходимо знать больше об условиях, при которых ценности наиболее тесно связаны с установками. Теория ценностей дает слишком мало ориентиров для предсказания того, какие ценности будут особенно сильно участвовать в формировании структуры политических установок. Необходимо намного больше работы, чтобы определить итоговую значимость ценностей для политической психологии.

Примечания

¹ Инструментальные ценности относятся к «средствам поведения», тогда как терминальные включают желаемые состояния. Последующие исследования не подтвердили эту дихотомию (см.: Schwartz, 1992).

² Более того, практически весь анализ Рокеча был сделан с использованием примеров из США. Это, видимо, не позволило ему выявитьcross-культурные вариации в содержании и структуре ценностей.

³ Список был изначально из восьми типов, потом расширился до 11, далее сократился до 10 с одним типом — дружелюбие, который не вошел в анализ.

⁴ МакКин сообщает о неперепроизводимом коэффициенте стабильности 0,48.

⁵ Априорные различия в социальных ценностях иногда происходят из общих наблюдений социальных характеристик (исповедания, политика, на этнолингвистических исследованиях) или из количественных изучений междоусловных отношений — см. *roberty Hofstede* (1980).

Библиография

- Alport, G. W., Vernon, P. E., & Lindzey, G. (1960). *Study of values* (3rd ed.). Boston: Houghton Mifflin.
- Altemeyer, B. (1998). The other «authoritarian personality» In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 30, pp. 47–92). San Diego, CA: Academic Press.
- Alvén, D. F., & Krosnick, J. A. (1985). The measurement of values in surveys: A comparison of ratings and rankings. *Public Opinion Quarterly*, 49, 515–532.
- Born, D. J. (1970). *Beliefs, attitudes, and human affairs*. Belmont, CA: Wadsworth.
- Bornat, M., Vecchio, T. K., Thoma, S. A., & Crandall, C. S. (1996). Values and prejudice: toward understanding the impact of American values on outgroup attitudes. In C. Seligman, J. M. Olson, & M. P. Zanna (Eds.), *The psychology of values* (pp. 153–180). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Borg, S. (1995). Electoral participation. In J. W. van Deth & E. Scarbrough (Eds.), *The impact of values* (pp. 441–460). New York: Oxford University Press.
- Bratthwaite, V. (1962). The structure of social values: Validation of Rokach's two-value model. *British Journal of Social Psychology*, 29, 205–211.
- Bratthwaite, V. (1994). Beyond Rokach's equality-freedom model: Two-dimensional values in a one-dimensional world. *Journal of Social Issues*, 50, 67–94.
- Bratthwaite, V. (1997). Harmony and security value orientations in political evaluation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 23, 401–414.
- Bratthwaite, V. A., & Lee, H. G. (1985). Structure of human values: Testing the adequacy of the Rokach Value Survey. *Journal of Personality and Social Psychology*, 49, 250–263.
- Bratthwaite, V., Makkai, T., & Pinckson, Y. (1996). Inglishan's materialism-post-materialism concept: Clarifying the dimensionality debate through Rokach's model of social values. *Journal of Applied Social Psychology*, 26, 1336–1353.
- Bratthwaite, V. A., & Scott, W. A. (1991). Values. In J. P. Robinson, P. R. Shaver, & L. S. Wrightman (Eds.), *Measure of personality and social psychological attitudes* (pp. 641–753). San Diego CA: Academic Press.
- Cummings, E. G., & Simonson, J. A. (1980). The two faces of issue voting. *American Political Science Review*, 74, 78–91.
- Clarke, H., & Dart, N. (1991). Measuring value change in western industrialized societies. *American Political Science Review*, 85, 903–920.
- Cookman, R., Billig, M., & Hogg, M. (1979). Politics and values in Britain: A test of Rokach's two-value model. *British Journal of Social and Clinical Psychology*, 18, 159–167.

- Conover, P. L., & Feldman, S. (1981). The origins and meaning of liberal/conservative self-identification. *American Journal of Political Science*, 25, 617-643.
- Conover, P. L. (1964). The nature of belief systems in mass publics. In D. E. Apter (Ed.), *Ideology and discontent* (pp. 206-261). New York: Free Press.
- Dalton, R. J. (2002). *Culture politics*. New York: Chatham House.
- Dorens, A. (1937). *An economic theory of democracy*. New York: Harper and Row.
- Duck, R., & Taylor, M. (1993). Postmaterialism and the economic condition. *American Journal of Political Science*, 37, 141-172.
- Feldman, S. (1988). Structure and consistency in public opinion: The role of core beliefs and values. *American Journal of Political Science*, 32, 316-349.
- Feldman, S. (1987). Economic individualism and American public opinion. *American Politics Quarterly*, 31, 3-28.
- Feldman, S., & Stenbergen, M. R. (1981). The humanitarian foundation of public support for social welfare. *American Journal of Political Science*, 45, 658-677.
- Feldman, S., & Zaller, J. (1992). The political culture of ambiguity: Ideological responses to the welfare state. *American Journal of Political Science*, 36, 268-307.
- Flanagan, S. (1982). Changing values in advanced industrial society. *Comparative Political Studies*, 14, 403-444.
- Flanagan, S. (1987). Value change in industrial society. *American Political Science Review*, 81, 1303-1319.
- Gundlach, P. (1995). Grass-roots activity. In J. W. van Deth & E. Scarbrough (Eds.), *The impact of values*. New York: Oxford University Press.
- Hochschild, J. (1981). *What's just?* Princeton: Princeton University Press, untitled.
- G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Inglhart, R. (1977). *The silent revolution*. Princeton: Princeton University Press.
- Inglhart, R. (1980). *Cultural shift in advanced industrial society*. Princeton: Princeton University Press.
- Jacoby, W. (1991). Ideological identification and issue attitudes. *American Journal of Political Science*, 35, 178-205.
- Katz, D. (1960). The functional approach to the study of attitudes. *Public Opinion Quarterly*, 24, 163-204.
- Kinder, D. R. (1986). Opinion and action in the realm of politics. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske, & G. Lindzey (Eds.), *Handbook of social psychology* (Vol. 1, pp. 738-867). New York: Oxford University Press.
- Kinder, D. R., & Mendelberg, T. (2000). Individualism reconsidered. In D. O. Sears, J. Sidanius, & L. Bebo (Eds.), *Racialized politics* (pp. 44-74). Chicago: University of Chicago Press.
- Kinder, D. R., & Sanders, L. M. (1996). *Divided by color*. Chicago: University of Chicago Press.
- Knackhous, F. R., & Smithbeck, E. (1961). *Variances in value orientations*. Evanston, IL: Row, Peterson.
- Kugel, J. R., & Smith, E. R. (1986). *Beliefs about inequality*. Hawthorne, NY: de Gruyter.
- Kurzman, O. (1995a). Left-right materialist value orientations. In J. W. van Deth & E. Scarbrough (Eds.), *The impact of values* (pp. 160-196). New York: Oxford University Press.
- Kurzman, O. (1995b). Party choice. In J. W. van Deth & E. Scarbrough (Eds.), *The impact of values* (pp. 460-491). New York: Oxford University Press.
- Kristiansson, C. M., & Horne, A. M. (1996). Morality and the self: Implications for the when and how of value-attitude-behavior relations. In C. Seligman, J. M. Olson, & M. P. Zanna, (Eds.), *The psychology of values* (pp. 77-106). Mahwah, NJ: Erlbaum.

- Kristiansen, C. M., & Zanna, M. P. (1988). Justifying attitudes by appealing to values: A functional perspective. *British Journal of Social Psychology*, 77, 247-256.
- Kristiansen, C. M., & Zanna, M. P. (1994). The rhetorical use of values to justify social and intergroup attitudes. *Journal of Social Issues*, 50, 47-63.
- Lane, R. (1960). *Political ideology*. New York: Basic Books.
- Lipset, S. M. (1978). *The first new nation*. New York: Norton.
- Maio, G. R., & Olson, J. M. (1994). Value-attitude-behavior relations: The moderating role of attitude functions. *British Journal of Social Psychology*, 85, 301-313.
- Maio, G. R., & Olson, J. M. (1995). Relations between values, attitudes, and behavioral intentions: The moderating role of attitude function. *Journal of Experimental Social Psychology*, 31, 266-283.
- Maslow, A. (1952). *Toward a psychology of being*. New York: Holt-Rinehart.
- Maslow, A. (1954). *Motivation and personality*. New York: Harper and Row.
- McCann, J. A. (1997). Electoral choices and core value change: The 1992 presidential campaign. *American Journal of Political Science*, 41, 364-383.
- Miller, W., & Shanks, J. M. (1996). *The new American voter*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Morris, C. (1956). *Reviews of human value*. Chicago: University of Chicago Press.
- Oyserman, D., Coon, H. M., & Kemmelmoe, M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses. *Psychological Bulletin*, 128, 3-72.
- Peffley, M. A., & Harwitz, J. (1985). A hierarchical model of attitude constraint. *American Journal of Political Science*, 29, 871-890.
- Pollock, P. H., Lile, S. A., & Vitus, M. E. (1983). Hard issues, core values and real life constraint: The case of nuclear power. *British Journal of Political Science*, 23, 29-38.
- Rokeach, M. J. (2000). A rose by any name? The values construct. *Personality and Social Psychology Review*, 4, 255-277.
- Rokeach, M. J., & Zanna, M. P. (1996). Value transmission in families. In C. Seligman, J. M. Olson, & M. P. Zanna, (Eds.), *The psychology of values* (pp. 253-276). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Rokeach, M. (1968). *The open and closed mind*. New York: Basic Books. Rokeach, M. (1968). *Beliefs, attitudes, and values*. New York: Free Press.
- Rokeach, M. (1973). *The nature of human values*. New York: Free Press. Rokeach, M., & Ball-Rokeach, S. J. (1988). Stability and change in American value priorities, 1968-1981. *American Psychologist*, 44, 775-784.
- Sagie, L., & Schwartz, S. H. (1992). Value priorities and readiness for out-group social contact. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69, 433-448.
- Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 23, pp. 1-65). New York: Academic Press.
- Schwartz, S. H. (1994). Are there universal aspects in the structure and content of human values? *Journal of Social Issues*, 50, 19-46.
- Schwartz, S. H. (1996). Value priorities and behavior: Applying a theory of integrated value systems. In C. Seligman, J. M. Olson, & M. P. Zanna (Eds.), *The psychology of values* (pp. 1-24). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Schwartz, S. H. (1997). Influences of adaptation to communist rule on value priorities in eastern Europe. *Political Psychology*, 18, 385-410.
- Schwartz, S. H., & Bilsky, W. (1987). Toward a psychological structure of human values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53, 559-582.

Schwartz, S. H., & Bilsky, W. (1990). Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58, 878-891.

Scout, D. O., & Funk, C. L. (1991). The role of self-interest in social and political attitudes. *Advances in Experimental Social Psychology*, 24, 1-31.

Scout, D. O., Hany, P. J., & Kantorian, R. (2000). Egalitarian values and contemporary racial politics. In D. O. Scout, J. Sidanius, & L. Bobo (Eds.), *Racialized politics* (pp. 75-117). Chicago: University of Chicago Press.

Seligman, C., & Katz, A. N. (1996). The dynamics of value systems. In C. Seligman, J. M. Olson, & M. P. Zanna, (Eds.), *The psychology of values* (pp. 53-76). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Shavitt, S. (1990). The role of attitude objects in attitude functions. *Journal of Experimental Social Psychology*, 26, 124-148.

Sheng, S. Y. (1995). *SIS measurement of values and predispositions, 1984-1992*. National Election Studies, Technical Report No. 58.

Sidanius, J., & Pratto, F. (1999). *Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression*. New York: Cambridge University Press.

Smith, M. B., Bruner, J. S., & White, R. W. (1956). *Opinions and personality*. New York: Wiley.

Smith, T. W. (1987). Report: The welfare state in cross-national perspective. *Public Opinion Quarterly*, 51, 404-421.

Springer, E. (1928). *Types of men: The psychology and ethics of personality*. Halle, Germany: Max Niemeyer Verlag.

Tetlock, P. E. (2000). Coping with trade-offs: Psychological constraints and political implications. In S. Lupin, M. McCubbins, & S. Popkin (Eds.), *Political reasoning and choice* (pp. 239-265). Berkeley: University of California Press.

Tetlock, P. E., Peterson, R. S., & Lerner, J. S. (1996). Revising the value pluralism model: Incorporating social content and context postulates. In C. Seligman, J. M. Olson, & M. P. Zanna, (Eds.), *The psychology of values* (pp. 25-52). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Tocqueville, A. de. (1975). *Democracy in America*. Garden City, NY: Doubleday.

Triandis, H. C., Leung, K., Villareal, M. J., & Clark, F. L. (1983). Altruistic versus egoistic tendencies. *Journal of Research in Personality*, 18, 395-415. Yeeba, S., Kohnen, S., Oren, G. R., Miyuki, I., Watanuki, J., Katsushima, I., & Forno, G. D. (1987). *Edits and the idea of equality*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Zaller, J. (1992). *The nature and origins of mass opinion*. New York: Cambridge University Press.

Zaller, J. R. (1991). Information, values, and opinion. *American Political Science Review*, 85, 1215-1237.

Happiness B. Kinnear

Концепт идеологии и исследование нормативно-символического пространства политики*

«Идеология» относится к числу понятий, ставших каноническими для многих платформ интерпретаций. Как справедливо заметил Терри Иглтон, «слово "идеология" — это микс, который состоит из путаницы различных концепций и прославляется словом множество разных историй. Возможно, важнее понять, что является действительно существующим внутри каждой из генеалогических линий, а что может быть отброшено, чтобы попытаться принудительно соединить их в некую Великую Глобальную Теорию»¹. Именно по этому пути и идет большинство авторов, работающих с понятием идеологии, потому в описаниях главных направлений его концептуализации нет недостатка². Задача настоящей статьи — показать, каким образом данное понятие использовалось в политических исследованиях конца XX в., и оценить потенциальные возможности его новых и старых интерпретаций.

Необходимость термина «идеология» определяется его междисциплинарностью, а также сложной конфигурацией того проблемного поля, которое пытаются описать с его помощью.

Теория идеологии разрабатывалась преимущественно в контексте эпистемологии и социологии знания. Хотя провозглашенная Достоевским де Траис «наука об идеях» не сумела было состояться, в дальнейшем изобретенный им термин стал использоваться главным образом для анализа проблем, связанных с *возникновением социальной реальности*. При этом и К. Маркс, и К. Манхейм трактовали идеологию как искажение социальной реальности, и противопоставляли ее науке.

Вместе с тем начиная с Маркса идеология стала рассматриваться как *важный источник самих социальных изменений*. Отсюда — усилия по разработке данного концепта в контексте социальной теории, изучение его связи с такими явлениями, как власть, господство, эксплуатация, с одной стороны, и группа, идентичность, коллективное действие — с другой. В некоторых из этих контекстов идеология обретает очевидно негативные коннотации, в других же — насколько это возможно — используется как вполне нейтральное понятие.

В рамках социологических подходов феномен идеологии рассматривается с точки зрения как причинно-следственных, так и функциональ-

* Полный вариант статьи см.: Малинова О. Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политические науки. Политическая идеология в современном мире: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. М., 2003. № 4. С. 8–31.

ных связей. В первом случае предметом внимания оказываются социальные структуры, порождающие идеологию. Как известно, Маркс видел истоки идеологии в ограниченности практики, порождающей «ложное сознание», маскирующее и искажающее реальность. Он рассматривал идеологию как условие функционирования и воспроизводства системы классового господства и в то же время — как производное от экономических отношений. В дальнейшем многие представители марксистской традиции развивали тезис о господствующей идеологии, согласно которому экономически господствующий класс стремится навязать свою картину мира подчиненным классам, используя в этих целях имеющиеся у него ресурсы. У Манхейма представление об обусловленности идеологий особенностями позиций различных социальных групп утрирует негативные коннотации. Пытаясь «отделить возникающие в потоке событий наблюдаемые пункты (позиции) познающего субъекта от того потока с различными расположенными в нем точками»², всякое социальное познание оказывается идеологическим. Таким образом, проблема заключается не в поисках знания, свободного от идеологии, а в возможности синтеза частного, неполного знания, ограниченного социальной позицией его носителей.

Несколько иная картина возникает, когда идеология рассматривается с точки зрения выполняемых ею функций. То, что в контексте идеологизма представляло как «ложное сознание», с точки зрения социальной теории оказывается существенным элементом общественных отношений, ибо:

- (1) идеология играет важную роль в легитимации власти и существующего порядка, а значит — классового господства;
- (2) одновременно идеология оказывается одним из механизмов, обеспечивающих возможность коллективного действия;
- (3) некоторые авторы рассматривают идеологию как фактор, способствующий формированию и сохранению идентичности (на уровне группового и индивидуального сознания);
- (4) в середине 1950-х годов идеологию рассматривали как своего рода «лекарство» от социального напряжения и психологических деформаций, вызванных стрессами модернизации, как символический выход для эмоциональной тревоги;
- (5) начиная с Клиффорда Гирца и Пола Рикёра идеологию связывают с символической структурой социального действия и приписывают ей интегративные функции, идеология в этом смысле выступает как «клей», делающий возможной позитивную коммуникацию. На уровне социальной психологии это ведет к интеграции индивидов на основе некоторых образцов политического поведения (связанных с поддержкой или критикой системы). На уровне риторики — к формулировке упрощенных стилей и символов,

способных овладеть воображением и побудить к коллективным действиям;

- (6) наконец, идеология выступает еще и как фактор демаркации политического пространства, опосредующий различные формы политического участия.

Концепт идеологии активно используется и в исследованиях по истории общественно-политической мысли и политическим движениям. Здесь идеологии рассматриваются главным образом как системы идей, как «идеи» и изучаются под различными углами зрения. С одной стороны, прослеживаются процессы формирования и течения конкретных комплексов идей, исследуются наследие мыслителей, которые внесли существенный вклад в эти процессы. С другой стороны, анализируется структура отдельных идеологий, выявляются присущие им способы интерпретации и связи базовых политических понятий. Наконец, «обработка идей» может рассматриваться как отражение борьбы политических течений. Насыщенный отпечаток на исследования «идеи» наложило идеологическое противостояние социальных систем в XX в.: в идеологии видели «орудие», которое необходимо изучать и критиковать. Это обстоятельство, несомненно, сыграло свою роль в закреплении представления об идеологии как о более или менее последовательных системах идей, предлагающих некую картину прошлого, настоящего и будущего и призванных служить орудием мобилизации политического действия.

Отсутствию некоторого несоответствия между представлением об идеологии как идейных системах и теми интерпретационными феноменами идеологии, которые предлагаются в рамках социальной теории и эпистемологии. Как писал А. Граншэ, в XX в. идеологией стали называть и необходимую надстройку определенного базиса, и произвольные измышления отдельных индивидов. В результате «худший смысл слова получил приоритетное толкование, и это изменило и извратило теоретический анализ понятия идеологии»².

Репертуар значений термина «идеология» оказался настолько обширным, что у некоторых исследователей возник соблазн от него отказаться. Впрочем, большинство из тех, кто продолжал исследования проблемного поля, отмеченного пересечением общественного сознания, социальных отношений и коллективных действий, считали, что ему «нечт заменять» и попытались «заново наполнить это слово смыслом»³. По истории судьбы, начиная в 1960-е годы, когда целый ряд авторов — Р. Аран, Д. Белл, С. Лякет, Э. Шалле и др. — выступили с тезисом о «конце идеологии», обнаружилась новая волна интереса к эмпирическому изучению идеологических феноменов.

В 1964 г. увидел свет сборник «Идеологии и идеологичность» под редакцией Дэвида Алтора. В ответ на тезис о «конце идеологии» авторы

сборника предлагали новые прочтения этого «устаревшего» термина. В числе других в сборник вошла знаменитая статья Клиффорда Гирца «Идеология как культурная система» и не менее знаменитое исследование Филлипа Коннора о характере систем убеждений элит и массовых групп. Приблизительно в это же время увидели свет работы Роберта Лейва, также посвященные изучению идеологии на уровне массовых убеждений⁶. Таким образом, интерес к концепту идеологии как инструменту политического исследования одновременно возник и у склонных к количественным эмпирическим исследованиям сторонников поведенческого подхода, и у тех, кто попытался взглянуть на идеологию как на элемент социального культурного кода, используя интерпретативные подходы герменевтики. Хотя с точки зрения исследовательской техники эти подходы радикально различались, они демонстрировали одну общую тенденцию: переключение интереса с изучения сформировавшейся идеологии на изучение ее функционирования. Прочтем в отличие от преимущественно умозрительной постановки вопроса о функциях идеологии в рамках политологии и социологии знания новые подходы были ориентированы на изучение эмпирического материала.

Американский политолог Ф. Коннор, используя метод интервью, провел социологическое исследование, целью которого было сравнение характера систем убеждений в рамках «вертикального среза»: от уровня лидеров соответствующих политических направлений до уровня масс. Он предложил заменить неудобное слово «идеология» более операциональным термином «система убеждений» (*belief system*). Система убеждений определялась им как «конфигурация идей и установок, элементы которой связаны той или иной формой ограниченной или функциональной взаимозависимости», в результате чего наличие у индивида убеждения А заставляет предполагать, что его позиция по вопросу Б с большой вероятностью окажется такой, а не иной (в статическом случае), а наличие в психологическом статусе одной идеи-элемента, вероятно, потребует компенсирования изменений в статусе других идей-элементов (в динамическом случае)⁷. Как можно было предполагать, по мере продвижения от «элитарной части «публики», декларирующей приверженность определенной политической партии, вниз степень «ограниченности», деловых убеждений более или менее последовательными, снижается, а доля абстрактных идей увеличивается. Исследование Коннора привлекло внимание к проблеме несоответствия между убеждениями масс и элит. Тем самым проблематизировались роль идеологии как средства мобилизации участия и легитимации политического курса (по крайней мере, на массовом уровне). «Общие контуры решений, которые принимает элита, — писал Коннор, — во времени могут весьма существенно зависеть от основных течений того, что обобщенно называется "историей идей"». Однако для адекватного описания роли привычных систем убеждений...

в обществе в целом, пожалуй, можно предложить аналогию в виде совокупности пирамид, где есть широкая дифференциация убеждений на вершинных (элиты), острие “массовые” основания этих пирамид настолько смыкаются друг с другом, что невозможно определить, где заканчивается одна пирамида и начинается другая².

По-видимому, интегративные функции идеологии связаны не столько со способностью господствующих классов навязать определенное мировоззрение, сколько с наличием в обществе когнитивных систем, позволяющих систематизировать разнообразное проявление человеческого опыта, обобщая их вокруг неких универсальных и наделяемых смыслом шаблонов. Начало переосмысления концепции идеологии в этом направлении положил статья К. Гирца «Идеология как культурная система». Она часто упоминается в отечественной научной литературе, опубликована на русском языке³, поэтому нет смысла пересказывать ее содержание. Укажем лишь на предложенное в ней новое понимание идеологии как своеобразных символических матриц — схематических образов социального устройства, помогающих координировать человеческое поведение, которое с точки зрения биологических регуляторов оказывается чрезвычайно пластичным. По Гирцу, роль идеологии, маргинальная в традиционных обществах, где велика власть не подверженных сомнению предубеждений, чрезвычайно возрастает в современных обществах. «Идеология, — по его словам, — делает возможным существование автономной политики, ибо она снабжает нас авторитетными концепциями и осмысленными, убедительными образами, посредством которых мы можем эту политику воспринимать»⁴. Идеологии оказываются «картами проблематичной социальной реальности и матрицами, на основе которых формируется коллективное сознание»⁵. Такое понимание идеологии дало начало новым подходам к ее изучению. Дополнительным импульсом в том же направлении послужили работы в области герменевтики и лингвистики.

П. Рикёр назвал способ связать описанную Гирцем интегративную функцию идеологии с обнаруженной еще Марксом функцией идеологии. По мысли французского философа, идеология может выполнять последнюю функцию только на основе первой: «Лишь потому, что структура социальной жизни людей уже является символической, она может быть искажена»⁶. Связующим звеном выступает функция легитимации: «По-своему идеология... служит интерпретационным кодом, обеспечивающим интеграцию, она делает это, уживаясь с существующей системой власти»⁷. По Рикёру, именно это обстоятельство обуславливает искажение: в процессе легитимации всегда возникает зазор между «спросом» на легитимность со стороны властей и ее «предложением» со стороны граждан. Этот зазор замощивается за счет идеологии. И замыкая его, идеология смещается за рамки простой интеграции и становится искажением и манипуляцией... Идеология пытается обеспечить единство между претен-

ниями [власти] и верой [гражданин], но она делает это, легитимируя существующую систему авторитета, как она есть»¹⁴.

Дальнейшее развитие сформулированного Горцем представления об идеологиях как интерпретационных кодах развивалось в направлении уточнения места последней в процессах символического обмена. По-видимому, символические формы не являются идеологическими сами по себе, а становятся таковыми в процессе их использования. Таким образом, внимание должно быть сосредоточено на структуре социальных отношений, из которой вырастают конкретные символические формы.

Теорией, позволяющую переосмыслить концепт идеологии с этой точки зрения, предложил британский социолог Джон Б. Томпсон. Он попытался переформулировать данное понятие так, чтобы оно могло сочетать новый смысл интерпретационного кода с критическими функциями, вытекающими из исторически сложившихся негативных его коннотаций. Согласно определению Томпсона, идеология следует понимать «как способы, посредством которых смыслы, заключенные в символических формах, служат установлению и упрочнению отношений господства»¹⁵. Таким образом, изучение идеологии предполагает: 1) исследование того, каким образом различные символические формы — от повседневных разговоров до сложных образов и текстов — конструируют и передают смысл; 2) изучение социального контекста, внутри которого эти символические формы применяются и употребляются; 3) выяснение механизмов, посредством которых смыслы, мобилизованные символическими формами, служат установлению и укреплению отношений господства. По мысли Томпсона, одни и те же символические формы могут быть идеологическими в одном контексте и неидеологическими в другом (например, дискурс о правах человека может в одной ситуации поддерживать сложившийся статус-кво, а в другом — служить инструментом его критики и изменения)¹⁶. Как очевидно из этого примера, формы, которые Манхейм и Ризер называли «утопией», в данном определении идеологии не аннулируются. С другой стороны, сфера действия идеологии оказывается существенно расширена и включает в себя «и повседневную жизнь, и ту сферу специальных институтов, которая образует сферу политики в узком смысле», ибо неравенство и асимметрия, характерные для отношений власти и господства, возникают в самых разных контекстах¹⁷.

По мнению Томпсона, прежние интерпретации идеологии не учитывали фактора модернизации современной культуры и придавали непропорционально большое значение ее секуляризации и рационализации. Отсюда идеология представляла светскими аналогами религий, относительно упорядоченным «сводом» идей, главным назначением которых — сдвинуть общество вокруг ценностей, мобилизуемых господствующими классами. Согласно же концепции британского социолога, именно

«медитативная современная культура, а не секуляризация и рационализация общественной жизни должна служить главной системой координат, в рамках которой сегодня следует анализировать идеологию»¹⁹. Развитие СМИ существенно расширило сферу действия идеологии в современных обществах, ибо оно создает возможности для передачи символических форм потенциально широкой аудитории, рассеянной во времени и пространстве. Предложенное в работе Томпсона понимание идеологии смещает фокус внимания исследователя от анализа философских текстов и политических программы к изучению широкого спектра дискурсов с акцентом на массовые коммуникации.

С появлением новых интерпретаций исследования идеологии перестали быть исключительной сферой политической философии, истории идей и общественных движений — они в значительной степени перекочевали в области дискурса-анализа и культурологии.

В качестве примера, иллюстрирующего эту тенденцию, можно привести работы Тойна А. ван Дейка, который попытался операционализировать концепт идеологии для нужд критического дискурса-анализа²⁰. Нидерландский исследователь относит данное понятие не ко всему пространству символических форм, но главным образом к фундаментальным убеждениям, которые являются основой социальной репрезентации группы. Таким образом, идеология оказывается структурирована вокруг базовых категорий, отражающих идентичность группы, а главная стратегия идеологических дискурсов может быть выражена приписанном «подчеркывая то, что характеризует нас позитивно, а Их — негативно». По словам ван Дейка, идеологии «представляют ментальное конструирование фундаментальных социальных, экономических и/или культурных целей и интересов группы. Если использовать компьютерную метафору, можно сказать, что в своей совокупности они составляют базовую операционную систему группы или культуры, тогда как соответствующие позиции (*attitudes*) — это специальные программы, работающие на основе этой системы и выполняющие особые социальные-когнитивные задачи»²¹. Понимаясь таким образом идеология играет определенную роль не только в формировании групповой идентичности, но и в ориентации социального поведения. «Идеологии» в данном случае включает в себя и «утопии», ибо «фундаментальные убеждения, способные служить основой репрезентации группы», имеют не только сторонники, но и противники сложившихся отношений господства. Более того, имеет смысл говорить об идеологии не только классов, но и множества других групп, в том числе гендерных, профессиональных и т.п. Идеология в соответствии с интерпретацией ван Дейка «не сводится к основным философским и политическим "типам". Скорее их следует рассматривать в качестве базовых явлений, не выраженных явно социальными теориями, касающихся идентичности групп и их положения в обществе. Такие

идеологические системы воззрений не обязательно должны быть особенно точными, связными и хорошо организованными»²⁰.

Подводя итоги, выделим некоторые тенденции, связанные с переосмыслением концепта идеологии в конце XX в. Прежде всего заметно расширялась сфера его применения. Внимание исследователей привлекают не столько архаичные, порождающие эффект «слового сознания» или его последствия, сколько латентные функционирования идеологии. Сама проблематика «слового сознания» оказалась снята, ибо очевидно, что символические формы, посредством которых мы выражаем себя и понимаем других, не есть противоположность реальности; в известном смысле они сами конструируют то, что является реальным в данном обществе. Заметно изменился облик понятия «идеология» и сфера его применения. Неудивительно, что в поле зрения исследователей оказались и такие «зоны», которые почти не представляли в виде явно артикулированных теорий, — расизм (в широком понимании слова), сексизм и др.

На уровне концепта идеология предстает как широкий набор символических форм (т.е. не только *идей*, но и образов, действий и даже вещей — всего, что может быть наделяемо смыслом). На уровне индивидов — не только в виде более или менее осознанных убеждений, но и интерпретативных кодов, которые усваиваются в процессе социализации и чаще всего не подвергаются рефлексии. Наконец, «идеологическими» в соответствии с новыми интерпретациями являются не символические формы и интерпретативные коды сами по себе, а то, как они работают в конкретных контекстах, включающих в себя отношения господства, власти, неравенства, различия социального статуса и т.д. (Соответственно один и тот же дискурс может быть идеологическим в одном контексте и неидеологическим в другом.) В свете новых интерпретаций концепта переосмысливаются многие его функции. В частности, становится очевидным, что легитимация существующего порядка может происходить не только за счет внедрения «нужных» идей в сознание масс — она осуществляется и за счет более тонких механизмов, благодаря которым одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется производство дискурса²¹.

Новые концепции отрицают тезис об «исторической маргинализации идеологии»: очевидно, что произошедшие во второй половине XX в. изменения публичной сферы не отрицают факта обусловленности процессов производства, распространения и восприятия символических форм существующими в обществе отношениями неравенства, власти и господства. Однако возникает вопрос: не означает ли реконституализация идеологии фактической надписи понятий? Правоммерно ли обозначать одним и тем же словом системы *идей* и *убеждений*, посредством которых люди формулируют, ратифицируют и оправдывают цели и средства социальных действий, и способы функционирования широкого спектра сим-

важных форм, как вербальных, так и невербальных? Не внесем ли мы дело с *долом* разными понятиями? А если это так, то, возможно, в 1998 г., когда многие из подмеченных нами тенденций уже успели проявиться, Д. Белл имел все основания восклицать: «Понятие идеологии загублено безвозвратно. А это предв²¹».

По-видимому, наблюдаемое в последние десятилетия стремительное расширение содержания данного понятия — процесс, который еще нуждается в осмыслении. На наш взгляд, новые интерпретации позволяют гораздо шире и полнее описать спектр явлений, возникающих на пересечении языка, власти, публичных целей и публичных практик. К тому же вовсе не обязательно противопоставлять идеологии как системы идей или убеждений идеологии, производимые в способах функционирования символических форм и интерпретативных кодов. Можно предположить, что первые — лишь частный случай вторых. Тогда нуждается в исследовании вопрос о том, в силу каких факторов именно таким способом функционирования символических форм оказались на определенном этапе актуальными и что с ними будет происходить в дальнейшем.

Кроме того, пока рано говорить об исчезновении «систем идей» — скорее речь должна идти об изменении способов их формирования и функционирования. Публичное производство и распространение идеологии сегодня уже не является исключительной монополией класса интеллектуалов — в этом процессе активно участвуют разные производители символических форм, прежде всего СМИ. Идеология выражается не только в традиционных политических текстах, она «видна», и потому для ее изучения необходимо использовать разные приемы анализа. Однако «новые» приемы не отменяют «старых», и исследование идеологии по-прежнему не обойтись без изучения «комплексов идей». Как показал М. Фриден²², политическим идеям свойственно образовывать кластеры. А значит, люди, использующие политический язык, составляют более или менее различные сообщества, придерживающиеся определенных мыслительных практик. Настоящие кластеры не являются постоянными и неизменными, они рождаются и живут не столько «вследствие логико-философских аргументов, сколько конкретными стечением обстоятельств, деловыми релевантными определенными сочетания и интерпретации базовых идей политического «конструктора». Однако «культурные ограничения могут встраиваться эти особые обстоятельства в разных обществах и разных точках пространства, создавая различные модели»²³. А значит, исследование политического дискурса требует структурного анализа циркулирующих в нем идеальных систем.

Более «массовое» производство идеологии еще больше ускорило обогатившийся с начала XX в. процесс размышления «великих идеологических традиций», гибридизации идеологии. По словам М. Фридена, «теперь мы концептуально готовы принять мир идеологии, в котором новые

комбинация — нормальное и частое явление, а границы существуют для того, чтобы их пересекать»²⁰. Наряду с «классическими» идеологиями, представляющими целостное мировоззрение, все большее распространение получают «синтетические» идеологии, которые уходят от идеологической дихотомии и легко интегрируются с различными комбинациями идей. Однако возникает вопрос: а не были ли эти идеологические воззрения присущи миру идеологии как «систем идей»? Действительно ли «великие идеологические традиции» являлись таковыми, какими мы принимаем их представлять, или же их структура, «элементы» и даже состав — плод нашего ретроспективного конструирования? И если это действительно так, то почему бы не вернуться к изучению процесса формирования идеологических традиций, чтобы понять, почему одна идея, присутствующая в них на начальных этапах, вошла в состав кластера, а другие — нет?²¹

Вторая половина XX в. оказалась, наверное, самым бурным периодом в более чем двухвековой истории понятия «идеология»: его использовали как обидный ярлык и как нейтральное научное понятие, отвергали и вновь принимали, наделяли разными значениями и давали новую дисциплинированную «принписку». В начале XXI в. оно употребляется в столь разных смыслах, что нет никакой надежды дать ему четкое и единственное определение. И тем не менее при всей его неоднозначности — а может быть, и благодаря ей — ему, видимо, нет альтернативы, когда мы пытаемся «схватить» этот постоянно ускользающий объект — социально обусловленные способы отражения реальности, которые в свою очередь стремятся повлиять на политическую практику.

Примечания

¹ Eagleton T. *Ideology. An introduction*. L., 1996. P. 1.

² См.: Macekles E. *Ideologues in utero* // Macekles E. *Discontent нашего времени*. М., 1994. С. 62–68; Bell D. *The end of ideology. On the exhaustion of political ideas in the fifties*. Cambridge (Mass.), 1968; Larrosa O. *The concept of ideology*. L., 1979; Thompson J. B. *Ideology and modern culture. Critical social theory in the era of mass communication*. Oxford, 1990. P. 18–60; Eagleton T. *Op. cit.*; Ideology // Eagleton T. (ed.). L., 1994 и др.

³ Macekles E. *Ум. созв.* С. 128–129.

⁴ Гроумс А. *Терминалы теории*. М., 1994. Ч. 1. С. 75.

⁵ Grewer C. *Ideology as a cultural system* // *Ideology and discontent* / Apter D. E. (ed.). Glencoe etc., 1964. P. 32.

⁶ *Ideology and Discontent* / Apter D.E. (ed.). Glencoe, etc., 1964; Lane E. *Political ideology. Why the American common man believe what he does*. N.Y., 1962; Lane E. *Political man*. N.Y., 1972.

⁷ Converse P. E. *The nature of belief systems in mass public* // *Ideology and Discontent*. P. 207–208.

⁸ *Ibid.* P. 256.

⁹ Гроумс А. *Идеология как культурная система* // *Наше литературное обозрение*. М., 1998. № 29.

¹⁰ Grewer C. *Op. cit.* P. 43.

¹¹ *Ibid.* P. 64.

¹⁶ Ricoeur P. *Lectures on ideology and utopia*. N.Y., 1986. P. 16.

¹⁷ Ibid. P. 13.

¹⁸ Ibid. P. 14. Рикор продолжает традицию различения идеологии и утопии, идеологии Марксовым. Функция утопии — вскрыть разрыв между «спросом» на идеальность и ее «предложением». Однако утопическое мышление страдает своими апологетикой.

¹⁹ Thompson J. B. *Ideology and modern culture. Critical social theory in the era of mass communication*. Oxford, 1990. P. 265. Есть реформа этой мысли на русском языке, правда, не совсем удачный: Томпсон Д. Б. Идеология и современная культура. Критическая социальная теория в эру массовых коммуникаций. М., 1992.

²⁰ Ibid. P. 8.

²¹ Ibid. P. 9.

²² Ibid. P. 265.

²³ См.: Van Dijk T. A. *Ideology. A Multidisciplinary Approach*. L., 1998. Основные идеи предложенного Т. ван Дейком междисциплинарного подхода к исследованию идеологии изложены также в его интернет-курсе: Van A. van Dijk. *Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction: Internet course for the Universitat Oberta de Catalunya (UOC)* [Интернетный курс]. — Режим доступа: <http://www.banquedialibros.com> в целом ряде статей. Более подробный обзор этих работ можно найти в моем же издании «Политический дискурс».

²⁴ Van Dijk T. A. *Elite discourse and racism*. L., 1993. P. 49.

²⁵ Van Dijk T. A. *Discourse semantics and ideology* // *Discourse & Society*. L., 1993. Vol. 6. No 2. P. 246.

²⁶ Фуко М. Порядок дискурса. Институциональная логика в Клинике де Фурис // Фуко М. Власть и Дискурс: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 31.

²⁷ Bell D. *Op. cit.* P. 447.

²⁸ См.: Foucault M. *Ideologies and political theory: a conceptual approach*. Oxford, 1996.

²⁹ Foucault M. Editorial: Political ideology at century's end // *Journal of Political Ideologies*. Oxford, 2000. Vol. 5. No 1. P. 14.

³⁰ Ibid. P. 13.

³¹ См. об этом: Мамонтова О. АР. Когда «идея» становится «идеологией»: К вопросу об изучении смысла // *Философский вест.* СПб., 2001. Вып. 18. № 2. С. 11–26; Мамонтова О. АР. Либерализм и концепт власти // *Полит.* М., 2002. № 3. С. 96–111.

Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России*

В настоящее время, когда процессы политической и социокультурной трансформации в нашей стране еще не завершены, когда идет поиск вектора развития российской политической системы, одним из актуальных направлений в политической науке становится проблема изучения политических ценностей. Без глубокого понимания специфики системы ценностей, являющейся продуктом длительного историко-культурного развития, невозможно не только познать подлинного содержания трансформационных процессов, но и давать адекватные прогнозы их дальнейшего развития.

Теория и прикладные исследования ценностей, в том числе и политических, развивались в двадцатом столетии на стыке философии, социологии, психологии и политологии. В литературе встречается более ста дефиниций понятия «ценность», в которых предлагаются к рассмотрению разнообразные аспекты данной проблемы. Отсутствие какого-либо согласия в определении человеческих ценностей привело к появлению множества концепций и инструментов измерения, которые условно можно свести к трем подходам: утилитаристскому, политико-идеологическому и социально-психологическому. Данная статья посвящена анализу подходов к исследованию политических ценностей в современной России.

Теоретические основы исследования политических ценностей

Утилитаристский подход к ценностям в западной философии, представленный работами Дж. Дьюи, Р. Б. Перри, Р. Брандта, Д. Брейбрука и некоторых других авторов¹, называет ценностями все то, что служит реализации потребностей и интересов человека.

С аналогичных позиций к проблеме политических ценностей в отечественной науке подходит В. П. Бранский². В своей классификации ценностей он представляет политические ценности как юридические законы и акты по их исполнению (включая судебные постановления), которые фиксируются материально в знаковых объектах — соответствующих документах (конституциях, кодексах, указах, договорах и т.д.). Он называет политические (управленческие) ценности утилитарными (пар-

* Статья А. В. Саломана. Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России // Вестник Пермского ун-та. Серия «Политология». Вып. 3. 2007. С. 128–134.

ду с минимирисками), так как они обладают утилитарной полезностью для людей.

На наш взгляд, утилитаристский подход является односторонним и поэтому ограниченным в применении. Авторы, работающие в рамках данного подхода, не имеют разработанной методологии исследования ценностей, поэтому мы ограничимся лишь обобщением данного подхода и рассмотрим подробно два других.

Преобладающие в социологии и политологии можно считать политико-идеологический подход, где ценности играют роль идейного культурного образца и социального регулятора. Этот подход получил развитие во второй половине XIX в. в работах М. Вебера, Э. Дюркгейма, У. Томаса, Ф. Зиммелса, Т. Парсонса.

Макс Вебер¹ исходил из предпосылки, согласно которой каждый человеческий акт предстает осмысленным только в соотношении с ценностями. Они определяют нормы поведения и индивидуальные цели субъектов.

Эмиль Дюркгейм утверждал, что ценности существуют лишь в определенном смысле и выходятся вне индивидов. Они основаны на оценке и восприятии, что соответственно формирует ценностные предпочтения и ценностные суждения. «...Эти суждения соответствуют какой-то объективной реальности, на которой может и должно основываться согласие. И именно такую реальность мы здесь образуем ценности, а ценностные суждения суть те, которые относятся к этой реальности»². Ценности, по Э. Дюркгейму, зависят от особенностей свойств объекта ценности. Эта особенность лежит в основе воздействия на процесс формирования ценностного суждения. В случае если такое воздействие «благоприятно», то ценность считается положительной, в противном случае — отрицательной.

В классической работе по исследованию ценностей «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920) Уильямс Томас и Флориан Зиммелский характеризуют ценности как любой значимый предмет для членов какой-либо социальной группы. Ценности в их представлении определяются как «правила поведения, детерминирующие сохранение, регулицию и распространение соответствующих им типов действия среди членов социальной группы»³.

Естественным развитием этих идей, сложившихся в политической социологии во второй половине XIX в., стали труды Талкотта Парсонса. Его нормативный концепт является теоретическим основанием политико-идеологического подхода.

Т. Парсонс рассматривал проблему ценностей в рамках своей теории социальных систем. Он полагал, что ценности являются основой интеграции субъектов в общество посредством «коммуникационных между социальной и личностной системами»⁴. На уровне социальной системы ценностные образцы принимают вид «коллективных представлений»,

дающих возможность ориентироваться индивидам при самореализации. На основе ценностей (как высших принципов организации социальных систем) и ценностных ориентаций достигается равного рода консенсус в обществе.

Нот сомнений в том, что на исследования ценностей во второй половине XX в. огромное влияние оказала работа Милтона Рокича. Его книга «Природа человеческих ценностей» (1973) дала огромный импульс эмпирическому изучению ценностей. Согласно М. Рокичу, «ценность — устойчивое убеждение, что специфичный вид поведения или конечная цель существования является личностно или социально более предпочтительной, чем противоположный или обратный вид поведения или конечная цель существования. Система ценностей — устойчивая организация убеждений, касающихся предпочтительных моделей поведения или итоговых состояний в континууме относительной важности»¹.

М. Рокич выделял два класса ценностей: терминальные (цели-цели) — убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться, и инструментальные (цели-средства) — убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. Каждый класс состоял из 18 ценностей.

М. Рокич также связывал человеческие ценности и политическую идеологию, аргументируя это тем, что именно различие ценностей формирует основу различия между идеологиями. Он считал, что неравное распределение власти в любом обществе приводит к комплексно-конкурирующим между собой планов по решению социальных и экономических проблем. Эти конфликты будут возникать на основе разных уровней свободы общества и на основе неравенства в нем. Таким образом, главные различия между идеологиями должны определяться приоритетностью ключевых ценностей — свободы и равенства.

Позже, развивая идеи М. Рокича, Шалом Шварц предложил новый стандарт в исследовании ценностей. Для него «ценности — это повести или убеждения, которые относятся к желаемым конечным целям или поступкам, выходят за пределы конкретных ситуаций, управляют выбором или оценкой поведения в событиях и упорядочены относительно важности»². Шварц развивал теорию, которая выделяет типы ценностей, присутствующие во всех человеческих обществах.

Ш. Шварц создал свою классификацию ценностей — набор из десяти ценностных типов и индивидуальных ценностей, содержащихся внутри каждого типа. У него типы ценностей являются более общими категориями, чем индивидуальные ценности в классификации М. Рокича. На самом деле отдельные ценностные единицы, которые использовал М. Рокич, стали индивидуальными типами ценностей для Шварца. Модель Ш. Шварца одновременно сокращает число фундаментальных типов ценностей до десяти

и увеличивает число индивидуальных ценностей до 54. Описав типы ценностей в терминах основных человеческих и социальных потребностей, он смог выделить взаимосвязи между десятью типами ценностей, которые предполагают, что индивидуальные ценности должны быть совместимы в двухмерном пространстве с десятью типами ценностей, влияющими на области в этом пространстве с совместимыми ценностями по соседству и с противоположными — напротив.

Одновременно с исследованиями М. Рокка и Ш. Шарпа совершенно иной подход к проблеме позитивских ценностей предложил американский социолог Рональд Инглхарт⁶. Основная особенность его работы состояла в том, что он создал целостную теоретико-методологическую концепцию изучения собственно позитивских ценностей, которую впоследствии подтвердил на основе результатов прикладных исследований в 43 странах.

Р. Инглхарт выдвинул теорию, согласно которой произошел глобальный сдвиг ценностной системы человечества от материализма к постматериализму. Под ценностями «материализма» он имел в виду предпочтение физической и психологической безопасности и благополучия, а под ценностями «постматериализма» — подчеркнутую заботу о принадлежности к группе, самовыражения и ценности жизни.

Его теория основывалась на двух ключевых гипотезах: гипотезе ценностной значимости подостатков, согласно которой наибольшая субъективная ценность отдается тому, что объективно недостаёт, и гипотезе социализационного лага, которая подразумевает, что состояние социально-экономической среды в полностью приоритеты не соотносится между собой непосредственно: между ними возникает существенный временной лаг, ибо базовые ценности индивидов в значительной степени отражают условия тех лет, которые предшествовали современности.

По мнению Р. Инглхарта, обстоятельства, в которых социализировалось то или иное поколение, оказывают решающее влияние на систему ценностей этого поколения, которая изменяется в обществе только тогда, когда на смену этим поколениям приходят новые, воспитанные в других условиях и являющиеся носителями другой системы ценностей. Именно таким образом, но систематическим способом происходит, по мнению Инглхарта, процесс изменения ценностей в обществе.

Канадский социолог С. Флеминг⁷ в серии статей, посвященных критике теории Р. Инглхарта, высказал предположение о существовании не одной, а двух ценностных плоскостей в общественном сознании — плоскости материализма/нематериализма и плоскости авторитаризма/либертаризма. Он выдвинул такое убеждение, что изменение ценностей здесь авторитарной/либертарной плоскости более важно в современных условиях. Результаты его исследований показали, что изменение ценностей, причём

ной которого является смена одного поколения другим, происходит только в плоскости авторитарных/либертарных ценностей.

Среди отечественных ученых второй половины XX в., занимавших разрабатывать теорию ценностей в марксистской философии и социологии, одним из первых был В. П. Тугаринов. Опираясь на идеи предшественников по этому вопросу и свои собственные исследования, он сформулировал общее понятие ценностей: «Ценности суть предметы, явления и их свойства, которые нужны членам определенного общества или класса или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала»¹¹.

В классификацию ценностей, основывающуюся на структуре общественных явлений, В. П. Тугаринов наряду с материальными и духовными включает социально-политические: общественный порядок, мир, безопасность, свободу, равенство, справедливость, человечность.

В советской социологии проблема политических ценностей носила в большей степени декларативный, а не исследовательский характер¹².

* * *

В социальной и политической психологии преобладает второй подход, согласно которому ценности есть результат исключительно внутреннего опыта личности. Теоретической основой данного подхода к проблеме ценностей является работы Г. Олпорта¹³. Он выделял ценностные ориентации исходя из шести основных интересов или мотиваций личности: теоретической, экономической, эстетической, социальной, политической и религиозной. В качестве основной Г. Олпорт выделял когнитивную установку и понятие ценностей прежде всего связывал с ней. Главной жизненной задачей индивида Г. Олпорт считал необходимость упорядочить и систематизировать наше знание о мире. В рамках данной концепции для политического типа личности ценностью являются власть, соревнование и борьба. До 1970 г. это была, возможно, самая распространенная классификация ценностей.

Среди отечественных ученых, работавших в рамках данного подхода, следует выделить В. А. Ядова¹⁴. Его диспозиционная концепция объясняет взаимоотношения ценностей и установок в структуре личности. Система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей, детерминированные общими социальными условиями жизни данного индивида, образуют высший уровень диспозиционной структуры. Таким образом, ценностные компоненты включены в мотивационную структуру личности, где побудительные мотивы человеческой деятельности выстраиваются в своеобразную цепочку: потребности — интересы — ценности.

Схожего мнения по данной проблеме придерживаются и А. Г. Здравомыслов, Н. Г. Щербинина, Г. О. Бринский и ряд других исследователей¹².

К. А. Абульханова-Славская¹³ рассматривала роль ценностей в процессе развития личности, развертывающегося «по спирали» в нескольких фазах. Первая фаза процесса — присвоение ценностей личностью, формирование Образа Мира. Вторая фаза процесса — преобразование личности на основе ценностей, формирование Образа «Я». Третья фаза процесса — проектирование — саморасширение, формирование Образа Будущего. В самом общем виде данный процесс может быть представлен как расширяющееся во времени жизненное пространство, в котором личность строит, приобретает определенную «траекторию своего движения» соотносительно ориентирам: ценностям внешнего мира и ценностям самопознания, самооценки, саморазвития.

Собственно политические ценности стали предметом исследования Е. Б. Шестопал: «Много нового пока с тем, какими должны быть доминирующие политические ценности, составляющие ядро "демократической личности"»¹⁴. Она рассматривает политические ценности через установки, при этом уделяя особое внимание социализационному контексту их формирования.

Методология исследования политических ценностей

Методы исследования ценностей не только так же разнообразны, как и теоретические подходы к данной проблематике, но и тесно связаны с ними. Следует отметить, что основные инструменты измерения политических ценностей ученым заимствуют из социологии и социальной психологии. При этом социологи занимаются исследованием ценностей вообще, в том числе и политическими, как одного из типов, а политические исследователи в большей степени обращают внимание на собственно политические ценности.

М. Рокич на основе своей классификации ценностей создал первую измерительную процедуру, которая в действительности представляла собой два инструмента, созданных с целью различить инструментальные и терминальные ценности. Каждый раздел включал список из 18 ценностей, каждой из которых было дано пояснение из одного-двух слов в скобках, например: свобода (независимость, свобода выбора). Согласно идее, что все (или почти все) ценности оцениваются положительно, respondentам предлагалось «отсорттировать их по степени важности для ВАС, как руководящих принципов ВАШЕЙ жизни»¹⁵. Его классификация ценностей помогла стандартизировать эмпирические исследования. Она стала широко использоваться в психологии и послужила основой для последующих ценностных инструментов¹⁶.

Р. Инглхарт применял особую методику для измерения наличия и степени распространения материалистических и постматериалистических ценностей в массовом сознании. В ее основе — присвоение рангов двенадцати утверждениям, две категории «материализма» представляли через такие социальные ценности, как «экономический рост» и «экономическая стабильность», а также ценности авторитаризма и конформизма, а «постматериализм» включает ценности идеологии «сытных» или такие ценности, как необходимость сделать наш город красивыми, большая значимость идей, а не денег, а также либертарные ценности, связанные с более широкими и прямыми формами участия граждан в управлении.

В рамках политико-идеологического подхода изучением политических ценностей россиян занимается многие ученые. Некоторые из них используют подходы, разработанные за рубежом — инструментарий Р. Инглхарта (В. В. Андреевский²⁶, Е. И. Банкирова²⁷, А. П. Вардомашкин²⁸, М. С. Вишняк²⁹), у других есть собственные методики исследования — формализованные интервью для выявления базовых ценностей россиян (Н. И. Лавин³⁰), построение семантического пространства политических партий (В. Ф. Петренко³¹), ранжирование слов-ценностей при изучении либеральных ценностей (Н. М. Климон³²), выявление носителями детерминант ценностных структур через графические символы (Л. М. Сырков³³). Однако исследования этих ученых носят скорее нормативный характер. Они как бы априори знают, какие политические ценности существуют в обществе, поэтому не ценности выводят из исследования, а исследование привязывают к поиску определенных ценностей. С начала 1990-х годов в России наблюдается всплеск интереса к проблеме политических ценностей в связи с начинавшимся в стране процессом политико-экономической и социокультурной трансформации. Поэтому большинство проводимых исследований сводится к выявлению степени интериоризации в обществе новой системы либерально-демократических ценностей³⁴, так же как в 1970-е годы — социалистических и коммунистических ценностей.

Среди современных отечественных политических психологов исследованием политических ценностей с позиций политико-психологического подхода занимается Е. Б. Шестопал³⁵. Она изучает динамику ценностей демократии в России на протяжении 1990–2000-х годов. В структуру ценностных представлений о демократии она включает иерархию из восьми ценностей: свобода, личная независимость, равенство, ответственность, сильное государство, соблюдение закона, права человека, активное участие в управлении государством. Связывая политические ценности с установками, она рассматривает последние на трех уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. Особенностью методологии исследования политических ценностей Е. Б. Шестопал является использование

инструментов для измерения основанных установок (фокусированное интервью, проективные методики).

Таким образом, проблема политических ценностей своими корнями уходит к вопросу о ценности вообще. Сложность определения сущности феномена «ценность» связана с его многозначностью, объективными особенностями. А ведь именно ценности служат ядром важнейших компонентов политики — идеологии, политической культуры, политической системы.

Ценности, в том числе и политические, имеют двойственную природу: они социальны, поскольку обусловлены опытом и стилем с положением человека в обществе, системой воспитания, системой усвоения им ее общества и групп значений, и одновременно индивидуальны, поскольку в них сосредоточен некоторый личный опыт данного лица, своеобразно его интересов и потребностей, его привычки и усвоенные типы поведения².

В отечественной и зарубежной науке нет единства в определении природы политических ценностей, отсюда такое разнообразие подходов к данной проблеме. Кроме того, нет ни одной целостной концепции, которая полностью раскрывала бы социальную и психологическую природу политических ценностей, а также предоставляла адекватный инструмент их измерения. Поэтому перед современной политической социологией и психологией стоят важнейшие задачи — систематизация и развитие существующих подходов к исследованию политических ценностей, создание теоретико-методологических оснований для прикладных исследований.

Примечания

¹ См. подробно: Дэвис Дж. *Воспродолженный лаборатория* // Полтав. 1994. № 3; Perry R. B. *Values of Man. A Critique of Human Civilization*. Cambridge, 1954.; *Джонстон Т. А. Современная политическая теория*. М.: РОССПЭН, 2000; *Зенгерс Д. А. Ценности как междисциплинарное понятие. Опыт многомерной реконструкции* // Вопросы философии. 1996. № 4.

² См.: Крашinsky В. И. *Искусство и философия*. М., 1999.

³ См.: Вебер М. *Избранные произведения* / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.

⁴ Дюркгейм Э. *Ценности и эмпирическое суждение* // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 100.

⁵ Tomas R., Zdzienicki J. *The Polish peasant in Europe and America*. Boston, 1918. P. 21–23.

⁶ См.: *Национальная социология в Западной Европе и США*. М.: ИАИТ группы ЮНЕСКО-ИНИРА, 1999. С. 538.

⁷ Allardyce M. *The nature of human values*. N.Y.: Free Press, 1973. P. 5.

⁸ Schwartz S. H. *Universals in the content and structure of values* // M. P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. N.Y.: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

⁹ Inglehart R. *The silent revolution*. Princeton: Princeton University Press, 1977; Inglehart R. *Cultural shift in advanced industrial society*. Princeton: Princeton University

Росс, 1998; Асторин Р. Постмодерн: Многозначность личности и многозначность общества // *Полит.*, 1997. № 4.

¹⁰ Flanagan S. Changing values in advanced industrial society // *Comparative Political Studies*. 1983. № 16; Flanagan S. Value change in industrial society // *American Political Science Review*. 1987. № 81.

¹¹ Бугаринов В. И. Избранные философские труды. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 261.

¹² См., например: Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М.: Политгиздат, 1971; Гурвич Е. А. Материал и мир и мир людей. М.: Изд-во политической литературы, 1967.

¹³ Alford G. W., Petras F. E. & Lindsay G. Study of values. 3rd ed. Boston: Houghton Mifflin, 1966.

¹⁴ Яков К. Я. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975.

¹⁵ См.: Вардманский А. Г. Потребности, интересы, ценности. М., 1986; Щербина Н. Г. Ценности и политика // *Мировоззрение. Субкультурные аспекты политического процесса в России*. М.: Социальные тетради, 2004; Бурский Г. О. Восприятие процесса трансформации: Продолжение российских правд в публичной сфере // *Вестник Моск. ун-та. Серия III: Социология и психология*, 1998. № 2; Бурский Г. О. Политические ценности и политические установки постсоветского периода в политике политической социализации россиян: Дис. ... канд. социал. наук. М., 2000.

¹⁶ См.: Абульханова-Славская К. А. Жизненные перспективы личности // *Психология и образ жизни личности*. М., 1987.

¹⁷ Шенюкова Е. В. Психологический профиль российской молодежи 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 331.

¹⁸ Rotberg M. The nature of human values. N.Y.: Free Press, 1973. P. 27.

¹⁹ На основе методики М. Ротберга созданы, например, тест Д. А. Леонтьева для измерения уровней структуры системы ценностей ориентаций, опросник территориальных ценностей Н. Г. Семкина.

²⁰ См.: Андреевская А. В. Постмодерналистическая / модерналистическая ценности в России // *Социс.*, 1994. № 11.

²¹ См.: Кавказова Е. И. Трансформация ценностей российского общества // *Полит.*, 2000. № 6.

²² См.: Вардманский А. И. Сдвиг в ценностном измерении? // *Социологические исследования*, 1993.

²³ См.: Яковлев М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Казань: Казанский ун-т, 2000.

²⁴ См.: Лавин Н. И. Базовые ценности и социокультурная трансформация России // *Социология власти. Информационно-аналитический бюллетень. Ценности массового политического сознания*. М.: Изд-во ИВЭС, 1999. № 4; Лавин Н. И. Изменения ценностей и новые социокультурные структуры // *Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика* / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Дело, 1999; Лавин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // *Социс.*, 1996. № 5; Лавин Н. И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // *Социологические исследования*, 1993. № 9; Лавин Н. И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // *Социологические исследования*, 1997. № 1.

²⁵ См.: Петрухин В. Ф., Митин О. В. Политологический анализ динамики общественного сознания. На материале политического сознания. М.: Изд-во МГУ, 1997.

²⁶ См.: Кавказова Е. И. Постмодерн в традиционалистском пространстве // *Полит.*, 2004. № 1; Кавказова Е. И. Советское и западное: Возможна ли синтез? // *Полит.*, 1994. № 4.

¹⁰ См.: Савинов Л. М. Эмпирическое изучение базовых ценностей // Мир России. 2002. № 1.

¹¹ См.: Бонина Л. А. Возрастные когорты в период институциональных изменений в России // Куда идет Россия?, Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т. Н. Заславской. М.: МВНКТНИ, 2002; Бонина Л. А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социс. 2004. № 10; Брыцкая М. М. Какие ценности в цене? // Полис. 2004. № 1; Горбатенко В. В., Троицкий Н. А. Динамика ценностей элитарной и период социальной трансформации (эмпирический подход) // Социс. 2002. № 1; Горбатенко В. В. Эмпирические классификации актуальных ценностей россиян в постсоветский период // Полис. 1996. № 4; Гуреев Л., Дубин Е. Конец 90-х годов: Изменилось ли образное // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 1; Давыдов М. А. Ценностные интересы власти // Полис. 1996. № 3; Давыдов В. В. Политические ценности и установки россиян // Полис. 2002. № 2; Давыдов В. В. Координаты человека. К теории изучения «человеческого сознания» // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 1; Савинов Л. М. Жизненный путь и социальное самочувствие в возрасте 34-летия: От теории к ретроспективе // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 5.

¹² См.: Обряды власти в постсоветской России / Под ред. Е. В. Шестопал. М.: Алтейа, 2004; Шестопал Е. В. Политологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

¹³ Шарапов Ю. А. Проблемы ценностей ориентаций и массовые информационные процессы // Полит. журн. 1992. Т. 3. № 5. С. 137-138.

Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России*

Одной из основных характеристик политической культуры современной России является обостренный интерес к образу «Другого». Этот интерес, представляющийся необъяснимым и нелогичным некоторым критикам, может быть понят и объяснен, если рассматривать его с точки зрения мифа, мифологической по своей природе, логике, доминирующей в политическом сознании и поведении в условиях социокультурного кризиса, когда на поверхность выходит и начинают играть активную роль мифологические основания культуры, ранее скрытые под ее рациональными элементами.

Реализация мифологических оснований свойственна каждой культуре в условиях кризисного развития. Она может проявляться в фундаменталистских ценностях и установках, направленных против нарастающих сложностей в процессе обновления жизни, в усилении этносепаратистских и тоталитарных настроений, в развитии нетрадиционных культов, экзистенциальных субкультурных сообществ, в падении радикально-националистических движений и групп, в активизации авторитарно-патримониального типа сознания.

Особенность российской политической культуры заключается не в большей ее «мифологичности» (объяснение специфики российской политической культуры, особенно любимое рядом западных авторов), а в содержании мифологии, выходящей на поверхность в условиях кризиса.

В основе исследования процесса реализации мифологических оснований культуры, и прежде всего политической культуры современного общества, лежит идея о проявлении социокультурного кризиса (конфликта ценностей) в форме идентификационного кризиса личности. Кризис идентичности является результатом постоянного разрушения представлений, лежащих в основе самоидентификации личности: о собственном целостном, устойчивом «Я» (утрата самоидентичности, начинающаяся нередко с исчезновения «признаков» со стороны окружающих); о непрерывности своего существования во времени и пространстве, а также разрушения системы личностных смыслов (потери смысла жизни).

* Егеньева Г. В. Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России // «Чужак» здесь не живет. Радикальная идеология и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М.: РАН Центр цивилизационных и региональных исследований. Серия «Образы мира». 2004. Т. 1. С. 39–52.

Среди работ, посвященных анализу появления основных признаков кризиса идентичности в современной России, можно назвать работы Л. Носина, В. Ядова, а также обобщающее исследование «Тенденции социокультурного развития России, 1940–1990-е годы», в котором подробно рассматриваются настроения неудовлетворенности, предвоступающие, как правило, разрушению самоидентификации значительной части членов общества. Авторы работы выделяют такие элементы формирующегося кризиса идентичности, как ломка когнитивных стереотипов, маргинализация, ощущение отверженности, сопровождающееся психологическим дискомфортом.

Самоидентификация личности в советский период основывалась на сложившейся в течение длительного времени системе социокультурных и политических мифов, определяющих представление личности как «объекта» окружающей ее природной и социальной реальности, так и «своего собственного места» в ней. «Картина мира» советского человека, будучи мифологической по своей природе, достаточно успешно стабилизировала его сознание и поведение.

Разрушение этой «картины мира», начавшееся в годы перестройки и особенно активно продолженное после 1991 г., привело к дестабилизации всей системы представлений значительной части общества. Ценности и нормы, определявшие процесс самоидентификации личности, постепенно изменили свое значение, а объективные цели деятельности оказались лишены смысла. Разрушение самоидентификации личности в качестве «советского человека» при отсутствии адекватной компенсации лежит в основе формирования кризиса идентичности.

Реакцией личности на переживание кризиса идентичности могут стать как пассивное приспособление к ситуации, периодически сменяющееся немотивированной агрессией, направленной и на окружающих, и на самого себя и приводящее в итоге к полной деградация личности, так и активные поиски новой идентичности. Можно выделить две тенденции, по которым происходит процесс этого поиска.

Первая представляет собой отчуждение от большого социума, ориентацию на семью, бытовые проблемы, жизнь «одним днем». Многие исследователи отмечают, что для значительной части общества основной целью активности стало не стремление к самовыражению, к постижению смысла, а простое выживание. В этих условиях в структуре потребностей личности на первое место выходят потребности, связанные с необходимостью это выживание обеспечить, т.е. материальные потребности и потребность в безопасности.

Личность, не способная (как по объективным, так и по субъективным причинам) удовлетворить указанные потребности собственными силами, активно ищет объект, на который она смогла бы переложить эту задачу. Для значительной части населения таким объектом традиционно

остается государство. Не случайно именно у государства, персонифицированного в образе президента или правительства, требуют выплаты зарплаты работники не только бюджетных организаций, но и акционерных обществ, зарплата которых должна поступать из иных источников. Понимание же этого противоречия рядом бастующих шахтеров приводит не к поиску объекта обращения, а к требованию национализации шахт.

Но будучи в состоянии не только контрастировать, но в ряде случаев и просто понять смысл происходящих событий, личность как бы снимает с себя ответственность за их результаты. Добровольно порывая с государством все свои связи, она одновременно считает его ответственным даже за те проблемы, которые возникли в результате собственных действий личности. Типичными в этом смысле являются движения так называемых обманутых вкладчиков, требующих от правительства или президента компенсации своих собственных ошибок.

Если государство воспринимается личностью как неспособное обеспечить ее базовые потребности, личность в силу объективной необходимости ищет иные структуры, строящиеся в рамках социокультурных или территориальных общностей. При этом правовые основания существования данных структур для большинства личностей не имеют. В массовом сознании формируется представление, для которого характерна своеобразная готовность пожертвовать правами и свободами ради безопасности и выживания. Сегодняшний герой — это не герой-спаситель, воплощенный в образе Ельцина на танке, а скорее «мор в котле», «холодный», способный обеспечить выживание и безопасность если не для «всех», то хотя бы для «нас», если не в масштабах всего государства, то по крайней мере в конкретном городе или районе.

Относительно представления находится ближе всего в образе криминального сообщества, ассоциирующегося в массовом сознании с контролем над определенной территорией, обеспечением ее безопасности и защиты от внешних врагов в лице государства или враждебного сообщества, а также поддержание порядка внутри нее.

Для личности, ориентированной на выживание, нет ни образа «светлого будущего», ни образа «светлого прошлого». Время не движется ни вперед, к какой-либо даже самой утопичной цели, ни назад, к золотому веку. Оно как бы останавливалось и начинается и заканчивается сегодняшним днем.

Второе направление, по которому происходит процесс поиска новой идентичности, представляет собой полную противоположность первому. Это обращение к неким «высшим» ценностям, воспринимаемым чаще всего в упрощенной, стереотипизированной форме и придающим абсолютную осмысленность ежедневному существованию.

Наиболее ярким примером ценности такого типа стали «демократия», воспринимаемая то как «западная демократия» (особый образ жизни,

выступающий в качестве идеала, к которому следует стремиться России), то как сообщество «демократов», выступающих против многочисленных врагов «демократии» (коммунистов, фашистов и т.д.), то, наконец, как символ реформ, сформировавших первоначально в массовом сознании завышенные ожидания, способствовавшие впоследствии как большому разочарованию.

Можно выделить ряд уровней идентификационного кризиса, отражающих глубину общественного кризиса в целом: от усиления настроений неудовлетворенности через пограничную ситуацию к сформированно собственно архаическим структурам и их мифологизации.

Прежде чем критические явления, нарастающие в обществе, основываются политическими планами, они становятся предметом непосредственного переживания, проявляясь на массовом уровне в форме неосознанных людьми настроений. Социально-психологическая природа массовых настроений состоит в том, что они возникают при расхождении ожиданий массового сознания с реальными возможностями их достижения. В этих условиях в обществе формируются массовые настроения, выражающиеся в ощущении неудовлетворенности существующим положением вещей.

Массовые настроения легко формируются и распространяются в обществе, лишенном четкой социальной структуры, с разрушающимися старыми и еще не сформированными социальными связями, что осложняет для личности процесс идентификации с социальной общностью, к которой она принадлежит. В процессе идентификации массовые настроения становятся основным фактором, определяющим поведение людей. С. Масмонгчи описал этот процесс как процесс «иррационализации масс». Последняя «проявляет себя в разрывании эмоциональных сил, которые в подавляющем большинстве случаев вырываются с изумительной силой. Эти силы, вовсе не побежденные, выдают благоприятного момента, чтобы снова вернуть свое господство. Он наступает, когда люди, раздраженные каким-то криком, собираются вместе. Тогда совесть индивидуумов теряет свою действительную силу и не может больше сдерживать их вырваться. Эти неосознанные эмоции — настоящие арты в историческом пространстве, они используют его, чтобы оккупировать неограниченную сферу. То, что поднимается на поверхность, не ново, оно существовало, не обнаруживая себя, в сдержанном виде, это подавленные силы, более или менее сконцентрированные и подавленные, сформированные и готовые к выступлению в действие»¹.

На этом этапе главной функцией массовых настроений в обществе является, как правило, формирование и эмоциональное обоснование социально-политических действий достаточно большой общностей людей по счет объединения их в массу на основе общности переживаний.

Нарастание критических явлений порождает также специфическое психологическое состояние, которое можно определить как пограничное.

Пограничное состояние возникает как своеобразное предчувствие кризиса и ощущается личностью как распад привычной «картины мира», куда входят представления и в социально-культурной среде, и в своем собственном месте в ней. «Переживания и их метафоры особенно интересны в те редкие моменты, когда жизнь многих меняется сразу и резко, потому что силы потерь переосмысливают ее повседневную непрерывность. Тогда у людей пропадает привычка жить»¹. В этом описании социокультурного кризиса конца XIX — начала XX в., данного А. Эткинсом, привлекает внимание последнее предложение, очень точно отражающее состояние человека, находящегося в пограничном состоянии.

Социокультурный кризис ломает господствующую в обществе систему ценностей и мифов, не предлагая на этом этапе адекватной замены. На личностном уровне это приводит к потере оснований для оценки происходящих событий, проявляющейся в ощущении отсутствия возможности субъективного контроля над ними (потеря «смысла жизни»). Предсты и ценности неожиданно перестают помещаться в привычные оценочные рамки, предчувство меняя местами свои положительны и отрицательные стороны. Иррациональность становится символом существования, возрождается интерес к мистическим культам.

В социально-психологическом плане пограничная ситуация воспринимается личностью как распад ролевой структуры привычной социальной среды, ведущий к разрушению оснований для самоидентификации, своеобразной потере собственного «Я». Отсюда особый, почти болезненный интерес каждой кризисной культуры к вопросам пола как последней аксиомы собственной идентичности и одновременно постоянно возрождающаяся тема бисексуальности и изменения пола, устанавливающая асимметрию об архетипе «анима» К. Юнга, определяемом Е. Мелетинским как «часть души, срывающая противоположный пол в индивидуус»².

Идентификационный кризис проявляется также в ощущении своеобразного «сузения» пространства и времени вплоть до эсхатологического настроения наступающего скорого конца того и другого. Не случайно в этот период в массовом сознании начинают пользоваться все большей популярностью теории, проводящие различные варианты «конца света» (вплоть до указания конкретных дат). Предчувствие катастрофы порождает желание перебраться в иное, мифологическое время-пространство, воссозданное отождествлением с золотым веком. По мнению Н. Стерляковского, «в кризисных и катастрофических ситуациях исторический процесс движения социального мира во времени (удаление от мифологического начала мира) сменяется эсхатологическим: свалив в одну точку мифологического пространства сменяется его расширением и направлением мира социального, мира приобретает объемность и динамику, тогда как социальное пространство-время сворачивается в черную дыру ("распавшаяся связь времен")»³.

Ощущение «конца времени» приобретает особую остроту в периоды, когда социокультурный кризис совпадает по времени с концом века, как это происходило в России в конце XIX в. и повторилось в конце XX в.

Сложность, повторяемость реакций общественного сознания на кризис в разных обществах и в различные эпохи отмечал Л. Вейтховский, наиболее последовательный из исследователей, можно сказать, апологет массовых и массовых настроений в советской психологической науке. «Сходственные общественные группы, попадая в сходственные политические условия, реагируют одинаковым образом и становятся ареной сходственных психических настроений. Возьмем ли мы английскую интеллигенцию (значит, и созданную ею литературу) времен Карла II, французскую — времен Реставрации, немецкую — 1920-х и 1930-х годов, итальянскую — при австрийском владычестве, всю западноевропейскую интеллигенцию и литературу после поражения 1848 г., русскую — периода 1907–1911 гг., — мы всюду встречаем одни и те же типические черты глубокого культурного кризиса...

Представление о мире получает явно неудачный характер. Искусство и литература окрашиваются в сепитические и цинические цвета. Мысль путанно съезжается, и человечество оказывается обреченным на вечное ничтожество и страдания. В умах господствуют страх смерти и беспудерный мистицизм. Разговоры и книги начинаются отрицанием жизни и воплями о банкротстве науки»⁴. Пограничное состояние нестабильно, оно требует обязательной компенсации, без которой может наступить распад, дегрессия личности. Наиболее доступной формой компенсации оказывается активизация архаичных структур сознания, связанных с замещением в нем как рациональных, так и традиционных представлений о собственной идентичности, о причинах происходящих в обществе изменений, о времени и пространстве, архаичными представлениями, тяготеющими к архаической модели мира. «Архетип, — по определению К. Юнга, — есть своего рода готовность слова и слова воспроизводить те же смыслы или сходные мифические представления»⁵. Поэтому пограничная ситуация способствует активному процессу мифотворчества во всех областях культуры, включая политическую культуру. Мифология будущего, одновременно являющаяся прошлым, попытка изменить реальность, «перенести» жизнь порождает желание радикально перестроить социокультурную и политическую реальность на основе субъективно привлекательной модели.

Центральной моделью, своеобразной архаической матрицей, на основе которой происходит процесс идентификации личности в архаичной ситуации, является категория «Мы—Оно». Ее корни лежат в архаических пластах человеческой культуры, в рамках которой мифологизированное восприятие реальности строилось вокруг двух противоположных

полюсов. Другим вариантом этой модели, включающим оценочный элемент, становится категория «Свой—Чужой». Б. Паринко, подробно исследовавший место указанных категорий в истории общества в книге «Социальные истоки и история», делает вывод, что «реально существующая общность, взаимосвязь индивидов ощущается каждым из них посредством либо той или иной персонализации, либо различных образов, обычаев, подчеркивающих принадлежность "нас" к данной общности в отличие от "них"»¹. Данная модель пребывает в общественном и индивидуальном сознании в латентном состоянии, не определяя в жесткой форме ориентации и поведение людей, однако в критических ситуациях может вытеснить в этом сознании более поздние рационалистические слои, лишь господствующее положение.

С наибольшей очевидностью функционирование данной модели проявляется в политической культуре общества. Так, в течение всей избирательной кампании по выборам Президента Российской Федерации в сознание избирателей настойчиво внедрялась мысль о невозможности «среднего пути» и необходимости выбора между демократическим развитием, воплощаемым в фигуре Б. Ельцина, или возвратом к прежнему коммунистическому идеалу, выразителем которых стал Г. Зюганов. Результаты показали, что эта мысль нашла в массовом мифологизированном сознании благодатную почву.

Восприятие мира на основе модели «Мы—Они» формирует представление о некой локальной территории, на которой проживает общность, как сакральном Космосе. На этой территории все явления и события приобретают доминантный сакральный символический смысл. Для архаического человека жизнь вне общности, вне территории (понятие территории может иметь не конкретное, а экзистенциальное значение) не представляется возможной, так как индивидуальное «Я» не выделено и не осознано. Анализируя эту сторону архаического сознания, французский исследователь П. Леван-Брюль отмечает, что одной из основных космологических закономерностей его функционирования является «одна партиципация», в результате которой возникает ощущение мистического слияния личности с группой, идентифицирующейся с тотемом-предком или территорией ее обитания².

В условиях социокультурного кризиса современный человек готов отказаться от собственной индивидуальности в обмен на чувство защищенности, безопасности, которое дает реальное или мифологическое слияние с группой. При этом на первом этапе кризиса на передний план выходит наиболее очевидные этнические или этноконфессиональные характеристики, по которым и происходит идентификация. Позже она дополняется идентификацией региональной, где регион выступает в качестве особым образом идентифицированного субъекта («Мы»), и возникает мистическое единство общности с территорией, своеобразным аналогом

русской общины-мира. Массовое сознание как бы возвращается в состояние, когда, по определению С. Лурье, «крестьянин осознавал себя членом русского общества не как индивид, а как член конкретной общины, конкретного "мира"»¹⁰, а «само государство, с этой точки зрения, понималось как система, объединяющая многочисленные "миры"...»¹¹. «Мир», постоянно приспосабливший себе все больше атрибутов государственности, начинает активно отстаивать свои специфические права в противовес мифологизированному образу «центра», стремящегося эти права отобрать. Обоснованием этих особых претензий становится прежде ссылка на те или иные периоды истории, в которые данный регион играл значимую роль (например, более древнее происхождение регионального центра по сравнению со столицей). В качестве доказательства актуальности этой формы идентификации можно привести результаты значительного числа выборов руководителей региональных администраций, где основным мотивом голосования стала не политическая, а региональная ориентация кандидата. В этой ситуации кандидат, воспринимаемый массовым сознанием как ставленник «центра», оказывался в заведомо проигрышной ситуации.

Для идентификации с «общностью», воспринимаемой как «Мы», существенное значение имеет образ «Их», врагов и недоброжелателей. По определению Б. Поршневца, «Они», «Чужие», можно сказать, — сквозная категория социальной психологии и не меньшей степени, чем парная ей категория «Мы», «Свои»¹². «Они» могут быть персонализированы, но обязательно ипсы и могущественны.

Для архаического сознания характерно противопоставление между «Своим» территорией и истинным неопределенным пространством, которое ее окружает. Чужая, «не наша» территория пребывает в состоянии хаоса, ее соседство вызывает ощущение исходящей от нее опасности, грозившей разрушить целостность нашего Мира. Для большинства мифологических сюжетов характерно отождествление сил, истинно действующих на созданный богами Мир, с врагами богов, демонами.

«Длительные, но видимости нормальные отношения между этническими группами, — отмечает А. Ахискр, — мгновенно разрушаются в моменты кризисов любого типа, так как может оказаться, что в соответствующей культуре разрешение конфликта видится именно на пути избиения, изгнания иной этнической группы. Происходит, казалось бы, невероятный возврат к отнесенным, исключенным программам архаических пластов культуры»¹³.

Идентифицирующую роль образа врага в политической мифологии отмечал Г. Маркузе: «Свободные институты состоят из авторитаризма, стремясь превратить образ Врага в могущую силу внутри Системы. Эта смертоносная сила стимулирует рост и инициативу... посредством превращения общества в целом в обороняющееся общество. Ибо Враг существует постоянно... Он равно угрожает нам во время войны, так и в

миром, время, ...он таким образом встраивается в Систему как связующая ее сила»¹⁷.

В современной российской политической мифологии реальные социальные и политические проблемы нередко подменяются архаическими по своему происхождению представлениями о вечной борьбе двух мифологизированных общностей («демократы» — «коммунисты», «либералы» — «предатели», «наши» — «не наши»), где образ врага становится основным элементом, обеспечивающим сплоченность.

Категория «Мы» является не только первичной формой самоидентификации личности, но и простейшим способом организации пространства и времени.

Временные представления архаического сознания характеризуются разделением на сакральное мифологизированное время, распадающееся в прошлом и периодически воссоздающееся посредством ритуала, и профанное время, начинающееся и заканчивающееся отсчитыванием дней. История подразделяется на два неравноценных периода: предистория, мифологического времени, отдельные элементы которой служат для объяснения происходящего в настоящем, и собственно история, начинающаяся, как правило, здесь и сейчас. А историческое развитие воспринимается не как движение в будущее, а как развитие в направлении к прошлому, к тому мистическому периоду, где заложены основы, корни настоящего.

М. Элиаде, в работе «Космос и история» подробно исследовавший модели пространства и времени, характерные для мифологического сознания, утверждает, что «очерк все поколения проходит красной нитью сопротивление конкретному историческому времени и стремление периодически возвращаться к мифологическому Первоначалу, к "Великому времени"»¹⁸.

В мифологическом восприятии прошлое продолжает жить в настоящем, постоянно находится как бы внутри него. Оно предстает гораздо более живым и привлекательным, чем настоящее. Культурные герои прошлого продолжают определять настоящее, а события прошлого заново воспроизводятся в настоящем посредством специальных ритуалов. По мнению М. Элиаде, с помощью ритуала общность пытается как бы воссоздать сакральное мифологическое время.

Этим объясняется кажущееся необъяснимым на рациональном уровне чересчур эмоциональное отношение сознания к историческим событиям данного прошлого, усложняющееся в условиях кризиса. Это отношение можно было наблюдать, например, среди участников массовых митингов в Татарстане в начале 90-х годов XX в., посвященных очередной годовщине вступления Китая войсками Ивана Грозного. Конечно, участники митингов воспринимали эту трагедию как происходящую здесь и сейчас. В мифологизированном прошлом лежат основные мотивировки деятельности партий и движений национал-патристической ориентации («Истинная Россия», Украина, Болгария и т.д.).

В условиях идентификационного кризиса история становится тем экзистенциальным пространством, в котором личность так или иначе находит свою идентичность, смысл своего существования, основу для объединения с обществом. При этом в качестве основания для создания исторической мифологии могут быть выбраны реальные исторические события, оказавшие как позитивное, так и негативное влияние на развитие общества. Американский исследователь в области этнической психологии Н. Полак определяет их так: «выбранная общая травма» и «выбранная общая слава»¹⁵.

При этом базисная история ассоциируется, как правило, с действительными силами, как бы инвертивными изначально «правильное» направление развития, что и привело к кризису, а «настоящая» история переносится все дальше в прошлое. Так, в начале перестройки «настоящая» история ассоциировалась с ленинским периодом, а врагом был Сталин, позже «настоящая» история вермещивалась на дореволюционный период, а роль врагов играли уже большевики. С точки зрения противоположной мифологии «настоящая» история, наоборот, заканчивается со смертью Сталина, а главным врагом становится уже Горбачев.

«В мифологическом сознании понятие времени — линейное, циклическое, обратимое, вектор которого повернут в прошлое»¹⁶. Неразличимость прошлого и настоящего в мифологическом сознании рождает веру в возможность в очередной раз начать жить сначала, в частности, вернуться в любой, представляющийся субъективно привлекательным отрезок истории. «Великое время» М. Элиаде в российской культуре существует в постоянно воспроизводимом образе золотого века.

Место этого образа в культуре конца прошлого века является одной из центральных проблем в книге А. Эткинда, содержащей социально-психологический анализ культуры Серебряного века¹⁷. Тема об особой роли Серебряного века в развитии российской культуры стала популярной в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Отправной на миф о золотом веке, различные политические партии и движения в зависимости от своей ориентации предлагают варианты возврата в тот или иной период нашего мифологизированного прошлого.

Ориентация на прошлое и отсутствие четких представлений о будущем, свойственные мифологическому сознанию, вынуждают его подменять описание цели описанием средств ее достижения, что позволяет не выходить за рамки постоянно длящегося «сегодня». Так, произошла своеобразная мифологизация понятия «реформа» в современной России; при описании реформ главной становится не их цель, а тема продолжения претястий на пути к цели. На уровне массового сознания концентриция на сегодняшнем дне, своеобразное продолжение «сегодня» выполняет психологическую функцию компенсации страха и неуверенности, вызванного ощущением «конца времени».

Такое явление массового мифологического сознания, как персонафикация причинности, также связано с моделью «Мы—Они». Все происходящие события рассматриваются в нем как проявления чьей-то доброй или злой воли. По мнению К. Кнута, «чуждый человек исходит из следующей предпосылки: причиной всего является невидимая производная сила, именно поэтому «они» всегда нуждались в демонах и никогда не могли жить без богов»¹⁴.

Все благоприятные события связанны в мифологии с волей Бога или его воплощения в виде Вождя, Героя, все враждебное, негативное есть результат действий таинственного врага. Отсюда выделение в мифологизации вождя, который становится центром, организующим общность, и приобретает сакральные функции. Вождь наделяется особой, недоступной простому человеку силой с прошлым, с его героями, являясь как бы мистическим из воплощением. От них он черпает свои сверхъестественные возможности влияния на историю. Не случайно каждое время находит в истории собственных культурных героев, играющих роль своеобразных тотемов, покровителей совершаемых политических воледей. Действия, воспринимающиеся как враждебные по отношению к тотему, вызывают гораздо более сильную эмоциональную реакцию, чем подобные действия, направленные против любого реального участника общности. Уничтожение тотема — это конец, разрушение всей общности. Именно так воспринималось значительной частью общества предложение о захоронении тела В. И. Ленина. Аргументы, связанные с историко-культурной или научной значимостью его сохранения, являются в большинстве своем лишь несомненной рационализацией страхов, заложенных в массовом сознании.

В процессе всей истории развития человеческого сообщества мифологические основания политической культуры, активизирующиеся в его кризисные периоды, рождали потребность в идентификации с вождями в качестве одного из главных условий самидентификации личности. Живой или умерший вождь постепенно теряет в массовом сознании свойство личного человека и приобретает символические характеристики. Для понимания этих характеристик достаточно сравнить содержание мифологизированных биографий современных политических лидеров, претендующих на роль вождей разного уровня, в которых конкретные события личной жизни приобретает одинаковый символический смысл. Анализируя эти сочинения и сопоставляя основные элементы биографий, можно увидеть степень мифологизации образа того или иного политического лидера.

Враг также индивидуализируется и приобретает символический смысл, так как через него в Мир приходит все враждебное и злое. Враждебные силы носят человеческий облик, однако это лишь маска, скрывающая оборотня (отсюда популярный в политической мифологии образ враже-

ового агента, агента влияния и т.д.). Тайными кодами врагов можно объяснить и оправдать любые просчеты и неудачи, несоответствие результатов поставленным целям и т.д. А. Клибанов определяет это явление как «стремление решить сложные вопросы, редуцируя и упрощая их до плоской двучленной идеи, что в любой проблеме есть злобный виновник, который является не чем иным, как персонализацией мирового зла»⁷⁷. Таинственные силы зла — причины всего плохого и несправедливого в нашей сегодняшней действительности. В зависимости от того, как идентифицировала себя данная культурная или политическая общность, на роль врага в последние годы предлагались и привычные сарки и мифологизированным вариантом «жидомасоны», и оказавшиеся в новых демократических структурах коммунисты, или «предателишки Запад» демократы, прославленные «агенты влияния», или некоторые личности, наделяемые особым, тайным влиянием на президента (от Бурбулниса до Коржакова и Чубайса и т.д.).

Если образ героя ассоциируется с понятием «идеал», то образу врага соответствует в политической мифологии понятие «антагонист». При этом как бы подразумевается, что в основе и того и другого стоят некие сверхъестественные силы добра или зла, а конкретная личность — это лишь представитель (пророк или тайный агент) этих божественных сил. Отсюда следует сделать вывод, что обычный человек не только не может, но и не должен пытаться познать и тем более оспаривать замысел высших сил, ему предлагается лишь верить в то, что замысел этот (по крайней мере если он исходит от сил добра) учитывает все его интересы и ожидания.

Выдвижение представления «Мы—Они» в качестве основы модели мира становится актуальным для современного человека в кризисные моменты развития общества. Эта модель приобретает законченную форму после формирования особой системы символов и ритуалов, с помощью которых происходит самоидентификация мифологических общностей, символизация сознания и ритуализация поведения, достигается эмоционально-психологическое слияние личности с группой. Роль символов и ритуалов в процессе идентификации культурных и политических общностей подробно исследована в психологической науке начиная с работ Г. Лебона и З. Фрейда⁷⁸. Представление «Мы—Они» служит одновременно основой для формирования и способом существования и уделения устойчивых социокультурных и политических мифов, характерных как для отдельной общности (политической), так и для общества в целом. Известный представитель психоаналитического направления в искусстве Э. Эриксон, исследуя молодежные субкультуры, подчеркивал значение особых ритуалов, символов, норм поведения, одновременно подкрепляющих целостность группы и отдаляющих ее от других⁷⁹. Положительные выводы, опирающиеся на анализ городских субкультур в России, были сделаны в работах Т. Щеманской⁸⁰.

Толпа, олицетворяющая очередной политический лозунг, необходима не только для оправдания акций политической власти или для воздействия на нее со стороны оппозиции. Толпа это представляет ценность (по крайней мере в мифологической системе ценностей) сама по себе как главное условие, при котором за счет действия психологических механизмов массового внушения, подражания и эмоционального заражения личность сокращительно теряет свои индивидуальные свойства и сливается с мифологической общностью, с «Нами». «Основной характерной чертой толпы является слияние индивидов в единые разум и чувства, которые затупевают личностные различия и снижают интеллектуальные способности, — заключает С. Московичи, анализируя работы Г. Лебона. — Каждый стремится подходить к бесконечному, с которым он общается. Это слияние своей массой увлекает его за собой, как морской прилив уносит гальку. При этом все равно, каков бы ни был социальный класс, образование и культура участников»²¹. Ритуал помогает его участникам освободиться от страха как перед мистическим врагом, так и перед контингентным, но подлинно массовым восприятием будущего.

Повсеместное строительство многочисленных памятников-идолов является столь же необходимым элементом мифологического сознания, как и последующее их торжественное разрушение. Из глубин мифологического сознания проистекает и господство «матрицы имени», эта не до конца осознанная вера в то, что изменение названия города, района или улицы (так называемое возвращение исторических названий) сможет изменить в лучшем и худшем из обитателей. Разрушение символов прошлого создает иллюзию «управления временем», являющегося в мифологическом сознании одним из признаков власти. Новая политическая власть символически уничтожает старую, новый политический миф уничтожает материальных носителей старой мифологии²². Конфликтотенный потенциал модели «Мы—Они» проявляется в представлении о постоянно престоющей в мире борьбе добра, ассоциирующегося с «Нами», и зла, ассоциирующегося с образом «Них» («Своих» против «Чужих», героев против врагов). При этом борьба ведется не только, а возможно, даже не столько с реальными, но и с давно умершими «врагами», являющимися символами зной, враждебной «Ним» мифологии.

Конфликтотенный потенциал мифологического сознания усиливается за счет специфического отношения к моральным нормам и предписаниям как к действующим только в рамках «матрицы» реального или экзистенциального пространства. «Чужое» пространство населено врагами, оборотнями, «исключенными», в борьбе с которыми морально оправданы любые методы, в том числе нарушающие как божьи, так и человеческие законы. Вплотью актуально читается сегодня вывод, сделанный К. Юнгом в середине 30-х годов: «Человека сегодняшнего дня... поскольку он приспособлен к своей среде... не смутит никакая подлость со стороны его груп-

ны — тем более что большинство его соотечественников верит в высочайшую справедливость своей социальной организации»²¹.

Модель «Мы—Они» есть устойчивый элемент познания окружающей природной и социальной действительности, присутствующий в каждой культуре, в том числе и в политической. Однако исследователи российской истории утверждают, что в России всегда преобладали тип культуры, характеризующийся жестким противостоянием, постоянной борьбой двух начал: добра и зла, как на уровне отдельной личности, так и общества в целом. По мнению А. Ахметова, «в основу анализа самобытности страны должен быть положен раскол, он пронизывает культуру, социальные отношения, воспроизводительную деятельность. Он в фокусе всей жизнедеятельности, предмет борьбы и одновременно элемент среды, к которому следует приспособиться и который накладывает на общество отпечаток уникальности»²².

В массовом сознании это противостояние дополняется верой в существование абсолютной Правды и представлением о том, «что предельно совершенное состояние является изначальным непреходящим состоянием человеческого рода на земле, не земной, не небесным, а реальным достоянием, насильственно отчужденным, сжато подпадающим волеу по законной принадлежности»²³. На основании этого представления строится оценка происходящих событий.

С появлением русской интеллигенции идея Правды жестко ассоциируется с понятием «народ», воспринимаемым не как совокупность отдельных личностей и групп, а в качестве своеобразной мифологической общности, обладающей правом на абсолютную истину. Это же право присваивали себе политические партии и организации, выступавшие от имени народа, откуда следовало, что все несогласные с их позицией автоматически становились врагами народа, носителями Кривды, т.е. частью тех самых «Они», по отношению к которым были оправданы любые методы борьбы. В работе «Аполлон и символ» К. Юнг отмечает, что «коммунистический миф имеет один великий миф... Это — славянопочитание архаического каденево Золотого века (или Раи), где в изобилии имеется все для каждого и где всем человеческим детским садом правит великий, справедливый и мужлый вождь»²⁴.

С представлением о существовании абсолютной Правды связана особенность российской политической культуры (зная истину, необходимо поделиться ею с другими, а если они не захотят нас слушать, навязать им нашу истину с помощью насилия, так как они просто не понимают своего счастья), а также такое специфическое явление русской православной культуры, как соборность. Не претендуя на полное философское осмысление этого сложного и многогранного понятия, можно выделить в нем аспект, непосредственно связанный с темой исследования. Соборность как мистическое единство противопоставит понятию демократии, так

как в ней невозможно существование иного мнения, позиции меньшинства. Любой выпадающий из общности автоматически становится носителем познанных идей, частью враждебных «Они».

В содержательном плане процесс мифологизации массового сознания и поведения на высшем этапе социокультурного и социально-политического кризиса может быть представлен в виде нескольких направлений, каждое из которых содержит в себе потенциальную основу будущего политического мифов. На соотношение этих направлений и массовое политическое поведение влияют как историко-культурный характер социальной среды, так и степень внедрения и массовое сознание мифологических представлений.

Одно из них связано с потерей личностью собственной идентичности, что мотивирует поиск новых форм и способов идентификации с культурной и социальной средой. Для кризисной ситуации характерны специфические формы самоидентификации личности через экзистенциальное слепящее с группой, ее символами, мифами (воспринимаемыми как некий найденный Правда), территорией (воспринимаемой как сакральный Космос), мифологизированными представлениями о времени и развитии общества (воспринимаемыми как подлинная История). Каждая из создаваемых политико-мифологических общностей пишет свою мифологию и поддерживает ее с помощью собственной системы символов и ритуалов.

Активизация мифологических оснований политической культуры связана также с персонализацией представлений о причинах происходящих в обществе событий. Объяснения этих причин даются с помощью образов «добра—зла», «справды—кривды», «грома—взрыва», так как мифологическая логика не признает возможности существования безличной, объективной, случайной причины события или явления, ставя на ее место реальную или мифологическую личность или группу. При этом современный политический процесс представляется своеобразным мистическим отражением прошлых событий, заставляя постоянно искать исторические аналогии, символические указания на будущее развитие.

Мифологизация политической культуры в кризисной ситуации приводит к активизации мифологических представлений о времени и пространстве. Большинство массовых социально-политического и экономического развития общества, предлагаемых различными политическими силами, строится по принципу переноса времени (возврата в тот или иной период прошлого) или переноса пространства (переноса в Россию той или иной, как правило, западной модели развития).

Как пограничная ситуация, так и следующая за ней реализация мифологических оснований политической культуры не может быть до конца осознана и проанализирована в рамках структурно-функционального подхода в политической науке. Наиболее продуктивным для понимания политической истории современной России представляется культурно-

психологический подход, в рамках которого события и явления современной российской политической культуры следует рассматривать как своеобразную актуализацию мифологических символов и стереотипов, свойственных наиболее древним, архаичным пластам ее культуры.

Наиболее близкой к данному пониманию мифа, в том числе политического мифа, является концепция А. Лосева, представленная в его работе «Диалектика мифа». На случайна в этой работе А. Лосев подчеркивал, что миф — «не идеальное понятие и такое не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь со всеми ее надеждами и страстями, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью. Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная, действительность»²¹.

Миф в указанной концепции понимается как специфическая историческая интуитивная форма познания окружающей природной (космологические мифы) и социальной (социальные мифы) реальности (а также место в ней самого познающего субъекта), в основе которой лежит неразрешенность субъекта и объекта познания (личность познает себя через идентификацию с общностью, пространство воспринимается как «нынеш» или «не нынче», прошлое — как необходимый элемент настоящего и т.д.). Миф как форма познания не требует дополнительных доказательств истинности содержащихся в нем системы образов и представлений, так как сам по себе является их обоснованием. Этим объясняется активизация мифа в периоды социокультурных кризисов.

Миф, включающий в себя элементы познания и обоснования социальной реальности (этнические, конфессиональные, социокультурные, субкультурные, а также собственно социальные мифы), может стать политическим в том случае, если с его помощью обосновываются существование определенной политической системы (режима) либо претензии определенной личности или группы на особую роль в системе политических отношений (в том числе претензии на власть). С этой точки зрения политический миф становится специфической формой социального мифа в отличие от архаического мифа, включающего элемент целенаправленного идеологического производства. При этом в современном политическом мифе сохраняется значительный элемент архаизма.

Рассматриваемые в сборнике направления мифологизации культуры лишь намечают возможности мифологического сознания как базы для формирования культурных и политических мифов. Для возникновения мифа, кроме объективных мифологических оснований, необходима целенаправленная деятельность идеологизированных групп, состоящих, как правило, из представителей интеллигенции, посвящающих себя активному формированию и распространению конкретных мифов, выступая при этом от имени мистического «народа». Деятельность этих групп, возмож-

во не воспы осознаваемая всеми из представителями, активизирует процесс инфлектизации культуры, индифференцируя ее на основе модели «Мы—Они», наносит конкретным содержанием понятия «Свой—Чужой», «Добро—Зло», «Герой—Враг», мотивирует конкретное социальное и политическое поведение.

Примечания

- ¹ Миславич С. Век толп. М., 1996. С. 64.
- ² Эвандер А. Садом и Питом. Очерк интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 5.
- ³ Миславич С. Век толп. М., 1996. С. 64.
- ⁴ Сидоровский И. Архаичный культурный типот как специфический мир пространства и времени // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996. С. 30.
- ⁵ Вейнштейн Л. Очерк коллективной психологии. М.; Л., 1925. С. 3.
- ⁶ Юнг К. Психология бессознательного. М., 1994. С. 118.
- ⁷ Парсонс Б. Социальная психология и история. М., 1979. С. 82.
- ⁸ См.: Лессе А-Бронс Л. Первобытное мышление. М., 1938.
- ⁹ Дюрк Г. Мифология традиционного сознания. СПб., 1994. С. 126.
- ¹⁰ Там же. С. 127.
- ¹¹ Парсонс Б. Социальная психология и история. М., 1979. С. 128.
- ¹² Аленстер А. Культурные основы этнических конфликтов // Обществественные науки в современность. 1994. № 4. С. 118.
- ¹³ Маркус Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 133.
- ¹⁴ Эвандер М. Космос и история. М., 1987. С. 127.
- ¹⁵ См.: Вильям В., Обонштейн А. Национальные проблемы гласности посткоммунистичека и политическая коммуналитаризм // Обществественные науки и современность. 1992. № 6. С. 40–42.
- ¹⁶ Миславич С. Время и пространство в мифологическом сознании африканских культур // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996. С. 43.
- ¹⁷ См.: Эвандер А. Садом и Питом. Очерк интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996.
- ¹⁸ Юнг К. Психология бессознательного. М., 1994. С. 111.
- ¹⁹ Клибанов А. Народная социальная утопия в России. М., 1977. С. 85.
- ²⁰ См.: Лессе А-Бронс Л. Психология масс // Психология народов и масс. М., 1993; Фрейд З. Коллективная психология и анализ Я // «Я» и «Оно». Труды ранних лет. Кн. 1.Т. 6. 1991.
- ²¹ Дюркгейм Э. Идентичность: Юность и кризис. М., 1996.
- ²² Шпенглер О. Символика мифологической субкультуры. СПб., 1993.
- ²³ Миславич С. Век толп. М., 1996. С. 108.
- ²⁴ См.: Вильямс А. Власть и время в культуре общества // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996. С. 154–171.
- ²⁵ Юнг К. О современных мифах. М., 1994. С. 237.
- ²⁶ Аленстер А. Россия: кризис исторического опыта (индологический анализ). М., 1991.
- ²⁷ Клибанов А. Народная социальная утопия в России. М., 1977. С. 108.
- ²⁸ Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С. 38.
- ²⁹ Лессе А. Динамика мифа // Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 27.

Раздел III

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИКЕ

*Д. Дж. Уинтер, М. Дж. Херманн,
К. Найтсрауб, С. Дж. Уинтер*

Дистантное изучение личностей Буша и Горбачева: процедуры, портреты, политика*

Введение

В последние месяцы внутрисполитическое развитие Советского Союза и внешнеполитическое отношение между СССР и США приближили возможность наступления новой эры в отношениях супердержав. Кто, например, мог предсказать в 1981 году, что Рональд Рейган будет завершать свое президентство, обмениваясь улыбками, рукопожатиями и приветствиями с лидером Советского Союза на фоне статуй Свободы? Или что галеты будут писать о проведении в СССР действительно альтернативных выборов (при этом упоминая даже такой характерный для демократии атрибут, как «хэлит вольт»)? После интитурации Джорджа Буша в каждой из стран сейчас есть лидер, от которого много ждут и о котором при этом удивительно мало известно. Каков в действительности Джордж Буш? И кто такой «настоящий» Михаил Горбачев? Как мы должны интерпретировать их действия? Чего мы можем ожидать от переговоров между ними?

Об изучении Буша и Горбачева

Лидер как «проецируемый экран»

Так или иначе, каждый поступок лидера и даже «молчание», или политическое содержание его речей, являются двусмысленным стимулом (как чернильное пятно Пармала), которому разные наблюдатели могут дать свои собственные интерпретации. С самого начала, протянув руку

* Political Psychology, 1991, Vol. 12, No 3.

Кандидату на отрочдничество (после напавших на него кампаний против него), президент Буш удивил либеральных оппонентов и разочарованных консервативных сторонников. За первые 18 месяцев администрации Буша, как оказалось, сделано мало для определения политического курса и заключения кадровых назначений, и из Республиканского национального комитета снова начали доноситься отголоски прежних инсинуаций. Показано, что события подтверждают слова журнала «Таймс», которые появились еще в ходе кампании: «Многие из тех, кто его знает, затрудняются представить, что он может сделать на посту президента <...> Сможет ли Буш продемонстрировать решительность, моральный авторитет и всеобъемлющее чувство общины, чтобы управлять страной?»

В случае с Горбачевым мнения аналитиков разделяются еще более четко. Многие исследователи советской политики предполагают, что Горбачев предпочел мир — социализму — «сотрудничество с Западом» — стремлению к одностороннему превосходству», «классовую борьбу» — равенству людей». Однако журналист Уильям Сейфир говорит совершенно противоположное: «Они (советские лидеры) все еще нацелены на тот же путь — восстановление советской экономики до тех пор, пока она не станет достаточно сильной для того, чтобы прокормить свою страну и позволить вооруженным силам доминировать над соседями». В этом же направлении идет анализ Ричарда Никсона. Под «модно сшитым костюмом, иллюминацией манерами и приятным общением при личных встречах», как он полагает, «новый Горбачев» движим главным образом привычными советскими целями: «ограничить силу альянса (НАТО) и усилить Запад обманчивым чувством безопасности», с тем чтобы создать «сильный Советский Союз и распространиться советскую империю». Вице-президент Буш разделяет сомнения Никсона: «Даже если советские лидеры усвоят "новое мышление", они все равно еще будут способны и на старое». Один журналист дошел до того, что прямо заявил, что «Горбачев встал на путь борьбы за власть». Наконец, как мы отметили, авторитетный специалист по советским делам делает вывод, что Горбачев «на самом деле непонятная и загадочная фигура и становится все более таинич по мере того, как его проблемы усложняются».

Так, хотя карьера Буша в правительстве насчитывает несколько декад и хотя Горбачев занимает свой пост уже шесть лет, все еще у нас на Западе нет согласия относительно того, каковы эти люди на самом деле — их мотивы, убеждения, «Я-концепция», операциональные коды и стили. (В этом отношении они не уникальны. В прошлом поведение и открытое содержание риторики кампаний, как правило, мало использовалось для объяснения поведения американских президентов, что могут подтвердить исследователи нескольких администраций Честера Артура, Гарри Трумэна и Линдона Джонсона.)

Значение личности лидера

Наши ли ответы на эти вопросы? Очевидно, что личность не единственный и иногда даже не самый главный фактор для предсказания политического поведения. (Например, 8 декабря 1941 г. личностные качества Франклина Д. Рузвельта никак не повлияли на то, что Соединенные Штаты объявили войну Японии.) Какими бы ни были личности Буша и Горбачева, их политическое поведение сформировано и подчинено ситуационным факторам, таким, как дефицит бюджета или сложности экономической организации. Тем не менее условия в обеих странах содержат много из классических критериев Гранстайна для определения ситуаций, в которой личностные качества одиночных политических акторов могут оказать важное влияние на ход событий: (1) во-первых, Горбачев и Буш занимают стратегически важные посты в соответствующих политических системах; (2) настоящая ситуация содержит множество новых и двусмысленных элементов и является открытой для перемен; (3) как во внутренних, так и во внешних делах оппозиционные силы также уравновешены; (4) важные проблемы требуют скорее активных усилий, чем рутинного исполнения роли.

Таким образом, в 1990-е годы мы имеем, как это и было, уравнение с двумя неизвестными. Возможно, психологические интерпретации личностей лидеров, опирающиеся на систематическую теорию и исследования, могли бы сопроводить наше понимание событий и предложить ответы на вопросы, касающиеся их политических курсов. Кроме того, мы лишены прямого доступа к обоим лидерам, и, таким образом, анализ и интерпретация должны проводиться на дистанции. Мы рассматриваем этот текст как первый шаг в этом направлении. Несмотря на принадлежность к разным наукам, каждый из авторов имеет опыт изучения личности на дистанции. Мы применили собственные технологии к изучению личностей Буша и Горбачева с использованием обычного набора данных и индивидуально подобранных дополнительных материалов. Опираясь на впечатляющее совпадение результатов наших индивидуальных исследований, мы создали личностные профили обоих лидеров. В заключении мы сделали несколько прогнозов и предположений относительно смысла политического курса в широком смысле слова.

Мы ясно осознаем опасность прогнозирования. То, что мы пишем во время националистического брожения в республиках Балтии и переговоров об объединении Германии, появится в печати лишь спустя много месяцев. Мы идём на риск ошибаться драматически. (На самом деле окончательный вариант этого текста был подготовлен в июне 1990 г., когда вторжение Ирака в Кувейт еще только лишь оплело Саддаму Хусейну; а последние уточнения были сделаны, когда один журналист объявлял, что «эра Горбачева закончилась».) Кроме того, если дистанция

оценки личности является стоящим делом, то этим нужно заниматься смело — предлагая ответы, выходящие за рамки очевидного, на действительно важные вопросы.

Дистантная оценка личности

Как могут психологи оценивать мотивы людей, с которыми они никогда не встречались и которых не могут изучать напрямую? В предшествующие годы было разработано множество объективных методов измерения мотивов и других личностных характеристик на дистанции с помощью систематического контент-анализа речей, интервью и прочих спонтанных вербальных материалов. Эти технологии часто использовались в сборательных исследованиях политического лидерства — например, в прогнозировании внешнеполитических ориентаций или склонности к насилию. Однако в отдельных случаях дистантные технологии использовались для создания систематических портретов отдельных лидеров: Херман оценивала мотивы и другие личностные характеристики Рональда Рейгана и сирийского лидера Хафеза Аля-Ассада; Уокер анализировал операциональный код Вудро Вильсона; Уайнтрауб изучал вербальное поведение семи последних американских президентов; Уинтер и Карсон использовали мотивационные показатели первого инаугурационного обращения Ричарда Никсона для разрешения ряда парадоксов, связанных с его карьерой, вместе с тем стремились к подтверждению этих показателей на основе систематического обзора публичной и частной жизни Никсона.

Когда для измерения психологических характеристик используются заготовленные речи или даже «спонтанные» ответы в интервью, скептически настроенные читатели часто спрашивают о том, чьи мотивы и прочие личностные характеристики отражают получаемые показатели: лидеров или спичрайтеров, а также о том, не повенано ли на эти показатели стремление к позитивной саморепрезентации (или даже дезинформации). Несомненно, что спичрайтеров отбирают с учетом их способности выразить то, что лидер хочет сказать, особенно если речь идет о важных речах. Как правило, американские президенты участвуют в написании важных речей.

Использование спонтанных интервью может уменьшить, хотя и не снять полностью, эту проблему. Кроме того, в широком смысле может не иметь значения, был ли источником речи сам лидер: т.е. отражает ли речь «истинную личность» или же только саморепрезентацию. Какими бы ни был статус речей, они существуют, воспринимаются и воздействуют в качестве слов лидера.

Главное предположение данного дистантного исследования состоит в том, что слова лидера и опирающиеся на них показатели являются пре-

имлемыми способами изучения его личности. Выражаясь более конкретно, мы предполагаем, что личностные переменные, которые измеряются с использованием разработанных нами процедур, действительно способны преодолеть влияние авторитета, эмоциональность высказываний, деинформацию и эго-защиту. Далее мы предполагаем, что влияние обсуждаемых проблем и ситуаций, в которой лидер говорит, контролируются адекватно группными сравнения, которые использовались для интерпретации полученных показателей в необработанном виде. Очевидно, что эти предположения спорны; но для нас их полезность основывается на прагматичном критерии: насколько эти показатели способны помочь в прогнозировании или интерпретации интересных и важных поведенческих поступков и результатов.

В данном тексте мы применяем различные технологии сравнительного изучения Буша и Горбачева. Затем высказываем предположения относительно вероятных тенденций, возможностей, задач, проблем и ловушек, с которыми сталкиваются лидеры как по отдельности, так и при взаимодействии.

Оцениваемые личностные переменные

В совокупности наши методы охватывают целый ряд переменных, включая оцененные компоненты личности: мотивационные, когнитивные, ставовые, личностные качества и механизмы защиты, опирающиеся на различные психологические теории. В данном разделе мы представим каждую переменную через описание ее теоретических оснований и того, как она измеряется в вербальном поведении, давая указания на то, что отвечает за ее измерение в настоящем исследовании и ссылки на главные работы по личности и политической психологии. В таблице 1 эта информация обобщается.

Таблица 1

Основные переменные в дисплайной оценке Буша и Горбачева

Переменная	Описание показателей и основные ссылки
Мотивы	
Достижение	Нацеленность на превосходство, успех в соревновании или уникальной достижении
Аффилиация	Нацеленность на теплые, дружеские отношения; дружелюбное, благоприятное (попытки) поведение; плодотворную (публичную) помощь
Власть	Нацеленность на оказание воздействия на других, на престиж или репутацию

Переменная	Описание показателей и основные ссылки
Убеждения	
Национализм	Идентификация или неблагоприятное отношение к одной нации; неидентификация или неблагоприятное отношение к другим
Контроль над событиями	Принятие ответственности за планирование или инициирование действий
Мужанность в себе	Восприятие себя в качестве инициатора действия, авторитетной фигуры или обладателя позитивной поддержки
Когнитивные, межличностные стили	
Концентрация сложности	Отношение числа слов высокой сложности к числу слов низкой
Недоверие	Сомнения, опасения или ожидание вреда от групп, с которыми нет самоидентификации
Использование акцент (lack emphasis)	Отношение числа слов-задат (lack words) к числу слов-возможностей (interpretational words)
Операциональный код	
<i>Атрибуты личности (self attributes):</i>	
Дружелюбный/враждебный	Политическая жизнь рассматривается как гармоничная/конфликтная; отношение с оппонентами как дружественное/враждебное
Оптимистичный/пессимистичный	Оптимизм/пессимизм в отношении осуществленности ценностей и стремлений
Высокий/низкий контроль	Источники веруют в определяемые людьми случаи
Возможности/ограниченные цели	Предпочтение возможностей и длительных/постепенных и ограниченных целей
<i>Почерк личности (self style):</i>	
Методы достижения целей	вербальные (общения, угрозы/действия (похвалы, наказания); политические (награды, обещания)/конфликтные (наказания, угрозы); позитивные (примы или оказание поддержки)/негативные (сопротивление, отрицание)
Вербальный стиль (отражает личностные качества и механизмы защиты):	
Отношение «я»	Отношение числа местоимений «я» к числу местоимений «мы»
Выражение чувств	Описание себя как испытывающего какие-либо чувства
Ценностные критерии (evaluators)	суждения о добре/зле, позитивном/негативном, правильном/неправильном, корректном/некорректном, одобряемом/неодобряемом, приятном/неприятном и выполняемых целях

Переменная	Описание показателей и основные ссылки
Прямое обращение к аудитории	Прямое обращение к аудитории, ситуации или физическому окружению
Использование усилительных наречий	Наречия, которые увеличивают силу утверждений
Риторические вопросы	Вопросы с целью привлечь и удержать аудиторию
Отрицание (negation)	Частичный или полный отказ от ближайших предшествующих утверждений
Определение	Все определительные слова, такие как «нет», «ни», «никогда», «никто», «ничего» и т.д.
Объяснение	Причины или оправдание действий, приемы ссылки
Сомнение (doubt)	Выражение неуверенности, поправки, ослабляющие утверждение, и фразы, создающие неуверенность или неуверенность
Теоретические выражения	Литературные (чужие) слова и выражения; метафоры

Мотивы

В понятие мотивации включаются цели и действия, направленные на их достижение. Опираясь на классические теоретические разработки Фрейда, Кнута и Мюррея, в течение нескольких предшествующих десятилетий психологи разработали методы измерения важнейших человеческих мотивов с помощью контент-анализа фантазий и прочих вербальных материалов, связанных с воображением. *Мотив достижения* подразумевает направленность на превосходство и уникальный результат; он ассоциируется с активной деятельностью, умеренным риском, основанным на знании возможных результатов и предпринимательской инициативе. *Мотив аффилиации* подразумевает направленность на тесные отношения с другими людьми. Иногда он ведет к межличностной теплоте и открытости, но в условиях угрозы или стресса он может привести к «исключению», защитной ориентации по отношению к другим. *Мотив власти*, направленность на влияние и престиж ведет как к формальной социальной власти, так и к расчетливым, манипулятивным действиям, таким как агрессия, пытки и чрезмерный риск. Эти три мотива сформированы из восторженной таксономии Мюррея как соответствующие некоторым из наиболее распространенных и важных человеческих целей и проблем. В настоящем исследовании мотивы власти и аффилиации измерялись двумя разными путями: (а) согласно Херманн — через компьютерную адаптацию исходных систем подсчета, направленных отдельно на статистическое

фразы; и (Б) согласно Уинтеру, выработанному «обрабатывающую текст» систему подсчета.

Убеждения и стили

Три переменных, рассчитываемых Хершани, отражают некоторые из наиболее широко изученных убеждений и измерений когнитивного и межличностного стилей, что подчеркивается в теориях личности Келли, Роттера, Роджерса и других. *Национализм* (или этноцентризм), убеждение в превосходстве одной группы или нации и неполноценности другой и *недоверие* или *подозрительность* к другим людям и институтам — это два ключевых убеждения и стиливых компонента авторитаризма, возможно, наиболее изученной единичной личностной переменной.

Убеждение в контролируемости событий. Это убеждение подчеркивает древнее разделение воли и судьбы как детерминант происходящего, как Кассий говорил Бруту в «Юлии Цезаре» Шекспира:

Внезапны, дорогой Брут, во вселися,
Но мы сами, вольные творя.

В современных исследованиях личности это убеждение концептуализировано либо как *внутренний* или *высший латент* locus контроля (Стрикленд), либо в ранних исследованиях как *упрощающий* (*facilitating*) или *осложняющий* (*debilitating*) атрибутивный стиль (Уайнер, Цуклов). Относительно лидеров убеждение в контролируемости событий ассоциируется с эффективным воздействием и адаптацией.

Уверенность в себе. Это единственное чувство, которое одновременно и воздействует, и приносит удовольствие, отражает самоуважение и связанные с ним аспекты «Я-концепции». Его теоретические корни восходят к психоаналитической концепции narcissism. Цаллер и др. продемонстрировали его влияние на поведение лидера. Уверенные в себе лидеры стремятся быть скорее активными, чем реактивными; однако лидеры, которые менее уверены в себе, лучше умеют слушать и являются более отзывчивыми.

Концептуальная сложность. Концептуальная сложность, способность различать отдельные аспекты или измерения окружающей среды, проистекает из теории личности Келли. Как и для когнитивного стиля, для нее не свойственны «авторитарность и двусмысленности» (черно-белое мышление), как компонент авторитаризма. Относительно лидеров высокий уровень национализма и недоверия и низкий уровень концептуальной сложности ассоциируется с агрессивным, авторитарическим и часто упрощенным политическим стилем.

Инструментальный или социально-эмоциональный акцент. Эта переменная отражает два вида лидерства или межличностного стиля, разработанных в ранних социально-психологических исследованиях малых

экспериментальных групп¹. Инструментально ориентированные лидеры всегда имеют «план действий», относящийся либо к экономическим проблемам, либо к национальной безопасности. Социально-эмоциональные лидеры, с низким уровнем инструментального акцента, ориентируются на трансформационные иконсы, межличностные структуры и иконскую расстановку сил в политическом процессе.

Общая ориентация личности

Норман Хорман разработала ряд широких «ориентаций», каждая из которых состоит из мотивационных и когнитивных переменных, которые она ранее рассматривала по отдельности. Например, «экспансионистская» ориентация подразумевает стремление к усилению контроля над территорией, ресурсами и людьми. Она включает в себя комбинацию мотива власти, национализма и недоверия, убеждения в контролируемости событий, уверенности в себе и сильного инструментального акцента. В отличие от нее «равновзвешенная» ориентация (состоящая из мотива аффилиации, национализма, когнитивной сложности, уверенности в себе и акцента на межличностных отношениях) предполагает улучшение отношений (с помощью других стран) в большей степени, чем экспансию. В таблице 2 эти ориентации перечислены вместе с их составными переменными.

Таблица 2

Личностные ориентации и их составные переменные

Ориентация	Определение	Составные переменные
Экспансионистская	Интерес к усилению контроля над территорией, ресурсами, людьми	Мотив власти; национализм; убеждение в способности контролировать события; уверенность в себе; недоверие; инструментальный акцент
Активно-независимая	Интерес к участию в делах международного сообщества, но в своих пределах, не навязывая оппозиции законам другой стране	Мотив аффилиации; национализм; убеждение в способности контролировать события; когнитивная сложность; уверенность в себе; инструментальный акцент
Влиятельная	Интерес к оказанию влияния на внешнюю политику других государств, стремление играть роль лидера в международных или региональных делах	Мотив власти; убеждение в способности контролировать события; когнитивная сложность; уверенность в себе; межличностный акцент

Ориентация	Определение	Составные переменные
Подражательная/имитирующая	Надлежащая на отожествление различий между нациями, в том числе на решение проблем на международной арене	Мотив аффилиации; убеждение в способности контролировать события; когнитивная сложность; межличностный акцент
Опportunистическая	Интерес к коллективной выгоде из текущей ситуации, к эффективному обращению с требованиями и возможностями момента, стремление получить целесообразно	Когнитивная сложность; межличностный акцент
Различийствующая	Готовность постоянно улучшать свою собственную нацию, признавая лучшее из того, чем могут похвастаться другие страны или международные организации	Мотив аффилиации; национализм; когнитивная сложность; уверенность в себе; межличностный акцент

Операциональные виды и «личностные черты»

В отличие от широких и абстрактных когнитивных конструктов, описанных выше, которые опираются на психологические теории личности, концепция операционального вида была разработана политологией для описания только политических убеждений. Созданный Лейтеном конструкт — операциональный код — была усовершенствована Джорджем, Холтом и позднее Уокером. Согласно формулировке Джорджа, убеждения, составляющие операциональный код политического лидера, могут быть представлены как «ответы» (с возможностью выбора из двух или более альтернатив) на ряд философских и инструментальных вопросов, например таких: какова в сущности природа политической жизни? Каковы перспективы реализации основных политических устремлений? В какой степени человек может контролировать историю? Как эффективно достигать политические цели? Как правильно распорядиться властью? Какую пользу могут принести различные средства?

В настоящем исследовании Уокер концентулинизировал ответы на философские вопросы Джорджа как ряд «атрибутов личности», описывающих отношение индивида к политическому универсуму (дружественное или враждебное, оптимистическое или пессимистическое, с высоким или низким контролем, с всеобъемлющими или ограничительными целями), а ответы на инструментальные вопросы как ряд «черт личности» (общения, награды, угрозы, наказания, притяны, оказание поддержки, избегания и сопротивление). Отдельные виды «атрибутов» и «черт» личности представлены в табл. 1. Взяты в совокупности, эти два вида

кодов действуют как когнитивные, перистические, опосредующие и фильтрующие механизмы обработки каждодневного потока информации о ситуации и других политических акторах.

В силу того, что конструкция операционального кода в настоящее время претерпевает развитие и уточнение, отдельные перекодировки, закодированные для Буша и Горбачева, несомненно отличаются; кодировка Горбачева была более разработана, что видно из табл. 4. Например, в кодировке Буша сделан акцент на его видении политического универсума, в то время как последнее кодирование Горбачева было направлено прежде всего на его представление о себе или о том, какое место оно занимает в политическом универсуме.

Личностные качества и механизмы защиты

Личностные качества — это лексика обобщенного описания личности: устойчивые способы взаимодействовать с другими людьми и заявлять о себе, как это показано в работах Юнга, Айзенка и Олпорта. Основываясь на многочисленных клинических экспериментах и дистантных исследованиях, Уайнтрауб измерил некоторые черты вербального стиля, которые указывают на различные личностные качества и характерные для них стили защиты (как изначально предполагалось в работах Анны Фрейд). Таблица 3 показывает, как различные измерения вербального стиля, описанные в табл. 1, комбинируются для оценки этих качеств и механизмов защиты.

Недавние исследования личности показывают, что многие из этих качеств могут быть далее структурированы с помощью двух главных факторов: интроверсия — экстраверсия и стабильность — неустойчивость (Айзенк, Норман).

Таблица 3

**Личностные качества и механизмы защиты,
составляющие вербальный стиль**

Качество или механизм защиты	Составные черты вербального поведения
Межличностный стиль	
Общительный (доминантный)	Прямые упоминания; реторические вопросы
Пассивность	Частота употребления «мы»
Отшельнический	Отрицание
Эмоциональный стиль	
Эмоциональная выразительность	Высокое отношение «я» к «мы»; выражение чувств; употребление оценочных критериев; употребление оценочных наречий; прямые упоминания; реторические вопросы

Качество или механизм защиты	Составные черты вербального поведения
Тревожность	Отрицание, обобщение, смещение
Депрессия	Высокое отношение «я» к «мы»; низкий уровень безличностных связей; прямые упоминания
Гнев	Отрицание; частота употребления «я» и «мы»
Чувствительность к критике	Употребление указательных наречий; отрицание; употребление оценочных критериев
Стиль принятия решений	
Решительность	Высокое отношение («я» + «мы») к «каким-то»
Догматичный	Низкий уровень смещений и отрицаний
Импульсивный	Низкий или умеренный уровень смещений, высокий уровень отрицаний
Парадоксальный	Высокий уровень смещений, низкий уровень отрицаний
Низко-инный	Высокий уровень смещений и отрицаний

Общая теоретическая концепция личности

По причине того, что каждый из нас имеет свой собственный взгляд на личность, теоретический подход, отраженный в данном исследовании, является элективным и противоречивым, с особым акцентом на (а) мотивах и целях, (б) адаптивных и защитных трансформациях этих целей и (в) когнитивных характеристиках или «алгоритмах», которые пропускают или обрабатывают информацию из окружающей среды.

Отбор материала для расчетов

Все четыре метода оценки личности на дистанции основаны на контент-анализе вербального материала, как правило, на стенограммах речей и ответов на пресс-конференциях. С целью создания базы данных для данного исследования второй автор сформировала две подборки документов: (а) для Буша в нее вошли стенограммы агитационных речей, интервью с телевизионными интервью и Нью-Йоркских дебатов республиканских кандидатов, все относится к избирательной кампании 1988 г. Для сравнения собирались материалы по двум другим главным кандидатам — Майклу Дукакису и Джесси Джексону; (б) для Горбачева использовались стенограммы 20 речей и 27 интервью в период с 10 декабря 1984 г. по 7 декабря 1988 г. Эти две подборки материалов мы будем называть «стандартным набором».

Методы, используемые каждым из авторов, отличаются по типу и количеству вербального материала, который они обычно используют, по способам анализа этого материала и по характеру и количеству материалов о других лицах, необходимых для сравнения. Мотивационные показатели, например, обычно стандартизируются через подбор подобных данных как минимум о 30 других лицах. Поэтому в настоящем исследовании некоторые авторы производили подбор из стандартных наборов или добавляли материалы, которые соответствуют привычкам для них процедурам. Таблица 4 обобщает материалы, использованные для рассмотрения каждой категории личностных переменных.

Таблица 4

Материалы, использованные для подсчета и сравнения личностных переменных

Переменная	Материал	
	подсчет	сравнение
Булл		
Мотивы	(а) стандартный набор кампаний (MGN); (б) речь по поводу выдвижения кандидатуры (DGN); (в) инаугурационное обращение (IGN)	(а) стандартный набор кампаний 1968 г.; (б) речи других кандидатов по поводу выдвижения; (в) другие инаугурационные речи
Убеждения и стиль	Стандартный набор кампаний	Стандартный набор кампаний; набор из 53 мировых лидеров
Операционный код	Внешнеполитическое высказывание из стандартного набора кампаний	Внешнеполитическое высказывание из стандартного набора кампаний
Личностные качества и межличностные зачатки	Выборка из стандартного набора кампаний	Выборка из стандартного набора кампаний; выборка о президенте американских президентов
Горбачев		
Мотивы	(а) стандартный набор (MGN); (б) избранные интервью из стандартного набора (DGN); (в) первый доклад на съезде КПСС (IGN)	(а) набор из 53 мировых лидеров; (б) интервью с 52 лидерами; (в) соответствующие доклады Ленина и Брежнева
Убеждения и стиль	Стандартный набор	Набор из 53 мировых лидеров
Операционный код	Избранные параграфы из стандартного набора	Нет явных сравнений
Личностные качества и межличностные зачатки	Выборка из стандартного набора	Выборка из соответствующих американских президентов; выборка (исследования) из других советских лидеров

Для измерения мотивов Буша Уайтер использовала два источника: (а) показатели речи 12 октября 1987 г., в которой объявляется о выдвижении кандидатом, интерпретированные в сравнении с подобными речами 13 других основных кандидатов в 1988 г.; и (б) интитурационное обращение 29 января 1989 г., интерпретированное в сравнении со всеми предложениями интитурационными речами от Джорджа Вашингтона до Романа Рейгана. Мотивация Горбачева также рассчитывалась на основе двух источников: (а) из стандартного набора были просчитаны четыре интервала за апрель—октябрь 1985 г. (первый год в должности) и два интервала за декабрь 1987 — июль 1988 г., т.е. время, когда все главные направления его политики определились. Они интерпретировались в сравнении с показателями подобных интервалов 23 других лидеров; (б) для сравнения Горбачева с предшествовавшими советскими лидерами его первый после получения должности генерального секретаря доклад на съезде КПСС был просчитан в сравнении с такими же речами Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева¹.

Характерными чертами убеждения, когнитивные и эмоциональные стили, мотивы аффилиации и власти на основе полного стандартного набора. Исходные материалы о Буше интерпретировались в сравнении с аналогичными материалами о Дукakis и Джексона; о Горбачеве — в сравнении с аналогичными материалами из набора 53 мировых лидеров.

Уайтер измеряла операциональный код Буша через рассмотрение внешнеполитических высказываний по таким вопросам, как Ближний Восток, Южная Африка, американо-советские отношения, контроль над вооружением и коммунистические митинги в Западном полушарии в сравнении с подобными высказываниями Дукакиса и Джексона (проводя, как минимум, порядковое сравнение). Для Горбачева он использовал случайную выборку из 107 параграфов (упорядоченных по номеру или теме) из стандартного набора. Показатели Горбачева прямо интерпретировались без сравнений, так как к моменту завершения последнего кодирования все элементы атрибутов и черт личности были оформлены в виде пар бинарных альтернатив.

Уайттрауб измерял личностные качества и механизмы защиты на основе 6000 слов, отобранных из стандартного набора Буша и шести интервью из стандартного набора Горбачева. В обоих случаях показатели интерпретировались в сравнении с аналогичными показателями семи постсоветских американских президентов. Кроме того, Буш сравнивался с Дукакисом и Джексоном, а Горбачев — с набором из славянских политических лидеров.

Методологические проблемы

Мы задумали это исследование как попытку приблизиться к цели создания стандартной таксономии для описания личности на дистанции.

Очевидно, что разнообразие материалов, использованных разными (а иногда даже одним) авторами, не способствует достижению этой цели. Даже если такое разнообразие приводит к определенной методологической «слабости» и возможным затруднениям, мы полагаем, что совпадение результатов, полученных с помощью разных методов и материалов, в данном случае является существенно важным.

Необходимо обратиться к двум более специфическим методологическим проблемам. Для измерения таких переменных, как мотивы, убеждения и стиль, категориальная согласованность между теми, кто осуществляет подсчеты, и экспертами, а также только среди подсчитывающих обычно рассчитывается формально, стандартное требование для любой переменной — 0,85 или выше. В то же время вербальные стилевые измерения личностных качеств определяются объективно, формальные показатели согласованности среди подсчитывающих (*inter-assessor agreement*) тщательно не выводились. Анализ операционального вида предполагает более целостную интерпретацию всего вида рассуждений говорящего, также без каких-либо формальных показателей согласованности.

Материал по Горбачеву, несомненно, переводился с русского на английский (в некоторых интервью через третьи языки). В предшествующих исследованиях предполагалось, что для данных систем подсчета процедура перевода вызывает незначительные отклонения.

Результаты

Таблицы 5–8 представляют результаты расчета и анализа данных по каждой из категорий и личностных переменных, описанных в табл. 1. Для каждой переменной в таблицах содержится как исходные данные, так и сравнения с соответствующими группами, которые описаны выше. Мы будем продвигаться от категорий к категориям, представлять результаты, делать выводы и прогнозы, основанные на предыдущих исследованиях. В последней таблице мы объединим все результаты, выводы и прогнозы в интегрированные персональные портреты Буша и Горбачева.

Мотивы

В таблице 5 представлены результаты расчета мотивации Буша и Горбачева. Мотивы аффирмации и власти измерялись двумя различными способами, используя различные наборы интервью и речей, в сравнении с разными группами других политических лидеров. Для упрощения сравнения этих данных в таблице представлены средние значения и отклонения от стандарта для оценки каждого мотива.

Таблица 5

Мотивы Буша и Горбачева

Мотив	Иссле- дование	Буш			Горбачев		
		Речь, или сравне- нение ²	Показатели		Речь, или сравне- нение ²	Показатели	
			исход- ные ³	сравне- ние ³		исход- ные ³	сравне- ние ³
Достижения	DGW	ACS	6,76	61	SS	3,82	59
	DGW	IA	7,85	68	CP&U	5,45	60
средний				60H			60H
SD				1,5			0,5
Аффилиация	M&H	WL	0,18	66	WL	0,20	68
		DBB		53	BPM		58
	DGW	ACS	4,64	62	SS	3,81	69
		IA	10,81	83	CP&U	1,27	50
средний				66H			61H
SD				10,9			7,8
Власть	M&H	WL	0,44	72	WL	0,50	77
		DBB		48	BPM		38
	DGW	ACS	6,76	51	SS	5,15	47
		IA	6,32	55	CP&U	1,58	39
средний				58M			50M
SD				9,4			15,8

Примечания:

² Речь или/и сравнение с определенной группой; для M&H-анализа: SS — стандартный набор; WL — сравнение с другими 32 американскими лидерами; BPM — сравнение с членами британского кабинета. Для DGW-анализа: ACS — речь о выдвижении кандидатом (сравнение с другими кандидатами 1988 г.); IA — интервью-расхождение; DBB — стандартный набор (сравнение с другими 32 американскими лидерами); CP&U — первый после избрания доклад на съезде КПКС (сравнение с другими лидерами).

³ Процентные показатели фран. процентными в системе образк через M&H-анализ; число образк на 1000 слов в M&H-анализе.

⁴ Стандартные показатели (использованы на сравнении с группами, указанными в примечании к «²»); M = 58, SD = 10. Для средних показателей H — высокие (для SD или более от среднего сравнительного уровня); M — средние (в пределах среднего сравнительного уровня SD).

Несмотря на различие методов, результаты предлагают достаточно ясные и содержательные мотивационные профили каждого из лидеров. У Буша высокие показатели для мотивов достижения и аффилиации, но для мотива власти — лишь немного выше среднего (в сравнении с други-

ми американскими кандидатами 1988 г и президентами — средние; лидерами других стран — высокие). Мотивационный профиль Горбачева — высокий уровень мотивов достижения и affiliation и средний власти — подобен в значительной степени. Как и в случае Буша, сравнительные показатели зависят от группы сравнения. В сравнении с другими советскими лидерами мотив власти у Горбачева не развит, но в сравнении с другими мировыми лидерами данный показатель средний (Уинтер) или высокий (Херрманн)¹. Это свидетельствует о том, что как группы советские и американские лидеры более мотивированы властью, чем мировые лидеры в среднем.

Сравнение с другими американскими президентами и мировыми лидерами. Уинтер предложил, что мотивы власти, достижения и affiliation могут быть кансидуализированы как три прямоугольных (*orthogonal*) измерения, причем чем больше следствие мотивационных профилей двух любых лидеров, тем меньше пифагоровское расстояние между двумя «точками», представляющими показатели их мотивов. По этому критерию² Буш и Горбачев очень похожи и каждый из них похож на Ричарда Никсона больше, чем на любого другого американского президента. В сравнении с другими мировыми лидерами Горбачев ближе всего к норвежскому королю Хусейну, Энрико Берлингеру (лидер итальянской коммунистической партии с 1972-го до 1984-го, год его смерти), аргентинскому генералу (впоследствии президенту с 1976-го по 1981-й) Хорхе Виделе и бразильскому генералу (впоследствии президенту с 1974-го по 1979-й) Эрнесто Жилету. Менее всего он имеет общего с италийкой Хомейни и лидером СВАПО Сэмюэлом Пуджольем.

В чем польза таких сравнений? Характеристика Буша как «ученика Никсона», а Михаила Горбачева как «социалистического Никсона» может быть увлекательной статистической забавой, но есть ли в этих сравнениях какая-либо существенная практическая польза? Следствия мотивационных профилей могут привлечь наше внимание к более глубоким следствиям стилей и поведения. Так, Горбачев, как и Никсон, уберет свою страну от разрушительной третьей мировой войны и искал объединения со старыми врагами. Как Хусейн и Берлингер и в отличие от Хомейни, Горбачев избрал прагматический курс реалистичного компромисса на миномном поле волеизъявления идеологических и теоретических разногласий. Как и Никсон, Буш негативно реагирует на личную критику и выбирает узкую грань между подозрительностью и желанием вести переговоры о сокращении вооружений.

Кроме того, эти сравнения могут предупредить нас о возможных затруднениях и опасностях. Будут ли Буш и Горбачев чувствительны к складываю? И если их необыкновенная гибкость откажет им, будут ли они упорствовать в осуществлении дискредитированной политики? Так, генералы Видела и Жилет оба исходили из желания преодолеть бюрокра-

тические преграды и усилить экономический рост, но труднорешаемые проблемы, неудовлетворенность и отчаяние впоследствии приводя их к принятию авторитарных решений — «грязных войн» против собственных народов вместо открытого атак на внешнего врага.

Предсказания на основе показателей мотивации. Говоря языком наших предыдущих дискуссий, исследований мотивации, профили Буша и Горбачева позволяют предположить, что они будут рационально взаимодействовать (высокие показатели мотивов аффилиации и достижения), проявят заинтересованность в максимизации совместных результатов больше, чем в эксплуатации других (низкий уровень мотива власти). Они выберут стремление к соглашению по ограниченно возмущений (высокий уровень мотива аффилиации) и вряд ли будут агрессивны в преследовании своих политических целей (средний уровень мотива власти). С другой стороны, они чувствительны к таким понятиям, как дружба и разрыв отношений (высокий уровень мотива аффилиации). Под действием стресса они могут становиться неустойчивыми и занимать защитную позицию, особенно если воспринимают другую сторону как угрожающую или эксплуатирующую. Если в этом случае их загнать в угол, они могут ответить необдуманной и примитивной враждебностью.

Настроения и стили

В таблице 6 представлены показатели когнитивных переменных, измеренных по методикам Хермана. Опыт же результаты отличаются в зависимости от того, какие группы сравнения использовались. В сравнении с мировыми лидерами (вытяжка в более широком наборе) показатели Буша и Горбачева высоки в национализме, недоверии и концептуальной сложности¹. Высокие показатели концептуальной сложности предполагают, что Буш и Горбачев оба способны различать альтернативные приоритеты, направления политики и точки зрения, а затем интегрировать эти разрозненные элементы в сложные обобщения высшего порядка. И Буш, и Горбачев имеют устойчивую националистическую ориентацию и склонность к недоверию. (Это недоверие может быть языком самозащиты, которую проявляют люди, мотивированные аффилиацией в некомфортных для себя ситуациях.) У большинства подозрительность и национализм сочетаются с упрощенным, черно-белым мышлением. В случаях Буша и Горбачева эти тенденции смягчены высокой концептуальной сложностью. Таким образом, они могут компенсировать антигигиенические, «патристические» проблемы, приводя тонкие различия и сложные обобщения, т.е. с помощью интеллектуализации.

Средние показатели Горбачева по убежденности в контролируемости событий, уверенности в себе и инструментальному акценту соответствуют лидеру, который действительно способен к непрерывной антиинстинктивной работе. (Для советского лидера, одиноко, Горбачев делает большой

Таблица 6

Убеждения и стили Буша и Горбачева

Переменные	Буш			Горбачев		
	Исход- ные данные*	Сравнительные данные**		Исход- ные данные*	Сравнительные данные**	
		выс- шие лидеры	канди- даты 1988 г.		выс- шие лидеры	члены бюро- наркоза/ полит- бюро
Убеждения						
Национализм	0,40	76 M	50 M	0,38	74 H	37 L
Контролируемость событий	0,33	36 L	48 M	0,42	41 M	42 M
Уверенность в себе	0,60	31 L	48 M	0,84	48 M	75 H
Стили						
Кредитурность/ опианность	0,34	64 H	48 M	0,34	64 H	74 H
Надрывные	0,29	69 M	48 M	0,38	66 H	69 H
Инструментальный аппетит	0,47	37 L	47 M	0,61	48 M	20 L

Примечания:

* Процент времени, в течение которого характеристики могли бы проявиться в реальности и действительности.

** Стандартные показатели (основанные на сравнении с группами, различаемыми возрасту половом); M = 50, SD = 16. H — относительно высокие (одна SD или более от среднего сравнительного уровня); M — средние (в пределах одного среднего сравнительного уровня SD); L — относительно низкие (одна SD или более от среднего сравнительного уровня).

акцент на медлительном, а не на инструментальном измерении лидерства.) Низкие показатели Буша по этим переменным, напротив, соответствуют лидеру, немного более сконцентрированному на медлительных эмоциях, который чувствителен к фаталистическому устремлению (или аффилиативному дружескому универсированности), но крайней мере, под действием стресса.

Общая ориентация личности. Показатели по этим переменным (так же как и по мотивам аффилиации и власти) позволяют предположить, что Горбачев имеет разноразличные ориентации в политическом процессе. Предыдущие исследования показывают, что лидеры с такой ориентацией нацелены на улучшение своей нации: экономические, военные или все вместе. Но в силу неуверенности в том, что они или их нация

могут управлять событиями, они постоянно пытаются понять, как другие могут помочь им, и с помощью убеждения выпрашивать эту помощь. С постоянной бдительностью такие лидеры отслеживают тех, кто способен контролировать события, на самом деле кажется, что они узнают о потенциальной выгоде, которую можно извлечь из отношений, раньше, чем другие акторы в международной или внутренней политической системе.

Лидеры, ориентированные на развитие, принимают позицию «контролируемой зависимости»: они используют других, но не ассимилируются с ними, точно так же они не пытаются контролировать или подчинять их. С помощью установившейся дружелюбности и сотрудничества они создают для других чувство комфорта, но только до тех пор, пока это требует умеренных затрат их собственных ресурсов. Беря на себя инициативу, лидеры с этой ориентацией осознают, что они могут работать с другими с целью создания возможностей для себя. Их окончательная цель — это улучшение нации, и они продолжают подталкивать свои правительства к совершению действий, способных приблизить к этой цели. Они не очень терпимы к проблемам или событиям, которые не связаны с этой целью, и к людям, которые не используют свой вес в работе по достижению этой цели.

Будь также близок к развивающейся ориентации; но основная его ориентация — кооперационная, стремление к консенсусу, связанное с моралью и соответствием группе, в которой он работает. Лидеры с такой ориентацией рассматривают себя как представителей народа, которые отражают его нужды и желания, примиряют различия и минимизируют конфликты. Они реактивны, работают над теми направлениями политики, к которым обращаются их последователи. Как объединитель или посредник Будн будет стремиться достичь компромисса и консенсуса среди своих избирателей, позволяя им определять повестку для скорей, чем устанавливать ее самому. Для лидера этой ориентации лучший политический курс — это тот, который обеспечивает наиболее широкую поддержку. Такими лидерами управляют рейтинг популярности. Для лидеров с развивающейся ориентацией, наоборот, «лучший» политический курс — это все, что способствует решению проблемы и улучшению условий существования нации. Таким образом, они движимы видением в развитии, потребности в информации и, наконец, результатом.

Операциональные коды

В таблице 7 представлены характеристики операциональных кодов обоих лидеров. Инкременталист с ограниченными целями, Будн рассматривает мир как потенциально опасный, прибегая к различным вариантам ответных действий, но изначально делая акцент на конфликтном пути (угрозы, наказания). Горбачев воспринимает мир как менее опасный и

Операциональные коды Буша и Горбачева*

Компонент	Характеристика Буша	Характеристика Горбачева
Атрибут личности: Дружественный/ враждебный	Опасный (потенциально враждебные отношения с другими, различные типы оппонентов)	Дружественный (13:0)**
Оптимистический/ пессимистический	Оптимистический	Оптимистический (8:7)
Высокий/низкий контроль	Высокий контроль	Умеренно высокий контроль (5:3)
Восхищающий/ ограниченный	Ограниченные цели	Восхищающие цели (8:0)
Почерк личности: Методы достижения целей	Конфликтный	Смешанный политическо-конфликтный (9:8); позитивный против негативного (15:5); вербальный против действий (12:5).

Примечания:

* Кодифицированная и измеренная отдельно переменная каждого столбца для Буша и Горбачева (см. текст).

** Отношение частот первой альтернативы к частоте второй.

более дружественный, поэтому у него восхищающие и перспективные цели. Он может выбрать как политический (поощрение, награда), так и конфликтный путь, при этом в выборе им ответного действия более проявляются позитивные, а не негативные реакции, а также слова — больше, чем действия. Кроме говоря, Буш неохотно специфицирует угрозы, тогда как Горбачев склонен призывать к добродетели. Оба лидера оптимистически относятся к возможности контролировать результаты политики.

Личностные качества

В таблице 8 представлены показатели вербальных характеристик, используемых Уайттраубом для ранжирования личностных качеств. И Буша, и Горбачева отличает «обязательный» межличностный стиль (высокий показатель прямых обращений и риторических вопросов). Высокие показатели Буша по отрицаниям и употреблению местоимения «я», однако, говорят о том, что его стиль имеет оттенок оппозиционности и пассивности. Эмоциональные стили Буша и Горбачева — в высокой степени выразительные, но по-разному. Бушу свойственны персонально

Таблица 8

Личностные качества и механизмы защиты Буша и Горбачева

Переменная	После-военные президенты США	Буш			Горбачев	
	индивидуальные данные ^a	индивидуальные данные	сравнительный CSE	сравнительный USP	индивидуальные данные	сравнительный USP
Использование «я»	25,0	47,9	H	H	11,8	L
Использование «мы»	19,0	19,4	L	L	19,3	M
Отрицание «но/хотя»	1,4	4,6	H	H	0,9	L
Использование «если»	2,0	3,5	H	H	0,9	L
Выражение чувств	3,0	4,0	H	M	1,8	L
Ценностные критерии	9,0	15,0	M	H	12,4	H
Прямые обращения к аудитории	2,0	4,2	H	H	3,1	M
Выразительные наречия	13,0	12,9	M	M	21,4	H
Риторические вопросы	1,0	2,5	H	H	2,5	H
Отрицание	7,0	10,9	H	M	7,4	M
Отрицание	12,0	15,2	M	M	13,1	M
Объяснение	5,0	3,5	L	L	5,1	M
Смещение	11,0	9,0	M	M	6,3	L
Безличные обращения	750,9	543,5	L	L	854,1	L
Творческие выражения	2,0	4,0	M	M	1,3	L

Примечания:

^a Частота из 1000 слов.^{aa} Группы сравнения: CSE — кандидаты 1988 г.; USP — действующие американские президенты.

выразительные вербальные характеристики. Выразительность Горбачева, напротив, основана на менее персональных характеристиках, которые требуют интенсификации и обдумывания (ценностные критерии, усилитель-

ные наречия, прямые обращения, риторические вопросы). Таким образом, обаяние Горбачева проявляется при контролируемом выражении чувств; коротко говоря, он *осознающийся политик-актер*.

Ни Буш, ни Горбачев не имеют высоких показателей тревожности (средний уровень отрицаний, обесценений и смягчений), но, возможно, Буш более подвержен депрессии (высокое отношение «я» к «мы», прямые обращения, низкий уровень безличных обращений). Оба лидера особенно чувствительны к критике (высокий уровень отрицаний и неопределенных критериев, а для Горбачева еще и усилительных наречий). В этом случае для Буша вероятны проявления гнева (высокая частота употребления «я» и «мы», а также отрицаний), в то время как для Горбачева — стремление брать под контроль проблемы (частые прерывания и прямые обязательства).

По стилю принятия решений Буш достаточно импульсивен (низкий уровень смягчений и высокий — отрицаний). Иногда лидеры этого типа могут оказываться парализованными нерешительностью в критических ситуациях. Горбачев более гибок (средний уровень отрицаний). Его интуитивные показатели по смягчениям могут говорить об импульсивных тенденциях, хотя это частично может быть следствием поспешных ответов на некоторых интервью заранее подготовленных вопросов. Творческие показатели Буша — умеренные, Горбачева — низкие. Это означает, что Горбачев в поиске новых идей и принятии решений опирается на других.

В общем, оба лидера общительны, экспрессивны, а также, возможно, импульсивны и склонны к проявлениям гнева. Ни один из них не тревожен, хотя Буш в некоторых случаях подвержен депрессии. В более широкой оценке, по экстраверсии—интроверсии и стабильности—невростичности каждый из них может быть классифицирован как стабильный экстраверт, с немного большим у Горбачева и немного меньшим у Буша показателями по обеим измерениям.

Обсуждение: портреты личности, прогнозы и политика

Буш и Горбачев: портреты личности

В таблице 9 показатели, представленные ранее, объединены в критические портреты личностей (Буша и Горбачева). В первую очередь оба движимы мотивами достижения и affiliation, т.е. стремлением к превосходству, улучшению и обновлению, а также дружескому сотрудничеству в большей степени, чем к власти и инсинуации. В глубине души оба немного подозрительны и националистичны, эти характеристики в случае угрозы могут обостриться под действием мотива affiliation. Однако, как правило, оба способны распознавать и вести дело со сложными вопросами, что требует их подозрительности и национализма под контролем.

Портреты личности: Буш и Горбачев

Параметр личности	Буш	Горбачев
Мотивы	Достижения и аффилиация; власть — умеренно	Достижения и аффилиация; власть — умеренно или мало
Убеждения	Недоверчивый национализм; не высокая когнитивная сложность; частичная контролируемость событий; низкая уверенность в себе	Недоверчивый национализм; не высокая когнитивная сложность; контролируемость событий; высокая уверенность в себе
Стиль	Склонен делать акцент скорее на людях, чем на задании	Склонен делать акцент на людях и задании
Операциональный код	Мир опасен; ограниченный цели; использование конфликта	Мир дружелюбен; всеобъемлющие цели; использование как позитива, так и конфликта
Личностные качества	Эмоционально экспрессивен; не трезовен; подвержен депрессии и раздражительности; чувствителен к критике; плохие реакции; импульсивен; умеренно стабильный экстраверт	Эмоционально сдержан; не трезовен; не подвержен депрессии; чувствителен к критике; реагирует на ситуацию; стремится взять ее под контроль; в некотором смысле импульсивен; стабильный экстраверт
Общая характеристика	Посредственность/интегрирующая ориентация (дополнительная ориентация на развитие/управление)	Ориентация на развитие/управление

Буш выражает свои эмоции открыто. Он может быть непредсказуем, эпизодически его поведение импульсивно, что сочетается с периодами депрессии и бездеятельности. В этих обстоятельствах его конфликтный личностный почерк может проявиться. Горбачев также экспрессивен, но умеренно. Обладая более развитым эмоциональным контролем, он оптимистичен и способен длительное время прилагать усилия, применяя главным образом позитивный вербальный «личностный почерк», который уравнивает позитивные и конфликтные средства. Оба лидера — достаточно стабильные экстраверты.

Горбачев в силу своей ориентации на развитие сосредоточен на решении проблем и поиске путей улучшения жизни; чтобы добиться этого,

он будет искать информацию и приближать тех, кто способен помочь. Хотя Буш и обладает некоторыми характеристиками развивающейся ориентации, более устойчивая ориентация на интеграцию / посредничество приведет его скорее к принятию идей и мнений других, чем к формированию собственной повестки дня.

Предсказание политических последствий

Сотрудничество. Рассматривая эти портреты в свете предыдущих дилемматических исследований политического лидерства, мы можем охарактеризовать Буша и Горбачева как лидеров, которые хотят быть миротворцами, нацелены на развитие и не склонны к достижению политических целей с помощью войны и насилия. Вероятно, они будут составлять во внешней политике скорее курс на взаимозависимость, чем исключительную политику. Этот вывод подтверждается их мотивационными и когнитивными (убеждения) профилями и личностными качествами.

В отношении Горбачева наш анализ подтверждает точку зрения Холланда и Лангольда о его ориентации на сотрудничество, а не традиционалистские интерпретации Никсона и Кузбля, цитируемые в начале статьи.

Большинство материалов о Буше как президенте также подтверждает эту точку зрения. Очевидное исключение, вторжение в Панаму в декабре 1989 г. — в свете этой интерпретации можно оценить как выражение импульсивности Буша, а не следствие постоянного стремления к власти и превосходству. На самом деле бездельность Буша во время попытки переворота в Панаме в октябре 1989 г. и вторжение туда два месяца спустя отражают наличие альтернативных тенденций, направленных на пассивность и бездельность, с одной стороны, и импульсивность — с другой. Наши результаты согласуются с тем, как описывает стиль Буша Даффи: «очень лоялен к людям, больше, чем к идеям», «реактивен» (развитый мотив affiliation), «рыскает... только после того, как тщательно изучит альтернативы», «не выдает идеологических убеждений», «считает, что почти обо всем можно вести переговоры» (развитый мотив достижения), «презентует свою волю среди тех, с кем взаимодействует, а не с помощью обращений к общественному мнению» (развитый мотив affiliation, умеренно развитый мотив власти).

Переговоры. С учетом установки на сотрудничество можно ли сказать о том, что будет, когда Буш и Горбачев действительно встретятся на переговорах? Несомненно, что переговоры высокого уровня тщательно организованы и планируются особым персоналом, который ограничивает вероятность влияния личностных качеств лидеров. Тем не менее представляет интерес исследовать лабораторными исследованиями мотивации и поведения на переговорах на реальность с целью дать оценку тому, каков может быть это влияние, даже если оно незначительное и ограничено.

Почти всегда, когда нужно торговаться, люди, мотивированные достижениями, в переговорах устойчиво ориентируются на сотрудничество. В играх на симуляции международных отношений у них наиболее высокие отношения актов сотрудничества к конфликтным актам. Им не свойственны «слепые действия», и в то время как в игровых «эпизодах» могут лгать, они склонны говорить правду в прямых обращениях. Эта тенденция усиливается их общей ориентацией на развитие. (Люди с преобладающим мотивом власти, напротив, наиболее склонны к эксплуатации в конфликту.) Далее экстраполируя (возможно чрезмерно) результаты этих лабораторных исследований, мы можем ожидать от Буша и Горбачева на основе их предрасположенностей установки на сотрудничество в переговорах для достижения обычных практических и максимизации социальных результатов. С другой стороны, мотив affiliation играет более сложную роль в переговорах, что зависит от степени угрозы в «матрице последствий» и восприятия контрагента как подобного себе. При низкой угрозе и в окружении людей с подобными установками и дружественным по статусу (т.е. «срульками») люди, мотивированные affiliation, совершенно готовы и готовы к сотрудничеству. При большей угрозе, а также при контакте с незнакомыми, неизвестными или недружественными людьми («врагами») они могут становиться подозрительными; их самозащита, возможно, отражает как их страх быть отвергнутыми, так и инстинктивное недоверие и чувствительность к критике.

Люди, движимые мотивами достижения и affiliation, на переговорах оправдывают свой выбор «стратегией» и «обязанностью» (но не «жадностью»). Они склонны рассматривать партнера скорее как «сотрудника» и «помощника», чем как «соперника», «уступающего» или «агрессора» — правда, в отдельных случаях с негативным оттенком — как «конкурента».

Наконец, их общие ориентации на развитие (Горбачев) и посредничество (Буш) — практически идеальный фон для сотрудничества: Буш стремится к широкому консенсусу, а Горбачев согласен обеспечить его в обмен на помощь в развитии.

Изменения и реформы. Оба лидера столкнулись со стремительно меняющимися международными и (особенно Горбачев) внутренними условиями, создавшими необходимость в реформах и новом политическом курсе. Их высокие показатели по мотиву достижения делают это возможным, но вместе с тем и составляют одну потенциальную проблему. Во-первых, как показывают лабораторные и полевые исследования, люди с высоким развитой мотивацией достижения склонны чрезмерно оптимистично оценивать, если это не признаны результаты. Например, они склонны собирать новую информацию и, как результат, недооценивать свое поведение. Пример из политической истории — это немкиня, индигенизированные мотивированным достижением Ричардом Никсоном,

в американской внешней (открытость в отношениях с Китаем, перемирие с Советским Союзом) и внутренней («Новая экономическая политика» 1971 г.) политике. Эта *слабость к конструктивному провалу* является отчаянной в словах и делах Горбачева с 1985 г.

Среди американских президентов XX в., однако, мотив достижения существенным образом совпадает с тем, что Барбер назвал «активно негативным» типом — т.е. демонстрация над действиями стресса, ведущей к поразительно неустойчивости или нежеланию отказаться от очевидно провальной политики. Барбер приводит примеры Вильсона, Гувера, Девсона и Никсона, каждый из которых имел высокие показатели мотива достижения. Даними Картер, также с развитой мотивацией достижения, демонстрировал подобную неустойчивость и слабость. Несомненно, этих лидеров не упрекнуть в недостатке способности видеть, т.е. оценивать ситуации и предсказывать последствия.

Кроме того, если эти лидеры обладали видением, основным на мотиве достижения, почему они временами игнорировали знаки неудачи и упорно продолжали дискредитированный политический курс? Я полагаю, что их ригидность объясняется частным *ограничением контроля над осуществляемыми планами*. Политический процесс вовлечен в реальные политические изменения: поиск компромисса по принципу «лучшее из меньшего, да лучше» (по Саймону — «удовлетворение», а не «оптимизация»); многократные переговоры с нестрогими и децентрализованными группами с целью добиться их одобрения; делегирование властных полномочий людям сомнительной компетентности, которым сам не выбирал и которым не доверяешь. Все это вынуждает ощущать чувство ограниченного контроля над осуществлением политики.

Для лидеров с высоко развитым мотивом достижения и низким уровнем мотива власти такая нехватка личного контроля над процессом достижения будет исправима, так как обычно они стремятся брать личную ответственность за последствия¹. Следовательно, чтобы сохранить чувство личного контроля над последствиями, они должны: (1) делать демократические обращения к «народу» через газеты «наплеватель» (как Вильсон), (2) выходить на мораль (как Никсон), (3) глубоко погружаться в мелкие детали или осуществлять «микроманеврирование» (как Картер). Их перспективы становятся зловещими, неудовлетворенность увеличивается, и они попадают в ловушку. Учитывая мотивационные показатели Буша и Горбачева, *проблемы фрустрации, связанной неполнотой деятельности и перепада на микроманеврировании* потенциально способны возникнуть для них.

Политические взгляды, однажды провозглашенные, могут быть ретранслированы только в политическом процессе, для успеха в котором, вероятно, нужно обратиться к мотиву власти. Для лидера с мотивацией власти построение альянсов посредством компромисса, переговоры, оказание

поддержки и тщательный контроль за делегированной властью и являются самой сутью власти — это удовлетворяли сами по себе, а не болезненные отвлечения от более серьезных задач. Если от лидера с низким или средним уровнем мотива власти нельзя ожидать удовлетворенности от выполнения этих необязательных функций, возможно, он может поручить их более мотивированным властью заместителям. В данном случае важно отметить мотивацию окружающих Буша и Горбачева — таких людей, как Джеймс Бейкер и Александр Яковлев, которого Лейпхед назвал «вторым в Горбачева».

Другая сторона политического процесса — провозглашение политических взглядов перед народом. Изначально это предполагает возбуждение народного энтузиазма. Но никакие политические идеи не могут быть реализованы мгновенно, так что лидеры должны поддерживать народную энергию и выводить мосты между неизбежными периодами потери или трудностей с постоянной готовностью приносить жертвы. Такого рода ситуации требуют харизматических лидеров, Франклин Рузвельт и Черчилль — это живые исторические примеры, которых высоко развитый мотив власти вел к поиску путей оказания воздействия на других, что является частью ориентации на экспансию или влияние (см. табл. 2).

Рассматривая ситуации и лидерские ориентации Буша и Горбачева, мы можем говорить о том, что любое размышление консенсуса, затянутающиеся трудности или провал целей развития могут создать условия для появления авторитарных лидеров с высоким уровнем мотива власти, которые будут в большей степени способны провозглашать свое видение и тем самым возбуждать народный энтузиазм и энергию. Из истории известно, что опасность харизмы состоит в том, что, возникнув, она выходит за рамки своих предполагаемых каналов и выливается в агрессию по отношению к другим.

Политическое значение. Возможно, всегда важно так строить переговоры, чтобы стороны правились друг другу. В переговорах между лидерами с развитым мотивом аффилиации (каждый из которых склонен к кооперации и национализму), однако, особенно важно убедиться в том, что из инициативы получаются друг о друге благоприятные: (1) что партнер воспринимается как искренний и (2) что согласие по незначительным вопросам будет использоваться для создания впечатления о наличии более широкого и основополагающего согласия, которое даст новый импульс. Поэтому предостеречь медленно и осторожно — мудро. Для каждой из сторон причиной осторожности является не вопрос о том, действительно ли другая сторона достойна доверия, а о том, будет ли она использована как таковая. По поводу эти политические предостережения для лидеров с развитым мотивом аффилиации подобающим образом отражены в советах Ричарда Никсона, у которого был очень высокий уровень этого мотива и который известен своей «колечной» защитной позицией,

которую он занимал в присутствии «врагов» и чьи слова о Горбачеве приведены в начале этого текста:

«Народы Соединенных Штатов и Советского Союза могут быть дружными. Но различие наших политических систем — различие — нем... Историческая миссия Горбачева — провести реформы, которые ускорения для различия».

С учетом важности этих первых символических шагов, постоянной и обоюдной склонности к переходу в «колочей» защитной позиции некоторые изменения в американско-советском диалоге в начале 1989 г. выглядят необлагодетельствованием. Например, в мае министр обороны Чейни предсказывал в телевизионном интервью, что Горбачев «исторически провалится, т.е. окажется неспособным реформировать советскую экономику... И когда это произойдет, то его скорее всего сменит кто-то более враждебный». Две недели спустя пресс-секретарь президента Фицджеральд оценил предложения Горбачева о сокращении вооружений «выбрасыванием, на кофейный столик, одного предложения о контроле за вооружениями за другим».

С другой стороны, нарядом на мальтийском саммите 1989 г. демонстрирует более позитивный путь реагирования на чувствительность такого рода. В первый же день саммита Горбачев пожаловался на постоянные утрачивания Буша о том, что перемены в Советском Союзе означают принятие «западных» демократических ценностей. Демократия — утверждал Горбачев — это универсальная ценность; слова Буша имеют оттенок, который унижает его самого и советский народ. Буш ответил, что он никогда не думал об этом, но с тех пор обогатил прилагательного «западный», говоря о «демократических ценностях».

В силу того, что оба лидера обладают способностью провозглашать и концептуализировать перемены, но имеют проблемы с их осуществлением, каждый из них будет стремиться создать себе для этого команду и лишь соратников, которые позволят им наслаждаться политикой в своем смысле и ради себя. В идеале эти соратники должны быть неоспоримыми к недовольному национализму, основательным, а не имитационным, решительными (у Буша) и с творческими способностями (у Горбачева).

Резюме

Предшествовавшее изучение других политических лидеров и лабораторное изучение обычных людей дает повод для оптимизма в отношении того, как личности Буша и Горбачева повлияют на мир и международное сотрудничество, но крайней мере между супердержавами. Их мотивы благоприятны. Их политические ориентации дополняют друг друга почти идеально. Чтобы добиться примирения, интеграции и широкого консенсуса, которых он ищет, Буш, как кажется, готов сказать Горбачеву

помощь в развитии, в которой тот нуждается. Из убеждения в «сверх-
человеческих» кодах в значительной степени совместимы, причем любые про-
блемы (такие как национализм или низкий уровень чувства контроля над
событиями) уступают перед их личностными качествами, когнитивным и
миссионерским стилями.

Главной проблемой для обоих лидеров, вероятно, может стать чувство
неудовлетворенности и слабости, если новые идеи, структурные реформы
и возникающие сомнения увянут в тисках политической оппозиции.
С учетом сложностей в экономике и национальных отношениях в Совет-
ском Союзе эти проблемы скорее всего особенно актуальны для Горбачева,
потя и американская экономика в длительной перспективе увянут в этом
же отношении. В таких обстоятельствах эти личности могут быть подвер-
жены фрустрации и депрессии, а в крайнем случае прибегнуть к импульсив-
ному и примитивному насилию. Более того, слабо развитый мотив власти
в комбинации со скрытыми чувствительностью и недовольством может
угрожать продлению их проноски в своих кабинетах.

Саммиты 1989 и 1990 гг., так или иначе, подтвердили наш анализ,
предмонстрировав, что, при условии позитивного начала и особенно
уверенных попыток минимализировать обидное чувство угрозы перегово-
ры между ними могут проходить в атмосфере сотрудничества и вести
к созданию новой структуры мира между сверхдержавами.

Примечания

¹ Парсонс и Бойл полагают, что эти два вида лидерства отражают еще более
фундаментальное различие между «инструментальной» и «спиритуальной» функциями.

² Мы выразили благодарность Донаду Швабгу за подбор этих материалов и
Джанет Мизел за их обработку. Маленков, Андропов и Черненко не включены, так
как они не произносили таких речей на сессии КИСС. Также сложно сказать, могут
ли «Организационный доклад» Сталина в 1928 г. и тем более «Политический доклад»
Ленина в 1918 быть надлежащим образом сравнены с поздними докладами, которые
возникли только в других организационных условиях и при другом политическом
климате. С целью стандартизации, однако, они были учтены, потому что были явствен-
но использованы как некие большие образцы.

³ Организационным источником данных для оценки мотивационного профиля Гор-
бачева были его речи в ООН 7 декабря 1988 г., затем сравнения со средними пока-
зателями двух обращений в ООН Дэвида Кеннеди. Они показывают подобный уровень
мотивации достижения и affiliation и гораздо более низкий уровень мотива власти.
В сравнении с другими американскими президентами интуитивное впечатление
Кеннеди было средним по уровню мотива достижения и высоким в affiliation и
власти. Предполагая, что речи Кеннеди в ООН действительно подобны его интуитив-
ному обращению (на основании которого мы стандартизировали показатели), можно,
как минимум, допустить, что Горбачев имеет относительно высокий уровень affila-
ции и низкой — власти.

⁴ Эти сравнения произведены с использованием интуитивного обращения
Буша и показателей авторства Горбачева (соответственно 1А, и 88 в табл. 4).

¹ Тетлон и Баттлер высказали, что Горбачев имеет высокие показатели по рейтингам, но в то же время довольно низкими показателями коммунистической солидарности. Тетлон также обнаружил, что показатели Буша были низкими, когда он был вице-президентом, и увеличивались до умеренных, когда он стал президентом.

² Барбер говорит об обратном: активно истинные президентские действия активны, активно позитивные — достигаются. В силу того, что это исследование относится к явным поступкам и результатам, а не к скрытым мотивам, нет необходимого противоречия с данным исследованием. Кроме того, одностороннее и одностороннее в понимании Барбера, возможно, отличается от тех, на основе которых проводилось исследование.

³ Для односторонности в ответ на обнаруживание простой вопрос «Почему не лучшее?», который Дэйвид Картер использовал как название автобиографии своей кампании, опытный политик может предложить несколько ответов в духе *тайфойд*: (1) потому что члены Конгресса, иностранные лидеры и другие обладатели права голоса могут иметь свои видения того, что является «лучшим», (2) потому что «лучшее» может быть абсолютно абсолютным сторонником, (3) потому что сторонники и лучшие стороны «лучшего» в обыденной — «лучшее» позитивно через политическое болото, (4) потому что «лучшее» слишком дорого стоит и (5) потому что, чтобы добиться «лучшего», нужно полагаться на нежелательных чиновников, которые от него далеки.

Перевод: В. Горюнов

Дистантное изучение личностей Буша и Горбачева: развитие предсказаний*

Введение

Ранее мы опубликовали на страницах этого журнала дистантные оценки личностей президента Соединенных Штатов Джорджа Буша и советского президента Михаила Горбачева, основанные на систематическом контент-анализе их речей и телеграммах прессо-конференций. Анализ данных был завершён соответственно в июле 1988 г. и марте 1989 г.; сам текст был завершён в июне 1990 г. С тех пор два кризиса — вторжение в Кувейт и последовавшая война в Персидском заливе, рост националистических волнений, военных репрессий и подпольно идущая волна консерватизма в Советском Союзе — привлекли внимание в мире и изменили внутреннюю и внешнеполитическую ситуацию для каждого лидера и его нации. Однако мы чувствуем, что в обсуждениях их в свете нашего прежнего анализа есть погрешка. Слова мы пишем *in media res* (середина февраля 1991 г.). Лучше, чем когда-либо, мы осознаём ошибочности предсказаний: не находимся ли мы в положении ретортора, заранее пишущего историю об «успешном» свадебном путешествии на «Титаник»?

Мы очень хотим избежать опасности чрезмерного упрощения и психологического редукционизма. Война в Персидском заливе и события в Советском Союзе, очевидно, стали результатом множества факторов помимо мотивов, убеждений или личностных стилей Буша и Горбачева. Но все же, несмотря на их структурные и ситуативные предпосылки, оба кризиса требовали, чтобы лидеры определили проблемы и сделали выбор в обстоятельствах, при которых «правильные» реакции были одновременно неопределяемой и противоречивой. Согласно анализу Принстайна, оба кризиса представляли собой ситуации, в которых можно ожидать, что личности лидеров сыграют свою роль. Таким образом, наш более ранний анализ в комбинации с другими факторами может внести вклад в объяснение и понимание этих событий (*development*).

Принимая во внимание вклад истории, социальной культуры и личностей многих контрагентов, что мы в этом случае можем сказать о роли личностей лидеров в каждом из этих кризисов? В таблице воспроизведены кратко портреты личностей Буша и Горбачева из раннего исследования. Читателям следует обратиться к оригинальной статье на

* Political Psychology, 1991, Vol. 12, No. 3.

показателями, на которых основаны эти портреты, ссылкой на констативную валидность этих показателей и подробностями о методе и материалах.)

Таблица

Портреты личности: Буш и Горбачев

Параметр личности	Буш	Горбачев
Мотивы	Достижение и дифференциация; власть — умеренно	Достижение и дифференциация; власть — умеренно или меньше
Убеждения	Недоверчивый националист; не высокая когнитивная сложность; частичная контролируемость событий; низкая уверенность в себе	Недоверчивый националист; не высокая когнитивная сложность; контролируемость событий; высокая уверенность в себе
Стиль	Склонен делать акцент скорее на людях, чем на задании	Склонен делать акцент на людях и задании
Операциональный код	Мир опасен; ограниченные цели; использование конфликта	Мир дружелюбен; всеобъемлющие цели; использование как согласия, так и конфликта
Личностные качества	Эмоционально экспрессивен; не тревожен; поддерживающий депрессии и раздражительности; чувствителен к критике; плавные роли; идеальны; умеренно-стабильный экстраверт	Эмоционально сдержан; не тревожен; не поддерживающий депрессии; чувствителен к критике; ролеует на ситуации; стремится взять ее под контроль; в некотором смысле интуитивен; стабильный экстраверт
Общая характеристика	Посредническая/интегрирующая ориентация (долгосрочная ориентация на развитие/улучшение)	Ориентация на развитие/управление

В нашей финальной характеристике предыдущего исследования сохранились и массажи, и предостережения:

«Есть повод для оптимизма в отношении того, как личности Буша и Горбачева повлияют на мир и международное сотрудничество, по крайней мере между сверхдержавами. Их мотивы благоприятны. Их политические ориентации дополняют друг друга почти идеально. Чтобы добиться признания, интеграции и широкого консенсуса, которые он ищет, Буш, как кажется, готов оказать Горбачеву помощь в разви-

тии, в которой тот нуждается. Их убеждения и операциональные коды в значительной степени совместимы, причем любые проблемы (такие как национализм или низкий уровень чувства контроля над событиями) уступают перед их личностными качествами, когнитивными и межличностными стилями.

Главной проблемой для обоих лидеров, вероятно, может стать чувство неудовлетворенности и слабости, если новые идеи, структурные реформы и возникающие соглашения увянут в трясине политической оппозиции. С учетом сложностей в экономике и национальных отношениях в Советском Союзе эти проблемы скорее всего особенно актуальны для Горбачева, хотя и американская экономика в длительной перспективе уязвима в этом же отношении. В таких обстоятельствах эти личности могут быть подвержены фрустрации и депрессии, а в крайнем случае прибегать к выпустившему и прамитивному насилию.

Мы думаем, что первая, «обнадеживающая», характеристика в значительной степени подтвердилась своими отклонениями между Бушем и Горбачевым в 1990 г., которые имели продолжение и даже развитие перед лицом кризиса в Персидском заливе и советского националистического кризиса. Мы также думаем, что заключительное «предостережение» может помочь нам понять некоторые аспекты поведения каждого лидера во время этих кризисов. Оставшаяся часть статьи — это разработка этого вопроса.

Буш и война в Заливе

Мотивы

В предыдущих исследованиях предполагается, что лидеры с мотивацией власти склонны к войне и агрессии, а те время как лидеры с мотивацией аффилиации стремятся к миру и дружественным отношениям. Тем не менее у Буша были высокие показатели мотива аффилиации (как и мотива достижения) и только средние — мотива власти. Как мы можем объяснить явное расхождение между мотивами (мирными) и результатами (ультиматумы и война)? Некоторые ключи содержатся в лабораторных исследованиях Терриона по мотивации и поведению заключающих сделки (*diplomats*). При благоприятных и безопасных условиях люди с высокой мотивацией аффилиации и достижения действительно сотрудничают для заключения сделок. В условиях угрозы, однако, когда ситуация выглядит как усугубленная партнером на нарушении своего долга (*partnering symptomatic to defect*), люди с мотивом аффилиации наименее склонны к сотрудничеству и наиболее подозрительны и склонны зинать защитную позицию при заключении сделок. Например, в итоге они

предпочитают рассматривать партнера скорее как «конспиротикта», чем «единомышленника» (*felloya nozko*).

Таким образом, люди с таким же, как у Буша, мотивационным профилем склонны быть «миролюбивыми», только если чувствуют себя комфортно, т.е. когда они взаимодействуют с положительными людьми, которые им нравятся. Кажется, что отношения Буша и Горбачева связаны с этим «позитивным» циклом аффилиации. И напротив, люди с мотивом аффилиации дистанцируются от непохожих людей и реагируют на них с неприязнью¹. Буш и Саддам Хусейн имеют различия в культуре, социальном классе, семейном происхождении, религии, языке, целях, интересах и личном стиле. Тем не менее кажется, что Буш поддерживал Хусейна, если судить по судьбоносному решению Хусейна с американским послом вступить до вражеского вторжения в Кувейт. Однако кажется, что это действие ускорило превращение восприятия Бушем враждебности к Хусейну (вместе с тем увеличивая неприязнь и недоверие) и, таким образом, вначале начало «негативного» цикла аффилиации.

Идеология и стиль

Согласно нашим суждениям, многие из убеждений и стилей Буша так же взаимосвязаны с истинным циклом аффилиации и подталкивали его к политике конфронтации и в конечном итоге — к войне в Заливе. Ранее мы отмечали у Буша высокий уровень национализма или этноцентризма и выдающиеся мотивы опасности в конфликте и его «оперативном кодексе». Кажется, что восстановление дружественных отношений с Горбачевым и конец холодной войны не разрушили этих убеждений, а скорее подавили их и повели к новому «врагу» в лице Саддама Хусейна. Таким образом, после вторжения в Кувейт Буш сразу же прикинул к Хусейну ярлык «новый Гитлер», вспоминая о этом демоне из своей собственной военной молодости. С новым врагом мир Буша снова обрел равновесие². При таком образом сформированном восприятии и действительных мотивах Буш не был расположен реагировать на любые возможности для компромисса (например, освобождение Хусейном заложников). Точно так же публичный торг, который устроил Хусейн по поводу возможных переговоров между Бейкером и Алином, возможно, был обречен на его интерпретацию со стороны Буша скорее как принуждающий к чему-либо уловки, чем начальный предложение.

Низкая-средняя уверенность в себе, высокая насильственность и чувствительность к критике (частое использование «якобы», отрицаний и ценностных критериев) Буша в комбинации предполагают друпность чувства самооценки. Провал бюджета осенью 1990 г. сфокусировал его самооценку на необходимости быть «жестоким» — «win factor», для преодоления которого Буш использовал то, что называется *kicking ass*. В сочетании с его импульсивностью (высокий уровень отсроченной и низкой

уровень смягчений) это может объяснить его неустойчивую, агрессивную и высокостероидализированную реакцию на минимальный вызов со стороны Хусейна — реакцию, которая вначале была пассивной, а впоследствии стала вполне определенной.

В осуществлении политики Буша в Заливе, как и в процессе ее разработки, выражается высокий уровень мотива аффилиации, а также другие аспекты его личности. Похоже, немаловажное решение возникло после длительной встречи с британским премьер-министром Маргарет Тэтчер. После этого во время ширококомандитных консультаций в Конгрессе и с экспертами по внешней политике он принял решение о политическом курсе, очевидно, после консультаций с небольшой группой приближенных советников. В самом по себе политическом курсе делался акцент на широкий коалиции мировых лидеров, солидарной и поддерживаемой с помощью личных контактов Буша. Наконец, его операциональный вид, включающий чувство опасности, высокий контроль и конфликт, являлся практически стандартом для операций «Буря в пустыне».

Будущее политика в Заливе

Показатели мотива достижения Буша (высокие, выше, чем мотива власти) подталкивают нас вернуться к одному соображению, выраженному в предыдущей статье. Хотя в лабораторных исследованиях люди с мотивацией достижения часто быстро меняют политический курс на основе обратной связи (*feedback*), среди американских президентов XX в. мотивация достижения существенным образом коррелирует с «активно негативным» типом в классификации Карвера — это означает демонстрацию *low* действиям стресса *self* и *other* и *over* идентификацию или отказ прекратить осуществление очевидно провального политического курса. В число примеров входят Вильсон, Гувер, Дювонсон, Никсон и Картер. Почему эти пять президентов иногда игнорировали нарастающие признаки провала и упорно следовали дискредитированному политическому курсом? Ранее мы высказывали предположение, что неудовлетворенность личным контролем на осуществленном политиком может создать для таких лидеров соблазн прибегнуть к популистской демагогии (Вильсон), пренебрежению этикой (Никсон), микроменеджменту (Картер), вместо того чтобы пойти на бесценные, но необходимые перемены. Их перфектизм превращается, их неудовлетворенность растет, и они попадают в ловушку. В зависимости от длительности и успешности войны в Заливе Буш может оказаться чувствительным к такого рода ретификации, так же как и к депрессии и пассивности, что отмечалось в нашем предыдущем анализе.

Буш и Балтика

С учетом склонности Буша к национализму, недовольно и конфликту в Персидском заливе он (пока что) реагировал на события в Советском

Своего удивительно сдержанно. Конечно, он должен был быть терпеливым с целью сохранить советскую поддержку в Латвии. Однако мы полагаем, что его относительно высокая концептуальная сложность и операциональный код, который допускает существование различных оппонентов, а также признаки отыгранности у Горбачева облачают подобную дифференциацию партнеров и, следовательно, политических курсов. Таким образом, установившийся в 1989-м и начале 1990-х позитивный «цикл аффилиации» между Бушем и Горбачевым, который предполагает симпатию, взаимодействие и полезность, (пока что) продлевается, несмотря на ошибочность Буша изменениями в советской политике. Учитывая наш анализ, мы, однако, не думаем, что этот позитивный цикл неизбежен или защищен от любых опасностей, особенно если последствия конфликта в Латвии начинают платиться и раздвигать их.

Горбачев, прибалтийские республики и «диктатура»

Мотивы

Хотя развитие событий в прибалтийских республиках и более общие признаки «диктатуры», о которых говорил с сожалением в речи по поводу своей отставки бывший советский министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, отличаются от кризиса и войны в Персидском заливе, в них присутствует тот же мотив силового вмешательства для решения фрустрирующей и, возможно, труднопреодолимой проблемы. В силу того что Горбачев также имеет высокие показатели по мотивам аффилиации и дистанции, умеренные — власти⁴ и высокий уровень доверия, много из того, что мы сказали выше о Буше, может также быть применимо к нему. Однако в случае Горбачева наши ранние предсказания были даже более конкретны. Мы отметили сходство мотивационных профилей между ним и королем Нордином Хусейном, аргентинским генералом (впоследствии президентом с 1976 по 1981 г.) Хорхе Видалой и бразильским генералом (впоследствии президентом с 1974 по 1979 г.) Эрнесто Жилсом. «Как и Хусейн, — отмечали мы, — Горбачев избрал прагматический курс реалистичного компромисса на минном поле воинственных идеологических и теоретических разногласий». Однако далее мы предостерегали, что если [его] необыкновенная гибкость откажет [ему], будет ли [он] уступать в осуществлении дискредитированной политики? Так, генералы Видола и Жилс оба исходили из желания продолжать бюрократические преграды и увеличивать экономический рост, но труднопреодолимые проблемы, неудовлетворенность и оппозиция впоследствии приводили их к принятию авторитарных решений — «грязных войн» против собственных народов вместо открытых атак на внешнего врага.

В свете нынешних событий мы думаем, что в этих сравнениях содержится полезная интерпретация того, что происходило в Советском Союзе с конца 1990-го до начала 1991 г. Если успех как «варвары Хусейны» будет недоступен для Горбачева, то возникнет искушение прибегнуть к тактике «Видельны» или «Жиндлы» (1970 г. показал, что даже король Хусейн прошел через этот переломный момент).

Исхождения и стиль

Стремление Горбачева сохранить Советский Союз черпает силу в его высоких показателях национализма (по крайней мере в сравнении с другими мировыми лидерами), а также в мотиве аффилиации под действием угрозы и неудовлетворенном мотиве достижения. Изначально это стремление отличалось гибкостью и прагматизмом и поддерживалось его когнитивной сложностью, оптимистическим операциональным кодом и тенденцией брать сложные проблемы под контроль. Как прагматик, в период осложнения он искал опоры на нужную группировку (или комбинацию группировок), которая могла бы сохранить целостность Союза, при этом подстраиваясь под постоянно меняющийся расклад советских политических и военных властей. По мере накопления неудач и неудовлетворенности такие его личностные качества (как минимум, умеренные), как импульсивность (низкий уровень смягчений) и чувствительность к критике в ситуации, когда он подвергается нападению (высокий уровень осуждений, ценностных критериев, усилительных наречий), подталкивали его к использованию силы.

Горбачев и Залем

То, что мы выше обозначили как «обнадеживающий» аспект личности Горбачева, все еще заметно (пока что) в его реакции на кризис в Персидском заливе. Вначале он сохранил связи с Бушем и поддерживал американское решение, даже несмотря на то что оно было направлено против традиционного союзника Советов. Очевидно, стремясь избежать усиления нападков на Буша и Ирак, Горбачев настаивал на прагматизме и осторожности, что поддерживалось угрозами и поощрениями Ирака, и в конечном итоге убедил Соединенные Штаты согласиться перенести крайний срок, установленный ООН, на 15 дней. Все эти политические меры согласуются с его стилем и операциональным кодом. В середине февраля 1991 г., после нескольких недель войны, он отправил посланника в Ирак с целью ускорить мирные переговоры. Присматривая его поведение, мы обнаруживаем наши мотивы аффилиации и достижения, когнитивной сложности, операционального кода с акцентом на всеобъемлющие цели, уверенность в себе и умение ставить задачи (*goal-setting*).

О предсказаниях относительно политических лидеров в период перемен

Отдавшись назад из февраля 1991 г., мы испытываем чувство, что наши ранние оценки личностей Буша и Горбачева полны для понимания как американской реакции на кризис в Персидском заливе, так и процессов, протекающих в Советском Союзе с июня 1990 г. Несомненно, всегда просто делать «послесказания» или объяснять наличествующие результаты политики. Можем ли мы предсказать будущее конкретнее в июле 1991 г.? Конечно же нет. Почти так же, как и все, мы были удивлены вторжением Ирака в Кувейт. Действия Саддама Хусейна не были предсказаны, и в свете нашего предыдущего исследования они были непредсказуемы. Однако что мы можем сделать — это интерпретировать реакцию Буша, учитывая этот стимул.

Самые полные и удачные предсказания при дистантной оценке личностей политических лидеров принадлежат к категории предположительных — «если/то». В анализе личности Горбачева нельзя было спрогнозировать ситуацию в прибалтийских республиках. Но можно было спрогнозировать, что при столкновении с угрозой определенного вида лидер с такими личностными характеристиками, как Горбачев, отреагирует, вероятно, некоторым конвентинируемым образом. И наоборот, если такой анализ может описать лидера с такими личностными характеристиками, как Буш, — ориентированного на мир и рациональное сотрудничество, он также может указать на обстоятельства, при которых такой лидер, вероятно, вступит в войну.

Примечания

¹ Здесь можно противопоставить Буша и Франклина Рузвельта (высокий уровень власти и интел — официальный), который испытывал дискомфорт при переговорах с лидерами других людей.

² Как это выразил историк Стивен Эйзنهاу, это был первый кризис после холодной войны, к которому ничего из данных, которыми он пользовался всю жизнь, не имело отношения.

³ Барбер утверждает обратное: истинно истинными предсказаниями движимы власть, а истинно ложными — стремление к достижению.

⁴ В то время как у него средние показатели образа, связанные с мотивом власти, высокий отклик «опытительных» и предостерегающих мистических предостерегает человека, который получает удовольствие от possession власти, того, кто не одинок своим positionem с истинным.

Политическая социализация подростков в изменяющемся контексте: международное исследование в духе Невитта Санфорда*

Основатели Международного общества политической психологии назвали прямо именем Санфорда, одного из своих коллег, а не премией за исследование по прикладной политической психологии. Потому, как я полагаю, что организация должна подтверждать свою историю и основы, а и решить узнать больше о жизни и деятельности этого выдающегося политического психолога и построить на этом данную статью. Первым ее часть посвящена тому, кем был Невитт Санфорд, и некоторым неожиданным аналогиям с нашей жизнью и действительностью. Затем я описываю методологию и данные, полученные в недавно законченном исследовании гражданского образования, и указываю, ссылаясь на некоторые рукописи Санфорда, обнаруженные в процессе подготовки к публикации, как работа Санфорда со взрослыми и студентами университетов соответствует исследованию IEA и их методам и подходам (Amadeo, Torney-Purta, Lehmann, Husfeldt & Nikolska, 2002; Torney-Purta, Lehmann, Oswald & Schult, 2001; Torney-Purta, Schulte & Amadeo, 1999). Эти параллели включают использование количественных и качественных методов, многомерных и контекстуализированных подходов к исследованию политической социализации подростков и исследуемых групп с крайними моделями ответов. В конце приводятся размышления о том, что я хотела бы обсудить с Невиттом Санфордом в его исследовании и политической социализации, если бы он был еще жив, и о путях, которыми исследование IEA делает вклад в будущее исследование политической социализации.

Невитт Санфорд, сущность и традиция его работы

Невитт Санфорд родился в 1909 г. После получения учебных степеней в Университете Виргинии и Колумбийском университете Санфорд в качестве докторанта отправился в Гарвард в 1930-х годах работать над тематическим апперцепционным тестом (ТАТ) с Генри Мюрреем. Тут начинаются параллели с моей работой. Я отправлялась в качестве студентки в Гарвард приблизительно 10 годови позже, также увлеченная личностным тестированием, и попросила, чтобы меня прикрепили к Генри Мюррею.

* Torney-Purta J. *Adolescents' Political Socialization in Changing Contexts: An International Study in the Spirit of Nevitt Sanford // Political Psychology* 2004. Vol. 25. No 3.

Вместо этого я была включена в исследование задарки подорожные, предлагала школьникам выбор между мажорным пятизвучным ледником отдачи и минорным деэнтонированным ледником на следующей неделе. Это было далеко от психоаналитических и проективных тестов, и спустя год я переехала в Чикагский университет, где получила степень доктора в области психологии развития человека. Там мои интересам в области психологического тестирования пересеклись с интересом личности на детском этапе развития. Исследование по политической социализации было начато в сотрудничестве с психологом (Robert Neale) и психонетом (David Eason). От предложения ледника к перешла к вопросам типа: «Как вы думаете, беспокоится ли президент о том, что думают люди прежде тебя и твоей семьи?». В результате была написана в соавторстве книга «*Политический усложнение у детей*» (Neale & Toney, 1976). В течение двух лет после получения степени доктора психологии я начала первое исследование гражданского образования в девяти западноевропейских странах, проводимое IEL (Международная ассоциация оценки совершенствования образовательных достижений) (Toney, Oppenheim & Fatten, 1975). Сейчас, в конце моей карьеры, у меня есть возможность руководить исследованием в той же самой сфере и проблематике, где аккумулируется опыт моей деятельности.

Что значит «гражданское образовательное исследование» сдвину в духе работы Смифорда? В ранние годы своей карьеры он участвовал в большом исследовании, «*Антропологическая личность*» (1959), у него было двое немецких коллег — Теодор Адорно и Элис Френкель-Брунсвик, которые бежали от нацизма в Университет Калифорнии в Беркли. Некоторые воспоминания Смифорда об Адорно дают перспективу. В 1986 г. Смифорд писал:

«Мы не видели, как наши количественные и качественные методы (в книге) могут подтвердить некоторые большие теории Франкфуртской школы... [однако] Адорно был самым стимулирующим интеллектуальным ситуацией... Он был очень полезен, когда приходилось придумывать вопросы для шкалы *F⁴*» (с. 211).

Исследование по гражданскому образованию, только что законченное, было основано на сотрудничестве между Университетом Гумбольда в Берлине и Университетом Мэриленда. Мы также наняли членов избирательной комиссии по разработке регламента IEL из Польши, Греции и Италии, которые внесли вклад в разработку вопросов для шкалы F. Другим параллель с Смифордом относится к финансированию. Смифорд отмечал, что грант в 500 долларов лежал в основе «*Антропологической личности*». Он также комментировал, как редко обществоведы старшего поколения успешно сотрудничали в течение пяти лет. Здесь параллели

* *F-scale* или шкала фанатизма — психологический инструмент, предложенный теорией «*Антропологической личности*» для измерения уровня авторитарности.

продолжаются. Они касаются наших относительно скромных финансов для этого исследования (собранных вместе из различных фондов) и наших тесных профессиональных контактов (поддерживаемых в течение десяти лет электронными коммуникациями по методу «горячей линии» через 12 часовых поясов). И наконец, это руководство Стенфордом Дэном Левинсоном (соавтор «Американистики личности»), который позднее возглавляет исследование жизни взрослых. Здесь также существует соответствие, потому что *IEL* взяла на себя обязательство включать в исследование молодых ученых из разных стран.

Стенфорд был назначен профессором психологии в Университет Калифорнии в Беркли в 1940 г., но его и 11 других членов факультета в 1950 г. в эпоху маккартизма уволили за отказ подписать присягу на верность. Оспаривая вывод, в 1966 г. он писал: «Время присяги» научило меня, что то, что сотрудники университета фактически делали согласно присяге, было далеко от сущности их личных склонностей; экономические, социальные и культурные факторы в современной ситуации были часто решающими причинами [с. 312].

Это сформировало его взгляды в политической психологии. Он был реабилитирован Верховным судом Калифорнии в 1959 г. и в 1968 г. основал Институт Райта, цель которого заключалась в междисциплинарном исследовании социальных проблем.

Американистика личности, хотя ее и критиковали, была тем не менее ключевым моментом раннего этапа развития политической психологии. Подход к изучению политических установок и убеждений, который Салливан и его коллеги ассоциируют с семидесятыми годами [Hess & Totney, 1967], в исследовании ментальных сдвиг в развитии подростками политических проблем в 1980-х годах [Totney-Ryba, 1998] помогали в формулировке целей *IEL*-исследования, которое имело дело с более широким диапазоном знаний и познавательных возможностей, установок, убеждений или понятий, также действий или практик, а не концентрировалось на одном из них.

Тогда как четкое разграничение между качественным и количественным исследованиями не вызывало особых споров между Стенфордом и его коллегами 50 лет назад, это исследование является образцом их сочетания, хотя и делает особый акцент на клинических интервью и индивидуальных кейс-стади. Первая фаза единого *IEL*-исследования состояла из серии качественных, структурированных кейс-стади, проводимых учеными, специализировавшимися в области социальных наук, и проводившимися каждой страной. Кроме того, оно было дополнено несколькими фокус-группами и интерес-конференциями, чтобы расширить исследование за счет межкультурных данных по ученикам. Эта фаза была также процессом совместного построения инструментария, что необычно для подобных исследований. Итогом стала книга *Гражданское обращение*

мы: 24 национальных кейс-стади в рамках проекта ИЕА по гражданскому образованию» [Torney-Purta et al., 1999].

Не существует такой вещи, как политическое мышление вне контекста. Следовательно, 29 национальных координаторов исследования сделали отчеты об ожиданиях в отношении гражданских знаний, установок и поведения, каковой по своей стране, и эти отчеты стали основой для построения тестов и интерпретации результатов. Как Стенфорд строил свою работу вокруг проблемы социального изменения, так и для группы ИЕА стимулом к работе — особенно когда исследование стартовало в начале 1990-х — стали коллапс коммунизма и создание новых демократий, чьи лидеры и преподаватели нуждались в изучении компетенций в гражданском образовании. В конце XX в. и в признанных демократиях росла озабоченность в связи с падением интереса к публичным занятиям и участию, особенно среди молодых людей. Однако эта проблема не новая для нашего времени. Стенфорд (1967) нарисовал картину 1960-х годов, довольно отличную от той, которая ассоциируется со студенческой активностью в Калифорнии.

В первом из 14 пунктов, предложенном студентам Стенфордского университета в середине 1960-х, который включал в себя «участие в деятельности, направленной на национальное и международное улучшение», «участие как гражданина в деятельности своего сообщества» и «помощь людям», ни один из этих трех пунктов не был поставлен выше третьего места более чем 11% студентов. Даже движение за свободу слова в Берлин (в течение этого периода) привлекло лишь меньшинство студенческой общины. В ИЕА-исследованиях нередко один и те же координаторы участвовали в количественных и качественных фазах исследования. Более того, мы получили оригинальные вопросы и предложения для пересмотра через несколько лет от преподавателей из многих стран. Это обязательство усилило кросс-национальный по своей сути характер исследования и провело позиции, важные по многим районам мира.

Ценность перспектив респондентов для опросов

Ключевые категории ИЕА-исследования сфокусированы на индивиду и включении психологических процессов в социальный контекст или ситуацию. Исследование использовало модель «многопутная», а также межкультурную теорию и концепцию ситуативного познания, в частности работы Лейва и Венгера (1991) о поведенческих практических сообществах. Последнее внимательное прочтение работы Стенфорда обнаружило следующую цитату 30-летней давности, которая могла быть написана о проекте ИЕА: «Взгляды людей и их самосознания в окружающей среде могут различаться» [Banford, 1970, p. 10]. В начале 1990-х годов он

жество критиковал экспериментальных онлайнных викторин за фрагментирование целостных личностей, которые они исследовала, и рекомендовал им постараться понять, как исследуемые ими люди видят свою окружающую среду [Sanford, 1982]. *АЕА*-исследование основано на полученных от респондентов ответах о том, как они воспринимают свои класс и школу, так же как и на результатах бесед с их семьями и друзьями, данными (где было возможно) эти данные подтверждающей информацией от учителей и других студентов, но мы нигде не допускали, что только учитель или группа студентов имеют правильные мнения.

Во второй фазе (качественной статистической части) исследования, использующей тест и опрос, в центре внимания были ответы и восприятие студентов. Два вопросаника с несколькими вариантами выбора, каждый из которых состоял из 40 пунктов, были преобразованы в общий опросник из 180 пунктов. Один тест был для 14-летних; другой, содержащий некоторые такие же пункты, для — 17–19-летних. Следуя предельным 30 координаторов национальных исследований, эти 40-минутные инструменты концентрировались на понимании учащимися демократических идей и принципов, так же как умений интерпретировать политическую информацию, такую как карикатуры и газетные статьи. Не было исключено ни одного пункта, специфического для какой-либо одной национальной структуры правления. Второй инструмент продолжительностью в один учебный час состоял из намеров их представлений о демократии и гражданстве и измерял установок (известно из них были получены из такого источника, как Глобальное социальное обследование) на политическое участие или пассивку. 11-членная *АЕА* (*иные хорошие theory-based*) шкала знаний и установок имеет сильное психометрическое сходство в разных странах. Данные и результаты по инструментам, описанные в этом разделе, в двух томах. Первый, *«Гражданство и образование в 28 странах: гражданское образование и политическая вовлеченность в 14 лет»*, был опубликован в марте 2001 г. [Torney-Purta et al., 2001]. Он обобщает данные опроса 90 000 студентов в 1999 г. в 28 странах: Австралии, Бельгии, Болгарии, Чили, Колумбии, на Кипре, в Греции, Дании, Англии, Чехии, Эстонии, Финляндии, Германии, Гонконге, Венгрии, Италии, Латвии, Литве, Норвегии, Польше, Португалии, Румынии, Российской Федерации, Словакии, Словении, Швеции, Швейцарии и Соединенных Штатах.

Второй книгой, опубликованной в июле 2002 г., была *«Гражданское образование и вовлеченность: АЕА-исследования студентов высшей школы»* [Aznar et al., 2002]. Она обобщает данные опроса 50 000 16–19-летних, исследованных в 2000 г. в 16 странах: Чили, Колумбии, на Кипре, в Чехии, Дании, Эстонии, Гонконге, Ирландии, Латвии, Норвегии, Польше, Португалии, Российской Федерации, Словении, Швеции и Швейцарии. Обе книги обобщают репрезентативные данные по каждой из стран из-

ченных с общинациональной точки зрения образцов школ и описывают примеры по случайно подобраным классам тех же школ. Собрано огромное количество данных для анализа между и внутри стран. Основные данные по 14-летним и 16–19-летним были опубликованы для вторичного анализа [Lehtinen, 2004].

Многие в недавней работе IEA соотучию размышлениям Стенфорда. Он, конечно, интересовался «демократической личностью», полагал, что для преодоления авторитаризма и достижения независимости мышления «сущущее» должны иметь знания, чтобы противостоять давлению, иметь опыт критического мышления и, наконец, иметь самоуважение и уверенность, что даст возможность противостоять давлению как со стороны власти, так и со стороны ближайшей социальной группы» [Stanford, 1968, p. 845].

Аналогичным образом исследование IEA в начале 1990-х годов было построено на использовании расширенной концепции гражданской вовлеченности, соответствующей демократии. Независимые от каких-либо прямых влияний работы Стенфорда IEA-исследователи приняли в основу элемент, достаточно положому на эту недавно найденную цитату. Этот инструмент исследования включал множественные методы и критерии гражданской вовлеченности. Данный подход противопоставит многим программам, которые стремятся воспроизвести гражданское чувство в молодых людях, опираясь на институты (школы или молодежные организации), но фокусируются на одном результате. Некоторые разработчики программ обоснованы неведением молодых людей и поэтому стремятся повысить их знания о правительственных структурах. Другие мотивированы уменьшением числа молодых граждан, которые не участвуют в выборах, и они стремятся повысить их явку (иногда не учитывая тот факт, интересуется ли избиратель конкретным кандидатом или проблемой). Все еще есть люди, обоснованные снижением членства в гражданских общественных организациях, которые добиваются увеличения готовности молодых стать добровольцами. Поредко та или иная группа выдвигает одну из определенных проблемы, исключая другие (или их комплекс). Одной из главных идей исследования IEA было то, что существует множество типов гражданской вовлеченности. Они, конечно, исключают знания, но также предполагают психологическую вовлеченность (чувство уверенности в том, что от твоего участия в группе что-то зависит) или готовность непосредственно протестовать против несправедливости. Это делает задачу усиления гражданской вовлеченности более сложной, но в то же время более реалистичной.

Если мы посмотрим на пункты, по которым было найдено значительное совпадение среди респондентов, то становится ясно, что профиль убеждений молодых людей о гражданской деятельности меняется. Хотя молодые люди верят, что граждане должны повиноваться закону и голо-

знание, другая конвенциональная политическая активность, такая как членство в политической партии или участие в политических дискуссиях во взрослом возрасте, воспринимается не так хорошо. Вышеуказанные люди выбирают деятельность по защите прав человека, защите окружающей среды и муниципальную активность.

Удивительным различием по странам в шкалах IEA, которые противостоят общепринятым взглядам взрослых (голосование или вступление в партию) с неконвенциональными убеждениями (активностью в правозащитных, экологических и местных движениях). По данным шкал посткоммунистические общества показывают смешанную картину; некоторые из них (например, Польша и Литва) были выше средних международных значений, а другие (например, Греция и Эстония) — ниже их. Вообще говоря, страны, где студенты были склонны разделять ценности социальных движений, сосредоточены в Южной Европе (Кипр, Греция, Италия и Португалия) и обеих Америках (Чили, Колумбия и Соединенные Штаты). Страны, где учащиеся показывали относительно низкие уровни поддержки этих видов активности, выходили из северной Западной Европы (все скандинавские страны, Англия, Германия и Бельгия), а также Австралия. Швеция стоит особняком как страна, в которой учащиеся принимают активное участие в пределах школы, но этот интерес не переносится на политическую среду за пределами школы.

Результаты в Соединенных Штатах также показали особую модель участия: учащиеся чаще, чем в какой-либо другой стране, говорят, что они уже имеют опыт добровольного участия в каком-либо общественном движении, но при этом они реже, чем в других странах, регулярно читают международные новости в газетах.

Необходимость исследования младших подростков

Вопрос об уместности исследования политической социализации подростков обсуждается среди политологов и психологов по меньшей мере 35 лет. Сиффорд также высказался по этому вопросу: «Взрослые определенно не меняются так быстро, как дети, потому что обладают большим поведенческим репертуаром. Если перед ними не стоит выбор, они структурируют так, как делали это в прошлом» [Sanford, 1968, p. 860].

Он продолжал отмечать, что подростковый возраст — это время, особенно богатое возможностями изменения. Одним из источников междисциплинарного непонимания служат убеждения большинства психологов, что все происходящее после 12 лет не имеет особого значения, тогда как политологи убеждены в том, что не так уж и мало все, что происходит до 18 лет. Возможно, здесь все-что меняется. Коновар и Сиринг (2002) обнаружили интерес к формированию граждан, примыкающий противников среди политических философов и биологически ориентиро-

романных политологов, исследующих особенности разных возрастных групп. Салливан, Рэн и Рандольф (2002) в той же книге поддержали исследование подростков:

«Политологи часто высказывают мнение, что поскольку между моделями политического мышления и поведением детей и подростков нет прямой зависимости с поведением взрослых, то исследование политической социализации бессмысленно. Мы думаем, что это чрезвычайно узкая точка зрения. Подростки являются создателями структуры и содержания, мысли и действия, которые предшествуют настоящему... Понимание настоящего не может быть отделено от понимания прошлого и для личностей, и для социальных и политических масс» [р. 33].

Кто-то может подумать, что обнародование данных IEA-исследования для анализа обществознания во всем мире может возродить новый интерес к исследованию политической социализации подростков и очертить роль школы более ясно. [В качестве первого шага в этом направлении см.: Totterd-Parry, 2002.]

Практические ограничения привели к тому, что в рамках IEA-исследования охват делал на изучении скорее четырнадцатилетних, а не более старших подростков. Обязательное образование заканчивается в 15 лет в некоторых странах-участницах, что ограничивало возраст респондентов. Отдаваясь назад после завершения основного анализа, мы убедились, что исследование этой возрастной группы оказалось уместным. Важным выводом IEA-исследования было то, что в 14 лет многие молодые люди уже принадлежат к той политической культуре, которую они разделяют со взрослыми [Totterd-Parry, 2002]. Это лучше всего иллюстрируется двумя шкалами, которые вошли на часто используемые со взрослыми: доверие к социальным институтам и убеждение, что правительство должно брать ответственность, когда оно вмешивается в экономические вопросы. Отличия между странами, где исследовали 14-летних, почти идентичны тем, которые были зафиксированы среди взрослых во Всемирном ценностном обследовании (*World Values Survey*) [Inglehart, 1997]. Например, респонденты IEA в новых демократических странах, включая постсоветские, показали низкий уровень политического доверия; напротив, Дания, Норвегия и Швейцария оказались на пике распределения. По другой шкале четырнадцатилетние в Соединенных Штатах менее, чем в других 27 странах, верили, что правительство должно нести ответственность за регулирование экономики или обеспечение скромного стандарта жизни для безработных. Страны, отмеченными высоко по той шкале, были Болгария и Российская Федерация. Эти восемь, девятиклассники усвоили политические взгляды о доверии правительству и степени, в какой оно должно регулировать экономику, которые соответствуют представлениям поколения их родителей.

Второй интересный аспект данных исследования — это различия, наблюдаемые между средними показателями четырнадцатилетних и девятинадцатилетних учащихся. Во всех 15 странах, где проводилось исследование этих двух возрастных групп, уровень знаний у старших был выше, чем у младших учащихся, на 1/2 стандартного отклонения в тесте в каждый год, также низким уровень доверия правительству [Amadeo et al., 2002; Torney-Purta & Amadeo, 2003]. Мы не заметили бы этих различий в мире, который потерпел неудачу, не поняв важной роли первых и последних лет подросткового возраста в процессе политической социализации, если бы тестировали только старших школьников.

Другая часть доказательств заключается в том, что один из наиболее рано формирующихся идентичностей — пол — уже влияет на политическую активность в 14 лет [Torney-Purta, 2001]. Наиболее поразительное гендерное различие наблюдалось по шкале поддержки политических прав женщин (*Support for Women's Political Rights Scale*), различие близко полному стандартному отклонению в некоторых странах, женщины во всех странах склонны чаще поддерживать эти права, чем мужчины в каждой стране. Женщины также были более склонны поддерживать права иммигрантов, чаще собирают деньги для социальных целей и реже проявляют большой интерес к политике, чаще выбирают такую форму протеста, как блокирование дорог. Эти гендерные различия были по большому счету одинаковыми среди младших и старших подростков [Amadeo et al., 2002].

Улучшение социализирующей среды

Очень важной частью ИЕА-исследования, помимо страновых различий, стало изучение влияния, важных внутри каждой страны. У Сэнфорда (1970) был схожий интерес: «Большинство социальных научных проблем...должны касаться общих вопросов: как организовать среду, институты или социальные окружение таким образом, чтобы способствовать развитию всех людей, которых это затрагивает» [р. 14]. Действительно, Сэнфорд (1968) рассматривал многие стороны образовательной среды (школа) — учебный план, методики обучения, организацию отношений учитель—ученик и внеучебную деятельность, занимаясь вопросом влияния каждого из них. Ученые ИЕА-исследования независимо вышли на это же направление и провели базовый предсказывающий/протестирующий анализ [Amadeo et al., 2002; Torney-Purta et al., 2001] и многоуровневый анализ [Torney-Purta & Stapleton, 2002].

Данные, полученные в обоих типах анализа, указывают на важность выделения в содержании учебного плана высшего образовательных ожиданий, атмосферы в классе, которая побуждает учеников к активному выражению своих мнений, такого типа школьного климата, который по-

зводит им чувствовать свою силу, важность просмотра телевизионных новостей и чтения газет, обсуждение политики с родителями как путь повышения знаний о гражданских делах и способ повышения уровня голосования. Демографические переменные, которые позитивно влияют на знания и вероятность голосования, являются образовательным фоном дома и присутии чаще ксерникому жителю (своего, чем иммигранту).

Более пристальное рассмотрение различных видов участия показало различные модели корреляции. Например, некоторые недавние исследования выявили, что предполагаемая вероятность участия респондента, когда он вырастет, в общественной работе по-разному коррелирует с другими формами участия (такими как голосование). Действительно, многие школьные ученики собираются участвовать в своих общинах, в то время как более хорошо осведомленные ученики планируют голосовать и искать информацию о кандидатах. Напротив, интерес к политическим вопросам показывает малое влияние на волонтерство, но коррелирует со участием в политической партии и некоторой степенью потенциального голосования [Toney-Parra & Richardson, в прессе].

Эти выводы о школьном и семейном влиянии пересекаются с выводами Сэнфорда (1967), сделанными в исследовании студентов колледжа около четырех десятилетий назад: «Хотя курс политологии может разбудить критический дух... однако он чаще воспринимается как предмет, по которому надо сдать экзамены, чем то, что влияет на выбор жизненного пути. Для того чтобы укрепить социальную ответственность... надо заботиться не только об учебном плане, но и о ценностях, в соответствии с которыми мы живем, и о примерах, которые подается».

Конечно, это справедливо и для учеников, недавно исследованных IEA, особенно в отношении роли класса и школы как моделей демократии.

Понятие политической эффективности красной нитью проходит через большую часть политико-психологической литературы. Уверенность в том, что твоё участие может что-то изменить в социальной среде, равнозначность само- и коллективной эффективности две вещи. Сэнфорд суммировал свою работу в том же ключе:

«Раз студент разбужен социальными и политическими вопросами, он нуждается не только в поддержке сочувствующей группы, но и в уверенности в своем собственном мышлении, в своих суждениях и умении принимать решения — уверенность рождается только из практики. Вместо того чтобы стараться избежать противоречивых вопросов... (мы должны) продвигать их вперед» [Sanford, 1967, p. 28].

И в другой статье он отмечал, что роль учителей состоит в том, чтобы сохранить трудные укрепившиеся реакции в интересах развития [Sanford, 1968]. Эти замечания чрезвычайно уместны для понимания результатов IEA-теста и общего исследования.

Исследование групп с крайними установками

Финальной точкой связи с Сизфордсом, открытой в недавнем просмотре его работ, был его интерес в продвижении за рамки центральной тенденции, и рассмотрению крайних, даже если они были невелики: «Когда мы смотрим тенденцию, существует значительное количество людей, которые не идут в ногу с большинством» [1986, р. 213]. Дальнейшее исследование авторитарной личности было построено на предположении, что даже если кто-то ожидал найти только маленькую группу людей с фашистскими установками в Соединенных Штатах в конце 1940-х и начале 1950-х годов, все равно имело смысл создавать шкалу *F*, чтобы выявить средние. Ведь интерес представляют не только величины, но и то, как много американцев имеют высокие показатели по шкале фашизма.

Это соответствует направлению нашего исследования. В среднем молодые люди имеют положительные установки по отношению к иммигрантам [Torney-Purta et al., 2001]. В Германии и Швейцарии эти установки более позитивные, чем в других странах, но даже в этих двух странах большинство учащихся выражают готовность гарантировать права на образование и даже голосовать за иммигрантов. Однако маленькие группы студентов с очень негативными установками также должны быть интересны. Даже очень маленькая группа с такими взглядами может иметь влияние, если ее члены превращают эти установки в действия.

Чтобы исследовать эту проблему, мы выделили в Соединенных Штатах и Германии контрастные группы, состоящие из учащихся со значимым уровнем установок в 1,5 раза ниже стандарта отклонения по параметру средних значений поддержки прав иммигрантов, и сравнили их с учащимися, у которых были средние или ниже средних значения по этой шкале. Учащиеся в группе с негативными установками были решительно не согласны с разными пунктами о правах иммигрантов, тогда как в другой группе были согласны или решительно согласны. Эти группы с негативными установками, а также от средних до позитивных (соответственно) были подвергнуты сравнению с помощью серии других вопросов инвентария. Было интересно выявить пункты, по которым они различались. В исследовании поинформированности закону трактовалось как признак хорошего гражданина, что соответствовало ответам подавляющего большинства школьников в большинстве стран, но среди тех, у кого были высокие негативные значения установок в отношении иммигрантов, около 25% студентов считают, что «для граждан не важно подчиняться закону». Только около 2% учащихся с положительными установками по отношению к иммигрантам поддерживают это мнение. Далее, и в Соединенных Штатах, и в Германии соответственно количество школьников с положительными установками по отношению к иммигрантам относится к количеству тех,

у кого негативные установки, как два к трем, и полагают, что для демократии было бы хорошо, если бы были запрещены критика в адрес правительства и мирные акции протеста.

В переставшие важно то, что в Германии пропорционально больше учащихся с высококонстатируемыми установками по отношению к иммигрантам, но общая картина установок в США не менее проблемна. Более обширное исследование крайних групп среди резидентов *IEA* является частью будущего запланированного анализа.

Выводы и воображаемый разговор с Невиттом Сэнфордом

Неожиданная перекличка с работами Сэнфорда в *IEA*-исследовании побудила рассмотреть при повторяющихся проблемах, сводящихся к вопросу: если бы Невитт Сэнфорд был еще жив, что я хотела бы обсудить с ним? Во-первых, я хотела бы уточнения его замечания, что психологи «привратная сушествовые проблемы в методологическое» [Sanford, 1986, p. 213]. В текущем контексте психологи часто относятся невнимательно к методологическим и измерительным проблемам и хотят «дойти до сути». Действительно, уровень исследования политических знаний у взрослых в большинстве обследований был довольно низким, психометрически низкого качества или концентрируется на таком знакомом куске, как знания о политических личностях и проблемах. Однако работы о результатах и методе не должны противоречить друг другу. Обсуждение результатов исследования может быть на более высоком уровне, если по-стараться создать инструментарий или прийти к согласию относительно аналитической модели. Это особенно справедливо, когда вопрос дело с учеными-гуманитариями из разных культур, где высказывания и смыслы могут различаться.

Во-вторых, я спросила бы Сэнфорда, что делать с комплексом проблем в междисциплинарном сотрудничестве, которое, кажется, включилось очень мало за последние несколько десятилетий. Он заметил, описывая находки Института Райта, что «они один традиционный университет, вероятно, не предоставит возможность вести исследование, основанное на проблемах» [Sanford, цитировал в Конана, 1986]. Как он мог бы прокомментировать текущую ситуацию, когда уже несколько смертей деятельности ученых, работающих в области социальных наук, продвигались к междисциплинарности.

В-третьих, одной из самых поразительных вещей для читателей его работ, вероятно, будет konstato, с которым Сэнфорд одобряет действительное исследование — по его словам «исследовательское действие». Почему после нескольких десятилетий существует такая инерция активность (или исследовательская активность, или активное исследование) по осуществлению

деятельности, поддерживаемой сильной эмпирической доказательностью? Это включает обсуждение противоречивых проблем, бросивших вызов инстинктам, которые ослабляют сложность подходов и выводов скорее, чем дают их узкую трактовку. Это делает информацию об обществе осмысленной для учащихся и помогает им соединить гражданскую позицию с собственной личностью и практической деятельностью.

Некоторые аспекты IEA Гражданского образовательного исследования расширяют перспективы обычного в току, когда Стэнфорд проводил свое исследование. Появились новые методы коммуникации и понимания того, что исследование социализации, проводимое в демократических странах, должно быть связано с теорией демократии и стимулировать более обширное сотрудничество в планировании исследований и интерпретации результатов. Кросс-культурная психология должна способствовать развитию новых направлений методологии в таких сферах, как децентрализованный или распределенный тест развития. Психологи, занимающиеся развитием, должны стать более частыми партнерами в политической психологии. Они внесли в исследование теоретические концепции, которые концентрируются на ежедневной практике молодых людей и на путях, которыми они внедряются в различные контексты. Новая волна исследования политической социализации может находиться на пороге создания.

Библиография

- Ackema, T. W., Frenkel-Brunswick, E., Levinson, D., & Sanford, N. (1950). *The authoritarian personality*. New York: Harper and Row.
- Amadeo, J., Torney-Purta, J., Lehmann, R., Husfeldt, V., & Milotieva, R. (2002). *Civic knowledge and engagement: An IEA study of upper secondary students*. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement.
- Cason, H. (1988). Nevitt Sanford: Gentle prophet, Jeffersonian rebel. *Journal of Counseling and Development*, 66, 431-437.
- Conover, P., & Searing, D. (2002). Defining political psychology. In J. Kuklinski (Ed.), *Thinking about political psychology* (pp. 88-114). Cambridge: Cambridge University Press.
- Hess, R., & Torney, J. (1967). *The development of political attitudes in children*. Chicago: Aldine.
- Inglehart, R. (1997). *Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political changes in 41 societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Lave, J., & Wenger, E. (1991). *Situated learning: Legitimate peripheral participation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lehmann, R. (2004). Data release for the IEA Civic Education Study. Retrieved 20 March 2004 (<http://www.wam.umd.edu/~iea/>).
- Sanford, N. (1967). The development of social responsibility. *American Journal of Orthopsychiatry*, 37, 22-29.
- Sanford, N. (1968). Education for individual development. *American Journal of Orthopsychiatry*, 38, 858-868.
- Sanford, N. (1969). Research with students as action and education. *American Psychologist*, 24, 544-546.
- Sanford, N. (1970). Whatever happened to action research? *Journal of Social Issues*, 26(4), 3-23.

- Sanford, N. (1982). Social psychology: Its place in personality. *American Psychologist*, 37, 896-903.
- Sanford, N. (1986). A personal account of the study of authoritarianism. *Journal of Social Issues*, 42, 209-214.
- Sullivan, J., Rahn, W., & Rudolph, T. (2002). The contours of political psychology: Situating research on political information processing. In J. Kadzinski (Ed.), *Thinking about political psychology* (pp. 23-47). Cambridge: Cambridge University Press.
- Torney, J., Oppenheim, A., & Farnen, R. (1973). *Civic education in ten countries: An empirical study*. New York: Wiley.
- Torney-Purta, J. (1994). Dimensions of adolescents' reasoning about political and historical issues: Ontological switches, developmental processes, and situated learning. In M. Carretero & J. Voss (Eds.), *Cognitive and instructional processes in history and the social sciences* (pp. 103-121). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Torney-Purta, J. (2002). The school's role in developing civic engagement: A study of adolescents in twenty-eight countries. *Applied Developmental Science*, 6, 202-212.
- Torney-Purta, J., & Annasdeo, J. (2005). A cross-national analysis of political and civic involvement among adolescents. *PS: Political Science and Politics*, 38, 269-274.
- Torney-Purta, J., Lehmann, R., Oswald, H., & Schulz, W. (2001). *Citizenship and education in twenty-eight countries: Civic knowledge and engagement at age fourteen*. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement.
- Torney-Purta, J., & Richardson, W. (in press). Anticipated political engagement among adolescents in Australia, England, Norway and the United States. In J. Domaine (Ed.), *Citizenship and political education today*. London: Palgrave.
- Torney-Purta, J., Schwille, P., & Annasdeo, J. (1999). *Civic education across countries: Twenty-four national case studies from the IEA Civic Education Project*. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement.
- Torney-Purta, J., & Stapleton, L. (2002). *Multilevel structural equation models for school factors predicting civic knowledge and likelihood of voting in three countries*. Unpublished manuscript, University of Maryland.

Hopwood, A. Cattermole

Теория политической социализации в условиях трансформации политических систем*

В последнее время все более очевидным становится тот факт, что многие из моделей, существовавших в теории политической социализации, перестают быть адекватными в изменившихся как на геополитическом, так и на национальном уровне политических условиях. Ясно, что и сама политическая система, и те ценности, которые она передает гражданам, в мире, только что пережившем Вторую мировую войну и фашизм, и в мире, вступившем в эпоху глобализации, будут различаться; ясно также, что механизмы усвоения политических установок и ориентаций личностью, живущей в условиях стабильной или, напротив, изменяющейся социально-политической и даже технологической структур мира, также будут различаться. Соответственно те вопросы, которые ставили перед теоретиками политической социализации в 1950–1970-е годы, и те, с которыми им приходится сталкиваться уже в XXI в., требуют новых подходов и решений. Основные направления развития теории политической социализации в этот период можно определить следующим образом: во-первых, анализ процесса политической социализации, во-вторых, изучение «агентов», влияющих на процесс политической социализации, и, в-третьих, исследование продукта, который получается на «выходе» процесса политической социализации, когда происходит становление политической картины мира личности. Иными словами, это все, что помогает личности понимать мир политики: политическое сознание, политические представления, ориентации, установки — то, что, по мнению Л. Пай и С. Вербы, составляет, по сути, политическую культуру восприятия обществом тех политических процессов, в которые оно включено¹.

Процесс политической социализации в рамках функционалистской парадигмы, преобладавшей в политической науке в тот период, интерпретировался как воздействие политической среды на личность путем передачи определенных моделей поведения через систему организованных общественных институтов и ценностей. При этом социализируемые индивиды или группы являются пассивными объектами политической социализации, а сам процесс социализации предполагает «вертикальные» отношения между социализирующими и социализируемыми. Процесс политической социализации рассматривался как стадийный, в частности, в нем выделялись *латентная*² стадия (т.е. процесс неволевого

* Е. Ю. Зварев, Ольга Федоровна Молчанова: Сб. науч. статей. М.: РГГУ, 2008. С. 140–150.

научения, впоследствии влияющий на политическое поведение индивида) и стадия явной политической социализации (процесс ретрансляции собственных политических ценностей и информации). Главными теоретическими положениями на этом этапе были, во-первых, предположение о том, что представления о политике, усвоенные в детский период, со временем остаются неизменными, и, во-вторых, гипотеза о более существенном влиянии представлений, усвоенных в детском возрасте, по сравнению с поздними ориентациями и установками¹. Именно эти положения впоследствии подвергались наиболее серьезной критике.

Среди ключевых процессов политической социализации на начальном этапе развития теории, объясняющей специфику осуществления данного процесса, наибольшее внимание исследователей было уделено двум — семье и группе сверстников. Многие ученые, занимавшиеся в 1960–1970-е годы проблемой политической социализации, придерживались тезиса о том, что семья индивида является главным социализирующим агентом на этапе латентной политической социализации². При этом важными факторами, оказывающими влияние на этот процесс, ученые называли ценности, ориентации родителей (М. Л. Ком³), структуру власти в семье (Т. Парсонс, Б. Сезар⁴), воспитательные стратегии, складывающиеся в семье (Т. Адорно, С. Томпкинс, Д. Баумринд, Э. Миллер⁵).

Тезис о значительном, если не решающем влиянии семьи как социализирующего агента на последующие политические представления личности оказался одним из самых спорных (и до сих пор самым «не остережимым») в теории политической социализации. Так, уже в начале 1970-х годов гипотеза о детерминирующей роли семьи была подвергнута критике и переосмыслению. В частности, Р. Найтом и Б. Собелек⁶ в 1977 г. в сравнительном исследовании влияния на социализацию семьи, школы, сверстников, медиа- и политических событий выяснили, что влияние семьи не столь решающее, а корреляция между политическими ориентациями родителей и детей весьма низкая. Вместе с тем ряд исследований, проведенных уже в 1990-е годы, частично «реабилитировали» гипотезу о решающем влиянии семьи на формирование последующих политических установок⁷. Ученые обнаружили, что жесткая дисциплина в детстве позитивно коррелирует с последующей агрессивностью во взрослом возрасте и негативными в процессах восприятия социальной информации⁸; а высокий уровень наказаний в детстве связан с некоторыми политическими установками, в частности с поддержкой смертной казни, милитаризмом и политическим консерватизмом⁹.

Ряд авторов противопоставил гипотезе о решающем влиянии семьи на процесс политической социализации предположение о воздействии других «окружающих»: по их мнению, влияние внесемейного ближайшего окружения, персонализированного в друзьях, группе сверстников, в определенных ситуациях может быть даже сильнее, чем влияние семьи¹⁰.

Между тем современные исследования показывают, что влияние сверстников на формирование установок и ценностей различается: иногда они усиливают общепринятые установки, а иногда предлагают иные, явно противоречащие официальной и установившейся модели политического восприятия событий, происходящих в мире политики².

Семья и группа сверстников оказались наиболее изученными агентами политической социализации. Помимо других, «социальных» агентов социализации — например школы, СМИ, политических партий, общественных движений, церковь, деловых кругов и т. д. — было уделено гораздо меньше внимания. В лучшем случае воздействие каждого из таких агентов изучалось как отдельная и независимая переменная, что отнюдь не добавляло единства в общую картину видения механизма современного процесса политической социализации.

В целом же в 1970-е — начале 1980-х годов в теории политической социализации окончательно оформилась парадигма, суть которой сводится к следующему: процесс политической социализации рассматривается как «вертикальная» передача системы ценностей и модели восприятия политической реальности от политического режима к личности, агенты социализации интерпретируются как иерархически организованные системы социальных и политических объектов, каждый из них оказывает определенное влияние на процесс социализации, в результате которого у личности формируются политические представления, установки и механизмы восприятия политической реальности, практически не поддающиеся изменению со временем.

Тем не менее изменение политической реальности в нашей стране в середине 1980–1990-х годов и сопутствующее ему изменение политического сознания и поведения подвергли сомнению многие из вышеописанных оснований теории политической социализации.

В рамках разработанной в послевоенные годы теории политической социализации интерпретировалась как «вертикальный» процесс, отношения в котором между социализирующими агентами и социализируемыми индивидами отчасти подобны отношениям между лидерами и их последователями, и именно это положение в изменяющихся социально-политических условиях перестает быть адекватным. Так, в последние десятилетия XX в. политическая социализация теряет свой «вертикальный» характер в связи с тем, что в традиционных обществах появляются черты модернизации. Одной из таких черт является снижение роли авторитета возраста, т. е. более старший возраст родителей, учителей не становится основанием для молодого поколения уважать и подражать передаваемому им социализирующему опыту, то же происходит и в отношении родства — роль кровных связей в социализирующем опыте молодых людей снижается. Кроме того, социализационный процесс направлен не только в одну сторону — от социализирующих к социализируемым, от

старшего поколения к младшему, но и наоборот. Сегодня уже есть данные о том, что молодежь ретранслирует свои политические ориентации родителям¹⁴.

Теоретическим ответом на запросы изменившейся социальной и политической реальности стали предложения в 1986 г. Ричардом Мерсманом принципиально новая модель механизма усвоения и ретрансляции политических ценностей и установок¹⁵. Согласно его идее «горизонтальной» (lateral) политической социализации этот процесс представляет собой непрерывный выбор из широкого числа возможных и конкурирующих между собой образов мира и моделей поведения, количество которых постоянно увеличивается в результате взаимоотношений между «равными» участниками процесса социализации на «горизонтальном» уровне. В «горизонтальной» политической социализации отношения между объектом и агентами социализации добровольные, равные и временные. Личность социализируемого объекта становится центром модели в отличие от модели «вертикальной» политической социализации, где личность оценивалась своеобразным «концом» цепочки влияния. В фокусе исследования, по мнению Р. Мерсмана, оказывается вопрос о том, каким образом в процессе политической социализации формируются те правила, которые позволяют личности ориентироваться и выбирать между множеством конкурирующих образов социальной и политической реальности. Последствия того, что и как человек усвоит в ходе процесса политической социализации, а также того, каким образом он может применить полученные знания на практике, как реализует сформировавшиеся установки в своем политическом поведении, могут помочь найти объяснение наблюдавшемуся изменению в политическом сознании и моделях политического поведения современных граждан.

Другое основание теории политической социализации, которое в изменившихся социальных и политических условиях не всегда оказывается адекватным, — тезис о неопосредованности и более существенном влиянии представлений, усвоенных на раннем этапе социализации. Некоторые авторы подвергают сомнению теоретическую состоятельность этого положения. Так, по мнению Роберта Сигела, политическую социализацию следует интерпретировать как процесс, протекающий в течение всей жизни личности, в ходе которой те или иные ценности и установки могут изменяться¹⁶.

Концепция «устойчивости» детских и юношеских представлений о политике (*preference perspective*) противопоставляется концепция «открытости к изменениям в течение жизни» (*life-line openness to change perspective*)¹⁷. Согласно ей политические диспозиции могут с равной долей вероятности изменяться в течение всей жизни, и политические ориентации людей отражают тот период политической социализации, кото-

рый переживает человек в данный момент, занимая определенную позицию в социуме и политической системе, человеком которой он является.

Филипп Вассбурн считает, что эти модели политической социализации следует рассматривать не как отдельные и противостоящие друг другу концепции, а как взаимодополняющие подходы к рассмотрению процесса политической социализации²⁴. Он предлагает структурную модель процесса политической социализации: стадия жизненного цикла, на которой находится индивид (детство, подростковый возраст, юность, зрелость и старость), и агенты политической социализации (семья, в которой воспитывался индивид, школа, церковь, СМИ, семья самого индивида, его работа и политический опыт) представляют собой интерактивные системы. Между агентами политической социализации существуют комплексные взаимоотношения на всех стадиях жизненного цикла, и относительная значимость каждого из агентов политической социализации может варьироваться от одного периода жизненного цикла до другого. Политические ориентации индивида в любой точке жизненного цикла определяются личными природными особенностями, периодом жизненного цикла, который переживает человек, его предыдущим опытом политической социализации, а также тем положением, которое он занимает в социальной структуре. Модель Ф. Вассбуерна, таким образом, с одной стороны, позволяет учитывать и использовать ранее разработанные теории политической социализации, а с другой — открывает перспективы для новых исследований.

Покажут, самым весомым аргументом, который заставляет теоретиков политической социализации как минимум пересматривать теорию о неизменности и устойчивости детских и юношеских представлений о политике, стали процессы политико-экономической и социокультурной трансформации в странах бывшего социалистического лагеря, жители которых с середины 1980-х годов с той или иной степенью успешности пытаются интерпретировать выработанные еще на этапе их личностного становления политические представления в совершенно новую для них либерально-демократическую систему ценностей. Вместе с тем адекватного теоретического ответа на «вызов» политической реальности в теории политической социализации пока, увы, не представлено. Сегодня имеются два основных подхода, на которых специалисты в области политической социализации основывают свои исследования перехода к демократической системе политических ценностей в постсоветских обществах.

Согласно первому из них, опирающемуся на концепцию К. Мангейма²⁵, быстрые социальные изменения способствуют попытке молодым поколениям ответить, адекватных требованиям новой ситуации, что в свою очередь приводит к повторению и усвоению или моделей поведения старших поколений. Чем быстрее происходит социальные изменения, тем

быстрее среди молодого поколения появляются социальные группы, чья культура и модель взаимодействия явно отличаются от культуры старших поколений²⁴. Однако этот подход скорее объясняет межпоколенческие ценностные различия, нежели механизм изменения уже существующей системы ценностей и представлений поколений.

Второй подход представлен в работах Р. Инглхарта, посвященных анализу культурного сдвига — от модернизма к постмодернизму²⁵. По мнению Р. Инглхарта, обстоятельства, в которых социализировалось то или иное поколение, оказывают решающее влияние на систему ценностей этого поколения, которая изменяется в обществе только тогда, когда на смену этим поколениям приходят новые, воспитанные в других условиях и являющиеся носителями другой системы ценностей. Именно таким медленным, не систематическим способом происходит, по мнению Р. Инглхарта, процесс изменения ценностей в обществе. Впрочем, этот подход также не дает ответа на вопрос, как и почему меняется уже сложившаяся ориентация в установках, поскольку в большей степени сконцентрирован на изучении механизмов смены ценностей всего общества.

Стоит отметить, что в изучении процессов политической ресоциализации эмпирические исследования пока явно преобладают над теоретическими изысканиями, потому ряд немаловажных аспектов проблемы политической социализации и ресоциализации в условиях системных трансформаций оказывается пока вне фокуса внимания ученых. Важно изучить, например, каким образом происходит процесс политической социализации у представителей молодого поколения в школу институциональных и ценностных изменений, как происходит смена системы ценностей на массовом и индивидуальном уровнях, какие институциональные факторы способствуют, а какие препятствуют процессу политической ресоциализации и т.п.

Трансформационные и модернизационные процессы в современной политической реальности продемонстрировали, что механизмы влияния и роль различных агентов социализации также существенно изменяются.

В последние десятилетия серьезные изменения претерпевает один из важнейших социализирующих агентов — семья, а точнее, ее структура и роль в обществе, что в свою очередь влияет и взаимодействует с влиянием на механизмы и результат политической социализации. Изменение статуса женщины, появившие у нее возможности работать существенно меняют ее роль в процессе социализации детей, «уравнивая» ее в этом смысле в правах с мужчиной. Исследователи отмечают, что структура семьи в последнее время становится более открытой и менее жесткой, однако отсутствие твердого лидерства кого-либо из взрослых, равно как и отсутствие позитивных ролевых моделей в семье, ведет к отсутствию автономного и демократического поведения взрослых в такой обстановке детей²⁶, в отличие от более равных научных представлений, предполо-

гипотеза, что демократический опыт в семье способствует адаптации демократических ценностей в среде молодого поколения граждан.

В 1990-е годы существенно изменяются роль медиа и весь характер коммуникативных структур общества. Анонимные СМИ, и в особенности телевидение, играют все более существенную роль в процессе ретрансляции системы политических ценностей от политического режима к отдельной личности. По мнению М. Хинберга, сейчас следует принимать во внимание как прямое, все возрастающее влияние телевидения на молодежь, так и косвенное его воздействие на тех, с кем молодежь взаимодействует¹¹.

В последнее время в среде ученых изменяется представление не только о роли «традиционных», уже достаточно изученных агентов политической социализации, но и о количестве возможных агентов политической социализации. Так, в современных обществах высокий уровень социальной и географической мобильности ведет к расширению числа социализирующих агентов, поэтому исследователи обращают внимание на таких агентов и также факторы политической социализации, которые ранее не включались в модель этого процесса, как, например, принадлежность к различным субкультурам и меньшинствам¹² и т. п., и которые в изменившихся социокультурных и политических условиях оказывают серьезное влияние на результат этого процесса. К примеру, принадлежность к той или иной субкультуре становится существенным фактором, обеспечивающим политические установки. Однако этот фактор оказывается более значимым для гетерогенных (с точки зрения политической культуры) обществ, а то время как в относительно гомогенных обществах большую роль по-прежнему играет образование¹³.

Вместе с тем вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии различных агентов политической социализации пока остается вне поля зрения ученых. Так, например, Р. Сигел отмечает, что в более ранних исследованиях процесса политической социализации крайне мало внимания было уделено вопросу того, как и почему в одном случае социализирующие агенты оказывают влияние на личность, а в другом — нет¹⁴. Соответственно в фокус внимания исследователей должны попасть факторы, обуславливающие принятие или отвержение личностью тех «сообщений», которые индивид получает от агентов политической социализации, причины отсутствия реакции людей на этих агентов, а также анализ того, как в этом смысле различаются отдельные индивиды и группы.

Следует отметить, что в сама политическая система, действующая посредством агентов социализации на личность, в последние годы, особенно в условиях глобализации, чрезвычайно усложнилась. Сегодня речь идет не только о формировании подрастающей и принятии политического режима на уровне *индивидуальной страны*, но и о формировании представлений относительно *национально-государственного* и *глобального* уровня политики.

В то же время усиливается роль различных внутрисоциальных уровней политической системы, например, региональных властей или местного самоуправления, что также актуализирует вопрос о том, как формируются и из чего состоит политическим представлении населения об этих уровнях системы. Впрочем, эти два направления на сегодняшний день скорее пока остаются моментальной перспективой для дальнейшего развития теории политической социализации, нежели реально разработанный областью исследований в политических науках.

Наконец, перемена, происходящая в политическом сознании и политическом поведении в последние годы, изменяют и представления ученых о том, что является профилем политической социализации. Среди результатов процесса социализации особое внимание уделяется процессу формирования гражданской идентичности личности²⁷, причем изменяется само понимание дефиниции «гражданинства». Если предыдущие определения понятия гражданства интерпретировали его в рамках существующих социальных ролей и статусов, то сейчас гражданство понимается как политическая грамотность (*civic literacy*), участие (*participation*) и гражданская ответственность (*civic responsibility*)²⁸. Исследования в этом направлении должны включать в себя изучение того, что люди знают о политике и как они используют эти знания в политическом поведении, анализ влияния традиционных и инновационных форм участия, а также поиск причин, почему иногда люди проявляют, а потом не проявляют лояльность по отношению к тем или иным политическим объектам.

Таким образом, вслед за переизменами в социальной и политической реальности в последние десятилетия XX в. в теории политической социализации также произошли изменения и пересмотр многих положений, касавшихся объяснения механизмов, агентов и результатов процесса политической социализации. Вместе с тем построению новых теоретических схем объяснения взаимодействия существующей политической реальности и личности, а также динамики этого взаимодействия серьезно препятствует отсутствие в теории единого концептуального взгляда на политическую социализацию. Современное развитие теории политической социализации идет преимущественно эмпирическим путем изучения эмпирических аспектов этого процесса, в результате чего теоретическая картина политической социализации в своем нынешнем состоянии весьма фрагментарна.

Общим итогом проведенного теоретического анализа в данной статье может стать вывод о том, что одно из важных направлений развития современной политической науки в области политической социализации, рассматривающего влияние быстро изменяющегося мира политика на индивида, нуждается в построении единой концепции, которое позволит создать наиболее адекватные объяснительные схемы наблюда-

ных шагов трансформаций в политическом поведении и сознании граждан разных стран.

Примечания

¹ См.: *Political Culture and Political Development* / Ed. by L. Pye, S. Verba. Princeton, 1965.

² См.: Almond G. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, 1963.

³ См.: Easton D., Dennis J. *Children in the Political System*. N.Y., 1968.

⁴ См.: Dymov H. *Political Socialization: a Study in the Psychology of Political Behavior*. Glencoe, 1939.

⁵ См.: Kohl M. E. *Social Class and Parent-Child Relationship* // *American Journal of Sociology*. 1965. No 475.

⁶ См.: Parsons T. *The Infant Totem in Relation to Social Structure and the Socialization of the Child* // Parsons T. *Social Structure and Personality*. N.Y., 1962; Cascer B. *Authoritat in der Familie*. Reinbek, 1972.

⁷ См.: Adams T. W., Finkel-Brownish E., Levinson D. J., Sanford R. N. *The Authoritarian Personality*. N.Y., 1960; Toulmin S. S. Left and Right: A Basic Dimension of Ideology and Personality // *Study of Pers.*. *Essays on Personality in Honor of Henry A. Murray*. N.Y., 1964; Toulmin S. S. *Script Theory* / Ed. by J. Arnoff, A. I. Rubin, R. A. Zucker. *The Emergence of Personality*. N.Y., 1987; Baumrind D. *Current Patterns of Parental Authority* // *Developmental Psychology*. 1971. Vol. 4. P. 1-103; Baumrind D. *Authoritarian vs. Authoritative Parental Control* // *Adolescence*. 1968. Vol. 3. P. 255-272; Miller A. *For Your Own Good: Hidden Cruelty in Child-Rearing and the Roots of Violence*. N.Y., 1983.

⁸ См.: Nemi R. G., Scherrod B. I. *Political Socialization* // *Annual Review of Sociology*. 1973. Vol. 3. P. 209-233.

⁹ См.: Quiggle S. L., Garber J., Panat W. F., Dodge K. A. *Social Information Processing in Aggressive and Depressed Children* // *Child Development*. 1992. Vol. 63.

¹⁰ См.: Weiss R., Dodge K. A., Bates J. E., Pettit G. S. *Some Consequences of Early Harsh Discipline: Child Aggression and Maladaptive Social Information Processing Style* // *Ibid.* P. 1321-1335.

¹¹ См.: Milburn M. A., Connors S. D., Solo F., Carberry S. *Childhood Punishment, Denial and Political Attitudes* // *Political Psychology*. 1995. Vol. 16. No 3. P. 447-478.

¹² См.: Verba S. *Small Groups and Political Behavior: A Study of Leadership*. Princeton, 1961; Eisenstadt E. N. *Van Generation to Generation*. Manchester, 1966; Rache D. W., Kohler M. E. *Sociology of Childhood*. N.Y., 1964. P. 173; Gottlieb D., Ramsey C. *The American Adolescent*. Homewood, 1964; Bussard J. H., Bell E. S. *The Sociology of Child Development*. N.Y., 1964.

¹³ См.: Nathan J. A., Army R. C. *Comparative Political Socialization: A Theoretical Perspective* / Ed. by S. A. Renshon. *Handbook of Political Socialization*. N.Y.; L., 1977.

¹⁴ См.: Hryhor M. A. *Evidence of Remarkable Change in the Political Socialization Process* // Paper presented at 28th annual meeting of the IPSA Research Committee on Political Socialization and Education. Budapest. May, 1999.

¹⁵ См.: Alvermann R. M. *Revitalizing Political Socialization* / Ed. by M. Hermann. *Political Psychology*. San-Francisco, 1986. P. 279-319.

¹⁶ См.: Sigel R. S. *New Directions for Political Socialization Research: Thought and Suggestions* // *Perspectives on Political Science*. 1993. Vol. 21. No 1. P. 17-22.

¹⁷ См.: Sears R. *Implications of the Life-Span Approach for Research on Attitudes and Social Cognition* // Abelson R. P. *Life-Span Perspectives and Social Psychology*. Hillsdale, 1987.

¹⁶ Cu.: Washen Jb. A Life Course Model of Political Socialization // *Politics and Individual*, 1994, Vol. 4, No 2, P. 1-26.

¹⁷ Cu.: Mannheim K. A Man in Society in the Period of Reconstruction. N.Y., 1967.

¹⁸ Cu.: Jöns R. Jöngd en generation: De generation sociologiska lärandet 1960 // *Jöngd als social fenomen: Historiskt, sociologiskt en Jöngdskärandet in teori en metodisk*. C. Klomén. Åvö. Amsterdam. Leuven, 1991.

¹⁹ Cu.: Inglehart R. Culture Shift in Advanced Society. Princeton, 1990; Idem. Modernization and Postmodernization. Princeton, 1997.

²⁰ Cu.: Hephern M. J. Evidence of Remarkable Change in the Political Socialization Process // Paper presented at 26th annual meeting of the IPSA Research Committee on Political Socialization and Education, Budapest, May, 1999.

²¹ Cu.: Hephern M. J. Electronic Media and Political Socialization in the USA // Paper presented at 27th annual meeting of the IPSA Research Committee on Political Socialization and Education, Brussels, May, 1999.

²² Cu.: Jover-Correa M. Different Paths: Gender, Immigration and Political Participation // *International Migration Review*, 1998, Vol. 32, No 2, P. 328-348.

²³ Cu.: Torney-Purta J. From Attitudes and Knowledge to Schemata: Expanding the Outcomes of Political Socialization Research // Ed. by D. Ichlson. *Political Socialization, Citizenship Education and Democracy*. N.Y., 1990; Torney-Purta J. *Studies of Political Socialization Cross-Nationally: Reliability and Issues Across Time* // Paper presented at Vancouver ISPP Meeting, 1996.

²⁴ Cu.: Sigel R.E. Op. cit.

²⁵ Cu.: Riedel E. Community Service and Citizenship // *The Political Psychologist*, 1998, Vol. 3, No 2, P. 15-19; Smith E. Political Socialization Research, Social Capital and the Making of Citizens // *Ibid.* P. 19-23.

²⁶ Cu.: Burnson E. L. Prospective from a Retrospective: Political Socialization Research for the 21st Century // Paper, presented at XVIII IPSA World Congress, Quebec, August 2000.

Российские паттерны семейной социализации и их влияние на политические ориентации граждан*

Первичная политическая социализация происходит в семье: под влиянием сформированной в ходе семейного воспитания системы потребностей и мотивации взрослого человека, его восприятия окружающего мира, адаптационного потенциала формируется и его политическая картина мира, способ восприятия политической жизни, впоследствии практически не поддающийся изменению. Традиционные паттерны семейного этапа политической социализации широко описаны в научной литературе; однако очевидно, что в периоды глобальных политических и социокультурных трансформаций и сама семья как социальный институт, и механизмы социализации в ней отличаются от ситуации стабильности. Совершенно респекно предположить, что в последние годы в России типичная модель внутрисемейной социализации личности претерпела изменения, однако достоверных эмпирических данных относительно того, каков конкретный характер этих перемен, в современной отечественной и западной политической психологии нет.

Более того, практически отсутствуют точные данные о моделях семейного воспитания, характерных для предшествующей периоду трансформации советской эпохи — об этом в литературе до сих пор высказываются лишь различные гипотезы. Так, один исследователь¹ описывает советское семейное воспитание как «тоталитарное», которое базируется на принципах «жесткой» педагогики, основанной на санкциях и запретах и сконцентрированной на воспитании в ребенке прежде всего послушания и уважения к авторитетам. Другие² говорят о «консулительском» стиле воспитания и соответственно о стремлении переложить ответственность за этот процесс на государство и его социализирующие институты (детский сад, школу и т.д.). Данные автора³, основанные на ряде глубинных интервью, проведенных в 2000–2001 гг., скорее подтверждают предположения В. Кагана об авторитарном характере социализации в семье в советское время, однако экстраполировать результаты качественного исследования (лишь несколько десятков интервью) в целом на характер «советской» социализации в семье, очевидно, было бы некорректно — для его изучения даже в ретроспективном плане требовались иные инструменты исследования.

В данной статье представлены результаты масштабного исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение» с целью изучения

* Полный текст см.: Греськова Л. Трансформации отношений внутри семьи и их влияние на политическую ориентацию воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3 (17).

реконструкции социализационного опыта россиян разных поколений (как были воспитаны респонденты, кто из родителей занимался их воспитанием, какие качества им стремились привить в детстве, какие воспитательные стратегии при этом использовались и т.д.) и его влияния на их взрослые политические ориентации³.

Распределение семейных ролей

Распределение семейных ролей⁴ оказывает значительное влияние на характер социализации граждан, на модели отношений родителей с детьми и на используемые родителями воспитательные стратегии. Мы выделили два паттерна: патриархальный и современный.

Патриархальный тип распределения семейных ролей предполагает главенство отца, матери при этом отводится функция воспитания детей, *современная* модель распределения ролей в семье предусматривает равноправие супругов как в отношении принятия решений, так и в плане воспитания подросткового поколения.

Судя по ответам респондентов на вопрос, кто был главным в семье из родителей, лишь в 20% полных⁵ российских семей (всего по России в таких семьях воспитывалась 71% опрошенных) наблюдалось равноправие в распределении семейных ролей, т.е. практика принятия решений обоим родителями, в 40% случаев главой семьи являлся отец, в 34% — мать, еще в 3% — другие родственники, проживающие в семье. Главенство отца при этом в большей степени характерно для семей респондентов, проживающих сегодня в сельских районах, матери — для семей сегодняшних жителей малых городов. Патриархальная структура чаще встречалась в семьях тех, кто сегодня живет в мегаполисах и других крупных городах.

В неполных семьях, естественно, главой семьи обычно являлся единственный родитель, в тех же неполных семьях, которые включают бабушек и/или дедушек, в трети случаев главные решения принимали представители самого старшего поколения — как правило, это были бабушки.

При том что традиционное главенство отца охватывает собой менее половины опрошенных из полных семей, традиционно закрепленная за женщиной роль воспитателя подросткового поколения распространена несколько шире — по словам респондентов, и в полных, и в неполных семьях воспитанием детей больше всего занималась мать, соответственно — 53 и 69%. В полных семьях в 21% случаев воспитанием в равной мере занимались оба родителя, в 7% детьми больше всего занимался отец, в 12% — бабушка, менее чем в 1% — дедушка, еще в 2% — другие родственники.

При этом следует отметить весьма заметные поколенческие различия в распространении патриархальной и современной ролевой структуры семьи (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ролей в родительской семье респондента (%)

Ответ	Полная семья в целом (%)	18–24 лет	25–34 лет	35–44 лет	45–54 лет	55–64 лет	65 лет и старше
Вопрос: «Кто из членов вашей семьи, с которыми вы живете и растите, был самым близким, принимал основные решения?»							
Мать (в том числе неродная)	35	32	40	41	33	33	24
Отец (в том числе неродной)	42	43	29	37	45	49	56
Она родители	21	21	27	19	21	16	17
Другие родственники	3	4	4	2	1	2	3
Вопрос: «Вспомните, пожалуйста, кто из членов вашей семьи, с которыми вы живете и растите, проводит с вами больше всего времени, занимается вашим воспитанием?»							
Мать (в том числе неродная)	57	48	58	61	57	56	60
Отец (в том числе неродной)	7	10	7	7	8	8	7
Она родители	23	29	21	17	21	22	24
Другие родственники	14	13	14	15	16	16	9

Примечание. Приведенные данные свидетельствуют о том, что структура распределения ролей в российской семье меняется от неэгалитарного типа к современному — представителю более поздних поколений зачастую чаще воспитывались в семье с эгалитарным распределением семейной власти между родителями и с равноправным участием обоих супругов в воспитательном процессе.

Что же касается **нормативных представлений** граждан о том, как должны распределяться роли супругов в семье, то здесь мы найдем самые еще большие распространения эгалитаристских установок — 60% респондентов убеждены, что принимать основные решения должны оба родителя в равной мере. Лишь чуть более четверти (27%) считают, что главной семьей должен быть отец, и всего 8% полагают, что ее должна воспитывать мать. Более того, такое большинство опрошенных (82%) убеждено, что занимаясь воспитанием детей такие задачи оба родителя в равной мере (всего 11% полагают, что по большей части эти задачи должны заниматься мать, и еще 3% — отец). Однако, несмотря на декларируемое требование равноправного участия в воспитании детей обоих супругов, респонденты зачастую признают родителям принципиально разные функции в воспитательном про-

цесс и видит их не взаимовыгодными, а взаимодополняющими участниками этого процесса, таким образом, по сути, отражая традиционалистские установки в отношении распределения семейных ролей.

Следует отметить, что идею равноправных взаимоотношений родителей заметно чаще поддерживают те, кто сам воспитывался в семье с милитарным распределением власти между родителями (75 против 60% по выборке), а также те, чьим воспитанием занимались оба родителя в равной мере (70%). Эти же группы респондентов заметно чаще поддерживают идею, что ответственность за воспитательный процесс такая в равной мере должна делиться между обоими родителями (88 против 80% по выборке).

Главенство отца в семье чуть чаще, чем в среднем, склонны поддерживать мужчины (33 против 27%), а также почти половина тех, в чьих семьях главой был отец (43%) или чьим воспитанием занимался преимущественно отец (47%). Чуть чаще, чем в среднем, оставляют за матерью воспитательную функцию представители самого старшего поколения — респонденты в возрасте от 65 лет и старше (15 против 11%).

Модели взаимоотношений родителей с детьми

Неравенство между супругами, характерное для *патриархальной* распределения ролей, часто оказывается сопряженным с *авторитарскими* взаимоотношениями между родителями и детьми — в таких семьях обычно детям не разрешается иметь точку зрения, отличающуюся от родительской, от них ожидается подчинение родителям, а отношения родителей и детей обычно строятся на подчинении. При *авторитарной* структуре внутрисемейных ролей, наоборот, чаще наблюдается такая тенденция — отношение к детям как к равным, толерантность к инакомыслию, неограниченно спорам детей с родителями (табл. 2).

Тем не менее, как видно из таблицы, даже в тех случаях, когда с точки зрения респондентов, отношения между их родителями в семье строились как равноправные и воспитанием ребенка занимались оба родителя в равной мере, далеко не всегда между родителями и детьми устанавливались милитарные отношения и допускались споры и возражения со стороны детей.

В целом, судя по приведенным данным, в семьях почти половина россиян родители стремятся к установлению с детьми отношений «на равных», чуть менее чем в половине случаев — допускали споры и возражения со стороны детей. Часто *авторитарный* тип взаимоотношений между родителями и детьми, когда к детям не относятся как к равным и не разрешают им спорить с родителями, был характерен для семей 28% опрошенных. Противоположная, «*демакратическая*» модель — в детях относятся как к равным и допускают возражения и споры с их стороны — имела место в семьях 28% опрошенных.

Таблица 2

Структура опыта социализации респондентов (%)

Ответ	Вос ¹	Кто из членов семьи был главным			Кто из членов семьи больше занимался воспитанием			
		Мать	Отец	Оба родителя	Мать	Отец	Оба родителя	Другие родственники
Вопрос: «В вашем детстве ваши родители (те, кто вас воспитывал) старались или не старались вести себя с вами как с равными?» ²								
Старались	45	46	41	52	46	39	56	46
Не старались	43	43	49	36	46	46	33	43
Затрудняюсь ответить	11	11	10	13	10	15	11	9
Вопрос: «В детстве родители (те, кто вас воспитывал) или позволили или не позволили спорить с вами, возражать им?»								
Позволили	41	42	37	47	39	39	51	44
Не позволили	49	49	56	41	53	52	37	51
Затрудняюсь ответить	9	8	7	13	8	9	13	6

Примечание. * Здесь и далее при анализе ответов респондентов на вопросы, касающиеся их опыта социализации, в столбце «Вос опрашиваемые» мы приводим ответы 99% респондов, воспитывавшихся в семье. Еще 1% опрошенных воспитывались в интернатах, детских домах, на родственниках или затруднялись ответить на вопрос, а кто из родственников был главным большинством детей. Таким респондентам вопросы об их опыте социализации не задавались. В данном случае мы считаем возможным рассматривать в качестве оснований для сравнения всех опрошенных (а не только тех, кто был воспитан в семье), поскольку доля тех, кто не отвечал на вопросы о воспитании в семье, чрезвычайно мала и не оказывает значимого влияния на обобщения в ходе исследования тенденция и зависимость.

Заметна тенденция отдаления между родителями и детьми: чем моложе респонденты, тем чаще они говорят и об авторитарном характере взаимоотношений со своими родителями, и о возможности возражать им, спорить с ними — судя по всему, такая модель становится все более и более распространенной (табл. 3).

Что касается нормативных представлений россиян о том, как должны строиться отношения между детьми и родителями, то в них сегодня преобладают демократические установки: более половины россиян (57%) полагают, что родителям следует вести себя с детьми как с равными; почти две трети (66%) считают, что детям можно позволять спорить с родителями, возражать им (противоположное мнение по обоим позициям высказывают по 28% опрошенных).

Таблица 3

**Структура выравнивания отношений в родительской семье
respondenta (%)**

Ответ	Все	18–24 лет	25–34 лет	35–44 лет	45–54 лет	55–64 лет	65 лет и старше
Вопрос: «В нашем детстве наши родители (те, кто нас воспитывал) старались или не старались вести себя с нами как с равным(-ой)?»							
Старались	45	52	54	46	36	32	18
Не старались	42	38	38	43	50	57	76
Загрудились ответить	11	9	7	9	9	9	9
Вопрос: «В детстве родители (те, кто нас воспитывал) или позволили или не позволили спорить с нами, возражать им?»							
Позволили	41	58	46	46	45	41	35
Не позволили	49	35	45	41	43	46	48
Загрудились ответить	9	6	8	12	9	17	15

Кстати, демократические модели отношений с собственными детьми в значительной степени «наследуются» — явное большинство тех, к кому родители старались относиться как к равным и позволили спорить с собой, полагают, что именно таким образом и следует строить отношения с детьми (табл. 4).

Таблица 4

Ответ	Все (%)	Старались ли наши родители вести себя с детьми как с равными? (%)		Позволили ли наши родители спорить детям с нами? (%)	
		Да	Нет	Да	Нет
Вопрос: «По нашему мнению, родителям следует или не следует вести себя с детьми как с равными?»					
Следует	57	71	47	71	48
Не следует	28	19	39	19	35
Загрудилось ответить	15	10	14	10	17
Вопрос: «Как вы считаете, в принципе можно или нельзя позволить детям спорить с родителями, возражать им?»					
Можно	60	71	53	81	45
Нельзя	28	20	37	11	43
Загрудилось ответить	12	8	10	8	12

Любопытно при этом, что практически половина тех, у кого в детстве не было равных отношений с родителями и чьи споры родители не разрешали, тем не менее также разделяют демократические установки на отношения с детьми — очевидно, что именно такие установки в современном российском обществе становятся нормой.

Мы заинтересовались у россиян — сторонников и противников идеи отношений с детьми на равных, почему они поддерживают ту или иную точку зрения.

В высказываниях сторонников установления равноправных отношений с детьми наиболее распространенными оказались три мотива. Первый — *признание личности ребенка равной личности взрослого и соответственно заступничеством такого же отношения*. Об этом так говорит 16% опрошенных (треть ответивших на открытый вопрос): *«дети — это личности, имеют свое мнение, нужно уважать их, они живут своей жизнью»; «дети также же личности, только маленькими»; «это будущий человек, а у него есть свой характер».*

Еще столько же, допуская возможность отношения к ребенку как к равному, не столько признают личность ребенка равной личности взрослого, сколько руководствуются *соображениями психологического характера* — по их мнению, такие отношения с ребенком способствуют развитию его личности и определенным качеств — *самостоятельности, ответственности, самоуважения, уверенности в себе: «возможность положительного влияния для формирования характера; стимулирует самостоятельность у ребенка, он не компенсирует»; «он должен воспитываться чувством самостоятельности»; «лучше детей быть ответственными за принятые решения».*

Наконец, еще для 11% опрошенных равные отношения между родителями и детьми — это способ создать *доверительные, теплые, коммуникативные отношения в семье: «ребенок чувствует доверие родителей, развивается эмоционально»; «самостоятельность».*

Сторонники идеи равноправных отношений между родителями и детьми также говорили о том, что *«это воспитание — общение как с равным»; «это одна из методов воспитания»* (1%), что это возможность *«вникать на ребенка, помогать ему — «мы с сыном обо всем разговаривали как со взрослым, чтобы самим объяснить, а не с точки зрения ситуации ему»* (1%), что дети могут быть *«умнее родителей»* (1%).

Кстати, еще 1% россиян допускает равенство между родителями и детьми, но только в определенных ситуациях: *«тогда в чем, но не во всем»; «иногда, только не во всех случаях»; «тогда когда темным, когда уже поздно»; «иногда»* (открытый вопрос).

В целом по выборке плюс равноправных отношений с детьми чаще, чем в среднем, поддерживают респонденты со средним специальным и

высшим образованием, лица в возрасте 25–34 и 35–44 лет, т.е. те, кто сегодня сам воспитывает детей. В большей степени распространена подобная позиция среди жителей Москвы и других мегаполисов.

Противники идеи установления равных отношений между родителями и детьми в большинстве своем считают, что они должны строиться не иначе как иерархично, в которых преимущественное положение родителей основывается исключительно на их статусе и возрасте. — в целом об этом говорят 19% опрошенных (четыре пятых ответивших на открытый вопрос):

- дети слишком малы для равноправных отношений — *«возраст еще детский»; «ребенок должен оставаться ребенком, а родители — родителями»;*

- дети должны признавать авторитет, ставленство родителей — *«дети должны осознавать авторитет тех, кто их воспитывает»; «таким образом, кто старший в семье»; «родители должны быть выше детей, иначе трудно воспитывать»;*

- дети должны проявлять уважение к родителям и демонстрировать послушание — *«дети должны слушаться и уважать родителей»; «трудно любить родителей»; «ребенок должен подчиняться родителям»;*

- в отношениях детей и родителей должна быть субординация — *«дети должны знать свое место»; «должна быть дистанция»;*

- родители старше, а старшим нужно уважать — *«должны знать, кто родители старше и их надо за это уважать».*

В приведенных высказываниях проявляется типично авторитарная установка на субординационные отношения с детьми, основанные на принципе подчинения авторитету родителей, который является не столько результатом родительских действий, сколько следствием самого факта, что они — родители, они старше и, следовательно, главные.

Часть опрошенных (3%) отвергает идею равноправных отношений между детьми и родителями, опасаясь, что это может плохо повлиять на ребенка, сделать его избалованным, расущеным: *«а то не дозволу сидеть»; «там много будут себе позволять»; «поэтому что они перестанут слушаться, не обращают внимания на то, что им говорили»; «такое приводит к расущенности».*

Лишь 2% опрошенных аргументируют свою позицию тем, что родители опытные детей, больше знают, и именно поэтому им не следует вести себя с детьми как с равными: *«опытные знают больше»; «родители умеют в своих суждениях, у них больше опыта»; «у родителей больше жизненного опыта».*

Против установления между детьми и родителями отношений на равных чаще выступили малообразованные респонденты и люди в возрасте от 55 лет и старше.

В целом же на нормативном уровне демократические установки на равенство с детьми распространены шире, чем авторитарные ориентации

на иерархно-по-взаимоотношениям с ними. Тем не менее, как видно из приведенных данных, нормативные представления данного опросают существующие в обществе воспитательные практики, хотя в последних также наблюдается тенденция к большему распространению телитарных отношений между воспитателями и воспитуемыми.

Воспитательные стратегии: система санкций и поощрений

Характер социализации определяется не только распределением ролей в семье и моделями отношений между детьми и родителями, но также и теми воспитательными стратегиями, которые используются родителями, — системой наказаний и поощрений.

Две трети респондентов (66%) наказывались в детстве, около трети (30%), по их словам, иногда не подвергались наказаниям. Среди тех, кого наказывали, 19% подвергались санкциям часто и 48% — редко; физические наказания в принципе приносились в отношении 40% респондентов (или 60% тех, кого вообще наказывали в детстве).

Использование наказаний как метода воспитания соотносится с разделением семейных ролей, а также с взаимоотношениями «родители-дети» — наказания чаще распространены в семьях с патриархальной ролевой структурой, а также в семьях, где не было телитарных отношений с детьми; в семьях же, где существовал паритет между родителями и детьми, наказания использовались реже (табл. 5).

Таблица 5

Ответ	Все (%)	Кто из членов семьи был главным?			Старались ли вы родители вести себя с детьми как с равными? (%)	
		Мать	Отец	Оба родители	Да	Нет
О наказаниях вообще:						
не наказывали вообще	30	30	29	40	34	25
	66	69	73	58	64	74
О телесных наказаниях:						
не наказывали	27	27	32	28	30	26
	40	43	45	36	34	48

Респондентам был задан открытый вопрос о том, в какой форме их обычно наказывали родители. Чаще всего респонденты вспоминали о физических наказаниях — по словам 21% опрошенных (или трети ответивших на открытый вопрос), именно таким образом родители их нака-

зывали в детстве. При этом речь идет преимущественно о довольно жестких санкциях — прежде всего о порке: «били жезл, что была под рукой»; «прямой, лопатой»; «прямой или дубинкой»; «офигенной дубинкой» (19% по выборке в целом).

Реже, говоря о телесных наказаниях, респонденты имеют в виду более легкие формы физического воздействия — шлепки, подзатыльники: «не сто прощали»; «попучки шлоди подзатыльниками в щечку; столба» (3% по выборке в целом). Также редко речь заходит о различных формах физического принуждения и унижения: «старики в туалете»; «на колени ставили на улице перед всеми»; «пихали в колоду колодежку» (3% по выборке в целом).

Другая форма наказаний, о которой тоже весьма часто вспоминали россияне, — **выговор, ругань и понижение голоса** (об этом говорит 19% россиян, или почти треть ответивших на открытый вопрос): «словари пониженными тонами»; «кричали»; «ругали, ласкающими словами»; «ругали, стыдили».

Еще одно «популярное» наказание, о котором вспоминают респонденты, — «**поставить в угол**» (13% по выборке). Запреты, лишение удовольствий и развлечений — о такой форме воздействия вспоминают 12% респондентов: «запрещали гулять»; «не пускали в клуб на танцы, кино»; «не чем-нибудь ограничивали, не покупали»; «лишили домашних удовольствий»; «не покупали мороженого».

Еще 8% опрошенных вспоминает о наказаниях в **словесной форме**, воспитательных беседах — «разговаривали разговорами»; «выговаривали, беседовали, убеждали»; «объясняли, беседовали»; «выговаривали словами».

О других типах наказаний респонденты вспоминают реже — 2% говорит о моральном воздействии, 1% — о бойкоте со стороны родителей («**слова не разговаривали со мной**»), еще 1% в качестве санкций называют принудительное выполнение домашней работы («**заставляли выполнять работу по дому**»).

Следует подчеркнуть, что приведенные данные лишь до некоторой степени позволяют судить о распространенности тех или иных форм наказаний: поскольку в этом вопросе мы полагаемся на память респондентов, не исключено, что больше вспоминаются те же наказания, которые выполнялись чаще, а те, которые были наиболее неприятными и оставили наибольший эмоциональный след. В частности, если человек вспоминает о телесных наказаниях, то это не означает, что словесные воздействия в отношении него не применялись вовсе. С другой стороны, однако, если при ответе на этот вопрос люди скорее вспоминают более «легкие» формы наказаний, например, воспитательные беседы, а не телесные наказания, это свидетельствует, по всей видимости, о том, что более травмирующие виды санкций в отношении их не применялись. Поэтому частота упомянутый респондентами тех или иных видов санкций, вероятно всего, все же отражает и частоту их применения, хотя и косвенно.

Следует отметить поколенческую динамику в воспоминаниях респондентов о применявшихся к ним видах наказаний — молодежь куда реже вспоминает о физическом воздействии и заметно чаще говорит о выговорах и понижении голоса, а также о такой форме, как лишение удовольствий и запреты на развлечения (табл. 6).

Таблица 6

Распределение наказаний в родительской семье респондентов (%)

Ответ	Все	18–24 лет	25–34 лет	35–44 лет	45–54 лет	55–64 лет	65 лет и старше
Открытый вопрос: «Скажите, пожалуйста, в какой форме вас обычно наказывали в детстве?»							
Физическое наказание, физическое насилие	22	13	20	19	24	35	23
Ругань, понижение голоса	18	25	24	19	16	14	15
Слабыи в угол	13	14	19	14	13	10	7
Запреты, лишение удовольствий и развлечений	12	26	17	13	10	6	6
Словесное воздействие и воспитательные беседы	8	7	9	10	8	6	4
Моральное воздействие	2	2	3	3	2	2	2
Работа по дому	1	0	1	1	1	0	1
Бойкот общения	1	1	1	1	1	0	0

Показательно, что респонденты, которые вспоминают, что их много наказывали в детстве, заметно чаще говорят о телесных наказаниях (46 против 12% по выборке в целом). Те же, кого, по их словам, наказывали редко, среди санкций чаще называют понижение голоса, выговоры (32 против 19%) и лишение удовольствий (20 против 12%).

Респондентам был также задан вопрос о **поощрениях**. Подавляющее большинство опрошенных (83%) родители в детстве хвалили, более половины из них (57%) — часто, еще 28% — редко. Всего 6% опрошенных сказали, что их вообще не хвалили. Важно отметить, что «поощрительная» социализация широко распространена в семьях с традиционным распределением ролей супругов и с отношением к детям как равным (табл. 7).

Таблица 7

Ответ	Все (%)	Кто из членов семьи был главным? (%)			Старались ли ваши родители вести себя с детьми как с равными? (%)	
		Мать	Отец	Оба родителя	Да	Нет
Вопрос: «Скажите, пожалуйста, в детстве вас наказывали или не наказывали? И если наказывали, это случилось часто или редко?»						
Не наказывали	6	6	4	3	4	6
Часто	57	56	57	63	66	51
Редко	28	28	31	26	25	35
Загрязненность ответа	7	6	7	6	5	6

Данные свидетельствуют: модель социализации, основанная на наказании, со временем замещается моделью, основанной на поощрении, — представителей молодого поколения родители реже наказывали телесно, зато чаще хвалили (табл. 8).

Таблица 8

Соотношение наказаний и поощрений в родительской семье респондентов (%)

Ответ	Все	18–24 лет	25–34 лет	35–44 лет	45–54 лет	55–64 лет	65 лет и старше
О физическом наказании: не наказывали наказывали	27	33	29	29	26	16	20
	40	36	45	39	37	45	36
О поощрении: не хвалили хвалили часто хвалили редко	6	4	5	7	6	12	6
	57	63	65	59	56	45	46
	28	27	24	25	30	32	33

Мы повторились у россиян, как они относятся к идее телесных наказаний детей. Чуть более половины (54%) полагают, что физически наказывать детей допустимо, — чаще об этом говорят жители микрорайона (64%) — за исключением Москвы, респонденты в возрасте от 25 до 34 лет (62%). Кстати, такое мнение чаще разделяет и большая часть тех, кого физически наказывали в детстве (72%). О недопустимости физических наказаний детей говорит менее половины опрошенных (43%), чуть

чаще подобное мнение выражают москвичи (48%), молодежь от 18 до 34 лет (50%) и те, кто самих физически не выполняла (52%). Тем не менее, несмотря на то что физические наказания и воспитательных практиках россиян распространены довольно широко и даже на нормативном уровне признаются допустимыми более чем половиной опрошенных, объемы «наказывающей» социализации со временем сокращаются и при этом происходит явный рост «поощряющих» стратегий.

Цели воспитания

Мы поинтересовались у россиян, какие качества, по их мнению, родители стремились в них воспитать. Лидирующими в итоговом списке оказались ориентации, которые можно определить как **традиционалистские**: ценности традиционной морали (в частности, *трудолюбие*, которое упомянули 54% опрошенных, *честность и порядочность* — 43%), ценности соответствия предписаниям среды (*аккуратность, опрятность* — 47%, *вежливость, вежливость, хорошие манеры* — 39%), ценности послушания (*дисциплинированность* — 30%, *послушание* — 24%), а также характерная для традиционного типа ценностей *бережливость и отношение денег и вещей* (34%).

Модернистские ценности, связанные с самоопределением, независимостью, самореализацией личности, оказались распространены далеко не так широко: среди качеств, которые, по словам респондентов, родители стремились в них воспитать, *самостоятельность и независимость* назвали 18%, *активность, предприимчивость* — 14%, *любознательность, инициатива, творческую мысль* — 9%, *творчество* — 8%, *стремление к успеху* — 6%, *самодисциплина* — 5%, *воображение* — 2%.

Заслуживает внимания гендерная дифференциация в восприятии качеств, которые родители пытались привить своим респондентам. Так, мужчинам заметно чаще, чем женщинам, упоминают такие характеристики, как *воля, твердость* (15 против 16% среди женщин), *дисциплинированность* (32 против 27%). Женщины напротив чаще, чем мужчины, называют такие качества, как *аккуратность, опрятность* (34 против 39% у мужчин), *бережливость в отношении денег и вещей* (40 против 28%), *вежливость, вежливость и хорошие манеры* (4 против 35%).

В выборе качеств, которые, по словам респондентов, их родители стремились воспитать в них, мы наблюдаем наиболее резкий поведенческий контраст (табл. 9).

Основной вектор поколенческой динамики в отношении к ценностям воспитания, как показывают приведенные данные, — снижение роли традиционалистских ценностей и одновременное повышение роли ценностей модернистских, которые особенно характерны для представителей молодого поколения — респондентов в возрасте 18–24 и 25–34 лет.

Таблица 9

Распределение качества, принявшегося в родительской семье
респондентам (%)

Ответ	Все	18–24 лет	25–34 лет	35–44 лет	45–54 лет	55–64 лет	65 лет и старше
Трудолюбие	54	38	49	52	61	63	68
Аккуратность, опрятность	47	52	49	47	48	41	44
Чистота и порядочность	43	39	35	41	50	45	47
Воспитанность, вежливость, хо- рошие манеры	39	47	46	41	35	33	31
Бережливость в отношении денег и вещей	34	25	33	32	36	37	42
Дисциплиниро- ванность	30	23	32	33	32	30	27
Ответственность	28	33	39	27	26	33	18
Послушание	24	25	18	21	24	27	34
Воля, характер, твёрдость	20	27	29	19	16	15	12
Самостоятель- ность и инициа- тивность	18	24	20	14	18	20	13
Умение ладить с другими людьми	14	17	13	15	18	12	8
Добротность, альтруизм	12	11	9	10	14	17	11
Активность, целе- устремлённость	10	15	17	9	8	6	5
Познаватель- ность, интеллек- туальность, широта мышления	9	12	11	10	7	7	5
Терпимость	8	7	6	9	9	10	9
Наклон к авторитаризму	7	3	5	10	9	7	8
Склонность к унынию	6	15	8	6	3	2	2
Самоконтроль	5	6	6	5	3	3	2
Сила	3	4	4	3	2	3	0
Воображение	2	1	4	3	1	1	2
Индивидуальность	2	5	2	4	1	2	1

Причем даже эти две категории различаются между собой. Так, судя по приведенным данным, уже в позднесоветской семье, в которой воспитывались респонденты, родившиеся в 1970 г. и позже, содержался значительный потенциал модернизированных ценностей, в то время как традиционалистские ориентации начали терять свою актуальность.

Представители самого молодого поколения (18–24 года) выросли уже в новой социальной реальности, и, очевидно, поэтому иерархия качества, прививавшихся в процессе семейного воспитания этой возрастной категории, наиболее близка к модернистским ориентациям. Молодежь, чья социализация приходится на начало перестройки и эпоху реформ, воспитывается уже в системе совсем других ценностных приоритетов: они ценят чаще, чем их ближайшие предшественники (и уж тем более — чем представители среднего и старшего поколения), независимость, самостоятельность и независимость, стремление к успеху.

Влияние семейной социализации на политические ориентации россиян

Рассмотрим теперь, каким образом паттерны первичной социализации в семье связаны с последующими политическими установками граждан. В качестве примера возьмем современные идеологические предпочтения россиян: именно в них сконцентрировано привлекается идеологическое ориентации населения, а также их отношение к власти.

Наши данные позволяют выявить довольно любопытные закономерности между первичной социализацией и политическими ориентациями респондентов.

Так, сторонники СПС и «Яблока» — это люди, к которым в детстве родители чаще старались относиться как к равным (50 против 43% по выборке в целом), чаще позволяли спорить (61 против 41%), чаще не наказывали (35 против 30%); их социализация, таким образом, носила скорее демократический характер. Эти респонденты чаще остальных говорят о том, что родители стремились воспитать в них такие качества, как вежливость и воспитанность (63 против 59%), честность и порядочность (51 против 43%), дисциплинированность (37 против 30%), самостоятельность и независимость (26 против 18%), активность и инициативность (19 против 10%), а реже — послушание (16 против 24%) и трудолюбие (42 против 54%).

Сторонников КПРФ чаще наказывали в детстве (73 против 66%), в том числе и физически (47 против 40%), родители чаще не позволяли им спорить и возражать (60 против 49%), т.е. социализация этих респондентов носила скорее авторитарный характер, основанный на пенитенциарных стратегиях воспитания. Родители в большей степени стремились развить в этих респондентах такие традиционалистские качества, как

трудолюбие (71 против 54%), бережливость (43 против 34%), и в меньшей — аккуратность и опрятность (38 против 47%), воспитанность и вежливость (32 против 39%).

А вот сторонники «Единой России» практически ничем не выделяются на фоне других, за исключением того, что этим респондентам чаще не позволяли спорить (56 против 49%). Но, вероятно, они в этом не слишком стремились, поскольку и не наказывали их также заметно чаще (33 против 30%).

Сторонников ЛДПР, так же как и сторонников коммунистов, отличает то, что их больше наказывали (72 против 66%), в том числе и физически (48 против 40%). В них родители стремились воспитать в большей степени такие весьма авторитарные черты, как воля, характер, твердость (31 против 20%), а также еще такие качества, как самостоятельность и независимость (26 против 18%). В меньшей степени в воспитании будущих сторонников «либеральных демократов» родители акцентировали к таким свойствам, как аккуратность и опрятность (42 против 37%), послушание (18 против 34%), трудолюбие (43 против 54%).

Избиратели «Единые» родители несколько чаще, чем в среднем, позволяли спорить (48 против 41%). Их родители чаще старались привить своим детям такие качества, как воспитанность и вежливость (49 против 39%), дисциплинированность (35 против 30%), и реже — самостоятельность (12 против 18%), трудолюбие (48 против 54%), волю, твердость и характер (12 против 20%).

Таким образом, наши данные подтверждают связь между первичным этапом политической социализации, проходящим в семье, и последующими политическими ориентациями россиян. Совершенно четко видно, что авторитарные модели семейного воспитания коррелируют с симпатией к левым и радикальным движениям (типа ЛДПР и КПРФ), а демократические — с поддержкой правых (СПС и «Яблоко»).

При этом важно отметить, что в поколенческом разрезе наблюдается совершенно очевидный переход от традиционалистских моделей социализации, предусматривающих воспитание традиционных ценностей (трудолюбия, послушания, аккуратности) традиционными, а зачастую и авторитарными методами (главенство отца в семье, основная роль матери в воспитании детей, подчинение детей родителям, использование наказаний как основного средства воздействия), к современным (модернистским) моделям и уменьшению авторитарности.

Современные модели предполагают новые воспитательные стратегии — равенство в общении с детьми, поощрение их споров с родителями (а следовательно, выработку собственной автономности), эгалитарное распределение родительских ролей в семье (и в плане принятия решений, и в плане заботы детьми), уменьшение роли наказаний и использование при воспитании поощряющих стратегий, ориентацию на вос-

питание таких качеств, как самостоятельность и независимость, активность и предприимчивость, стремление к успеху на фоне ущемления роли традиционных ценностей. Такое изменение социализационных моделей — от авторитарных к демократическим — в будущем неизбежно повлечет за собой и изменения в политической картине мира России, будет способствовать усвоению демократических политических ценностей и повышению уровня толерантности в российском обществе.

Примечания

¹ Кален Е. В. Тоталитарное сознание и ребенок: Семейное воспитание // Вопросы психологии. 1992. № 1-2.

² McParland E., Agnew F., Aballina M. The Authoritarian Personality in the United States and Former Soviet Union: Comparative Studies // Stone W., Loderer G., Christie R. (eds.), *Strength and weakness. The Authoritarian Personality Today*. N.Y.; Berlin, 1992.

³ Дресвянская Л. А. Понятие авторитарного стандарта на индивидуальное восприятие политической власти в России (1990-е годы): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ: Кафедра политической психологии, 2004.

⁴ Полные результаты исследования см.: Дресвянская Л. Семейное воспитание: Нормативные представления и социальные практики. Фонд «Общественные измерения. Доминанты. Поле знаний. № 818 (748). 2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.fom.ru/terapi/04/81823>.

⁵ Этот параметр включает две составляющие: I) кто является главным в семье и II) кто в основном занимается воспитанием детей (в частности, проводит с ними больше времени).

⁶ Отметим, что в случае с полными семьями (в которых воспитывается 25% респондентов) говорить о равноправии родителей не приходится. О роли бабушек и дедушек в воспитании остался см. выше.

Влияние мотивационного профиля президента на исполнение политической роли: сравнительный анализ Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева

Президентство трансформируется в зависимости от личностных особенностей политика, который занимает эту должность. Каждый новый лидер страны модифицирует характеристики своей роли, приспособляя их к своей индивидуальности¹, вносит новые черты в механизмы функционирования власти, в характер взаимодействия с другими политическими лидерами и институтами.

Поэтому в современных политико-психологических исследованиях столь пристальное внимание уделяется тому, как тот или иной президент видит мир и политику, какими методами руководствуется, как оценивает себя и свою роль, какую модель самоидентификации выбирает, какими человеческими капиталом обладает².

В отличие от других институтов, которые ограничивают личность политика, подвергают регулярованию и бюрократизации, президентство не совместимо с ригидностью и бесцветностью³. Ключевой характеристикой российского президентства является высокая степень персонализации. Оно подвержено тотальному влиянию психологических особенностей тех, кто возглавляет государство в тот или иной период⁴.

В странах с классической президентской системой, таких как США, проявление этих особенностей ограничено устоявшимися институциональными механизмами. В прямой компетенции коллегия Бюджетного дома находится межгосударственные отношения и вопросы применения военной силы. Глава российского государства призван решать широкий спектр вопросов как внутренней, так и внешней политики. От него во многом зависит судьба страны в целом и каждого гражданина в отдельности. В этом состоит специфика его роли.

Психологическая проблема. Влияние личности президента детерминировано степенью принятия его инициатив общественностью и ближайшим окружением, силой авторитета, харизматичностью его внутреннего «Я». Важнейшим компонентом личности лидера является мотивация. Ее роль приобретает существенное значение, когда возникают беспрецедентные политические обстоятельства, кризисные ситуации, разногласия властных элит при выборе оптимального решения из нескольких возможных⁵.

Нынешние события вывели на арену Бориса Ельцина, Владимира Путина и Дмитрия Медведева — представителей трех поколений политических лидеров России. В период их президентства шли преобразования государства, экономические и социальные реформы, велись локаль-

ные военные действия, укреплялись границы, отстранялось взаимодействие с соседними государствами, зарубежными партнерами.

Данное исследование проводится в рамках проекта «Человеческий капитал федеральной и региональных политических элит современной России»⁶, который ведет кафедра социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. Несоизмеренный интерес представляет изучение того, каким образом мотивационный профиль лидера страны влияет на исполнение им роли президента⁷.

Характеристика исследования

Теоретико-методологические основы исследования

Объектом изучения является мотивационный компонент личности трех президентов России — Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева. Предметом исследования выступает влияние мотивации главы государства на исполнение им роли Президента РФ.

Цель исследования состоит в том, чтобы в ходе рассмотрения самих людей Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева выявить взаимосвязь между их мотивационными профилями и исполнением ими роли главы российского государства, составить их мотивационные профили.

Исполнение роли президента является целенаправленным и мотивированным. Политические психологи из США Дэвид Винтер, Маргарет Херрман и их коллеги в результате многочисленных исследований доказали, что мотивационные профили лидеров стран коррелируют с теми моделями поведения, которые они демонстрируют⁸. С деятельностью главы государства связано множество личностных потребностей, но главное значение имеют три базовых мотива: власти, достижения и аффилиации.

В аффективной сфере политики мотив власти обнаруживает инстинкт доминирования, воздействия на других. Успешных президентов, как правило, отличает высокий уровень мотива власти.

Мотив достижения развивает предпринимательские качества, склонность к точному расчету, эмоциональную сдержанность. Президенты с высоким уровнем мотива достижения умело находят взаимную выгоду с партнерами, минимизировать потери, создавать вокруг себя эффективную команду экспертов.

Мотив аффилиации проявляется в стремлении сотрудничать, добиваться успеха на переговорах, устанавливать теплые личные отношения с окружением. Высокий уровень этого мотива выражается у президентов в эмоциональности, экспрессивности, нестабильности в формировании ответных реакций, зависимости от фактора среды.

В политической психологии существует традиция, по которой мотивационные качества личности президентов исследуются дистантными методами. Это предполагает сбор данных без непосредственного контакта с по-

литическим лидерами⁸. Такие методы базируются на контент-анализе вербального и невербального поведения⁹. Они позволяют объяснить и прогнозировать шаги главы государства во внутренней и внешней политике, а также их взаимодействия на переговорах с лидерами других стран.

В данном исследовании использовался контент-анализ¹⁰ речей, интервью и спонтанных выступлений, метод *case study*¹¹, наблюдения, изучение исторических и биографических материалов¹².

Гипотезы исследования

1. Президентство существенно зависит не только от институциональных рамок роли, но и от личностных особенностей людей, осуществляющих конституционные полномочия главы государства.

2. Важнейшим компонентом личности президента является аффективная сфера, обуславливая его мотивационным профилем, который, в свою очередь, представлен мотивами власти, достижения и аффилиции.

3. Президентство Б. Н. Ельцина во многом определялось мотивом власти, доминировавшим в структуре его личности, при средних показателях мотива аффилиации. В мотивационном профиле В. В. Путина преобладает мотив аффилиации при равновесии мотива власти и достижения. Для Д. А. Медведева характерен баланс развитых мотивов достижения и власти при отрицательных показателях мотива аффилиации.

Результаты исследования

1. Институционально-ролевой аспект. Согласно Конституции Президент РФ наделен максимальным объемом властных полномочий¹³. Помимо выполнения репрезентативных функций (символ единства государства, представительство внутри страны и в мировом сообществе, присуждение и вручение высших государственных наград), Президент РФ несет персональную ответственность за положение дел в стране, назначает на высшие должности в государственном аппарате, направляет деятельность исполнительных ветвей власти.

Глава российского государства позиционируется выше социальных, партийных, национальных и других групповых интересов. Он является верховным главнокомандующим вооруженных сил, выступает высшим выдвинутым интересом своих соотечественников, решает вопросы гражданства. Таким образом, роль Президента РФ обладает мощным потенциалом влияния на работу государственного аппарата и трансформацию общества.

Для россиян роль лидера страны имеет не только функциональное, но и символическое значение, поскольку олицетворяет власть и воплощает ее сакральный смысл¹⁴. В этом проявляются характерные черты российской политической культуры: всеобъемлющая зависимость от центрального

правительства, персонализация власти, склонность к царистскому проеци-
ту¹⁶. Поэтому выбор модели сильного президентского режима (так на-
зываемого «суперпрезидентства») для России был закономерен.

2. Борис Ельцин. Первым президентом Российской Федерации яв-
лялся Б. Н. Ельцин. В 1990 г. он возглавлял РСФСР в качестве Председа-
теля Верховного Совета. Для закрепления суверенитета республики, ко-
торый был продекларирован ранее, и оперативного решения
государственных вопросов был учрежден пост Президента России. Эту
идею одобрил всенародный референдум. Ельцин вошел на первые в
отечественной истории прямые выборы главы государства и одержал
победу. В результате он получил высшую власть непосредственно из рук
сограждан как национальный лидер молодой демократической России¹⁷.
В связи с распадом Советского Союза в 1991 г. и переименованием РСФСР
Ельцин из Президента республики автоматически стал Президентом Рос-
сийской Федерации — государства-продолжателя СССР¹⁸.

Он не имел четкого представления ни об институциональных пере-
мещениях поста главы государства, ни об особенностях нового амплуа,
хотя о символические страны и своего поста позаботился¹⁹. До сих пор ему
доводилось играть две роли: партийного руководителя регионального
уровня («судьяного князя») и митяного народного героя («ошального
бутовщика»). Это придалось при изложении в образ главы государ-
ства («царя»), которое утратило каждую власть.

Вооруженный конфликт между Президентом и Верховным Советом
России, который возникнул осенью 1993 г. в Москве, заставил Ельцина
иницировать принятие новой Конституции. В декабре 1993 г., избирая
депутатов Государственной Думы РФ, россияне проголосовали за Ос-
новной Закон, который наделил главу государства практически неогра-
ниченными полномочиями²⁰. С этого времени Ельцин стал называть себя
«гарантом Конституции», ревностно следя за тем, чтобы никто не поку-
шался на его единоличную власть. Целью ее сохранения являлась
и антикоммунистическая риторика, с которой диссонировала вся его
предшествующая карьера. Ельцин был представителем того поколения
советских политиков, которое делало карьеру в иерархии КПСС. Прора-
ботка подчиненных на заседании партийно-хозяйственного актива, после
которой человек мог оказаться в больнице с инфарктом или инсультом,
была обычной практикой. Ельцин давно усвоил этот стиль, перенес его
из Свердловского облика в Московский горшок, а затем демонстрировал
в качестве главы государства.

Являясь первым Президентом РФ, Б. Н. Ельцин был драматургом,
режиссером и актером, который создавал, выстраивал и проживал в роли
избираемого монарха²¹. К середине 1990-х годов у него сформиро-
вались устойчивые представления о том, как нужно преподнести себя.
Царственная походка, осанка, манера речи — все должно было демонст-

рировать высокий статус Президента великой России¹⁵. Во время встреч с руководителями других государств он стремился к тому, чтобы его автомобиль в кортеже следовал первым¹⁶. Себя идентифицировал как центр политической жизни страны, а свои окружения считал подручным материалом, которым можно манипулировать ради силовых интересов. При кадровых назначениях Ельцин не заботился о политической совместимости людей. Не старался устанавливать четкие границы в полномочиях различных институтов, предпочитал скорее учреждать новые, чем оптимизировать существующие¹⁷. Эти факторы приводили к ослаблению управляемости страной.

Ельцин позволял себе провоцировать острые политические ситуации. Мог затанцевать на неопределенном времени, чтобы оппоненты проявили себя, и потом вскинуть атаковать. Как инстинктивный политик, он не боялся кризисов, чувствовал себя в них, как в своей стихии, а в более спокойные периоды синкл, подавлялся фрустрацией, нечего из себя пресия¹⁸. Сосредоточен в своих руках всю полноту власти, он не пытался ограничить права и свободы граждан, был лоялен к СМН. Причем не столько потому, что являлся демократом или либералом по своим убеждениям, сколько из-за особенностей мотивационного профиля. Уступавший лишь мотиву власти, его развитый мотив аффилиации выражался в желании нравиться, вызывать восхищение, проявлять демонстративность. Пока позволяло здоровье, Ельцин предпринимал эксперименты, вызывая к миру, любил рукожатия, братания, делал шокирующие заявления. Этого стиля он придерживался до конца президентской карьеры.

На очередных выборах в 1996 г. Б. Н. Ельцин победил дорогой ценой. Ему это стоило немалых физических усилий, а стране — разрастания олигархических кланов. Но за полгода до истечения срока он в своей царственной манере передал пост премьеру, Председателю Правительства РФ В. В. Путину, которого фактически назначил следующим главой государства.

Свое крело Ельцин отлучил, вручая 15 апреля 1999 г. в Кремле орден «За заслуги перед Отечеством» народной артистке СССР Алле Пугачевой. «Я палил вас, когда вы пелили наперекор тем, кто хотел замкнуть, не пускал, чинил препятствия, — признался первый Президент России. — Я тоже всю жизнь боролся. Поэтому у нас есть что-то общее. Дух дунтарства»¹⁹.

Верный этому крелу, Ельцин сделал собственный уход с политической сцены эффективным и безвозвратным, вопросы прощания у граждан за ошибки и неоправданные надежды. Своете преемника охарактеризовал кратко и емко: «Он совестливый»²⁰. После отставки Ельцин воздерживался от публичных комментариев и оценок происходившего. Вместе с должностью он передал ряд нерешенных институциональных проблем.

3. В. В. Путин получил в наследство плохо управляемую и контролируемую криминально-олигархическими группами страну. Вскоре после подтверждения президентских полномочий на выборах 2000 г. он приступил к поэтапному укреплению властной вертикали. Вместо не оправдавшей себя системы региональных представителей Президента РФ он решил создать аппарат полпредов¹⁹, которые должны были назначаться непосредственно главой государства в 7 больших административных округах (по аналогии с военными), охватывающих 89 регионов России. Затем В. В. Путин инициировал реформу верхней палаты российского парламента²⁰: в Совет Федерации стали входить не губернаторы, а назначенные представители местной исполнительной и законодательной власти — по два от каждого субъекта РФ. Самых глав регионов он собрал в совещательный орган при Президенте — Государственный Совет²¹. С отменой в 2004 г. прямых выборов на высший пост в субъектах РФ²² губернаторы превратились из независимых лидеров своих регионов в руководителей, фактически назначаемых Кремлем²³. Перечисленные меры восстановили управляемость страной, позволили защитить государство от провалов федерализма.

В течение двух сроков своего президентства В. В. Путин стремился к постоянным, выпрекающим излучением, получавшим поддержку в элитах и у широкой общественности. В отличие от предшественника — персонифицированного, «западного» и радикала, Путин демонстрировал приверженность институционализму, патриотизму и умеренности²⁴. Стать президентом он заранее не планировал, потому что своего выдвижения создать костяк соратников не успел. Чтобы собрать вокруг себя команду единомышленников, на ключевые посты в Центре и на местах в основном ставил людей, которым доверял лично, — знакомых по прежней работе в мэрии Санкт-Петербурга и органах госбезопасности. Этот принцип в подборе кадров зачастую не учитывал компетентность человека, что неоднократно подчеркивалось в оппозиционных СМИ. В свое время приверженность командному духу вынудила его покинуть мэрию Санкт-Петербурга после проигрыша выборов А. А. Собчаком, отказаться предложить избранного губернатора остаться в новой администрации и тем самым потерять работу.

Путин не пытался поднять свою популярность за счет критики экс-президента, хотя неоднократно высказывал сожаление, что СССР распался, а позиции России в Восточной Европе слабы. Более того, он по-прежнему о Ельцине и его финансах, практически до конца своей первой инвентитуры сохранял в должностях большинство его чиновников.

Мотивационный профиль Путина определяется устойчивым равновесием мотивов власти и достижения при высоком уровне мотива аффилиации²⁵. Власть для него — скорее средство, чем цель. Такой политик испытывает потребность в теплых и симметричных межличностных от-

поощения, ценит принадлежность к команде, ищет поддержку и одобрение своей работы, охотно оказывает и принимает помощь, стремится к сотрудничеству с коллегами, заботится о собственном позитивном имидже в общественном сознании. Этим объясняется манера Путина на совещаниях и встречах самому обходить всех присутствующих и с каждым здороваться по руку. А во время телефонатов и посиделок по стране предпочтительна проявление искреннего сочувствия и желания помочь — даже без учета реальных возможностей бюджета или чиновников.

Вместе с тем высоко развитый мотив аффилиации содержит в себе опасность того, что называется «экзистивным кризисом»: если такая личность не находит поддержки и понимания, к которым стремится, то ее ответная реакция может носить характер защитной агрессии⁶². В противоположность Ельцину Путин очень остро реагирует на все, что о нем пишут. Критические выступления в свой адрес он воспринимает как проявления враждебности, на которые дает отпор с любовью двоекратя. Собственно, именно это не учли продвигавшие поединки и вытеснение с телеканалов миллионеры и журналисты, эмигрировавшие или осужденные олигархи, утратившие публичность политики и депутаты. Никто не должен подрывать авторитет верховной власти, оказывать финансовое или иное давление на ее решения, принимать законы, противоречащие ее интересам⁶³.

Между тем политик с высокими аффилиативными устремлениями часто идет на компромиссы ради сохранения дружеских отношений, что может ослабить его позиции на переговорах с зарубежными коллегами, у которых преобладает мотив власти. И если у Горбачева и Буша-ст. единственными по высоким значениям показателям аффилиации приводили к конструктивному партнерству и консенсусу по большинству острых вопросов, то в паре Путин—Буш-мл. было немало драматичного.

Так, после саммита в Любляне⁶⁴ летом 2001 г., где произошло знакомство президентов, после установления добрых и даже доверительных личных отношений с Дж. Бушем В. В. Путин не мог не попомнить в Белый дом 11 сентября 2001 г., чтобы выразить сочувствие в связи с террористической атакой на Нью-Йорк и Вашингтон, а несколько месяцев спустя — не мог не дать согласия на дислокацию американских войск в бывших советских республиках Центральной Азии⁶⁵. Мотивированный властью Дж. Буш и представители его администрации истолковали сердечный порыв Москвы как нечто само собой разумеющееся — одностороннюю уступку и признание американского превосходства. Это сарказировало у В. В. Путина «негативный цикл» аффилиации. Последовала жесткая международная риторика Москвы, внешнеполитические шаги продемонстрировали охлаждение отношений с Вашингтоном⁶⁶, пригласили и готовность всемерно отстаивать геополитические интересы России. Обусловлено это было не столько политической целесообразно-

волею, дерзкой стратегией или дипломатической тактикой, сколько реакцией на отсутствие дружеского расположения, симметричных шагов, простой человеческой обидой и досадой на себя. Эскалация взаимных негативных притязаний привела к тому, что президентом-претендиком Путина и Пути-ма, пришлось прибегнуть к «перезагрузке отношений» между двумя странами.

Одной из особенностей лидера с промаларуэцим мотивом аффилиации является низкая способность справиться со стрессовыми ситуациями, в числе которых могут оказаться неизбежные для президента выступления перед телекамерами, встречи с прессой, общение с большими аудиториями. В случае неудач или потери привлекательности в глазах соотечественников, журналистов и населения уровень фрустрации такого лидера может достичь высокого уровня и спровоцировать столь ценное им самим и его избирателями состояние стабильности. Поэтому в начале своего президентства Путин демонстрировал дефицит коммуникабельности, стиль закрытости и обособленности, парабатавший в органику государственности или присущий от природы, политическое одиночество⁶⁰. Этим также можно объяснить его нечеловеческое из себя время во время трагических событий (гибель АПЛ «Курск», теракт во время мюзикла «Норд-Ост», захват школы в Беслане и др.), когда гражданам тихо ждали оперативной реакции Президента РФ. Но он позиционировал себя как истинного менеджера, главный приоритет которого — выполнение своей работы, достижение конкретных результатов, а не бесконечные выступления или тиражирование популистских лозунгов и декларативных заявлений.

Между тем в конце первой инвентитуры В. В. Путин вполне освоился с ролью публичного политика⁶¹, показывая блестящее владение приемами убеждающей коммуникации и полемической риторикой — результат исповеднического системного тренинга. И много его критики и сторонники смогли отметить то, что прежде наблюдали только журналисты президентского пула, иностранные политики и зарубежные обозреватели: путинское остроумие, образность речи, человеческое обаяние.

Путин является представителем среднего поколения, которое пережило смену нескольких эпох. Эти люди умеют приспосабливаться к обстоятельствам и постоянно обучаться новому. Он настолько вошел в амплуа публичного политика, что, сменив Кремль на Дом Правительства РФ, покачну испытывал явный дискомфорт, поскольку фигура премьер-министра менее ярка и заметна, более тиха и незаметна по сравнению с фигурой президента. Поэтому соблюдаемый сейчас в СМИ паритет в освещении деятельности двух первых лиц российского государства оказался разумным и целесообразным — как для властного тандема, так и для граждан. Тем самым обеспечиваются преемственность и открытость проводимого политического курса, а также учитываются консервативные российские избиратели.

В начале своего правления Путин сказал: «Я бы хотел, чтобы граждане воспринимали меня как человека, которого наняли на работу для исполнения профессиональных обязанностей, с которым заключили трудовой договор на определенный срок»²⁴. Примечательно его отношение к выполняемой роли: Путин воспринимает ее как задание, предначертанную судьбу.

Он сохранил верность заявленному анализу, ускорив за два президентских срока укрепить статус России в мире, обеспечить стабилизацию в стране и подготовить конституционную передачу власти своему преемнику. Оценивая политическое credo Медведева, Путин назвал его «державником» и «русским националистом в хорошем смысле слова»²⁵.

4. Д. А. Медведев стал первым в истории России главой государства, который получил конституционные полномочия в установленный закон срок и по классическому сценарию — от действующего руководителя к избранному. Никто не предполагал весной 2008 г., что мировой кризис и внешнеполитические вызовы позволят преемнику Путина доказать всем, что роль «технократического» президента или «миссионерства» не соответствует ни его политическим амбициям, ни индивидуальному стилю, ни темпераменту²⁶.

Основными психологическими характеристиками третьего Президента РФ являются высокая степень развития самоконтроля, мысленная независимость, повышенная практичность и правдивость при повышенной агрессивности. У Медведева развит мотив достижения успеха в сочетании с выраженным мотивом власти, при этом страх власти отсутствует. Аффiliation представлена отрицательными показателями. Подобный мотивационный профиль характерен для эффективных топ-менеджеров, реализующих себя в конкурентной деятельности. Наряду с этим контент-анализ предвыборных выступлений Медведева выявляет несамостоятельность в принятии решений и проведения их в жизнь, а также неспособность видеть препятствия на пути к целям²⁷, что можно объяснить контекстом его выдвижения на высший пост в российском государстве.

Очевидно, он не готовился быть президентом кавказской войны и экономических потрясений. Ключевыми направлениями его предвыборной программы назвали четыре ИИ: институты, инновации, инвестиции, инфраструктура²⁸. Большинство идей пришлось отложить на неопределенное время и сосредоточиться на решении текущих задач. Среди значимых институциональных инициатив было увеличение срока полномочий Президента РФ до 6 лет, а депутатов Государственной Думы РФ — до 5 лет.

Необходимость защитить позиции России в связи с грузинской агрессией в Осетии заставила Медведева ощутить себя главой государства и использовать всю полноту власти. В чрезвычайных обстоятельствах он не пропал из виду, подобно предшественникам, а среагировал моментально и гласно²⁹. Будучи верховным главнокомандующим, он принял на

себя ответственность за силовое решение и продолжил отстаивать его уверенно и последовательно. Призвал независимость Абхазии и Южной Осетии, разработал мирный «план Медведева—Саркози», дал отпор зарубежным оппонентам и СМИ, но не допустил конфронтации с Западом. На переговорах в Москве с Федеральным канцлером Германии А. Меркель и Президентом Франции Н. Саркози Дмитрий Медведев позиционировал себя как хозяина положения, как политика, который предпочитает сначала победить соперника военной силой, а затем проявить великодушие, обсуждая условия мирного соглашения. Аллегория Президента РФ в широком смысле и отрицание двойных стандартов при решении конфликтов абхазцев с сербами и грузин с осетинами и абхазами раскололо Николая Саркози, обескуражило Ангелу Меркель, а также позволило итальянскому лидеру Сильвио Берлускони поддерживать успешную милитаристскую операцию России.

Политическая воля Президента РФ и умелое сочетание жесткой риторики с дипломатической гибкостью способствовали успешному принятию Западом нового геополитического расклада на Кавказе. Та же стратегия была успешно использована Медведевым в ходе газового конфликта с Украиной²⁴, в результате чего Киев обязался платить за газ по мировым ценам.

Российский президент проявил инициативность и предприимчивость в поиске новых политических и экономических партнеров, осуществил масштабное турне по странам Латинской Америки²⁵. В итоге был подписан ряд долгосрочных соглашений, включая отказу авторитарного режима. Не менее результативными было маршечное участие лидера России во встречах «Большой двадцатки», ЕС, ОДКБ, ШОС, БРИК, турне по странам Северной Африки, визит в США, выступления на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, многочисленные переговоры с высшими руководителями стран СНГ, Монголии, Китая, Вьетнама, Турции, Сингапура, Алжира, Японии, Дании, Австрии, Германии, Швейцарии, Швеции.

Сходство мотивационных профилей Дмитрия Медведева и Барака Обамы, представителей одного поколения и одного профессионального юридического сообщества, позволило в ходе интенсивных встреч на высшем уровне (июль 2009 г. — Москва, сентябрь 2009 г. — Нью-Йорк, ноябрь 2009 г. — Сингапур) говорить на одном языке. Это obligated позиции двух стран по большаиству острых вопросов, включая противоракетную оборону, сокращение и распространение ядерного оружия.

Кризисные ситуации позволили Дмитрию Медведеву продемонстрировать черты не только державника, но и либерала, открытого политика, лидера вне партий и идеологий²⁶. Он ввел практику регулярных встреч с журналистами, экспертами, правозащитниками, предложил создать открытую систему формирования резерва управленческих кадров из числа успешных профессионалов в разных областях²⁷, инициировал пакет антикоррупционных законов и реформу МВД РФ, обязал чиновников регулярно публиковать декларации о доходах.

Навыки аудиторной работы, опыт ведения лекций и семинаров в Санкт-Петербургском университете позволяют Д. А. Медведеву выступать перед разными аудиториями, практически не глядя на подготовленные тексты, а во время больших встреч с бизнес-элитой, региональными руководителями, партийными лидерами, сенаторами, депутатами, журналистами и молодежью вести активный диалог, модерировать обсуждения, мгновенно реагировать на реплики, резюмировать высказанные идеи.

В то время как высокопоставленные чиновники в публичных выступлениях обходят стороной тему мирового финансового кризиса, Медведев нарушил молчание, посвятив ей пост в своем блоге²¹. На тогда, ни поддось он не перекладывал ответственность за экономические решения на Правительство РФ. Президент ведет постоянный мониторинг ситуации в России и за рубежом, что позволяет ему информировать соотечественников о перспективах продолжения последствий кризиса без лукавства, правду и по существу.

Медведев является представителем поколения, которое сформировалось в период перестройки и смело успешно применяет свои силы в научной сфере, бизнесе и государственной службе. Он с интересом следит за техническими новинками и стремится оперативно осваивать их для оптимизации своей деятельности. Если, будучи Президентом РФ, Ельцин слушал подготовленные пресс-службой подборки публикаций, а Путин по собственному выбору просматривал отечественные и зарубежные телеканалы и газеты, то Медведев предпочитает диалог с интернет-ресурсы, которые воспринимает не только как источник информации, но и как средство систематического РР-сопровождения функций главы государства. Активное использование современных технических средств, интернет-общение с соотечественниками позволяют ему отслеживать ситуацию в обществе и оперативно реагировать на запросы граждан, стимулировать чиновничество к работе с населением в режиме он-лайн.

Никогда прежде глава государства не приближался к рядовым гражданам, не был столь доступен и быстр, отвечая на их обращения. В своей деятельности нынешний президент делает явный акцент на интересе «простого человека»²². Он усвоил острую потребность людей в кризисный период постоянно видеть и слышать власть, которая выступает не как безликий инициатор всевозможных реформ, а как опытный психотерапевт, упрямдающий истерию и панические настроения.

После победы на выборах весной 2008 г. Д. А. Медведев признался: «Я юрист по статусу мышления. Юрист, может быть, даже в большей степени, чем это нужно. Юрист до мозга костей. Я многому научился у президента Путина»²³. Можно отметить, что в условиях высинисполнительских вызовов и глобального кризиса политическая капитализация Медведева неуклонно растет²⁴. Он органично вошел в роль главы государства и продолжает ее исполнять, проявляя присущую ему рассу-

тельность, основательность, прагматику, деликатность, полнотружденность, ответственность и самодостаточность. Ему удалось противостоять деструктивной ситуации в стране и в мире, утверждаясь в глазах российского общества и зарубежного истеблишмента в качестве сильной личности и реально действующего президента.

* * *

Таким образом, исторические сведения, биографические данные и результаты политико-психологических исследований подтверждают выдвинутые гипотезы. Они свидетельствуют о том, что мотивация как важнейшая составляющая человеческого капитала в значительной степени влияет на исполнение роли главы государства и развитие института российского президентства в целом. В системе с сильной президентской властью, какая сложилась в постсоветской России, смена на посту главы государства политиком, обладающим различным человеческим капиталом, неизбежно влечет изменения в природе президентства. Трансформация президентства происходит на наших глазах и делает продолжение научных изысканий востребованным и актуальным.

Примечания

¹ Мещеряков Е. Б. Психологический профиль российского политика 1990-х: Теоретическое и прикладное проблемы политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000. С. 177.

² Савельев М. Э. К вопросу о человеческом капитале президентства в России // Известия и материалы к материалам исследований. Саратов, институт, история: Тезисы докладов на V Всероссийском конгрессе политологии (Москва, 20-22 нояб. 2009 г.). М.: РАПН, 2009. С. 188-189.

³ Granberg J. R. The Presidents: The Transformation of the American Presidency from Theodore Roosevelt to Barack Obama. L.: Penguin Books, 2009. P. 21.

⁴ Skovropel E., Sivolev I. Russian Presidents: Yeltsin, Putin, Medvedev, Does Personality Matter? // Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Abstracts / Ed. by D. Bondarenko, O. Karyukin. M.: The Institute for African Studies, 2009. P. 141.

⁵ Greenstein P. J. The Presidential Difference: Leadership Style from FDR to George W. Bush. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 17.

⁶ Савельев М. Э. К вопросу о человеческом капитале президентства в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки, 2008. № 6. С. 108.

⁷ Skovropel E., Sivolev I. Yeltsin, Putin, Medvedev: How Motivation Impacts on the Way President Fulfills His Role // ISPP: 32nd Annual Scientific Meeting, Trinity College, Dublin, Ireland, 2009, July 14-17. [Интернет-ресурс]. — Полный доступ: http://www.africanacademic.com/mcmap304965_index.html.

⁸ Winter D. G., Stewart A. J. Content Analysis as a Technique for Assessing Political Leaders // Psychological Examination of Political Leaders / Ed. by M. Hermann, T. Milburn. N.Y.: Free Press, 1977. P. 38-61; Winter D., Hermann M., Weintraub R., Walker S. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits and Policy // Political Psychology, 1998. Vol. 12, No 2. P. 215-245; a op.

⁹ Handbook of Psychology // Journal of Personality and Social Psychology / Ed. by T. Milon, M. Lerner. 2003. Vol. 3. P. 599-627.

¹⁰ Шенников Е. Е., Сироткин Н. Д. Ельцин, Путин, Медведев: личные мотивации на политическом поле президента // Теория и практика российской политической психологии: Материалы науч. конф. / Под ред. А. И. Юрына. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 400–414.

¹¹ White D. G. Manual for Scoring Motive Imagery in Running Text. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.

¹² Kasser J., Brunley R. A Practical Guide to the Comparative Case Study Method in Political Psychology // Political Psychology. 1999. Vol. 20. No 2. P. 349–381.

¹³ Glad B. Passing the Baton: Transformation Political Leadership from Gorbachev to Yeltsin, from de Klerk to Mandela // Political Psychology. 1996. Vol. 17. No 1. P. 20–23.

¹⁴ Конституция РФ: Принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (С). 80, 83–85. Ст. 4) // Ред. от 30.12.2008 // Российская газета. 2009. 21 янв.

¹⁵ Шенников Е. Е. Политическая психология. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 167, 168–170; Общину российской власти: От Ельцина до Путина / Под ред. Е. Е. Шенникова. М.: РОССПН, 2008. С. 139–140.

¹⁶ Шенников Е. Е. Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССПН, 2000. С. 377.

¹⁷ White S. Russia's New Politics: The Management of a Postcommunist Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 23–33.

¹⁸ Согласно теории конститутизма. Подробнее см.: Крылов Н. В. Категория «Российская Федерация — государство-продолжатель СССР»: Вопросы теории и практики // Восток. Моск. ун-та. 2008. № 3. С. 3–22; Федеральный закон РФ от 15.06.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах РФ» // Российская газета. 1995. 21 июня.

¹⁹ Тюрин А. Д. Государственный символизм в образе современной России // Община государства, наций и лидеров / Под ред. Е. Е. Шенникова. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 91–96.

²⁰ Robinson N. The Presidency: the Politics of Institutional Change // Institutions and Political Change in Russia / Ed. by N. Robinson. Honolulu: Macmillan Press, 2000. P. 11–40.

²¹ Сироткин Н. О роли личностного фактора в становлении института российского президентства (на примере Б. Н. Ельцина) // Восток. Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. 2009. № 1. С. 85–87.

²² Матвиенко Л. М. Борис Ельцин: Психология. М.: Центрполиграф, 2007. С. 196–198.

²³ Ельцин Б. Н. Записки президента. М.: Изд-во «Огонек», 1994. С. 113.

²⁴ Nichols T. M. The Russian Presidency: Society and Politics in the Second Russian Republic. N.Y.: St. Martin's Press, 1999. P. 93.

²⁵ Сироткин Н. Д. После Ельцина // Независимый альманах ЛЕБЕДЬ. 2000. № 163. 16 апр. С. 12.

²⁶ Ельцин, подражая Путину с улыбкой, расстался с ней свои черты // Политру. 1999. 15 апр.

²⁷ Матвиенко Л. М. Борис Ельцин. Психология. М., 2007. С. 260.

²⁸ Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 649 «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» // Российская газета. 2000. 16 мая.

²⁹ Федеральный закон от 05.08.2000 № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» // Российская газета. 2000. 8 авг.

³⁰ Указ Президента РФ от 01.09.2000 № 1402 «О Государственном Совете РФ» // Российская газета. 2000. 3 сент.

³¹ Федеральный закон от 11.12.2004 № 139-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» // Российская газета. 2004. 15 дек.

²⁰ Шейнман Т. А. Новые тенденции регионального политического ландшафта // Политологические аспекты политического процесса во «второй путинской республике» / Под ред. Е. Б. Шейнмана. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 41–43, 44–46.

²¹ Крылова В. В. Путинская власть: Политокультурные дилеммы второй администрации // Политологические аспекты политического процесса во «второй путинской республике» / Под ред. Е. Б. Шейнмана. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 45–47.

²² Шейнман Е. Б. Споры Павла, чем Петр // Новая газета. 2004. 9–11 февр.

²³ Зорин В. А. Политическая психология постсоветского президентства. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. С. 83–84.

²⁴ Давыдов М., Шапов В. Роль волеи в политическом решении, чем он в нем // Общественная газета. 2009. 6 дек.

²⁵ Бородин В., Сивачкин А. Путин и Буш являются соседями в глазах друг друга // Труд. 2001. 16 июня.

²⁶ Корн Дев. Новый лучший друг Америки? // Сталкерские новости. 2002. № 18. 21–27 мая.

²⁷ Густавсон Э. К. Сравнительный анализ поведения лидеров на личности Дж. Буша-м. и В. В. Путина // Политическая психология, культура и коммуникация / Под ред. Е. Б. Шейнмана. М.: РАПН, РОССПН, 2008. С. 134–135, 142–143.

²⁸ Блок Г. Николай Зубин: «Путин довольно уверенно чувствует себя в политическом одиночестве» // Известия. 2004. 10 сент.

²⁹ Шейнман Е. Б. Кто сказал, что Медведев уступит? — Вестник влад Р. Цетсков // Независимая газета. 2008. 19 мая.

³⁰ Президент России Владимир Путин в интервью ОРТ, РТР и «Независимой газете» подводит итоги 2009 г. // Независимая газета. 2009. 16 дек.

³¹ Карачин А. Встреча Президента Путина с Канцлером Германии Меркель // Бизнес-журнал. 2008. 8 марта.

³² Шейнман Е. Б. Медведев не из тех, кто даст себя легко подписать. // Независимая газета. 2009. 19 мая.

³³ Шапов В. Who is Mr. Medvedev? // Проект ВАА.В. Публикации: Политика. 2008. 28 фев. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vaa.ru/zhiva.php?id=181>.

³⁴ Киселевич Т. Четыре «Не Медведева: Первый вице-премьер выложил свою программу для России // FBK daily. 2008. 15 февр.

³⁵ Президент Дмитрий Медведев проанализировал ситуацию в зоне грузино-осетинского конфликта // Российская газета. 2008. 8 авг.

³⁶ Вино С. Безоговорочное подписание: Вчера наконец был подписан протокол о контроле за транзитом газа // Российская газета. 2009. 13 мая.

³⁷ Кушанов В. Острова свободы // Российская газета. 2008. 1 дек.

³⁸ Зубин М. Демидовым встречен Медведев: Под с новым президентом: Победы и провалы // Московский комсомолец. 2008. 1 марта.

³⁹ Шейнман Е. Б. Медведев не из тех, кто даст себя легко подписать. — Вестник влад Р. Цетсков // Независимая газета. 2008. 14 мая.

⁴⁰ Ситуация в связи с глобальным финансовым кризисом // Визирное Дмитрий Медведев. 2008. 23 сент. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://blog.kremlin.ru/ross/23sept09>.

⁴¹ Medvedev D. A. Russia, indeed! Прямой адрес: kremlin@rossia.ru // Российская газета. 2009. 11 сент.

⁴² Вино М., Барфур Л., Блок Г. Дмитрий Медведев — избранный Президент РФ // Ведомости. 2008. 25 марта.

⁴³ Сиротенко Н. Личность Президента Д. А. Медведева в условиях внешнеэкономического кризиса и мирового финансового кризиса // Психи. 2009. № 3. С. 123–125.

Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности*

Оценки восприятия образа политического лидера являются объектом сложной и противоречивой природы. Данные, полученные в результате изучения образов политиков, нуждаются в многослойной интерпретации, они представляют собой некий срез, на котором отражены самые разные социальные феномены¹. Этих данных можно найти много в различных исследовательских контекстах, таких как изучение установок, стереотипов массового сознания, анализа политической культуры или, например, дискурсивного процесса политических коммуникаций. Вместе с тем эти данные могут быть полезным источником информации для исследования проблемы личности политического лидера и занять определенное место в его психологическом портрете.

Мы ставим перед собой вопрос о том, какими качествами обладает тот или иной политик. Что мы хотим знать или, лучше сказать, что нам нужно знать, чтобы ответить на этот вопрос? Каждый из нас знает, например, о В. В. Путине достаточно много: как он выглядит, откуда родом, как стал президентом, какие поступки совершил на этом посту. Кто-то знает больше, кто-то меньше — это зависит от степени заинтересованности каждого конкретного человека в политике, от его информированности, от его политических пристрастий и симпатий. В общем-то, не один публичный политик не способен утаить от своих избирателей свои мнения, телесные, моральные, психологические, политические, профессиональные, деловые и, возможно, какие-либо иные качества. Люди всегда обращают на них внимание, и, независимо от того, насколько обоснованно их мнение, они его составляют, определяя для себя, каков на своем деле тот или иной политик. Таким образом, если мы хотим узнать что-то важное о каком-либо политике, то можем попросить людей рассказать нам о нем.

Вместе с тем такой подход содержит в себе и очевидный недостаток: никто и никогда не сможет поручиться за то, что тот образ, который мы обнаруживаем в сознании наших респондентов, является «подлинным». Иначе говоря, те качества политического лидера, которые приписываются ему обществом, могут быть источником в социально вырабатываемых политтехнологических программах, которые предлагаются избирателю и могут быть обозначены как «образ» кандидата. Ни для кого не секрет, что мастерство политтехнолога как раз и состоит в

* Зорин В. А. Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности // Психология восприятия власти / Под ред. Е. Е. Шестовой. М.: Изд-во «СПС Мысль», 2002.

умения сделать образ своего клиента более привлекательным, чем он есть на самом деле.

Кажется бы, что из этого следует прежде всего то, что, если мы хотим быть самым главным в личности политика, мы должны прежде всего отказаться от использования подобных «вторичных» источников и сосредоточить наше внимание на материалах, в которых личность лидера отражена «на самом деле», т.е. без искажений, двусмысленных пиаровскими соображениями и электоральными интересами. Психологическая наука дает исследователю множество возможностей для изучения истинных, аутентичных в психологическом смысле характеристик личности. В самом деле, любой политик — прежде всего человек, и у него гораздо больше общего с простым обывателем, чем отличного. Любому политику свойственны все те же психические свойства и составные, что и психика может быть проанализирована через особенности его памяти, мышления, восприятия, воображения, интуиции и т.д. Но если мы сделаем акцент на подобном подходе, то неизбежно столкнемся с двумя фундаментальными проблемами.

Первая состоит в том, что все многообразие психологических методов изучения личности предназначено для непосредственной работы с объектом, который часто выступает в роли пациента. Мы могли бы многое узнать о политике, если бы он согласился нарисовать для нас существовавшее животное или если бы он согласился прилечь на кушетку психоаналитика либо подвергнуться гипнотическому воздействию. Если бы все эти возможности были нам предоставлены, мы могли бы с уверенностью (при этом нужно учитывать то, что эти данные нуждаются в интерпретациях, которые у разных экспертов могут отличаться) сказать, правы или неправы респонденты, когда приписывают личности этого политика то или иное качество или характеристику.

Важнейшая традиция в политической психологии была основана Х. Лассвеллом², который в 30-е годы прошлого века смог получить доступ к истории болезни пациентов одной респектабельной психиатрической лечебницы, в которой в раннее время наблюдались различные политики, как правило, среднего уровня. Лассвелл высказал предположение, что каждый человек, который становится субъектом политического процесса, приносит в него свои внутренние конфликты и конфликты в радикализированном виде. Таким образом, то, что кажется политиком, которую политика занимает по определенному вопросу, на самом деле оказывается переосмыслением конфликтов собственной души в общезначимых терминах. Однако обстоятельства, в которых Лассвелл проводил это исследование, не являются типичными. Как правило, ученые сталкиваются с проблемой непосредственной недоступности объекта своего исследования.

Классик современной политической психологии Ф. Принстайн в своих работах³ неоднократно характеризует несовершенство критики лич-

полных исследований, опирающейся на положение о том, что очень трудно найти источники, адекватные цели, которые исследователь ставит перед собой, с помощью метафоры о плавнике, который ночью ищет потерявшие им клещи именно под фонарем только лишь по той причине, что там светлос. Таким образом, Принстайн принимает политических психологов провалить перлам и правдивость науки и всякий «охлади» в крошечной теме. Но даже если мы не отступим перед трудностями и встанем на путь поиска того, что найти почти невозможно, то в любом случае будем вынуждены признать, что эта проблема существует.

Перед тем как перейти к описанию второй проблемы, необходимо сказать несколько слов о том, что в политической психологии существует исследовательская стратегия, позволяющая оценивать различные психологические характеристики политических лидеров без непосредственного погружения в их личность, т.е. «при свете дня». Речь идет о дистантной оценке. Ее возможности были продемонстрированы американскими политическими психологами Д. Уинтером, М. Херманн, С. Уокером и У. Уайнтраубом⁶, которые создали психологические профили президента Дж. Буша (старшего) и М. Горбачева, а также сделали ряд прогнозов относительно перспектив их коммунирования и взаимодействия в системе развития советско-американских отношений в начале 1990-х годов. Применение дистантной оценки предполагает, что личность находит свое отражение во внешних, вербальных проявлениях, таких как авторские тексты. Исследователь пытается выявлять в тексте некоторые структуры, которые генетически связаны со структурой личности политического лидера, включающей такие компоненты, как мотивация, убеждения, личностные качества и т.д.

Сущность второй проблемы состоит в том, что, даже затратив массу сил и энергии на выяснение интересующих нас особенностей личности политического лидера и добившись на этом пути относительных успехов, мы все равно можем оказаться ни с чем. Внутренний мир любого человека удивительно богат и с трудом поддается систематизации, при этом вряд ли будет ошибочным утверждение о том, что в личности есть нечто такое, что нам вовсе не обязательно знать, если объектом нашего интереса является политический лидер. Вместе с тем несомненно, что при определенных обстоятельствах те или иные качества и характеристики личности могут становиться политически значимыми факторами, поэтому методологически сознательный исследователь должен подходить к изучению личности политического лидера с четким осознанием того, какие именно ее стороны актуальны для политика.

Для адекватного ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к рассмотрению феномена политики как таковой. Политика обычно связывается с государственным управлением, главной функцией политического лидера считается принятие решений, от которых зависит

многое в жизни общества. Если мы отталкиваемся от этого понимания политики, то вопрос о психологическом изучении личности лидера становится особенно актуальным. На первый план выходит вопрос о степени, как много в действительности зависит от индивидуального политического актора, выполняющего определенную роль в политической системе. Различные исследователи характеризуют степень влияния личности с различной степенью оптимизма или пессимизма. Наиболее известным представляется подход Ф. Гринштейна¹, который выделяет ряд факторов, наличие которых в характеристиках роли политического лидера увеличивает вероятность того, что его личные качества окажут влияние на ход политического процесса.

Несомненно, такой подход к пониманию феномена политики оправдан и рационален. Но вместе с тем он не является универсальным и не вмещает в себя множество явлений, с которыми мы сталкиваемся и которые считаем по своей природе политическими. Кроме того, представляется, что такое понимание политики актуально для изучения прежде всего «трансформирующего» (термин Дж. М. Гораса²) лидерства. Этот тип лидерства предполагает, что от принятия решений тем или иным политиком непосредственно зависит ход важных социальных процессов, т.е. это такое лидерство, которое способно изменять, трансформировать общество. Протиположичный тип характеризуется как «транзактивное» лидерство и предполагает, что выполнение субъектом своих ролевых предписаний в обязанностях укладывается в четкие и устойчивые рамки, которые не предполагают области возможностей для проявления своей индивидуальности. Другими словами, в обычных условиях государственная машина работает тихо и безмятежно, что делает любого, пусть даже самого влиятельного индивидуального актора, «обезличенной частью механизма, осуществляющего управление. Именно к первому типу принадлежит лидерство в современной России, а также, например, в наиболее близких ей в культурном, историческом и прочих отношениях государствах — Украине и Белоруссии.

В другом смысле политика является неким пространством, игровым полем, на котором каждый человек при желании может посмотреть. Это мир, сотканный из выпусков телевизионных новостей, газетных статей, разговоров на кухне, это особая, в каком-то смысле «виртуальная» реальность, отражающая существование отдельного социального поля, обладающего своим законом и правилами игры. В работах французского социолога П. Бурдьё показано, что «основной ставкой в политической игре является не только и даже не столько монополия использованных объективированных ресурсов политической власти (финансов, права, армии и т.п.), сколько монополия производства и распространения политических представлений и знаний: именно они обладают той мобилизующей силой, которая дает жизнь политическим партиям и правящим груп-

приведено⁷. В таком понимании политика оказывается феноменом общественного сознания. Это значит, что каждый член общества конструирует политическую реальность для себя и в соответствии с закономерностями функционирования своего сознания. Вместе с тем сознание является социальным феноменом, и его основе лежат механизмы отражения. Это позволяет нам говорить о том, что, несмотря на многообразие индивидуальных различий, существуют некоторые общие, универсальные структуры, которые обеспечивают существование политики как пального явления, т.е. мы можем рассматривать политику как феномен именно общественного сознания.

Теперь мы можем вернуться к вопросу, с которого начинали, т.е. к проблеме личности. Что нам нужно знать о политическом лидере и что является несущественным для политико-психологического анализа личности? Для этого нам придется ввести ясность в используемые нами понятия. Что такое личность для политического психолога?

В самом общем виде под личностью мы понимаем некоторую совокупность признаков, характеризующих индивида. Но дело в том, что одни и те же особенности человека могут стоять в разных отношениях к его личности. В одном случае они выступают как бесприличные, в другом — те же особенности входят в ее характеристику⁸. А. Н. Леонтьев понимал личность как новое качество индивида, которое возникает по мере его включения в систему общественных отношений.

Применительно к политическим лидерам мы можем говорить о личности как таковой (понимая под ней всю совокупность психических и физиологических свойств и состояний, объективно присущих индивиду), а также об имидже (в который включаются атрибуты, приписываемые индивиду и существующие как бы независимо от присущих ему в реальности качеств). Если мы изучаем личность как субъекта политика, понимаемая под последней процесс управления и принятия решений, то нас должен интересовать не столько имидж, сколько личность как таковая. Такое понимание личности в данном случае позволит нам видеть индивидуально-психологические детерминанты политических решений.

Но если мы пытаемся рассмотреть личность политика как элемент политического сознания, объект его отражения, то нам потребуются иные концепции, иное понимание того, что такое личность в политике. Насколько адекватно этот феномен отражен в том, что понимается под имиджем?

Не ставя под сомнение тот факт, что в имидже политического лидера присутствуют характеристики, важные и актуальные для понимания его личности, все-таки нельзя не отметить, что имидж по своей природе ввержен по отношению к личности. Имидж является продуктом осознанной деятельности целой группы акторов, т.е. в нем отражена не столько личность, сколько некоторые процессы, источники которых лежат вне сферы как собственно личности, так и общественного сознания. Иными

словами, в общественном сознании нам нужно искать не «остатки (или результаты) работы империалистов», а собственно «политическую личность», которая и является субъектом политики в нашем понимании.

Таким образом, вводя понятие «политическая личность», мы представляем существование особой категории явлений и особой сущности, которая находится в определенной взаимосвязи с личностью как таковой и с имиджем. Подобно тому как личность возникает в результате развития индивида, «политическая личность» формируется как продукт трансформации личности как таковой в результате участия субъекта в политической деятельности. Этот механизм описан в работах А. Н. Леонтьева следующим образом: «...субъект, вступающий в общество в новую систему отношений, обретает также новые — системные — качества, которые только и образуют действительную характеристику личности»¹. Таким образом, сущность «политической личности» непрерывно трансформируется под влиянием того поля деятельности, в которую она оказывается включенной.

Означая, что «политическую личность» нужно поместить как бы между личностью как таковой и имиджем в соответствии с тем, что она является феноменом особой реальности — общественного сознания, — отличной как от собственно психологической реальности, выраженной в личности как таковой, так и от сферы избирательных технологий. По своей природе «политическая личность», несомненно, является образом, т.е. неким идеальным конструктом, формирование которого проходит как результат процесса отражения в общественном сознании личности как таковой. Это означает, что в том ряду образов, которые составляют сущность «политической личности», нет ничего такого, чего нет в личности как таковой. Люди наблюдают за политиком, оценивают их по собственным критериям, обращают внимание на одни аспекты их личности и игнорируют другие. Так, например, важность политического лидера может быть или не быть важной характеристикой его политической личности в зависимости от того, насколько этот аспект актуален для общества. Таким же образом общество осуществляет отбор и сортировку прочих качеств и характеристик личности по степени их актуальности и значимости.

Когда мы говорим о такой специфичной структуре, как имидж политика, мы имеем в виду, что формирование и функционирование таких представлений находится под влиянием и даже под давлением неких посторонних сил. Но в действительности существует гораздо больше факторов, опосредующих восприятие политического лидера. Нам представляется, что важнейшим из них является не деятельность политтехнологов, а собственные установки, ценности и ориентации избирателей. В сознании граждан образ политического лидера складывается многогранным и противоречивым, он с большим трудом поддается манипуляции (речь идет прежде всего об образе политических лидеров, хорошо известных обществу, мнение о которых складывается с учетом информации

из различных источников, возможности сравнения, испытания и проверки своих гипотез и предположений). Таким образом, на уровне общественного сознания мы можем выделить некоторые характеристики, которые правомерно рассматривать как истинные приписки «политической личности» лидера.

В соответствии с выделенной структурой «политической личности» может быть представлена в виде двух уровней. Первый — это более устойчивые характеристики, отражающие аутентичные психологические свойства и состояния личности, актуальные для политики, существующие независимо от общественного сознания и становящиеся объектом отражения в нем. Второй уровень содержит в большей степени мобильные, изменчивые характеристики личности, которые можно обнаружить лишь непосредственно в сфере общественного сознания. Качества личности, которые мы обнаруживаем на втором уровне, расширяют и уточняют психологические характеристики. Иными словами, в взаимодействии этих уровней, мы получаем целостную структуру «политической личности», которая возникает как результат двойного рассмотрения объекта: «изнутри» и «извне».

Единство описанных выше уровней рассмотрения «политической личности» основывается не только на общности синтетического объекта исследования, но и на потенциальном методологическом единстве исследовательских стратегий, применяемых в рамках ее изучения. Дело в том, что рассмотрение обоих уровней возможно в рамках так называемой дистантной оценки, которая предполагает наличие некоторых объектов, посредствующих восприятие личности. Фактически исследователь ставит перед собой задачу поиска инструмента, с помощью которого он способен добраться до глубинных структур личности. На уровне внутреннего анализа таким инструментом может быть авторский текст, воспоминания современников и т.д.; на уровне внешнего анализа — массовое сознание, в котором содержатся некоторые образы, связанные с личностью лидера и выделенные в ходе соответствующей исследовательской процедуры.

Внутренний анализ «политической личности» предполагает акцент на психологических методах. Одним из наиболее разработанных и широко распространенных в современной политической психологии методов является метод политической психобиографии. Его методологические основы содержатся в работах американских ученых Х. Лиссаулла, А. и Дж. Двордлей, Дж. Д. Барбера, Б. Глэд, У. Раммена и др.¹⁰ По определению Б. Глэд, психобиографически является любое исследование личности, опирающееся на какую-либо психологическую теорию. В качестве такового, как правило, используются разнообразные психоаналитические концепции. Цель психобиографии — выявить в биографии объекта существенные паттерны, объясняющие различные когнитивные, аффективные и поведенческие характеристики последнего.

Важной особенностью метода является его психодинамический характер — психобиография рассматривает процессы становления, выражения и функционирования определенных личностных структур.

Дж. Д. Барбер¹¹ выделяет три компонента в структуре личности политического лидера: мировоззрение, характер и стиль. Эти компоненты, которые также можно определить как когнитивный, аффективный и поведенческий, отражают актуальные для политика установки, ценности и ориентации личности. Барбер создал серию психобиографических портретов американских президентов XX в., используя для анализа эту схему и определенное представление о динамике формирования данных компонентов, согласно которому наиболее устойчивой и ригидной структурой является характер, основы которого закладываются в детстве под влиянием семьи, школы и т.д. Затем формируется мировоззрение, под которым Барбер понимает механизмы, с помощью которых индивид объясняет мир, структурирует его, находит свое место в нем. Этот процесс протекает в подростковом возрасте. В раннем взрослом возрасте вырабатывается стиль, т.е. совокупность привычных для личности способов достижения своих целей. На усвоение определенного стиля политиком важнейшее влияние оказывает первый самостоятельный успех на этом поприще. Индивид воспринимает его как своего рода образец, стандарт и даже ролеит успеха, к которому он будет стремиться прибегать и в дальнейшем.

Таким образом, когнитивные, аффективные и поведенческие структуры, выявляемые в ходе психобиографического исследования, представляют наиболее адекватным отражением внутренней стороны «политической личности».

Для описания количественные компоненты «политической личности» в зарубежной политической психологии используется понятие «интеракционный код»¹², состоящий из вопросов, ответы на которые составляют как бы каркас, лежащий в основе представлений лидера о тех или иных событиях, явлениях, фактах и т.д. Вот эти вопросы.

■ Какова природа политической жизни: гармония или противоборство?

■ Как политик относится к возможности добиться своих целей: с оптимизмом или с пессимизмом?

■ Что играет главную роль в истории: воля людей или случай?

■ Какие цели нужно ставить перед собой: глобальные и долгосрочные или конкретные и ограниченные?

Аффективный компонент содержит также фундаментальные психологические характеристики личности, как самооценка и социальная адаптация. Можно предположить, что индивид с высокой самооценкой, успешно прошедший процесс социальной адаптации, обладает необходимой психологической устойчивостью для того, чтобы действовать в соответствии с общественным интересом, в то время как его индивид склонен

действовать в соответствии с классической формулировкой Лаксхулла³ о «переходе частных мотивов на социальные объекты и их рационализации в терминах общественного интереса». Таким образом, при анализе аффективных структур «политической личности» нас прежде всего интересует степень ее непроницаемости, от чего зависит адекватность восприятия политика и оценка своего места и своей роли в политическом процессе.

Поведенческий компонент «политической личности» проявляется в ее отношении к исполнению ряда обязательных для публичного политического лидера (такого, как президент) функций: риторической, межличностного взаимодействия и «домашней работы». В соответствии с тем, на каком аспекте стиля лидер делает акцент, выделяются три типа: агитаторы, администраторы и теоретики. Эти типы отличаются в способах самовыражения в политике.

Анализ динамики формирования и развития структур, составляющих когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты «политической личности», позволяет нам рассмотреть ее «внутреннюю сторону», т.е. те объективно присущие индивиду качества и характеристики, которые находят свое выражение в ее политическом поведении, благодаря чему становится возможным восприятие общества и получают отражение в общественном сознании. «Внутренняя сторона» «политической личности» — это те качества и характеристики, которые не содержатся в психофизиологических структурах и приписываются лидеру обществом. Помимо того, что дружит, чувствует и как ведет себя политический лидер, мы должны обращать внимание и на те, насколько сильными, привлекательными и активными являются его идеи, замыслы и поступки.

Для реализации исследовательской задачи, связанной с оценкой и описанием «внешней стороны» «политической личности», необходимы совершенно иные методы: мы должны посмотреть на политика глазами его избирателей, выявить его образ и отыскать в структуре последнего атрибуты изучаемой «политической личности». К таковым относятся такие качества, как привлекательность, сила и активность. Они выступают в качестве отдельных измерений, в рамках которых мы интерпретируем как рациональные, так и бессознательные оценки, составляющие образ лидера.

То, как человек воспринимает политика, зависит от множества факторов, сами по себе эти оценки необычайно изменчивы, они могут выступать в качестве подтверждения народной мудрости, согласно которой от любви до ненависти один шаг. Тем не менее можно утверждать, что все факторы, влияющие на восприятие образа политического лидера и определяющие его, составляют три группы. Первые связаны с личностью как таковой, это некоторые устойчивые структуры личности, которые отражаются в общественном сознании и поддерживают связь образа политика с психологической реальностью его личности. Вторые имеют

ситуативную, контекстуальную природу — специфика выявляемых образов меняется в зависимости от степени узнаваемости, узнаваемости, от участия политического лидера в тех или иных событиях. Источники третьих следует искать в личностных структурах респондента (например, есть работы, исследующие влияние «авторитарного синдрома» на то, как респондент воспринимает власть вообще и власть конкретных лидеров, ее обладателей)¹⁴.

Предмет нашего интереса составляет то, какое место в оценках восприятия политического лидера занимает собственно его личность. Очевидно, мы не вправе напрямую приписывать личности те характеристики, которые содержатся в текстах ответов респондентов на вопросы исследователя. Иначе нам пришлось бы согласиться с утверждением, что мы есть то, что о нас говорят. Кроме того, неопределенность оценок также не позволяет видеть в них непосредственно то, что мы знаем, т.е. «политическую личность».

Поэтому, во-первых, необходимо тщательно обрабатывать данные исследованной восприятия и интерпретировать их в соответствии со строгой схемой анализа, предполагающей кластеризацию всех получаемых образов в терминах привлекательности, силы и активности, характеризующих образ политического лидера в той или иной степени. Это позволяет связывать оценки восприятия с определенными личностными структурами.

Например, для политика актуально такое качество, как привлекательность, кроме того, очевидно, что люди обладают этим качеством в разной степени. Дать оценку степени привлекательности политического лидера невозможно никаким иным способом, кроме как с помощью анализа восприятия его образа гражданами. Само по себе привлекательность, сила и активность — это не только методологически обоснованные в работах Ч. Осгуда¹⁵ кластеры любых субъективных оценок, но и атрибуты политической личности постольку, поскольку она живет и действует в особом пространстве политики как одной из форм общественного сознания.

Во-вторых, чтобы увидеть роль и место личности лидера в системе субъективных оценок, их следует рассматривать как некоторый потенциал. Параметры привлекательности, силы и активности каждого индивида имеют свои рамки, точки максимума и минимума. Показатели этих переменных, которые присутствуют в конкретном образе, занимают некоторое промежуточное положение между этими двумя крайностями. Движения перемещения локуса оценки от минимума к максимуму зависят от прочих факторов, опосредованная восприятие респондентом образа. Таким образом, анализ восприятия гражданами образа политического лидера представляет собой один из возможных путей дистантной оценки его личности, в ходе которого последние рассматриваются как бы внешне, отраженной в зеркале общественного сознания.

Объединяя две исследовательские стратегии, две методологические программы, мы получаем возможность составить профиль личности, отражающий ее качества и характеристики, имеющие большое значение для понимания ее специфики как субъекта политики. «Политическая личность» сочетает в себе субъективные и объективные аспекты лидера, что соответствует нашему представлению о политике как феномене общественного сознания, которое по своей природе объединяет объективные основания и субъективные или ситуативные характеристики.

Примечания

¹ Шестомов Е. Е. Политический профиль российских политиков 1990-х. М., 2000; Шестомов Е. Е. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Палас. 1999. № 4; Шестомов Е. Е., Носовская-Грунд М. В. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Палас. 1996. № 2; Шестомов Е. Е. Оценка традиционной личности лидера // Палас. 1997. № 6.

² Lassaroff H. D. *Psychopathology and politics*. Chicago, 1931.

³ Greenstein F. I. *Personality and politics. Problems of evidence, inference and conceptualization*. Princeton, 1987; Greenstein F. I. Can personality and politics be studied systematically // *Political psychology*. Vol. 13, 1992.

⁴ Winter D. G., Hyman M. G., Weinraub W., Walker S. G. The personalities of Bush and Gorbachev measured at a distance: procedures, portraits and policy // *Political Psychology*. Vol. 12, No 2. 1991.

⁵ Greenstein F. I. *Personality and politics. Problems of evidence, inference and conceptualization*. Princeton, 1987.

⁶ Burn J. M. *Leadership*. N.Y., 1978.

⁷ Бирбаев Н. Социология власти. М., 1993. С. 24.

⁸ Деминев А. Н. Демократия. Социализм. Личность. М., 1963. С. 163.

⁹ Там же.

¹⁰ Lassaroff H. D. *Psychopathology and politics*. Chicago, 1931; George A. L., George J. L. *Presidential personality and performance*. Oxford, 1994; Barber J. D. *Presidential character: predicting performance in the White House*. Englewood, 1972; Glad B. Contributions of psychobiography // *Handbook of political psychology*. San Francisco, 1973; Bayart W. M. Progress in psychobiography // *Journal of personality*. Vol. 36, No 1. 1968; Anderson J. W. The methodology of psychological biography // *Journal of interdisciplinary history*. Vol. 11, No 3. 1981; Friedman W. 'Woodrow Wilson and colonial House' and political psychobiography // *Political psychology*. Vol. 13, No 1. 1994.

¹¹ Barber J. D. *Presidential character: predicting performance in the White House*. Englewood, 1972.

¹² George A. L. The operational code: neglected approach to the study of political leaders and decision-making // *International studies quarterly*. Vol. 13, 1969; Johnson J. K. Operational code and the prediction of leadership behavior // *Psychological examination of political leaders*. New York, 1977; Walker S. G., Schaffer M., Tsong M. D. Presidential operational codes and foreign policy conflicts in the post-Cold War world // *Journal of conflict resolution*. Vol. 5, 1999.

¹³ Lassaroff H. D. *Psychopathology and politics*. Chicago, 1931.

¹⁴ Прохорова Л. А. Влияние авторитарного синдрома на социальное восприятие политической власти в России (1990-е годы). М., 2001.

¹⁵ Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. *The measurement of meaning*. Urbana, 1957; Osgood C.E. Cognitive dynamics in human affairs // *Public opinion quarterly*. 1960. Vol. 24.

К. Макгроу

Политические впечатления: формирование и управление*

Если же говорить не о номинальных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, и особенно в государях, стоящих выше прочих людей, имеется то или иное качество, заслуживающее похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп — <...> а другим мы называем того, кто слишком держится за свое; один расчетлив, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один велик и малодушен, другой тверд духом и слаб... Поэтому государю необходимо быть благоразумным, чтобы знать, как избежать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же, менее опасных, — воздерживаться по мере сил, если это возможно.

...Государю не обязательно иметь все те хорошие качества, которые в идеальном виде, однако он должен выглядеть так, как будто они у него есть.

Никколо Макиавелли. «Государь»

В этих известных строках, описывающих «то, из чего людей, в особенности государей, восхваляют или порицают» (глава 15), Макиавелли пишет, что государь, как и обычные люди, обладают репутацией, которой при необходимости они должны уметь управлять. Более того, в том, что касается репутаций, внешнее проявление имеет большее значе-

* Katherine M. McGrew. *Political Impressions: Formation and Management* // Oxford Handbook of Political Psychology. 2005.

нее, чем реальность. Понимание таким образом репутация политика — это восприятие, которое представляет собой конечный результат динамического процесса, связывающего граждан и политиков. Удержание в сознании граждан и формирование репутаций — важные элементы демократической политики, и политическим психологам могут внести много в понимание этих динамичных процессов.

Если перефразировать мысль Макнавелли на язык современной социальной науки, то можно сказать, что политические репутации являются функцией двух взаимосвязанных процессов — *формирования образа* и *управления образом*. Первый из этих процессов относится к конструкции мысленного представления индивида — когнитивной структуры, содержащейся в памяти и состоящей из знаний и убеждений о другом человеке. В сфере политики представление граждан о политиках состоит из выводов не только о тех чертах, на которые указал Макнавелли, но и о личных и политических свойствах, внешности, манере поведения и т.д. С другой стороны, управление образом имеет отношение к действиям людей по регулированию и контролю информации о себе, того, как они подают себя другим людям. В своей классической книге *Моя Лже* (1978) Фендо отмечает, что самопрезентация является центральным элементом для получения политической поддержки: «Политики верят, что большая часть той поддержки, которую им оказывают избиратели, получена ими за счет того, что именно они представляют собой как личности. Политики в большой степени, чем другие люди, сознательно пытаются минимизировать то, какое впечатление они производят» [с. 35].

Моя цель в этой главе — исследовать, что политические психологи уже знают и что надо бы изучить о формировании и управлении образом. Эти процессы представляют собой две стороны одной медали, и в силу из достаточно простого предположения: мы не продвинулись в понимании того, что обычные граждане думают о политиках, до тех пор, пока политические психологи не станут принимать во внимание стратегическое взаимодействие между намерениями и мыслями. Хотя это предположение простое и, возможно, очевидное, следует с самого начала предупредить: эмпирические исследования редко учитывают эту связь между двумя процессами. Джарвис (2002) в своем исследовании призывает унифицировать исследования о «сигналах и восприятии» в международной политике утверждая именно это, когда утверждает, что «нам нужно строить изучение так, чтобы оно включало как «инициацию», так и «восприимчивость». К сожалению, две проблемы — с одной стороны, вопрос о том, что граждане думают о политиках и стратегиях, а с другой — вопросы о том, какие стратегии выбирают политики, чтобы повлиять на их восприятие гражданами, — занимают разные полки в наших кабинетах и отдельные главы в научных исследованиях. Внимательное чтение этих двух областей исследования случается редко. Как следствие явные констра-

ческие связи между двумя процессами редки. Я попытался предпринять небольшой шаг к объединению двух проблем, но моя основная цель — принять следующее положение: политическим психологам развивать проблематику, которая более полно объединит эти подходы.

Для понимания формирования восприятия и управления восприятием наиболее важными являются три психологических процесса: когнитивные, аффективные и мотивационные. Это тройное деление в конечном итоге восходит к Платону, который представлял себе человеческую душу как заключенную в себе три различных компонента: рациональную душу (мысленник и разум), духовную душу (волевой акт, или воля) и желавшую душу (эмоции и желания). Предложенное Платоном тройственное разделение «Я» оказало огромное влияние на западное мышление, и почти все социальные ученые принимают важность этой триады в качестве объяснительных элементов человеческого поведения. Далее в тексте мы попытаемся показать, какую роль познание, аффект и мотивация играют в процессе нашего понимания взаимосвязей между образами граждан и попытками политиков повлиять на эти образы. Обозначив свою позицию, я хочу немедленно отступить и отметить, что мало кто из исследователей дал тщательное документальное подтверждение этих сложных связей в рамках одной программы исследования. Скорее в некоторой степени на роль опирались с опорой на несопоставимые источники. Вторая цель этой главы — побудить политических психологов развивать и исследовать теорию, которая одновременно разрабатывает все три вышеперечисленных механизма.

Я использую указанные термины в их наиболее общем смысле, без привязки к специальным теоретическим рамкам или операциональным определениям. Под *когнитивными* элементами я понимаю всего лишь мыслительный процесс, придающий смысл суждениям о политическом мире, — то, как люди воспринимают других людей, группы, политический курс и события. Для обеих сторон медики эти мыслительные процессы — восприятия — являются базовыми. Это может показаться очевидным, когда мы говорим о формировании восприятия среди обычных людей, но оказывается менее очевидным, когда мы говорим о манипулятивных стратегиях элиты. Но и восприятие элитой народа также важно для понимания того, как элита выбирает среди различных стратегий самопрезентации, хотя у нас мало эмпирических данных о подобных процессах [Fetma, 1987; Jarvis, 2002]. *Аффект* — общий термин для целого ряда явлений — предпочтений, оценок, настроений и эмоций [Fiske & Taylor, 1991]. Политика редко бывает бесстрастным занятием, потому что аффективные и когнитивные процессы внутренне связаны в политическом восприятии и в наших теориях, описывающих данные процессы.

И наконец, *мотивация* относится к таким психологическим механизмам, которые управляют нашим мышлением и поведением и направляют

на достижение той или иной цели; мотивы — это причины (сознательные или несознательные), по которым мы делаем определенный выбор (см.: Lane, 1986; Lau, 1996) для политико-психологических дискуссий. В рассуждениях о социальных и политических восприятии обычных людей можно выделить два центральных мотива. Во-первых, *уточняющий* цели побуждает воспринимающего достигать настолько точного суждения, насколько это возможно в данных обстоятельствах. В противоположность этому *направляющий* цель побуждает достигать суждений, согласующихся с предпочтительным или существующим умозаключением; этот процесс чаще обозначается как *мониторинговое рассуждение* (Kunda, 1990; Lodge & Taber, 2000). Умники восприятия, рассчитанные на граждан, состоит в достижении равновесия, когда они поверят в то, что расчет их верен и его чувственным подтверждением, в то, что он соответствует их целям (Fiske, 1992).

Как человеческое существо, политики, по-видимому, обладают теми же основными мотивациями, что и обычные люди, однако в научной литературе, которую я использовала для своего анализа, этой теме не уделяется особого значения. Скорее, акцент делается на *политический мониторинг*. Исследования политиков в демократических государствах показали, что доминируют два мотива: первый — провести ту линию, которую поддерживают они лично или их партия; и второй — стремление быть переизбранным (Fenno, 1973; Smith & Doering, 1990). Большинство ученых признают, что оба мотива важны (исключение составляет Мейблюм [Mayhew, 1974], который рассматривал членов Конгресса как «людей, стремящихся исключительно к переизбранию»). Поэтому тактическая проблема, с которой сталкиваются политики, — это достижение баланса между проведением своего курса и целью переизбрания. Доминирование цели переизбрания является центральной для нас здесь именно потому, что политикам необходимо развивать и укреплять общественную поддержку, их действия — ключ к пониманию тех образов, которые складываются у граждан.

Несколько слов об интеллектуальной истории вопроса. Неоспорим тот факт, что умение «воспринять» в политической психологии во многом имеет своими истоками социально-психологические теории и методы. Это особенно верно в отношении первой «стороны медали» — формирования образа. Политические психологи до некоторой степени вышли за рамки прямого использования принципов «обычной психологии» (Gibbert, 1998), но нам следовало бы сделать еще один шаг. В частности, большинство исследований формирования политического образа занимаются у социальной психологии классический лабораторный эксперимент, в котором информация о политиках используется аккуратно, строго упакованная и предприняты все действия, позволяющие нам делать выводы о лежащей в основе структуре и о содержании сложившегося образа. Этот

подход имеет ряд достоинств, но исследователи должны принимать во внимание, что такие исследования уходят корнями в традиции социальной психологии, которая исторически тяготеет к общим и статичным внутрисоциальным отображениям индивидуального образа, нежели к более динамичным и межличностным представительствам (Gibbert, 1998). В действительности такие исследования в социальном познании, которые рассматривают развитие образов в течение какого-либо периода реального времени (см.: Paik, 1986, как исключение) или стратегические попытки со стороны некоторых деятелей повлиять на когнитивный процесс воспринимаемого, проводятся редко. Однако для политологов очевидно, что политики активно стремятся формировать и манипулировать восприятием граждан (McGraw, 1991). Успешные попытки построения теорий, которые совместили бы в себе обе стратегии: взаимодействие между личностью и когнитивный процесс у граждан, дают возможность политическим психологам внести свой вклад и в общепсихологическую теорию (Kosnick & McGraw, 2002).

Последнее предостережение: большая часть политико-психологической литературы по формированию образов политиков фокусируется на личности этих политиков, вне контекста мастерского выбора. Этот подход вытекает из социально-психологической модели формирования образов, которая во многом сформировала эту традицию, так как ее базовый интерес сосредоточен на размышлении об индивидуале, а не на выборе между ними, что является фокусом совершенно отдельного исследовательского поля по принятию решений, где конкретный процесс мышления отходит на второй план. Точно так же как социально-психологическая традиция приобретает динамику в формировании образов, ей, в сущности, нечего сказать и о формировании образов индивидов в контексте процесса выбора. По большей части в силу этой традиции, так что в центре внимания будут образы политиков как индивидов, вместо того чтобы уделять внимание контексту выбора, а именно — голосованию (см. главу 2 для продолжения дискуссии). Я бы также добавила, что исследование механизмов формирования образа в контексте выбора — важный путь для эмпирического исследования (McGraw, 2000; см.: Lau, 1995; Lau & Rodinick, 1997, 2001; Rahn, 1995; Rahn, Aldrich, Bergida & Sullivan, 1990; Rodinick, 2001).

Теперь, когда предварительные замечания сделаны, отметим, что оставшаяся часть данной главы разделена на три раздела. Первый рассматривает эмпирические данные по формированию образов как образы политиков формируются и каково их содержание. Во втором разделе я рассматриваю вопрос об управлении политическим образом, анализирую исследования, которые формируют наше понимание того, в каком направлении политики влияют на мнения, складывающиеся о них у граждан. И в конце я пытаюсь ответить на вопрос, как граждане реагируют

на применяемые стратегии управления восприятием и в особенности какова их восприимчивость к манипуляции и обману.

Выражение «формирование образа» предполагает, что образы являются результатом динамического процесса, затрагивающего формирование некой ментальной структуры. Так, впечатления являются чем-то большим, чем просто суммой оценочных суждений о других людях, скорее это ментальная структура, содержащаяся в памяти и имеющая два свойства. Во-первых, образ состоит из того, что мы знаем и во что верим относительно другого человека, то информации, которую мы получили, и из выводов, которые сделаны. Во-вторых, эти структуры — не случайный набор атрибутов, но они в некоторой степени более или менее организованы в концептуально сходные кластеры. Формирование образов — это также динамичный, конструктивный процесс, развертывающийся во времени. Новая информация постоянно добавляется, и образы систематически или иногда не систематически изменяются. Эти изменения могут быть как медленными и постепенными, так и внезапными и осязательными (читатели левых взглядов могут вспомнить, как менялось их восприятие президента Буша или мэра Даунинга после 11 сентября 2001 г.). Это происходит потому, что образы — динамичные объекты, которыми политик с успехом может управлять.

Хотя существует множество исследовательских тем, которые могли бы быть рассмотрены в рамках дискуссии о формировании политического образа, остановимся на двух из них: 1) содержание политического образа (в особенности характерные черты, стереотипы и эмоциональные реакции) и 2) процессы, с помощью которых образы, особенно их результирующая форма, складываются [Lodge & McGraw, 1995].

Содержание: сырье для создания политического образа

В центре внимания — черты

Каковы основные категории или блоки, из которых состоит наше восприятие политиков? Анализ ответов на открытые вопросы о том, что людям нравится или не нравится в кандидатах в президенты, в Национальном электоральном опросе (*National Electoral Survey* — NES), который провели Меллер, Ватсонберг и Маламчук, выявил четыре основные группы черт: позиция кандидата, проблемы избирательной кампании, партийность, убеждения, связанные с группой, и личностные атрибуты (включая характерные черты, внешность и информацию о происхождении и прошлом). Не имеет значения, что этот список отличается от всепроникающей «большой тройки» категорий, которые изучает область психологии, а именно: внешность, поведение и черты личности [Fiske & Taylor, 1991; Fiske, 1986]. Наличие проблем, на которых строится избр-

рательная кампания, и групповой партийной принадлежности в процессе формирования политического образа убедительно свидетельствует о роли и важности политического контекста. Но если не брать контекстуальные различия, то обычные образы и образы политиков объединяют общие черты, изучению которых посвящена львиная доля теоретических и эмпирических исследований (Основоположениями теоретических работ: Asch, 1946; Heider, 1958; Jones & Davis, 1965; современные обзоры: Giffert, 1998). Анализ черт доминирует и в восприятии, и в теории восприятия, так как черты действительно являются центральным его элементом, как и мотивация. Иными словами, восприятие черт основывается на потребности воспринимающих понять основные причины человеческого поведения, для того чтобы иметь возможность прогнозировать будущее и контролировать события. По мнению Хайлера, наблюдатель «схватывает реальность и может прогнозировать и контролировать ее, только соотнося приходящее и изменяемое поведение и события с относительно неизменными условиями, лежащими в основе» [1958, р. 78], и далее: «У нас есть потребность воспринимать события и людей как неизменные» [р. 53]. Ряд ученых не соглашается с тем, что черты выполняют инструментальную роль в политическом восприятии, а именно: в способности прогнозировать, как данный лидер будет действовать после избрания [Baibet, 1972; Kinder, 1986; Page, 1978].

Личностные черты не поддаются четкой чувственной фиксации. В отличие от восприятия «сладкого» цвета или «сладкого» вкуса вряд ли кто-либо когда-либо таким же образом описал ситуацию «комментентностью» или «суетностью». Скорее эти черты наблюдатель переносит назад из тех качеств политиков, которые поддаются наблюдению. Наиболее полная психологическая модель процесса выявления черт использует три последовательные операции: 1) категоризацию наблюдаемого поведения; 2) выявление черт; 3) адаптацию к ситуационным ограничениям [Giffert, 1998]. Первые две операции происходят относительно автоматически, тогда как последняя требует корректировки и требует больших когнитивных усилий. Рассмотрим, например, сенатора Эдварда Маски, который разразился на публике в Нью-Хэмпшире во время президентской кампании 1972 г., когда он произносил речь в защиту своей жены. Наблюдатель такого поведения мог сделать ряд различных выводов о характерных чертах сенатора, а именно: Маски эмоционален, предан жене, полон сочувствия, слаб, неуравновешен. На деле атрибуция, которая доминировала в последующем освещении в прессе, говорила о том, что инцидент показал слабость Маски и рассматривался как событие, которое привело к исходу его кампании. А как же насчет третьего шага: корректировка по ситуации? Речь Маски была произнесена на улице во время митинга, и поэтому, возможно, его слова были искажены скорее от шума (ситуационный атрибут, который был запущен как объяснение шагам Маски после собы-

тия), чем как проявление какой-либо устойчивой личностной черты. Наблюдатель, который пытался бы потратить силы и интеллект на рассмотрение и принятие этого ситуационного ограничения, вряд ли мог бы сделать из этого конкретного случая какой-либо выводы о характере Маски.

Пример с сенатором Маски указывает на дополнительные принципы анализа черт. Поведение само часто двусмысленно, поэтому между поведенческим актом и результирующим выводом о черте характера редко можно установить прямое соответствие. Поведение само по себе должно быть проинтерпретировано, и только после этого должен следовать вывод о характерных чертах человека. Так же как аргументы мотивированного рассуждения, высказанные стремятся быть единично устойчивыми, настоящие, что люди с заранее позитивными мнениями о Маски могли сделать выводы, основываясь на отрывочных (полный сочувствие) от тех, которые сделали вывод с негативным мнением об этом человеке (слабый). Более того, в мире политики предположения о чертах являются предметом манипуляции и раскрутки со стороны злосты с соответствующей выгодой в конце; в примере с Маски обе стороны активно пытались манипулировать общественным восприятием и поведением.

Значительная часть исследования была направлена на понимание роли, которую играют черты в оценке политика [см.: Fiske, 1996]. Внимание было уделено трем основным областям исследования. Во-первых, существует бесконечное число черт характера, доступных для внешнего наблюдения, для характеристик политиков используется лишь небольшое количество общих категорий. По поводу точного числа категорий существует некоторые разногласия, окончательный результат зависит от тех теорий, которые используются для измерения, и от статистических методов, описывающих эти измерения. В общем, обычно выделяют такие черты, как компетентность, лидерство, честность и способность к сочувствию, которые выступают эмпирически как отдельные характеристики [Kinder, 1996]. В измерения политической личности *компетентность* относится к квалифицированности и интеллектуальности лидера, *лидерства* (такие термины, как «интеллектуальный» и «трудовой»), используются для того, чтобы оценить этот аспект, тогда как *лидерство* — «героический, мифический» аспект [Ibid, p. 236], фиксируемый такими оценками, как «одолевающий» и «(не) слабый». *Честность*, *порядочность* — это рамки, в которых лидер обладает этикой и моралью (честность, «мораль»), тогда как *способность к сочувствию* — пределы, в которых лидер ведет себя как понимающий и связанный с «простым человеком» («сочувствие», «заботится о людях»).

Во-вторых, особые черты характера, использующиеся для формулирования этих понятий высшего порядка, являются предметом систематически мотивированного искажения. Черты различаются по своему объему: более широкие (такие как «добродетель») включают в себя большое число

различных актов поведения, тогда как более узкие (такие как «недростость») относятся к ограниченному набору поступков. Если у человека сложился когнитивный образ политика, то использование широких позитивных черт означает то, что политик будет принимать эту черту характера (например, «ум») во многих обстоятельствах. Если приходится признать, что у политика есть негативные качества, выбор узкой (по объему) черты (например, «жадность») ограничивает обстоятельства, в которых эта черта может проявиться, и, таким образом, минимизирует урон, который может быть нанесен этому в общем позитивному образу. Следуя этой логике, люди стремятся выбирать более широкие позитивные черты (например, «доброта») и более узкие отрицательные черты («неверность») для описания политиков, которые им нравятся; и наоборот, люди стремятся выбирать широкие негативные черты («неискренность») и узкие позитивные черты («мягкосердечность») для описания политиков, которые им не нравятся [McGinn, Fischle, Suttner & Lodge, 1996]. Это иллюстрирует то, как достигается баланс между точностью и направлением оценки, так как люди готовы признавать, что их любимый политик допускает ошибки, но делают это таким образом, что сохраняют общий восторг.

Наконец, вывод о чертах характера вытекает из оценки политических кандидатов и из выбора и хода голосования в Соединенных Штатах [см.: Funk, 1996; Kinder, 1998, для подробной справки]. Из всех измерений личности компетентность является наиболее важной, но крайней мере в отношении оценки кандидатов в президенты [Kinder, 1986; Markus, 1982]. Большинство доступных данных переосмысливает, увеличивая реальную вероятность того, что суждения респондентов о чертах политиков являются скорее разнородными, чем притянными за уши. Однако экспериментальные исследования [напр., Funk, 1996; Huddy & Turkidson, 1993] подтверждают, что черты могут играть значимую роль в формировании оценки политиков.

Стереотипизация

Установив природу и последовательность черт для политических образов, следует поставить вопрос об источниках суждения о чертах. Как указывает Киндер (1996), «суждения о характере президента отражают по определению и их общие представления о политических лидерах вообще, и их определенные конкретные знания о конкретных лидерах» [р. 153]. Иначе говоря, суждение о чертах характера может быть основано и на стереотипах, и на фактах о конкретном случае. Мы возвращаемся к тому, что предположения о чертах характера коренятся в процессе категоризации. Современные исследования стереотипов рассматривают их как неизбежный побочный продукт обычного когнитивного процесса, в особенности процесса категоризации индивидов, их деления на различ-

ные типы «грустно» [Allport, 1954; Fiske, 1998]. Как вид когнитивной структуры стереотипы содержат мыслительные элементы, к ним относятся в том числе и черты характера, которые по умолчанию применяются к отдельным представителям категорий, а именно в том случае, когда нет специальной информации об использовании какой-либо черты.

Политические психологи до сих пор рассматривали стереотипические основания суждений о политических чертах, сводя их к четырем категориям: физической внешности, полу, расе и партийной принадлежности. Первые три категории способствуют возникновению стереотипов, потому что они проявляются физически и, таким образом, активируют визуальные сигналы. То, что партийная принадлежность среди этих категорий имеет очень значительные последствия, — хороший повод для размышления, так как суждения о чертах характера, сделанные на основе физических, или невербальных, сигналов, возникают даже еще более автоматически, чем те, которые возникают из вербальных источников [Gilbert, 1989]. Пол и раса, так же как и партийная принадлежность, тоже могут способствовать созданию стереотипов, потому как это политически значимые категории, которые играют заметную роль в современной политике. Ниже я подчеркиваю те предсмы, в которых эти стереотипические категории формируют суждения о чертах характера. Тем не менее стереотипы также содержат в себе информацию о других атрибутах членов группы, и я приведу примеры исследований, которые свидетельствуют об этих других атрибутах (в частности, политических позициях).

Физическая внешность. Несмотря на предостережение «Не судите о книге по обложке», понятно, что людям свойственно полагаться на первое впечатление о физической внешности. Отсутствие любой другой информации о кандидате (и принимая во внимание пол и расу) ведет к тому, что привлекательная внешность создает более положительные впечатления о чертах характера, чем непривлекательная, у кандидатов — мужчин [Rosenberg, Bohan, McCafferty, & Harris, 1986] и женщин [Sigelman, Sigelman, & Fowler, 1987]. Однако когда информация о поддержке и позиция по тем или иным проблемам кандидата доступна, физическая привлекательность не имеет такого эффекта, вольнодо ограниченного эффекта привлекательности в суждениях о чертах [Riggle, Ottaty, Wynn, Kukulinski, & Schwartz, 1992].

В дополнение к привлекательности другие физические сигналы связаны с политическим восприятием черт. Например, рост, есть данные о положительной корреляции роста политика с восприятием его лидерских качеств [Chaiken, 1986; Stogdill, 1948]. То же можно сказать о взрослости выражения лица. Люди приписывают большую теплоту, порядочность и покорность людям «с детским выражением лица» (относительно большие глаза, круглый подбородок и толстые губы), чем взрослым с «обложными» чертами лица (такими как маленькие глаза, квадратные челю-

сти и более тонкие губы), которые связывают с проявлениями господства и силы [Zelenskiy, 1994]. В своей творческой демонстрации воздействия внешности лица на суждения о политических чертах Keating, Randall и Kendrick (1999) подвергли портреты известных современных президентов компьютерной обработке, создавая «детское лицо» и более зрелую версию каждого. Эти тонкие изменения в лицевых характеристиках влияли на оценки черт этих известных лидеров. Например, и сторонники Клинтона, и его противники находили его более честным, привлекательным и сострадающим, когда нормальным чертам придавали «детскость» (толстые губы и большие глаза). Превосде чем политические консультанты бросятся закрывать коллегам и бесплодную для их клиентов, узнав об этих результатах, заметив, что детская внешность также ведет к отрицательным выводам, таким как восприятие таких лиц как менее сильных, авторитетных.

Над. На четырех категориях стереотипов пол получил наибольшее академическое внимание, и результаты различных методологических подходов удивительно совпадают (см.: Huddy, 1994; Huddy & Carolea, 2002). При прочих равных условиях женщинам-кандидатам приписывают стереотипные женские черты, например чувствительность, теплоту, эмоциональность, тогда как мужчинам-кандидатам описываются в стереотипных мужских терминах, например: решительный, жесткий, компетентный [Kahn, 1992; Rosenkrantz & Seale, 1988; Sapiro, 1983]. В дополнение к этому стереотипы кандидатов мужчин и женщин распространяются и на другие политические атрибуты (идеологию и поддержку), так же как компетентность в различных областях политики [Huddy & Terkildsen, 1993; Koch, 2000; Sanbonmatsu, 2002; Sapiro, 1983]. Huddy и Terkildsen (1993) провели самый сложный анализ системы связей между полом кандидата, его чертами, верованиями и компетентностью, заключив, что гендерные стереотипы играют независимую причинную роль в формировании убеждений о компетентности политика. Так, хотя гендерные стереотипы сильны, это не всегда мешает женщинам-кандидатам в тех вопросах, которые обсуждаются в лаге кампания. Например, хотя компетентность — критическая детерминанта оценок кандидата и мужчины-кандидаты типично имеют преимущество в терминах общей компетентности, так же как компетентности в некоторых конкретных областях политики (таких как экономика и внешняя политика), женщины-кандидаты чаще имеют преимущество по компетентности в вопросах социального обеспечения и также обычно получают более высокие оценки по сочувствию и порядочности. Некоторые обстоятельства во время выборов могут навредить женщинам (например, во время международного конфликта), а другие могут, наоборот, быть им на пользу (например, когда центральными в кампания становятся социальные проблемы). В результате, хотя существование гендерных стереотипов в политике было

зарегистрировано как в лабораторных, так и в исследованиях «реального мира», нет никаких однозначных теоретических причин ожидать, что гендерные стереотипы однозначно настроивают избирателя против женщин-кандидатов. Кроме того, очевидно, что есть индивидуальные склонности создания стереотипов кандидатов на основе их пола [Huddy, 1994]. В соответствии с этим аргументом Забонныков (2002) утверждал, что многие избиратели имеют предрасположенность поддерживать кандидатов мужчин или женщин и что эта предрасположенность (которая приносит пользу кандидатам обоих полов) может быть связана с гендерными стереотипами.

Раса. Очевидно, что расовый фактор играет роль в общественном мнении, хотя его влияние зависит от множества обстоятельств [Citrin, Green & Sears, 1990; Peffley, Harwitz & Snideman, 1997]. По этому конкретному вопросу о влиянии расы на суждения о политиках существует удивительно мало данных, а те, что есть, противоречивы и неоднозначны (см.: Callaghan и Terkildsen, для обзора). Учитывая, что белые американцы исторически имели отрицательные стереотипы о чернокожих [Devine, 1989; Katz & Braly, 1933; также см.: Judd, Park Ryan, Bolger & Kroska, 1995], можно предположить отрицательное воздействие расовых стереотипов на суждения о черных кандидатах. Тем не менее эмпирические данные весьма противоречивы. В одних исследованиях черные кандидаты описывались в более отрицательных характеристиках, чем белые кандидаты [Williams, 1990], но в других исследованиях белые респонденты без расовых предубеждений приписывали им более положительные черты [Coffman et al., 1990; Sigelman, Walcott & Nitz, 1995]. Кажется, что расовые предубеждения (т.е. проявление отрицательного отношения к чернокожим вообще) уменьшают эти эффекты, поскольку расистски настроенные белые приписывают более отрицательные индивидуальные черты черному кандидату, тогда как нерасистски настроенные белые приписывают незначительно более положительные черты тому же самому кандидату [Moskowitz & Stroh, 1994]. Как и с литературой по гендерным стереотипам, нет никаких доказательств, что расовые стереотипы, как таковые (в отличие от общего вопроса расового предубеждения), реально влияют на настроения избирателя при опросах — в значительной степени потому, что этот вопрос никогда не был предметом внимательного рассмотрения. Тщательное внимание к измерению будет необходимо, так как трудно разделить воздействие стереотипов и предубеждения, для того чтобы оценить их независимые эффекты на выбор голосования в опросах.

Партийная принадлежность. Партийная принадлежность — это центральное звено в политическом суждении и принятии решения [Rahn, 1993], но, насколько я знаю, нет никаких доказательств того, что партийные стереотипы влияют на приписываемые политике тех или иных черты.

Неудивительно, что граждане с различными партийными предпочтениями различаются в своей готовности приписывать черты определенным политическим деятелям (например, республиканцы описали Рейгана более положительно, чем демократы [Kinder, 1986]), но это не то же самое, что распространенная склонность приписывать различные черты республиканским и демократическим чиновникам. Ясно, что партийные стереотипы существуют в сфере политики, где люди имеют ясные и согласованные убеждения о положениях политики (и компетентности), что «конституирует» партийной принадлежности [Feldman & Conover, 1983; Hatmi, Lodge & Blake, 1985; Lodge & Hatmi, 1986]. Свидетельства, полученные из литературы по гендерным стереотипам, демонстрируют связи между воспринимаемыми политическими компетенциями, чертами и партийной принадлежностью [Huddy & Terkildsen, 1993], разумно было бы предположить, что партийный ярлык кандидата значим в приписывании ему черт в некоторых обстоятельствах, например, в ситуации низкой информированности, но это предположение нуждается в эмпирической проверке.

В целом эмпирические данные доказывают, что процессы стереотипизации формируют суждения о личностных чертах политиков. Для одних стереотипов имеется больше данных, чем для других, и в наших знаниях есть много пробелов. К настоящему времени мы мало знаем о воздействии многих стереотипов в конкретном контексте и про то, как граждане справляются с этими противоречиями внутри и между стереотипными категориями (см.: Huddy и Caplan, которые приводят данные о доминировании партийности кандидата над его полом, и Sigelman и др., 1995, — о взаимодействии между идеологией и расовой принадлежностью кандидата). Мы также знаем слишком мало о том, как индивидуальные особенности граждан, такие как информированность и особенности личности, влияют на использование политических стереотипов.

Процесс индивидуализации

Использование стереотипов зависит от множества ограничивающих условий, в особенности от соответствия между объектом суждения и более широким стереотипом (напр., Harwitz & Peffley, 1997; Peffley, Harwitz & Snidman, 1997; Raiba, 1993; Terkildsen, 1993). Граждане гибко перерабатывают информационные процессы, способные как обобщать стереотипные представления, так и индивидуализировать процесс, когда политические суждения создаются в соответствии с теоретическими предположениями, созданными с помощью двойных моделей обработки [Fiske, 1986; Fiske & Neuberg, 1990]. Под индивидуализацией я подразумеваю процесс формирования суждения, основанные на доступной информации, независимо от соответствия с теми или иными категориями. С суждениями о политических чертах связаны три типа индивидуализации инфор-

ния. Первый, и, надеюсь, это не удивляет, — различия между кандидатами видны в различных оценках экспертов [Zitwiler, 1986] и обычных людей [Kinder, 1986], это согласуется с фактическим изменением в репутации политиков. Вот поразительный пример по современным американским президентам (см.: Weissberg & Hill, 2000, для точных данных): Джимми Картер получил самый низкий рейтинг оценки его личностных черт среди всех последних президентов по параметру лидерства, вытравленный, возможно, его принужденностью, неофициальной манерой поведения и неудачным инцидентом с «белым кроликом», плюнувшим на канот; Билли Клинтон воспринимали как наиболее порядочного человека, что и понятно, учитывая постоянный поток скандалов, который сыпался на его администрацию; Джордж Буш (старший) получил низкие оценки по сочувствию и рассматривался как «недостаточный», что, без сомнения, подпитывалось такими инцидентами, как его эпизод с похоронами иезуитом-технологом тестирования продуктов питания; Рональд Рейган воспринимался как наименее компетентный и умный в соответствии с его репутацией управления администрацией по принципу «некомпроматства», частым дневным сном и игнорированием законов (ссылки на нарушение закона) о продаже оружия Ираку. Кроме того, восприятие суждений о чертах по общим оценкам различается среди кандидатов (например, восприятие честности было существенной детерминантой оценки Клинтона в 1992 и 1996 гг., но не Буша в 1988-м и 1992 гг. [Fink, 1995]).

Во-вторых, выводы об особенностях черт вытекают из информации о личных кандидатах по ключевым проблемам памяти, как выяснили Rapoport, Metcalf и Hartman (1989). Интересно, что получавшиеся в результате суждения о чертах в этом исследовании часто оказывались уникальными, это означает, что они основываются не на действиях согласующихся стереотипах об определенных позициях по проблеме, но скорее на основе уникального индивидуального набора убеждений и склонностей человека. Эта причинная связь между позицией по проблеме и чертами является центральной для анализа Фейно (1974), когда он отметил: «Проблемы памяти редко бывают автономны... Скорее проблемы выступают тем поводом, который некоторые из членов палаты используют, чтобы продемонстрировать свою квалификацию, свою идентификацию и свое чувство сопереживания» [с. 134].

Наконец, самое важное для моих целей в это исследование — это то, что восприятие черт находится под управлением самих политических деятелей, которые могут структурировать стратегии коммуникации, для того чтобы подчеркнуть или приуменьшить роль различных характеристик личности. Например, Кан (1996) задокументировал стратегии, которые кандидаты на сенаторские и губернаторские посты используют в своих политических заявлениях, чтобы подчеркнуть свои «мужские» качества, такие как компетентность, и избежать негативных эффектов

гендерных стереотипов. Кроме того, политические деятели используют объяснительные стратегии, чтобы ограничить или минимизировать политический ущерб от критических суждений об их индивидуальных чертах [McGraw, 2001]. Анализ президентской кампании Джона Ф. Кеннеди 1960 г., проведенный Якобом и Шапиро (1994), показывает, что манипуляция восприятием его индивидуальных черт была центральной целью кампании. (Я возвращусь к этой важной теме позже.) В ответ на нехватку связей между этими двумя темами, однако, был проведен небольшой систематизирующий анализ влияния воздействия стереотипов и стратегий поведения элит на образы граждан о кандидатах.

Аффект

Исследования воздействия черт, стереотипов и индивидуализирующей информации относятся к разным проблемным экологиям, ментальной репрезентации и последствий различных типов информационного содержания для политических образов. Однако эмоциональная валентность образов достаточно независима от содержания информации. Я имею в виду не эмоциональные реакции на кандидатов, а скорее более простые положительные и отрицательные реакции или оценки. Так, например, категория «депутатизм» не только дает информацию о вероятном выборе политического курса (стереотипное содержание), но также, вероятно, производит эмоциональную реакцию, которая варьируется по направлению и интенсивности, и мы можем по существу теоретизировать о проявлениях этой эмоциональной реакции как таковой. Множество вопросов делало в основе исследований роли аффекта в политических образах. Первый вопрос: «Что имеет большое значение, положительная или отрицательная информация?» Асимметрия в воздействии очевидна, поскольку множество исследований формирования политического образа указывает на то, что негативная информация имеет большее влияние на образы, чем позитивная [напр., Holbrook, Koenigsk, Viner, Gardner & Casierro, 2001; Klein, 1991, 1996; Lau, 1982, 1983]. Это так называемый отрицательный уклон по познавательным и мотивационным причинам. Иначе говоря, отрицательная информация имеет большую диагностическую возможность при выявлении черт и способностей [Skowronski & Carlston, 1989], и это привлекает больше внимания, потому что отрицательные действия и признаки менее обычны, чем положительные [Lau, 1983].

Второй вопрос: есть определенные сомнения, в какой степени образы политических деятелей характеризуются амбивалентностью, т.е. одновременно положительными и отрицательными представлениями о них. Хотя большинство работ по амбивалентности в политической психологии было связано с политическими представлениями [Alvarez & Bedin,

1995, 1997, 1998; Hackfeldt & Sprague, 1998; Stoenberger & Burow, 2000; Zaller, 1992; Zaller & Feldman, 1992], лишь немногие из последних исследований анализировали последствия амбивалентности для представлений о политиках. Усвоение амбивалентности по отношению к политическим деятелям было связано с более умеренными и менее уверенными оценками [McFert, Gage & Lodge, 2000], а также с более негативными оценками [McGraw, Haneoka & Cooper, в скором времени]. Кроме того, двойственное отношение было связано с менее устойчивыми и предсказуемыми мнениями и задержкой в формировании кампаний, связанных с гололозавиством [Lavine, 2001].

Третий вопрос: «В какой степени восприятие от политических фигур организовано прежде всего по эмоциональному измерению?» Так, суждение, которое по существу содержит положительное убеждение и положительную информацию, будет сохранено в одной части ментальной структуры, а отрицательные убеждения и информация — в другой. Мои исследования этой возможности с использованием кластерного анализа приводят к выводу, что оценочная организация не преобладает, скорее люди, кажется, организуют свои впечатления от политических акторов по основному впечатлению (т.е. проблемам и личным чертам) [McGraw, Fetsney & Neuhman, 1991; McGraw & Stoenberger, 1995]. В той степени, в какой оценочная организация памяти действительно встречалась в исследованиях, она была наиболее выражена у людей с меньшими интересом и знанием о политике; вообще более вероятно, что политическое суждение таких людей формируется эмоциональными мотивациями [Rahn, 2000; Schneiderman, Brady & Tetlock, 1991].

Процессы формирования впечатлений

Совершенно отдельно от исследований содержания политических образов в академической практике исследуется сам этот процесс, или «как у граждан складываются взгляды, каким образом они соединяют вместе различные компоненты» [Kinder, 1998, p. 812]. Для описания процессов, лежащих в основе формирования мнений о политиках, были выдвинуты две модели, которые в значительной степени отличаются друг от друга временным параметром, тем, *когда* мнения сформированы [Hastis & Park, 1996; Lodge, McGraw & Stroh, 1989]. Первая утверждает, что мнения о политических деятелях формируются *он-лайн*, т.е. во время первоначального контакта с информацией. При обработке он-лайн люди объединяют системные значения новой информации с политикам, исторически обисовляя «в режиме бегущей строки» итоговые оценки с полученной при первом знакомстве информацией. Когда необходимо вырвать мнение, из памяти извлекается суммарное впечатление, а не та информация, которая внесла свой вклад в его формирование. С другой стороны, вторая модель описывает *обработку на основе памяти*, где мнения формируются в моменты

когда выражается суждение, путем вылавливания определенной информации из долгосрочной памяти и комбинирования окончочных значений восстановленной информации для того, чтобы составить суждение [Zaller, 1992; Zaller & Feldman, 1992].

Обе модели прежде всего имеют отношение к познавательным процессам, к тому, как информация, которая закодирована и сохранена в памяти, используется, чтобы строить итоговое мнение, но в эффект также имеет фундаментальное значение. Таким образом, обе модели исходят из того, что главное — это то общее направление (позитивное или негативное) эмоциональных значимой информации или «соединений», которое и является основанием мнения. Известно, что в действительности и он-лайнные политико-психологические исследования на основе памяти сосредоточивались на глобальной сети (положительно-отрицательных) вычислений, настроенных либо на моменте обработки информации (в случае модели он-лайн), либо на времени (принципиально) суждения (в случае обработки на основе памяти). Такая фокусировка на итоговой оценке может оказаться неадекватной и даже противоречивой по отношению к предшествующему обсуждению важности черт, и в особенности по отношению к расхождению суждений о чертах политических деятелей на отдельные значимые категории. Фактически это несоответствие является функцией ограниченного объема существующих исследований и не указывает ни на какую фундаментальную несовместимость между теоретическими структурами. Возможно, это частично компенсируется впечатлением и как измерения глобального измерения, и как субкатегорию другой черты или черт. Информация может соответствовать одной характеристике, но не соответствовать другой, но в то же время входить как составная часть в общую глобальную оценку. Социально-психологические исследования показали, что определенные суждения о чертах возникают он-лайн [Juss, Park, 1989; Uleman, Hox, Roman & Moskowitz, 1996]; но, к сожалению, исследования в этой области не рассматривали глобальные окончочные значения мнения таких суждений о чертах. Политико-психологическое исследование, напротив, сосредоточивается на глобальном общем вычитании, но не рассматривает связи с компонентами образа более низкого порядка. Что необходимо, так это более осторожная стратегия исследования, выполненная на основании нашего понимания он-лайн и многократными измерениями в течение всего процесса формирования образа.

Литература по данному предмету развивалась, определяя природу двух типов моделей обработки. Так, было выделено несколько примесных переменных. Ключевое условие, регулирующее он-лайн обработку, является мотивационным: предшествующее существование или активная цель для формирования итогового окончочного суждения об объекте [Harris & Park, 1986; Lodge et al., 1989]. Этот объект является наиболее важным,

потому что активация и непрерывное обновление он-лайн впечатлений требуют некоторых затрат познавательных средств, чтобы получить доступ к нужной информации и обновить суждение. Соответственно более искусственные индивиды с большей вероятностью предпочтут он-лайн-обработку, чем менее искусственные. По-видимому, это происходит потому, что первые обычно мотивированы на получение информации и формирование мнения о политике, и, следовательно, они мотивированы на формирование впечатлений о реальных политических деятелях [McGinn, Lange & Stroh, 1990].

Второй набор признаков непрерывности указывает на ситуативные параметры. Сложный контекст изучений, в котором представлено несколько (четыре или шесть) кандидатов одновременно [Radlowsk, 2001], так же как получение информации в формате дебатов (соревнование между двумя кандидатами [Rahn, Aldrich, Borgida, 1994]), лучшие результаты при обработке информации на основе памяти возможны потому, что сложность подобных ситуаций нарушает «нормальный», обычный порядок переработки. В-третьих, индивидуальные различия касаются и не политическим областям. Так, есть индивиды с высокой потребностью давать оценку [Tosuno & Petty, 2001], которые описываются как «теоретики личности» (т.е. те, кто склонен полагать, что личности других людей являются статичными и исполнимыми, а не динамичными и гибкими [McCannell, 2001]) и чаще используют он-лайн-переработку. Обе из этих особенностей могут быть связаны с целью формирования образа у людей с хронически высокой потребностью оценивать, обычно мотивированных на формирование итоговых оценочных суждений, и «теоретиков личности», обычно склонных полагать, что любой впечатленье — более или менее значимо.

Подводя итог вышесказанному, данные указывают на ряд теоретически значимых параметров, регулирующих склонность использовать переработку информации на основе памяти и он-лайн переработку с мотивацией, в которой центральным фактором является то, какой тип обработки будет выбран. Ограничение исследований до настоящего времени происходило по причине того, что ученые выбирали один из двух подходов, хотя есть серьезные основания полагать, что гибридный подход, включающий в модель времени-количества, и модель времени-суждения на оценочные суждения, может быть в психологическом отношении более реалистичным [Hastie & Pettigrew, 1989; Lavine, 2002]. В гибридной модели гражданин может обработать информацию о кандидате он-лайн и также оказаться под влиянием соображений, которые являются доступными для него, и то время когда его просит высказать мнение о кандидате. Недавние данные, полученные в моей лаборатории, подтверждают этот вывод [McGinn, Hawske & Conger]. В этом исследовании оценки кандидата были сильно ограничены механизмом он-лайн-

вой обработки, он также был под влиянием исторического состояния (двубалантность и неуверенность) в момент суждения.

Применение модели и он-лайн переработки, и переработки на основе памяти важно, поскольку помогает лучшему пониманию того, как формируются образы политических деятелей и при каких условиях используются различные модели переработки. Но нормативные аспекты оценки также важны, поскольку две модели рисуют очень разные варианты способности граждан соответствовать демократическим стандартам. Как доказывали Lodge и Steenbergen (Lodge & Steenbergen, 1995; Lodge, 1995), модель он-лайн рисует довольно розовую картину, потому что она изображает таких отзывчивых граждан, с готовностью принимающих во внимание информацию, с которой они сталкиваются, даже если эта информация в конечном счете исчезает из памяти. «Восприимчивость» может показаться знакомой чертой достижения успеха, но это более положительная характеристика демократических граждан, чем те, которые демонстрируют в литературе по общественному мнению. Модель переработки информации на основе памяти, с другой стороны, предлагает более оформленное и случайное основание политических суждений, когда граждане «составляют суждения со временем» и в значительной степени под влиянием любой информации, из любых источников, каковы бы ни были доступны в момент суждения (Zaller, 1992). Я соглашаюсь с Канделером (1998) в том, что заключения о нормативном превосходстве двух моделей предвременноны, пока ученые не оценят более систематически природу информации и информационных источников, которые вносят свой вклад в формирование мнения о каждой модели.

Стратегии управления образом

Общая тема управления политическим образом является потенциально очень большой, включая литературу по избирательным кампаниям, рекламе, сбору средств, лоббированию, контролю над СМИ и др. Я сознательно сужаю фокус, чтобы описать такие специфические темы исследований, которые иллюстрируют воздействия различных стратегий поведения на образы в сознании граждан и дают основу для того, чтобы расширить эту линию исследования в пределах политической психологии. В частности, я сосредоточиваюсь на трех темах в пересечении политической психологии и исследования законодателей, поскольку именно здесь мы видим и понимаем представительную демократию в действии: это работы Фенно (1978) — анализ «домашнего стиля»; основные статусы (в частности притворство); политические обязанности.

Домашний стиль (Home Style)

Ричард Фенно (1978) запустил термин «домашний стиль», относящийся к тем типам действий, в которых избранные политики из предста-

вательной ветви власти принимает участие в своих округах (в противоположность Вашингтону), чтобы обеспечить поддержку своих избирателей (таким образом, электоральная цель фундаментальна для данного анализа). Эти действия — распределение средств для округа (деньги и штат), объяснение своей деятельности избирателям и самопрезентация. Я рассматриваю тему «объяснений» отдельно ниже; здесь будет достаточно сказать лишь несколько слов о том, как Фенно понимает самопрезентацию: его понимание и в политическом, и в психологическом отношении весьма производительно. Фенно рассматривал самопрезентацию как «центральный» элемент домашнего стиля. Окончательная цель в самопрезентации — не выставить рейтинг, а скорее более туманная и хрупкая конструкция доверия, понимаемого как готовность граждан позволить представителю исполнять роль доверенного лица или использовать его собственное суждение в принятии решений. (Бланко [Blanco, 1994] проводит обширный анализ доверия между законодателями и избирателями.) Алан Фенно выделяет три стиля самопрезентации: передача квалификации (компетентность и честность), чувство идентификации с избирателями своего округа («я — один из вас») и знания. Отметим, что эти компоненты хорошо соотносятся с приемлемыми чертами, которые преобладают в опросах по восприятию кандидатов, хотя у нас нет никакого прямого эмпирического свидетельства относительно того, как граждане воспринимают стратегии самопрезентации, которые описывает Фенно, или как это влияет на доверие гражданина. Кроме того, появление Интернета как первичной среды коммуникации между законодателями и их избирателями [Davis, 1999] создало новые стратегии самопрезентации и смысло различия между «из Вашингтона» и «из округа», предполагая, что анализ Фенно надо расширить.

Как ни странно, ответ на центральный вопрос, который Фенно излагает в начале «Домашнего стиля»: «Что избранный политик видит, когда он или она смотрит на свой избирательный округ?», остается неизвестным. Так, сформулированная проблема ставит вопрос о формировании образа у самих избранных. Фенно, рисуя этот образ, указывает на четыре концептуальных круга: это образ географический, соображения переизбрания, личный и личный. Получается «основной контекст», который требует значительных стратегических навыков со стороны законодателя и аналитической координации со стороны ученых, изучающих влияние связей между законодателями и гражданами. Фенно спешит призвать, что есть и другие пути, с помощью которых члены палаты представителей могли бы «видеть» свои избирательные округа. Таким образом, открывается перспектива дальнейшего теоретического и эмпирического развития этой темы.

Освоение статуса

Одно из привлекательных свойств анализа Фенно — то, что он анализирует законодателей в терминах динамики и процесса, как ряд двусторонних коммуникаций между законодателями и избирателями. Эта процедурная концептуализация роли законодателя противоречит традиционным и все еще доминирующим структурным представлениям, которые максимизируют собственно политический курс. В нормативной теории и в эмпирических исследованиях деятельность законодателя традиционно рассматривается как соответствие между политическими предпочтениями избирателей в конкретном округе и политическими решениями (анализ пенингеного голосования) депутата. «Представительская» функция считается успешной, когда это соответствие достигает достаточно высокой степени. Важным является и анализ Мэйхью, где он обозначает «освоение статуса» как одно из ключевых действий, которые «интересным считает электорально полезными» [Mayhew, 1974, с. 49]. Таким образом, занятие и артикулирование позиций, которые соответствуют предпочтениям избирателей, не только удовлетворяет требования публички к представлению их интересов, но также является центральным средством удовлетворения избирательных целей избранного депутата. В конечном счете в анализе Мэйхью освоение статуса является стратегическим — не мотивированным, например, привлекательностью модели «демонстрированного» представительства. Два вопроса особенно уместны для понимания связи между освоением статуса избирателями и образами граждан, а именно: как связаны «потворствование» и восприимчивость в исполнении своих обязанностей.

Потворствование

Один из наиболее широко принятых принципов поведения элит, описанный в журналистскими и политологами, — то, что политические деятели, мотивированные интересами своего переизбрания, связывают себя с избирателями, меняя свои позиции по той или иной проблеме, чтобы совместить их с общественным мнением [напр., Barone, 1997; Dowd, 1998; Geer, 1996; Glazer, 1976; Lippmann, 1955; Page, 1978]. Вот как прозвучал аргумент Стэнсона, Махурена и Эриксона (1995): «...как антилпы в поле. <...> Когда политики чувствуют изменение общественного мнения, они приспособляют свое поведение, чтобы понравиться избирателям» [с. 343, 359]. Это стратегическое поведение может быть положительно описано как «демократическая восприимчивость» [Jacobs & Shapiro, 2000; Page & Shapiro, 1992], но чаще описывается unpleasantly как «потворствование». Лорри Дааксбе и Боб Шапиро бросают провокационный вызов традиционной мудрости, приводя доводы против этого в своей книге *«Почему мы потворствуем?»* (2000). Дааксбе и Шапиро утверждают,

что политические деятели мотивированы и идеологическими целями, и «хорошей политикой», и одновременно преследуют обе цели через стратегию «хорошо продуманной речи», нацеленной на изменение общественного мнения, для того чтобы минимизировать риск электорального провала как следствие проявления безразличия к предпочтениям избирателей. Эта изысканная позиция является самой важной, поскольку помещает политическое предпочтения политика в центр последующих стратегий и, таким образом, рисует картину политической стратегии, которая является противоположной потворствованию. Три технологии способствуют процессу продуманной речи. Сначала политические деятели используют опросы и фокус-группы, чтобы определить аргументы и символы, относящиеся к определенным политическим решениям, которые публика находит наиболее привлекательными. Во-вторых, политики влияют на освещение этих решений в печати, оставляя на виду, выступая с простыми, тщательно продуманными сообщениями. В-третьих, вместо того чтобы принимать стратегию прямого убеждения или образования публики, политики используют стратегию «сперва слова» (*priming*), которая не нацелена на изменение фундаментальных ценностей публики или предпочтений, скорее они влияют на вос, который публика придаст соответствующим сообщениям в сфере политики.

Особенно уместно в данной статье привести иллюстрацию этих процессов Давидова и Шапиро (1994) о кампании по выборам президента Джона Кеннеди в 1960 г. Кампания Кеннеди опиралась в большой степени на проводимые частными фирмами опросы, для того чтобы выдвигать определенные предложения политического курса. Кроме того, кампания использовала освещение статуса как «средство, с помощью которого проектируется продвигаемый имидж кандидата <...> как человека, способного “заботиться” и имеющего желание предлагать новые подходы» (с. 535). Другими словами, стратегия продуманной речи использовалась, чтобы изменить его позицию по проблемам, которые в конечном счете сформируют восприятие избирателей об индивидуальных чертах Кеннеди (стратегия, которая поддерживана [Follett, 1978] и [Rappoport, Metcalfe & Hartman, 1989], анализирует описанное ранее), таким образом подчеркивая взаимосвязанность проблем и черт в политических образах.

Модель «стимулирующей отзывчивости» Давидова и Шапиро нуждается в дополнительной систематической проверке. Модель может быть более обоснованной для характеристик видных национальных политиков типа президентов и высших должностных членов Конгресса, которые имеют власть «средняя гласности» через СМИ, чтобы обеспечить поддержку своей политике [Kettell, 1997]. Политические деятели на государственном и местном уровнях имеют меньше возможностей управлять освещением своих действий в СМИ и потому могут с большей вероятностью потворствовать. Однако точно в той мере, в какой Давидова и Шапиро описывают

поведение политических деятелей, их модель рисует более сложную картину взаимодействия между общественным мнением, элитами и СМИ, чем та, которая предложена простой одномерной схемой, объясняющей, как позиция элит влияет на общественное мнение, и наоборот.

Двузначность

И Даунс (1957), и Кэ (1958) отмечали, что кандидаты нередко стремятся занять неоднозначную или цензурную позицию по той или иной проблеме. Кэ идет дальше и подтверждает, что со временем политические деятели «могут пристраститься к уклончивости и двузначности» [с. 241]. Причиной тому, как в случае потворствования, склонны с перефразированием: «отбегая ясных позиций, они не хотят задать тех выборов, которые предпринимается противоположных мнений; двузначность маневрирует поддержку» [Page, 1976, p. 742]. Так, например, в своем классическом анализе Пейдж и Броди (1972) утверждали, что и Ричард Никсон, и Хьюберт Хамфри высказывались неоднозначно по вопросу войны во Вьетнаме в кампании 1972 г., чтобы избежать отчуждения избирателей. Ряд исследователей формализовали причины, по которым политики занимают неоднозначные позиции, так же как обстоятельства, при которых этого следует избегать [Eislow & Hirsch, 1984; Page, 1976; Sherife, 1972]. Уммытсана, но не было сделано систематического анализа ни того, в каких случаях политики используют двузначность или ясность, ни того, в какой степени распространена эта практика, ни условий, при которых это с большей или меньшей степенью вероятности происходит.

С точки зрения политической психологии выбор неоднозначной позиции по проблеме имеет три потенциальных недостатка. Когда информация неоднозначна, люди, более вероятно, доверятся ранее существовавшим представлениям, включая стереотипы, для того чтобы сделать выводы об объекте [Darley & Gross, 1963; Devine, 1989]. Стереотипы действуют как линза, через которую неоднозначная ситуация интерпретируется. В результате двузначность позиции кандидата по данной политике может усилить стереотипы, вследствие чего результат может быть противоречивым делом кандидата. Во-вторых, двузначность может создать впечатление неуверенности кандидата, а неуверенность ведет к более отрицательным оценкам политических лидеров [Alvares, 1997; Glasgow & Alvares, 2000; McGraw, Lodge & Jones, 2002]. И-третьих, в той мере, в какой граждане предпочитают представительский стиль депутата, т.е. когда политик принимает решения, совпадающие с общественным предпочтением, неспособность соответствовать этому ожиданию может также быть политической опасной; как показывает практика, граждане хотят, чтобы избранный или законодатель действовал как их представитель, а не эгоисты [Patterson, Hedlund & Boynton, 1975; Sigelman, Sigelman & Walkowiak, 1992].

Объяснения

Наша форма политической коммуникации — объяснения, или *опен-лы* (я использовала эти термины как синонимы), и в терминах нормативной теории, и в смысле их воздействия на общественное мнение. Нормативно объяснение — фундаментальное проявление ответственности в представительной демократии. Согласно Pitkin (1967), представительство подразумевает «действие в интересах представленных, в мере, подотчетность им... Законодатель должен действовать таким способом, чтобы не было никакого конфликта, или, если это происходит, его можно пригнать к ответу» [р. 209–210]. Фенно (1978) также подчеркивает важность объяснения в теории представительства: «теории представительства всегда будут истинны без того, чтобы объяснить объяснение» [р. 162].

Специалисты по Конгрессу давно признали важность «объяснения голосования» [Blanco, 1994; Fenno, 1978; Kingdon, 1973; Mayhew, 1974]. Одним из важных выводов из этих источников — то, что объяснения сильно преувеличиваются в расчетах законодателей. Они предполагают у избирателей потенциальную потребность услышать объяснения их решений, и это ожидание ответственности имеет следствием разнообразное акты поведения с целью улома от него, направленные на то, чтобы минимизировать ущерб в целом (например, через приспособление принимаемых решений к этим ожиданиям [Anson-Smith, 1992; Kingdon, 1973], так же как для множества стратегических решений в ходе голосования и установления повестки для или автоматической индексации [Wassett, 1986, 1988]). Мудрость Конгресса предполагает, что представители от безопасных районов и самые опытные конгрессмены объясняют реже свои решения избирателям, чем те, кому сложнее переизбраться [Kingdon, 1973]. Представители более разнородных по составу регионов могут объяснять чаще тех, кто избран от гомогенных регионов, потому что последние, более вероятно, протолкуют за решения, с которыми значительная доля их избирательского округа не согласится [Fenno, 1978; Kingdon, 1973].

Центральная тема в литературе отражена по-разному: «Если вы должны объясниться, у нас — пробки» [Fenno, 1978, р. 143]. Другими словами, политику приходится объясняться, когда действия имеют отрицательные последствия, будет ли это его личный проступок или его непопулярное политическое решение. Работа Питкина, ранее упомянутая нами, также предполагает, что объяснения следуют «из конфликтом» или непопулярными действиями, что подтверждают и видные социальные психологические труды [Goffman, 1971; Schlenker, 1980]. Нет сомнения, что когда политические деятели нарушают ожидания их избирателей, они отвечают объяснениями, или *справками* удерживая язык [McGraw, 1991, 2001], чтобы уредить политические непредвиденные последствия

и ущерб их репутации. Однако объяснения могут также использоваться и в контексте положительных действий. Плассо (1994) утверждал, что объяснения могут привиняться, чтобы усилить восприятие достижимости и как механизм для освоения статуса; более широко — объяснения могут быть ключевым компонентом действий, «молчаливых для избирателя», которые перечисляет Майлз (т.е. реконструирование, оказание доверия и освоение статуса; 1974). Хотя было небольшое систематическое исследование обстоятельств, предшествовавших политическому объяснению, недавнее исследование проливает некоторый свет на этот вопрос объяснения как механизмы управления виной или оказания доверия [McGuire, Anderson & Withey, 2000]. Мы исследовали объяснения, помещенные на интернет-страницах членов Конгресса и Палаты представителей по вопросу голосования «за» или «против» импичмента Клинтона в 1998 г. Конгрессмены чаще были склонны размещать посты с объяснениями их голосования, когда их позиция соответствовала мнению избирателей, а не тогда, когда их предпочтения расходились, что соответствует тезису о том, что объяснения могут минимизироваться самопрезентацией.

Объяснения — не просто «пустая риторика», скорее они имеют системные последствия для широкого диапазона значений общественного мнения (см.: McGuire, 2001, 2002). Например, оправдания (категория объяснений, которые влекут за собой отказ от полной или частичной ответственности за результат) влияют на приписывание ответственности. Удовлетворительные оправдания увеличивают за собой, а неудовлетворительные имеют следствием усиление вины. Оправдания (категория объяснений, которые пытаются пересмотреть оценки дела и его последствий) влияют на мнения о спорном действии или политическом курсе. В-третьих, политические объяснения формулируют выводы об определенных чертах личности политика. Например, оправдание в стиле «опускаю» («на конце концов, я сам решил, что лучше соответствует нашим интересам») усиливает образ лидера, тогда как оправдание в духе «представительства» («я должен это делать избирателям, чтобы голосовать согласно указаниям своих избирателей, и именно это я сделал») усиливает впечатление, что конгрессмен — человек сочувствующий [McGuire, 2001].

Наконец, удовлетворительные объяснения улучшают оценки политических деятелей, тогда как неудовлетворительные имеют для них разрушительные последствия. Это решает спор о том, что необходимо для удовлетворительного политического объяснения. Есть и некоторые более широкие обобщения. Так, во-первых, объяснения, которые воспринимаются как наиболее обычные в политической риторике, в целом более удовлетворительны [Withey, 1989; McGuire, 1991], что соответствует общей позиции, что публика благоприятнее встречает политическую риторику, которая ей знакома [Edelman, 1968]. Второй принцип указывает

ет на индивидуальные особенности: при прочих равных более доверчивые и менее искусственные граждане легче удовлетворяются политическими объяснениями (McGraw & Hubbard, 1996). Встретных, существующих установок на политического деятеля (Gonzales, Kovva, Sullivan & Chanley, 1995) или на решение, которое будет объяснено (McGraw, West, & Timpone, 1995), служат скорее: просто граждане бывают более удовлетворены объяснениями, исходящими от тех политических деятелей, которых они любят или решения которых они оценивают положительно. Фенно указал на важность зависимости между общепринятыми оценками и объяснительным стилем политика (1978), это подтверждают и эмпирические исследования (McGraw, Timpone & Bruck, 1993). Наконец, по крайней мере в политической сфере оправдания, образующиеся в нормативных принципах (особенно таким этическим нормам, как справедливость, совесть и коллективная взаимозащита), оцениваются наиболее положительно, тогда как оправдания, ориентированные на распространение ответственности, недопустимы (Chanley, Sullivan, Gonzales & Kovva, 1994; McGraw et al., 1995; McGraw et al., 1993).

Политические объяснения нормативно и этически важны, но в нынешнем понимании их дается много проблем. Большая часть работы сосредоточилась на том, чтобы «объяснить голосование», тогда как скандалов и коррупции пренебрегали, несмотря на множество примеров в современной политике (Chanley et al., 1994; Gonzales et al., 1995, являются исключениями). Было уделено мало внимания и тому, как объяснения развиваются в течение времени, т.е. как, когда и почему политик решит нередко весьма противоречиво объяснить свои действия гражданам и как граждане отвечают на эти пространные объяснения. Фактически в последствии политических отчетов ничто не известно вне лабораторных экспериментов. Понятно, что объяснения в плане поведения имеют отрицательные последствия для когнитивной поддержки (хотя ее снижение, возможно, и не приведет к поражению (Alford, Tettera, Ward & Wilson, 1994; Jacobson & Dimock, 1994; Welch & Hibbing, 1997)), но неизвестно, до какой степени сопровождающая объяснительная риторика смягчает эти последствия. Наконец, в то время как мы понимаем воздействия извинений и оправданий, мы знаем намного меньше о других типах отчетов, типа опровержений и уступок (которые часто включают извинения). Последние особенно интересны, учитывая обилие извинений за личные, институциональные и национальные проступки в современном политическом дискурсе. Извинения в межличностных конфликтах вообще рассматриваются как самое эффективное средство с точки зрения уменьшения отрицательных последствий для автора (Schlenker & Weigold, 1992), в какой степени эти выгоды проявляются в политическом контексте — очень большой вопрос.

Обман, манипуляция и реакция граждан на коммуникация элит

Элитные стратегии «самопрезентации», освоения статуса и «общающей риторики» иллюстрируют средства, с помощью которых политически деятели могут эффективно сформировать общественное мнение, включая свои образы в сознании граждан. Возможности этих стратегий ставят несколько нормативных вопросов, если предположить, что коммуникативные, инициируемые политиками, правдами, т.е. точно и искренне артикулируют их истинную личность, позиции и мотивы действия. Однако большинство людей не может себе представить политику без некоторого обмана, и большинство ученых принимает как данность, что политики при случае вводят в заблуждение, манипулируют и обманывают публику [Bok, 1988; Lippson, 1992; Page, 1994; Page & Shapiro, 1992].

Я оставлю в стороне большинство очень важных вопросов вокруг проблемы манипуляции и обмана в политике (Как часто это происходит? Когда это оправдано? Есть ли такие политические ситуации, которые больше способствуют обману?) и вместо этого сосредоточусь на вопросе, который является действительно связкой между двумя темами, в котором я возвращаюсь в этой статье. А именно как граждане отвечают на стратегические коммуникации элиты, которые являются потенциально опасными? В основе этого вопроса лежат предположения, что не вся политическая информация бывает равной. Вся информация воспринимается и может оказывать влияние на образы. Но есть такая информация, которая не вызывает сомнения, например, что наш президент — белый мужчина, республиканец из Техаса, и эти факты неопровержимы (если не брать во внимание модернистскую критику). И наоборот, есть информация или сигналы [Джарвис, 2002], которые находятся под контролем актора и часто вызывают вопросы о смысле и подлинности. Эти сигналы включают не только открытые понятия внушения, но также и более тонкие самопрезентации (например, одежду и другие аспекты внешности и социального поведения, имеющие символическое значение). Я останавливаюсь на элитных стратегиях коммуникации, но эти принципы применимы и к более широкому кругу сигналов. Граждане могут ответить на коммуникацию со стороны элиты разными способами: принятием сообщения, задержкой суждения или его систематическим искажением. Ниже я кратко рассмотрю каждый из них.

Пассивное принятие

Максвелл, первоосмысливший политическую манипуляцию, твердо верил, что преобладающим ответом граждан на стратегические обращения является их пассивное принятие. Он утверждал в «*Discourse*», что политика лжеборьбы и манипуляции не только необходимы, но также и

летописателями, потому что граждане «настолько просты и так восприимчивы удовлетворением насущных нужд, что тот, кто стремится обмануть, всегда найдет того, кто позволит себя обмануть» (глава 18). Эта характеристика перекликается с современной ситуацией: люди столь отвлечены «насущными потребностями», что политика находится на периферии их жизненных интересов, и они уделяют ей немного времени и средств; а когда они действительно думают о политике, то делают это в упрощенной и беспринципной манере [Conover, 1964; Dahl, 1961; Kinder, 1989; Lipman, 1922]. Однако нет прямой связи между политической «беспринципностью» и принятием стратегических коммуникаций; для этого мы обращаемся к психологии. Гилберт (1991), опираясь на Сигмунда, выдвинул провокационный аргумент, говоря, что первый инстинкт человеческого ума — это вера и принятие того, что воспринято; чтобы отклонить что-то, нужна следующая шаг, требующий когнитивного усилия, которое мы, может быть, и не способны сделать. Заметим, что основная мысль здесь — не то, что принятие является неизбежным, а скорее что это является естественной первой реакцией, которая, вероятно, сохранится при отсутствии специальных усилий со стороны воспринимавшего (самостоятельных или вызванных посторонними источниками), чтобы подвергнуть коммуникацию более глубокому изучению.

Мощные психологические силы, которые вносят свой вклад в принятие стратегических сообщений, поддерживаются склонностью к поиску обмана, даже когда люди мотивированы поисками правды. В отношении способности людей обнаруживать обман литература дает однозначный ответ: мы не очень хороши в этом, редко выходя за границы «случайности» [Friedman & Tucket, 1990]. Профессиональные «детекторы лжи» (например, психиатры, журналисты и профессора колледжа) владеют техникой, которая, как они думают, более эффективна в обнаружении обмана, но все эти техники требуют прямого взаимодействия между воспринимающим и обманщиком [Kalbfleisch, 1994], что редко имеет место в политической коммуникации. Невербальные индикаторы могут обеспечить некоторую надежность в обнаружении обмана, но опосредованный характер большей части политической коммуникации делает эти индикаторы менее полезными, особенно если нет визуального контакта.

Если граждане не склонны заниматься поиском и опровержением вводящих в заблуждение коммуникаций, если эта задача представляется на их усмотрение, то политические силы могут вызвать скептицизм и сомнения. Политика является сферой противоречия, и противники или СМИ могут поставить под сомнение правдивость или законность утверждений политика. У нас нет ясного понимания той роли, которую эти опровергающие диспутные силы играют в формировании образов и в отказе принимать коммуникации со стороны злора, но есть серьезные основания ожидать, что контраргументы «другим» звучат не очень часто [McGraw,

1998]. Публичные политики признают, что политическая риторика «сильно ритуализирована» [Gerbasi, 1976, p. 12] и они принимают правила этого ритуала, даже если от них требуется некоторое нарушение правил. Кроме того, нередко обвинение кого-то во лжи бывает адресовано самому обвиняемому, иногда оказывается, что это обвиняющий, а не предполагаемый лгуш, больше нарушил правила [Robinson, 1993, p. 364]. Наконец, Драммонд (2001) в своем анализе риторики в Палате представителей указывает, что прямое использование слова «лгуш» и его синонимов встречается редко, а когда это действительно происходит, то более вероятно, что оно будет адресовано иностранцам, а не американским политическим деятелям.

Подозрение и вторичная оценка

Читатели могут сомневаться в аргументе о системном принятии политической коммуникации населением, которое испытывает все более глубокое недоверие к политическим деятелям и системе. Эмоциональные реакции на политическую коммуникацию — важный фактор, определяющий ее результат: слепое принятие или пребывание под большей когнитивной реакцией подозрения, результаты подозрения [McGraw, Lodge & Jones, 2002]. В этом исследовании описывается политик, занимающий позицию при обстоятельствах, которые его подталкивают к неустойчивости. Прочие только те люди, которые не согласились с этой позицией, показали реакцию, говорящую о большем когнитивном усилии (подозрение, повышенное недоверие сообщенному, вплоть до требования отмены конгрессмена), и как следствие выражали большую неуверенность в суждениях о чертах политического деятеля. Усиленное внимание и подозрение, когда сообщение не принимается, является частным случаем более общей тенденции усиления контроля над информационной средой под влиянием отрицательного эмоционального состояния [Macrae, Neuman, & MacKuen, 2000]. В отличие от того, когда сообщение вызывало несогласие, благоприятная реакция на сообщение вызывает меньше подозрений и неуверенности в суждениях о политическом деятеле, даже в ситуациях, способствующих потактыванию. Эти результаты предполагают, что люди принимают то, с чем готовы согласиться, совершенно некритически, даже в подозрительной ситуации. Наконец отметим, что эта тенденция людей к некритическому принятию того, во что люди хотят верить, играет на руку стратегически выжестным и рациональным политическим деятелям, которые вряд ли будут демонстрировать такие качества или декларировать такую позицию, которые неприятны большинству их избирателей.

Отвлечение передается систематическому искажению

Подозрение и готовность представить, что сообщение вводит в заблуждение, приводит к задержке суждения, к остановке на стадии между

принятием сообщения и его отклонением. Анализ механизмов отклонения осуществляется в соответствии с теорией мотивированного рассуждения, в частности новой версией когнитивной последовательности [Kunda, 1990, 1999; Lodge & Taber, 2000; Sweetberger, 2001; Taber & Lodge, 2000]. Цель этого анализа — достижение суждения, которое совместимо с ранее существовавшими, распространяет над собой точности в обработке количественной информации. Соответственно люди упорно держатся за существующие представления [Festinger, 1957]. Одно из проявлений этой тенденции — *предвзятость подтверждения*, когда информация, которая противоречит установленным мнениям, обесценивается. Большая часть существующих эмпирических работ сосредоточилась на отторжении непроверяемых сообщений о политиках, но Fiske (2000) убедительно показывает сущность механизмов мотивированного предубеждения в оценках политической фигуры, а именно Билла Клинтона во время скандала с Ливински. Это не вызывает абсолютно никакого удивления у того, кто следил в течение того периода за сторонниками Клинтона и его противниками, у которых были различные реакции на скандал. Сила анализа Fiske — демонстрация механизмов, которыми сторонники Клинтона демонстрировали свою поддержку, а именно выражая неусердность в правдивости утверждений, приуменьшая важность скандала и приписывая скандал «общарному правому автору». Другое исследование указывает на активную контраргументацию и конструирование оправданий [Kunda, 1999].

Эти механизмы мотивированного рассуждения важны, потому что они предполагают, что когда люди сталкиваются с нежелательной очевидностью, они вкладывают труд — инвестируют познавательные средства, — чтобы снизить значение очевидного. Мыслью через эту трудную познавательную работу происходит принятие позитивных мнений политика управлять восприятием прежде всего среди тех, кто предрасположен к неприятию его позиции. Эти систематические искажения очевидности вносят свой вклад «в двойные стандарты» в политическом суждении, где люди применяют один набор стандартов для политических акторов, которых они любят, и другой набор стандартов — для тех, кого они не любят (используйте обвинение против феминисток в конце 1990-х, что они по-прежнему реагировали на обвинения в сексуальном домогательстве против Кларенса Томаса со стороны Аниты Хилл и против Билла Клинтона со стороны Пола Давутис). Проблема состоит в том, что применение двойных стандартов чаще используется, когда люди инвестируют познавательные средства, чтобы думать о проблеме, и особенно гражданами со сложным ментальным устройством, вовлеченными в политику и заинтересованными ей [Lodge & Taber, 2000].

Я говорю «сложным», потому что очевидное решение все еще отсутствует. У нас нет достаточных оснований, чтобы судить, в какой

степени такое мотивированное рассуждение влияет на политическое и социальное восприятие. Есть давняя традиция исследования в социальной психологии, которая утверждает, что наблюдатели достаточно точно считывают черты воспринимаемой личности (Fiske, 1992), что противоречит положению о том, что восприятия существенно искажаются на-приклинными силами. Однако работы в этой традиции не рассматривали точность восприятия черт в контексте, где стратегическая самопрезентация имеет место. Именно здесь политико-психологический подход мог бы быть особенно информативен. Возможно, политическое восприятие черт является относительно точным, но восприятие других качеств, типа проблемы избирательной кампании или других политических позиций, может быть либо предметом строгого принятии, либо систематически искажаться.

Однако опираясь на существующий теоретический и эмпирический наследие, можно сделать вывод о том, что способность граждан тщательно исследовать и обнаруживать введения в заблуждение аргументы не так уж и развита. Предлагаются два возможных пути. В первом случае люди трактуются как пассивные получатели информации, и слепое принятие — это их автоматическая первая реакция (Gilbert, 1991), особенно если коммуникация или самопрезентация ими принимаются (McGinn, Lodge & Jones, 2002). Учитывая, что рациональные и верные политиканы вряд ли будут демонстрировать качества или позиции, которые большинство публики не примет, так же как стратегическое использование «осторженной речи», чтобы привести публику в соответствие с желательными образами и политическими позициями (Jacobs & Shapiro, 2000), вполне возможно, что этот путь может преобладать. Согласно теории мотивированного рассуждения, люди желают и могут инвестировать когнитивные средства, чтобы тщательно исследовать коммуникации на предмет их правдивости. Однако это исследование не приводит к беспристрастному рассмотрению информации, скорее к систематическим искажениям, основанным на предостерегающих мифах.

Заключительные комментарии

Я подозреваю, что у читателей возникли смешанные чувства в связи с рассмотренной литературой и аргументами, представленными в этой статье. Политические писатели и политологи внесли значительный вклад в каждую отдельную тему, но наше понимание связей между формированием впечатления и стратегией управления впечатлением пока находится на начальной стадии. «Полугустая» сценка — результат того, что мы забывали принимать всерьез эти очевидно связанные процессы: слишком долго, и в итоге даже предварительные заключения огорчают; «полуготовые» сценки — это то, что важна основа была заложена и есть

огромные возможности для будущих исследований. Ясно, что понимание динамики формирования впечатления и управления впечатлением требует объединения аффективных, когнитивных компонентов. Политические впечатления — познавательные структуры, состоящие из убеждений и выводов, которые также включают общие эмоциональные оценки, являющиеся избирательными в отношении положительной и отрицательной информации и сильно ограниченными мотивационными соображениями в их формировании и модификации. Стратегия управления образами, принятая на вооружение политическими деятелями, коренится в их стратегических расчетах, связанных с двумя мотивами (не потерять поддержку избирателей и проводить хорошую политику), при этом оба они в значительной степени эмоциональны по своей функции (т.е. политика хочет нравиться и продвигать свой курс). Когнитивное восприятие политиком своего округа и предпочтений избирателей, конечно, должно играть роль в том, как стратегия управления впечатлением отбирается и представляется. Наконец, реакция граждан на потенциально управляемое и исходящее из заблуждений коммуникация со стороны политических элит ограничена тремя процессами, как мы показали выше: образами слепого принятия положительных, принятых коммуникаций; инвестициями когнитивных средств в тщательное исследование при некоторых ограниченных условиях; и систематическим искажением, относящимся к направляемым целям, или мотивированному рассуждению. Есть основания полагать, что будущая теория, обосновывающая эти явления, будет когда-либо более детальными и позволит объединить эти три процесса.

Если следующее поколение политических психологов отнесется серьезно к тому, что происходит на стыке процессов восприятия отдельными гражданами образов политиков и стратегий элиты по управлению впечатлением, то они будут готовы внести свой вклад в родительские дисциплины — политическую науку и психологию. Обе проблемы фундаментальны для той и другой дисциплины, все же ни одна не продвинулась очень далеко в развитии теорий функционирования этих механизмов. В дискуссиях по смежным темам ученые недавно привели доводы в пользу объединения внутрииндивидуальных познавательных процессов со внешнеиндивидуальными ограничениями, возникающими в политическом контексте, включая стратегии элит и установленные механизмы (Jackman & Sideman, 2002; Lupia, McCubbins & Popkin, 2000). Тема, который я здесь выдвигаю, прямо соответствует этой традиции (см. также: Lewis, 2002).

Наконец, в дополнение к теоретическому анализу связей между элитами и массовой публикой, исследование этих вопросов имеет огромное нормативное значение, о чем я только поверхностно упоминаю в этой работе. Кажется ясным, что поведение и стратегии политических лидеров имеют последствия и для общественного мнения, и для политиче-

свой системы в целом. Заключение, к которому мы приходим об этих стратегиях и последствиях, имеет фундаментальное значение для общей теории политики. Какова степень обмана и манипуляции в политике, как они осуществляются и насколько эффективны? Какова истинная природа политических представлений? Как народные избранники представляют и чем граждане отвечают на эти попытки? Более общий вопрос: как суждения граждан о политических элитах и ответ граждан на стратегические коммуникации влияют на наше понимание качества демократического гражданства? Как восприятие гражданами их избранных связано с общим чувством доверия к политической системе? Это фундаментальные теоретические вопросы, в решение которых политические психологи могут внести свой вклад.

Библиография

- Allford, J., Tetters, H., Ward, D. S., & Wilson, R. E. (1994). Oversight: The political cost of congressional malfeasance. *Journal of Politics*, 56, 788-801.
- Allport, G. (1954). *The nature of prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Alvarez, R. M. (1997). *Information and elections*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Alvarez, R. M. & Brasher, J. (1995). American ambivalence towards abortion policy: Development of a heteroskedastic probit model of competing values. *American Journal of Political Science*, 39, 1015-1032.
- Alvarez, R. M. & Brasher, J. (1997). Are Americans univalent towards racial policies? *American Journal of Political Science*, 41, 345-374.
- Alvarez, R. M., & Brasher, J. (1999). Speaking in two voices: American equivocation about the Internal Revenue Service. *American Journal of Political Science*, 43, 418-452.
- Asch, S. E. (1946). Forming impressions of personality. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 41, 1236-1246.
- Austin-Smith, D. (1992). Exploiting the vote: Constituency constraints on sophisticated voting. *American Journal of Political Science*, 36, 68-95.
- Bacon, M. (1997). Polls are part of the air politicians breathe. *The Public Perspective*, 8, 1-2.
- Balch, J. D. (1972). *The presidential character*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Barnett, W. L. (1980). The paradox of public discourse: A framework for the analysis of political accounts. *Journal of Politics*, 42, 792-817.
- Bacon, W. T. (1994). *Trust: Representatives and constituents*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Bass, A., Neville, N., Gidycz, E., & Nadou, R. (2000). Do people have feelings toward leaders about whom they say they know nothing? *Public Opinion Quarterly*, 64, 432-463.
- Bok, S. (1986). *Lying: Moral choice in public and private life*. New York: Vintage Books.
- Campbell, A., Converse, P., Miller, W., & Stokes, D. (1960). *The American voter*. New York: Wiley.
- Chaiken, S. (1986). Physical appearance and social influence. In C. P. Herman, M. P. Zanna, & E. T. Higgins (Eds.), *Physical appearance, stigma, and social behavior: The Ontario symposium* (Vol. 1, pp. 143-177). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

- Chastity, V., Sullivan, J. L., Gonzales, M. H., & Keown, M. B. (1994). Last and another in politics: Damage control by four politicians accused of wrongdoing (or, politics as usual). *American Politics Quarterly*, 22, 297-333.
- Crisis, J., Green, D. P., & Sears, D. O. (1990). White reactions to black candidates: When does race matter? *Public Opinion Quarterly*, 54, 34-66.
- Cody, J. L., & McLaughlin, M. L. (1999). Interpersonal accounting. In H. Giles & W. P. Robinson (Eds.), *Handbook of language and social psychology*. New York: Wiley.
- Collins, S. M., Ohana, K., Lybrand, S., Moschman, R. M., Mohan, P., & Wall, J. E. (1990). Symbolic racism in candidate evaluation: An experiment. *Political Behavior*, 12, 383-402.
- Converse, P. E. (1964). The nature of belief systems in mass publics. In D. E. Apter (Ed.), *Ideology and discontent*. London: Collier-Macmillan.
- Dahl, R. A. (1961). *Who governs? Democracy and power in an American city*. New Haven: Yale University Press.
- Darley, J. M., & Gross, P. H. (1983). A hypothesis-confirming bias in labeling effects. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44, 20-33.
- Davis, R. (1999). *The web of politics: The Internet's impact on the American political system*. New York: Oxford University Press.
- Devine, P. (1989). Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56, 3-18.
- Dowd, M. (1997, January 12). London as followers. *New York Times*, Section 4, p. 17.
- Dwight, A. (1937). *An economic theory of democracy*. New York: Harper and Row.
- Eagly, A. H., & Chaiken, S. (1993). *The psychology of attitudes*. Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich.
- Fairman, M. (1988). *Political language: Words that succeed and policies that fail*. New York: Academic Press.
- Festus, J. & Hirsch, M. J. (1984). *The spatial theory of voting*. New York: Cambridge University Press.
- Feldman, S., & Conover, P. J. (1983). Candidates, issues and voters: The role of inference in political perception. *Journal of Politics*, 45, 810-839.
- Fenno, R. E. (1973). *Congressmen in committees*. Boston: Little, Brown.
- Fenno, R. E. (1977). U.S. House members in their constituencies: An exploration. *American Political Science Review*, 71, 883-917.
- Fenno, R. E. (1978). *Home style: House members in their districts*. Boston, MA: Little, Brown.
- Festinger, L. (1957). *A theory of cognitive dissonance*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Fiske, M. (2000). Mass response to the Lewinsky scandal: Motivated reasoning or Bayesian updating? *Political Psychology*, 21, 135-159.
- Fiske, S. T. (1986). Schema-based versus piecemeal politics: A patchwork quilt, but not a blanket, of evidence. In R. E. Lau & D. O. Sears (Eds.), *Political cognition: The nineteenth Annual Carnegie Symposium on Cognition*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Fiske, S. T. (1992). Thinking is for doing: Portraits of social cognition from diary-ecotype to ideographs. *Journal of Personality and Social Psychology*, 63, 877-889.
- Fiske, S. T. (1988). Stereotyping, prejudice, and discrimination. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske, & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4th ed., vol. 2, pp. 357-411). New York: McGraw-Hill.
- Fiske, S. T., & Neuberg, S. L. (1990). A continuum model of impression formation: From category-based to individuating processes as a function of information, motivation, and attention. In M. R. Zanna (Ed.), *Advances in experimental psychology* (Vol. 23, pp. 1-106). San Diego, CA: Academic Press.

- Fiske, S. T., & Taylor, S. E. (1991). *Social cognition* (2nd ed.). New York: McGraw-Hill.
- Franklin, C. (1991). Enriching obfuscation? Campaigns and the perception of U.S. Senate incumbents. *American Political Science Review*, 85, 1193-1214.
- Frederman, H. S., & Tucker, J. S. (1996). Language and deception. In H. Giles & W. P. Robinson (Eds.), *Mindbook of language and social psychology*. New York: Wiley.
- Funk, C. L. (1996, a). Understanding trait inferences in candidate images. In M. X. Delli Carpini, L. Huddy, & R. Y. Shapiro (Eds.), *Research in micro-politics* (Vol. 3, pp. 97-123). Greenwich, CT: JAI Press.
- Funk, C. L. (1996, b). The impact of scandal on candidate evaluations: An experimental test of the role of candidate traits. *Political Behavior*, 18, 1-24.
- Funk, C. (1999). Bringing the candidate into models of candidate evaluation. *Journal of Politics*, 61, 700-720.
- Geer, J. G. (1996). *From tea leaves to opinion polls*. New York: Columbia University Press.
- Gilbert, A., & Green, D. R. (1999). Misperceptions about perceptual bias. *Annual Review of Political Science*, 2, 189-210.
- Gilbert, D. T. (1999). Thinking lightly about others: Automatic components of the social inference process. In J. S. Uleman & J. A. Bargh (Eds.), *Unintended thoughts*. New York: The Guilford Press.
- Gilbert, D. T. (1991). How ordinary mental systems behave. *American Psychologist*, 46, 107-119.
- Gilbert, D. T. (1998). Ordinary personality. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske, & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4th ed., Vol. 2, pp. 89-150). New York: McGraw-Hill.
- Glasgow, G., & Alvarez, R. M. (2000). Uncertainty and candidate personality traits. *American Politics Quarterly*, 28, 26-48.
- Goffman, E. (1971). *Relations in public: microstudies of the public order*. New York: Basic Books.
- Gonzales, M. H., Kovera, M. B., Sullivan, J. L., & Chanley, V. (1995). Private reactions to public transgressions: Predictors of evaluative responses to allegations of political misconduct. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21, 136-148.
- Gubser, D. A. (1976). *Rebel behavior and politics*. Urbana: University of Illinois Press.
- Hasan, R., Lodge, M., & Blake, F. (1985). The breadth, depth, and utility of class, partisan, and ideological schemata. *American Journal of Political Science*, 29, 850-870.
- Hasse, R., & Park, B. (1996). The relationship between memory and judgment depends on whether the task is memory-based or on-line. *Psychological Review*, 103, 258-268.
- Hasse, R., & Pennington, N. (1999). Notes on the distinction between memory-based versus on-line judgments. In J. M. Bassili (Ed.), *On-line cognition in person perception*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Heider, F. (1958). *The psychology of interpersonal relations*. New York: Wiley.
- Holbrook, A. L., Krosnick, J. A., Visser, P. S., Gardner, W. L., & Caspiro, J. T. (2000). Attitudes toward presidential candidates and political parties: Initial optimism, initial first impressions, and a focus on flaws. *American Journal of Political Science*, 45, 930-950.
- Huckfeldt, R., & Sprague, J. (1998, July). Sources of ambivalence in public opinion: The certainty and accessibility of abortion attitudes. Paper presented at the annual meeting of the International Society of Political Psychology, Montreal, Canada.
- Huddy, L. (1994). The political significance of voters' gender stereotypes. In M. X. Delli Carpini, L. Huddy, & R. Y. Shapiro (Eds.), *Research in micro-politics* (Vol. 4, pp. 169-196). Greenwich, CT: JAI Press.

- Huddy, L., & Capelos, T. (2002). Gender stereotyping and candidate evaluation: Good news and bad news for women politicians. In V. C. Ottati, R. S. Tin-dale, J. Edwards, F. B. Bryant, L. Heath, D. C. O'Connell, Y. Saucio-Balazar, & E. J. Penner (Eds.), *The social psychology of politics* (pp. 28-53). New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Huddy, L., & Turkidson, N. (1993). Gender stereotypes and the perception of male and female candidates. *American Journal of Political Science*, 37, 119-147.
- Harwitz, L., & Peffley, M. (1997). Public perceptions of race and crime: The role of racial stereotypes. *American Journal of Political Science*, 41, 323-401.
- Jackman, S., & Sniderman, E. M. (2002). Institutional organization of choice spaces: A political conception of political psychology. In E. M. Monroe (Ed.), *Political psychology* (pp. 209-234). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Jacobs, J. R., & Shapiro, R. Y. (1994). Issues, candidate image, and priming: The use of private polls in Kennedy's 1960 presidential campaign. *American Political Science Review*, 88, 527-540.
- Jacobs, J. R., & Shapiro, R. Y. (2000). *Politicians don't ponder: Political manipulation and the loss of democratic responsiveness*. Chicago: University of Chicago Press.
- Jacobson, G., & Dimock, M. A. (1994). Checking out: The effects of bank overdrafts on the 1992 House elections. *American Journal of Political Science*, 38, 601-624.
- Jamieson, K. H. (1992). *Dirty politics: Deception, distraction, and democracy*. New York: Oxford University Press.
- Jamieson, K. H. (2001). *Civility in the House of Representatives: The 1994 Congress*. Annenberg Public Policy Center of the University of Pennsylvania, Philadelphia, PA.
- Jervis, R. (2002). Signaling and perception: Drawing inferences and projecting images. In E. R. Monroe (Ed.), *Political psychology* (pp. 293-317). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Jones, E. E., & Davis, E. E. (1965). From acts to dispositions: The attribution process in person perception. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 2, pp. 213-268). New York: Academic Press.
- Judd, C. M., Krosnick, J. A., & Milburn, M. A. (1981). Political involvement and attitude structure in the general public. *American Sociological Review*, 46, 640-669.
- Judd, C. M., Park, B., Ryan, C. S., Brans, M., & Krass, S. (1995). Stereotypes and ethnocentrism: Diverging interethnic perceptions of African-American and white urban youth. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69, 404-423.
- Kahn, K. F. (1992). Does being male help? An investigation of the effects of candidate gender and campaign coverage on evaluations of U.S. Senate candidates. *Journal of Politics*, 54, 497-517.
- Kahn, K. F. (1994). *The political consequences of being a woman: How stereotypes influence the conduct and consequences of political campaigns*. New York: Columbia University Press.
- Kalbfleisch, J. F. (1994). The language of detecting deceit. *Journal of Language and Social Psychology*, 13, 469-496.
- Katz, D., & Brady, K. W. (1933). Racial stereotypes of 100 college students. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 28, 180-200.
- Kesting, C. E., Randall, D., & Kendrick, T. (1999). Presidential physiognomies: Altered images, altered perceptions. *Political Psychology*, 20, 593-610.
- Kornell, S. (1997). *Going public: New strategies of presidential leadership*. Washington, DC: CQ Press.
- Kry, V. O. 1958. *Politics, parties, and pressure groups* (4th ed.) New York: Carroll.
- Kunder, D. R. (1986). Presidential character revisited. In R. R. Lau and D. O. Sears (Eds.), *Political cognition: The nineteenth Annual Carnegie Symposium on Cognition*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

- Kinder, D. R. (1988). Opinion and action in the realm of politics. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske, & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4th ed., Vol. 2, pp. 778-867). New York: McGraw-Hill.
- Kingdon, J. W. (1972). *Congressmen's voting decisions*. New York: Harper and Row.
- Klein, J. G. (1991). Negativity effects in impression formation: A test in the political arena. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 17, 412-418.
- Klein, J. G. (1995). Negativity in impressions of presidential candidates revisited: The 1992 election. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21, 283-295.
- Koch, J. W. (2000). Do citizens' apply gender stereotypes to infer candidates' ideological orientations? *Journal of Politics*, 62, 414-428.
- Krosnick, J. A., & McGinnis, K. M. (2002). Psychological political science v. political psychology 'true to its name': A plea for balance. In K. R. Monroe (Ed.), *Political psychology* (pp. 79-94). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Kunda, Z. (1990). The case for motivated reasoning. *Psychological Bulletin*, 108, 480-498.
- Kunda, Z. (1990). *Social cognition: Making sense of people*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lane, R. E. (1986). What are people trying to do with their schemata? The question of purpose. In R. R. Lau & D. O. Sears (Eds.), *Political cognition: The nineteenth Annual Carnegie Symposium on Cognition*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Lasswell, H. D. (1948). *Power and personality*. New York: Norton.
- Lau, R. E. (1982). Negativity in political perception. *Political Behavior*, 4, 351-377.
- Lau, R. E. (1985). Two explanations for negativity effects in political behavior. *American Journal of Political Science*, 29, 119-138.
- Lau, R. E. (1990). Political motivation and political cognition. In E. T. Higgins & R. M. Sorrentino (Eds.), *Handbook of motivation and cognition: Foundations of social behavior* (Vol. 2). New York: Guilford Press.
- Lau, R. E. (1995). Information search during an election campaign: Introducing a process-tracing methodology for political scientists. In M. Lodge & K. M. McGinnis (Eds.), *Political judgment: Structure and process*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Lau, R. E., & Rodinewski, D. P. (1997). Voting correctly. *American Political Science Review*, 91, 385-398.
- Lau, R. E., & Rodinewski, D. P. (2001). Advantages and disadvantages in using cognitive heuristics in political decision making. *American Journal of Political Science*, 45, 951-971.
- Lau, R. E., Sears, D. O., & Centers, R. (1979). The positivity bias in evaluations of public figures: Evidence against instrument artifacts. *Public Opinion Quarterly*, 43, 347-358.
- Levine, H. (2001). The electoral consequences of ambivalence toward presidential candidates. *American Journal of Political Science*, 45, 915-929.
- Levine, H. (2002). On-line versus memory-based process models of candidate evaluation. In K. R. Monroe (Ed.), *Political psychology* (pp. 225-247). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Lewin, R. S. (1999). *Stress and emotion: A new synthesis*. New York: Springer.
- Lippmann, W. (1922). *Public opinion*. New York: Macmillan.
- Lippmann, W. (1955). *Essays in the public philosophy*. Boston: Little, Brown.
- Lodge, M. (1995). Towards a procedural theory of candidate evaluation. In M. Lodge & K. M. McGinnis (Eds.), *Political judgment: Structure and process* (pp. 111-140). Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Lodge, M., & Hazell, R. (1986). A partisan schema for political information processing. *American Political Science Review*, 80, 505-519.
- Lodge, M., & McGinnis, K. M. (Eds.). (1995). *Political judgment: Structure and process*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

- Lodge, M., McGraw, K. M., & Stroh, P. (1989). An impression-driven model of candidate evaluation. *American Political Science Review*, 83, 399-429.
- Lodge, M., & Steenhorgen, M., with Bras, S. (1985). The responsive voter: Campaign information and the dynamics of candidate evaluation. *American Political Science Review*, 89, 309-326.
- Lodge, M., & Taber, C. (2000). Three steps toward a theory of motivated reasoning. In A. Lupia, M. D. McCubbins, & S. L. Popkin (Eds.), *Elements of reason: Cognition, choice, and the bounds of rationality* (pp. 183-213). New York: Cambridge University Press.
- Lupia, A., McCubbins, M. D., & Popkin, S. L. (2000). *Elements of reason: Cognition, choice, and the bounds of rationality*. New York: Cambridge University Press.
- Marcus, G. E., Neuman, W. R., & MacKuen, M. (2000). *Affective intelligence and political judgment*. Chicago: University of Chicago Press.
- Markus, G. B. (1982). Political attitudes during an election year: A report on the 1980 NES Panel Study. *American Political Science Review*, 76, 534-549.
- Mayhew, D. (1979). *Congress: The electoral connection*. New Haven: Yale University Press.
- McConnell, A. R. (2001). Implicit theories: Consequences for social judgments of individuals. *Journal of Experimental Social Psychology*, 37, 213-227.
- McGraw, K. M. (1991). Managing blame: An experimental investigation into the effectiveness of political accounts. *American Political Science Review*, 85, 1133-1159.
- McGraw, K. M. (1998). Manipulating public opinion with moral justification. *Annals, AAPSS*, 360, 129-142.
- McGraw, K. M. (2000). Contributions of the cognitive approach to political psychology. *Political Psychology*, 21, 805-832.
- McGraw, K. M. (2001). Political accounts and attribution processes. In J. H. Kuklinski (Ed.), *Citizens and politics: Perspectives from political psychology* (pp. 160-197). New York: Cambridge University Press.
- McGraw, K. M. (2002). Manipulating public opinion. In B. Norrander & C. Wilson (Eds.), *Understanding public opinion*. Washington, DC: CQ Press.
- McGraw, K. M., Anderson, W., & Wiley, E. (2000, April). *The E-Connection: House members' use of the internet to explain impeachment votes*. Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL.
- McGraw, K. M., Best, S., & Timpone, R. (1992). What they say or what they do? The impact of elite explanation and policy outcomes on public opinion. *American Journal of Political Science*, 39, 33-74.
- McGraw, K. M., Fischle, M., & Steiner, K. (2000). *What citizens choose depends on how they are asked*. Unpublished manuscript.
- McGraw, K. M., Fischle, M., Steiner, K., & Lodge, M. (1998). What's in a word? Bias in trait attributions of political leaders. *Political Behavior*, 18, 263-281.
- McGraw, K. M., Haseoka, E., & Conger, K. (In press). Ambivalence, uncertainty and processes of candidate evaluation. *Political Psychology*.
- McGraw, K. M., & Hubbard, C. (1998). Some of the people some of the time: Individual differences in acceptance of political accounts. In D. C. Muta, P. M. Sanderbaum, & R. Brady (Eds.), *Political persuasion and attitude change*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- McGraw, K. M., Lodge, M., & Jones, J. (2002). The pandering politicians of suspicious minds. *Journal of Politics*, 64, 363-383.
- McGraw, K. M., Lodge, M., & Stroh, P. (1990). On-line processing in candidate evaluation: The effects of issue order, issue salience and sophistication. *Political Behavior*, 12, 41-58.

- McGraw, K. M., Pinney, N., & Neumann, D. (1991). Memory for political actors: Contrasting the use of semantic and evaluative organizational strategies. *Political Behavior, 13*, 165-189.
- McGraw, K. M., & Sternberg, M. (1995). Pictures in the head: Memory representations of political actors. In M. Lodge & K. M. McGraw (Eds.), *Political judgment: Structure and process*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- McGraw, K. M., Timmons, R., & Bruck, G. (1997). Justifying controversial political decisions: *Homer Style* in the laboratory. *Political Behavior, 19*, 289-308.
- McFerrer, M., Gage, M., & Lodge, M. (in press). Good, bad, indifferent, and ambivalent: The consequences of multidimensional political attitudes. In P. Verjans & W. Sato (Eds.), *Real opinions, real change*. Princeton: Princeton University Press.
- Miller, A. H., Wattenberg, M. P., & Malanchuk, O. (1996). Schematic assessments of presidential candidates. *American Political Science Review, 90*, 521-540.
- Miller, D. T., & Ross, M. (1975). Self-serving biases in the attribution of causality: Fact or fiction. *Psychological Bulletin, 82*, 213-225.
- Moskowitz, D., & Sirosh, P. (1994). Psychological sources of electoral racism. *Political Psychology, 15*, 307-329.
- Page, B. I. (1976). The theory of political ambiguity. *American Political Science Review, 70*, 742-752.
- Page, B. I. (1978). *Choices and values in presidential elections*. Chicago: University of Chicago Press.
- Page, B. I. (1996). *Who deliberates? Mass media in modern democracy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Page, B. I. & Brody, R. (1972). Policy voting and the electoral process: The Vietnam War issue. *American Political Science Review, 66*, 976-995.
- Page, B. I., & Shapiro, R. Y. (1992). *The rational public: Fifty years of trends in Americans' policy preferences*. Chicago: University of Chicago Press.
- Park, B. (1986). A method for studying the development of impressions of real people. *Journal of Personality and Social Psychology, 51*, 807-817.
- Park, B. (1989). Trait attributes as on-line organizers in person impressions. In J. N. Russell (Ed.), *On-line cognition in person perception* (pp. 34-55). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Parsons, S. C., Rodlund, E. D., & Bropan, G. E. (1975). *Representatives and represented: Bases of public support for the American legislature*. New York: Wiley.
- Peffley, M., Hurwitz, J., & Schneider, P. M. (1997). Racial stereotypes and whites' political views of blacks in the context of welfare and crime. *American Journal of Political Science, 41*, 30-60.
- Polkin, H. F. (1967). *The concept of representation*. Berkeley: University of California Press.
- Rahn, W. M. (1995). The role of partisan stereotypes in information processing about political candidates. *American Journal of Political Science, 37*, 473-496.
- Rahn, W. M. (1997). Candidate evaluation in complex information environments: Cognitive organization and comparison processes. In M. Lodge & K. M. McGraw (Eds.), *Political judgment: Structure and process* (pp. 43-64). Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Rahn, W. M. (2000). Affect as information: The role of public mood in political reasoning. In A. Lupia, M. McCubbins, & S. Popkin (Eds.), *Elements of reason* (pp. 130-150). New York: Cambridge University Press.
- Rahn, W. M., Aldrich, J. H., & Borgida, E. (1996). Individual and contextual variations in political candidate appraisal. *American Political Science Review, 90*, 193-199.
- Rahn, W. M., Aldrich, J. H., Borgida, E., & Sullivan J. L. (1990). A social cognitive model of candidate appraisal. In J. A. Forjoles & J. H. Kuklinski (Eds.), *Information and democratic processes* (pp. 136-177). Urbana: University of Illinois Press.

- Rapoport, R. B., Metzcal, K. L., & Hartman, J. A. (1999). Candidate traits and voter inferences: An experimental study. *Journal of Politics*, 59, 913-932.
- Radlinski, D. (2000). You must remember this: A test of the on-line model of voting. *Journal of Politics*, 63, 29-38.
- Riggle, E. D., Ottati, V. C., Wyer, R. S., Kuklinski, J. H., & Schwarz, N. (1982). Bases of political judgments: The role of stereotypic and nonstereotypic judgment. *Political Science*, 14, 67-87.
- Evans, D., & Pastora, M. P. (1991). Constituency service, reputation, and the incumbency advantage. In M. P. Fiorino & D. W. Rohde (Eds.), *Home style and Washington work: Studies of congressional politics* (pp. 17-46). Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Robinson, W. F. (1993). Lying in the public domain. *American Behavioral Scientist*, 36, 359-382.
- Rosenberg, S. W., Bohan, L., McCafferty, P., & Harris, K. (1984). The image and the vote: The effect of candidate presentation on voter preference. *American Journal of Political Science*, 30, 100-127.
- Rosencwasser, S. M., & Scale, J. (1988). Attitudes toward a hypothetical male or female presidential candidate: A research note. *Political Psychology*, 9, 581-588.
- Saitohmatsu, K. (2002). Gender stereotypes and vote choice. *American Journal of Political Science*, 46, 20-34.
- Sapiro, V. (1983). *The political integration of women: Roles, socialization and politics*. Urbana: University of Illinois Press.
- Schlenker, B. R. 1980. *Impression management*. Monterey, CA: Brooks/Cole.
- Schlenker, B. R., & Weigold, M. E. (1992). Interpersonal processes involving impression regulation and impression management. *Annual Review of Psychology* 43, 153-168.
- Sears, D. O. (1983). The person-positivity bias. *Journal of Personality and Social Psychology* 44, 233-240.
- Shapiro, K. (1972). The strategy of ambiguity: Uncertainty and electoral competition. *American Political Science Review*, 66, 355-68.
- Sigelman, L., Sigelman, C. K., & Fowler, C. (1987). A bird of a different feather? An experimental investigation of physical attractiveness and the electability of female candidates. *Social Psychological Quarterly*, 50, 32-45.
- Sigelman, L., Sigelman, C. K., & Walkosz, R. (1992). The public and the paradox of leadership: An experimental analysis. *American Journal of Political Science*, 36, 366-383.
- Sigelman, L., Sigelman, C. K., Walkosz, N., & Nitz, M. (1995). Black candidates, white voters: Understanding racial bias in political perceptions. *American Journal of Political Science*, 39, 243-263.
- Simonton, D. K. (1986). Presidential personality: Biographical use of the Gough Adjunctive Check List. *Journal of Personality and Social Psychology*, 51, 149-160.
- Stawarski, J. J., & Carlson, D. E. (1989). Negativity and extremity biases in impression formation: A review of explanations. *Psychological Bulletin*, 105, 121-142.
- Smith, S. S., & Dorring, C.J. (1990). *Committees in Congress*. Washington, DC: CQ Press.
- Snyderman, P. M., Brady, R. A., & Tetlock, P. E. (1995). *Reasoning and choice: Explorations in political psychology*. New York: Cambridge University Press.
- Steenbergen, M. (2001, July). *The Bayesian Bayes meets John Q. Public: Patterns of belief updating in citizens*. Paper presented at the annual meeting of the International Society of Political Psychology, Cuernavaca, MX.
- Steenbergen, M., & Brewer, P. (in press). The not-so-ambivalent public. In P. Norris & W. Surin (Eds.), *Real opinions, real change*. Princeton: Princeton University Press.

- Steenbergen, M., Wolak, J., & Kilburn, W. (2001, April). Affective moderators of online and memory-based processing in candidate evaluation. Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL.
- Sutton, J. A., Mackaay, M. H., & Erickson, R. S. (1995). Dynamic representation. *American Political Science Review*, 89, 343-365.
- Stephili, R. (1948). Personal factors associated with leadership. *Journal of Psychology*, 25, 15-31.
- Talbot, C., & Lodge, M. (2000). *Motivated skepticism in the evaluation of political belief*. Manuscript submitted for publication.
- Tetlock, S. (1991). When white voters evaluate black candidates: The processing implications of candidate skin color, prejudice, and self-monitoring. *American Journal of Political Science*, 37, 1032-1053.
- Tetlock, P., & Levi, A. (1992). Attribution bias: On the inconclusiveness of the cognition-motivation debate. *Journal of Experimental Social Psychology*, 18, 68-88.
- Tormala, Z., & Petty, R. E. (2001). On-line versus memory-based processing: The role of speed to evaluate in person perception. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 27, 1599-1612.
- Uleman, J. S., Haas, A., Roman, R. J., & Moskowitz, G. B. (1996). On-line evidence for spontaneous trait inferences at encoding. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 22, 977-994.
- Weaver, R. K. (1986). The politics of blame avoidance. *Journal of Public Policy*, 6, 571-598.
- Weaver, R. K. (1988). *Automatic government: The politics of inattention*. Washington, DC: Brookings Institution.
- Weisberg, H., & Hill, T. (2004). *The succession presidential election of 2000: The battle of legacies*. Paper presented at the Conference on the 2000 Elections, The Ohio State University, Columbus, OH.
- Welch, S., & Hibbing, J. R. (1997). The effects of changes in corruption on voting behavior in Congressional elections, 1982-1990. *Journal of Politics*, 59, 226-259.
- Wiley, E. (2002). *Explaining the vote: Claiming credit and managing blame in the United States Senate*. Unpublished doctoral dissertation, Ohio State University, Columbus, OH.
- Williams, L. F. (1990). White/black perceptions of the electability of black political candidates. *National Political Science Review*, 2, 145-164.
- Zajonc, R. (1980). Feeling and thinking: Preferences need no inferences. *American Psychologist*, 35, 151-175.
- Zaller, J. R. (1992). *The nature and origins of mass opinion*. New York: Cambridge University Press.
- Zaller, J. R., & Feldman, S. (1992). A simple theory of the survey response: Answering questions versus revealing preferences. *American Journal of Political Science*, 38, 579-616.
- Zelnowitz, L. A. (1994). Facial maturity and political prospects: Persuasive, culpable, and powerful faces. In R. C. Schank & E. Langer (Eds.), *Beliefs, reasoning, and decision making: Psychological in honor of Bob Abelson* (pp. 315-349). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Rebecca G. Sproun

Восприятие власти. Поиск ясных образов*

Власть имеет предельно ясную суть не только для тех, кто в ней стремится, но и для тех, кто ее изучает. Политическая психология испытывает давний интерес к институтам власти, к людям, которые ее осуществляют.

Электоральное решение: есть ли разгадка?

Сегодня существуют многие научные школы, изучающие власть с точки зрения различных психологических концепций. В России, несмотря на молодость политической психологии как науки, уже возникли исследовательские и практические школы, в которых власть не только изучается, но и обретает поддержку со стороны экспертов-консультантов. Выборные кампании, в которых участвуют консультанты — политические психологи, дают бесценный материал для осмысления политического поведения как лидеров, так и массовых, позволяя ученым и политикам приблизиться к разгадке того, как принимается электоральное решение.

Политические лидеры как текст для избирателей

Практически все, что исходит от политика — его высказывания, мимика, речь, документы — составляет некий текст, который читается теми, кому он адресован, т.е. людьми, относящимися к трем основным категориям: последователям, противникам, нейтралам. Главная задача каждого публичного политика в период выборной кампании — преумножить ряды последователей за счет «нейтралов» и переубедить тех из лагеря противников на его сторону. Текст, который он сознательно адресует избирателям, и призывы как раз содержат аргументы, убеждающие их в необходимости следовать за политиком. Однако в этих текстах полным ходом возникают «высказки», противные которым убеждает людей в обратном — не идти за политиком или идти против него.

Следовательно, текст является стимулом, влияющим на высшейшей акт электорального поведения — голосование на выборах или участие в них.

Большинство политических деятелей независимо от статуса намеренно полагают, что их воспринимают и оценивают по их словам и по их делам,

* Егорова-Гантман Е., Косолова Ю., Манусов И. Восприятие власти. Поиск ясных образов // Власть. 1994. № 1. С. 18–21.

Поэтому более или менее они уделяют внимание своим устным или письменным речам, а также словесному оформлению своих дел, объяснению намерений и целей, речевому сопровождению действия: как идет дело, получится ли оно, насколько оно хорошо для общества, констатация результатов действия и уверения, что они позитивны и прекрасны.

Однако при этом большинство политических лидеров оставляют без внимания то, что «читатель» не всегда улавливает логику текста, не всегда принимает аргументацию, далеко не всегда способен к восприятию текста на понятийном уровне.

Рядовой избиратель отнюдь не является идеальным «читателем» политических текстов. Более того, у него, как правило, отсутствует всякое желание читать их. Он берет лишь верхний слой информации, причем поднимает ее своей логикой, своим представлением о том, что пытается сообщить ему политик. Весьма часто избиратель и вовсе не воспринимает послание политического кандидата, а строит его образ по «скользям» информации, которую он воспринимает на эмоционально-чувственном уровне. Этот уровень восприятия политических объектов является, возможно, даже более важным, чем понятийный. Во всяком случае у тех избирателей, у которых сформирован истинный эмоционально-чувственный образ политика, его практически невозможно изменить за счет сообщений на понятийном уровне, логической аргументации.

В эмоционально-чувственном восприятии политических объектов, независимо от того, является таким объектом конкретный кандидат, лидер, партия или абстрактная власть, можно выделить различные формы: зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные, ассоциативные.

Власть зрительных, слуховых, обонятельных образов над избирателем в процессе принятия электорального решения чрезвычайно велика. Подчас он и не понимает, почему проголосовал «за» или «против», и не готов объяснить свое отношение к кандидату.

Политические фигуры на политическом фоне

У человеческой психики есть одна очень важная черта — потребность в выделении ярких, четких структур из информационного шума, выделению фигуры из фона и восприятие к неясной, двойственной информации, стремление упорядочить ее. Из всего хаоса информации, обрушивающейся на избирателя, он выделяет наиболее четкие, оформленные образы, отвергая неясные и неопределенные. В данном случае неясные образы, как и неопределенные, также вызывают свои истинные чувства.

Текст, исходящий от политического кандидата в период выборной кампании, должен быть структурирован таким образом, чтобы избиратель мог воспринять отчетливый контур его личности и обретенный (посу-

ла) или программы. Избиратель должен «уловить» основные характеристики личности кандидата: привлекательный—отталкивающий, добрый— злой, умный—глупый, смелый—трусливый и т.д. Он должен оценить его профессиональные качества: компетентный—некомпетентный, умеющий работать с людьми—не умеющий, способный к политической деятельности—не способный и т.д. Избиратель должен понять, что сулит ему кандидат в, главное, что это значит лично для него, для его семьи в случае исполнения политиком его обещаний.

Таким образом, избиратель оценивает кандидата под действием различных когнитивных структур собственного сознания прототипов:

- представлений об идеальном политиком или политиком-объекте;
- лидерах, власти и т.д., усвоенном из собственного сознания в образах-значениях, содержащих личностный смысл данного объекта для воспринимающего. Но как прототипы, так и образы-значения существуют на различных уровнях, в том числе и на эмоционально-чувственном.

Интеллектуал в политике — это еще не политик-интеллектуал

Почему не смогли выиграть выборы блоки, наиболее насыщенные интеллектуальными, опытными политиками, — «Выбор России», «Яблоко», ПРЕС, РДДР? С точки зрения политической психологии у них было много ошибок в проведении кампании. Но одна из самых серьезных — полное отсутствие текстов, адресованных избирателю и «проработанных» на различных уровнях. Избирателю не адресовалась информация на политическом уровне, создавая у него образ-значение, личностный смысл обещанных действий этих политиков в случае победы, рождающая структурированный, ясный и желательный привлекательный эмоциональный образ.

Избиратель так и не понял отличия между демократическими блоками, не воспринял «лица» каждого из них, у него не оформились образы их программы. Бесформенность, неясность текстов, исходящих от этих блоков, отсутствие четких структур в восприятии избирателей во многом повлияли на исход голосования.

В то же время в кампаниях Жириновского избирателем из каждой группы задавался личностный смысл его программы, адресовался такой текст из слов, жестов, мимики, интонации, что вопрос о структурированности, ясности, отчетливости контуров его образа не приходится даже обсуждать. Жириновский четок, ясен, оформлен, прост. Его легко «читать». Он сам помогает «читателю» делать это без напряжения.

Избиратели, отвечавшие на вопрос «Почему они проголосовали за Жириновского?», легко объясняли это личностным смыслом для них того, что он обещал, и уж совсем без труда списывали его личностные качества. Сейчас многие политологи задаются вопросом: «Обманул ли он своих избирателей или они выбрали действительно банкого им по духу человека?» Мы склоняемся ко второму ответу. Нельзя считать дурными такой большой процент населения. Можно только сожалеть о том, что столько людей после прочтения его предельно откровенных текстов он оказался баннее и хуже многих других политических фигур. Его победа была обусловлена в первую очередь ясностью текстов и близостью их избирателям.

Одним из парадоксов этих выборов является одновременная с победой Жириновского победа президентской Конституции на референдуме. Однако это парадокс лишь на первый взгляд. Образ Ельцина, который квалифицируется с Конституцией, — так же четко структурирован и легко воссоздается из текстов Президента РФ. Политические наги, мимика, жесты, манеры, речи руководителя страны независимы от отношения к нему «читаются» без труда. Он понятен. Он может нравиться или не нравиться, но его образ достаточно четок для всех людей.

Эффект ореола срабатывает достаточно сильно: «за» Ельцина — «за» его Конституцию, «не против» Ельцина — «не против» его Конституции. А тех, кто «против», тех, у кого уже есть сложившийся негативный образ на повзятийном или только эмоционально-чувственном уровне, не привлекает ясность и простота текстов. Но каждый опытный политик помнит свою главную задачу: борьба за голоса «апатристов».

Образы лидеров в массовом сознании*

Власть функционирует не только через действия реальных лидеров, но и посредством их виртуальных двойников — образов этих лидеров, формирующихся в массовом сознании и подчас замещающих самих действующих политиков. Отсюда вытекает отдельная исследовательская задача: понять, как эти образы складываются, как они соотносятся с реальными личностями политиков. Отдельно мы обсудим и вопрос о том, какова природа этих образов и какими инструментами их удастся выявить и зафиксировать. Важной частью нашего поиска в данном исследовании были задачи отбора соответствующих целям исследования способов интерпретации полученных данных, особенно в той их части, которая касается бессознательных компонентов образов.

Задачи и методология изучения образов лидеров

Так же как в исследовании образов власти, а возможно, даже в большей степени, изучение образов реально действующих политиков требует от исследователей поиска методологии, позволяющей учесть не только рациональные, но и иррациональные уровни восприятия лидеров.

Здесь неподходящим камнем давит большое, если учесть, что в нашей политической культуре лидерство до сих пор ассоциирует некий этетос сакральности. Так, мы нередко получаем отзывы респондентов, особенно старшего возраста, давая ассоциации лидера с тем или иным животным или знаком, что воспринималось ими как нечто нейтральное в отношении «такого большого начальника».

Другая проблема возникает в отношении достоверности отзывов, полученных на основе вопросов, заданных «в лоб», вроде вопроса: «Если выборы будут завтра, будете ли вы голосовать за X.?» Такие вопросы, которые регулярно задаются гражданами в ходе избирательных кампаний, не могут служить достаточным основанием для прогноирования реального электорального поведения. Мы высказывали убеждение, что подобная информация об электоральных предпочтениях носит рациональный, а точнее рационализированный характер, ввиду тем как электоральный выбор основан наряду с рациональными и на иррациональных установках. Методология исследования, которую мы разработали, была направлена прежде всего на возможность уплывания именно этого слоя реакций избирателей, многие из которых складываются задолго до выборов.

* Образы российской власти от Ельцина до Путина / Под ред. Е. Б. Шестакова. М.: РОССПЭН, 2008. Гл. 8.

Таким образом, в своей методологии мы исходили из того, что нам необходим инструментарий, который позволил бы, с одной стороны, выявить «идеальный прототип» российских лидеров, зафиксировать предпочтения граждан на рациональном уровне. С другой стороны, мы искали способ измерить их неосознаваемые установки на лидеров. Нам представляется оптимальным двухступенчатый анализ: сначала анализ данных рационального и бессознательного уровней, а затем сравнение их между собой. При этом если есть расхождение этих двух рядов данных, то его можно интерпретировать как опосредованную неконгруэнтность образа, что может стать барьером восприятия и неблагоприятно для лидера.

Для исследования лидеров мы также соединили количественные и качественные методы, делая акцент на качественных. Сразу оговоримся: мы не ставили перед собой задачу получения эмпирических данных, репрезентативных для всей страны. Не было у нас и задачи выявить специфику восприятия в отдельных регионах. При построении выборки мы исходили из стандартов, принятых для качественных исследований. Так, для получения достаточно надежной информации нам было достаточно получить не менее 20 интервью по одному политику. Как правило, мы значительно перекрывали эту цифру для надежности. Выборки были при этом сбалансированы по полу, возрасту, образованию, а в ряде исследований мы включали такое основание, как различие респондентов по их политическим предпочтениям (левые—правые). На разных этапах нами было получено разное количество интервью:

1993 г.	—	200 интервью;
1996 г., апрель	—	240 интервью;
1996 г., октябрь	—	240 интервью;
1997 г., март	—	240 интервью;
1998 г., февраль	—	300 интервью;
1998 г., октябрь	—	100 интервью;
1999 г., ноябрь	—	240 интервью;
2000 г., март	—	140 интервью;
2000 г., октябрь	—	210 интервью;
2001 г., октябрь	—	80 интервью;
2003 г.	—	640 интервью;
2006 г.	—	240 интервью.

При этом исследования по преимуществу проводились в Москве, но также в Иркутске, Смоленске, Иваново, Владимире, Воронеже, Томске, Новгороде Великом, Ростове, Саратове, Калининграде, Челябинске, Уфе, Кемерово, Дагестане и ряде других регионов.

Процедура исследования представляла собой проведение фокусированных интервью с предъявлением респонденту последовательно трех черно-белых фотографий политиков. Выбор натуральных в отличие от

вербальных стимулов (когда называют лишь фамилию политика) представляется нам более эффективным для наших задач методом, так как позволяет получить ответы даже в том случае, если респондент не узнает политика, не может ответить на вопросы о том, что ему в данном человеке нравится или не нравится, и дать ассоциации. Кроме того, мы исходим из того, что большая часть информации о политиках в настоящее время приходит к гражданам по телевизионным каналам и имеет визуальный характер.

Необходимость работы именно с этими объектами обусловлена тем, что респонденту необходимо время для того, чтобы освоиться с методикой, и именно в конце исследования мы просили дать сравнительные характеристики всех трех политиков.

Выбор фотографий был достаточно сложной задачей. Мы работали с фотопортретами, выполненными профессиональными фотожурналистами, в которых считались репортажная точность изображения с фиксацией характерных деталей личности политика. При этом мы отбирали те фотографии, в которых содержались «подтексты» в виде некоторой карикатурности изображения и вычленения отдельных деталей в виде излишней полноты фигуры или особенностей прически и т.п. Главными критериями отбора были узнаваемость политика и то, что наш соавтор М. Поникова-Грунд называла системой «дифференциальных признаков» политика, отличающая его от других в восприятии граждан¹.

Черно-белый характер изображения диктовался использованием ассоциаций с цветом. Нам необходим был стимульный материал, который не оказывал бы на восприятие дополнительного воздействия.

Использование фокусированного интервью с каждым респондентом по отдельности в отличие от обсуждения в фокус-группе обеспечивало максимально индивидуализированные ответы респондентов, на которых не оказывало давления групповое мнение.

Объекты оценки были выбраны из списка, который содержал на разных этапах и корректировался фамилии (так, на протяжении всех этапов исследования в списке включались 5-6 ведущих политических лидеров, в том числе президент Ельцин, лидеры крупных партий, председатели правительств), и новые фигуры, добавлявшиеся в силу изменений политической конъюнктуры. В общей сложности были получены данные по более чем тридцати политикам на всех этапах исследования. Наряду с российскими политиками — президентами, кандидатами в президенты, депутатами Думы, лидерами партий, губернаторами — для сравнения были исследованы образы украинского и белорусского президентов, а также президента США Дж. Буша и французского премьера Ж. Ширака.

В соответствии с нашей методологией мы включили в опросник два типа вопросов: первый был направлен на фиксацию рациональных оце-

нок политиков. Этот тип вопроса выявляет узнаваемость лидера, намерение голосовать за него, то, что в нем нравится и что не нравится, а также зачем, по мнению респондента, данному политику нужна власть.

Второй блок вопросов фиксировал ассоциации с животным, цветом, запахом, литературным героем⁶.

Обработка материалов велась как с помощью шкалирования оценок респондентами личностных качеств лидеров, так и с помощью политико-психологического анализа высказываний отдельных респондентов с последующим выделением рациональных и бессознательных уровней в их оценках властных фигур. Нами были построены три основных шкалы восприятия личностных качеств политиков.

По шкале **приспосабливаемость—неприспосабливаемость** политика выявляется позитивность, зная и соотносящие положительные и отрицательные качества, доля отрицательных и положительных оценок по отношению к общему числу названных качеств. По **обыкту** оценок выделяются:

- **внешность** (облика, манера поведения) и **внешние характеристики** (здоровье—болезнь, конституция, полнота—худощавость, предельные привычки, маскулинность—фемининность, возраст, температур, физическая привлекательность);
- **морально-психологические особенности** (характер, отдельные черты личности, речевые обороты и типичные оценки политика);
- **чисто политические, профессиональные и деловые качества** (политические ориентации, организаторские способности, лидерский потенциал).

По шкале **сила—слабость** выявляется доминирующая тенденция приписывания силы и/или слабости в отношении внешности, телесных характеристик, психологических особенностей, моральных качеств, политических и деловых качеств. Так же оцениваются и получившие бессознательные ассоциации.

Шкала **активизм—пассивизм** имеет отношение к исполнению властных полномочий, к волеизъявлению, к тем образам, с которыми респонденты ассоциируют политика. Эта шкала применялась по такой же схеме, как и две предыдущие: ответы кодировались, и подсчитывалось процентное их отношение к числу всех ответов по данному политику.

После кодирования ответов респондентов и создания базы данных результаты обрабатывались с помощью пакета статистической и социологической информации SPSS.

Если исходить из того, что образы российских лидеров мы можем изучать и со стороны их собственно личностных проявлений, и со стороны их отражения в сознании рядовых граждан, то перед исследовате-

лами встает вопрос о том, как соотносить эти отражения с реальными личностями. Здесь возникает две сложности методологического плана. Во-первых, как выявить подлинное, а не декларативное отношение граждан к лидерам. В России этот вопрос осложнен еще и тем, что респонденты бессознательно стремятся подстроиться к принятым в обществе «правильным» ответам, которых от них «ожидают» интервьюеры. Во-вторых, возникает вопрос: какими показателями следует пользоваться, чтобы измерить подлинное отношение к лидерам, то, что в них нравится и что не нравится?

Ответ на первый вопрос мы видим в том, чтобы помимо собственно рациональных оценок и мнений по возможности учесть бессознательные реакции граждан на личности лидеров. В поиске же адекватных показателей подлинного отношения к лидерам мы исходим из ряда теоретических положений. Так, нас интересовала не личность лидера как таковая во всех ее человеческих проявлениях, а публичная сторона личности политика, т.е. те аспекты поведения лидеров, о которых могут судить и эксперты, и наблюдатели. Это случает после исследования до наблюдаемого поведения. Объектом же исследования выступает не столько сам политик, сколько его публичный образ.

Исследованию этого образа проводится через его восприятие гражданами, т.е. имеет отраженный характер. Как показали наши предыдущие исследования², это отражение в целом носит вполне адекватный характер. Несмотря на то что формирование образа политика в сознании граждан не основано на четкой и полной информации рационального характера, они тем не менее обладают психологически точным инструментом для прочтения образа политического лидера, позволяющего им сделать если не полностью рациональный, то во всяком случае эмоционально приемлемый для них выбор.

Не менее важен вопрос о том, есть ли у граждан свой набор требований, а значит, и набор ожиданий, в отношении политиков, исполняющих разные политические роли. Какие должны быть губернатор, президент, депутат, мэр, министр? Если мы измеряем интеллект в психологических тестах, то знаем, каким должно быть значение коэффициента интеллекта, чтобы человека не считать дебилом или, напротив, считать гением. А вот какими должны быть показатели восприятия политика как компетентного, честного или внешне привлекательного, отличаются ли по этим параметрам президент, губернатор, мэр и т.д., мы пока не знаем. Этот вопрос возникает именно потому, что психолог, когда он использует тест, знает нормативы. А политические психологи или социологи пока оценивают свой объект «на глазок».

В случае если мы интерпретируем полученные данные как замеры образов политиков в массовом сознании, возникает не менее сложная проблема интерпретации, касающаяся природы тех сдвигов, которые

наблюдается в оценках политиков. Проводя такого рода измерения в течение нескольких лет, мы фиксировали отклонения в количественных оценках тех или иных оценок личности практически у всех ведущих политических деятелей. Социологические опросы, проводимые ФОМом, ВЦИОМом и другими службами изучения общественного мнения, также показывают перепады в оценках одного и того же качества у политика в динамике. Совершенно неясно, как эти оценки оценивать. Ведь в редких случаях сами политики давали для этого повод.

Основные гипотезы исследования

Выскажем некоторые исходные предположения, из которых мы исходим при постановке задач исследования. Мы предполагаем, что:

- существует расхождение между установками на политиков и электоральным выбором, о чем свидетельствует отличие данных социологических опросов от результатов голосования на всех выборах начиная с 1993 г. Одной из причин такого рассогласования является противоречие между социально одобряемой в данный момент системой ценностей и подлинными предпочтениями избирателей;
- социально одобряемая система ценностей находит свое выражение в определенном наборе требований к политическому лидеру: он должен быть «надежным», «честным», «умным» и пр. Идеальный лидер должен соответствовать ожиданиям избирателей по ряду психологических параметров, среди которых обязательно присутствуют *драматизм* (как внешняя, так и моральная, политическая, профессиональная), *личностные силы* и *индивидуальность*;
- в реальности выбор того или иного претендента избирателями базируется на иной системе ценностей, которая не основана, так как не соответствует общепринятым ценностям. В таком случае подлинные ценности, служащие основой выбора, нередко не осознаются самими избирателями и носят иррациональный характер, что отражается на восприятии политических лидеров, опосредуемой этими «скрытыми ценностями». В таком случае ответы респондентов на прямые вопросы об их предпочтениях и измерениях голосования могут не соответствовать реальности и не работают как надежный инструмент прогноза. Им необходимо дополнить исследованием бессознательных установок с зафиксированной в них системой ценностей респондентов, которая им может ощущаться как «неправильная» с точки зрения принятых норм. Так, например, никто из респондентов не признается, что ему нравит-

ся не очень умный, зато очень агрессивный политик. Но на вопрос о том, проголосует ли он за политика X., на деле обладающего такими характеристиками, респондент даст позитивный ответ, который не может рационально объяснить;

- иррациональность принятия решения о голосовании за того или иного политика имеет своим источником также и неясность образа политика, недостаточно вычлурные характеристики ситингов, послыанных политиком своим избирателям и управляемых ими как противоречивые и несогласующиеся системы сообщений;
- в ситуации расхождения эмоциональных и когнитивных компонентов установки респонденты в электоральном поведении будут руководствоваться не столько рациональным выбором, сколько эмоциональными предпочтениями, основанными на восприятии таких параметров образа политика, как привлекательность, сила и активность кандидата;
- несмотря на то что принятие решения о голосовании не основано на четкой и полной информации рационального характера, независимо от уровня политических знаний, возраста, пола и образовательного уровня обычные граждане обладают тем не менее психологически точным инструментом для прочтения образа политического лидера, позволющего им сделать если не рационально выверенный, то во всяком случае эмоционально приемлемый для них выбор кандидата.

Наряду с политико-психологическим анализом ответов респондентов участники исследования проводили лингвистический анализ их ответов о видении того или иного политического лидера. В лингвистическом анализе мы исходили из того, что:

- ответы респондентов представляют собой единый текст, в структуре которого помимо рационального, отмеченного автором высказывания уровня имеются один или несколько уровней неперестраиваемых им сообщений, которые подчас оказываются наиболее информативными. Анализируя ответы о положительных или отрицательных качествах того или иного лидера как единый текст, можно выявить как социально одобренный, так и недекларируемый набор качеств, которые, по мнению респондентов, должны (не должны) быть у лидера;
- ассоциации респондентов в отношении каждого лидера выстраиваются в связный метафорический ряд. Для лингвистического анализа были выбраны только ассоциации с животными, божьими частями из которых фигурирует в индоевропейской и общеславянской мифологии. Рефлексам этой мифологии являются народные сказки, паремии, приметы, а также живой современный

фольклор (в частности анекдоты, как правило, политические или с политическими аллюзиями).

Мы исходим из предположения, что для респондентов—носителей русского языка естественно было почерпнуть метафорические образы из мифологического резервуара. При этом даже если респондент не знаком с конкретными мифологическими репрезентациями образа того или иного животного, они непременно присутствуют в его ассоциациях. Не прибегая к гипотезе коллективного бессознательного, что можно интерпретировать в действительном культурном дискурсе: мифологическая конкретика поступает из сказок, слышанных в детстве (о чем взрослый может и не помнить); из пословиц и поговорок, из устойчивых словосочетаний и фразеологизмов.

В нашу непосредственную задачу входило:

- а) выявить в «разноязычных» ответах содержащиеся в них скрытые сообщения о том, какие качества лидера замечаются респондентами, рассматриваются как важные или второстепенные, положительные или отрицательные;
- б) выявить в «ассоциативных» ответах скрытые сообщения о том, какие качества лидеров неосознанно отмечены респондентами и оценены ими;
- в) сравнить оба результата.

При интерпретации полученных данных мы исходим из следующих теоретических посылок.

1. Оценка гражданами политиков дает нам материал как о **политиках**, их личностных и политических качествах, составляющих имидж, так и о **массовых ожиданиях** в отношении лидеров, т.е. о **гражданах**, формирующих тот идеальный прототип лидера, соответствию которому необходимо любому политiku для «эффективной деятельности».

2. Доверие, симпатия и другие позитивные чувства возникают у граждан тогда, когда процесс коммуникации между лидером и его последователями происходит достаточно гладко. В случае если в этом процессе возникают барьеры, затрудняющие коммуникацию, причины следует искать либо в самом политике, неприметности его позиций, либо в том, что он не может удовлетворить имеющуюся в массовом сознании потребность в ожиданиях, либо в неясности посланного им сообщения.

3. Работа с полученными высказываниями граждан о том или ином лидере предполагает как прямой анализ этих высказываний с точки зрения содержания оценок (рациональный уровень), так и анализ скрытых (как от исследователя, так и нередко от самого респондента) бессознательных критериев этих оценок. Мы исходим из гипотезы, что в высказываниях респондентов содержится многослойная информация об их

отношения к политикам. Верхний слой составляют основополагающие рациональные характеристики. Для их интерпретации мы используем простые шкалы, исходящие из огуловской трехкомпонентной структуры личности (Привлекательность, Сила, Активность). При этом привлекательность подразделяется на:

- оценки внешности, понимаемой прежде всего как манера поведения, стиль межличностных отношений;
- оценки соматических характеристик;
- оценки психологических качеств, политическое, деловых и моральных аспектов образа.

В рациональных оценках также содержится и более глубокий слой. Его выявление требует текстуального анализа высказываний, чтобы выявить скрытые за ними неудовлетворенные потребности, пресуппозиции, скрытые претензии, с которыми респонденты составляют реального политика.

Теоретические обоснования интерпретации данных

Ассоциация с животными

Еще более глубокий слой установок на политика мы выявляем с помощью метода ассоциаций. В отличие от метода свободных ассоциаций, который традиционно используется в психологии, мы работаем с фиксированными ассоциациями — ассоциациями с животными, с цветом и запахом, что позволяет сопоставлять политиков друг с другом.

Интерпретация полученных ассоциаций образа того или иного политика с животным, цветом и запахом потребовала разработки теоретических оснований для выявления значений полученных ассоциаций.

Так, в ассоциации с животными мы исходим из того, что интерпретации подлежат лишь те ассоциации, которые связаны с метафорическими образами данной культуры. Отсюда, например, такие животные, которые являются экзотическими для данной культуры (носороги, пантера, жирафы, утконосы и пр.), трактовались как свидетельства неорганичности данного политика доминирующей политической культуре (не из нашего леса).

Анализ данных ассоциаций мы проводили исходя из общей схемы интерпретации, предложенной М. В. Новиковой-Грунд⁴. Так, прежде всего нами выявлялись метафорические значения того или иного животного в контексте национального фольклорного рода. Схема выглядит следующим образом.

«Мифологический круг животных» объединяет персонажей парный, сцепки, прыжки. Животные этого круга анимисны в сюжете, имеют свои постоянные, повторяющиеся от персона к персона роли, атрибуты и локусы — «места действия», в сюжете они взаимодействуют с дру-

гими персонажами, также наделяемыми фиксированными ролями. Наиболее развитые и продуктивные сюжеты и фиксированные в них роли не отличаются большим структурным многообразием и распадается на несколько групп:

ОТНОШЕНИЯ СОПЕРНИК/СОПЕРНИК

Соперничество за превосходство в докусе (медведь/волк).

Соперничество в охоте за жертвой (медведь/волк/лиса...).

В этих отношениях выявляются следующие роли: инвариантный **ПОБЕДИТЕЛЬ** и **ПОБЕДИТЕЛЬ** — медведь в «нечеловеческом докусе» (в «человеческом докусе» таковым выступает сам человек, а в сюжете «человек—медведь» возможны оба исхода соперничества); сильный (равный, умный) **СОПЕРНИК** (волк, лиса, кабан...).

ОТНОШЕНИЯ ОХОТНИК/ЖЕРТВА

(человек/волк; волк/лиса...)

В этих отношениях выявляются роли: «**ОХОТНИКА ДОГОНЯЮЩЕГО**» (собака, волк); «**ОХОТНИКА, НАПАДАЮЩЕГО ИЗ ЗАСАДЫ**» (лисица, рысь); «**ОХОТНИКА, КОМПЕНСИРУЮЩЕГО НЕДОСТАТОК СИЛЫ И ЛОВКОСТИ ХИТРОСТЬЮ И УМОМ**» (человек, лиса); — **СИЛЬНОЙ** и **СЛАБОЙ ЖЕРТВЫ**; причем особенно интересной оказалась роль «**МАКСИМАЛЬНО СЛАБОЙ ЖЕРТВЫ**» — «**ПИЩА**». «**ЖЕРТВА—ПИЩА**» (идиот, идиот) одновременно участвует в сюжете «**сложный повелитель**», «**повелитель слабым**», являя собой инверсный, кариатурный образ персонажа, воображающего себя **ПОВЕЛИТЕЛЕМ**, но являющегося просто «**ПИЩЕЙ**» для истинного **ПОВЕЛИТЕЛЯ**.

ОТНОШЕНИЯ ПОВЕЛИТЕЛЬ/СЛУГА

Здесь выявляются роли **ВЕРНОГО СЛУГИ** (собака); **ОПАСНОГО СЛУГИ**, который одновременно оказывается **ВОЛШЕБНЫМ ПОМОЩНИКОМ** (лошадь, волк); **ПОРОЧНОГО СЛУГИ** (вол); особое место в ряду **СЛУГ** занимает **снани** — она служит лишь номинально, не знает долга, благодарности, грима, всадника и конюшника; однако она является «**ВОЛШЕБНЫМ ПОМОЩНИКОМ**», приносящим «**богатства**», которого сама не имеет и в котором не нуждается. Эту роль можно назвать **СЛУГА-ТАЛИСМАН**.

ОТНОШЕНИЯ ХРАНИТЕЛЬ ИМУЩЕСТВА/РАСХИТИТЕЛЬ

(собака/сучьяно; лошадь/разорительный пар)

Легко видеть, что приведенные здесь сюжеты и роли так или иначе трактуют отношения доминирования-подчинения — т.е. те сюжеты, которые представляют главный интерес для данного исследования. Этот факт, видимо, требует специального объяснения, поскольку идея включить в

вопрос ассоциации с животными принадлежала посылному, никак не представлявшему возможность декодирования ряда через сюжетно-ролевые отношения в мифологическом дискурсе. С точки зрения лингвиста, перед нами косвенное подтверждение гипотезы: на рациональном уровне посылком предполагал оценить результаты по шкалам «размер», «степень агрессивности», «активность», но на иррациональном — обращаться, как и респонденты, к общему для всех носителей русского языка фольклорно-мифологическому дискурсу, в котором большинство сюжетов описывают отношения доминирования, подчинения и власти.

Понямо «мифологических» образов в ответах респондентов часто повторяются образы животных, не соотносящихся с фольклорно-мифологическим дискурсом. Эти образы почти не участвуют в продуктивных сюжетах, не имеют достаточно определенный список атрибутов, мотивированных фразеологическими оборотами русского языка:

- ТОЛСТОКОЖИЙ (как слон, носорог, бегемот и пр.);
- БЕЗОБРАЗНЫЙ (СМЕШНОЙ, УМНЫЙ) или обаяния (подробнее см. ТЕЗАУРУС);
- БЫСТРЫЙ (как лев, олень, гепард, гоним...);
- ДРЕВНИЙ (как бронзовар, птеродактиль...);
- ПРИЧЕСКА (как у ежа, динозавра).

В ответах респондентов часто упоминаются не взрослые животные, а детеныши. Мы могли допустить, что интерпретировать это как подтверждение всех атрибутов образа и воспроизведение доминантных ролей, например: «медвежонок» сохранит все атрибуты медведя (умный, грубый, неуклюжий, истощающийся), но не сохранит роль (не ПОВЕШИТЕЛЬ), а то же время «поросяток» полностью сохранит все характеристики «свиньи», поскольку роль (СЛУГА-ТАЛИСМАН) не является доминирующей.

В заключение рассмотрим ранжированный по степени благоприятности ТЕЗАУРУС ЗООЛОГИЧЕСКИХ МЕТАФОР.

Положительные ассоциации:

1. «Медведь и круг животных — сильные СОПЕРНИКОВ/ХОТЯНИКОВ, дублирующих его качества: волк, лиса, заяц, бык, лось...». «Круг медведя» имеет мифологический признак «хозяина», «властелина», «необдита сильного соперника». Его атрибуты: «грубый, злой, голодный, умный, неуклюжий...». Вероятно, такая ассоциация наиболее благоприятна для претендента на претендентское кресло. В анализируемом материале «медведь» — Емелин (8), Черномырдин (4), Лебедь (4), Гайдар (2) (но Гайдар не обладает необходимым качеством «свойный—уверенный»).

2. «Лошадь» — с мифологическим сюжетным признаком «волшебный помощник». Это не вполне удачная ассоциация для претендента, поскольку у «лошады» должен быть «хозяин», однако здесь присутству-

ют такие важные атрибуты, как «неожиданное свечение» и «звонно судьбы».

3. «Собака» дублирует мифологический символ «лошадь», но без мистических атрибутов — незамысловатая ассоциация.

Опериативные ассоциации:

4. «Кот» — «вороватый сыскалобещ».

5. «Крыса», «холок-барсу» — «кадкий и осторожный хранитель собственной юрты и имущества».

Резко-меланхолическая ассоциация:

6. «Нидок-цаплина» — «ложный повелитель-царь», карикатурная отсылка к «медведю».

Амбивалентная ассоциация:

7. «Синья» — «слуга-талисман», грязный, жирный, умеет прива-
дить в божество, мечтает о недоступном по воле Бога существование и
благородство». В этой метафоре сочетаются: а) опериативные значения,
психологические и этические характеристики (открытым, что у лезвья
Синья — Человек, с которым инстинктивно ассоциирует себя residen-
денты, — психологические и этические характеристики те же самые:
жадный, неблагодарный, изворотливый); б) таинственное знание; в) пре-
небрежение или «синиская» неспособность ценить выделенное для Че-
ловека богатство; г) «идеалистические» мечты о недоступном; д) кон-
такт, пусть и негласного свойства, с Богом, который ограничивает
возможности Синья «сыной, грязной» сферой. В анализируемом мате-
риале ассоциации со Синьей встречаются при восприятии Гайдара,
Зюганова, Ельцина.

Идеальное сочетание метафор: «Медведь—Волк—Лошадь» с доми-
нированием «Медведя». Неподходящее сочетание: «Хомья—Нидок».

В позитивно-психологической части исследования нами были выбра-
ны следующие параметры для интерпретации ассоциаций с животными.

Привлекательность (как внешняя, так и моральная) исходит из су-
ществующих в нашей культуре атрибуций данному животному. Так,
например, синья — испорченная, а поросенок — ничего себе. Лошадь —
привлекательная, а заяц — несимпатичная. Это изображение бессознатель-
ных оценок позволяет нам сравнить уровень attractiveness на рацио-
нальном уровне с бессознательными реакциями на того же политика.

Агрессивность (мы определяли эту характеристику по агрессивному
или хищному характеру животного). Агрессивность на бессознательном
уровне, на наш взгляд, характеризует уровень активности, сопоставимый
с аналогичным показателем на рациональном уровне.

Сила является на бессознательном уровне столь же важным покази-
телем, как и на рациональном уровне. Однако немаловажно собственно па-
раметры силы в ассоциациях с животными мы выделили размер животного,

который мы интерпретируем как определенное отражение масштаба личности. Если до 1999 г. все данные, которые мы получали по российским политикам, свидетельствовали о корреляции между выбором того или иного политика и оценкой его образа как крупного или хотя бы среднего, то с появлением на политической сцене В. В. Путина эта общая картина сместилась: в его образ преобладают скромные по масштабам черты. Возможно, для оценки лидера этого типа респонденты пользуются иной, нежели моделью восприятия: в новом веке российские избиратели уже не ищут харизматического вождя, их привлекает скорее «такой, как мы». Это лишь гипотеза. В дальнейшем придется искать адекватную интерпретацию данной картины.

Ассоциации с цветом¹

Начальными гипотезами, из которых мы исходили при интерпретации цветовых ассоциаций, были следующие:

- ощущения, которые человек получает из внешней среды, тысячекратно формируют его характер и поведение;
- воздействия среды вызывают различные ощущения — зрительные, обонятельные, осязательные. Их постоянное воздействие на бессознательное создает прочные ассоциации этих ощущений с определенными понятиями, и в ходе эволюции эти ассоциации генетически закреплялись в коллективном бессознательном.

Таким образом, ощущения и восприятия связаны не только с раздражителем, но и между собой (цвет — с запахом). Существует связь между ощущениями (восприятиями) и типом поведения. Это означает, что ассоциации с тем или иным объектом могут не только использоваться для интерпретации типа поведения респондента, но и приписываться объекту (в нашем случае — политике).

Цвет имеет три физических свойства.

1. Цветовой тон — определяющая длина волны в пределах достаточно узкого участка спектра. Чистые цвета — красный, желтый, синий. Остальные — смешанные.

2. Яркость или светлость — интенсивность излучения.

3. Насыщенность или чистота (наличием ароматических оттенков белого, черного, серого), примешивающихся к основному цвету. Все природные цвета имеют эту примесь.

Глаз человека в определенных условиях может различить от 20 000 до 2 000 000 цветов. Художник — до миллиона оттенков. Однако в языке такого количества обозначений нет. Даже оттенки основных цветов имеют описательный характер: оранжевый — от *orange*, желтый — от *yellow*. Дополнительные цвета вообще не имеют собственных названий (малиновый, салатный, карамельный) либо описательный характер (голубо-зеленый).

Для нашего исследования важна проблема психологического воздействия цветового спектра, а точнее, *связанных акраутированных цветовых ассоциаций и их интерпретаций, больше, чем самостоятельная проблема восприятия цвета.*

Психологическое действие цвета двойно: первичное, благодаря которому мы воспринимаем среду или предмет и получаем какое-то впечатление (тихость, тепло, влажность и др.), и вторичное, подсознательное, действующее через ассоциации. Последнее более индивидуально и накапливается с приобретением опыта.

Однако есть ряд ассоциаций объективного свойства. Они пришли из глубины веков, закрепились в бессознательном человека и передаются генетически из поколения в поколение. Например, связь оранжевого цвета с солнцем, теплом, энергией, синего и голубого — с морем, небом, дождем. Это связано отчасти со культурой. Мы знаем представление себе спокойствия красного цвета, сухости сине-зеленого, воздушности коричневого.

Цвет плохо определяется в ситуации неустойчивого сознания, когда человек испытывает страх, тревогу, боль, плохое самочувствие. В нашем исследовании стремились *обратить внимание на рекомендации, которые не могут дать данные ассоциаций.*

С темнотой связываются черный и темно-синий цвета. Эта ассоциативная связь вошла в коллективное бессознательное. Эти цвета вызывают чувство страха, неуверенности, угнетенности. Кроме и светлые тона, наоборот, либо несут, особенно близкие к солнечному — оранжевый и желтый, либо успокаивают — зеленый, голубой.

Светлые оттенки вызывают чувства безопасности и прилив сил, жажду действий, радость.

Тьма — кроме опасное, вызывает ощущение тревоги, неуверенности, загадочности. Это прямое указание для интерпретации цветовых ассоциаций с политиком, большинство которых (особенно устойчивых) связано с темными тонами. Они либо вызывают страх и тревогу, либо кажутся загадочными. Необходимо также объяснить, почему наиболее светлые и яркие из политиков стали неэффективными в получении желаемых постов.

Атмосферические тона эмоциональны. Это абстрактные цвета времени и пространства.

Красно-желтая часть спектра вызывает ощущение тепла. Сине-голубая — холода. Максимум тепла вызывает оранжевый, а не красный. Это чисто психологическая закономерность, а не физическая, так как длина волны у красного — больше, чем у оранжевого.

Красный воспринимается как самый активный. Возбуждающий. Фиолетовый — нарастает усложнение. Оранжево-желтый вызывает чувство радости, уменьшение агрессивности и активности.

Зеленый — равновесие. Сочетает в себе легкость и активность желтого со спокойствием и тяжестью синего. Активные цвета лучше запоминаются и кажутся более яркими.

Наибольшее чувство удивления от предмета (т.е. увеличение пространств) создают цвета *сине-фиолетовой* части спектра. Простор замедляется.

Оранжево-желтые дают эффект приближения и наблюдения. *Время* ускоряется. *Сине-голубые* оттенки — тяжелые, *желтые* — легкие.

Сине-фиолетовые цвета не сексуальны. Сексуальность нарастает через фиолетовый к красному.

Яркие и светлые (теплые) цвета действуют возбуждающе, стимулируют в общении, в деятельности. *Холодные* цвета вызывают торможение, расудочность, рациональность.

Зеленый, зелено-желтый, оливоковый — уравнивание, погружающие во внутренний мир.

Пастельные тона (розовый, салатовый, лавандовый) — скромность, нежность, ласка.

Черный и другие темные цвета — мрачность, угрюмость, тоска, страх.

Пары: синий—желтый — направление, движение.

Красный—зеленый — импульсивность. Жизнелюбие, утверждение.

Фиолетовый—оранжево-желтый — скрытая сила, уравниванность.

Оранжевый—голубой — рвущаяся энергия в сочетании с замкнутостью.

Ассоциации с цветом в книге будут проанализированы детально применительно к каждому политик в отдельности. Если же попробовать проинтерпретировать полученные данные, сопоставляя политиков друг с другом, то выявляются следующие тенденции. Ассоциации с цветом были разделены нами на следующие формальные категории: светлый—темный, теплый—холодный и яркий—тусклый. Практически все эффективные российские политики видятся в темной, холодной и тусклой гамме цветов. Исключения — «светлые» личности: Гайдар, Скоков, Яковлевский и С.Федоров. Преимущественно темные тона отличают только одного политика — Гайдара. Общие картины восприятия политиков в цвете оказались негативной, вызывавшей ощущение неадекватности политиков, их отчужденности от респондентов. Это скорее коллективный образ власти как таковой, который воспринимается крайне негативно на бессознательном уровне. Те же исключения, которые вызывают «теплые» и «светлые» чувства, явно не выглядят фаворитами политической борьбы и не вызывают желания перейти от эмоциональногоприятия к электоральному поведению.

Ассоциации с запахами

Ассоциации с запахами дают дополнительную информацию о бессознательных реакциях наших респондентов. Прежде всего обращает на себя

внимание само наличие или отсутствие запаха. Отсутствие или неопределенность запаха свидетельствует о размытости образа, его телесной неопределенности. Показательной фигурой в этом отношении является Черномырдин. Если в середине 1990-х годов данные ассоциации были совершенно естественной и создавали образ представителя элиты, которому соответствуют престижные и позитивные параметры запахов, то к концу 1990-х этот человек характеризовался отсутствием запахов, повторяющимся более чем у половины опрошенных. Отсутствию запахов отмечалось также у таких политиков, как Скулов, Зюганов, Шумейко, Гайдар и Явлинский.

Шаги практической работы, выделенная нами для анализа рациональных ответов респондентов, может использоваться и в отношении ассоциаций с запахами, которые отражают наиболее глубокий слой восприятия. Такие образы вызваны очень глубинными чувствами, практически не поддающимися рациональной интерпретации.

Другим основанием для классификации запахов была выбрана их дифференциация по сладости—терпкости. Смысловые оттенки названных запахов свидетельствуют о восприятии «мужественности»—«женственности» того или иного образа. Так, запах конфет или ванили рисует иной образ человека, нежели запах хвоя, осы, моря или вота. Представляется, что данные категории ассоциаций может обогатить наше представление о силе и слабости политиков.

Еще одна типология запахов была использована нами для сравнения позитивных естественных и техногенных. Среди естественных запахов были телесные и природные, съедобные и несъедобные. Техногенные или искусственные запахи включали в себя парфюмерные ассоциации (которые были редкими), запах, ассоциирующиеся с профессиональными занятиями политика (дантист, лекарства, казарма, «запах военных действий»). У всех политиков естественные, природные запахи преобладали над искусственными, что можно интерпретировать в терминах прикладности.

* * *

Подводя итог анализу теоретико-методологических подходов к анализу образов, сформулируем перечень задач, которые ставит данное исследование в целом, а также его первая и вторая части.

Во-первых, нам предстоит выявить доминирующее в массовом сознании образы власти и политиков и проследить их динамику на протяжении второй половины 1990-х годов — начала XXI в.

Во-вторых, нам важно не только оценить декларируемые ценности, лежащие в основании оценки гражданами власти и политиков, но и выявить пласт скрытых, неосознаваемых ценностей параметров, которые определяют и содержание, и психологическую структуру образов власти.

В-третьих, важной задачей данного исследования является поиск психологических закономерностей становления и функционирования образов в сознании как на индивидуальном, так и на массовом уровне.

Примечания

¹ Штегемал Е. Б., Номинан-Грунд М. В. Психологический и лингвистический анализ восприятия образов 12 ведущих российских политиков // *Полит.* 1996. № 5.

² Ассоциации с литературными героями использовались нами на первом этапе исследования. В дальнейшем мы отказались от них в силу их низкой эффективности: набор литературных героев, который мы обдумали в массовом сознании, был чрезвычайно узок (только два, в силу немалой школьной подготовки). К тому же эти данные не прибавляли ничего принципиально нового к другим ассоциациям. Нам известны разные примеры использования ассоциаций с членами семьи, с видами деревьев (А. Г. Левинов). Но эти виды ассоциаций использовались при проведении фокус-групп.

³ *Discourse Holon, Nanyang-Guang-Ming, Psychological and Linguistic Analysis of Respondents' Perceptions of 12 Leading Russian Politicians* // Paper, Presented at the Nineteenth Annual Meeting of ESPP, Vancouver, June 30 — July 3.

⁴ Штегемал Е. Б., Номинан-Грунд М. В. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // *Полит.* 1996. № 5. С. 168–191.

⁵ В интерпретации цвета мы во многом опирались на трактовки, содержащиеся во книге: Креслене Г. Э. Цветоведение и цветоискусство. СПб.: ИАЭЛ, 2008.

Создание образа лидерства: на примере Клинтона и Уотергейта*

Составление новостки дня — это коллективный процесс, в котором средства массовой информации, правительство и граждане оказывают, по крайней мере, в некоторых отношениях взаимное влияние друг на друга [Линг и Линг, 1983, С. 38–39].

Образы лидеров, как и новостки дня, создаются совместно лидерами и их избирателями, имеющими к этому отношение, — выборными деятелями, средствами массовой информации и публикой. Образ лидера сложен и подвижен. Хотя значительная часть внимания исследователей уделяется поддержке президента со стороны общества, взгляд общества не является единственным релевантным фактором. Средства массовой информации и другие политики создают свои собственные образы президента. В ходе взаимосвязанных процессов то, как президент и другие политики создают его образ, находит выход в прессе и далее — в обществе, а то, как средства массовой информации изображают президента, может повлиять на то, что думают о президенте другие политики и общество. В ходе всего его правления образ президента в обществе является решающим компонентом политической власти.

В предыдущих исследованиях делается акцент на том, что оценки лидерства имеют и личное, и профессиональное измерения. Процесс создания образа лидера опирается, однако, на прежние ожидания, связанные с лидером. Как уже отмечалось другими исследователями, процесс создания образа лидера также подчинен ходу событий [Кемелл, 1978; Киндер, 1981; Мюллер, 1970], и характеру политических ресурсов [Линг и Линг, 1983].

Избранные политики, средства массовой информации и общество играют более мыслительную роль в определенных аспектах создания образа лидерства. Поскольку эти три категории участвуют в процессе создания образа лидерства по-разному, неудивительно, что результаты различаются. Игра имиджей помогает объяснить успех или неудачу президента. Критический момент, например президентский импичмент, предает четкие очертания обоим и подвижной конструкции имиджа лидера.

В этой статье мы сначала рассмотрим процесс создания образа и применим эти идеи к объяснению того, почему президент Клинтон выстоял в ходе процесса импичмента. Мы проанализируем, как средства

* Political Psychology, 2000, Vol. 21, No. 1.

массовой информации, общество и другие избранные политики создавали разные образы Клинтона и как эти образы влияли на их поведение. Успех Клинтона в сохранении своего имиджа в обществе затем противопоставляется провалу президента Никсона в утратейтском кризисе. Клинтон был спасен во многом не причинами низких ожиданий от его личного морального поведения и высокого одобрения его лидерства в экономике. И напротив, Никсон потерял порывание в силу высоких ожиданий общества, связанных с его личной порядочностью, и разочарования в его управлении экономикой.

На примере Клинтона и Никсона мы развиваем конструктивистский подход к пониманию образа лидерства. Наш анализ объединяет литературу о динамике одобрения президентства [Медлер, 1970; Кемени, 1978; Киндлер, Петерс, Абелсон и Фиске, 1986] с интерактивным анализом средств массовой информации и общественного мнения [Лонг и Лонг, 1983; Броди, 1991]. Мы начинаем с рассмотрения предыдущих исследований взаимодействия средств массовой информации, общества и избранных политиков, а затем обсуждаем, почему эти политические акторы создают разные образы президента.

Средства массовой информации, общество и избранные политики. Как и в прочих аспектах своих взаимоотношений, средства массовой информации и избранные политики зависят друг от друга в выражении своих образов лидерства. Пресса зависит от официальных источников новостей [Сигал, 1973]¹. Выбор, который делают профессиональные журналисты относительно того, у кого брать интервью, из каких институтов (напр., Конгресс или Белый Дом) и какой политической ориентации (напр., демократы или республиканцы), влияет на содержание и тон освещения лидеров в средствах массовой информации [Ликтер и Нойес, Ротман и Ликтер, 1987].

В то время как средства массовой информации опираются на официальные источники, избранные политики обязательно полагаются на средства массовой информации при выполнении ряда функций. Во-первых, политики наблюдают за новостями, чтобы узнать, на что способны другие политики. Кроме того, они отслеживают новости, чтобы знать, что думает общество. Растающее значение для процесса создания образа лидерства имеет то, что лидеры полагаются на средства массовой информации в передаче своих посланий обществу. Чиновники начинают верить, что средства массовой информации определяют то, как общество видит их. Например, Лонг и Лонг объясняют, что в начале утратейтского кризиса президент Никсон и его персонал «разработали специальную медиастратегию, прямо нацеленную на победу в битве за общественное мнение» с целью сохранить его президентство. Мнение общества о лидере может быть политическим ресурсом или политическим обязательством. Так, есть свидетельства о том, что средства массовой информации

относится к популярным лидерам лучше, чем к непопулярным [Беннетт, 1996]. Кроме того, другие избранные политики считают популярных президентов могущественными, что повышает вероятность того, что такие президенты преуспеют в своих политических начинаниях [Нойштадт, 1990]. Если президент успешен в достижении политических результатов, общественное одобрение возрастает [Броуди, 1991, гл. 7], делая успех в будущем более вероятным. Обратной стороной общественного мнения является, конечно, то, что президент, который теряет доверие общества, становится слабее также и на политической арене. В своем анализе уотергейтского кризиса Линг и Линг (1983) утверждают, что освещение событий в средствах массовой информации — это «зеркало», которое позволяет гражданам увидеть, какими они предстают перед обществом.

На общественном мнении о лидере может, следовательно, влиять освещение событий средствами массовой информации; оно может быть темой для них и способом воздействовать на поведение политиков. То, что делают избранные политики, в свою очередь подпитывает освещение лидеров в новостях и влияет на одобрение лидера обществом. Эти взаимодействия между обществом, прессой и другими политиками составляют процесс создания образа лидерства.

Создание образа лидерства

В число ключевых факторов создания образа лидера входят прошлые ожидания, политические достижения, предписываемые лидеру, нынешние события и политические ресурсы. В новаторском анализе оценивания президентов Киндера, Петерса, Абелсона и Фаске (1988) делается акцент на двух измерениях: личность и политическая компетентность. Согласно их анализу общество более единодушно в отношении прототипной потребности президента в политической эффективности, чем в отношении предпочтительных личностных качеств. События, связанные с процессом импичмента Клинтона, свидетельствуют о том, что сложность общества считать политическую эффективность более важной для президентов, чем их личностные характеристики, не была вполне понятна для оппонентов Клинтона. Как будет видно ниже, противоположный исход процесса импичмента Никсона (прерванного его отставкой в августе 1974 г.) можно объяснить отчасти тем же акцентом, который общество делало на политических факторах в создании образа лидерства.

Понятие образа лидерства, однако, отличается от оценки черт личности. Понятие включает в себя эти черты настолько, что положительная или отрицательная оценка политической компетентности может влиять на оценку того, что в общем рассматривается как личные качества (такие как честность и доверие). Использование личностных характеристик в процессе создания образа лидера опирается на существующую литературу по

политической рекламе. Анализ содержания рекламы и последующие реакции аудитории на рекламу показывают, что трудно опровергнуть сообщения о своем характере и проблемах. Эти измерения связаны воцрежно с когнитивными и эмоциональными реакциями на кандидатов.

Например, в 1992 г. кандидат Клинтон разработал образ любознательного лидера, обеспокоенного экономическими благополучием людей. Те, кто поддерживал его экономические предложения, считали Клинтона не менее честным, чем его соперников, даже после серии псевдодостоверности и фальшо в начале его кампании — в том числе после решения вопросов, связанных с Джиннифер Флауэрс, его призывным состоянием и употреблением марихуаны [Джаст и др., 1996]. Позднее, в ходе кампании 1996 г., граждане, которые были довольны лидерством президента Клинтона в экономике, имели увеличивающиеся позитивные эмоциональные реакции на его кандидатуру и в свою очередь чаще высказывали позитивные суждения о его лидерстве в экономике [Велл, Крайлер и Джаст, 1998].

Проекция «осыдаюца». Создание имиджа лидерства подразумевает и измерение временного порядка. В любой новой ситуации наиболее важный фактор в образе лидера — это любой образ, который лидер вызвал в прошлом. Поскольку для создания образа характерны динамика и расширение, то естественно, что лучшие предсказания делаются на основе прошлых образа. Если общество воспринимает лидера как высокоморальную личность, лидер может дорого заплатить, если его обнаружат в морально компрометирующем положении. Высокоморального Джимми Картера, например, со всех сторон критиковали за то, что он дал интервью «*Плейбону*», в котором признался, что «в глубине души пожелал» других женщин. Образ кандидата в президенты Джесси Джексона, лидера «Коалиции радуги», пострадал из-за его антисемитских высказываний. В общем, пресса и общество плохо относятся к тому, что они воспринимают как лицемерие. В ходе процесса выдвижения Клинтон козгобравный спикер палаты Роберт Линквотсон почувствовал необходимость подать в отставку, так как позволил себе внебрачную связь. Подобный сексуальный проступок мог бы быть прощителем, если бы человек не возглавлял обвинение президента в сексуальной неосторожности.

Ожидания от образа лидерства не ограничиваются личностными качествами. Невысокие ожидания относительно эффективности президента Рейгана в процессе управления помогли ему выжить в ходе скандала по делу «Иран-Контра». Большинство американцев не считали, что Рейган достаточно централизовал кандидатский административный процесс, чтобы интегрировать или управлять нарушением конституции. В своих попытках создания образа лидеры могут нарушать баланс между выработкой ожиданий слишком высоким, чтобы им соответствовать, и настолько низким, что никто не считает их эффективными.

Ожидания от лидера в должности соответствуют похвальной «вире ожиданий», которая имеет место в ходе периода выдвижения и общег. выборов. Кандидаты стараются сформировать низкие ожидания в отношении того, какую поддержку они получат в ходе «районного», с тем чтобы общее число голосов превышало ожидания прессы. Далос, обещающий, сделанные в ходе кампании, формируют ожидания от образа лидера у власти. Джордж Буш, например, создаст крайне высокие ожидания от своей экономической программы, когда пообещал: «Читайте по моим губам — никаких новых налогов!» — на республиканском национальном собрании в 1988 г. Его публичный образ был частично дискредитирован, особенно среди республиканцев, когда впоследствии он проинес повышение налогов.

Реальными проводимой похвалы. Защита публичного образа избранного политика в конкретной ситуации во многом зависит от эффективности достижения поставленных лидером политических целей. Это более важное из двух измерений, которые Киндер, Петерс, Абелсон и Фиска (1980) различали в процессе создания президентских прототипов. Используя свидетельства из прессы и общественного мнения, Броуди показывает, что то, что президент действительно добивается с помощью политических результатов, находит большую поддержку, чем то, что президент предлагает. Броуди (1991, гл. 7) подтверждает тезис, предложенный Энтони Дауном, о том, что общество полагается скорее на прошлый опыт лидера, чем на обещания, направленные в будущее.

На долготу истории исторических исследований известно, что граждане зависят от обращенных в прошлое экономических оценок предыдущей администрации, когда делают свой выбор (Фиорина, Киндер и Квинт, 1981). Не только общество, но и прессы склонны создавать положительный образ успешных президентов и быть чрезвычайно критичными по отношению к неуспешным (Беннетт, 1996). Добросовестные президенты, провалившиеся в вопросах экономики, особенно критикуются в освещении кампания (Тайлор, 1996). Управление экономической, следовательно, — важнейший аспект образа президента.

Прототипирование внешнеполитического лидерства также может быть источником силы в создании образа сильного президента. В ходе международных кризисов президенты обычно могут рассчитывать на возникновение чувства единения (*rally effect*). Как лидер страны, президент извлекает выгоду из патристического нтунизма, до тех пор пока не слышно уважаемых официальных голосов против его внешней политики (Броуди, 1991). И напротив, в ходе затянувшейся безуспешной войны образ президента (как это было с Линдоном Джонсоном) может резко обесцениться в прессы и общественном мнении.

Горючие события. Пример Джонсона указывает на то, как создание образа лидера подчинено последовательности событий в реальном мире.

Развитие событий от успеха к неудаче и от неудачи к успеху может определять разнородность образа лидера. Если у лидера есть целый ряд достижений, то даже небольшой успех возмещается. Точно так же если лидер проваливается раз за разом, то даже незначительные победы принимают угрожающие размеры в конечном образе. Например, то, что в начале своего президентства Двораальд Форд оправдывал президента Никсона, увеличивало его поддержку в обществе. Антиинфляционная политика Форда (Высокая Инфляция Сейчас — *HIS*) была еще одним промахом. В 1976 г. Форд заявил во время дебатов с Джимми Картером, что советского господства в Восточной Европе не существует. Кроме того, Форд имел трудности с формированием собственного образа. Однажды президент споткнулся, когда выходя из самолета. После того, как президент несколько раз подряд упал во время катания на лыжах, репортеры — которые сами никогда не присутствовали в сюжете — спекулировали над неуклюжестью президента. Впоследствии физические недостатки президента стали частью созданного средствами массовой информации нереалистичного образа неадекватности президента.

Преемник Форда Джимми Картер являет собой архаичный пример президента, пострадавшего от неблагоприятного хода событий. Его президентство началось на популистской ноте, но впоследствии ему пришлось иметь дело с высокой безработицей, двузначными показателями инфляции, агрессией русских в Афганистане и длительным криком о законниках в Иране. Сообщалось, что во время рыбалки на Картера попал злобный плавающий кролик. В конечном, пресса характеризовала Картера не только как политического неудачника, но и как «Джимми-посредственность».

Политические ресурсы. Несмотря на то что внешние события оказывают влияние на образ лидерства, они находят место лишь в контексте политических ресурсов. Выборная должность сама по себе является ресурсом для создания образа лидерства. На должность порождают некоторая мера уважения. Уважительность и известность дают политику доступ к публичной аудитории. Прессантора обеспечивают президенту то, что Теодор Рузвельт описал как «проповедь хаустина» (*bully pulpit*). Но политические ресурсы президентов различаются в зависимости от контроля их партии за Конгрессом, их отношений с членами своей партии, времени следующих выборов в Конгресс и законодательного статуса самого президента (например, начальный — *honeymoon* — период, первый или второй срок и т.д.) (см.: Броуди, 1991). Силы, противостоящие президенту, могут контролировать Сенат (как было в случаях и Клинтон, и Буша), и Конгресс может быть более или менее расколот узкопартийным конфликтом. Популярность президента неизбежно принимается в расчет в ходе взаимодействия конгрессменов. Их оценка того, как образ президента может воздействовать на их шансы на переизбрание, оказывает

влияние на их отношения с Белым домом. В общем, президенты, которые контролируют наиболее ценные политические ресурсы, имеют больше возможностей контролировать свои образы.

Странный случай Билла Клинтона

Способность Билла Клинтона выстоять в ходе волнующего республиканцами процесса импичмента опирается на положительный образ, который он был способен создавать в течение кризиса. Главная сила Клинтона во время его милой *boycible* была в поддержке общества. Образ президента выстоял в первую очередь благодаря тому, что он был хорошо зафиксирован в общественном сознании после шестилетнего пребывания в должности, а во вторую — потому что в обществе высоко ценировалось то, как он исполнял свои обязанности. Устойчивый образ висящего недостатка, но эффективного лидера хорошо соответствовал президентской интерпретации импичмента — согласно которой он стал жертвой ужомартишного мстительства в его личную жизнь.

Прожитые ожидания. Достаточно странно, но устойчивость образа Клинтона можно объяснить признанием того, что он не был способен выдержать «моральный стандарт» [MacGregor, 1999]. Сексуальные скандалы преследовали Клинтона с января 1992 г. (когда он и его жена рассказали, что у них были «проблемы в браке») вплоть до процесса импичмента в 1998 г. С самого начала ожидания общества в отношении личной нравственности Клинтона не были высоки. Незадолго до объявления заявлений Леински согласно социологическим опросам (опрос Геллмана) 62% американцев считала, что президент Клинтон «не разделял их ценностей» [Ньюпорт, 1999].

Новые откровения о супружеской неверности Клинтона, как оказалось, не вызвали большого удивления в обществе. На скандал по делу Моника Леински общество реагировало гораздо спокойнее, чем пресса и Конгресс². Возможно, общество с самого начала было убеждено, что сексуальные признания соответствовали с прежним поведением президента, и, следовательно, не считало их последующее подтверждение особенно шокирующим³. Принимая однажды в расчет моральные слабости президента, общество не стало наказывать его за то же самое в дальнейшем.

Члены Конгресса и пресса, казалось, разочаровались в том, что общество не разделяло их стандарты политического поведения президента. Даже после обнаружения видеозаписи показаний, которые Клинтон дал Большому жури в августе 1998 г., в три раза больше американцев считало, что для президента важнее «эффективно выполнять свою работу» (63%), чем «быть образцом морального поведения» (21%) [Берк, 1998]⁴.

Результатами проведенной кампании. В ходе процесса импичмента все политические деятели призывали, что президент имел сильную поддержку со стороны общества. Большинство наблюдателей связывали его популярность с выдвинутыми периодом процветания, который начался со второй половины первого срока президентства Клинтона, продолжился во втором сроке и в который полностью вошел период скандала и процесса импичмента. Итоговое одобрение Клинтона, очевидно, опирается в значительной степени на его лидерство в экономике [Финикс, Ньюмарк, 1999; Зайцлер, 1998].

Техническое событие. Известие о том, что президент имел связь с молодой стажеркой Белого дома, привело к предельному насыщению упоминаниями этой истории новостей в январе 1998 г. Согласно Центру по вопросам средств массовой информации и общественности, признания Левински содержались в 305 сообщениях, что составляло одну треть всех новостей в прямом эфире на всех каналах за первый месяц. К моменту инаугурации президента в феврале 1999 г. три главных вечерних новостных программы на разных каналах выдали в прямом эфире в общей сложности 1636 сообщений длительностью 46 часов 39 минут, освещавших дело Левински-импичмент («Скандал в числах»³). Освещение президента средствами массовой информации и показатели общественного одобрения улучшились после отклонения иска Пола Дэвиса к нему о доказательстве⁴. Согласно данным одной из фирм, ведущих мониторинг средств массовой информации, число упоминаний Клинтона в контексте невиновности превысило число упоминаний в контексте вины в теле- и радионовостях только в период отклонения иска Дэвиса.

Впоследствии обстоятельства повернулись против Клинтона. 17 августа 1998 г. он был вынужден давать показания Большому жюри по видео, в сентябре доклад независимого прокурора (*созанале*) Квинета Старра был выставлен в Интернете для широкого ознакомления общества, прессы и других политиков; а многочисленные в средствах массовой информации появились записи его показаний. Согласно данным, около 25 млн пользователей посетили сайт, на котором содержался доклад Старра — важная веха в истории Интернета. За появлением доклада Старра последовали слушания в юридическом комитете Палаты представителей, который впоследствии проголосовал независимо от партийной принадлежности за четыре статьи импичмента.

На ноябрьских выборах демократы укрепили свое преобладание в Палате представителей. Результаты выборов не шли в значительной степени против пожеланий республиканцев провести импичмент в Конгрессе. Республиканские представители в Палате открыли просьбы демократов об осуждении, а не импичменте президента. Четыре статьи импичмента обсуждались с трибуны Палаты, и большинство (голосовавшее почти полностью

независимо от партийной принадлежности) провело две статьи, в которых содержались обвинения Клинтон в лжесвидетельстве и препятствовании правосудию. На разбирательствах этих обвинений в адрес президента в Сенате республиканцы снова не удовлетворили стремление демократов голосовать за предложение об осуждении. Было призвано большое количество свидетелей и после закрытых дебатов, Сенат проголосовал за то, чтобы признать Клинтон виновным по одной из статей импичмента. Однако ни одна из статей не прошла даже простым большинством, что намного меньше требуемых для признания виновным двух третей, и верховный судья провозгласил, что президент оправдан.

За редким исключением события неизменно развивались против президента. В ходе процесса импичмента пресса и другие политики весьма агрессивно ставили вопрос о способности президента управлять в атмосфере нападок [Беркс, 1998а]. А президент Клинтон продолжал служить, сохраняя публичный образ невинного (*belaguered*), но эффективного лидера.

Характер политических ресурсов. Несмотря на то что он добился переизбрания, Клинтон не был в своем распоряжении непропорциональной доли политических ресурсов для создания своего образа в ходе второго срока. Самое важное — он был президентом-демократом, правившим вместе с республиканским Конгрессом. В этих условиях президенту было сложно создавать образ сильного руководителя. Более того, у Клинтон были плохие отношения с демократами в Конгрессе, которые чувствовали себя преданными из-за компромисса, который президент заключил с республиканским большинством с целью достижения своих политических целей [Броудер и Шмитт, 1998]. Многие демократы продолжали винить его за потерю контроля над Палатой представителей во время промежуточных выборов 1994 г. [Беркс, 1998а]. Даже во время голосования по импичменту приводились слова конгрессмена-демократа Лутц(ы) Слотер, который возмущенно говорил: «[Был Клинтон] не лучший демократ, которого видел любой из нас» [Беркс, 1998а].

Столкнувшись со скандалом Левински, президент был вынужден противостоять политическим ресурсам фанатичного независимого прокурора, имеющего в своем распоряжении неограниченный бюджет. Репутация не только президента, но и Келвина Старра была вовлечена в расследование по поводу импичмента. С помощью серии утечек в прессу служба независимого прокурора пыталась создать образ президента как лживого и, возможно, преступного публичного чиновника.

В качестве заключения: президент Клинтон встретил процесс импичмента с низкими ожиданиями общества от его морального поведения, но с сильным одобрением действий его администрации в экономике. Кажется, что события неизбежно развиваются против него. Его политические ресурсы были ограничены контролем оппозиции над Конгрессом и

назначенном независимого прокурора. Защищая себя во время расследования по импичменту, президенту пришлось обратиться к трем аудиториям: прессе, Конгрессу и обществу. Эти аудитории делали акцент на разных факторах в создании образа президента.

Создание образа Клинтона в средствах массовой информации. Учитывая то, что мы знаем о ценности новостей, неудивительно, что создание образа Клинтона средствами массовой информации во многом зависело от текущих событий. Образ президента в средствах массовой информации улучшался и ухудшался по мере развития событий. Его оценка прессой страдала с появлением каждого нового пункта доказательств против него — такая как доклад Старра и видеозапись показаний перед Большим жюри. Тон освещения президента менялся, когда он выигрывал раунд, — предпринимая контрастные шаги против независимого прокурора в феврале 1998 г. и при отклонении в апреле судебного ища Пола Дюана. Однако общий тон был негативен. С января по сентябрь оценки Клинтона в теленовостях в среднем составляли 63% отрицательных и 37% позитивных¹.

Интересно, что самым уравновешенным освещением импичмента президента стало в ходе разбирательства в Сенате. По своей природе разбирательство соответствует одному из любимых средствами массовой информации сюжетных стереотипов — «конфликту». В конфликтных сюжетах пресса ищет две противостоящие стороны, чтобы соответствовать нормам честности. В силу того что в Сенате были уважаемые источники в среде сторонников, и среди противников обвинительного вердикта, достигнуть равновесия было легко.

Степень освещения образа Клинтона, уравновешенного во время сенатского разбирательства, усиливает и расширяет анализ президентского эффекта единства, который провела Броуди (1991). Броуди утверждала, что единения не происходит, когда пресса может привести легитимную альтернативную точку зрения на аксиоматическую проблему, хотя пресса и придает мало значения мнению «окастегимной» оппозиции, появлению оппозиции внешней политике президента получает достаточно внимания. Точно так же в случае импичмента Клинтона наличие партийной оппозиции означало, что пресса не будет увлекаться вынесенным обвинительным суждением, как она делала в начале истории с Лениным².

Создание образа Клинтона членами Конгресса. И то время как создание образа президента в прессе в значительной степени зависит от хода событий и появления новостных ценностей, избранные политики в Конгрессе во многом исходят из политических факторов. Характер ресурсов и оценки результатов выборов имели решающее значение для вынесения суждений членами Палаты. В начале кризиса не было очевидно, что возникнет внутрипартийное противостояние; умеренные слушания представляют собой противоположную модель. Значимость про-

межуточных выборов — на которых баланс власти в Конгрессе может измениться в ту или иную сторону — сделала внутрипартийную деятельность более заметной, чем она могла бы быть в другом случае.

Члены Палаты, столкнувшись с проблемой переизбрания, были вынуждены создавать образ президента, который согласовывался бы с точкой зрения в их собственных кругах. Они полились скорее на письма, личные встречи, местные радиопередачи и т.д., а не на распространяемое мнение, переданное национальными опросами общественного мнения. Образ президента значительно различался у демократических и республиканских избирателей, что вело к разногласиям по некоторым ключевым моментам в процессе импичмента [Финше, 2000]. Однопартийцы (*partisans*) имели разные взгляды на то, связаны ли обвинения импичмента с сексуальным поведением или уголовным деянием, заслуживало ли поведение президента осуждения или удаления с должности и был ли процесс импичмента просто узкопартийным противостоянием или легитимной законной процедурой⁸.

Конгрессмены-демократы имели бы наибольшие шансы на переизбрание, если бы смогли превратить в политический капитал образ Клинтона как успешного политического лидера, сосредоточившись на политических успехах, достигнутых президентом-демократом и его сторонниками-законодателями. В то же время демократы не могли игнорировать то, что на поведение президента в деле Левински может возникнуть сильная неблагоприятная реакция общества. Поэтому они должны были идти деликатным путем, обсуждая личные поступки президента [Альварес, 1998] и в то же время отдавая должное достижениям его администрации. Конгрессмены-республиканцы из преимущественно республиканских кругов свободно могли играть на необщепринятом отрицательном образе президента и как политического лидера, и как человека.

Взгляд через призму выборов настолько распространен, что Белый дом пошел против обычая и подтвердил, что конгрессмены должны быть свободны высказываться согласно своей совести (т.е. настроением своих кругов), а не подчиняться партийной линии [Брундер и Шант, 1998]. Однако в итоге подавляющее большинство членов партий с обеих сторон определилось с тем, что их интересы согласуются с партийными.

В меньшей степени, чем в случае с процессом, создание образа Клинтона республиканскими конгрессменами попало под влияние хода событий. Республиканскому Конгрессу пришлось иметь дело с докладом Старра после того, как он появился. Учитывая серьезность обвинений Старра, конгрессмены-республиканцы не могли оставить вопрос в покое. Они обнародовали доклад, пытаясь убедить общество принять их образ президента как лица и морального негодника, если не какого-то уголовного [Шант, 1998]. Несмотря на сопротивление общества изгнанию президента с должности, они настаивали на импичменте.

Даже после того, как промежуточные выборы разочаровали республиканское большинство, их лидеры отвергали общественное мнение, обращаясь к совести. Конгрессмен Джей Си Уотте настаивал, что:

«Если мы не отыщем безопасные, наши дети не смогут развить его. И если мы не найдем безопасные, они не будут верить этому. Как мы можем говорить нашим детям, что честность — лучшая политика, если не пробуем честности в качестве политики?»

Конгрессмен Генри Хайд, председатель юридического комитета Палаты представителей, утверждал:

«Это может быть глупо и наивно и, может быть, и то, и другое сразу, но я просто не думаю, что термометр — ужасно политическая вещь в конгрессе совести и принципов... Поступайте, если бы Иисус Христос провел социологический опрос, он никогда бы не проводил(а) Евангелие».

К несчастью для республиканцев, их партийный туп и демократическая оппозиция в ходе процесса усугубили точку зрения прессы и общества, согласно которой все это было в первую очередь уважительной проблемой. Уполитийная природа процесса импичмента позволила публичному мнению президента пережить атаки в Конгрессе и средствах массовой информации.

Выход общественного мнения на образ Клинтона. В образе Клинтона общественным мнением акцентировались контекстуальные факторы, отличные от тех, которые выдвигали пресса и Конгресс. Большая часть общества живет за пределами Колумбийской дороги и не реагирует на события так превратно, как члены واشنطنского истеблишмента. Точно так же общество не может быть движимо политическими расчетами, которые определяют поступки выборных политиков. Скорее всего граждане использовали свое понимание Клинтона и его достижений за шесть лет в должности для создания образа президента. Филлип (2000) соглашается, что «восприятие гражданами достоверности и важности сообщения различалось в соответствии с их прежним чувством (аffects) по отношению к Клинтону». Основываясь на концепции «мотивированной аргументации» (motivated), Филлип показывает, как «окончательные суждения [общества о действующих лицах и событиях скандала] имели тенденцию прикрываться линией прежних убеждений».

В известном смысле предыдущие нравственные неудачи Клинтона могли создать у общества иммунитет (immunity) перед разоблачением в скандале с Моникой Левински. Тем, что вызывало постоянную неудовлетворенность прессы, было сложно пробудить интерес общества к делу. Даже перед лицом насыщенного освещения событий в средствах массовой информации общество, как оказалось, лишь «вроде бы» проявляло интерес. Этот сюжет (story) занял только десятое место среди сюжетов, по которым респонденты следили весьма пристально в 1998 г., только

36% респондентов в национальном опросе говорили, что следили за этим сюжетом «очень внимательно». В 1998 г. сюжет импичмента привлек равное внимание общества с более техническим внешнеполитическим сюжетом — инспекцией ООН в Ираке — и проиграл двум сюжетам о погоде.

Недостаток внимания общества не объясняется сложностью сюжета. Сексуальный проступок не является проблемой высокого уровня, которая требует серьезного технического толкования. Проблемой для оппонентов президента оказалось не то, что сюжет было трудно понять, а как раз то, что его легко понять, поверить в него и затем списать как личный недостаток. Особенно после того как президент (в телевещании от 17 августа 1998 г.) допустил, что нарушил правила отношений со стажером Белого дома, две трети общества стали рассматривать его поведение как частное дело, а не нарушение, заслуживающее импичмента. Всего 28% избирателей считали, что это «очень важно» для страны. Это допущение умиротворило тех, кто считал его виновным, а те же время усилили точку зрения, согласно которой он стал жертвой политической vendetta. К моменту импичмента в Палате представителей 70% общества думало, что республиканцы в Конгрессе действовали «по политическим мотивам».

Далее, образ президента Клинтона в обществе концентрировался в первую очередь вокруг его достижений в должности, особенно экономического процветания в течение нескольких предшествовавших лет. Политическая деятельность президента оказалась наиболее важным элементом для формирования политического образа в обществе (Ньюпорт, 1999, с. 23; Заллар, 1998). Вклад общества на образ Клинтона, созданный со временем, оказался относительно непроницаемым для препитостей, связанных со скандалом. Это не означает, что общественное мнение невосприимчиво к событиям. Его показатели искажения упали после обнародования записи его показаний Большому жюри, но в основном общество, казалось, сохранило его образ в длительной перспективе. Если бы скандал произошёл в начале срока Клинтона, до того, как он определил смысл (*agenda*) политики, или начала экономического процветания, результат мог бы быть иным. Если бы члены Конгресса выработали двухпартийный подход к расследованию, утверждение Клинтона о том, что он стал жертвой двухпартийного нападения, не было бы так убедительно.

Впоследствии большинство граждан рассматривало процесс импичмента как межпартийную битву, особенно после голосований по партийным спискам в юридическом комитете Палаты представителей, а затем Палаты и, наконец, в Сенате. Со временем большинство людей начали думать, что скандал был связан с сексом. Даже мужчины-республиканцы, по традиции устойчиво критичные по отношению к Клинтону, стали более благосклонны к президенту после обнародования видеозаписи его пока-

лений перед Большим журн, где ему задавались вопросы о его поведении в отношении Левински¹⁰ [Fen Research centre, 1998a]. Общество считало (в соотношении 2 к 1), что показания не следовало обнародовать [Митчелл, 1998a], большинство было согласено с тем, что расследование было пустой тратой денег и что разоблачением, пусть и предосудительное, поведение не должно быть основой для импичмента [Берн, 1998a]. Опрос в конце января 1999 г., во время разбирательства в Сенате, подтвердил, что 70% респондентов не считали, что президент должен оставить должность. В итоге образ, который пытался представить президент Клинтон — будто он стал жертвой расследования его личного поведения по политическим мотивам, не имеющего отношения к управлению, — стал образом, в который общество поверило.

Сравнение с Уотергейтом

Способность Клинтона выдержать удар контрастирует с лидерским образом президента Никсона во время уотергейтского кризиса. Клинтон сохранил благоприятный образ в глазах американского народа, тогда как поддержка Никсона упала с 68% одобрения (после мирного урегулирования во Вьетнаме) до 24% одобрения непосредственно перед тем, как он оставил должность. Прежние обвинения были важным фактором для оценки виновности Никсона. «Новый Никсон», избранный в президенты в 1968 г., был искренним и морально честным человеком, которого часто называли в числе десяти людей его времени, которых воспринимали в наибольшей степени [Геллман, 1978]. После того как уотергейтское расследование привело к опубликованию разговоров Никсона в Белом доме, в нем увидели человека, склонного к сверхчестности и личным предвзвешенностям. Именно характерная манера говорить «удлинила и оскорбила» общество, согласно полному анализу [Шаксон, 1996]. Записи разговоров в Белом доме напомнили обществу о старом Никсоне — «Трюмэн Диксе», который не останавливался бы ни перед чем, чтобы дискредитировать своих оппонентов.

Политические ресурсы Никсона имели смещенный характер. Как и Клинтон, Никсон имел дело с Конгрессом, контролируемым оппозиционной партией. Как и у Клинтона, образ Никсона, заданный в уотергейтском деле, был усилен существенной победой на первыборах. Хотя администрация Никсона и добилась заметных результатов во внешней политике, уотергейтский скандал произошел на фоне экономической нестабильности в стране. Занятость экономикой и тем, какую роль она сыграет на промежуточных выборах 1974 г., доставляла беспокойство как Белому дому, так и республиканскому меньшинству в Конгрессе.

Последовательность событий вокруг Уотергейта также работала против публичного образа президента Никсона. Расследование в Конгрессе

невозможно вело к разоблачению президента, подозреваемого в сокрытии фактов подслушивания (*bugging-in*), и показанию точки зрения, согласно которой Белый дом стремится казнить своих миним (*persecuted*) врагов любыми средствами, честными или нечестными. Это расследование, возможно, не могло бы успеха, если бы не поддержка конгрессменом-республиканцем, обеспокоенным своими шансами на переизбор и желавшим дистанцироваться от скандала, прорывающегося из Белого дома.

Эта двухпартийная сила в Конгрессе привела к истощению политических ресурсов президента. Широкая коалиция сторонников уотергейтского расследования сделала невозможным для Никсона выйти спасение, утверждавшего, что расследование было лишь узкопартийным делом. Более того, официальные слушания привели к переоборуду вредного для президента осуждения событий в средствах массовой информации. Лиги и Лиги утверждали, что не средства массовой информации поддерживали жизнь уотергейтской истории, а непрекращающиеся расследования различных правительственных институтов (*agenc*), в частности комитета Эрдика. Главным каналом телевидения было обеспечение постепенного (*drawn-in-gate*) освещения развивавшихся событий. Поразительно, что к июню 1974 г. 98% американцев слышали об Уотергейте.

В самом начале опросы показывали, что большинство американцев верило, что президент замешан в уотергейтском деле, но большая часть не думала, что это составляет серьезную проблему [Гелман, 1978]. События приняли другой оборот, когда члены собственного персонала Никсона (особенно советник Белого дома Джон Дин) агитали президента в сокрытии фактов подслушивания в Уотергейте. Образ Никсона еще более пострадал, когда он уволил особого прокурора по делу Уотергейта Арчибалда Кокса. Общественная поддержка импичмента президента неуклонно росла — с 32% в конце 1973 г. до 62% в августе 1974 г. [Гелман, 1978]. Никсон подал в отставку до того, как члены Конгресса смогли оценить, как голос за импичмент сможет в действительности повлиять на их шансы на переизбрание по результатам промежуточных опросов в ноябре.

Всплывавшая об Уотергейте в ходе импичмента Клинтон. Уотергейтское дело никогда не вышло из рассмотрения основных участников скандала с Клинтонем. Демократы считали, что новое республиканское большинство в Конгрессе повало «расплывы» за расследования по делам Уотергейта и «Израи-Контра», в которых были замешаны предыдущие республиканские президенты. Бывший конгрессмен-демократ отец Роберт Драймон говорил в показаниях юридическому комитету, что многие республиканцы «завесились в метельности» [Клинтон, 1998]. Демократы не могли не заметить попытки республиканцев называть (*stuff*) слухи импичмента Клинтоня фразами (такими, как «претенциозное правосудие»), подражающими уотергейтским обвинениям, с целью усилить параллели между двумя событиями. В начале расследования по делу

Клинтон и.а. (Jesse) спикера Роберт Линнингтон удивлялся, что Ричард Никсон «был подвергнут выпечиванию за то, что совершил преступление, совершенное другим... Так почему же выпечивание было средством для Никсона, но не для Клинтон?» (Mittell, 1998a).

Республиканцы слабо не замечали отличия: дело Левински было «проблемой низкого уровня» (*low-level case*). История Клинтон была увлекательна — «ей были присущи драматизм, несправедливости и сосредоточенность вокруг хорошо известной личности. Как показывают исследования Фута (2000), средства массовой информации представляли дело «в рамках телевизионного сексуального скандала». Сама по себе доступность истории Левински означала, что люди могут составлять собственные суждения о действующих лицах и событиях, не полагаясь на интерпретации прессы. Для общества не составляло трудности понять, что президент мог сделать со ставшей Белого дома и почему он мог сделать о том, что сделал. Большинство пришло к выводу, что сексуальный флирт, пусть и морально предосудительный, был в сущности частным делом, а не нарушением, заслуживающим выпечивания.

И напротив, события вокруг Уотергейта были «проблемой высокого уровня». Прессе пришлось объяснить обществу, почему сосредоточенные выборы «грязные трюки» (такие как использование общественного института с целью шантажа за оппонентами, вторжение в предвыборный штаб оппозиционной партии или отрыв расследования ФБР о политическом преступлении — *bugging*) угрожали демократии и означали злоупотребление властью. По причине того, что проблемы носили технический характер, средства массовой информации и другие политики играли большую роль в восстановлении образа Никсона, чем в деле Клинтон; и как пресса, так и Конгресс оказались близкими (*informed*) друзьями.

Приоритеты ключевых участников расследований по поводу выпечивания и Клинтон, и Никсона были одинаковы. Как и в случае Клинтон, аудитория средств массовой информации увлекалась развитием событий в уотергейтском деле. Освещение событий в средствах массовой информации подпитывалось официальными расследованиями, которые постоянно предоставляли новые доказательства причастности к скандалу президента Никсона. В отличие от случая с Клинтон, члены партии Никсона были вынуждены выходить на промежуточные выборы с бременем не только политической неспособности президента, но и экономического кризиса, который вызывал широкую слабость в обществе. Кроме того, доказательства против Никсона были настолько убедительными, что даже самые стойкие его защитники среди республиканцев в юридическом комитете повернулись против него. И наконец, образу Никсона в обществе наносил ущерб те же аргументы, которые обеспечили юридическому комитету достаточно доказательств для одобрения статей импич-

мента. Образ Никсона так и не очистился от мнительности и вульгарности, о которых свидетельствовали записки его частных разговоров.

Три грани образа президента

Анализ импичмента Клинтона, противопоставленный утерейтскому делу, иллюстрирует взаимодействие политиков, прессы и общества в создании образа лидера. В случаях с Клинтонем и Никсоном средства массовой информации активно освещали скандалы, но в обоих случаях развитие освещения событий зависело от официальных расследований и дебатов. Выборные чиновники призывали, что критика была отчасти «битвами за общественное мнение» [Линг и Линг] — битвами за образ президента. Взгляды общества выражались главным образом через опросы общественного мнения, часто спонсируемые и весты широко распространяемые прессой. Освещение событий в прессе и опросы представляли собой взаимосвязанные (*intertwined*) ресурсы и довели над двумя президентами и их оппонентами.

Анализируемые здесь случаи иллюстрируют большое различие приоритетов, которые привлекают эти взаимосвязанные акторы в процессе создания образа. Для других выборных политиков образ президента связан с их собственной судьбой на выборах. Популярность администрации наиболее важна для членов Конгресса, сталкивающихся с проблемой переизбрания. В случае с Клинтонем демократы держали нос по ветру и голосовали вместе с президентом; в случае с Никсоном его однопартийцы делали то же самое и голосовали против него.

В процессе создания образа президента пресса наиболее зависима от своих собственных новостей. Освещение имеет тенденцию быть ведомым ходом событий. События, наиболее примечательные для освещения политического скандала в прессе, — это официальные действия и реакции. Продолжающиеся официальные расследования, дебаты и решения — также события требуют (*invite*) освещения в средствах массовой информации. В случае с Клинтонем пресса не могла не сообщать об узконопартийной природе преследования; точно так же двухпартийный характер утерейтского расследования была оценена прессой и дошла до массовой аудитории.

Во всех избирательных округах президента общественное мнение наиболее благоприятно к нему. В процессе создания образа президента оно модально приходит в гнев и готово прощать. В обоих случаях (с Клинтонем и Никсоном) общество поддерживало президента, а то же самое время призывало определенную долю его виновности. Клинтон сохранил положительный образ отчасти потому, что люди высоко оценивали его политическое лидерство и отдаляли от него его личное поведение. Общество приняло итоговый позор Клинтона как адекватное наказание за то,

что он сделал. Никсон потерял поддержку, потому что никогда не относился с должной серьезностью к своим поступкам, кроме того, общество было убеждено, что личное поведение Никсона выходит за рамки существующих ценностей — «гражданской религии» Америки [Шалсон].

Процесс создания образа президента — это взаимодействие не только между действующими политическими акторами, но и между действительным настоящим и прошлым. В некотором смысле образ президента строится на истории других президентов. Президент Рейган выступил в ходе скандала «Иран-Контра» во многом потому, что не встретился со стандартом уполномоченного «дымившегося ружья» — что он знал и когда он узнал об этом. Тот факт, что президент Клинтон выступил в ходе процесса импичмента, не должен привести будущих президентов к мысли допустимости самонадеянного пренебрежения общественными правами. Уже есть веские доказательства того, что «усталость от Клинтона» стала важной для кандидатуры Гера в 2000 г. На самом деле, учитывая дилеммы Клиндера и др. о том, что о них думали, как правило, судят по сильным и слабым сторонам их способности выполнять свой долг (*incumbent*), все кандидаты на выборах 2000 г. делали акцент на прочих семейных узах и религиозных обязательствах. Путь, который, возможно, придется пройти следующему президенту, чтобы добиться снисходительного отношения общества к личным недостаткам, может оказаться настоящим трудным, что будет способен свалить любого лидера.

Понимание динамики создания образа иллюстрирует возможную природу управления при демократии. У избранных политиков есть множество слушателей. Три категории избирателей, которые мы здесь рассмотрим, делают акцент на различных аспектах процесса создания образа лидера: средства массовой информации концентрируются на текущих событиях (*rolling stone*), избранные политики заботятся о собственных политических интересах, общество рассматривает все в длительной перспективе (*take the long view*). Создание эффективного образа через разные категории избирателей — одна из неотъемлемых задач лидерства.

Примечания

¹ На самом деле пресса критикует за чрезмерное доверие к официальным источникам в освещении новостей.

² Почти две трети общества были согласны с тем, что в прессе, и Конгрессе уделяли «слишком много внимания» (Pew Research Center, 1998a, p. 2).

³ Франк Ньюпорт выдвигает похожую точку зрения в анализе рейтинга одобрения Клинтона во время скандала и процесса импичмента.

⁴ Эти цифры существенно отличаются от данных президентских опросов, проведенных Клиндером и др. (1998).

⁵ Только в конце сентября 1998 г. три крупнейших телеаудиториальных сети провели более 1000 исследований о скандале и его последствиях.

⁴ Немаловажно после этого события проведенные опросы указывают на непоколебимую поддержку президента, последовавшей за обширным опросом населения Клинтон [Берн и Эдлер, 1999а].

⁵ В то время, когда преобладали негативные оценки этого президента в общем и в деле Ливанеса в частности, его образ в средствах массовой информации включал достаточно много положительных оценок. Оценки этих событий в прессе отражали доступные источники. В ходе скандала и последующего процесса импичмента Белый дом дал много из заявлений оообщений. Хотя Белый дом рассматривался как просто продолжение президента, он был единственным президентским источником коммуникации, который пресса могла приносить в эту историю. Так или иначе, в своем желании обеспечить равновесие в освещении импичмента средства массовой информации дали Белому дому значительные возможности изложить свой взгляд перед обществом. И напротив, консервативно-демократы сделали не много для оценки образа президента в средствах массовой информации. В действительности в вечерних новостях консервативно-демократы высказывались о президенте даже более негативно, чем республиканцы. Женщина, которые были у Клинтон в постели, были сальными говорить о политических задачах президента, дистанцировал от его личных нравственных исцудов. Даже во время длительного процесса импичмента в Конгрессе демократы не очень часто концентрировались, главным образом на достижениях более низкого уровня, чем связанные с должностью, выдвигая предложения об осуждении — а не на личности президента. Даже сам президент, когда он находился под судом существовавшего факта дела, оспаривал свои собственные поступки. В результате цитаты из всех источников в прессе имели тенденцию сохранять некоторые негативные суждения о президенте.

⁶ В первый месяц, по оценке суждений членов палаты администрации Клинтон, негативные оценки президента были 66%.

⁷ В любом случае демократы занимали позицию поспешно, а республиканцы — последовали.

⁸ В тот момент значительное число консервативных республиканцев — 40% — одобряло то, как президент делал свою работу.

Перевод *Н. Шенниковой*

«Образы будущего» в массовом сознании накануне выборов 2007-2008 годов*

Постановка проблемы. В последние годы наблюдается сильная динамика в российском политическом процессе. Эти изменения инициируются элитами, они задают направленные движения, но фактором, который определяет возможности этого движения по той или иной траектории политического развития, становится массовое сознание. Представления граждан о будущем, видение развития политической ситуации в будущем во многом определяют характер и особенности их поведения сегодня. В задачи нашего исследования входило выявление образов будущего и готовности массового сознания к тем или иным политическим ситуациям и решениям. Исследование проводилось в декабре 2006 — январе 2007 г., ровно за год до выборов в Государственную Думу РФ, в рамках межрегионального проекта «Будущее России: взгляд из центра и регионов. Политическая сфера», осуществляемого при поддержке АНО «ИИО-Центр».

Характеристика исследования. Наше было проведено фокус-групповое исследование в восьми регионах России, в котором приняли участие всего 249 респондентов. Для исследования мы отобрали две группы участников: рядовые граждане в возрасте 18–35, 35–50 лет и молодые лидеры — члены молодежных политических организаций и политических партий.

В рамках проведенного фокус-группового исследования наряду с классическими методами групповой дискуссии были применены различные проективные методики, что позволило выявить массовые предпочтения не только на рациональном, но и на бессознательном уровне массового сознания.

Образы будущего в сознании российских граждан

Важным фактором будущего политического развития являются представления масс о том, какой будет власть и какой они хотят ее видеть. В ходе исследования мы собрали данные, позволяющие составить своего рода картину представлений о будущей власти в темпоральном и территориальном разрезах. Так как представления о будущем носят, как права-

* Экспертальное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник 2008 / Российская академия политической науки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

ло, абстрактный характер и граждане с трудом могут вырваться за рамки стереотипов и речевых штампов, мы сделали в ходе исследования акцент на глубинных слоях массового сознания, что позволило получить богатый материал для оценки готовности массового сознания к развитию того или иного политического сценария, а также позволило нам выделить ряд ключевых понятий, которые определяют ожидания граждан относительно будущего.

Рациональные оценки

Чтобы выявить рационализированные представления граждан о власти, мы применили метод групповой дискуссии, а также методы номинативных предложений, когда респондентам предлагалось предложить три предложения: «Политическое будущее моей страны представляется мне...», «Политическое будущее моего региона представляется мне...», «Мое будущее представляется мне...». Полученные результаты прошли количественный и качественный анализ.

1. В первую очередь следует отметить, что российская политика и власть является и остается в **высокой степени персонифицированными**. Так, для многих граждан, как показывают результаты исследования, понятие «президент России» ассоциировалось конкретно с В. Путиным. Высокая степень персонификации власти вытекает и из культурно-политической традиции, инерция которой (несмотря на более «функциональные» взгляды молодых респондентов) вряд ли будет преодолена за 10–15 лет. При этом ожидания политическими новисами тесно связаны с надеждой на появление сильного и авторитетного лидера как на уровне государства, так и на уровне региона. Однако образ этой фигуры носил самую стереотипизированный и идеализированный характер, и у него на настоящий момент нет реальных преемников. Единственный политик, образ которого близок по своим характеристикам к «идеалу», — В. В. Путин.

2. Интересным является то, что, по данным исследования, в 2007 г. В. В. Путин символизировал не **изменения**, а **стабильность**. Ожидания изменений в будущем гражданами не связывали с действующим на тот момент президентом. От него ожидали сохранения существующего статус-кво. Именно поэтому приращение В. Путина возглавить Правительство РФ, давшее гражданам определенные гарантии стабильности, стало основным аргументом в пользу кандидатуры Д. Медведева.

3. Респонденты отмечали тот факт, что во многом **радикализация** населения и особенно националистическая волна, которая набирает обороты в нашем обществе, подпитывается средствами массовой информации, большей частью телевидением. При этом неоднократно высказывали мнение о том, что националистические идеи являются довольно перспективными в электоральном плане (в частности на выборах 2007–2008 гг.), но

енными с точки зрения долгосрочных стратегий обеспечения социальной стабильности. Вместе с тем природа этих отклонений варьируется, по мнению респондентов, прежде всего в экономических проблемах коренного населения в связи с уровнем жизни, его занятостью, уровнем безработицы.

Определенную опасность представляют настроения социального протеста, которые могут быть направлены на действующую власть, их цель — призыв к управлению государством сна, подпитываемых и направляемых из-за рубежа. Опасность такого рода сдвигов, по мнению респондентов, обуславливается подобным опытом наших соседей, где произошли так называемые цветные революции.

4. Для регионов центральной России (Воронеж, Москва, Саратов) характерно восприятие себя как отдаленных на физическом, на психологическом частях страны в целом, при этом все изменения на федеральном уровне немедленно находят свое отражение и в регионах, но не наоборот. В ответах респондентов четко прослеживается **нисходящая вертикальная система властных отношений**. В то же время *убавление от Москвы* регионы отличаются большей психологической самостоятельностью. Так, сибирские и уральские респонденты проявляют большой оптимизм по поводу будущего своих регионов. По их мнению, географическое положение и богатые ресурсы делают эти регионы достаточно самостоятельными игроками и на их развитие в большой степени будут оказывать влияние внешнеэкономические и внешнеполитические факторы. Такая позиция может усилить центробежные тенденции.

5. Будущее оценивается респондентами более оптимистично, чем настоящее. Следует отметить, что ожидания носят нерасчетливый характер и не связаны с существующими на настоящий момент политическими авторитетами, тенденциями и процессами. В сознании фиксируются две точки: «настоящее» и «будущее», без какой-либо связи между ними.

Среди факторов, **определяющих будущее страны**, граждане выделяют следующие.

- **Внутренние:**
 - коррупция чиновников;
 - экономические кризисы;
 - социально-экономическая дифференциация, черта конфликтной поляризации различных слоев и регионов России;
 - катастрофы;
 - межнациональные конфликты и терроризм.
- **Внешнеполитические:**
 - борьба за природные ресурсы;
 - действия других государств — в основном Китай, Япония, США.

В целом будущее оценивается более оптимистично, чем настоящее. С одной стороны, это объясняется возрастом основной части респондентов (около 60% опрошенных — в возрасте до 35 лет) и инфантильной верой в лучшее, надеждами. С другой стороны, это свидетельствует об определенных сдвиге в массовом сознании за последние восемь лет, когда ожидания граждан стали связываться с позитивными изменениями в стране.

Важной тенденцией, которая, возможно, будет определять реакцию масс на политические изменения в стране, является очень высокий уровень оптимизма у граждан относительно **собственного будущего**.

Большинство респондентов готовы приложить максимальные усилия для того, чтобы их будущее было счастливым и интересным. Высокий уровень оптимизма по отношению к **собственному будущему** и его относительная независимость от будущего страны и риторики (респонденты говорят о путешествиях, спокойствии, пенсии), особенно в молодежной среде, свидетельствуют о дистанцированности и пассивной поддержке происходящих в стране изменений. Граждане ждут и допускают возможность радикализации массового сознания, но видят в этом не внутреннюю (например, нарастающее недовольство среди населения), а внешнюю причину (провоцирование со стороны власти, «оранжевые революции», подтолкнутые извне, и т.д.).

6. Основные характеристики **образа желаемой власти** распадаются на две группы.

Первая содержит собственно оценки самой власти, такие как сильная, умная, влиятельная, законопослушная, независимая. Эта группа характеристик принадлежит в основном молодым респондентам.

Вторая группа ответов (принадлежит по преимуществу старшему поколению и респондентам старше 30 лет) связана с взаимоотношениями власти и граждан (власть должна быть честной, справедливой, но ответственной, близка к народу, отношения властвующих и подвластных должны строиться с учетом моральных оснований).

Бессознательные оценки

Анализ глубинных слоев массового сознания открылся на анализе проективных рисунков. Мы дали нашим респондентам задание нарисовать три рисунка: образ реальной власти, образ будущей власти и образ будущего, как такового. При анализе мы учитывали когнитивные, эмоциональные и поведенческие характеристики, повторяемость различных элементов рисунка, а также используемые в рисунках символы.

1. Среди бессознательных образов будущего страны практически равное количество положительных, отрицательных и нейтральных. В целом образ будущей власти вызывает тревогу почти у половины респондентов,

он отличается когнитивной простотой. Следует отметить и то, что, несмотря на фиксированный на рациональном уровне низкий интерес к политике, граждане признают важность власти и ее значимость для них (об этом свидетельствует ряд компонентов рисунков, таких как целостность изображения, размер рисунка, детальность и т.д.).

2. В большей части рисунков *будущего*, имеющих позитивную окраску, respondents передают свои эмоции, а не содержание, например, используют изображение воздушных шариков, цветов, пейзажи красивой природы. Среди содержательных символов наиболее распространены «свет» и различные его источники, такие как «солнце» (символ власти), свечи, электрические лампы, а также звезды, салют, фейерверк и т.д.

Желтый цвет — один из самых популярных в образах положительного будущего. Возможно, это связано с традиционными архаичными. Вера в сверхъестественную природу власти лежит в основе этого образа. Однако следует отметить, что в значительной части рисунков солнце (или другие источники света) изображено самостоятельно, в них нет объекта, на который свет направлен, или среди объектов нет людей или того, что бы на символизировало (например, дом).

Таким образом, власть предстает сама по себе — яркая, полная, но даже в образах *когнитивного будущего* она мало связана с людьми. Лишь некая часть положительных образов содержит фигуры людей, которые представлены либо изображением одного человека, олицетворяющего власть, либо образом семьи, облаченной властью (отец, мать и ребенок в лучах солнца). И лишь около 12% положительных рисунков содержат изображения взаимодействия граждан и власти. При этом в половине этих рисунков власть и население разделены барьерами, заборами и границами и лишь в другой половине не противопоставлены друг другу.

3. Среди негативных образов власти, наоборот, более трети рисунков (38%) занимают изображения *эпикоррупционных дракундов* и кланов. При этом эпикоррупционные представители в основном либо в виде пирамид (где вершина — это власть, а основание — народ), либо в виде кукловода, управляющего населением, либо в виде людей, стоящих под стенами Кремля. Во всех рисунках власть крупнее граждан по размеру и отделена от них. Так, один из активистов молодёжного отделения партии «Яблоко» предложил образ правительства, которое улетело на Марс, а «Люди остаются жить по своим законам».

5% рисунков посвящены *людям сырым и горьким*. Бутузкин в них изображён в виде кладбица с крестами либо в виде лабога с колючей проволокой, за которым находится общество. При этом через проволоку пропущен электрический ток, управляет которым Чубайс. И ещё на 5% рисунков изображён «Чёрный квадрат Малевича», который, по словам respondents, символизирует полную открытость, а по сути — полнотейшее государство.

Темой около 18% негативных образов стало *неравномерное будущее России*. Отказываясь респонденты выказывают опасения Китая и влияния США (или НАТО) и Запада. При этом Россия, по их мнению, может потерять часть территорий со всех сторон либо восполнить свою целостность, распавшись на множество государств или оказавшись под властью Китая, Японии и стран Европы и США.

Остальные негативные рисунки (44%) содержат *единообразные образы*, передающие эмоциональное отношение, такое как страх, испуг, презрение, и не связывающиеся в кластеры, что свидетельствует об универсальном, не поддающемся осознанию страхе и недовольстве к власти почти у шестой части всех опрошенных респондентов.

4. Рисунки, содержащие *амбивалентные характеристики*, составляют 39%. Из них 21% изображений связаны тем или иным образом с ситуацией неопределенности и выбора. Это либо вопросительный знак (50%), либо ситуация выбора из двух альтернатив (20%): Единство или Распад, Жесткая сила или Амоebность. Интерес также представляет рисунок (13%), содержащий в качестве точки бифуркации 2008 год, т.е. момент выключения рисунка респондентами. В этих изображениях подчеркивается разрыв между представленными о будущем и настоящим мира. Будущее распадается на альтернативы, при этом негативные образы отличаются четкостью и ясностью, а вот позитивные содержат лишь самые общие характеристики. Еще 17% — это темные очертания без лица, известный персонаж — «Мистер X» и символизировавшие неизвестность на тот момент кандидатуры «преемника» на выборах 2008 г.

Четверть всех амбивалентных рисунков составляют различные схемы взаимодействия власти, политических институтов и граждан. При этом более половины (61%) этих рисунков определяет складывающуюся систему взаимоотношений власти и народа. По сути это та же пирамида, в которой вершина представлена президентской властью, а основание — народом. Однако в трети из них президент вообще оказывается на предпоследней ступени, он вне ее и над ней. Парламенту отведены значимые схемы представлены либо ветвями власти в равных позициях, либо парней. И только 11% рисунков содержит другую схему, где народ или общество оказываются в центре, а власть, армия, президент, Дума и суд обслуживают его интересы.

Остальные образы, так же как и негативные, распадаются на единичные рисунки, не формируя кластеры, что свидетельствует о противоречивости массового сознания и неформированности представлений.

5. Почти для четверти респондентов образ будущей власти неразрывно связан с символами, с которыми традиционно принято отождествлять государственную власть и государство в целом. Из них пятая часть (21%) связана с символами монархической власти: тронем, скинотром, короной, жезлом. Еще треть (31%) связывает образ власти с российским флагом и с гербом РФ. И лишь 3,8% респондентов использует символ флага СССР. Это свидетельствует о том, что хотя новая российская символика еще недостаточно укоренилась в массовом сознании, новые поколения российских граждан не связывают свое будущее с символами СССР.

Сопоставление представлений граждан о личном будущем и будущем страны свидетельствует о том, что в сознании граждан представления о личном будущем мало связаны с представлениями о будущем страны. Личное будущее в их образах отличается умеренностью и чрезмерным оптимизмом, в то время как образы страны демонстрируют напряженность и неопределенность. Учитывая то, что проективные рисунки в большей степени вскрывают малорационализированные мотивы и устремления, надежды и верования, можно констатировать, что разрыв между видением личного будущего и будущего страны происходит в массовом сознании на всех уровнях и имеет глубокий характер.

...В заключение хотелось бы отметить, что существующие тренды в российском массовом сознании более склонны к принятию инерционного сценария. Массовое сознание отличается аморфностью и апатией. Политическая апатия захватывает активные слои общества. Образ будущей власти очень расплывчатый. Существует огромный разрыв между властью и гражданами, и люди не видят реальных перспектив для изменения и улучшения той ситуации в будущем. В настоящее время массовое сознание склонно в большей степени не к протесту, а к отстраненности от политики, что повышает вероятность инерционных сценариев.

Однако оценивая сегодня результаты исследования, хотелось бы отметить, что успешность сценария передачи власти «протемнику» определялась особым составным массового сознания, характеризующимся активностью, несформированностью установок и сильной дистанцированностью от власти. С одной стороны, в массовом сознании сильно развиты материалистские ожидания, а с другой — присутствует некая «психологическая» независимость от политических процессов, причем даже у активистов политических партий и движений. Подобные тенденции, обеспечивая успех в этом электоральном цикле, тем не менее могут способствовать возникновению пассивного недовольства и привести в долгосрочной перспективе к снижению лояльности граждан к власти, «торможению» реформ, росту маргинальных слоев и радикализации населения.

В массовом сознании нет стабильных позитивных установок и предпочтений, так же как нет и устойчивых негативных образов и представлений. Это напоминает не столько лед, сколько пустыню. Достаточно высокий уровень доверия к В. Путину соседствует с крайне негативным образом политической элиты, удручающе низкой оценкой ее качества. Увеличивается вероятность роста как протестных настроений, так и политической апатии, причем в наиболее активной и инициационной части общества.

Визуальные и вербальные характеристики образов власти*

В данной статье нас интересовал вопрос, существуют ли различия в вербальных и визуальных образах власти. Для решения данной задачи, с одной стороны, анализировались информации о вербальных образах власти, полученные с помощью опроса. С другой стороны, использовался проективный рисуночный тест, выявляющий визуальные характеристики образов власти. Нашей задачей в ходе исследования было сравнить вербальные образы власти с более глубинными, выяснить, похожи они или отличаются. Исследование проводилось в конце 2000 — начале 2002 г.

Методология проведения исследования была следующей. Для получения вербальных характеристик нами анализировались ответы на открытый вопрос о характере власти в современной России. Всего было получено 548 ответов.

Для получения визуальных образов использовался проективный рисуночный тест. Этот метод был разработан в русле клинической психологии и выполняется там в целях определения задачи по выявлению личностных особенностей тестируемого. В социальной психологии он также достаточно успешно используется, в том числе и для анализа образов воспринимаемого объекта, possessing социальную природу. Так, в литературе встречаются работы, посвященные изучению потребительского поведения (Т. В. Фоменко, О. С. Цехом¹), черныбыльской трагедии (В. Н. Батон²), выборам в Государственную думу (Н. А. Головин, В. А. Сибирев³), образу проблемной промышленности проективных методов (Т. В. Фоменко, О. М. Бартевская⁴).

Незамысловатость проективных методов заключается в том, что они вызывают уровень иррациональных проекций, алогичного поведения и неосознанных отношений. Однако возникает проблема соотношений личностной проекции и собственно характеристики объекта⁵. Безусловно, ряд изображений несет личностные особенности каждого респондента, но в них есть большое количество совпадений, часто встречающихся элементов, что позволяет говорить скорее об особенностях объекта, в нашем случае об образах власти, существующих в головах людей. Выборка включала в себя как рядовых граждан (они были отобраны среди студентов различных московских и саратовских вузов), так и политиков (функционеров «Единой России» со всей страны, проходивших обучение в Москве). Респондентам была дана инструкция изобразить власть (при-

* Нестерова С. В. Вербальные и визуальные образы власти // Образы власти в восточной России / Под ред. Е. В. Шестова. М.: Алетейя, 2004.

чем оказалась в виду именно центральная власть) в современной России и затем описать то, что они рисовали. Всего было получено 92 картинки (43 картинки в Москве и 49 в Саратове) у рядовых граждан и 30 картинок — у политиков. Исследование носило качественный характер.

Мы ставили перед собой задачу проанализировать не столько рациональные, сколько нерациональные, глубинные образы власти и понять, существует ли различие в образах власти рядовых граждан и политиков. В ходе анализа фиксировался нерациональный уровень отношения к власти (полученное рисунком изображение) и вербальный, осознанный уровень (каждый респондент писал, что он хотел нарисовать).

При оценке полученных изображений мы применяли те же самые параметры, которые использовались при анализе вербальных (рациональных образов) власти:

- привлекательность/непривлекательность образа;
- простота/сложность;
- сила/слабость;
- активность/пассивность;
- агрессивность/неагрессивность;
- отсутствие или наличие субъекта;
- качества власти (смысл изображения).

Результаты исследования

Вербальные характеристики

Привлекательность/непривлекательность образа. Большая часть респондентов воспринимает власть положительно (37,8%) или нейтрально (22,9%). Доля тех, кто оценивает власть в современной России отрицательно, составляет всего 18,6% респондентов.

Простота/сложность. Большинство (67%) полученных образов когнитивно достаточно проста, более сложные образы встречается лишь у 17% опрошенных.

Четкость образа. Полученные образы весьма нечетки. Власть представляется большинству (76%) нашим гражданам размытой, туманной, *«от которой непонятно, что можно ожидать»*. Лишь у 3% опрошенных образы власти имеют более четкие очертания.

Наличие или отсутствие субъекта. У подавляющего большинства (75,7%) респондентов образы власти не имеют субъекта. Им неясно, кому принадлежит в России власть, кто ею владеет и распоряжается.

Качества, присвоенные власти. Надо сразу отметить, что вербальные образы власти более бедны, чем визуальные. Практически все характеристики, даваемые власти, можно разбить на несколько подгрупп.

1. *Негативные характеристики власти.* Как уже отмечалось выше, большинство опрошенных оценивает путинскую власть негативно. В этом же пункте стоит отметить, что значима доля тех, кто считает, что в харак-

тери власти проводились изменения. При этом тех, кто считает, что ситуация изменилась к худшему, существенно меньше, чем тех, кто позитивно оценивает такие факты, как укрепление порядка, стабильности, мощь России на мировом уровне.

2. Вторая группа упоминаний о власти связана с отсутствием у респондентов четкого представления о том, что представляет собой власть в настоящее время. Они либо затруднялись охарактеризовать власть в современной России, либо отмечали, что власти нет.

3. *Положительные и отрицательные черты власти.*

Все остальные выделенные качества власти распадаются на шесть групп.

Первая ось связана с восприятием таких черт власти, как *стабильность*. С одной стороны, респонденты отмечают, что власть стала более устойчивой, стабильной, *обеспечивает порядок*; с другой — в два раза больше тех, кто говорит о *бардаке, беспорядке, неразберихе, анархии* или просто отмечает, что власти нет. Известно, что по сравнению с властью в период правления Ельцина таких высказываний стало существенно меньше. Это говорит о том, что мы имеем дело с довольно благоприятной тенденцией.

Вторая ось власти — *сила*. Если, говоря о стабильности, мы отмечаем, что это качество воспринимается амбивалентно, то сила является одним из абсолютно однозначно оцениваемых качеств современной власти. Респонденты считают ее *сильной, централизованной, более солидарной, жесткой, авторитарной и уверенной*, число тех, кто считает власть *слабой, незначительной*.

Третьим важным измерением власти является ее *моральная ось*. И хотя ряд респондентов отмечает, что власть стала ближе к людям, осуществляются выплаты пенсий и происходит повышение уровня жизни, то существенно большее количество граждан упрекает власть в *коррупции, жадности, эгоизме, эгоистичности*, в том, что она не заботится о *простых людях*, которые находятся на грани нищеты.

Ряд респондентов, говоря о власти, называют конкретные ее носители или субъекты. Среди таких ответов — *подвыпившее число министров, что кричится президент Путин*. Встречаются и негативные мнения, что правят *мошеники и криминальные люди*, но доля таких ответов ничтожно мала.

Что касается восприятия *деловых качеств* власти, то они воспринимаются со знаком «минус». У ряда респондентов складывается впечатление, что власть что-то делает, хотя что конкретно — они затрудняются сказать.

Политические же черты в оценках власти встречаются довольно редко, и их восприятие амбивалентно. Одни позитивно оценивают *однопартийность*, другие же, наоборот, считают это минусом. Кто-то считает, что в стране демократия, соблюдаются права человека и обеспечивается *экономическая свобода*, другие обвиняют Путина в *авторитаризме*.

Визуальные образы власти

Практически все наши респонденты воспринимают власть скорее эмоционально, чем рационально. Число изображений, рисующих власть как систему взаимодействия различных политических институтов, несомненно: в Москве — 9%, а два раза больше в Саратове — 16%. Более того, у московских респондентов были нередко высказывания, что «никто далеко не знает в теории, но в нашей стране по-фигурному».

Однако политики воспринимают власть более рационально. Так, половина из них воспринимают власть как систему взаимодействия различных политических институтов, взаимодействие исполнительной и законодательной власти, взаимодействие региональной и федеральной власти.

Такая разница в восприятии связана с более рациональным восприятием власти. Возможно, для политиков власть не является некоторой «сакральной силой», а наделяется чисто функциональными характеристиками. В ряде изображений присутствует и население (или, как выражаются политики, «мэйнстрим»), но обычные люди в изображениях присутствуют существенно меньше, чем структуры власти.

Привлекательность образа. По данному параметру власть воспринимается респондентами по-разному. Так, у московских респондентов власть выглядит либо нейтрально (40%), либо крайне непривлекательно (32,9%). Доля позитивных образов составляет лишь 7,9%. Порой это связано с такими чертами власти, как сила и агрессивность (практически у каждого четвертого опрошенного). Это говорит о том, что ряд респондентов испытывает бесконечный страх перед этой силой и агрессивностью власти, которая может и их поглотить.

В восприятии саратовцев, наоборот, власть выглядит скорее нейтрально, доля привлекательных и непривлекательных образов примерно одинакова (соответственно 12 и 16%), более того, власть у них не выглядит ни сильной, ни агрессивной, но крайней мере эти качества власти приписывают лишь 2% респондентов, у большинства же она более размыта, туманна и неопределенна.

По отношению к политикам скорее такое видение неправомерно, поскольку большинство изображений поднимает функциональные особенности власти и ее специфику. Они более схематичны, чем изображения обычных людей.

Простота/сложность. Ряд респондентов, как обычных людей, так и политиков, связывают власть с достаточно простыми символами: власть ассоциируется с *дальностью* (причем однозначно с *дальностью*), *фаллом*, *молнией*, *серпом*, *силой* (выраженной на рисунках в виде *оружия*), а также с *китовыми катанами* и *ядерным чемоданчиком*, но доля таких изображений не превышает у обычных людей 10%. У политиков она еще меньше — около 4%.

Большинство же полученных образов — достаточно неоднородны и сложны. Это говорит о том, что власть в глазах как обычных граждан, так и политиков представляется в виде довольно сложной конструкции с различными функциями и основаниями, причем у политиков в силу их профессиональной деятельности это выражено сильнее.

Отсутствие или наличие субъекта. По данному пункту восприятие обычных людей и политиков различно. Большинство обычных людей воспринимает власть как размытую и неопределенную, субъект присутствует лишь у каждого четвертого опрошенного. Более того, ряд респондентов отмечают, что власть — это *она* *я*, *чужая* *личность*, а *некоторые* *политические* *силы*, *определенные* *люди*, *слово*, *столпы* *на* *афишах*.

В свою очередь такое представление встречается и у политиков, но выражено в меньшей степени, чем у обычных людей. Доля его у них составляет 12%. Часть политиков, так же как и обычные люди, воспринимают власть как *материальную* — *определенную*, а *некоторые* *она* *находится*.

Эти ответы показывают закрытый и теневой характер власти, что может быть связано с нехваткой информации о том, что представляет собой нынешняя команда Путина.

Среди субъектов власти разные люди выделяют президента, Государственную Думу, Совет Федерации, правительство (в том числе и правительство Москвы), значительно реже сенаторов, чиновников, правоохранительные органы и политические партии, которые зачастую также принимают символическую форму и несут на себе некую функциональную нагрузку. Так, например, рис. 1 назван *«Три буржуа, или Какую на Руси жизнь хороша»*. Это в сущности, по мнению респондента, реальные центры власти — олигархи, криминальные структуры, чиновники, правоохранительные органы и партии, которые живут за счет обнищавшего народа.

У политиков число субъектов власти больше и они носят более структурированный и иерархизированный характер. Так, вершину пирамиды обычно занимает президент. Кроме него, политики выделяют администрацию президента, правительство, губернаторов, Думу, судейскую власть и значительно чаще называют другие органы, структуры и «теневые структуры», «братские», «mafia», что говорит о большем знании этих субъектов для процесса принятия важнейших политических решений. Значительно реже называются чиновники, силовые органы власти, правоохранительные и местные власти. Лишь одно изображение носит персонафицированный характер, на нем показаны

Рис. 1

Ельцин, Володин, Путин, «Семья» и региональные лидеры, но большинство политиков предпочитали показывать те или иные структуры.

Достижения/недостижения. Более 40% обычных граждан воспринимали власть как *пассивную и недееспособную*. В свою очередь активной власть считали 22,5%. Причем активность власти связывалась с различными *показаниями* и *проявлениями* тех, кто стоит у власти, с *публикуемыми* выступлениями или с *авторитарными борьбой за достижениями* власти, при этом обычных людей эта активность абсолютно не касается, власть использует их как винтики для достижения своих целей. Кроме того, ряд респондентов-москвичей отмечал, что если власть начинает действовать, то чаще всего это связано не с ней, а с некоторыми *исключительными обстоятельствами*. Этот же мотив присутствует и у политиков, но выражен в меньшей степени.

Большинство политиков воспринимало власть скорее нейтрально, ни как активную, ни как пассивную. При этом активность власти у политиков связывалась с *авторитарной борьбой за достижениями* власти и *функциональными обязанностями* — *работой* как самой власти, так и ее *определенных исполнителей*. В изображениях других власть изображалась довольно неоднородно.

При этом как обычные люди, так и политики отмечали, что власть занимается «своими делами» и странно далека от интересов простых людей.

Качества власти (сложно изображаемые). В данном случае преобладающим образом полученного изображения идентифицировался и вербальный текст, объясняющий нарисованное¹.

Полученные сюжеты изображений можно разделить на несколько подгрупп.

1. Система взаимодействия политических институтов

Как уже отмечалось выше, доля таких изображений среди обычных людей небольшая. При этом существует региональная специфика. У москвичей образ власти скорее персонализирован в лице высшего президента. Сам президент изображен или выше, или намного крупнее, чем все остальные институты. В изображениях саратовских респондентов это встречается реже, чаще респонденты обращают внимание на функциональные связи (а скорее их отсутствие) между исполнительной и законодательной властью, властью и народом. У москвичей также изображения также встречаются, но особенностью саратовцев является то, что у 4% саратовских респондентов власть изображается в виде довольно густого дерева с ветвями и плодами. Иначе говоря, власть у саратовцев выглядит более живой, естественной, у москвичей образы власти более механистически, функциональны.

Как уже отмечалось, доля таких изображений у политиков значительно выше. Между разными институтами существуют различные отношения, при этом президент со своей администрацией обычно находится на вершине пирамиды.

Функциональное отношение к власти показывает большую рациональность образов власти, ее восприятие через непосредственную действительность.

2. Символы власти

Доля таких изображений среди обычных людей небольшая (10–15%). На вербальном уровне, как и на визуальном респонденты рисовали власть в виде пирамиды, денег, государственных символов (акулачный орд, конский орд). Москвичи изображали еще оружие и лопта нефти, видимо, подчеркивая важность нефтяного фактора для российской власти.

А саратовцы ассоциировали власть с Кремлем, может быть, именно потому, что жители Саратова чувствуют себя в отдалении от процесса принятия политических решений. Однако противопоставление Центра и регионов в визуальных изображениях не встречается. Но центральная власть, ассоциирующаяся у ряда респондентов с правительством, Москвой, изображается значительно чаще, чем региональная. Кроме того, для ряда респондентов важным фактором является социальное расслоение между жителями Москвы и регионов, если жители Москвы изображаются в бедных, а богатых, то жители регионов, «верифици» — «оказано бедность». Соотношение богатой власти и бедных оскудевших граждан существенно чаще встречается именно в изображениях саратовских респондентов, что, безусловно, связано с более низким уровнем жизни.

Доля изображений власти через символы среди политиков, так же как среди простых респондентов, составляет всего 14%. Политики также главным мотивом власти считают деньги, немалоду государственных символы и сила. Но мотив денег для политиков является более значимым, чем для обычных людей, и служит одним из главных способов достижения власти. Также этот фактор подтверждает и то, что в качестве субъектов власти олигархи присутствуют практически на всех картинках.

3. Теневой характер власти

Респонденты обращают внимание на то, что власть — это либо не то, что кажется, либо некая темная сила, стоящая над политическими институтами, либо мафия, которая управляет государством, из-за кулис. Как отмечает один из респондентов: «Некая кулачная управляет всеми институтами, которые являются кулаками» (рис. 2). Отсюда можно сделать вывод о закрытом характере власти, непрозрачности процесса принятия политических решений. Однако если доля таких изображений среди москвичей составляет 16%, то среди саратовцев это ответил лишь один респондент, т.е. в отличие от москвичей для саратовцев это качество не является значимым.

Рис. 2

Доли таких изображений среди политиков составляет 12%. Ряд политиков, так же как и обычных граждан, отмечает неопределенный характер власти: «амебан», «непонятно, что есть власть», «кто в тереме живет», «где власть», «спираль или туман, и возможно, там она, власть», что скорее всего показывает, что часть политиков не понимает, как происходит процесс принятия важных политических решений.

4. Отношение власти и населения

Надо сразу отметить, что рядовые граждане в визуальных изображениях появляются среди москвичей лишь у каждого третьего респондента, среди саратовцев — у каждого четвертого. По сравнению с субъектами, олицетворяющими власть, образы простых людей по размеру в несколько раз меньше.

На большинство рисунков слышное разделение власти и народа показано с помощью непроницаемых стен и заборов. Ряд обычных людей сведен либо к массовке, которая поддерживает политика, приветствует того или иного политика либо собирается за него голосовать. Ряд респондентов-москвичей ассоциирует народ с подвальной подлой «Курск», которая утонула.

Большинство опрошенных отметили, что интересы власти и народа абсолютно не совпадают и обычные люди нужны власти только для выполнения определенных функций — голосования или приветствия — и должны выправлять как вынуждено зарплату и социальные пособия. При этом саратовские респонденты более критичны по отношению к власти. Ряд опрошенных отмечает, что власть, как и Россия, держится на парале, но большая ее часть считает, что власть нет дела до простого человека и его проблем, они утрачивают власть в невыполнении обещаний, в стремлении захватить побольше, поднять все под себя и в «античеловечности»:

- власть стремится через кровь;
- *работала, доставлял все для власти предоставляли, как всегда, а ничего.*

Рис. 3

В четверти изображений политиков (24%) также встречаются изображения простых людей, народа или электората. Но при этом так же, как и у граждан (рис. 3), власть и обычные граждане разделены непроходимыми, непродолимыми заборами, и власть вспоминает о гражданах только в момент выборов, называя их «электоратом». «Власти постоянно власть, а народу доставляют только хлопоты от народа» (статист, респондент). При этом возникает зако-

воинный вопрос: к кому же причисляют себя наши политики — к власти или к народу? Из анализа изображений (рис. 4) создается впечатление, что не к власти, и это отчасти подтверждает точку зрения, что и наши политики воспринимают власть достаточно отчужденно, не как «своею», не отражающую и их интересы в том числе.

Рис. 4

Свойства власти в восприятии политиков

Как уже отмечалось, половина опрошенных изображала власть как систему тех или иных политических институтов, остальные же также изображали те или иные ее особенности.

1. Способ или механизм достижения самой власти и действия внутри самой власти. При этом лейтмотивом ряда изображений является тот факт, что «побеждает самый богатый».

2. Деньги, часто необходимые для достижения той самой власти. Мотив денег и значимости олигархов, или «силовых» структур, выражен у политиков сильнее, чем у обычных людей.

3. Неопределенный характер власти. Часты суждения политиков (12%) о том, что представляет собой высшая власть, как процесс принятия политических решений. При этом ряд политиков отмечает такие качества власти, как неуравновешенность, неопределенность. Доля таких изображений, как показано ниже, невелика, однако также показывает претензии самих политиков к власти. Им также известно, что на люди близкие к президенту, кто составляет его команду.

«Без рук — делать ничего не могут.

Без ног — не на что опираться.

Без глаз — не смотрят на народ.

Без определенных личностей».

При этом надо отметить, что, подчеркивая неопределенный характер власти и людей, принимающих решения, ряд опрошенных мечтает оказаться именно там, «во власти». Показательна одна из фраз — «Как в жаренье живет? Олигархи, мафия... И я хочу, что подтверждает точку зрения, что наши политики ощущают себя вне власти и стремятся ее достичь.

4. Такое качество, как сила, выражено лишь у 2% респондентов-политиков.

Выводы

1. Можно констатировать различия в восприятии власти у обычных граждан и у политиков. Если обычными гражданами власть воспринимается скорее эмоционально, то для политиков характерно более рациональное восприятие власти.

2. Также существует различия в восприятии между москвичами и саратовцами. Если у московских респондентов она выглядит достаточно неэмоциональной, пассивной, нединамичной, но в то же время сильной, агрессивной и вызывающей чувство страха, то у саратовских опрошенных власть выглядит скорее нейтрально, ей не приписываются такие качества, как сила и агрессивность, скорее она, с одной стороны, более размыта и нечетка, с другой — более функциональна. Иначе говоря, если для москвичей более важными являются качества самой власти, то саратовцы больше концентрируются на функциях, которые должна выполнять власть. У большинства опрошенных, как обычных граждан, так и политиков, образы власти достаточно сложны. Но если у обычных людей (как москвичей, так и саратовцев) образы власти размыты, туманны, субъект часто не называется, то у политиков изображась большое количество субъектов, они носят более структурированный и иерархизированный характер.

3. Большинство опрошенных обычных граждан отмечает пассивность власти, чаще всего активные действия власти связываются с борьбой за власть, некоторой публичностью власти или внешними факторами. Политики же воспринимают власть скорее нейтрально, активные же действия власти в основном связаны с достижением и удержанием власти.

4. Все обычные респонденты (и москвичи, и саратовцы) отмечают, что власть очень отдалена от интересов простых людей, она их просто использует для своих нужд.

Половина опрошенных политиков также считает, что существует четкое разделение между властью и народом. При этом возникает ощущение, что наши политики причисляют себя отнюдь не к власти, обвиняя ее в том, что она не отражает интересы народа (значит, и их тоже).

5. Одной из главных претензий к власти на современном этапе является ее неопределяемость и размытость, причем на бессознательном уровне это выражено сильнее, теневой характер власти вызывает у ряда опрошенных настороженность и опасения. У политиков этот мотив также развит, правда, в меньшей степени, но ряду политиков также известно, как происходит процесс принятия важных политических решений. Политики в отличие от обычных граждан значительно больше внимания уделяют фактору денег как одному из необходимых ресурсов для достижения и удержания власти, такая функция власти, как управление, встречается лишь у 4% опрошенных.

Сравнение вербальных и визуальных образов власти

Из анализа полученных вербальных и визуальных образов власти мы можем сделать вывод, что власть воспринимается на обоих этих уровнях по-разному.

1. **Привлекательность.** Если на вербальном уровне власть воспринимается привлекательно или нейтрально, то на визуальном мы видим совсем другую картину. Лишь у саратовских опрошенных власть воспринимается нейтрально, у москвичей она не просто крайне неинтересна, но и вызывает чувства тревоги и страха.

2. **Простота—сложность.** Если на вербальном уровне большинство полученных образов власти достаточно просто, то на визуальном мы видим дело с более сложными, глубокими и неоднозначными образами власти. Она представляется сложной конструкцией с множеством функций и оснований.

3. **Четкость образа и наличие субъекта.** По этому параметру вербальные и визуальные образы власти достаточно похожи. Одной из главных претензий к власти на современном этапе является ее неопределенность и размытость, отсутствие ярко выраженного субъекта, причем на бессознательном (визуальном) уровне это выражено сильнее, теневой характер власти вызывает у ряда опрошенных настороженность и опасения.

4. **Качества власти.** По ряду критериев вербальные и визуальные образы власти довольно похожи. Так, и в вербальных, и в визуальных образах одно из ярко выраженных качеств власти — сила. Но если на вербальном уровне она оценивается гражданами положительно, то на визуальном сильная и агрессивная власть, с одной стороны, оценивается позитивно, с другой — ряд респондентов ощущает бессознательный страх перед этой силой и агрессивностью, которая может и использоваться, что особенно выражено у московских опрошенных. У опрошенных саратовцев власть выглядит скорее нейтрально, ей не приписываются такие качества, как сила и агрессивность, скорее она, с одной стороны, более размыта и нечетка, с другой — более функциональна.

5. Еще одним важным параметром восприятия власти как на вербальном, так и на визуальном уровне является ее моральная ось. И хотя встречается ряд утверждений, что власть стала ближе к людям, но большинство и на вербальном, и на визуальном уровне упрекает ее в жадности, коррупции, в том, что она *очень сильно опирается на интересы простых людей и просто использует их для своих целей*. Саратовцы более критичны, у них власть обвиняется в стремлении подвинуть все под себя, жадности, у них часто встречаются образы мучимой власти и неумирающей, имитирующей движение.

6. Кроме того, в вербальных образах отмечается такое качество власти, как *слабость*, которая оценивается амбивалентно. С одной сто-

роны, респонденты отмечают, что власть стала более устойчивой, стабильной, обеспечивая порядок, с другой — существенно возросло число говорит о бардаке, беспорядке, неразберихе, хаосе или просто отмечают, что власти нет. Хотя по сравнению с властью в период правления Ельцина таких высказываний стало существенно меньше. Политико воспринимается деление качества власти, у наших опрошенных возникает впечатление, что власть что-то делает, хотя они затрудняются сказать, что именно. В визуальных образах также встречается изображение власти в виде символов (властная пирамида, лавры, государственные символы — флаги, орд, оружие, икона нефи) и, кроме того, отмечается теневой характер власти: «власть — это не то, что кажется, а некая темная сила, стоящая над политическими институтами».

7. Сравнивая вербальные и визуальные образы между собой, можно сказать, что по ряду критериев они совпадают, в большей части они рассогласованы. Возникает вопрос, чему верить больше. В качестве гипотезы можно предположить, что в более стабильных, устойчивых обществах скорее можно верить вербальным характеристикам, в нашей стране с неустойчивыми ценностями и отношением к власти невербальные характеристики показывают более глубинное и устойчивое отношение к власти, вербальные же характеристики связаны с социально одобряемым поведением и влиянием СМИ.

Примечания

¹ Филиппова Т. В., Цыганов О. С. Проективные тесты в исследовании поведенческого поведения // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. С. 73–78.

² Батман В. М. Психологический анализ детского рисунка на тему черной кошки трезвона // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 36–37.

³ Филиппова Т. В., Саваров В. А. Дети и выборы в Государственную Думу: формирование базовых политических установок // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 4. С. 105–134.

⁴ Филиппова Т. В., Барановская О. М. Опыт применения проективной методики «Психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2000. № 2.

⁵ См.: Филиппова Т. В., Барановская О. М. Указ. соч.

⁶ См.: Шендерович Е. В. Психология восприятия власти. М.: НИО-Центр. 2002. Гл. 1.

⁷ Вербальный тест адаптирован только у обычных граждан, поскольку у политиков были только картины.

Президентская физиогномика: измененные образы, измененные восприятия*

Люди тратят впечатляющее количество времени, энергии и ресурсов, работая над их внешним личным образом. В различных культурах чистые лица окрашиваются, формируются, прокалываются и растягиваются, для того чтобы сделать внешний вид более впечатляющим. Личные образы политических лидеров также изобретаются во многих странах. Например, портреты иранского президента Саддама Хусейна заканчиваются правительством, и фотографии обычно изображают Саддама улыбающимся, потому что так он выглядит приблизительно наполовину моложе своего реального возраста [Weinot, 1998]. В Соединенных Штатах представители Белого дома подготавливают благоприятные образы президента, организуя *photo-ops* и предлагая прессе и общественности тщательно отобранные президентские фотографии [Adams, 1993; Edwards, 1983; Grossman & Katina, 1981]. Коротко говоря, политические институты, так же как и академические исследования [Budesheim & DePaulo, 1994; DePaulo & Friedman, 1997; Ealme, 1985; Keating & Helman, 1994; McNuga, Lantetta, Sullivan, Masters, & Englis, 1983; Rosenberg, Bohan, McCafferty, & Harris, 1986; Way & Masters, 1996], предполагают, что физический облик оказывает полный внутренний смысл воздействием на восприятие политической власти. Может ли изменение выражения лица менять восприятие президента? Мы изучали эту возможность, проверяя, будут ли суждения о характере известных политических лидеров двигаться в ответ на точечные изменения особенностей и черт лица.

Не удивительно, что люди используют статичное выражение лица, чтобы делать выводы относительно характера человека: структура лица развивалась отчасти посредством коммуникации как своего рода социальная информация [Gregory, 1929/1965; Guthrie, 1970; Lorenz, 1943]. Физиогномическая взаимосвязь приводит к движению суждения по таким универсальным измерениям, как возраст, пол и статус [Berry & McArthur, 1986; Cunningham, 1988; Guthrie, 1976; Keating, Mazyt, & Segall, 1981]. Эти суждения помогают воспринимающему субъекту в выборе социальных ответов. Например, лица младенцев порождают впечатления беспомощности, что влечет повышение высоты голоса в разговоре с младенцем и проявление заботы [Lorenz, 1943; McCabe, 1988; Zeltowitz, Brownlow, & Olson, 1992]. Лица со сформированными, злыми структурами передают доминантность и вызывают почтение [Berry & Landry, 1997; Keating & et al., 1981; Mazyt, Mazyt, & Keating, 1984].

* Political Psychology, 1999, Vol. 20, No. 3.

Онтогенетические темы лежат в основе перцептивных предубеждений, запускаемых при восприятии незнакомых взрослых лиц. Целый комплекс изменений в размерах, формах и пространственных взаимоотношениях личностных черт происходит с развитием [Alley, 1968; Betty & McArthur, 1986; Guthrie, 1970; Lorenz, 1943; Mark, Shaw, & Fittenger, 1968]. Например, лицо младенца характеризуется пропорционально большими глазами, круглым подбородком и толстыми, пухлыми губами [Guthrie, 1970; Lorenz, 1943]. Инфантильные черты, подобные этим, выглядят симпатичными, умильными (*cute*) и вдохновляют на оказание помощи [Lorenz, 1943]. Кроме того, до некоторой степени эти перцептивные предубеждения эмоционально затрагивают лица взрослых: воспринимающие приписывают детям, «ребячески» психологические характеристики незнакомым взрослым с относительно детскими чертами лица [Betty & McArthur, 1986; Zebrowitz & Montepare, 1992]. Несмотря на вариативность структуры лица взрослого человека, зрелость обычно делает квадратными углы челюсти, сгущает брови, утончает губы и уменьшает видимые размеры глаз [Gray, 1948; Guthrie, 1970]. Эти аспекты лица обозначают черты, которые сопровождают возрастной статус, включая доминантность и силу [Guthrie, 1970; Keating, 1985a]. Лицевые признаки, отражающие крайности в возрасте (чрезвычайно молодой или чрезвычайно старый), определяют незначительный статус [Guthrie, 1970]. Таким образом, физиогномические познания моделируются посредством онтогенеза.

Дополнительные исследования показывают, что лицевые признаки зрелости влияют на впечатление воспринимающих, которые они получают от взрослых людей, по крайней мере, когда оцениваются лица незнакомцев. Когда оцениваются портретные фотографии, взрослым людям с относительно детскими лицевыми характеристиками приписываются высокая теплота, простодушие, честность и покорность, чем взрослым со зрелыми лицевыми характеристиками. [напр., Cunningham, 1986; Cunningham, Barbee, & Pike, 1990; Zebrowitz & Montepare, 1992]. Зрелые черты лица, такие как маленькие глаза, квадратные челюсти и редкая линия волос, вызывают атрибуцию доминантности, силы и хитрости [напр., Cunningham & et al., 1990; Keating & et al., 1981]. Таким образом, власть и теплота передаются различными способами зрелости лица, и в отсутствие другой информации о человеке эти статистические, непосредственно воспринимаемые лицевые признаки, очевидно, приобретают большую значимость.

Однако исследования восприятия лица, возможно, преувеличивают результат действия особенностей черт лицевого облика на социальное восприятие, к которому что представляется в качестве стимула лица обычно незнакомым воспринимающим-наблюдателям. Лица неизвестных личностей по существу представляют «чистые листы» (*blank slate*), на которых поведенческие намеки, такие как черты лица, обеспечивают

единственное основание для социальных суждений. Никто до сих пор не определял, как лицевые выноски регулируют оценки характера, сделанные в ответ на лица, имеющие сформированную репутацию. Мы управляли изображениями известных лиц — в особенности политических лидеров, — чтобы посмотреть, были ли тонкие изменения в физиогномике достаточно эффективными, чтобы сдвинуть социальные восприятия наблюдателей с упрочившейся, привычной репутацией. Наши данные включали суждения наблюдателей об известных лидерах, чьи цифрованные изображения были подвергнуты тончайшим изменениям, чтобы увеличить или детскость, ребячливость, или зрелость. Таким образом, мы использовали экспериментальную технику, чтобы исследовать влияние как выразительности лицевых черт (мимикария внешних характеристик), так и лицевой зрелости на впечатления от знакомых, а не от незнакомых взрослых людей (см.: Keating & Doyle, 1999; Pettit et al., 1998). Эти идеи исследовались на политической арене, где переизбрание по телевизионным дебатам и политическая реклама кампания делают физические черты внешнего облика арками и законными канонами [Adams, 1993; Hellweg, Pfau, & Brydon, 1992; Jamieson, 1994; Jamieson & Birdsell, 1988].

В исследованиях I и II цифрованные изображения известных лидеров с помощью компьютерного программного обеспечения были изменены в целях создания выразительного и зрелого типов выражения лица. Чтобы достичь относительно выразительного или зрелого вида, были изменены две черты лица. Знакомые лица были сделаны более выразительными посредством увеличения глаз и губ и более зрелыми — посредством уменьшения размеров этих деталей [Keating & Doyle, 1999]. Воспринимающие не осознавали, что лица были изменены.

Мы использовали в работе лица хорошо известных американских президентов. Несколько исследователей задокументировали сильное влияние непосредственно воспринимаемых невербальных выносок черт лица на впечатление, произведенные политическими деятелями [например, Budesheim & DePaola, 1994; Estline, 1983; McNago et al., 1985; Rosenberg et al., 1986; Way & Mastrot, 1956]. Например, Budesheim и DePaola (1994) обнаружили, что физическая привлекательность влияла на оценки политических кандидатов, даже когда давалась информация относительно их политических позиций и личностных характеристик. Позиции кандидата по проблемам имели меньшее значение для воспринимающего в случае, когда ему представляли фотографии портрета кандидата. На основе результатов Budesheim и DePaola мы предположили, что тонкие изменения в непосредственно воспринимаемых физиогномических чертах сдвигают восприятие знакомых политических лидеров, несмотря на их персональные репутации и независимо от политических пристрастий воспринимающих.

Известными лицами мыслями, которые мы использовали в работе, были изданные президентом Клинтоном, Рейганом и Коннеди. В исследовании I мы собрали оценки Билла Клинтона и от поддерживавших, и от не поддерживавших его на президентских выборах, 1996 г. В исследовании II мы собрали впечатления от Клинтона и от двух известных предыдущих президентов, Рейгана и Коннеди, которые были выбраны, потому что они представляли крайности в возрасте и лицевой зрелости. В обоих исследованиях мы зафиксировали социальные восприятия, важные для публичной жизни, такие как власть, сострадание и честность. Воспринимающие давали суждения по мере того, как они просматривали либо уменьшенные, либо увеличенные портреты президентов. Измерения черт лица были спроектированы достаточно тонкими, чтобы воспринимающие из них обнаружили сознательно.

Предположения исследования (I) были основаны на результатах изучения нетипичных взрослых лиц [e.g., Berry & McArthur, 1986; Cunningham et al., 1990; Keating, 1983a; Keating et al., 1981; Perrett et al., 1993; Zebrowitz & Montmarquet, 1992]. Предполагалось, что для Клинтона замена черт лица на более выразительные приведет к расширению впечатлений теплоты (сострадание, честность, привлекательность) и уменьшению впечатлений власти (доминантность, сила, злость). Также предполагалось, что зрелые черты лица увеличивают рейтинги власти и уменьшают оценки теплоты. Наличие этих перцептивных сдвигов предполагалось независимо от политического наклонения оценивающих (Buckstein & DePaula, 1994). Эта идея была проверена в исследовании I посредством сравнения суждений, сделанных людьми, поддерживавшими и не поддерживавшими Клинтона на выборах 1996 г.

Физиогномика Клинтона — мужчина средних лет, вторая, естественно, содержала и зрелые (маленькие глаза, тонкие губы), и незрелые (тонкие брови, круглая челюсть) черты, была идеальна в качестве рабочего материала для проявления эффектов зрелости: его нормальное лицо могло измениться и вверх, и вниз по физиогномической шкале. Изменения манипуляции с чертами лица могли бы оказывать различное воздействие на нормальные лица, относительно часто появляющиеся на крайних позициях физиогномической шкалы. Таким образом, в исследовании II мы выдвигали гипотезу о том, что признаки лицевой зрелости будут влиять на восприятие более старых политических лидеров, для которых зрелость естественна, не так, как на восприятие более молодых политических лидеров, с более характерными для них детскими признаками выражения лица (Guthrie, 1970).

В исследовании II мы собирали впечатления от Рейгана, самого старого президента Соединенных Штатов, и от Коннеди, самого молодого президента. Эти впечатления основывались на фотопортретах каждого из президентов во времена их пребывания в Белом доме. Помимо-

женное лицо Рейгана отражало много аспектов зрелости, таких как квадратная челюсть, густые брови, тонкие губы и маленькие глаза [Guthrie, 1970; Keating, 1983a]. Несколько детских характеристик, особенно большие глаза и толстые губы, отличало нормальное лицо Кеннеди [Guthrie, 1970; Keating, 1983a]. Поскольку естественная физиогномика Рейгана передавала власть лучше, чем теплоту, предполагалось, что зрелость увеличивает восприятие восприятия его теплоты, в то время как оценка его власти уменьшится. Однако ожидалось, что увеличение зрелости уже зрелой физиогномики Рейгана уменьшит оценку его властных возможностей по статусу очень пожилых людей [Guthrie, 1970]. Для Кеннеди, чьи нормальные черты лица передавали теплоту лучше, чем власть, ожидалось, что зрелость зрелых черт улучшит оценку власти. Добавление выразительных черт к физиогномике Кеннеди предполагало снижение впечатлений от его власти и увеличение восприятия его теплоты. Как и в исследовании 1, ожидалось, что теплые черты лица увеличат теплоту Клинтона, несмотря на сходство с Москвой Левински.

Исследование 1

Метод

Участником 156 студентов (95 — женщины, 61 — мужчины), зарегистрированных во вступительном психологическом классе, оценили фото-портреты знакомых и незнакомых людей. Каждый из них получал лабораторный кредит в обмен на участие.

Материалы. Официальный, из Белого дома, цветной фотографический портрет президента Клинтона служил базовым изображением его лица. Цветной портрет Хиллари Клинтон первоначально был включен в стимульный набор фотографий, но позднее его исключили из данных анализа, потому что низкие оценки узнаваемости ставили под угрозу возможность корректной интерпретации *ex data*¹. Стимульный набор включал восемь психикомов лиц, которые выполняли в настоящем исследовании функцию контраста. Восемь контрастных портретов изображали белых женщин, черных женщин, белых мужчин и черных мужчин (каждых по два), выбранных случайным образом из четырех великих ежегодников колледжа.

Все десять фотопортретов были откалиброваны с помощью компьютерной программы *Macintosh*. Программное обеспечение *PHOTOSHOP* использовалось для работы с личными особенностями этих оцифрованных изображений: «Большинственная» и «маленькая» выраженные версия каждого лица была создана посредством расширения размеров глаз и губ на 15%. Вторая манипуляция с личными образами производилась «маленькую» и «толстую» вторую версию каждого лица посредством

сжимания губ и губ на 15%. Третья версия каждого лица была оставлена неизменной. В таблице 1 (версия строка) показаны неизменная и измененная версии лица президента Клинтона². Каждое лицо было опечатано в цвете на пластмассовых транспарантах и представлено оценивающим на экране через проектор.

Участники указывали свои впечатления от психологических черт изображенных людей, используя семантические бинарные шкалы. Шкалы были обозначены так: покорность—доминантность, слабость—сила, непривлекательность—привлекательность, наивность—хитрость, нечестность—честность, бессердечность—сострадательность. Помоща были нанесены (отмечены) для нескольких шкал.

Процедура. Оценка выполнялась в группах, содержащих от двух до восьми человек³. Работа описывалась как исследование личностного восприятия и политических установок. Участникам было сказано, что они будут рассматривать незнакомые и знакомые лица и делать относительно них социальные суждения. Сначала участники вносили в протокол сведения о себе — были они или нет зарегистрированными избирателями, за какую партию они голосовали, собирались ли они голосовать на приближающихся президентских выборах 1996 г. (по мере их приближения от месяцев до недели до выборов) и какого кандидата они, вероятно, собирались поддерживать (Дол, Клинтон, Буш или «другой»).

Помещению, где проходил эксперимент, было слегка затемнено, чтобы облегчить просмотр лиц. Шкалы были представлены в буклетах. Чтобы уменьшить воздействие предыдущего материала на последующий, участники давали суждения по всем десяти лицам для одной черты, прежде чем перевернуть страницу, чтобы оценить следующую черту. Шкалы черт были представлены в различных произвольных порядках. Каждое лицо было показано на экране в течение трех секунд в стандартизированном порядке, с Биллом Клинтонем в последнюю очередь. После того как все оценивания были завершены, участникам предлагали: 1) идентифицировать лица, которые они узнали, и 2) сообщить, заметили ли они что-нибудь в отношении этих лиц или имели ли они какой-либо комментарий по этому поводу.

Результаты

Все участники узнавали президента Билла Клинтона, независимо от того, какую версию его лица они видели. Хотя каждому участнику было предложено прокомментировать эти лица, никто не сообщил чего-либо экстраординарного относительно лица Клинтона и, казалось, никто не подозревал, что были сделаны изменения.

Семантическая черта. Поскольку каждый участник оценивал специфический набор лиц, было выведено стандартное отклонение счета, чтобы уравнять различия в использовании шкал на простых предметах [Kenny &

Anderson, 1982]. Для каждой шкалы черт стандартное отклонение отражало отклоня от общего среднего показателя оценки для всех версий из всего набора десяти стимульных лиц по определенной характеристике. Нулевое отклонение демонстрировало отсутствие значимых различий между оценкой какой-либо характеристики и ее средним показателем по всем стимульным лицам у всех оценивающих.

Таблица 1 представляет средние значения оценок черт в единичных стандартных отклонениях для каждой версии лица. Для каждой оценки черт Билла Клинтона мы вычисляли дисперсионный анализ (ANOVA) по формуле «3 × 2», где 3 — измененные черты, 2 — пол оценивающего. Результаты, описанные ниже, обобщены по полу оценивающих, так как по данной переменной не было обнаружено значимых корреляций ($p > .10$).

Восприятие президентской власти в значительной степени оказалось не затронуто такими личными «манипуляциями», принимая во внимание то, что восприятие его личности было позитивным или негативным или. Вспросы о сходствах, исследования показали, что оценки доминантности, силы и хитрости у Клинтона не сдвинулись личными манипуляциями (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения черт для нормальных и измененных версий лица президента Клинтона

Черта	Версия лица			F
	выразительная	нормальная	злая	
Доминантный	-.132	.021	.160	0.812
Сильный	-.024	.122	-.368	2.570
Хитрый	-.062	.412	.400	2.691
Привлекательный	.460 ^a	-.101 ^b	-.411 ^b	7.654***
Сострадателный	.846 ^a	.573 ^a	.302 ^a	6.454**
Честный	.460 ^a	-.090 ^b	-.541 ^b	7.784***

Примечание. Значения представляют отклонения от средних оценок черт по всем версиям лиц для всех оценивающих. Столбцы свободы для F-тестов были равны 2,146; значения строк «различия между нормальными и измененными» отличаются от $p < .05$ или больше.

** $p < .01$.

*** $p < .001$.

Однако восприятие его привлекательности и честности существенно улучшалось, когда его глаза и губы были увеличены по сравнению с нормальными на 15%. Он казался наименее честным и наименее сострадателным с маленькими глазами (табл. 1). Таким образом, как и предполагалось, выразительные черты лица в общем увеличивали восприятие теплоты, в то время как злые черты лица их уменьшали.

Какие эмоции вызывает облик, кто слушает? Увеличивалось или уменьшалось влияние личных черт на восприятие оцениваемых предположительно поддерживаемых лицами президента? Учитывая то, что это был год выборов, мы исследовали эту возможность, сравнивая чувствительность сторонников Клинтона, его противников и неуверенных в своем выборе респондентов к обнаруженным манипуляциям с чертами лица кандидата от демократов.

Из 156 участников нашего исследования 48% ($n = 76$) обозначили, что они будут голосовать за Клинтона, 27% ($n = 42$) обозначили, что они проголосуют за кандидата от республиканцев (39 — за Дола и 3 — за Буша), и 24% ($n = 38$) утверждали, что еще не решили. Мы сравнили оценки, сделанные участниками в каждой из этих трех групп. Для каждой из шести оценочных черт был проведен анализ по формуле «3 $\times$ 3», (где 3 — измененные черты, 3 — поддержка сторонники, противники, не сделавшие выбор) *ANOVA*.

Анализ воспринятых честности, привлекательности и сострадания Клинтона выявлял похожие паттерны. По каждому впечатлению измененным личным черт и поддержка регистрировали основные результаты, по никакому взаимодействию. Отсутствие взаимодействия показало, что манипуляции с чертами лица воздействуют на восприятие личности Клинтона схожим образом во всех трех группах потенциальных избирателей.

Для суждений, сделанных относительно честности Клинтона, *ANOVA* выдавал основной результат для измененных образов [$F(2,147) = 6.54, p < .002$], основной результат для поддерживаемого кандидата [$F(2,147) = 4.43, p < .018$] и отсутствие взаимодействия между ними [$F(4,147) < 1.0$]. Не удивительно, что противники Клинтона (средняя = $-.47$) оценивали его как менее честного по сравнению с его сторонниками (средняя = $-.31, F(1,116) = 9.54, p < .005$). Не сделавшие выбор участники (средняя оценка = $-.22$) также больше сомневались относительно честности Клинтона по сравнению с его сторонниками [$F(1,112) = 4.259, p < .041$].

Наиболее интересным открытием стало то, что влияние манипуляций с чертами лица интерпретировало с различными группами сторонников. Относительно нормальных черт лица большие, детские черты значительно увеличивали воспринимаемую честность Клинтона (средняя = $-.49$ против $.46, F(1,103) = 4.80, p < .03$). Маленькие, зрелые черты лица (средняя = $-.52$) уменьшали воспринимаемую честность измененной версии Клинтона, хотя не достоверно [$F(1, 97) = 2.45, p > .12$]. Имянина в сторону большей выразительности черт лица давали президенту более честным по сравнению с именованными в сторону зрелости [$F(1,106) = 16.12, p < .001$].

На восприятие привлекательности умеренно влияла поддержка сторонников [$F(2, 145) = 2.594, p < .078$]. Хотя сторонники Клинтона и те, кто поддерживал других кандидатов, не отличались по тому, как

они оценивали привлекательность Клинтона (средняя = .17 и .21, $F(1,119) < 1.0$), не принимавшие решения участники дали Клинтону более низкие оценки привлекательности (средняя = -.57), чем его сторонники [$F(1,110) = 9.697, p < .002$] или противники [$F(1,77) = 8.963, p < .004$]. Тем не менее во всех группах сторонников изменения личностных черт демонстрировали основной предсказанный результат по восприятию привлекательности [$F(2,145) = 4.605, p < .012$]. Независимо от наличия или отсутствия поддержки увеличение выразительности нормальной президентской физиогномики улучшало восприятие его привлекательности (средняя = .47 против -.16, $F(1,101) = 5.96, p < .017$). Замена на зрелые черты лица снижала оценки привлекательности (средняя = -.40), но не достоверно [$F(1,96) = 2.079, p < .15$]. Относительные изменения зрелые черты лица испорченные черты лица повышали оценки привлекательности [$F(1,105) = 16.26, p < .001$].

В оценках сострадания основной результат для поддерживающих [$F(2,147) = 3.48, p < .034$] показал, что сторонники Клинтона воспринимали его как более сострадательного человека (средняя = .83), чем противники (средняя = .31) [$F(1,115) = 8.907, p < .004$] или не принимавшие решение (средняя = .25) [$F(1,112) = 7.26, p < .008$]. Наиболее значимый основной результат при изменении черт лица [$F(2,147) = 2.92, p < .057$] показал, что среди поддерживающих группа Клинтон воспринималась с выразительными чертами как более сострадательный (средняя = .84) [$F(1,103) = 1.84, p < .178$], чем с его нормальными чертами лица (средняя = .57), но незначительно, а лица слезы, и также незначительно он воспринимался как менее сострадательный со зрелыми чертами лица (средняя = .20) [$F(1,98) = 3.025, p < .085$], чем с нормальными. Что касается оценок честности, то замена его нормальных черт лица на выразительные скорее, чем на зрелые, делала лицо президента более сострадательным [$F(1,105) = 9.221, p < .003$].

Добавление к анализу восприятия власти влияния поддержки сторонников не привело к возникновению существенной разницы никаких значимых результатов или корреляций как для групп поддержки, так и для изменений черт по всем известным переменным не было выявлено ($p > .10$). Единственным исключением стал наиболее значимый основной результат в группах поддержки, когда они оценивали силу [$F(2,146) = 2.706, p < .07$], который показал, что сторонники Клинтона воспринимали его как более сильного (средняя = .15), чем его противники (среднее = -.31) [$F(1,116) = 4.544, p < .035$] или не принимавшие решения потенциальные избиратели (средняя = -.33) [$F(1,111) = 4.059, p < .046$].

Обсуждение

Исследование показало, что первое впечатление от лиц незнакомых людей находилось под влиянием аспектов лицевой зрелости (напр., Betty &

McArthur, 1986; Cunningham et al., 1990; Keating & Doyle, 1999; Keating & et al., 1981; Perrett & et al., 1998; Zebrowitz & Montepare, 1992]. Мы продемонстрировали, что тонкие изменения лицевых черт, «намеренно» сдвигают оценки характера известных личностей без понимания воспринимающими их влияния. Как Badesheim и DePaulo (1994), мы обнаружили, что непосредственно воспринимаемые, вербальные оценки являются достаточно влиятельными, чтобы изменить восприятие политического кандидата, несмотря на различия в политических взглядах воспринимающих.

Уникальное лицо президента в целом выигрывало от наших структурованных черт лица. Его обычно маленькие глаза и тонкие губы, как нам казалось, передавали власть лучше, чем выражали теплоту. Как и предполагалось, когда мы увеличивали размеры этих черт лица на 12%, чтобы сделать внешний вид более выразительным, воспринимающие, которые не осознавали наших манипуляций, оценивали президента как более честного и привлекательного, чем воспринимающие, которые оценивали его нормальный внешний облик. Даже политические противники воспринимали выразительную версию лица президента Клинтона как относительно более заслуживающую доверия и привлекательную. Неожиданно изменения черт лица, структурированные, чтобы уменьшить или увеличить восприятие власти Клинтона, оказались недостаточными, чтобы оказать влияние на оценки имеющегося статуса президента. Тем не менее для Клинтона лицевые изменения были чистым выигрышем: увеличение выразительности знакомого лица президента повышало оценки его теплоты, но уменьшало при этом восприятие его власти.

Возможно, что влияние прибавления выразительности чертам лица президента Клинтона было специфическим для его физиогномики. Его средний возраст, статус *baby-boomer* (быстрый рост рождаемости) сделали возможным сдвинуть лицевые черты и вверх (старше), и вниз (младше) по шкале лицевой зрелости. Как лицевые манипуляции изменяли бы образы очень разных, но равно известных физиогномик? В исследовании II мы работали с двумя необычайными, но совершенно различными президентскими физиогномиями: одна принадлежала самому молодому американскому президенту, чье лицо имело естественную детскость (Клинтон), а вторая — самому старому американскому президенту, чье лицо было естественно относительно зрелым (Рейган). Лицо президента Клинтона, которое находило между этими двумя возрастными и структурными крайностями, было включено для третье стимульное лицо. В терминных социальных восприятия мы выдвигали гипотезу о том, что черты лица, увеличивающие зрелость, в первую очередь принесут пользу самому молодому президенту, тогда как увеличение выразительности черт главным образом принесет пользу самому старому президенту.

Определенные, конкретные предсказания состояли в том, что расширенные выразительные черты лица увеличат восприятие теплоты (Mont-

ность, привлекательность и сострадание), особенно для Клинтона и Рейгана, чьи истинные версии содержали относительно немного детских черт лица [напр., Betty & McAuliffe, 1986; Zebrowitz & Montepare, 1992]. Ожидалось, что выразительные черты лица в основном связаны с восприятием власти (доминантность, сила и хитрость) [напр., Cunningham & et al., 1990; Keating, 1983a]. Предполагалось также, что замена нормальных черт лица на младенческие, зрело выглядящие черты улучшает оценки власти, особенно для Кеннеди, которому серьезно не хватало доминантных характеристик лицевых черт его старших, более зрело выглядящих коллег-президентов [Keating, 1983a; Keating & et al., 1981]. Увеличение черт зрелости самой старой президентской фотоконцовки, ожидалось, приведет к снижению восприятия власти Рейгана, передавая сниженный статус ювенильных людей [Guthrie, 1970]. Предполагалось, что зрелые черты лица уменьшают оценки теплоты [Cunningham & et al., 1990; Keating, 1983a; Zebrowitz & Montepare, 1992].

Исследование II

Метод

Участниками. Студентами мужского и женского пола в количестве пятидесяти одного человека оценили портретные изображения и получили лабораторное вознаграждение за свое участие в исследовании. Шестьдесят процентов выборки составили женщины.

Аппаратура и материалы. Портретные фотографии президентов Клинтона, Рейгана и Кеннеди были использованы для того, чтобы сконструировать стимульные лица. Цветной портрет президента Клинтона был идентичен портрету, который использовался в исследовании I и изображал его с легкой улыбкой. Цветной портрет президента Рейгана времен второго срока полковником изображал его широко улыбающимся. Фотография президента Кеннеди была черно-белой и изображала его без улыбки.

Каждая портретная фотография была отсканирована в компьютер *Macintosh*. Чтобы манипулировать оцифрованными изображениями, использовалось программное обеспечение «Color-It». Как и в исследовании I, «большеглазые», выразительные версии каждого лица были созданы посредством увеличения размеров глаз и губ на 15%. Вторая обработка черт лица проводилась «малоглазую», «тонкострубую» зрелую версию каждого лица, уменьшая глаза и губы на 15%. Третья версия каждого лица была оставлена неизменной. Контрольные проверки подтвердили, что замещение нормальных черт лица сконструированными имитирует восприятие детскости лица предсказанным образом у каждого президента.

Лица и оценочные шкалы были представлены на компьютерных *Macintosh*. Оценщики указывали свои впечатления от психологиче-

ских характеристик, используя бинарные оценочные шкалы. Шкалы были обозначены так: покорность—доминантность, слабость—сила, наивность—изворотливость, непривлекательность—привлекательность, неискренность—честность и бесцеремонность—сострадателность. Полноса были взаимно противоположны для нескольких шкал.

Процедура. Участников сопровождали в отдельные кабинеты, оборудованные компьютерами Macintosh. Эксперимент был описан как последовательное восприятие политических лидеров. Сначала оценивающим записывали, находились ли они в списках избирателей, голосующих за демократов, республиканцев или независимых кандидатов. Им была дана инструкция — записывать свои суждения о каждом человеке, чье изображение они просматривали, используя шкалы. Каждое лицо появлялось на экране слева, а шкалы — справа, до тех пор пока участники не сделали суждения, щелкнув мышью на определенном ответе шкалы. После того как все три лица были продемонстрированы на экране, появлялась следующая шкала, и за ней следовала та же самая процедура.

Оценивающим просматривали только одну версию каждого президента. Следовательно, им были представлены каждая из этих трех личностей манипулиций, охватывавших лица разных индивидуумов, и любой одиночный участник был ознакомлен с набором комбинаций основных личностных шкал. Шкалы и лица появлялись в различных произвольных порядках для каждого оценивающего.

После того как все оценки были собраны, участникам просили записать имена людей, которых они узнали. Наконец, следовал открытый исследовательский вопрос: их просили описать что-нибудь, что они заметили относительно этих лиц.

Результаты

Все оценивающие узнали президента Билла Клинтона, независимо от того, какую версию лица они видели. Нормы идентификации для Рейгана и Кеннеди были равны 98 и 96%, соответственно (один человек идентифицировал Клинтона, но пропустил две идентификационные строки в бланке, другой идентифицировал Кеннеди как Картера)⁹. В ответ на открытый вопрос «Заметили ли вы что-нибудь относительно этих лиц?» два участника упомянули, что или глаза, или рот, или нос выглядели необычно большими или маленькими для обычного лица. Из этих двоих один полагал, что черты лица были увеличены, а другой считал, что лица были уменьшены.

Поэтому данные этих двух участников были выведены из анализа. Остальные участники, те, кто записал комментарии (десять ответов «ничего» или «ничего» и восемь пропущенных ответов), описали другие аспекты стимулов, замечая, к примеру, что все лица принадлежали президентам ($n = 2$) и/или людям ($n = 2$), отмечая различия в возрасте президентов

($n = 13$) и/или в выражении их лица ($n = 23$), отмечая, что фотографии некоторых президентов были «лучше», чем другие ($n = 3$), и/или, что один портрет был черно-белым ($n = 5$). Таким образом, оценки были вынесены участниками, которые не понимают, что черты лица были немощны.

Поскольку каждый участник оценивал специфический набор лиц, было выведено стандартное отклонение счета, чтобы уравнивать различия в использовании шкал «в пределах предмета» (Rousi & Anderson, 1982). Для каждой шкалы черт стандартное отклонение отражало отличия от общего среднего показателя оценки для всех версий из всего набора десяти стимульных лиц по определенной характеристике. Нулевое отклонение демонстрировало отсутствие значимых различий между оценкой какой-либо характеристики и ее средним показателем по всем стимульным лицам у всех оценивавших.

Оценки черт. Как и в исследовании I, участники просматривали различные наборы комбинаций лицевых шкал, была сделана коррекция для различий в использовании шкал «в пределах предмета» посредством приведения счетов ряда шкал к счетам отклонений. Для каждой черты счета отклонений были сделаны посредством вычитания общего значения счета шкалы (по всем оценивающим во всех трех версиях всех трех президентов) от каждого шкалированного ответа. Нулевое отклонение показывало отсутствие отличий от средней оценки характеристики по всем лицам и всем оценивающим. Эти значения отклонений дают относительный смысл отличий каждого президента от других, но не при непосредственном сравнении, которое делалось в исследовании I.

Чтобы уменьшать число статистических расчетов, мы сортировали оценки черт по двум группам, основанным для чего послужили результаты исследования I. Оценки теплоты включали шкалы: сострадание, честность и привлекательность. Оценки власти включали шкалы: доминантность, сила и злость. Для каждого президента были выполнены отдельные многомерные исследования дисперсии (MANOVAs) по каждой группе связанных зависимых переменных. При таком подходе каждая версия президентского лица была сравнена с именниковой версией лица того же самого президента. Независимой переменной была версия черт лица (выразительная, трезвая, нормальная). Данные участников мужского и женского пола были смешаны, поскольку никакого влияния пола оценивающего не было выявлено в исследовании I.

Таблица 2 представляет результаты восприятия власти по каждому президенту. Как предполагалось, на восприятие власти президента Кеннеди воздействовали именниковые черты лица [$F(6,36) = \text{на } 2,57, p < .025$]. Оценки власти Кеннеди в основном снижались при изменении черт лица на выразительные и увеличивались при измене на трезвые черты лица. Как показывает табл. 2, общий результат был подтвержден одномерными F -проверками доминантности, силы и злости. По каждой характерис-

тике власти оценки Кеннеди снижались в ответ на увеличение выразительности лицевых черт. Там же нормальные черты лица не зрелые увеличивала восприятие злости Кеннеди, хотя на оценки его доминантности и силы это влияние не достоверно.

Таблица 2

Значения оценок власти для нормальных и измененных
верхней президентских физиономий

Черта	Лицевые манипуляции			F
	выразительная	нормальная	зрелая	
Клинтон				
Доминантность	-.053	-.289	-.148	—
Сила	-.052	-.878	-.147	—
Злость	.490	.844	.320	—
Рейган				
Доминантность	-.822*	.241*	-.563*	3.838*
Сила	-.244*	.185*	-.875*	3.445*
Злость	-.798*	.637*	-.313*	4.641*
Кеннеди				
Доминантность	-.683*	.825*	.811*	3.833*
Сила	-.687*	.938*	.822*	3.387*
Злость	-.883*	-.126*	.713*	6.486**

Примечание. Значения представляют отклонения от средних оценок черт по всем лицам в исследовании. Столбцы свободны для F-тестов были равны (2,46). Ряд значений с различными верхними индексами (*) отличается от $p < .05$ или больше.

* $p < .05$.

** $p < .01$.

Общий тест по оценкам власти Рейгана имел также существенные результаты [$F(6,90) = 2.65, p < .021$]. Выразительные черты лица в результате приводили к уменьшению восприятия доминантности и злости Рейгана (но не его силы; см. табл. 2). Повышение зрелости лица Рейгана снижало степень власти в его высшем облике, как и предсказывалось.

Как в исследовании I, восприятие власти президента Клинтон было устойчиво в лицевым ассоциациям в соответствии с общим тестом [$F(6,90) < 1.0$]. Оценки существующего президентского состояния были в значительной степени не затронуты нашими лицевыми манипуляциями (см. табл. 2).

Результаты, представленные в табл. 3, частично подтверждают предположения о восприятии президентской теплоты. Следуя результатам исследо-

Таблица 3

Средние оценки теплоты для нормальных и измененных версий президентских физиогномий

Черта	Лицевые манипуляции			F
	выразительная	нормальная	злая	
Клинтон				
Честность	-.105 ^a	-.764 ^a	-.170 ^a	4.234 [*]
Привлекательность	.290 ^a	-.390 ^a	-.783 ^a	5.771 ^{**}
Сострадание	.100 ^a	-.182 ^a	-.834 ^a	5.582 ^{**}
Рейган				
Честность	.589 ^a	.501 ^a	-.423 ^a	4.384 [*]
Привлекательность	-.842 ^a	-.446 ^a	-.1714 ^a	5.311 ^{**}
Сострадание	.582	.282	-.084	1.650
Кеннеди				
Честность	.867	.521	.178	—
Привлекательность	1.222	1.417	1.221	—
Сострадание	.558	-.125	-.378	—

Примечание. Значения представляют отклонения от средних оценок черты по всем лицам и физиогномиям. Степень свободы для F-теста была равна (2,46). Значения ряда с различными версиями физиогномий (^a и ^b) отличаются от $p < .05$ или больше.

^a $p < .05$.

^{**} $p < .01$.

виями 1, лицевые манипуляции воздействовали на восприятие теплоты Клинтон ($F(6,90) = 2,89, p < .013$). Общий результат был подтвержден однократными тестами по честности, привлекательности и состраданию. Как и предполагалось, выразительные черты лица делали Клинтон сматрицироваться наиболее честным и привлекательным (табл. 3). Со злыми чертами он казался наименее сострадательным. Президент Рейган в основном воспринимался как наименее теплый, когда его лицо было более злым, чем нормальное ($F(6,90) = 2,51, p < .028$). Следуя за предположениями, Рейган выглядел наименее честным и привлекательным со злыми чертами лица. Однако усиление выразительности черт Рейгана не смогло усилить восприятие честности, привлекательности или сострадания. Обобщенный тест показал, что на восприятие теплоты президента Кеннеди не влияли манипуляции лицевыми чертами ($F(6,90) = 1,66, p > .14$) (см. табл. 3).

Обсуждение

Неожиданно выявляемые лицевые манипуляции изменяли способы, которыми воспринимающие оценивали характеристики трех известных прези-

дентов. Однако точное влияние лицевых манипуляций на социальное восприятие варьировалось среди президентов. Как в исследовании 1, оценки власти Клинтона были устойчивыми к влиянию лицевых манипуляций: измененные черты лица не влияли на восприятие власти действующего президента. Но власть каждого предшествующего президента воспринималась по-другому, когда черты лица были изменены. Замена нормальных черт лица выраженными подрывала восприятие власти у каждого предшествующего президента, как и предсказывалось. Замена нормальных черт лица более зрело выглядящими воздействовало на восприятие предшествующих президентов различно. С увеличением зрелых черт лица самый молодой, с наиболее естественной лицевой детскостью президент Клинтон воспринимался как более хитрый, чем с его нормальными чертами лица; в то время как самый старый, с наиболее естественной зрелостью президент Рейган воспринимался недостаточно, чтобы выглядеть менее хитрым, менее сильным и менее доминантным, чем с его нормальными чертами лица.

Паттерн по параметру президентской теплоты отличался от такового по параметру власти. В этом случае оценки Клинтоне были полностью не затронуты лицевыми манипуляциями. Возможно, это результат как одного из наиболее харизматических и любимых президентов нашего времени влиял на устойчивость его относительно высоких оценок теплоты в отношении лицевых манипуляций. Восприятие теплоты Рейгана показало полную устойчивость к измененной физиогномике: оценки теплоты Рейгана были снижены, но не увеличивались под влиянием измененной черт лица. Таким образом, когда глаза и губы были сделаны маленькими и зрело выглядящими, воспринимающие находили меньше честности и привлекательности в Рейгане. Только президент Клинтон соотносился с предсказаниями, выглядел значительно более честным и привлекательным с увеличенными выразительными глазами и губами. Кроме того, воспринимающие обнаруживали меньше сострадания в Клинтоне, когда зрелость его нормального лица была увеличена.

Таким образом, каждое президентское лицо обеспечивало различную платформу для лицевых манипуляций. Зрелость каждого нормального лица, возможно, в комбинации с репутацией, обуславливала особенное влияние черт лицевой зрелости. К сожалению, хотя репутация каждого президента, возможно, сыграла влияние черт лица, мы не имели прямой, валидизированной оценки этого эффекта.

Общее обсуждение

Сложность человеческого лица оспаривает любое точное понимание, что же действительно включали наши манипуляции с лицевыми особенностями

твом. Именованная черт были операционализированы в терминах размера и описаны в терминах зрелости. Однако каждое именованное черт прибавляло дополнительные перцепционные измерения. Например, именованное размеров черт также связано пространственным расположением между чертами лица. Ясно, что влияние уменьшения и расширения лицевых особенностей, для того чтобы увеличить или уменьшать зрелость, было более сложным, чем описанное нами.

Значения этого исследования осложнены недостатками наших методов. Возможно, влияние черт лица было преувеличено процедурой, которая использовалась: мы лишь интересовались суждением о характере в контексте стимульного лица без того, чтобы создавать политических лидеров со стратегическими решениями или проблемными позициями. Будущие исследования должны получить вчисления о политических лидерах посредством включения многочисленных каналов информации (например, проблемные позиции, характеристики индивидуальности), как это делали Voderheim и DePaula (1994), а не ограничиваясь только лицевыми особенностями. Наш акцент на непосредственно воспринимаемых лицевыми намеках, возможно, упустил их из, усиливая их важность в создании воспринимающих. Кроме того, мы полагались на вчисления от уникальной группы потенциальных избирателей: студенты колледжа обычно не голосуют на выборах. Наконец, мы изучали физиогномические associations в специфическое историческое время, в течение сильно polarized выборов и продолжающегося расследования Независимого совета в отношении президента Клинтона, которое высветило проблемы характера, особенно честность. В отличие от Рейгана и Кеннеди честность Клинтона была в центре политического спора, поскольку данные были собраны для обоих исследований. Факт, что нравственность Клинтона была под вопросом, возможно, уникально увеличила вытекающую физиогномических черт его честности⁴.

Однако для интригующих результатов возникли в результате этого исследования: во-первых, мы обнаружили, что тонкие, воспринимаемые изменения в физиогномике лица были достаточно сильными, чтобы влиять на суждения воспринимающих об особенностях характера известных людей. Как отмечено выше, предыдущие исследования показали, что первые впечатления о неизвестных людях складывались под влиянием черт лицевой зрелости (Betty & McArthur, 1988; Cunningham et al., 1999; Pettit et al., 1998; Zebrowitz & Montepare, 1992); здесь же мы показали, что тонкие именованные лицевые черт связаны восприятие известных личностей. Более того, лицевые манипуляции воздействовали на воспринимающих людей независимо. Во-вторых, способность физиогномических черт именовать оценки известных политических лидеров распространялась и на сторонников, и на противников, подобно тому как и сторонники, и противники Клинтона воспринимали его более честным и привлекательным, когда

его нормальные черты лица были заменены на выразительные. Эти воссоздаваемые изображения в физиогномических лицевых намеках были достаточно сильными, чтобы влиять на оценки характера президента с установленной репутацией.

Какое-то, что даже в политике межличностные оценки делаются важным способом, под руководством внутренних ответов на непосредственно воспринимаемые невербальные намеки [Bodenheim & DePaola, 1994; Hellweg et al., 1992; Jamieson, 1984; Jamieson & Birdsell, 1988; McNago et al., 1985; Rosenberg et al., 1986; Way & Masters, 1996]. Факт, что воссоздаваемые изображения в портретных изображениях трех президентов следили за изменением в них, является свидетельством потенциала молчания, неподвижности и физиогномических сигналов. Человеческая чувствительность к физиогномическим намекам, сознательная или воспринимаемая другим способом, возможно, уходит корнями в древнюю сигнальную систему, основанную на жизни «лицом к лицу» в социальных группах и сильную к естественному отбору [Guthrie, 1976; Keating, 1985b]. Эти лицевые подлины могут внести большой вклад в формулу харизматического лидерства, чем мы думаем.

Примечания

¹ Оценки узнаваемости для нормального, среднего и выразительного лиц первой лица Хиллари Клинтон составили соответственно 89, 64 и 38%.

² Рисунок 1. Выразительные, нормальные и средние версии лиц президентов Клинтон, Рейгана и Буша. Выразительные версии являются средними, нормальные (воспринимаемые) — в центре, средние — справа.

³ Мы обеспечили независимость ответов, но не делая независимого задания, касающегося оценки рейтинга группы на основании описания.

⁴ Восстановление было независимым и с использованием, и без использования данных от этих двух участников; потому что результаты были фактически идентичны при любом способе, какой мы выбрали, чтобы включить их данные.

⁵ Передача по телевидению лица президента Клинтон не была обнаружена во время сбора данных. Сбор данных для исследования II проводился в течение весны 1998 г., после появления Клинтон 26 января, переданной по телевидению, когда он, почти палачом, отрицал, что имел отношения с Лонгскам, но до его критики в августе.

Перевод: М. Шелестенко

Сведения об авторах

- Бинли Р. К.** — профессор факультета политических наук Университета Кейбра, США.
- Джант М.** — профессор факультета политических наук Уиллс-колледжа, США.
- Евгеньева Т. В.** — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, преподаватель Московского отделения РАНХ.
- Егорова-Гантман Е. В.** — доктор политических наук, президент ЦПК «Николае Мо».
- Засерн А. А.** — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Зорин В. А.** — кандидат политических наук, доцент ЧенГУ.
- Каарбе Д.** — профессор факультета политических наук Университета штата Канзас, США.
- Кендрик Т.** — профессор факультета психологии Университета Кантсбери, США.
- Киттинг К. Ф.** — профессор факультета социологии Университета Канзаса, США.
- Косманова Ю.Н.** — руководитель отдела компании Селтек.
- Крэншер Э.** — профессор факультета политических наук Университета Южной Калифорнии, США.
- Кригелу Д.** — профессор факультета политических наук Университета Западной Вирджинии, США.
- Маагрю К.** — профессор факультета политических наук Университета штата Огайо, США.
- Малышева О. Ю.** — доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИИВОН РАН, преподаватель РАНХ.
- Медведева С. М.** — кандидат политических наук, доцент МГНМО МЭУ РФ.
- Мингучев Н. Ю.** — преподаватель Совета директоров ЦПК «Николае Мо».
- Молчанова О. А.** — кандидат политических наук, главный социолог-эксперт Министерства образования и науки.
- Нестерова С. В.** — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Ольшанский Д. В.** — доктор политических наук, профессор.
- Пинина Т. Н.** — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Преснякова Л. А.** — кандидат политических наук, ведущий специалист Фонда «Общественное мнение».
- Радвинский Н. М.** — доктор психологических наук, профессор кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

- Ривалин Д.** — профессор факультета психологии Университета Колумбии, США.
- Селетинна А. В.** — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Сиротин В. Э.** — старший преподаватель кафедры информационного обеспечения внешней политики России факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Торан-Пурта Дэ.** — профессор факультета человеческого развития Моррисонского университета, США.
- Уайнтрауб У.** — профессор факультета психиатрии Моррисонского университета, США.
- Уинтер Д. Дэ.** — профессор факультета психологии Мичиганского университета, США.
- Уинер С. Дэ.** — профессор факультета политологии Университета штата Арканзаса, США.
- Феддман С.** — профессор факультета политических наук Университета Стоуни Брук, США.
- Херманн М. Дэ.** — профессор Школы Максвелла Сиракузского университета, США.
- Шафер М.** — профессор факультета политических наук Университета штата Луизиана, США.
- Шестопал Е. Б.** — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Учебное издание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Хрестоматия

Составитель Е. Б. Шестопал

*Редактор Е. Н. Киселева. Корректор А. А. Баранова
Художник Д. А. Соловьев. Компьютерный верстка С. А. Артемьевой*

*Подписано в печать 22.10.2010. Формат 60х90/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 27,0. Тираж 1000 экз. Заказ №*

ИДОО Издательство «Аспект Пресс»
111141 Москва, Звенистый проезд, д. 8
e-mail: info@aspectpress.ru www.aspectpress.ru
Тел. 396-78-01, 396-03-71

*Отпечатано в ОАО «Московский полиграфический комбинат»
143500, г. Мытишки, ул. Мира, 93.*